

ПУШКИНЪ

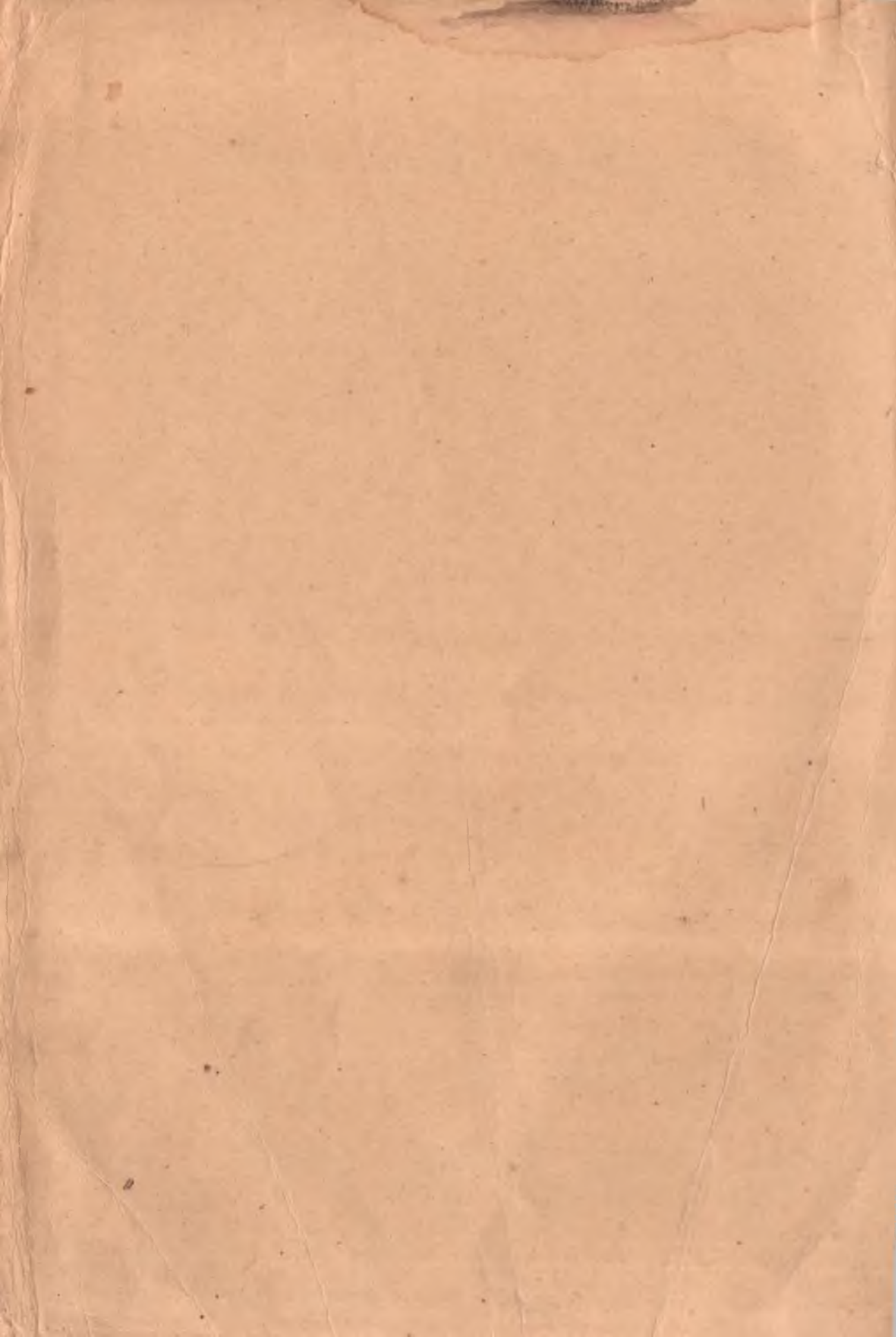
ms

12

12

TR. 2011

ПРОБЕЛ

7-91
5.

БИБЛИОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

Т.
Часть

У.
2.

ИЗДАНИЕ
БРОКГАУЗЪ-БРОНА.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

ВЪ СТОЛБЦАХЪ

ЛІТЕ.

962. ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библіотекѣ Графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812 году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ полу-уставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многие послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ такового рода послѣдніе бывають первыми <ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ>, первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи непрерывно затмѣвали нелсныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Щастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей не знающихъ, но не можетъ укрѣпиться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальноль не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Cowlay; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ, ни Ходаковскій никогда не сомнѣвались въ подлинности Пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлегель, не видѣвъ еще *Слова о Полку Игоревѣ*, рѣзко называлъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, признавалъ подлинно древнее произведеніе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

Другаго доказательства нѣтъ, какъ слова самого стихотворца. Подлинность же самой Пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не портъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ.

Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго Князя?—Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ — неужто таковая смѣсь естественная? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библии, которая лежала передъ нимъ..., но въ Ломоносовскихъ [одахъ?] не найдете ни Польскихъ, ни Сербскихъ, ни Илирійскихъ, ни Болгарскихъ, ни Богемскихъ, ни Малорусскихъ и другихъ нарѣчій Славянскихъ.

§ 1. Слово о Пльку Игоревѣ,
сына Святъславля, внука Ольгова.
Не лѣно ли ны блшеть, братіе,
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстей о пльку
Игоревѣ Игоря Святъславлича
Начатися же тѣй пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.

Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: Не прилично ли будетъ намъ, Не лучше ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно ли, други, братья, братцы — воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича?—Но въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому *ne*. Иногда *ли* значитъ *только*, иногда *бы*, иногда *же*; донинѣ въ Сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ Русскомъ, частица *ли* есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное *не*. Въ пѣсняхъ не имѣетъ она иногда никакого смысла и вставляется для мѣры, такъ же

какъ и частицы: и, что, а, какъ ужъ, ужъ какъ <замѣчаніе Тредьяковскаго>.

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ ли поставлено такъ же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросомъ, а утвердительно. То же надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ, рассмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говорить: «Не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по-старому? Начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени <т. е. по новому>, а не по замышленію Бояню <т. е. не по старому...>. Явное противорѣчіе *). Если же признаемъ, что частица ли смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: Неприлично, братья, начать стариннымъ слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начатся же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ бѣшетъ подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени <съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ> и предполагаетъ Conditionalную частицу «Неприлично было бы». Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. «Боянь бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы».

Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слугали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: растекашется мыслию по древу — тутъ пропущено слово *славемъ*, которое довершаетъ уподобленіе. Ниже сіе выраженіе употреблено **).

*) Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Ему, сочинителю «Разсужденія о старомъ и новомъ слога», было бы непріятно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былинны своего времени старымъ словесамъ.

**) Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: *былое воспѣть*, а не вымыслъ Бояна, коего мысли текли въ вышину, какъ соки по древу. Удивительно! Но что есть общаго между манерною прозою Госпа. Геснера и поэзіей пѣсни объ Игорѣ?

§ 3. «Помняшеть бо речь первыхъ времени усобицѣ, тогда пушашеть і соколовъ на стадо лебедей и т. д.

Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ; все это продолженіе прежней мысли: Поминая преданіе о прежнихъ браняхъ <усобица значитъ ополченіе, брань, а не междуусобіе, какъ перевели нѣкоторые. Между-усобіе есть уже слово составленное>, напускалъ онъ и проч. Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, напущенныхъ, возложенныхъ на струны. А. С. Шишковъ сравниваетъ это мѣсто съ началомъ поэмы. Толкованіе Ал. Сем. любопытно <томъ 7, стр. 43>: *И такъ, надлежитъ паче думать и т. д.*, [что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но тако жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья состязавшіеся въ славѣ—выбѣжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими].

Г. Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для Русскихъ Князей доказывать первенство свое, кровію прибрѣтенное, полетомъ соколовъ. Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напускали соколовъ—а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами. А. С. Шишковъ, въ свою очередь, видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго *крайнюю неосновательность и несчастное самолюбіе* <томъ II, стр. 388>. Къ крайнему сожалѣнію, Г. Пожарскій не возразилъ.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано Слово о Полку Игоревѣ.

«Иже истягнулъ умъ крѣпостію своею». Истягнулъ—вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, испробовалъ <Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею>. «Натянулъ какъ

лукъ, изострилъ какъ мечъ — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

«Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: Братіе и дружино! луде жь бы потяту быти, неже полонену быти.» <Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ Русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ *ли* послѣ *не*—не имѣть силы вопросительной: *Нежели*. Слово *неже* употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*: луде-жъ и т. д.>.

«А всядемъ, братіе, на свои бързые комони, да позримъ синяго Дону.»

Суевѣріе, полагавшее затмѣніе солнечное бѣдственнымъ знаменованіемъ, было ивкогда общимъ.

«Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго.» Слова запутаны. 1-ые издатели перевели: «Пришло Князю на мысль пренебречь <худое> предвѣщаніе и извѣдать <шастія на> Дону великомъ.» (Жалость) печаль ему «заступить» (*lumen impedio*) имѣть нѣсколько значеній—омрачить, помѣшать, удержать. Пришлась Князю мысль и желаніе ему омрачить, удержало. «Спали Князю <въ умъ>, духъ, желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало <запрещало> искусити Дону великаго. <Такъ хочу же, сказалъ> хошу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго, а любо испити шеломомъ Дону.»

«О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣлкъ ушекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облаками, свивая «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени.» <Если не ошибаюсь, пронія пробивается сквозь пышную хвалу>.

«Рица въ тропу Трояню чресъ поля на горы.»

«<Четыре раза упоминается въ сей пѣснѣ о Троянѣ... но кто сей Троянъ—догадаться ни по чему невозможно>, говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова.> Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Чрезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ Римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ *Тролянова вала*. Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть не кто иной, какъ Римскій императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется <стр. 14, изд. Шишкова>: «вступилъ Дѣвою на землю Трояню... на сишемъ морѣ, у Дону». Гдѣ же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна въ Дакии и т. д. [видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ], говоритъ] <Вельтманъ.> Почему же?

«Пѣти было пѣснь Игореву, того Олга внуку и т. д. [Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая], etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: или не такъ ли пѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: <комони ржутъ и т. д.—брата Всеволода>.

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояню, по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю. Оба есвѣ Святославичи: сѣдлай, брате, свои борзьи комони, а мои ти готови.» Готовы значитъ здѣсь извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ Иллирійскомъ славянскомъ нарѣчій. Ниже мы увидимъ, что Половцы бѣгутъ *неготовыми* <неизвѣстными> дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *немоощными*, то что же бы значило: *готовые кони*—осѣдланы у Курска на переди?

А мои ти Куряни свѣдоми. <Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе.>

«Кмети подъ трубами повити. <Г-нъ Вельтманъ [говоритъ, что] «кметъ» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: *Kar gospóda stori krivo, kmeti morjo plázhat shivo.*>

963. [О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ, СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ].

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы Французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и Германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опребленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ сіи признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, проида, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемъ изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горация, «Освобожденный Иерусалимъ» отъ «Энеиды»—всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи Грековъ и Римлянъ. Каждый образованный Европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею—науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ: монахи соскребали съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; риѣма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало зна-

чущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ,—имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (*symmetria*), развѣренность—свойственно уху человѣческому; ухо обрадовалось удареніямъ звуковъ. Трубадуры играли риѣмою, избобѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились триолеть, баллада, рондо, сонеть и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ триолетахъ. Мы находимъ несчастные сіи слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться одними игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія; родились ле, романъ и фабліо.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (*mystères*). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе, но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

ВСТУПЛЕНИЕ.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судьбы Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы Монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу поработенную Русь и возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали Европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостію Татаръ, одно, въ теченіе

двухъ столѣтій, питало искры блѣдной Византійской образованности. Въ безмолвныя келіи иноки вели свои непрерывныя лѣтописи; Архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь поработеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарствъ не одушевляло его дѣвственными восторгами и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отзывались въ краяхъ печальнаго Сѣвера. Нашествіе Татаръ не было, подобно наводненію Мавровъ, плодотворнымъ: Татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсень, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынь нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось Аристократіи. <Два великана—Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго Татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ>. Царская власть ополчилась на Боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, Цари и Бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отсель сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ [Даніей], условія, подписанныя Польскимъ Королевичемъ Аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ—крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпріятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и Европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ поль-ножны вложивъ

побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составяхъ государства. Даже мѣры *революціонныя*, предпріятыя имъ по необходимости въ минуту и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ <замѣчательный неуспѣхъ онъ>.

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но пронизательный. Онъ возвысилъ Феофана, ободрилъ Копѣвича, (побранилъ) Татищева, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженнику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, проницательство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ, водарилась Елизавета. При ней рождается Русская словесность.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, низпровергнулъ все старое, и Европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія—наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны.

Петръ Первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою *новыхъ идей*, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ Государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и нѣсколько въ лѣтописяхъ.

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ Молдавскаго Господаря, юноша, обрусѣвшій въ лучшихъ и въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекаладывалъ стихи Горация и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ портретомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ Холмогорскаго рыбака скитался по Германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и (передавалъ)

звучному Русскому языку [отголоски Нѣмецкой поэзіи]. (Тредьяковскій трудно учился).

Но, приступая къ описанію словесности Русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ Европейской поэзіи: нашествіе Мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольности вправовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Гишпаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полуафриканская Гишпанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу имени Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостію выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи <что довольно странно> отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камюсомъ, rima des triolets, fit fleurir la ballade. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтанъ, циникъ Раблэ были современниками Тассу.

Въ Италіи и Гишпаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Аріостова Orlando, были трагедіи прежде созданій de Vega и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человекъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнаруживалъ свой коранъ, и Французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать, однакожь, чтобъ и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: Сказки Лафонтена и Вольтера и Дѣва сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю ужъ о многочисленныхъ подра-

жаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

*

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью Французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго Греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ Славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсари, Жюделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго, и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію одѣвленный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malhorbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence... etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сія два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

*

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV—причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣдіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной Французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе.

*

Нѣкто у насъ сказалъ, что Французская словесность родилась въ передней etc. Это слово было повторено и во Французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion déplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выражен-

ная: *Маротъ* былъ камердинеромъ Франциска I-го <valet de chambre>, *Moliere*— камеръ-Динеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ <особенно Вольтеръ>, конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: опи, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое Французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію приравниваться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ Французскихъ поэтовъ былъ [?] изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полушутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ Французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя успѣхъ своей *Геволіи*. Публика <о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?>—легкомысленная, невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлю: выманить себѣ (репутацію) или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

*

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человекъ, унижившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и, были призваны ко Двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили <придворную> должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля трагедіями; Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и Флешье проповѣдовали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при Дворѣ смѣлся надъ придворными.

Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу Великаго Короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствование; зато Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ — въ своей епархіи, отдаленный отъ Двора за мистическую ересь. — Отсебѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, Аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ Дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ Господствующей Религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, хододная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслію умственной дѣятельности человека. Онъ написалъ съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театр трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставлялъ онъ свои лица, къ стати и не къ стати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риемою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоценныя человечеству, были принесены къ жертву Демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Около великаго копошился пигмен, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его

Апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма, Гиббона и Вальполя привѣтствуетъ энциклопедію. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа вѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотошъ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодого Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI низходятъ въ арену спорить съ писателями. Старая [Академія?] созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка <какъ называли Французы вѣкъ Людовика XIV> исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія Свящ. Книгъ обругана; поэзія истощается, превращается въ мѣлочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галереєю соблазнительныхъ картинъ...

Европа, оглушенная, очарованная славою Французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты кафедръ провозглашаютъ правила Французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприщѣ философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италия отрывается отъ Данте; Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и

взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездною поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены Европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ искрахъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія Скандинавскаго съ завоеваніемъ Мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою Французскаго трувѣра и лукавою насмѣшливостію скомоороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь — и на ней возвышается единственный памятникъ: *Письмо о Полку Игоревѣ*.

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковского уничтожается его бездарностію. Постоянное бореаніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина. <Вольтеръ>, Фонъ-Визинъ. Державинъ.

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горация, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармонією римы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, degoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій — одинъ, понимающій свое дѣло...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-те Жанлисъ овладѣваютъ Русскою словесностію...

964. ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Англійской Аристокраціи, младшей между Европейскими, произошелъ отъ Нормандца Ральфа де Бюронъ <или Бирона>, одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ Англійскихъ лѣто-

писяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наследовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ

приобрѣтенная, принесла ему мѣлочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго Байрона, предавая имя его на произволь молвъ, <ко всему равнодушной и ничѣмъ не уважающей>.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчитливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Georgiа Gordon, Владѣльца Гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. <587,500 руб.> были разточены въ два года — и Mistress Байронъ осталась при 150 фунт. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 года.

Въ слѣдующемъ году, 22-го Января, Леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгіа Гордона Байрона. <Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, Наслѣдница Гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона>. Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу и Лордъ Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, Леди Байронъ удалась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несомѣстны; вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансенѣ, въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правамъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодого Байрона вступать во владѣніе Нью-Стида, долги ея не превышали 60 фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ Абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году Леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты Шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. 17 лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ свою раннюю любовь. <Memoires 31—33, quelques mots>.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый Лордъ Вильгельмъ Байронъ. Четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленький Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода. Какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку Лорду Карлиу, дальнему его родственнику, и восхищенная Mistress Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Мери Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ Адмирала Байрона, роднаго дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда, г. Hawort'a. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шума, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ смѣтенъ и клеветы. Носились самыя нелѣпыя слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покусился ее утопить въ Ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники (его) были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ Лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый Лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рочдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права <что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю>.

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ *мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ*.

Первые годы, проведенные Лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдности, не отвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувственность, оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — [частію

врожденные, частію] заимствованы. Муръ справедливо замѣчаетъ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны — смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой — необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ Лордомъ Вильгельмомъ, сильно дѣйствовала на воображеніе его наслѣдника — многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ единеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды Мистриссъ Байронъ выбрала его хромымъ мальчишкою. Онъ, будучи собою красавецъ, воображалъ себя уродомъ и дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

ОБЪ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

<Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года>.

Нѣсколько дней послѣ выхода изъ печати «Исторія Пугачевского бунта» явился въ «Сынѣ Отечества» разборъ этой книги. Я почелъ за долгъ прочесть его со вниманіемъ, надѣясь воспользоваться замѣчаніями неизвѣстнаго критика. Въ самомъ дѣлѣ, онъ указалъ мнѣ на одну ошибку и на три важныя опечатки. Статья вообще показалась мнѣ произведеніемъ челоѣка, имѣющаго мало свѣдѣній о предметѣ, мною описанномъ. Я собирался при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности, оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и принести изъясненіе искренней моей благодарности рецензенту, тѣмъ бо-

лѣе, что его разборъ написанъ со всевозможной умѣренностію и благосклонностію.

Недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» сказано было, что сей разборъ составленъ покойнымъ Броневскимъ, авторомъ «Исторіи Донскаго Войска». Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную въ моемъ журналѣ, тѣмъ болѣе, что «Исторія Пугачевского бунта», не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно, не будетъ имѣть и новаго изданія.

Въ началѣ своей статьи, критикъ, изъясняя сожалѣніе о томъ, что «Исторія Пугачевского бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистию Байрона и

проч., признаетъ, что эта книга «есть драгоценный матеріалъ, и что будущему историку, и безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугачевѣ, не трудно будетъ исправить нѣкоторые поэтическіе вымыслы, незначашіе недосмотры, и дать сему мертвому матеріалу жизнь новую и блистательную». За симъ г. Броневскій отмѣчаетъ сіи поэтическіе вымыслы и недосмотры «не въ судъ и осужденію автору, единственно для пользы наукъ, для его и общей пользы». Будемъ слѣдовать за каждымъ шагомъ нашего рецензента.

Критика г. Броневского.

«На сей-то рѣкѣ <Яикѣ>, говоритъ г. Пушкинъ, въ XV столѣтіи явились Донскіе казаки».

Выписанное въ подтвержденіе сего факта изъ Исторіи Уральскихъ Казаковъ г. Левшина <см. Прим. 1.3—8 стр.> должно было убѣдить автора, что Донскіе Казаки пришли на Яикъ въ XVI, а не въ XV столѣтіи, и именно около 1584 года.

Объясненіе.

Есть разница между появленіемъ Казаковъ на Яикѣ и поселеніемъ ихъ на сей рѣкѣ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ упоминается о Казакахъ не прежде какъ въ XVI столѣтіи; но преданіе могло сохранить то, о чемъ умалчивала хроника. Наша лѣтопись въ первый разъ о Татарахъ упоминаетъ въ XIII столѣтіи, но Татары существовали и прежде. Г. Левшинъ неоспоримо доказалъ, что Казаки поселились на Яикѣ не прежде XVI столѣтія. Къ сему же времени должно отнести и существованіе полубаснословной Гугнихи. Г. Левшинъ, опровергая Рычкова, спрашиваетъ какъ могла она <Гугниха> помнитъ происшествія, которыя были почти за сто лѣтъ до ея рожденія? Отвѣчаю: такъ же, какъ и мы помнимъ происшествія временъ Императрицы Анны Іоанновны — по преданію.

Критика г. Броневского.

Вся первая глава, служащая введеніемъ къ «Ист. Пуг. Бун.», какъ краткая выписка изъ сочиненія г. Левшина, не имѣла, какъ думаемъ, никакой нужды въ огромномъ примѣчаніи къ сей главѣ <26 стр. мелкой печати>, которое составляетъ почти всю большую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая рѣдкость, которой за деньги купить не лзя; посему почтенный авторъ могъ и долженъ былъ

ограничить себя однимъ указаніемъ, откуда первая глава имъ заимствована.

Объясненіе.

Полное понятіе о внутреннемъ управленіи Яицкихъ Казаковъ, объ образѣ жизни ихъ и проч. необходимо для совершеннаго объясненія Пугачевского бунта; и потому необходимо и огромное <т. е. пространное> примѣчаніе къ 1-й главѣ моей книги. Я не видалъ никакой нужды пересказывать то, что было уже сказано какъ не лзя лучше г. Левшинымъ, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволилъ мнѣ воспользоваться его трудомъ, но еще доставилъ мнѣ свою книжку, слѣвавшуюся довольно рѣдкою.

Критика г. Броневского.

«Извѣстно, говоритъ авторъ, что въ царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ увлечь за собою множество <Донскихъ Казаковъ въ Турцію>». Стр. 16.

Некрасовцы бѣжали съ Дона на Кубань въ царствованіе Петра Великаго, во время Булавинскаго бунта, въ 1708 году. См. Исторію Д. Войска, Исторію Петра Великаго и другія.

Объясненіе.

Что Булавинъ и Некрасовъ бунтовали въ 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что въ слѣдующемъ сей послѣдній оставилъ Донъ и поселился на Кубани. Но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не могъ онъ съ своими единомышленниками перейти на Турецкіе берега Дуная, гдѣ нынѣ находятся селенія Некрасовцевъ. Въ Исторіи Петра I-го въ послѣдній разъ объ нихъ упоминается въ 1711 году, во время переговоровъ при Прутѣ. Некрасовцы поручены покровительству Крымскаго хана <къ великой досадѣ Петра I-го, требовавшаго возвращенія бѣглецовъ и наказанія ихъ предводителя>. Положившись на показанія рукониснаго Историческаго Словаря, составленнаго учеными и трудолюбивыми издателями «Словаря о святыхъ угодникахъ», я повѣрилъ, что Некрасовцы перешли съ Кубани на Дунай во время походовъ Графа Миниха, въ то время, какъ Запорожцы признали снова владычество Русскихъ Государей*). Но это показаніе несправедливо: Некра-

*) Измѣнникъ Орликъ, сподвижникъ Мазепы, современникъ Некрасова, былъ тогда еще живъ и пріѣзжалъ изъ Бендеръ уговаривать старшихъ своихъ товарищей.

совцы оставили Кубань гораздо позже, именно въ 1775 году. Г. Броневскій (авторъ «Исторіи Донскаго Войска») и самъ не зналъ сихъ подробностей; но тѣмъ не менѣе благодаренъ я ему за дѣльное замѣчаніе, заставившее меня сдѣлать новыя успѣшныя изслѣдованія.

Критика г. Броневскаго.

«Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Силинъ. Послано повелѣніе въ Черкасскъ съечь домъ «Пугачева... Государыня не согласилась попросьбѣ начальства перенести станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное; она согласилась только переименовать Зимовѣйскую станицу Потемкинскою». Стр. 199.

Въ 1772 году войсковою атаманъ Степанъ Ефремовъ, за недоставленіе отчетовъ объ израсходованныхъ суммахъ, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость; вмѣсто его пожалованъ изъ старшинъ въ наказные атаманы Алексѣй Иловайскій. Силинъ не былъ Донскимъ войсковымъ атаманомъ. Изъ Донской Исторіи не видно, чтобы правительство приказало съечь домъ Пугачева; а видно только, что, по прошенію Донскаго начальства, Зимовѣйская станица перенесена на выгоднѣйшее мѣсто и названа Потемкинскою. См. «Исторію Д. Войска» стр. 88 и 124 части I.

Объясненіе.

Въ 1773 и 74 войсковымъ атаманомъ Донскаго войска былъ Семенъ Сулинъ, <а не Силинъ>. Иловайскій былъ избранъ уже на его мѣсто. У меня было въ рукахъ болѣе пятнадцати указовъ на имя войсковаго атамана Семена Сулина. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ нынѣшнемъ 1836 году, напечатано нѣсколько донесеній отъ полковника Платова къ войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистріи въ 1773 году. Правда, что въ «Исторіи Донскаго Войска» (сочиненіи моего рецензента) не упомянуто о Семенѣ Сулинѣ. Это пропускъ важный и, къ сожалѣнію, не единственныи въ его книгѣ.

Г. Броневскій также несправедливо оспариваетъ мое показаніе, что послано было изъ Петербурга повелѣніе съечь домъ и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою «Исторію Донскаго Войска», гдѣ о семъ обстоятельстве опять не упомянуто. Указъ о томъ, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года Января 10

<NB казнь Пугачева совершилась ровно черезъ годъ, 1775 года 10 Января>. Вотъ собственные слова указа:

«Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, имѣть Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта Крѣпости Св. Дмитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ ихъ съечь, и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепель развѣять; потомъ это мѣсто огородить надолбами, или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствою на немъ всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превосшедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостію навѣки, а особливо для Донскаго общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени— хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ Намъ и Отечеству помрачатся и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ.»

Я имѣлъ въ рукахъ донесеніе Сулина о точномъ исполненіи указа <иначе и быть не могло>. Въ семъ-то донесеніи Сулинъ отъ имени жителей Зимовѣйской станицы проситъ о дозволеніи перенести ихъ жилища съ земли, оскверненной пребываніемъ злодѣя, на другое мѣсто, хотя бы и менѣе удобное. Отвѣта я не нашель; но по всѣмъ новѣйшимъ картамъ видно, что Потемкинская Станица стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старинныхъ означена Зимовѣйская. Изъ сего я вывелъ заключеніе, что Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовѣйскую станицу въ Потемкинскую.

Критика г. Броневскаго.

Авторъ не сличилъ показанія жены Пугачева съ его собственнымъ показаніемъ; явно, что свидѣтельство жены не могло быть вѣрно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признаніе Пугачева, что онъ скрывался въ Польшѣ, должно предпочесть показанію станичнаго атамана Трофима Фомина, въ которомъ сказано, что будто бы Пугачевъ, отлучаясь изъ дому въ разное время, кормился милостиною!! п въ 1771 году былъ на Кумѣ.—Но Пугачевъ

въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.

На Дону по преданію извѣстно, что Пугачевъ до Семилѣтней Войны промышлялъ, по обычаю предковъ, на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра; послѣ первой Турецкой войны скрывался между Польскими и Глуховскими раскольниками. Словомъ, въ мирное время иногда приходилъ въ домъ свой на короткое время; а постоянно занимался воровствомъ и разбоемъ въ окрестностяхъ Донской Земли, около Данкова, Таганрога и Острожка.

Объясненіе.

Показанія мои извлечены изъ официальныхъ, неоспоримыхъ документовъ. Рецензентъ мой, укоряя меня въ несообразностяхъ, не показываетъ, въ чемъ оныя состоятъ. Изъ показаній жены Пугачева, станичнаго атамана Омина и наконецъ самого самозванца, въ концѣ <а не въ началѣ> 1772 года приведеннаго въ Малыковскую Канцелярію, видно, что онъ въ 1771 году отпущенъ изъ арміи на Донъ, по причинѣ болѣзни; что въ концѣ того же года, уличенный въ возмутительныхъ рѣчахъ, онъ успѣлъ убѣжать, и тайно возвратясь домой въ началѣ 1772 года, былъ схваченъ, и бѣжалъ опять. Здѣсь прекращаются свѣдѣнія, собранныя правительствомъ на Дону. Самъ Пугачевъ показаль, что весь 1772 годъ скитался онъ за Польской границей и пришелъ оттуда на Яикъ, кормясь милостынею <о чемъ Оминъ не упоминаетъ ни слова>. Г. Броневскій, выписывая сіе послѣднее показаніе, подчеркиваетъ слово милостыня и ставитъ нѣсколько знаковъ удивленія <!!>; но что жъ удивительнаго въ томъ, что иный бродяга питается милостынею? Г. Броневскій, не взявъ на себя труда считать мои показанія съ документами, приложенными къ «Исторіи Пугачевского бунта», кажется, не читаль и манифеста о преступленіяхъ Казака Пугачева, въ которомъ именно сказано, что онъ кормился отъ подаенія <См. манифестъ отъ 19-го Декабря 1774 года, въ «Приложеніи къ Исторіи Пугачевского бунта»>.

Г. Броневскій, опровергая свѣдѣтельство жены Пугачева, показанія станичнаго атамана Омина и официально обнародованное извѣстіе, пишетъ, что Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ до-

стать не могъ.—Пугачевъ въ началѣ 1772 года былъ на Кубани и на Дону; онъ явился на Яикъ въ концѣ того же года не съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, но съ Русскимъ, даннымъ ему отъ начальства, имъ обманутаго, съ Добрянскаго Форпоста. Преданіе, слышанное г. Броневскимъ, будто бы Пугачевъ, по обычаю предковъ (!), промышлялъ разбоями на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра, ни на чемъ не основано и опровергнуто официальными, достовѣрнѣйшими документами. Пугачевъ былъ подозрѣваемъ въ воровствѣ <см. показаніе Омина>; но до самаго возмущенія Яицкаго Войска ни въ какихъ разбояхъ не бываль.

Г. Броневскій, оспаривая достовѣрность неоспоримыхъ документовъ, имѣлъ, кажется, въ виду оправдать собственныя свои показанія, помѣщенныя имъ въ «Исторіи Донскаго Войска». Тамъ сказано, что природа одарила Пугачева чрезвычайной живостію, и съ неустрашимымъ мужествомъ дала ему и силу тѣлесную и твердость душевную; но что, къ пещастію, ему недоставало самой лучшей и пужнѣйшей красоты—добродѣтели; что отецъ его былъ убитъ въ 1738 году; что двѣнадцатилѣтній Пугачевъ, гордясь своимъ одиночествомъ, своею свободою, съ дерзостію и самонадѣяніемъ вызываль дѣтей равныхъ съ нимъ лѣтъ на бой, нападалъ храбро, билъ ихъ всегда; что въ одной изъ такихъ забавъ убилъ онъ предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году онъ уже не терпѣлъ никакой власти; что на двадцатомъ году ему стало тѣсно и душно на родной землѣ; что честолюбіе мучило его; что вслѣдствіе того онъ сѣлъ однажды на коня и пустился искать приключеній въ чистое поле; что онъ поѣхаль на востокъ, достигнулъ Волги и увидѣлъ большую дорогу; что встрѣтивъ четырехъ удалцевъ, началъ онъ съ ними грабить и разбойничать; что, вѣроятно, онъ занимается разбоями голько во время мира, а во время войны служилъ въ казачьихъ полкахъ; что Генераль Тотлебенъ, во время Прусской войны, увидѣвъ однажды Пугачева, сказалъ окружающимъ его чиновникамъ: «чѣмъ болѣе смотрю на сего Казака, тѣмъ болѣе поражаюсь сходствомъ его съ Великимъ Княземъ» и проч. и проч. <См.

«Исторію Донскаго Войска» ч. II гл. XI». Все это ни на чемъ не основано и заимствовано г. Броневскимъ изъ пустаго Нѣмецкаго романа «Ложный Петръ III», не заслуживающаго никакого вниманія. Г. Броневскій, укоряющій меня въ какихъ-то поэтическихъ вымыслахъ, самъ поступилъ неосмотрительно, повторивъ въ своей «Исторіи» вымыслы столь нелѣпные.

Критика г. Броневскаго.

«Шигаевъ, думая заслужить себѣ прощенье, задержалъ Пугачева и Хлопушу, и послалъ къ Оренбургскому Губернатору сотника Лонгинова съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца.» Но въ поставленномъ тутъ же подъ № 12 примѣчаніи авторъ говорить, что сіе показаніе Рычкова невѣроятно: ибо Пугачевъ и Шигаевъ, послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга, продолжали дѣйствовать заодно.

Если показаніе Рычкова невѣроятно, то въ текстъ и не должно было его ставить; если же Шигаевъ только въ крайнемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ думалъ предать Пугачева, то это обстоятельство не мѣшало продолжать дѣйствовать заодно съ Пугачевымъ: ибо бѣда еще не наступила. Историкъ, конечно, показалось труднымъ слышать противорѣчащія показанія и выводить изъ нихъ слѣдствія; но это его обязанность, а не читателей.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста и примѣчаніе на оный:

«Послѣ сраженія подъ Татищевой, Пугачевъ съ 60 Казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую Слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саяхъ. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дѣти пили пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоящія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощенье, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами.

«Примѣчаніе. Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ

и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.»

Шигаевъ человекъ лукавый и смышленный, могъ подъ какимъ ни есть предлогомъ задержать нехитраго самозванца; но не думаю, чтобъ онъ его связалъ: Пугачевъ этого ему бы не простилъ.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Тибинскъ, куда послѣ Чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены Казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу.» Въ примѣчаніи же 51-мъ (стр. 16), принадлежащемъ къ сей V главѣ, сказано совсѣмъ другое, именно: «По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ Мѣдно-плавильномъ заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 руб. прикащиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.»

Мѣсто дѣйствія находилась въ окрестностяхъ Уфы а потому прикащикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ, находящійся отъ Уфы въ 1145 верстахъ.

Объясненіе.

Если бы г. Броневскій потрудился взглянуть на текстъ, то онъ тотчасъ исправилъ бы опечатку, находящуюся въ примѣчаніи. Въ текстѣ сказано, что Ульяновъ и Чика были выданы Михельсону въ Табинскѣ (а не въ Тобольскѣ, который слишкомъ далеко отстоитъ отъ Уфы, и не въ Тибинскѣ, который не существуетъ).

Критика г. Броневскаго.

«Солдатамъ начали выдавать въ сутки по четыре фунта муки, т. е. десятую часть мѣры обыкновенной.» Стр. 100.

Солдатъ получаетъ въ сутки два фунта муки, или по три фунта печенаго хлѣба. По означенной выше мѣрѣ выйдетъ, что солдаты во время осады получали двойную порцію, или что весь гарнизонъ состоялъ изъ 20 только человекъ. Тутъ что нибудь да не такъ.

Объясненіе.

Очевидная опечатка: вмѣсто четыре фунта, должно читать четверть фунта, что составитъ около десятой части

мѣры обыкновенной, т. е. двухъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смотри статью «Обь осадѣ Яицкой Крѣпости», откуда заимствовано сіе показаніе. Вотъ собственные слова неизвѣстнаго повѣствователя: «Солдатамъ стали выдавать въ сутки только по четверти фунта муки, что составляетъ десятую часть обыкновенной порціи.»

Критика г. Броневскаго.

Въ примѣчаніи 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой Крѣпости составлена по статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» и по журналу Полковника Симонова. Какъ авторъ принялъ уже за правило помѣщать вполнѣ всѣ акты, изъ которыхъ онъ что-либо заимствовалъ, то журналъ Симонова, нигдѣ до сего ненапечатанный, заслуживалъ быть помѣщеннымъ въ примѣчаніяхъ такъ же вполнѣ, какъ Рычкова—обь осадѣ Оренбурга и Архимандрита Платона—о сожженіи Казани.

Объясненіе.

Я не могъ помѣстить всѣ акты, изъ коихъ заимствовалъ свои свѣдѣнія. Это составило бы болѣе десяти томовъ: я долженъ былъ ограничиться любопытнѣйшими.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 29. «Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Юля вечеромъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ нея.—Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ 45 верстахъ отъ Казани, услышала пушечную пальбу!...» Маленькій недосмотръ!

Объясненіе.

Важный недосмотръ: вмѣсто въ пятнадцати верстахъ, должно читать въ пятидесяти.

Критика г. Броневскаго.

«Пугачевъ отдыхалъ сутки въ Сарептѣ, оттуда пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25 Августа на разсвѣтѣ, онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына. Здѣсь Пугачевъ, разбитый въ послѣдній разъ, бѣжалъ, и въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска.» Стр. 155—156.

Изъ сего описанія видно, что Пугачевъ переплылъ Волгу въ 175 верстахъ ниже Царицына; а какъ между симъ городомъ и и Черноярскомъ считается только 155 верстъ,

то изъ сего выходитъ, что онъ переправился черезъ Волгу ниже Чернояра въ 20 верстахъ.—По другимъ извѣстіямъ, Пугачеву нанесенъ послѣдній ударъ подь самымъ Царицынымъ, откуда онъ бѣжалъ по дорогѣ къ Чернояру, и въ сорока верстахъ отъ Царицына переправился черезъ Волгу, то есть верстахъ въ десяти ниже Сарепты.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста:

«Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собою своего грознаго гонителя, но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочъ противу Донскихъ и Чугуевскихъ Казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разбѣялись. Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону не болѣе какъ съ тридцатью Казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули.»

Рецензентъ пропустилъ безъ вниманія главное обстоятельство, поясняющее дѣйствіе Михельсона, который ночью обошелъ Пугачева и, слѣдственно, разбивъ его, погналъ не внизъ, а вверхъ по Волгѣ, къ Царицыну. Такимъ образомъ мнимая нелѣпность моего разсказа исчезаетъ. Не понимаю, какимъ образомъ военный человѣкъ и военный писатель <ибо г. Броневскій писалъ военныя книги> могъ сдѣлать столь опрометчивую критику на мѣсто столь ясное само по себѣ!

Критика г. Броневскаго.

Къ VI главѣ 6 примѣчанія не достаеъ. См. 123 и 55 стр.

На картѣ не означено многихъ мѣстъ, и даже городовъ и крѣпостей. Это чрезвычайно затрудняетъ читателя.

Объясненіе.

Цыфрѣ, означающей ссылку на замѣчаніе, есть опечатка.

Карта далеко не полна; но она была необходима, и я не имѣлъ возможности составить другую, болѣе совершенную.

Г. Броневскій заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Сіи немногіе недостатки ни мало не уменьшаютъ внутренняго достоинства книги, и если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книга, по содержанию своему, всегда останется достойною вниманія публики.»

Если бы всѣ замѣчанія моего критика были справедливы, то врядъ ли книга моя была бы достойна вниманія публики, которая въ правѣ требовать отъ историка если не таланта, то добросовѣстности въ трудахъ и осмотрительности въ показаніяхъ. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надѣюсь, читатели согласятся, что Тобольскъ вмѣсто Табинскъ, въ пятнадцати верстахъ вмѣсто въ пятидесяти верстахъ, и наконецъ четыре фунта вмѣсто четверти фунта болѣе походятъ на опечатки, нежели слѣдующія errata, которыя гдѣ-то мы видѣли: Митрополитъ—читай: простой священникъ, духовникъ царскій; зала въ тридцать сажень вышины—читай: зала въ пятнадцать аршинъ вышины; Петръ I изъ Вѣны отправился въ Венецію—читай: Петръ I изъ Вѣны посѣбно возвратился въ Москву.

Рецензенту, наскоро набрасывающему бѣглыя замѣчанія на книгу, бѣгло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составленіе ста шестидесяти осьми страничекъ, такое пренебреженіе и легкомысліе были бы непростительны. Я долженъ былъ поступать тѣмъ съ болшею осмотрительностію, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій <предметъ для меня совершенно новымъ> не имѣлъ я тутъ никакого руководства, кромѣ донесеній частныхъ начальниковъ, показаній Казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и тому подобнаго — показаній, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ, иногда совершенно ложныхъ. Я прочелъ со вниманіемъ все, что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in-folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и проч. Я посѣтилъ мѣста, гдѣ произошли главныя событія эпохи

мною описанной, повѣряя мертвые документы словами еще живыхъ, но уже престарѣлыхъ очевидцевъ, и вновь повѣряя ихъ дряхлѣющую память историческою критикою.

Сказано было, что «Исторія Пугачевского бунта» не открыла ничего новаго, неизвѣстнаго. Но вся эта эпоха была худо извѣстна. Военная часть оной никѣмъ не была обработана; многое даже могло быть обнаружено только съ Высочайшаго соизволенія. Взглянувъ на «Приложенія къ Исторіи Пугачевского бунта», составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнаруженныхъ. Стоитъ упомянуть о собственноручныхъ указахъ Екатерины II, о нѣсколькихъ ея письмахъ, о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинною ученостію и добросовѣстностію—достоинствами столь рѣдкими въ наше время, о множествѣ писемъ знаменитыхъ особъ, окружавшихъ Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и другихъ... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго приема, конечно, не за самую «Исторію Пугачевского бунта», но за историческія сокровища, къ ней приложенныя. Сказано было, что историческая достовѣрность моего труда поколебалась отъ разбора г. Броневского. Вотъ доказательство, какое вліяніе имѣетъ у насъ критика, какъ бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь къ г. Броневскому, уже не какъ къ рецензенту, но какъ къ историку.

Въ своей «Исторіи Донскаго Войска» онъ помѣстилъ краткое извѣстіе о Пугачевскомъ бунтѣ. Источниками служили ему: вышеупомянутый романъ «Ложный Петръ III», «Жизнь А. И. Бибикова», и, наконецъ, преданія, слышанныя имъ на Дону. О романѣ мы уже сказали наше мнѣніе. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ — и авторитетъ. Что касается до преданій, то если оныя съ одной стороны драгоценны и незамѣнимы, то съ другой я по опыту знаю, сколь много требуютъ они строгой повѣрки и осмотрительности. Г. Броневскій не умѣлъ ими пользоваться. Преданія, собранныя имъ, не даютъ его разсказу печати живой современности, а показанія, на

нихъ основанныя, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажемъ и мы на нѣкоторые мысли <къ сожалѣнiю, не поэтическiе>, на нѣкоторые недосмотры и явныя несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдотъ о Тотлебенѣ, будто бы замѣтившемъ сходство между Петромъ III и Пугачевымъ, г. Броневскiй пишетъ: «Если анекдотъ сей справедливъ, то можно согласиться, что слова сiя, просто сказанныя, хотя въ то время не сдѣлали на умъ Пугачева большаго впечатлѣнiя, но въ послѣдствiи могли подать ему мысль называться Императоромъ». А черезъ нѣсколько страницъ г. Броневскiй пишетъ: «Пугачевъ принялъ предложенiе Яицкаго Казака Ивана Чики, болѣе его дерзновеннаго, называться Петромъ III». — Противорѣчiе!

Анекдотъ о Тотлебенѣ есть вздорная выдумка. Историкъ не слѣдовало о немъ и упоминать и того менѣе — выводить изъ него какое бы то ни было заключенiе. Государь Петръ III былъ дороденъ, бѣлокуръ, имѣлъ голубые глаза; самозванецъ былъ смугль, сухощавъ, малоросль; словомъ, ни въ одной чертѣ не сходствовалъ съ Государемъ.

Страница 98. «12 Января 1773, раскольники <въ Яицкомъ Городкѣ> взбунтовались и убили какъ Генерала <Траубенберга> такъ и своего Атамана.

Не въ 1773, но въ 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугачевского Бунта и пр.

Стр. 102. «Полковникъ Чернышевъ прибылъ на освобожденiе Оренбурга, и 29 Апрѣля 1774 года сражался съ мятежниками; Губернаторъ не подалъ ему никакой помощи» и проч.

Не 29 Апрѣля 1774, а 13 Ноября 1773; въ Апрѣль 1774 года разбитый Пугачевъ скитался въ Уральскихъ Горахъ, собирая новую шайку.

Г. Броневскiй, описавъ прибытiе Бибилова въ Казань, пишетъ, что въ то время <въ Январѣ 1774> самозванецъ въ Самарѣ и Пензѣ былъ принятъ народомъ съ хлѣбомъ и солью.

Самозванецъ въ Январѣ 1774 года находился подъ Оренбургомъ, и разбѣжалъ по окрестностямъ онаго. Въ Самарѣ онъ никогда не бывалъ, а Пензу взялъ уже послѣ сожженiя Казани, во время своего страшнаго бѣгства, за нѣсколько дней до своей собственной гибели.

Описывая первыя дѣйствiя Генерала Бибилова и медленное движенiе войскъ, идущихъ на пораженiе самозванца къ Оренбургу, г. Броневскiй пишетъ: «Пугачевъ, умѣя грабить и рѣзать, не умѣлъ воспользоваться симъ выгоднымъ для него положенiемъ. Повѣривъ распущеннымъ нарочно слухамъ, что будто отъ Астрахани идетъ для нападенiя на него нѣсколько гусарскихъ полковъ съ Донскими Казаками, онъ долго простоялъ на мѣстѣ, потомъ обратился къ низовью Волги, и чрезъ то упустилъ время, чтобы стать на угрожаемомъ нападенiемъ мѣстѣ».

Показанiе ложное. Пугачевъ все стоялъ подъ Оренбургомъ и не думалъ обращаться къ низовью Волги.

Г. Броневскiй пишетъ: «Новый главноначальствующiй, Графъ Панинъ, не нашелъ на мѣстѣ <на какомъ мѣстѣ>? всѣхъ нужныхъ средствъ, чтобы утишить пожаръ мгновенно, и не допустить распространенiя онаго за Волгою».

Графъ П. П. Панинъ назначенъ главноначальствующимъ, когда уже Пугачевъ переправился черезъ Волгу и когда пожаръ уже распространился отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Графъ прибылъ изъ Москвы въ Керенскъ, когда уже Пугачевъ разбитъ былъ окончательно Полковникомъ Михельсономъ.

Умалчиваю о нѣсколькихъ незначущихъ ошибкахъ, но не могу не замѣтить важныхъ пропусковъ. Г. Броневскiй не говоритъ ничего о Генералѣ-Майорѣ Карѣ, игравшемъ столь замѣчательную и рѣшительную роль въ ту несчастную эпоху. Не сказываетъ, кто былъ назначенъ главноначальствующимъ по смерти А. И. Бибилова. Дѣйствiя Михельсона въ Уральскихъ Горахъ, его быстрое неутомимое преслѣдованiе мятежниковъ оставлены безъ вниманiя. Ни слова не сказано о Державинѣ, ни слова о Всеволожскомъ. Осада Яицкаго Городка описана въ трехъ слѣдующихъ строкахъ: «Онъ <Мансуровъ> освободилъ Яицкiй Городокъ отъ осады и избавилъ жителей отъ голодной смерти: ибо они уже употребляли въ пищу землю.»

Политическiя и правоучительныя размышленiя *), коими г. Броневскiй украсилъ

*) Напримѣръ: «Правственный мiръ, такъ же какъ и физическiй, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, держащаго разсматривать оныя. Если вбрызнуть философамъ, что человекъ состоитъ изъ двухъ стихiй, добра и зла: то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленiямъ, къ извергамъ, виѣ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра,

свое повѣствованіе, слабы и пошлы, и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій.

Я не имѣлъ случая изучать исторію Дона, и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневскаго; прочитавъ ее, я не нашелъ ничего новаго, мнѣ неизвѣстнаго; замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, а въ описаніи эпохи, мнѣ знакомой,—непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневскій не имѣлъ ни средствъ, ни времени совершить истинно историческій памятникъ. «Тяжкая болѣзнь»—говоритъ онъ въ началѣ «Исторіи Донскаго Войска»—«принудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ леченія Пятигорскими минеральными водами, хотя не оказалъ большаго дѣйствія, но, по совѣту медиковъ, я рѣшился взять другой курсъ. Взхвать въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ—слишкомъ холодно и скучно; и такъ

15 Сентября 1831 года отправился я въ Новочеркасскъ, гдѣ родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ. Осми-мѣсячное мое пребываніе въ городѣ Донскаго войска доставило мнѣ случай познакомиться со многими почтенными особами Донскаго края» и проч. «Въ послѣдствіи, увѣрившись, что въ словесности нашей недостаетъ исторіи Донскаго войска, имѣя досугъ и добрую волю, я рѣшился поподнить этотъ недостатокъ» и проч.

Читатели г. Броневскаго могли, конечно, удивиться, увидя вмѣстѣ статистическихъ и хронологическихъ изслѣдованій о Казакахъ, подробный отчетъ о леченіи автора; но кто не знаетъ, что для больнаго человека здоровье его не въ прииѣврѣ занимательнѣе и любопытнѣе всевозможныхъ историческихъ изысканій и предположеній! Изъ добродушныхъ показаній г. Броневскаго видно, что онъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ искалъ только невиннаго развлеченія. Это лучшее оправданіе недостаткамъ его книги.

966. ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ О ПОХОДѢ 1711 ГОДА.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Пушкина.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ гениально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію, и принятъ былъ въ службу Полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастному походу въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отстав-

того благаго начала, той духовной части, которая разумное твореніе отъ безмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человекъ, и какою адскою злобою можетъ быть исполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего.»

ленъ отъ службы съ чиномъ Бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской Республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщино хорошей дворянской фамилии, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что Французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ Государыни Великой Княгини, супруги несчастнаго Царевича, но не ужилась съ молодымъ Графомъ Левенвольдомъ, и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. M. D. B., C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disant-vrai 3 volumes. Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онъ не имѣютъ ни прелести Гамельтона, ни оригинальности Казановы; смогъ ихъ столь же тяжело, какъ и не-правильно. Впрочемъ, Моро писалъ свои сочиненія съ небрежною увѣренностію

дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философiей челоуѣка, знающаго цѣну славы и деньгамъ. «Qui que vous soyez, ami lecteur», говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez vous égarer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coûtera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mêlent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana».

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотворенiями, иногда чрезвычайнo вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ, онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la queue
Du Czar votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

*

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

*

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Également comme mes vœux.

*

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en
espérance.
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien.
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставнаго Бригадира находились не въ цвѣтущемъ состоянiи. Впрочемъ, Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 г., лучшее мѣсто изъ всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказанiяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иностранцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженiя при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour secourir ces braves Hongrois *), на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанiя, и вольныя сужденiя нашего автора, будучи увѣрены, что такыя нападенiя не могутъ повредить ни славы Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки Бригадира Моро», какъ важный историческiй документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованiями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

*) Тринадцать Венгерцевъ, кинувшихся въ среду Турецкой конницы.

[ЗАПИСКИ МОРО-ДЕ-БРАЗЕ].

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, коимъ былъ я свидѣтель въ этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, Императору Великой и Малой Россіи. Но, дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ *) обратиться къ тому времени, какъ Шведскій король Карлъ XII, восторжествовавъ надъ Фридрихомъ-Августомъ <королемъ Польскимъ и курфирстомъ Саксонскимъ> и надъ Его Царскимъ Величествомъ **) бросился въ Саксонію, возвелъ на Польскій Престолъ Станислава, и принудилъ Августа отказаться отъ короны съ сохраненіемъ единого королевскаго титула. Въ это время Шведскій король могъ заключить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему Царемъ. Положение его было самое счастливое: у него было до 40.000 прекраснаго войска, обыхшаго къ боямъ, и дѣляя десять лѣтъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣсненій обывателямъ. Главная дѣля Шведскаго короля была имъ достигнута. Фридрикъ-Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ неприятелей миромъ, котораго они домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Ризвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воющую за Испанское наслѣдство, если бы только объявилъ себя противникомъ сторонѣ несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де Бонакомъ, Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его Дворѣ; но герцогъ Марбургу отворотилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера Англійскимъ и Голландскимъ золотомъ ***). Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятые для утвержденія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей Его Царскаго Величества - роковое предпріятіе, дорого ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всѣми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ,

*) Моро де-Бразе относитъ въ своихъ запискахъ къ неизвѣстной датѣ.—Прим. А. С. Пушкина.

**) Должно было прибавить: и надъ Датскимъ королемъ Фридрихомъ IV, который началъ Сѣверную войну и первый почувствовалъ когти Шведскаго льва. Прим. А. С. П.

***) Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ не согласенъ: Il est certain que Charles était inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiewitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtems. Histoire de Charles XII. — Прим. А. С. П.

для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, 20,000 войска (въ томъ числѣ 9,000 новопробыншаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау, а самъ пошелъ къ Дибпру, переправился черезъ него, не смотря на всѣ препятствія, и приблизился къ самой Полтавѣ, гдѣ Его Царское Величество остановился и укрѣпился, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отнять у неприятеля способы къ пропитанію.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля, дотоѣ непобѣдимаго. Войска его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, бросился съ тремя стами конныхъ въ Турецкую землю, за Дибстръ, въ сосѣдство Буджикскихъ Татаръ, и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило всѣмъ дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, поспѣшно удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, страшась попасться въ руки приверженцамъ Августовымъ.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавить свои наслѣдственныя области отъ напастей Шведскихъ войскъ, разорявшихъ Саксонію, и что министры, имъ употребленные для переговоровъ, нестали обязали его и преступили его предписанія. Потому явился онъ въ Польшѣ и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Синявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны король Датскій, видя, что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Сканію *) и дажѣ вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію сосѣдственную область, предметъ всегдашней его зависти. Но Шведы, большею частью кое-какъ и кое гдѣ набранные люди разбили ихъ на-голову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онѣ служить неприятелю и бросивъ казну, обозъ и артиллерію.

Его Царское Величество, пользуясь разбитіемъ неприятеля, двинулъ послѣдніе полки свои въ Лифляндію. Между тѣмъ короли Датскій и Польскій должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить Царю завоеваніе провинціи, которой онъ давно добивался и отъ которой онъ уже успѣлъ отду-

*) Шоны. [Примѣчаніе ред. «Современ.» 1837 г.].

пить *) Нарву, дабы защищать Петербургъ — новый, укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ Н е р вѣ (Nerwa) въ началѣ войны.

Сего не довольно: новое бѣдствіе поразило Швецію, гдѣ въ отсутствіе короля учрежденъ былъ совѣтъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ годовъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Скани, въ Померани и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе-то время Его Царское Величество вознамѣрился овладѣть Лифляндіей и началъ свои завоеванія осадю Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, которыя, безъ сего Божьего наказанія, не принесли бы Царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ Его Царскому Величеству, твердо рѣшившись скорбе умереть съ голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользѣ.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю Меншикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани въ Балтійскомъ Морѣ.

Князь Меншиковъ завоевалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума предавала ихъ въ его руки и убивала его лаврами, межъ тѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Литву и Пруссію.

Послѣ Ревели и Пернау князь Меншиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генералъ-лейтенанта Брекольса (Brecols) ***) съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдать по всемъ отчетъ Его Царскому Величеству ***). Онъ принятъ былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи <Онъ уже былъ герцогомъ Ингерманландскимъ>.

Порта испугалась быстроты сихъ завоеваній. Султана и его сановники предвидѣли, что съобщеніе ихъ, если усилится, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова ****) лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что Царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улучшенія и содержалъ въ немъ морское войско, притѣснилъ тѣмъ Турецкую торговлю на Черномъ морѣ, если ужъ не вовсе ее уничтожая. Сверхъ того, для защиты Азова и окрестностей онаго, П е т р ь выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи прошекъ Шведскаго короля, понудило Порту объявить войну Его Царскому Величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меншикова и по распредѣленіи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной кампаніи. Онъ сталъ не-на-шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навизывался.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ взялъ Выборгъ, но не безъ потери и не безъ труда. Царь

*) *Dout il avait déjà écorané Narva.—Прим. А. С. II.*

**) Беркгольцъ, генералъ-майоръ.—Прим. А. С. II.

***) Все это ипсано наобумъ. Выборгъ взять былъ не Беркгольцемъ, но сдался генералъ-адмиралу графу Апраксину, въ присутствіи самого Царя, 11 Іюля 1710 года. Порнау взять 14 Августа того же года не княземъ Меншиковымъ, а генераломъ Боуримъ, отраженнымъ изъ-подъ осажденной Риги. Ревель взять имъ же, Боуримъ, 29 Сентября и проч.—Прим А. С. II.

****) *Asof, sur la Mer-Noire, иишетъ Моро.—Прим. А. С. II.*

однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ <кромѣ конницы> распредѣлить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Россію <dans la Haute-Pologne et dans la Russie Polonoise>, гдѣ легче было ее про довольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою *).

Около Цоября мѣсяца курьеръ отъ князя Меншикова привезъ уполномоченному генералъ-комиссару Лифляндскому, барону Левенвольду, приказаніе собрать Рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяцъ прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями, князь прислалъ Левенвольду и условія, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніе войны, неминусимой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провозажили вмѣстѣ часы веселія на досугѣ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроенныя по берегамъ Чернаго Моря, разорить.

II. Расторгнуть совершенно союзъ, заключенный съ Фридерикомъ-Августомъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и принять Станислава королема Польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоеванное Русскими Шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основанія.

IV. Заключить наступательный союзъ съ королями Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридерика-Августа, курфирста Саксонскаго, если курфиртъ возобновитъ притязанія свои на Польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратитъ прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить н а т у р о й и д и и н а ч е все, что король Шведскій потерялъ черезъ Полтавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному Морю не приближаться.

Если бѣ Его Царское Величество находился въ положеніи Шведскаго короля, то и тутъ Порта не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. За то ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Портѣ, что Его Величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между тѣмъ, какъ Царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія хѣрѣ, нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду готовили войско къ выступленію въ походъ, по первому приказанію. Посреди сихъ приуготовленій и въ самое то время, какъ государь болѣе всего казался озабоченнымъ, Курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ государя. Бракъ сей, праздновалъ князь Меншиковъ и праздновалъ по царски. Но молодой герцогъ такъ былъ невольдержанъ на ширяхъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много шилъ Венгерскаго <къ чему Русскіе привыкли>, что черезъ шесть дней послѣ свадьбы

*) *Огсадѣ разказъ Моро становится достовѣрнымъ.—Прим. А. С. II.*

онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ черезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы.—Герцогъ былъ любезный молодой человекъ и много общался.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу Курляндскаго Герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меншиковъ изъ Ревеля и Чернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу препорученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его Царское Величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Днѣстру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распредѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними приготвленіями, отправилъ казну и самъ наконецъ побѣжалъ въ Польшу, поручивъ князю Меншикову надзоръ надъ неприятелемъ въ Лифляндіи.

24 Февраля 1711 года дивизія князя Рѣпинна, стоявшая около Ревеля и Чернова, выступила въ походъ къ Подолію, назначенной сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Аллартъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ Его Царскаго Величества, выступилъ изъ Литвы съ своею дивизіей; то же слѣдали генералы Вейде и баронъ д'Энгобертъ.

Имѣвъ честь быть принятъ полковникомъ Казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска Его Царскаго Величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгунъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для поставленія всего пужаго миѣ и людямъ моимъ во время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считается 266 Нѣмецкихъ миль, или 532 Французскихъ лѣ. Я повиновался данному миѣ приказанію и отправился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ въ Митаву, Вильну, Новогрудскъ, Слуцкъ, Давидогредскъ <отъ коего въ шести Французскихъ лѣхъ переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, не имѣющую береговъ, и разлившуюся направо и налѣво, на разстояніи нѣсколькихъ лѣхъ>, потомъ на Полось, Острогъ, Мазибушъ, Леополь, Замосць, Гарнополь, Сатонць и Шарградъ <Разградъ?>, гдѣ постигъ я армію. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда обширенъ и имѣлъ знатную торговлю. Но во время войнъ Польши съ Портою, Турки его опустошили; теперь одиѣ развалины свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашелъ въ Бродяхъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной, генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Мдигеву съ нею и пѣхотными полками Ингер-

мапландскимъ и Астраханскимъ, сопровождавшими его отъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ черезъ Днѣстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ и занявъ Молдавію. Господарь отложился отъ Порты, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шести тысячъ плохой Молдавской конницы; ихъ всадники большею частью вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные воры.

Дивизія генерала Алларта достигла Днѣстра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинтеръ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Аллартъ переправился черезъ Днѣстръ на понтонахъ, и поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Соркѣ, чему никто и не думалъ восппротивиться.

Сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 Турокъ и 40,000 Татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были послѣ шестимѣсячныхъ тщетныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генералъ Аллартъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько боченковъ пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генералъ Аллартъ, сверхъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ и начертать вѣрную карту театру войны.

Покамѣстъ, по его приказанію, войско занималось работами, генералъ-лейтенантъ Брюсъ переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ каонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ расположилъ свой паркъ влѣво отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30 Мая дивизія генерала Адама Вейде заняла Днѣстровскія высоты въ получасѣ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ тотъ же день генералъ баронъ Денсбергъ. На другой день, 31 Мая, генералъ князь Рѣпинъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его Царское Величество изъ Москвы отправился въ Польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королемъ Польскіе сенаторы, съ тѣмъ, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться съ Россією противу невѣрныхъ. По сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ, держась условій Карловицкаго мира, никакимъ образомъ не мѣшаться въ эту новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, государь отправился въ армію въ сопровожденіи генерала Рене, оставшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы Его Величества.

12 іюня *) <ст. стлѣ> государь прибылъ

*) У Моро поставлено здѣсь 2 іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «во 12 день <іюня> прибыли <Ихъ Величества> съ гвардіей къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случилось съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Алларта»; отсѣлъ и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ.—Прим. А. С. П.

на берегъ Днѣстра съ Императрицею, съ своими министрами, съ казною, Преображенцами и Семёновцами (les Greobrasenski et Simonovski), своєю гвардіею; полки сіи, хотя пѣхотные, но въ походѣ садятся на конь и идутъ съ литаврами, штандартами и трубами (тожь и Нингерманландскій и Астраханскій). Въ лагерь или въ городѣ имъ возвращаютъ барабаны.

13 іюня, по утру, Его Величество дѣлазъ смотрѣть пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мость, уже оконченный попеченіями генерала Алларта, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Потомъ осмотрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ лагерь.

14-го былъ у Его Величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семъ-то совѣтѣ предприняты были государемъ, по внушенію его министровъ и Русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было избѣгать, если бѣ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстныя обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы Его Величество согласился съ мнѣніемъ своихъ Нѣмецкихъ генераловъ, *) которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней, и могло, если опыкъ не находилось въ Молдавіи, быть уничтожено не неприятелемъ, а голодомъ. Это затруднительное положеніе извѣстно было всѣмъ; генералы, министры, самъ государь это знали, комиссары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украину для забранія бабановъ и муки.

Совѣтъ, собранный Его Величествомъ на берегу Днѣпра, [Днѣстра?] и который рѣшилъ всю судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава <Рагузинскій>—всѣ трое тайные совѣтники <тоже, что во Франціи министры>, генералъ Рене, князь Рѣпиннъ, Адамъ Вейде, князь Долгорукой и Брюсъ <все генералы или лейтенантъ-генералы>. Они составляли партію Русскихъ. Партію Нѣмцевъ составляли генералы: баронъ Аллартъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остепъ и Беркгольдъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣми.

Стали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать. Войско было собрано, а о Туркахъ было не слышать, какъ будто въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ Буджакскихъ Татаръ нѣсколько времени предъ-сімъ учинили набѣгъ на Русскую Украину и на землю казаковъ (en Cozaquie), гдѣ они пожгли и ограбили селенія, отогнали скотъ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Ясса, въ самой Молдавіи, былъ точно въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. Нѣмецкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они пола-

*) Иностранныхъ. См. далѣе объясненіе самого Моро *Прим. А. С. П.* Кавъ звѣтнѣно, что здѣсь говорить иностранецъ, пристраженный въ своей партіи. *Прим. А. С. П.*

гали нужнымъ оставаться на берегахъ Днѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія неприятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что и съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Днѣстру; что можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берегъ Днѣстра, не должно, однако, оставаться въ бездѣйствіи, по что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость, и военный магазинъ en y établissant un pont <?> de communication; что Сорока, находясь уже во власти Его Величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ; что то же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ <на Днѣстрѣ>, и что такимъ образомъ Его Величество будетъ имѣть три похода въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Днѣстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что Турки, будучи принуждены проходить степью, потеряютъ лошадей, прежде нежели до насъ достигнутъ; что имѣть почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшатся они ихъ осадить, и того менѣе переправляться черезъ Днѣстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ Его Величества; что если Его Величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армію свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показаніи Сорокинскихъ жителей, должно, по крайней мѣрѣ, пять дней проходить необитаемую степь, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточна даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ Шведскаго короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно отважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благоприятнаго не предвѣщаютъ.

Въ заключеніе, Нѣмцы просили Его Величество быть увѣрену, что, представляя ему дѣло, каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственной славы; что когда займемъ мы берега Днѣстра и устроимъ магазины, Турки, покусясь на что бы то ни было, утратятъ свои силы всѣ или отчасти, между-тѣмъ какъ Его Величество, имѣя тылъ свой свободнымъ, усилитъ свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оставленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безъ всякаго препятствія проводить неприятеля въ его собственную землю, и тамъ расположится по своей волѣ и приготовится къ завоеваніямъ, прежде нежели Турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ квартиръ.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но Русскіе ему воспротивились. Генералъ Рене, хотя родомъ и Курляндецъ, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возражилъ, что неприлично было бы Его Величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что въ случаѣ истощенія запасовъ, должно будетъ ихъ достать въ самой неприятельской землѣ; что области Греческія, по примѣру Молдавскаго госно-

даря, готовы были возмутиться при первомъ вступленіи нашихъ полковъ въ Турецкія границы; что, по донесеніямъ генераль-фельдмаршала графа Шереметева, за стѣною до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построение магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что подобно войти и углубиться въ Турецкія земли; что Турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско Его Величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ Шведскаго короля здѣсь вовсе нейдетъ; что полки наши тѣ же самыя, которые разбили его и готовы разбить Турковъ; что таково его мнѣніе, и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа Его Царскому Величеству избѣгать не возможно.

Съ сямъ мнѣніемъ согласились Русскіе министры, и генералы охотно ему послѣдовали, и вопреки благоразумному мнѣнію Нѣмцевъ положено было переправиться черезъ Днѣстръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвиняли тѣхъ, которые его посоветовали Его Величеству. Ясно было, что государь принужденъ будетъ отступить отъ своихъ намѣреній. Но, зная, что Русскій народъ склоненъ къ спокойствію, хвнивъ и не любить военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекли государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою. *) Таково было, по крайней-мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

16 іюня рано утромъ, дивизіи генераловъ Алларта и Денсберга выступили въ походъ; 17, Его Величество, съ Преображенцами, Семеновцами, своими министрами и всею свитою, пошелъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генераль-поручикъ Брюсъ съ артиллеріей. Аррьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярослава генераломъ Рене и которую Его Величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рѣнина осталась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію Его Величества, должны были быть туда доставлены **).

Генералы Аллартъ и Денсбергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генераль-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Ясса, на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его Величество не долго томился въ пустыняхъ; маршируя днемъ и ночью, достигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прутомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь тыломъ къ рѣкѣ. Онъ тотчасъ отправилъ бочки съ водою, на собственныхъ подводкахъ и на лошадахъ свиты своей, полкамъ, идущимъ по стѣнямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы.

*) Илюминаемъ читателю сказанное въ предисловіи: переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и полныя сужденія автора, будучи увѣранъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни Русскому народу: Моро не любилъ Русскихъ и былъ недоуменъ Петромъ. Редакція. [Современника середины 1837 г., значить послѣ смерти Пушкина].

**) Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ <при городкѣ Сорокѣ> Аллартева дивизія до 20-го іюня, а Вейдова и князя Рѣнина до 22-го». — Прим. А. С. П.

Солдаты бросились пить съ такою жадностію, что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводицы. Жары нестерпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо да горы раскраснаго песку, безъ деревьевъ, безъ жителей и безъ воды *).

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шестидневнаго перехода чрезъ ужасныя сіи пустыни, соединились съ лагеремъ Его Величества. 23 іюня государь ъздилъ осматривать лагерь генераль-фельдмаршала, и принялъ въ подданство Молдавскаго господаря. Съ нимъ было только триста рейтаровъ. Онъ пожаловалъ государю свой портретъ, осыпанный алмазами <что вполнѣдствіи времени пригодилось сему Турецкому даннику>. Въ тотъ же вечеръ Его Величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутѣ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22 до 29 іюня, какъ-будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Рѣнинъ долженъ былъ доставить и привезти. 26 фельдмаршалъ и государь посѣтили Его Императорское Величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдала честь по всему фрунту, и самъ государь салютовалъ саблею, стоя передъ Преображенскимъ полкомъ, какъ генераль-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно Его Величествомъ въ память Полтавскаго сраженія, случившагося 27 іюня, по старому стилю.

Всѣ генералы съ утра явились къ Его Величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушала онъ обѣдню и гдѣ придворный священникъ **) дѣлалъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фаса одного каррея; артиллерія занимала четвертый. Послѣ обѣдни стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всѣмъ фасамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. Послѣ того всѣ генералы слѣдовали за Его Величествомъ съ его палаткамъ, гдѣ, въ землѣ, былъ утвержденъ столъ необыкновенной длины, и за которымъ насчиталъ я до ста-десяти кувертовъ съ каждой стороны.

Его Величество находился въ центрѣ стола. По правую руку находился молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, Министры: баронъ Шафировъ и Сава <Сава Владиславъ Рагузинскій>; на углахъ стола генералы, генераль-поручики, генераль-майоры, бригадиры и полковники и прочіе, каждый по своему чину, помѣстились за этимъ же столомъ. Кромѣ Венгерскаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особенное, капитанамъ еще хуже, и такъ далѣе. Капитаны Преображенскіе и Семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шести персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи

*) Степи Бужацкія не песчаныя; онѣ состоятъ изъ зеленой, зеленой равнины, усаженной курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ раскшица. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съѣдена была саранчею. Прим. А. С. П.

**) Феофанъ Прокоповичъ. Прим. А. С. П.

трехъ слугъ для переѣмнѣ стакановъ и бутылокъ. Тутъ-то, милостивая государыня, вино злется какъ вода; тутъ-то заставляя бѣднаго человѣка, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности *).

Императрица, съ своей стороны, угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ, и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстия. Если же и придуть письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними съ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то чрезъ барона Лоде, посланника короля Польскаго при дворѣ Его Царскаго Величества.

Мало дамъ явилось къ Императрицѣ. Генеральша Аллартъ и генераль-майорша Гинтеръ одиѣ представились къ Ея Величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ государя продолжался полный день, и никому не позволено было выдти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часа вечера. Пили, такъ ужъ низки (on y but ce qui s'appelle boire). Всякое другое вино павѣрно меня убilo бы, но я пилъ настоящее Токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣвнина привезъ письма къ Ея Величеству. Генераль давалъ знать, что 4,000 бѣловъ, 8,000 барановъ и 300 маленькихъ Польскихъ тѣлѣжекъ съ рожью, мукою (et de grit) отправлены были къ намъ. Государь тутъ же распредѣлялъ, что куда доставить, и приказалъ тотъ же часъ отправить часть въ лагерь генераль-фельдмаршалу.

28 июня мосты были готовы. Артиллерія потянулась черезъ Прутъ по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Ясской долигѣ, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29 июня <по нашему приходится 10 іюля, ибо Русскіе держатся еще стараго стила> въ день святого Петра, въ именины Его Царскаго Величества, я, слѣдуя обычаю, со всѣми генералами пришелъ поздравить государя. Онъ пріималъ милостиво наши привѣтствія и всѣхъ насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и этотъ день, и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобы я послалъ моего адъютанта, стоявшаго за мною, посадить кавалерію мою на-конь и велѣлъ ей идти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ и что онъ беретъ быть моимъ вожатымъ. Я отдалъ

*) Въ старину пили не по нашему. Предки наши говорили: пилъ да умень—два угоды въ немъ. Впрочемъ, пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ офицеровъ, оставленныхъ за болѣзнями, именно исключаетъ большихъ отъ пьянства и распутства. *Прим. А. С. П.*

приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложить. У Русскихъ обыкновенно употребляются тѣлѣги, ибо выюнчія лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ <5 à 600 lieues>.

Накануиѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 Татаръ показали на утренней зарѣ и ударили <въ разсыпную, по своему обычаю> на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человѣкъ конницы, подъ начальствомъ подполковника Рона <de Roop> конно-гренадерскаго полка моеи бригады. Непріятель пробился сквозь отрядъ, не смотря на всѣ старанія командира. Число превозмозло, отрядъ былъ окруженъ отовсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лотарингіи, надвѣдал тутъ чудеса и былъ убитъ, къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ, занвшихъ его. Подполковникъ взятъ былъ въ плѣнъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенцова *) (Chousof), родомъ Русскаго, который былъ отряженъ съ 2,500 человѣкъ конницы на подкрѣпленіе Рона и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генераль Янусъ, начальствующій въ отсутствіе фельдмаршала, при семь случаѣхъ сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобы исправить сію неудачу и предупредить большее несчастіе. Онъ велѣлъ выхвать четыремъ конно-гренадерскимъ полкамъ и всячески старался уговорить бригадира Шенцова, чтобы онъ, по-крайней-мѣрѣ, хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣли эту сволочь и освободили лагерь <le front du camp>.

Никогда генераль Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шенцова. А еще должно глотать такія пилюли не морщась и не жалуясь; потому что Его Величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у кого нибудь изъ Русскихъ не доставало ума или храбрости **).

Какъ войска скоро соединится, то позволите, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познать васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующій—генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ <Его Величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генераль-лейтенанта>.

Дивизія Вейдова состояла изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1,400 человѣкъ состоящій. Всего 11,200 человѣкъ. Начальниками оной были: генераль Вейде, генераль-лейтенантъ Беркгольдъ (Brecols), генераль-майоръ Голосинъ (Goloscin) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боа.

Дивизія Рѣвнина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генераль-лейтенантъ князь Долгорукій, генераль-майоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бунъ и Голицынъ.

*) Таковъ ѣ фамиліи нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства <стариннаго>, ни въ свѣдѣніяхъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣла идетъ о Шневищевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набранныхъ въ 1699 году.—*Прим. А. С. П.*

**) Благодаримъ нашего автора за драгоценное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостоеніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи Русской.—*Прим. А. С. П.*

Дивизія барона Алларта, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларта, генераль-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Стафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкинга (Remquingue), его зятя.

Не худо замѣтить, что Русскіе дивизионные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; Имѣли же онаго не имѣли; особливо баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генераль-лейтенанта, ни генераль-майоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генераль-фельдмаршала, не любившаго ипостранцевъ, какой бы націи ни были, и не подававшего имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки *). Однакожъ баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушіемъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллерморемъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и Астраханскій составляли 15 батальоновъ, всего 15.000 человекъ, и были подъ начальствомъ самого Его Царскаго Величества, генераль-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева <сына фельдмаршала>; сюда же принадлежали полки капонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1.500 человекъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ 8 полковъ, каждый изъ 1.000 человекъ, была подъ начальствомъ помянутого генерала, генераль-майоровъ Волконскаго и Вейсбаха и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Люцкаго и Шенсова.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генераль Рене, генераль-майоры Витманъ и Шариковъ (Chericof), самый образованный и любезный изъ всѣхъ мнѣ знакомыхъ Русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меншикова, не соединился съ арміею и остался въ Яссахъ съ 2.000 избранныхъ фузилеровъ, между тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ Его Царскаго Величества, состоящій изъ 300 реитаровъ (maitres, reitres?), сопровождалъ государя въ его поѣздкахъ и другою службою не шель.

Всѣ сіи отряды составляли на Дибстрѣ 79.800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ призывными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ 60 пушекъ разнаго калибра, отъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ 16-ти понтоновъ на тѣлгахъ и изъ 200 подводъ съ ящиками пороховыми, не считая тѣлгъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ находились четыре малыя орудія двухъ и трехъ-фунтова. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми <ce qu'ils appellent les enfans des corps> <кадеты>.

При каждомъ полкѣ находятся также малыя

* См. выше прим. редакціи [примѣч. ред. «Современника» 1837 г.].

тѣлги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы Его Царскаго Величества. Здѣсь не считаю 10.000 казаковъ и 6.000 Молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли, какъ и Татаре. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ Турками, если бъ въ время ввели ее въ непріятельскія земли и если бъ ее не раздѣлили, какъ въ послѣдствіи увидите.

20 іюня Его Царское Величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изъ стола, держалъ онъ совѣтъ. Генераль Рене предложилъ отрядить 15.000 человекъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много и которая могла продовольствовать армію. Онъ утверждалъ, что Валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ Молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединитъ войско свое съ войсками Его Величества и доставитъ намъ жизненные запасы.

Генераль-поручикъ Бергольцъ былъ единственный Имѣецъ на семь совѣтѣ. Онъ сильно воспротивился предложенію генерала Рене, по причинѣ той, что Турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V <Лотарингскаго>, который во второй походѣ, послѣ снятія Вѣнской осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оно продовольствовалось, и видѣлъ, какъ Турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за другимъ, не могли подать имъ никакой помощи. Но всѣ его разсужденія пропали втунѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ полагшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ 15.000 отраженныхъ въ Валахію, *) 4.000 должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберегать намъ отступленія и для сопровожденія провіанта, въ случаѣ, если бъ мы остались въ Молдавіи; 2.000 въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да въ Яссахъ, для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ 9-ти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я, вслѣдъ за нимъ прибылъ въ его лагерь. Господарь остался съ Его Царскимъ Величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ и съ самой счастливою фізіономіею. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на Латинскомъ языкѣ, что было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою конницу въ верстѣ отъ фельдмаршалскаго лагеря, куда и прибыли въ 4 часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ летучихъ кузнечиковъ <саранчу>. Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое высокимъ тростникомъ, который съѣденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь Его Величества перешелъ черезъ Прутъ 30 іюня. Мостъ, черезъ который переправился государь со своею свитою, былъ тотчасъ разобранъ; другой оставленъ подъ охра-

*) У Рене было восемь драгунскихъ полковъ <5,056>, батальонъ Ингерманландцевъ, да 5,000 Молдаванъ. Прим. А. С. П.

пеніемъ 500 гренадеръ для дивизіи князя Рѣнина, которую ожидаю.

Фельдмаршалъ, возвратясь въ свой лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шенсова и высказалъ ему все, что заслуживало его гнусное поведение, о которомъ донесено ему было при его прѣѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ майорамъ отрядить по 20 человекъ съ каждой бригады для устройства двухъ мостовъ, находившихся въ тылу нашего лагеря, дабы ему безпрепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти соединиться съ Его Величествомъ. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кое какъ собранныхъ по берегамъ Прута. Мѣдные понтоны оставались при Его Величествѣ для надобностей его собственныхъ. Того же самаго числа <30 Юня> генералъ Рене прибылъ къ фельдмаршальскому лагерю и собралъ полки, долженствовавшие идти въ Валахію подъ его начальствомъ. Онъ выступилъ на другой день по утру и уже въ армию не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской Россіи, послѣ кампании, когда армія тамъ отдыхала.

Въ лагерь Его Царскаго Величества и въ фельдмаршальскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго 7 Юля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ государя приказаніе оставлять постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армию за рѣку, находившуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и возвратясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказъ, что полки стануть переправляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе сматенія, могущаго произойти на мостахъ, въ случаѣ, если войска выступятъ въ одно время.

Генералъ Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы въ случаѣ нападенія отъ непріятеля во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя майорами и 20-ю драгунами, для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8 Юля, на утренней зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между тѣмъ, экипажи генерала Януса потонули было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои, а остальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволилъ переправиться прежде полковъ Астраханскаго и Шерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9 Юля съ утра войско и обозы потонули, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе 30,000 Татаръ явились передъ лагеремъ. Войско остановили и тотчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ рогатокъ. Пикетъ отозвали; но приказанію генерала Януса, два батальона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семь расположеніи стали ожидать приближенія Татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкинъ прѣѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ мѣрами, принятыми генераломъ Янусомъ для за-

щипленія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ отослалъ генерала Денсберга съ его бригадиромъ къ новому лагерю, для охраненія онаго, а въ старомъ оставилъ только генералъ-лейтенанта Остена подъ начальствомъ генерала Януса, съ полками, не успѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно противъ и вдвое-большаго числа Татаръ.

Но какъ они часъ-отъ-часу умножались, то фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и Молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнать и преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою неимовѣрною, но которая часть отъ часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ все кончилось скаканіемъ, да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ Венгерецъ, вступившій въ службу Его Царскаго Величества, такъ же, какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣтлости принца Рогоди, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими Венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ отрядъ казачій поддержать его, обѣщаясь доказать, что не такъ-то мудрено управиться съ Татарами. Казаки обѣщались отъ него не отставать. Онъ бросился съ своими двѣнадцатью Венгерцами въ толпу Татаръ (и множество ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разбѣвая кругомъ ужасъ и смерть. Но казаки ихъ не поддержали, и они уступили множество. Татары ихъ окружили, и всѣ тринадцать пали тутъ же, дорого продавъ свою жизнь; около ихъ легло 65 Татаръ, изъ коихъ 14 были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ Венгерцевъ имѣлъ 14 ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣстной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и Русскіе, т. е. хоть и не очень жалостливыя сердца, однакожь просились на коней, дабы ихъ выручить; но генералъ Янусъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности и завязать дѣло съ непріятелемъ.

Пока Татары привлекали на себя наше вниманіе, генералъ Янусъ, предвидя, что наше отступление могло быть обезколено еще большимъ числомъ Татаръ и даже самими Турками, приказалъ переправить всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и остальные экипажи офицеровъ, дабы тѣмъ удобіе отступить до новаго лагеря тѣснинами, ведущими къ мостамъ, что и производилось во весь тотъ день и въ ночь.

Между тѣмъ Татары, не видя никакого движенія въ лагерѣ, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидала смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа пополудни отступили, наскочившия вдоволь, и такимъ образомъ, дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10 Юля).

Онъ приказалъ разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону рѣки онѣ могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумястами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по 200 человекъ съ бригады для дѣланія фашишныхъ мостовъ черезъ большой и глубокой ручей, называемый Малымъ-Прутомъ, и протекавшій во ста шагахъ отъ нашего лагеря, дабы въ случаѣ нужды можно было тотчасъ выступить.

Мосты успѣли къ полудню 11 Юля. Въ 5 часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адъютан-

товъ Его Царскаго Величества привезъ фельдмаршалу приказъ, вслѣдствіе коего мы 12 июля оставили лагерь, и въ одной милѣ отъ оного напали Его Царское Величество. Вся армія тамъ соединилась и такимъ образомъ расположилась вся по одной линіи. Царь съ полками Преображенскимъ, Семеновскимъ, Астраханскимъ и Нигерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалеріей, Брюсъ съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ, лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го армія пошла въ походъ, принимая вѣдво. Экипажи составили вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагеремъ, принявъ вправо <en faisant à droite>. Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расширяться и составить двѣ линіи. Мы стали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали <т. е. въ одну линію>.

14-го мы подвинулись еще на три мили, не выдвигая ни города, ни деревни, но кое-гдѣ вблизи лѣсовъ разбланныя лачужки, которыя показались намъ жалкими обителями. Это насъ удивило, тѣмъ болѣе, что на нашихъ картахъ, по берегамъ Прута, назначено было множество городовъ и деревень. Мы стали лагеремъ такъ же, какъ и въ предыдущіе два дня.

15-го армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крутую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа пополудни. Мы въ тотъ же день видѣли за сею горою старинную могилу одного Молдавскаго государя. Она имѣла видъ четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавшіе за арміею, изъ коихъ многіе хорошо говорили по-Латыни, рассказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоящійся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ свихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственные владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долині. Кровавопритная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; неприятельское войско было истреблено или захвачено въ плѣнъ, а противникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, прозенный одиннадцатью стрѣлами. Но побѣдитель, въ то же самое время, какъ приписалъ Богу благодаренія, умеръ отъ раны, полученной имъ въ томъ же сраженіи, и которой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государя одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому Молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пирамиду, въ срединѣ коей находится комната со сводами. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу.—Потомъ входъ въ комнату былъ задыланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донынѣ; на ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже не существующій. Повѣствователь присвокупилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли

прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждавшаго входа. Курганъ оказался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего Молдаванина: кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жители, поселенные кругомъ, въ трехъ миляхъ отсѣдѣ, ежегодно въ Мартѣ и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ приходятъ стричь могилу ножницами, подобно тѣмъ, кои употребляютъ нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожай. Въ заключеніе, онъ насъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ, и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствій мы повили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился быть дворничомъ и военнымъ человѣкомъ.

16-го Его Царское Величество приказалъ выслать 1.000 человѣкъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Рона, съ двумя жохатыми, данными Царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за Его Величествомъ со всѣмъ своимъ Молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Ронъ имѣлъ повелѣніе извѣдывать всю сторону, находящуюся влѣво отъ арміи, вдоль Прута, дабы удостовериться, возможно ли неприятелю напасть на насъ съ тыла. Онъ возвратился вскорѣ и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумястами гренадеръ для охраненія лодокъ, составлявшихъ мосты фельдмаршальскаго лагеря, и который подвигаясь вмѣстѣ съ арміею, былъ убитъ, а съ нимъ и всѣ его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили отъ лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что Татары, въ числѣ 20.000, переправились черезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной тѣшинѣ, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ отрядомъ.

Это заставило Его Царское Величество расположить вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣвшие между собою коммуникацію и начальствуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ тотъ же день генералъ князь Рѣпиншъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, сталъ на той же линіи и занялъ правую руку или арбергартъ.

Армія паша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79.800 человѣкъ, не считая казаковъ и Молдаванъ, и по отрженіи войскъ въ Валахію и на охращеніе Сороки, Могилева и Яссы, все еще составлявшая 55.000, уже не составляла и 47.000, какъ то оказалось на смотрѣ сдѣланномъ 17 июля по приказанію государя; слѣдствіе безпрестанныхъ трудовъ, перенесенныхъ полками, изъ коихъ нѣхотные шли безъ отдыха отъ самаго 24 Февраля <нов. ст.>. По счастью, смертность пала по большей части на однихъ рекрутъ, которые видимо таили. Это могу и доказать моими табелями, которыя я сохранилъ. Изъ всѣхъ четырехъ полковъ моеи бригады, составившихъ 4.000 человѣкъ, на семь смотрѣ 724 оказались убитыми, изъ коихъ только 56 убиты въ упомянутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го генералу Янусу повелѣно былъ готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами, ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки Его Царскаго Величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ я имѣлъ честь при-

посить ему приказы и всякій день приходиться узнавать отъ него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился къ нему, Онъ просилъ меня прѣхать за нимъ на другой день за полтора часа до свѣту и сопроводить его къ Царю, къ чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣтомъ явились мы къ Его Царскому Величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-Русски не разумѣли, то Его Величество повелѣлъ ихъ объяснить на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, и вручилъ намъ тотъ же приказъ, писанный по-Русски съ Латинскимъ переводомъ на оборотѣ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль или <16 лѣ> до того мѣста, гдѣ Турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпионовъ <coureurs ou espions>, должны были наводить свои мосты. Если бы генералъ ихъ нашелъ, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ государя черезъ четырехъ драгунъ, посланныхъ черезъ полчаса одинъ послѣ другого. Въ случаѣ же, если Турковъ не встрѣтимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію онаго; выступили изъ лагеря въ 5 часовъ и пошли по одной линіи, эскадронъ за эскадронъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію вдоль берега Прута, во избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными пашашами, за ними шестеро другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумястами рейтаровъ <maîtres?>, дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодою атаковать неприятеля. Въ такомъ порядкѣ какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11-ти часовъ утра, прошелъ не болѣе какъ 2 мили <или 4 Французскихъ лѣ>, вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно въ тѣснѣнѣ весьма узкой, ибо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще тянулись. Генералъ Янусъ, г. Видманъ <генералъ-майоръ> и я поѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ уже становилась дорога.

Генералъ Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоположеніе. Земли, непримѣтно возвышаясь, закрывала отъ насъ сторону, находившуюся передъ нами. Когда достигли мы послѣдней точки сего возвышенія, увидѣли мы передъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостію и быстрою. Мы тотчасъ съѣхали влѣво, въ густоту деревьевъ, растущихъ на берегу Прута. Мы подъѣхали какъ можно ближе къ неприятелю и наконецъ усмотрѣли два укрѣпленія <deux têtes-de-ponts traisées et palissadées en forme de demi-lune> защищаемыя множествомъ пѣхоты, которую признали мы вполнѣдѣствіи, по ея колнакамъ, за янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, чрезъ которые крупною рысью переправлялась конница и соединялась съ тою, которая находилась уже въ долинѣ.

Высмотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, всѣ вмѣстѣ и каждый особо: генералъ Янусъ, Видманъ и я, возвратились рысью тою-же дорогою и соединились съ нашими полками. Тутъ мы держали совѣтъ всѣ трое между собою, ибо генералъ не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ Вейсбаху <генералъ-майорамъ>, а того менѣе къ бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы рѣшились спѣшить нашу конницу и выстроить ее въ карре, поставя экипажи въ серединѣ. Генералъ написалъ письмо къ государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерию въ аррьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядомъ <войско выстроено было въ четыре шеренги>. Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ аррьергардъ <или фронтъ каррея со стороны Турокъ>, не стрѣлять, безъ приказанія, что бы ни случилось и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 32 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, большую часть рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ каррея. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по волѣ генерала, остались при его особѣ.

Отроду мы не видавали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ аррьергардѣ и весело въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семь порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколѣ мы пришли <?>. Генералъ Янусъ, Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставляемыхъ Его Царскому Величеству его шпионами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, наведенные и укрѣпленные, когда предполагали найти ихъ еще только начатыми въ 8-ми миляхъ, и то не навѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлилъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скономовали полуоборотъ направо аррьергарду, полуоборотъ вправо и влѣво флангамъ, и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только-что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія треугольникомъ и ревуція во все горло, какъ бѣшенныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеръ легъ на землю, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12 орудій миніатюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однакожь это не помѣшало имъ насъ окружить. Но, встрѣта со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и своими стрѣлами.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чистосердечно признаться, что, будучи приумень къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатью осадами, при коихъ присутствовалъ я съ тѣхъ поръ, какъ служу, между прочимъ при осадѣ Монмеліана въ 1691 и Намура въ 1692, я столько опасаясь огня, сколько то надлежитъ человѣку доброму и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Одна-

кожъ, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на чучела, стыдясь моего панническаго страха.

Было два часа по-полудни на нашихъ часахъ, какъ Турки къ намъ приблизились и съ нами поздравствовались. Съ той поры до десяти часовъ вечера боѣе пятидесяти тысячъ ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстроить насъ. Единственный успѣхъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что отъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не боѣе какъ четверть мили. Ночью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которою мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случаи соединиться съ нашимъ деңтромъ, т.-е. со всею арміею: они всѣ, безъ изыатія, при наступленіи ночи ретировались въ ту сторону, откуда явились. Замѣтивъ сіе, генералъ отправилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ донесеніемъ государю обо всемъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ онъ честь писать Его Величеству. Онъ рѣшился идти ночью, какъ можно поспѣише, и мы прошли боѣе мили довольно скоро и безъ всякаго препятствія, Теперь признаюсь, что если бы господа бѣлые кошаки отрѣзали намъ дорогу, выставя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же у насъ въ тылу, то мы принуждены были бы ночью стоять и, можетъ-быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашею арміею и были бы принуждены уступить усталости, если ужъ не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ большей силѣ, нежели наканунѣ, по все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они безпокоили насъ стрѣльбою безпрерывно. Около 5 часовъ утра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движениемъ вселила робость въ скакунахъ и наѣздикахъ. Генералъ баронъ Денсбергъ со всею дивизіею шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ: онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безпрестанно въ аррьергардѣ, двумя своими гренадерскими батальонами и далъ почувствовать неприятелю безпрерывнымъ и сильнѣйшимъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смѣять и помѣшать намъ соединиться съ арміею *).

Армія Его Царскаго Величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось, къ величайшему нашему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору покрытую неприятельскими полками.

Генералъ-фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что и было тотчасъ исполнено. Какъ Турки подступали съ лѣвой стороны, то Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландскій и Астраханскій вытерпѣли по большей

части огонь неприятельскій и во весь тотъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиліями пятидесяти тысячъ человекъ, сражавшихся противу 8 и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и триста съ чѣмъ-то драгунновъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частью были легкія. Генералъ баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными; все это менѣе нежели въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣній, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, если бы неприятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19 іюля, Его Царское Величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣтоваться съ ними о томъ, па что надлежало рѣшиться. Генералы: Янусъ, Аллартъ, Денсбергъ, генералъ поручики. Остенъ и Беркольдъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ Русскихъ, ни изъ министровъ Его Величества не показались. Даже и генералъ-фельдмаршала тутъ не было. Генералъ Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ образомъ былъ я свидѣтелемъ всего, что ни происходило. На семь-то совѣтѣ генералъ Янусъ представилъ Его Величеству о небреженіи, оказываемомъ иностраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибѣгали только тогда, какъ дѣла были уже въ отчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе увѣдомленъ опредѣленіяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и Русскихъ генераловъ и заключеніе сказалъ Его Царскому Величеству, что тѣ самые люди, которые заплели армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царъ ислчески обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправленіи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приближившійся къ нашему лѣвому флангу во время нашего отступленія, схваченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приставилъ къ нему строгіи караулъ и тотчасъ во вступленіи въ лагерь отослалъ его къ генералу.

Лѣвнаго допросили. Онъ показалъ, что Турецкая армія состояла изъ ста-пятидесяти тысячъ, т.-е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій не могла прибыть прежде, какъ къ завтрашнему дню около полудни.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достоверными, приняты были въ совѣтѣ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроясь въ карре и оградясь рогатками: экипажи,

*) Петръ негодовалъ на генерала Януса; въ журналѣ его сказано: «и конечно могъ онъи Янусъ ихъ задержать <Турковъ>, ежели бы сдѣлалъ такъ какъ доброму человеку надлежитъ». Но, какъ замѣчаетъ генералъ Бутурлинъ въ исторіи Русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ выше того мѣста и стать втѣмъ Русской арміи.—Прим. А. С. П.

конница и артиллерія должны были оставаться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало стараться по возможности совершить пубезславное отступление. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а Турецкія свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ вслѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всѣмъ генераламъ и офицерамъ уменьшить, по-возможности, свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступленіи почти государя, государыни Императрицы, министры и весь дворъ перенеслися на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между-тѣмъ, готовились устроить батальонъ-карре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разбѣяна была Турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріателемъ.

Непужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смутѣ и безпорядкѣ. Мы видѣли, что Турки на горѣ то двигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи иначе, какъ наугадъ. Генералъ баронъ Аллартъ, генералъ баронъ Остенъ и я занимали тотъ же постъ и находились близко другъ отъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріателемъ, то мы только и старались понять, что происходило тамъ и къ чему клонились эти марши и контръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріателя было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имѣли предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріателю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ и лагеръ нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и тѣлегъ, сожигаемыхъ вслѣдствіе повелѣній.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осматрѣлись уже на разсвѣтѣ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправиться, каждый на своемъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Рѣпнинымъ, не могли исправить прежде дѣльныхъ шести часовъ.

Генералъ сей начальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что, какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его неперемѣнно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленимъ маршемъ, думая, что все дѣло состояло въ томъ, чтобъ уйти какъ можно далѣе. Такимъ образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ, имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянулись на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отдѣлилась отъ батальона-карре и шла въ степи безъ всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ оцлошность и видя, что экипажи составили уголъ, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно:

болѣе двухъ тысячъ пяти-сотъ каретъ, колясокъ, тѣлегъ малыхъ и большихъ попались въ руки непріателю. Здѣсь-то, милостивая государыня, потерялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только одну petite valise съ моимъ бѣльемъ и платьемъ, довольно порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена полковника Роба, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при шкетѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти всѣ слуги, управившіе экипажами или тутъ же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Рѣпнина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ Его Величества съ повелѣніемъ остановиться. Между-тѣмъ выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы отогнать непріателя и воспрепятствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки, непростительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самаго не оставили насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что Турецкая пѣхота и артиллерія въ течение дня успѣла насъ догнать.

Генералъ баронъ Аллартъ былъ легко раненъ въ руку; зять его подполковникъ Лиенро (Lieprot) раненъ былъ смертельно близъ него, генералъ-майоръ Волконскій также. Всѣ трое были на лѣвомъ флангѣ, на углу фронта аррьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, что не помѣшало ему надзирать за безопасностію своего поста, гдѣ чрезвычайно стало жарко, когда догнала насъ Турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его Величество приказалъ остановиться и выстроиться. Аррьергардъ, сдѣлавъ полуоборотъ направо, сталъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвести сіе нужное движеніе, какъ Турки уперлись своими обоими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линіей, расположенной полукружіемъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были Шведами, Поляками Кіевскаго Мали[а?]тина и Буджацкими Татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всѣхъ сторонъ обращенные лицомъ къ непріателю, мы завалили землею наши рогатки, и пока часть полковъ погребала насъ, остальная производила безпрестанный огонь на непріателя, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное имъ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, по довольно легко, и могъ остаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріательская артиллерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его Величество, посѣтившій мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двѣнадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ перепосылалъ повсюду, говорилъ съ генералами офицерами и рядовыми нѣжно и дружелюбно

(avec tendresse et amitié), часто их разспрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоязобрѣтенныхъ пожей, съ трехъ сторонъ острыхъ какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повѣдѣли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ атаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генералъ-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генералъ-майора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приближились снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ непрерывнымъ огнемъ изъ ста-шестидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной пальбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы: генералы Янусъ, Аллартъ и Денсбергъ, генералъ-поручики Остенъ и Беркгольдъ, генералъ-майоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкингъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между-тѣмъ, какъ Русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ своими экипажами, генералы иностранные были въ безпрестанномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давая отдыхать солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя ихъ другими, находившимися при постахъ, менѣе подверженнымъ нападенію непріятеля.

Кода ночь показалась намъ коротка, потому что не были мы обезпкоены, то утро за то показало намъ очень долгимъ, по причинѣ быстрого и безпрестаннаго непріятельскаго огня, отъ котораго мы терпѣли, по крайней мѣрѣ, на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра Его Величество, коему неизвестно было, что иностранные генералы одни могли снасти его армию, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, котораго Царь пригласилъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остенюмъ, взялъ меня съ собою къ Его Величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня безпокоила, потому что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генералъ-майоромъ Бушемъ. У меня не было ни капли. Тѣлги мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли Турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ-поручикъ Остенъ и фельдмаршалъ держали долгое время тайное совѣщаніе. Потомъ они подошли къ генералу барону Алларту, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны, имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельдмаршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ государей.

Трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генерала-майора Видмана.

Это была невозвратная потеря для Царя. Видманъ былъ человѣкъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Всѣ объ немъ сожалѣли, тѣмъ болѣе, что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ

въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, если бѣ Его Царское Величество не оставилъ его въ своей арміи, изъ уваженія къ нему.

Не прошло и двухъ часовъ по отвѣдѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою Янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генералъ-поручикъ Беркгольдъ и сказалъ ему на Арабскомъ языкѣ, на которомъ Беркгольдъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе и давалъ намъ знать, чтобы мы прекратили нашъ огонь <что и съ ихъ стороны будетъ учинено>, и чтобы мы присылали комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повѣдѣній генерала-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визира въ качествѣ комиссара съ препорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю Турецкую армию около нашихъ рогатокъ: Турки пріѣхали насъ навѣстить и полюбоваться нами въ нашей кѣпкѣ. Наконецъ они такъ приблизились, что генералы наши возымѣли подозрѣніе, особенно генералъ Янусъ, который послалъ г. Беркгольда къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія Турокъ въ повиновеніе, что съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольдъ возвратился съ тѣмъ же Янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю Турецкую армию въ ея окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы <vedettes> со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изъ всѣхъ армій, которая удалась мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни одной прекраснѣе, величественнѣе и великолѣпнѣе арміи Турецкой. Эти разноцвѣтныя одежды, ярко освѣщенные солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго на подобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головного убора, эти легкіе, но завидные кони, все это на гладкой степи, окружая насъ полумѣсяцемъ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье и платье. Вся наша армія походила на трубочистовъ: потъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга уже не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа всѣ явились въ золотѣ, вслѣдствіи одѣла какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ Турецкаго лагера для объясненій съ Его Величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо, и что конечно миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благодарномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать Турецкій народъ. Какой-то слуга, или, что все равно, всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, подполковникомъ въ Бѣлозерскомъ полку, и съ генералъ-майоромъ Вейсбахомъ.

Этот спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагал, что мы понимали его нарѣчіе. Офицеръ, развѣзжавшій около ихъ лагерь, замѣтилъ, что спаги перешелъ за положенную черту, и, давая знакъ возвратиться въ лагерь, съ твердостью выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приблизился къ нему молча и махомъ своей сабли чисто отрубилъ руку, которая унала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, протиснулся къ намъ, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не сталъ тратить времени и усакалъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодого Денсберга. Сей поступокъ невѣрнаго служить урокомъ для христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и неприятелямъ.

22-е и 23-е числа прошли въ нетерпѣливомъ ожиданіи столь нужнаго и столь желасмаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство—не было середины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, если бѣ великій визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба; тѣмъ-наче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами. Лошади были изнурены (*étoient depuis le même temps au fillet*); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса и кое-какъ поддерживали лошадей; остальные же кони лизали землю и были такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали, сдѣлать ли, запрягать ли, или нѣтъ.

Вечеромъ 23 іюля <по старому стилю> бригады получили приказъ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полкъ, и бросить ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ артиллерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороха, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломаннаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (*raloube*), въ которой везли на 200.000 червопцевъ золота и вещей, обданныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень, Его Царское Величество чрезъ своего генералъ-адъютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою твердый, неколебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Если бы сказали намъ 22-го іюля утромъ, что миръ заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почелъ бы, конечно, мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто бѣ осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастье. Я помню, что когда трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просилъ онъ перемирія, генералъ сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что тотъ, кто завелъ Его Царское Величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визиръ приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генералъ невѣрныхъ ослѣпленъ былъ

блескомъ двухъ-сотъ-тысячъ червопцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, поистинѣ, находились въ рукахъ Турковъ.

Въ часъ полудни Оттоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ шесть часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, коего планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейтами передъ каждымъ полкомъ.

Не нужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерь, ибо лошади едва таскались, изнуренныя и чуть живыя.

Прежде нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вамъ потерю обихъ арміи въ эти четыре дня. Досто-вѣрно, что Его Царское Величество лишился не болѣе, какъ 8.800 человекъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подполковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8.900 человекъ, между прочимъ, одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ 6 часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре батальона, въ немъ находившіяся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генералъ-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (*Moreau de Brasey, Comte de Lion en Beauce*). Прочіе генералы сдѣловали по старшинству; Адамъ Веиде и князь Голицынъ составляли аррьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ-карре, гордо прошла мимо Турковъ, выстроенныхъ въ одну линію по долижѣ, въ лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ Французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человекъ самый честный, уважаемый Царемъ и Русскими, пріятель всего свѣта, удостоивши меня, что есть люди, имѣющіе вѣрныя предчувствія о своей смерти. Сей Французъ подружился со мной въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ, встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моею хлѣбъ-солью. Въ тотъ день, какъ возвратились мы въ лагерь, въ сопровожденіи неприятели, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ тѣмъ, что генералъ Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семь случаевъ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генералъ Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностію, что офицеры, какъ бы тупо ни было его повиніе, невозможно было ихъ не выполнить. Умирая съ голоду, я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ то, что могъ еще найти годнаго въ моихъ запасахъ, и Терсонъ посылдовалъ моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выйти и что онъ оставить въ ней свои кости. Я всячески старался разсвѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ; армія выступила. Терсонъ прибылъ къ моему посту и довольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ

его предчувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генералъ Янусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ дастъ тотъ же отвѣтъ, какъ и генералу, именно что онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ, и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Дибстръ. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и побѣжалъ къ генералу Янусу, который, страдая подагрой, вѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во ста шагахъ отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ Татаръ, слѣдовавшихъ за нашей арміей, въ намѣреніи что-нибудь поддѣлать, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Янусъ послалъ за мною своего адъютанта и показалъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились, между тѣмъ, предчувствіямъ, которыя я оспаривалъ съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубаача къ великому визирю съ жалобой на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ Татаръ, которые попадутся намъ въ руки, гонясь за пашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, Его Царское Величество велѣлъ остановиться батальону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Ночлежь былъ кратокъ и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что находите меня нечувствительнымъ въ отношеніи къ вашему полу, ибо до сихъ поръ не говорилъ я вамъ о всемъ, что претерпѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ четыре-дневнаго сраженія, подверженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ протрѣвены были пулями, разбиты пушечными ядрами, и эти милыя дамы должны были попасться въ плѣнъ, если не погибнуть въ нечаянномъ нападеніи, коего мы только и опасались. Не знаю, болѣе ли онѣ страдали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генералъ-майорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ страха, ею претерпѣннаго въ тѣ четыре дня, какъ мы имѣли дѣло съ Турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы <иностранцы> никого и не спрашивали, и разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобы они не были весьма тягостны для Его Царскаго Величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ <25 іюля> и совсѣмъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ, по крайней мѣрѣ, двумя третями. Въ полдень пришли мы въ тѣснину, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего батальона-карре, который, для большей удобности экипажей, раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣсниною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слѣва высокими, лѣсистыми горами, а справа рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ достигли меня сначала генералъ-майорша Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генералъ баронъ Остенъ.

Всѣ трое мы проголодались. Карета госпожи Бушъ вѣхала недалеко. Мужъ ея послалъ спросить, ибѣ ли у ней, чѣмъ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку Венгерскаго вина, четыре холодныхъ дышленка, хлѣба довольно черствого, но все жъ хлѣба, а мы, при приближеніи такого сильнаго сикурса, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка нашлась недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкрѣпленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностію. Только-что мы кончили нашъ обѣдъ, фельдмаршалъ на насъ набѣжалъ и попросилъ насъ угостить трехъ пашей, присланныхъ отъ великаго визиря къ Его Царскому Величеству, покавѣтъ государь не дастъ отвѣта. Мы къ нимъ отправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-Имѣдски и еще лучше по-Латинѣ. Онъ достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба однимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-Имѣдски. Въ минуты первыхъ привѣтствій слуги фельдмаршальскіе разбили шатеръ, поставили на-земъ коверъ Турецкій, на который усадили мы нашихъ трехъ пашей. Они сѣли, сложивъ ноги крестомъ, и велѣли принести себѣ трубки, коихъ чубуки столь были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визирь послалъ ихъ предложить Его Царскому Величеству 2.000 челобѣткъ спаговъ для отогнанія Татаръ, насъ преслѣдующихъ, и изъ коихъ шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати, убитыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ, паша, говорившій по-Латинѣ, коль-скоро узналъ, что я Французъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, что Французы были пріятели Туркамъ. Тогда, вступивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ. Онъ отвѣчалъ, что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ противниковъ; что, судя по положенію, въ которомъ мы находились, и по отступленію, нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, прѣвзились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дня артиллерія наша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоземцевъ, что у нихъ было 8.000 убитыхъ и 8.000 раненыхъ, и что они поступили благо-разумно, заключивъ миръ на условіяхъ, почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похваляю о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отроду не хваталъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія оного; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между-тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сіи условія, которыя тѣмъ болѣе изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагалъ короля Шведскаго истинною причиною войны.

1) Его Царское Величество возвратитъ Туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія оного, также и крѣпости, выстроенныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведетъ

онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному Морю, кромѣ Воронежской.

3) Казакамъ возвратитъ ихъ старинную вольность, а Польшѣ Украину Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведетъ безъ изъятія всѣ полки, паходящія въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ не введетъ ихъ обратно самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ Его Царское Величество дастъ королю Шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который данъ будетъ отъ султана; также не станетъ никакимъ образомъ тревожить короля во время проѣзда его черезъ Польскія владѣнія, обязуясь, въ то же время, удержать и Фридерика Августа, курфюрста Саксонскаго, отъ всякаго непріязненнаго покушенія, какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, столь полезнаго и столь нужнаго для славы Его Царскаго Величества. Прибавите къ тому и 200.000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что спустя часъ по отступленіи арміи нашей, Шведскій король переѣхалъ черезъ Прутъ на челнокѣ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадь свою вплавь, и самъ-шестъ прискакалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостью и между прочимъ сказалъ, что, «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно того же ожидать отъ султана». На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ничего не дѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hautesse), находящагося въ его лагерѣ, и своего военнаго совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельдмаршалъ пришелъ имъ объявить, что Его Величество принимаетъ учтвое предложеніе великаго визиря. Паша откланялся, взявъ съ собою шестерыхъ Татаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослалъ ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ Турковъ людьми необыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе усилилось съ-тѣхъ-поръ, какъ я на нихъ посмотрѣлся. Они большею частію красивы, носятъ бороду, не столь длинную, какъ у капушиновъ, но снизу четырехугольную, и ходятъ ее, какъ мы ходимъ лошадей. Эти паша, хотя всѣ трое разнаго цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, признался мнѣ, ему было 63 года, а на взглядъ нельзя было ему дать и сорока лѣтъ.

Армія паша, разстроившая батальонъ-карре при входѣ въ тѣснину, раздѣлилась въ долину, находящейся при выходѣ изъ оной. Его Царское Величество съ Преображенцами, Семеновцами, Астраханцами и Ингерманландцами сталъ въ авангардѣ, въ двухъ миляхъ отъ тѣснины. Генералъ-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Рѣнина сдѣлали за Его Величествомъ и расположились лагеремъ въ полторѣ мили; генералъ

баронъ Денсбергъ въ одной милі; генералъ баронъ Алзартъ въ полу-мили съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію Его Величества, ибо Г. Янусъ страдалъ въ это время поагрою. Дивизія же Адама Вейде осталась при выходѣ изъ тѣснины. Двухъ-тысячный Турецкій отрядъ раздѣлился на три части; одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая все тѣ же дистанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣялись найти всѣ запасы, нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оставались мы четыре дня и запаслись всѣмъ, что могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, если бы генералъ баронъ Алзартъ, зная, что я потерялъ весь мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей <paloube> съ одеждой и бѣльемъ находилась и постель, то я въ своемъ несчастьи почиталъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехдневный отдыхъ своей арміи и собравъ запасы для перехода черезъ степи, Его Царское Величество повелъ насъ вдоль Прута до Станопы (Stanopre), по дорогѣ не столь трудной и дальней, какъ Сороцкая. Въ Станопѣ мы стояли опять четыре дня, по той причинѣ, что Его Величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы всей арміи.

Здѣсь разстались мы съ тремя пашами и съ ихъ отрядами. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генералъ-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису, варенаго на молокѣ, и наѣлись его, насыпавъ кучу сахару. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить Венгерскаго вина, какъ ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они цѣлый день.

Отъ Станопы армія въ четыре дня пришла къ Могилеву на Днѣстрѣ, куда прибылъ ужъ Сороцкій гарнизонъ, истребивъ мостъ и наружнія укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Днѣстрѣ, задержалъ насъ тутъ еще восемь дней. Буджакіе Татары вздумали было насъ беспокоить. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ, на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устрашить тѣхъ, которые вздумали бы опять насъ беспокоить въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, что не переставали они чинить съ нами отъ самаго Станопы.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ трое сутокъ. Шестъ батальоновъ гренадеръ остались въ аррьергардѣ лагеря, изъ опасенія, чтобъ Татары, кроющіеся въ горахъ, не потревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и отступленіе наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Днѣстромъ, въ Подоліи, Его Царское Величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей краткій, но трудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бри-

гдѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ день отданнаго приказа. Воля Его Царскаго Величества была исполнена: изъ 79.800 людей, состоявшихъ на лицо при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15.000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставаться надлежало 64.800, но оказалось только 37.315. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобрение сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы стекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ Подольскихъ, государь, Императрица, свита ихъ и министры <за исключеніемъ барона Шафировъ и графа Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ Турецкомъ заложниками мира> отправились incognito въ десять часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного только гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію государя, приготовлены были суда, на которыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ Императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, когда она признана была Императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (*une femme de rien*), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ Императорскій со всею честью, величіемъ и умомъ, какихъ можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда Его Величества, фельдмаршалъ съ всею арміею выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградѣ, куда, по его приказанію, съѣхались всѣ генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились; ибо армія была распределена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельдмаршала, онъ объявилъ имъ, что Его Царское Величество, заключивъ миръ съ Турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые, по ихъ большому жалованью, наиболѣе были ему тягостны, что онъ именемъ Его Царскаго Величества благодарить ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ проздалъ абшиды генераламъ, коимъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу Его Величества съ 1 Января 1711 года.

Списокъ генераламъ, отпущеннымъ Его Царскимъ Величествомъ или оставившимъ его службу безъ отпуска.

Фельдмаршалъ генералъ-лейтенантъ Гольдъ отошелъ безъ отпуска, не получивъ 60.000 эку и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуска по той же причинѣ.

Генералъ баронъ Денсбергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольдъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Ностицъ, Эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удалетворивъ себя 50.000 эку, которые считалъ за государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ отошелъ безъ отпуска.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (*comte de Lion en Veauce*) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Боэ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкинъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ ифантиеріи Миропсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 г. отпущены съ абшидомъ генералъ баронъ Алартъ и генералъ-лейтенантъ Флюгель.

14 иностранныхъ полковниковъ отпущено съ абшидомъ; нѣкоторые же отошли сами.

22 полковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ не слишкомъ много истратилъ денегъ, отпускная всѣхъ сихъ офицеровъ, ибо никому ничего не заплатилъ: и до-сихъ-поръ за нимъ пропадаетъ жалованья моего за тринадцать мѣсяцевъ *), по 130 руб. на мѣсяцъ <рубль стоить 5 франц. ливровъ>: я получалъ 70 рублей какъ бригадиръ, 40 какъ полковникъ и 20 какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣлать было нечего; мы рѣшились терпѣть. Генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ баронъ Остенъ и я отправились вмѣстѣ черезъ Салаполь <Тарнополь> <гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахіи, и которые тамъ обогатились въ той же мѣрѣ, какъ мы обнищали> и потомъ, черезъ Замосць, въ Леополь, гдѣ двѣи мѣсяцъ отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семь-то городѣ познакомился я съ госпожею короною старостиной и ея сестрою, госпожею великой хорунжихою. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Сипявскому. Сія дамы оказали мнѣ множество вѣжливостей; между прочимъ получила я отъ старостины прекраснаго Испанскаго табаку, который оживилъ мой носъ, совѣмъ изнемогшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы прѣехали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяцъ. Оттуда Вислою отправился я съ барономъ Остенемъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною послѣдницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

*) Кажется, слышешь храбраго капитана Dalgetty, жалующагося на недоняки и неисправность въ платѣжѣ жалованья. *Прим. А. С. П.*

967. [О «ТРЕХЪ ПОВѢСТЯХЪ» ПАВЛОВА].

«Три повѣсти» г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ рассказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, неприятное для здраваго вкуса. Можетъ быть, это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубокой въ знаніи чело-вѣческаго сердца.—Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально помѣщены три или четыре лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона—черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна, или, по крайней мѣрѣ,

есть анахронизмъ. Зато всѣ лица живы и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить, и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность; въ описаніяхъ, близорукая мѣлочность нынѣшнихъ Французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные рассказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведений. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, не смотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа: <выписки>.

968. [ОБЪ ИСТОРИИ ПОЭЗИИ ШЕВЫРЕВА]

Исторія поэзіи — явленіе утѣшительное, книга важная!

Россия, по своему положенію географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands juges. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны. При-мѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: по чему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ.—Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ Французской критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ <стр. >. Онъ избираетъ способъ изложенія исторической — и подвломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость рассказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи Западной Словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность Римскую, побѣжденную Христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каеволицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ то же начало, но встрѣчаетъ Мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе <? не магометанское, а...>

Оставляя роскошный Югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ Германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разьединенію, которыя и донинѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей,

и при дворахъ ея князей, и на каедряхъ ся профессоровъ.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни — все вмѣстѣ — эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія — не цѣли,

а средства. Народъ <der Herr Omnis> властвуетъ въ ней отвратительною властью демокраціи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une maigre pétulante et tranchante, etc.

Девизъ Россіи — Suum cuique..

969. [ВЫПИСКИ ИЗЪ ЧЕТИ-МИНЕЙ].

Трапѣза
толкъ, толмачъ
разрѣвать <кого>
Римъ ветхій
Великородный
тверда аки наковальи
мужъ конскаго чина <всадникъ>.

Вложи <діаволь> убо ему мысль о родителехъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающе велю отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаша ему помыслы: что нынѣ творять родители твои безъ тебя, колико многую имуть скорбь и тугу и плачъ о тебѣ, яко не вѣдущимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближнія жалѣютъ по тебѣ, и весь домъ отца твоего въ печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братій его, и различная мірская суетствія во умъ его приводяше. День же и нощь непрестанно такими помыслами смущаше его, яко уже изнемощій ему тѣломъ, и ели живу быти; ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ,

изше яко скудель крѣпость его, и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема.

<Житія преподобнаго отца нашего
Іоанна Кушника, Іаннуарія 15>.

рубо — рубище
дельва — <бочка или ящикъ?>
и дубраву всякаго древа своею рукою насади <Ч.-М., Житіе Св. Ора черноризца>.

Куколь <сарухон> cuculum

убрусъ

съ путемъ <съ жалованіемъ>

Пріидоша къ прельщенному преподобныя отцы Никонъ игумень и Іоаннъ, иже по немъ бысть игумень, Пимень постникъ, Исаія, иже бысть Еп. Ростовскій, Матѣей прозорливый, Исаія затворникъ печерскій, Агапіть врачъ, Григорій Чуд., Никола, иже бысть Еп. Тмут., Несторъ лѣтописецъ; Григорій творецъ каноновъ, Феоктистъ, иже бысть Еп. Черниг., Онисіфоръ прозорливый: сии вси въ добродѣтельхъ сіяющихъ пришедше молитву творяху къ Богу о Никитѣ.

<Житіе преп. Никиты Затворника
Печерскаго>.

970. [ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА СТОРОЖЕВСКІИ].

Декабря 3. Преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святыхъ обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожѣхъ, новаго чудотворца.

[Изъ пролога]. Преподобный отецъ нашъ Савва отъ юности своей Христа возлюбилъ, а міръ возненавидѣлъ, и, пришедъ къ преподобному Сергію, пріялъ Ангельскій образъ и сталъ подвизаться, угождая Богу постомъ, бдѣніемъ, молитвами, смиренномудріемъ и всѣми добродѣтелями, желая небесная блага пріяты отъ Господа. Многія искушенія претерпѣлъ онъ отъ бѣсовъ, но

повѣдилъ ихъ помощію Вышняго и надъ страстями воцарился. Тогда, по наставленію учителя своего, великаго Сергія, отошелъ онъ отъ обители Святыхъ Троицы и поселился въ пустынѣ на горѣ, называемой Сторожѣ, въ верху Москвы-рѣчки, въ разстояніи одного поприща отъ Звенигорода и сорока отъ града Москвы. Тамъ святой иночествовалъ въ безмолвіи, терпя ночные морозы и тяготу жара дневнаго. — Услыша о добродѣтельномъ житіи его, многіе иноки и люди мірскіе отъ различныхъ мѣстъ начали къ нему приходять, дабы жить при

немъ и отъ него пользоваться. И принималъ онъ всѣхъ съ любовью, и былъ имъ образецъ смиренія и иноческихъ трудовъ, самъ черпая и нося воду и другія потребности правя, научая тѣмъ братію не лѣниться и не губить дней своихъ праздностію, изобрѣтательницею всего злаго. Потомъ ивкій христолюбивый князь, пришедъ къ блаженному Отцу Саввѣ, умолилъ его построить храмъ на томъ мѣстѣ и <злато> сумму, нужную на созданіе онаго, далъ святому. И святой прошеніе князя исполнилъ и построилъ храмъ честнаго и славнаго Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудную и великую для душе-спасительнаго пребыванія въ ней иноковъ. Тамъ онъ *добре* пасъ во имя Христа собранное стадо, вода оное на пажить духовную, и бывъ ивкогда единожителемъ божественному Сергію, сотворилъ многія добрыя дѣла о Господѣ. Въ поздней старости впалъ онъ въ болѣзнь тѣлесную и, недолго пострадавъ, призвалъ братію и поучилъ ихъ божественнымъ писаніямъ, наказывающимъ хранить чистоту тѣлесную,

имѣть братолюбіе, украшаться смиреніемъ и прилежать посту и молитвѣ. Тогда поставилъ имъ въ игумены одного изъ учениковъ своихъ и всѣмъ братіямъ заповѣдалъ пребывать у игумена въ послушаніи и въ повиновеніи. Наконецъ, давъ имъ всѣмъ миръ и послѣднее цѣлованіе, въ добромъ исповѣданіи предалъ душу свою въ руки Божіи декабря 3-го дня, во всемъ благоугодивъ владыкѣ своему, Христу. Услышавъ о преставленіи Святаго, Князя и Бояре, и окрестъ живущіе, и всѣ христолюбивые граждане Звенигорода стеклись съ великой любовью на погребеніе Отца, принесши съ собою больныхъ своихъ, и, проводивъ его псалмопѣніемъ надгробнымъ, положили его съ честію въ имъ построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ. Честныя его мощи и до нынѣшняго дня многія и различные изцѣленія источаютъ приходящимъ съ вѣрою, во славу Христа, Бога нашего, угодникамъ своими и по преставленіи многія чудеса творящаго, ему же слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, Аминь.

971. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО,

Архіепископа Бѣлорусскаго,

изд. протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. С.П.б. 1835.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславѣ Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астропомамъ...» и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выражений, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, прѣбывшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умиленной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истинною краснорѣчія. Впрочемъ различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ Мужей миноваго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею Епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо Католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніятамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніятскіе костѣлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносилъ обо всемъ Св. синоду и жаловался нашему Посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуше озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлячинскій, прославившійся ненавистію къ нашей

Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣдующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жоліеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутейнскаго монастыря, откуда тайно вывели его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя Езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на Архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломались въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но къ счастью не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часть отъ часу усиливалась. Польское Правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили Православную Церковь, лестью, и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго Двора, чтобы гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и вслѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, Св. синодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе Псковскую Епархію, Императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ».

Въ 1765 году Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши, Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщаль свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ

«Уніятскимъ Архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного Епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ». Но гордые Польскіе Магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградой Русскихъ штыковъ, созванъ былъ Сеймъ, учреждена согласительная Коммисія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слудской конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей Коммисіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ приобрести уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ», сказалъ однажды ему Уніятскій Епископъ Шептицкій, а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ». Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены—и въ 1773 году Георгію явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлороссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею Епархіею. Просвѣщеніе Духовенства, ему подвластнаго, было главнымъ его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отроду.

Нынѣ Протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатериинѣ, по совершеніи Ея коронаванія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей.

«Для молитвы постъ есть тоже, что для птицы крылья.

*

Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіеть ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Иудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Иудейскій!* *) Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ **. Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ-подъ ризы Своея изринетъ насъ.

*

«Душа безсмертная, отъ брэннаго тѣла, какъ птица изъ разтерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай Богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.

*

Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами Ангеловъ и человѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ Ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевель.

*

*Види въ клятвѣ твою и помолися ***).* Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и попеченій, и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отряси отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вожделвія, единъ съ единымъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говоритъ сопровождающимъ: *сподите здѣ со ослатемъ; азъ же и дѣтищъ поидемъ до онде, и поклонившеся, возвратимся къ вамъ****).* Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ оставить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесетъ. О, сколь отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вкругъ себя собираемъ. Молясь, и покушаемъ, и про-

даемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихонствѣхъ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о сластяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Гдѣ тутъ умъ, разумѣющій глаголы свои? Гдѣ сердце, долженствующее прилѣпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимвалъ звякаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухѣ, по всѣмъ странамъ носятся, а сердце хладно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.

*

Иосифъ, проданный братіями своими во Египетъ, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ удѣлъ самую богатую землю, Гесемъ именуемую *). Сынъ Божій, по безмѣрной благодати Своей, соединившійся съ нашею природою, и такимъ образомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ, даетъ намъ, не часть нѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльне. Небо отверсто для насъ; престолы уготованы; объятія Божественнаго Брата нашего ждутъ насъ. Пойдемъ, полетимъ къ Небу: но прежде должны мы сбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую насъ къ землѣ.

*

Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ: «Большее изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то, что дванадцать человѣкъ, безкнижныхъ, безоружныхъ, нищихъ, проповѣдывавшихъ крестъ, побѣдили, не только Владыкъ и сильныхъ земли, но и самихъ боговъ языческихъ, и цѣлый свѣтъ Христу покорили». Ты возразишь мнѣ на сіе, что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончилъ жизни безъ мученій, безъ креста, меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ: на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою: *Се азъ посылаю васъ, яко овцы посреди волковъ: предадутъ вы на сонмы, и на соборищахъ избіютъ васъ **).* Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри, что съ сими убиенными послѣдовало? Цари персть ихъ почитаютъ, и отложивъ порфиру и вѣнецъ, благоговѣнно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

*) Матѣ. 27, 22.

***) Евр. 6, 6.

****) Матѣ. 6, 6.

*****) Быт. 22, 5.

*) Быт. 47, 6 п.

***) Матѣ. 10, 16, 17.

Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ мученики Христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшнихъ богоборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англіи, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, извѣстный бояринъ, уличенный въ безбожія, однимъ показаніемъ кнута отрякся того.

*

Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесъ не творятъ, ни лучшей перемѣны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и вспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно то же сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на кораблѣ беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плователи обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и оный беззаконникъ нѣчто промолвилъ; то кормчій остановилъ его сими словами: «ты, пожалуй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ нами, и потому еще между отчаяніемъ и надеждою находимся; а какъ услышитъ твою святую молитву, такъ мы и погибли». Достойна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнитъ и не знаетъ того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы моя внуши, Господи, разумный званіе мое**); а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумемъ. Такая молитва перемѣнитъ ли насъ, окаянныхъ и грѣшныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшнѣйшими выходимъ.

*

Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; по мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умаляется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми небольшою кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную пословицу: «приложи копѣйку, то купишь калачъ». Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть

изображеніе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь вѣры и упованія на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.

*

Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотреть.

*

Чужій грѣхъ на мнѣ не лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласіемъ или неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мнѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говоритъ Самъ Спаситель, *имѣ же соблазнъ приходитъ* *). Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій, уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и притомъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставаясь еще въ сей жизни, посылаютъ, вслѣдъ за мною, безчисленныя беззаконія, отъ единого примѣра моего, *яко* отъ единого блата, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенъ грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры!»

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серца ожидаютъ созрѣлыя класы;

А намъ вѣстники смерти—сѣдые власы,

О! смертный, безпечный, посмотри въ
зердало:

Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ миновало.

Какъ же ты собрался въ смертную дорожку?

Съ чѣмъ ты предстанешь Правосудному
Богу?

*) Псал. 5, 2.

*) Матв. 18, 7.

Путь смертный безвѣстенъ, и колонъ разбоя:
Искуснаго, храбраго требуетъ конвой.
Кто жъ тебя поведетъ, и за тебя сразится?
Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ
возвратится.
Нанеможешь пѣшій, таща грѣховъ ношу!
Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хо-
рошу,

Подмогу, кака дана Сикеоуту:
Но та дана слезамъ, кровавому поту.
А ты много ли плакалъ за грѣхи? Считаешься.
Не весь ли вѣкъ твой есть цѣпь грѣховъ?
Признайся.

Ахъ! вижу, ты нагъ, какъ родила мать;
Ни лоскута на душѣ твоей не сыскать!
Повѣрь же, не увидишь въ небесны чертоги:
Въ адъ тебя низринутъ, связавъ руки, ноги.
Безъ масла дѣлъ благихъ гаснетъ свѣча
Вѣры;

Затворятся брачныя буямъ двамъ двери;
Можетъ быть, при смерти, «помяни мя» ска-
жешь,

И тѣмъ уста свои навсегда завяжешь.
И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,
Плодъ добрыхъ дѣлъ тебѣ принести
остается.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: *Исторія Малороссіи* извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ дѣлю Государственною. Когда Императрица Екатерина учредила Комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда депутатъ Малороссійскаго Шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только Исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикою, необходимою въ Исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ Исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ *критики* я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкото-

раго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству Католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою <Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ>. Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

Введеніе Уніи.

«По истребленіи Гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышедъ отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русской. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливимъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероповскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго и всего Рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхыхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во всѣхъ правительственные и судебныя уряды Малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными штатами; города заняты Польскими гарнизонами, а другіе селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу Русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихою, и что только замыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное челоуѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побой, му-

чительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непрощенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человекъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изъязвляли, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, развѣзжавшее съ триумфомъ по Малой Россіи для надзора и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человекъ и болѣе. На прислугу сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицъ. Русскія церкви несогласовавшихся на Унію прихожанъ отданы Жидомъ въ аренду, и получена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тотчасъ ключи церковныя и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ Христіанской повиненъ ктиторъ идти къ Жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправки, платить за нее и выпросить ключи; а Жидъ притомъ, насмѣваясь довольно богослуженію Христіанскому и прехулившіи все Христіанами чинимое, называя его языческимъ или, по ихъ, Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ записъ не отказано.

«Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могши перенести лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложило отъ народа своего и разными проносками, посулами и дарами закупало знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними, и мало-по-малу согласилось первѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ Католичество Римское. Въ послѣдствіи, сіе шляхетство, соединяясь съ Польскимъ шляхетствомъ свойствомъ,

сродствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой природы Русской, и всемѣрно старалось изуродовать природныя названія свои, пріискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесь между ними видны фамиліи совсѣмъ Русскаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и въ ихъ нарѣчій бытъ не могло, напримѣръ: Проскура, Чернецкій, Кисель, Воловичъ, Сокирка, Комаръ, Жупанъ и премногія другія, а съ прежняго Чаплина названія Чаплинскій. съ Ходуна Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, а подражая имъ, гнали преизлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ: въ семь они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну немалую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великія ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся безъ пастырей и вождей. Самые курени казакіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жительствовамъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ; а напротивъ того, знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видная сдѣлалась перемѣна.

КАЗНЬ ОСТРАНИЦЫ.

«На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ 1638 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Стефанъ Острица, а къ нему приданъ въ Совѣтники изъ стараго и заслуженнаго товариства Леонтъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отъменно уважаемо было. Коронный Гетманъ Ляндкоронскій съ войсками своими Польскими не преставаля нападать на города и селенія Малороссійскіе и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Острицѣ великаго искусства надобно было собрать свои войска, вездѣ разбѣянные и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпионами; наконецъ собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславу, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Придѣвпскіе города, на обоихъ берегахъ сея рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій казацкихъ, по причинѣ наведенныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совершенной безопасности, и потому они вездѣ были разбиты; а упорно защищавшіеся истреблены до послѣдняго. Амиунція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли ивать Гетмана Ляндкоронскаго, который съ главнымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Острица тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Ляндкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ казаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старицами, и для того защищался до отчаянія; а казаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнные ими на позорищѣ въ городахъ отрубленные головы ихъ собратій, злобились на Ляндкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и нако-

нецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломаясь въ нихъ, ударили на копья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крики и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялисьъ одиѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и застряли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Ляндкоронскій, съ лучшею немногую конницею, завременно бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался казакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запасахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвши руки къ Небесамъ, благодарили за нее Бога, поборающаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребли тѣла убитыхъ и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,317, а своихъ 4727 человекъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и корыстями, погнались за Гетманомъ Ляндкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонимѣ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагося въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ нихъ на встрѣчу церковную процесію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ Русскимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Острицу и его войска, чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обонхъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій казацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

«Гетманъ Острица, разославъ свои войска, иныя по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища, самъ, и со Старицами Геперальными и со многими Пол-

ковниками и Сотниками, захалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою, въ Полономъ заключенный, наравнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у казаконъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ и презорствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только Католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отменяло, яко схизматицкія и суду Божию неподлежащія. По симъ страннымъ правиламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпіоновъ своихъ, Жидовъ, о поѣздкѣ Гетмана Острицы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили немногочисленною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневского, который стоялъ внѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдѣлся имъ безъ сопротивленія. Они неревязавъ весь штатъ Гетманскій и самаго Гетмана, всего тридцать семь человѣкъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили до послѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накиннули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ триумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя въ народѣ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтнихъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надвѣясь умоливать и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей ихъ за своихъ отцевъ. Но они симъ пищу только кровавнымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повле-

чены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ.

Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ челоуѣчествѣ по лютости своей и коварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому, и самому свирѣпому Японцу, не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устало бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывало процессія Римская со множествомъ Ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Острица, Обозный Генеральный Сурмила и Полковники Недригаило, Боюнъ и Риндичъ были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ нихъ по колесу жили, пока они скончались; Полковники Гайдаревскій, Бутримъ, Запалѣи и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы Полковные: Постыличъ, Гарунъ, Сутяга, Подобай, Харчевичъ, Чуданъ, Чурай, и Сотники: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ пробиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурдѣи и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментяй, Дунаевскій, Скубрѣи, Глянскій, Завезунъ, Кусырь, Гуртовый, Тумаръ и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдалцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли... Оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголь и раздували шапками и метлами.

«Главные члены челоуѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги, развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Развѣжавшія притомъ войска Польскія, наполнившія всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчи-

ства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣляли себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешли на платье Жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкоему хаосу или смѣшенію, грозящему по-

слѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго ли оно продлится? Всякой съ потрясеніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніятскихъ, то у Жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться.»

Какъ Историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго Архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу великую услугу. Будемъ надѣяться, что и великій Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

972. ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНІЯ.

Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СПб. въ тип. Деп. Внѣшн. Торг., 1836, въ 8, стр. 96.

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастола хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣ-

лалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей».

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

973. ВЕЧЕРА НА ХУТОРЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Папъкомъ. Изд. 2-е, двѣ ч., въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ тип. Деп. Вѣш. Торговли.

Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ»: всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣяшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставляя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался

и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутивую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ*).

*) На-дняхъ будетъ представлена въ здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ.

974. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ РАЗСКАЗУ СУЛТАНЪ КАЗЫ-ГИРЕЯ: «ДОЛИНА АЖИТУГАЙ»].

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; Черкесъ изъясняется на Русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ Крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскош-

ную образованность, остался вѣрнѣйшимъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ, какъ Русской офицеръ помнить чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце; какъ, наконецъ, Магометанинъ съ глубокой думою смотреть на крестъ, *эту хоругвь Европы и просвѣщенія.*—
Издатель.

975. АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819 году.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по Ея повелѣнію, въ Лейпцигскій Университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи Духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: Надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; Духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія

на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ служба и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность, другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750-го года. Онъ обучался сперва въ Пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя внима-

А. Н. РАДИЩЕВЪ.
Гравюра Вендрамини.

нѣ начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно Латинскому и Нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при Тайномъ Совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще, какъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ Французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ Русскихъ студентовъ за книгою О разумѣ, и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна Французская философія 18 столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытымъ ученіемъ Герофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ, и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ Молвы видитъ въ нихъ опять и дѣлъ человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣняются другими.

Радищевъ написалъ Ж и т і е Ѳ. В. Ушкова. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невозддержанной жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще

успѣлъ преподавать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей *). Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ сочинитель. Графъ Воронцевъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную Свою Канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней Государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ Мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полу-политическому, полу-религиозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить Мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на усилія Французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцевъ, и Сама ихъ ободрявшая Своимъ Царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество, и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на Русскихъ Мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ; но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-мазонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Тайнственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое Путешествіе изъ Петербурга

*) А. М. Кутузова, которому Радищевъ и по сѣтилъ житіе Ѳ. В. Ушкова.

въ Москву, сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемъ мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего Правительства, наши законы, не измѣнившіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцати-пятилѣтнимъ Царствованиемъ Александра, Самодержца, умѣвшаго уважать человѣчество; если подумаемъ, какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствиємъ сумасшедшаго. Мѣлкій чиновникъ, человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу Самодержавія, противу Екатерины! И замѣтите: заговорщикъ надѣется на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву» весьма посредственною книгою; но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но можетъ быть самъ Радищевъ не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ, къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! Какъ бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до Государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. Онъ Мартинистъ, говорила она Храповицкому <смотри его записки>. Онъ

хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина. Слово глубоко замѣчательное: Монархиня, стремившаяся къ соединенію во-едино всѣхъ разнородныхъ частей Государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англій. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть <см. Полное собраніе законовъ>. Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Иле[и]мскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ Китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію Путешествія. Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему побѣжала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ о семъ трогательномъ обстоятельстве:

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Сядься въ лодки, устремляясь
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я среди бѣдствій —
Но на зонѣ жаркой дружбы
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину.

Бова. Вступленіе.

Императоръ Павелъ I, взошелъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу Правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія Императора Павла I не писалъ ни одной строки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирѣнный опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурною и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятію Великой Царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или съ улыбкою отвергаетъ мечты,

волнованія юпошу. Моложавыя мысли, какъ и молодежавое лице, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, пбо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время Ужаса? Могъ ли онъ безъ омерзѣнія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиня въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣвъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренныя виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію Составленія Законовъ, и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ началству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ З[авадовскій] удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему

съ дружескимъ упрекомъ: «Ахъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣвъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ Лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ давно напорочилъ!

Сочиненія Радищева, въ стихахъ и прозѣ <кромя Путешествія>, изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе О челоѣкѣ и его смертности и безсмертіи. Умствованія онаго пошли и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виднѣтъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотиѣ излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Тилимахидѣ, и о Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть Осьмнадцатый вѣкъ — лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урна времяъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ берегу изливаютъ пѣністыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣла ни береговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ не находятъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣды;
Но знаменито вовѣки, свою кровавою струею
Съ звуками грома течетъ наше Столѣтье туда;
И сокрушенъ наконецъ корабль, надежды песущій!
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастье и добродѣтель и вольность пожрали омутъ ярой.
Зри: всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято вовѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Кровь — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы сраженій;
Ахъ, омоченной въ крови ты пизпадаешь во гробъ!..
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россѣ

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ ори-

гинально, и разговоръ его съ Баргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ

АлѣшѢ ПоповичѢ, другой его поэмѢ, не включенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій, нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

Путешествіе въ Москву, причина его несчастія и славы, есть, какъ уже мы сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѢ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоить открыть его книгу наудачу, чтобъ удостовериться въ истинѢ нами сказаннаго.

Въ РадищевѢ отразилась вся Французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Реналля; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѢ, какъ всѢ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѢ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѢ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему—вотъ что мы видимъ въ РадищевѢ. Онъ какъ будто старается раздражить Верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить Правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ; онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣвлено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безмысленной и своеправной Управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни

соблазна; ибо Правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣтельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не дугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностію.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Что именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. ВсѢ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благородныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенные выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. ОнѢ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большею искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѢ нѣтъ любви.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Отъ Императрицы, Главнокомандовавшему съ Санктъ-Петербургу Генералъ-Аншефу Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ! Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произзвѣсть въ народѢ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными изрженіями противу Сапа и власти Царской. Сочинителемъ сей книги оказался Коллежскій Совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѢ цензуры Управы Благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взять подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ ПалатѢ Уголовнаго суда Санктпетербургской губерціи, гдѢ заключа приговоръ, взнести оный въ Сенатъ нашъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Е к а т е р и н а.

II. Изъ записокъ Храповицкаго.

26-го іюня [1790]. Говорено [Государыня] о книгѢ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. «Тутъ разсѣваніе Французской заразы. Авторъ Мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ». Посылка за Рылѣвымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева.

2-го іюля. Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева. А онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости.

7-го іюля. «Примѣчанія на книгу Радищева послать къ Шешковскому». Сказать изволити, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалить Франклина и себя такимъ же представляеть. Говорили съ жаромъ и чувствительностію.

11-го августа. Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ Совѣтѣ «чтобъ не быть пристрастнымъ, и объявить, дабы не уважили до меня касающагося, понеже я презираю».

[III].

Отрывокъ изъ книги Р[адищева]

Клинь.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміанъ Князь... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божиимъ чловѣкомъ, былъ сдѣланъ старикъ, сдѣланный у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстать ему со благоговѣніемъ. Неискутный хотя его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, пропѣвалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внимающихъ, нежели взрощенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внимаютъ кудрявому напѣву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутри глубокаго, когда Клиньскій пѣвецъ дошелъ до раздуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнились изстущающихъ изъ чувствительной отъ бѣды души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающего. О природа, koliko ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла сопутница ея, улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость, неложный знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія; даже мужественный возрастъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О природа! возопи въ якии...

Сколь сладко неизвѣстное чувствованіе скорби! Koliko сердце оно обновляетъ и онаго чувствительности! Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты не зрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денюжки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, по всегда сопровождалъ благодарностию свою поклономъ, крестясь и говоря къ подающему: «дай Богъ тебѣ здоровья». Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желанія его благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалось мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто благословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи и отъѣмлетъ терніе сомнительности. Подошелъ къ нему, я въ дрожащую его руку,

толико же дрожащую отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣвъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвѣченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Koliko пріятнѣе ему, вѣдалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе чловѣчества; въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! koliko малъ я самъ себѣ тогда казался, koliko завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба пѣвшему старцу. — Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово. — Нѣтъ, дѣдушка рублевикъ, сказалъ близъ стоящій его мальчикъ. — Почто такая милостыня? сказалъ сдѣланной, опуская мѣста своихъ очей и ища, казался, мысленно вообразити себѣ то, что въ горсти его лежало. Почто она не могущему ея пользоваться! Если бы я не лишень былъ зрѣнія, сколь бы велика моя была за него благодарности. Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ немущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолокъ бы хотя на одинъ сутки вопль ачущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? не вижу, куда его и положить; подастъ онъ, можетъ быть, случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многие протянутъ руку. Возьми его назадъ, доброй господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. О истина! koliko ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоряну. — Возьми его назадъ, мнѣ право онъ ненадобенъ, да и я уже его не стою, ибо не служилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ лишень я былъ вѣждей моихъ. Терпѣливо сношу его прещеніе. За грѣхи мои онъ меня посылитъ... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполнила всегда мое сердце при началѣ сраженія; я не щадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и просящаго безоруженному помилованія не дарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо очей въ силѣ своей душечнымъ ядромъ. О вы, послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните чловѣчество. — Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила сдѣланною подошедшая женщина лѣтъ пятидесяти... Съ какимъ восторгомъ онъ припаялъ его обѣими руками... Вотъ истинное благодареніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стойтъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ перѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ, прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой,

можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя пышбиния, когда увидѣла меня здѣсь въ пищенскомъ состояніи, Вотъ чего не позабываетъ она каждой день и каждой праздникъ. Дѣло мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно Господу; за нимъ никогда ничто не пропадетъ.

Неужели ты меня столько передъ всѣми обидишь, старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаліе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и та бываетъ ему на пользу, если служить къ умягченію его ожесточеннаго сердца.—Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ быть мнѣ полезно... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло—

платчишка не было, чѣмъ повязать шею—Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, то я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ, я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминаніе пищаго... Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпаго... И разстался съ нимъ.

Возвращаясь чрезъ Клинь, я уже не панель слѣпаго пѣвца. Онъ за три дня моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пироги по праздникамъ, падѣлъ, заболѣвъ, передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ дѣлу сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило слушавъ сіе.—

Вотъ какимъ слогомъ написана вся книга!

976. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

18-го Января пышбиняго года Россійская Академія была удостоена присутствія Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ Почетные Члены. Непремѣнный Секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла Киягинѣ Дашковой быть Предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и неизблемый порядокъ, хотѣла дать Уложеніе и Русскому языку. Академія, повинуясь Ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію Словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась Она объ успѣхѣхъ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что Словарь доведенъ до буквы *И*, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете: Вашъ? Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ Императрицынь: что Словарь? отвѣчали Ей, что Академія дошла до буквы *И*. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора бы Покой оставить.

Не смотря на сіи шутки, Академія должна была изумить Государыню поспѣшнымъ исполненіемъ Ея воли: Словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ *).

*) Французская Академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ непрерывно занимавшаяся составленіемъ своего Словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говорить Виль-

рамзинъ справедливо удивляется такому подвигу. «Полный Словарь, изданный Академіей, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италия, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго <Ломоносова>, и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентинской и Парижской.»

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: «Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ

меня. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще Академія пересматривала букву *А*. Дѣятельный Кольбергъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе Академіи. Разбирали слово *А ш і*. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ *а ш і* предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что Министръ, у коего при Дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ Академіи.

людяхъ особенное вниманіе.» Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другаго.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не попыпляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ оставляются, а нѣрѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человекъ старбется.

В. Въ чемъ состоятъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человекъ данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиповъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

В. Сеи вопросъ родился отъ свободозычія, котораго предки наши не имѣли.

Сіи отвѣты писаны самой Императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова <1802—1813> Академія издала:

1) Граматику Россійскую. 2) Сочиненія и переводы Академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ Лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ Путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывший въ то время за границей съ Государемъ Императоромъ, назначенъ Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Подъ его руководствомъ Академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія Академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квизтилановы Критическія Наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ Академія приготавливаетъ третье изданіе своего Словаря, коего распространеніе часть отъ часу становится необходимымъ. Прекрасный нашъ языкъ, подъ

перомъ писателей неученыхъ и неискusstvenныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, Грамматика колеблется. Орфографія, сія Геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и cadaго.

Вслѣдъ за Непремѣннымъ Секретаремъ, Преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава и хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библиотекѣ.

«Рукопись называется Изборникъ, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.—Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіанскаго ученія, по частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лицѣ, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыхъ.—На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георгія Хоуровска о образѣхъ. Творчестви образи суть 27 <кз>: 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребніе. 4. Пріятніе. 5. Прѣходноіе. 6. Възбратъ. 7. Съпріятніе. 8. Сънятніе. 9. Именотворіе (опоматореіа). 10. Сътвореніе. 11. Въименовѣство. 12. Отъименіе (metonymia). 13. Въснятословіе. 14. Округословіе. 15. Не-статьякъ. 16. Изрядніе. 17. Лихорѣчіе. 18. Притѣча. 19. Прикладъ. 20. Отъдланіе. 21. Лицетворіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Поруганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословіе.—Инословіе оубо іестъ ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказаношти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ зми проклята ты и отъ всѣхъ звѣрпій слово бо акы зми іестъ на диавола же, ино рѣчь нѣ змиемъ нарицаема разоумѣватемъ.—Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочіихъ вышесчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителямъ или переводчикомъ, издателями Русской Эциклопедіи XI вѣка.»

Непремѣнный Секретарь прочелъ Главу II изъ Устава Академіи о должностяхъ и обязанностяхъ Академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданивѣйшаго доклада Президента Академіи, при поднесеніи на Высочайшее усмотрѣніе проекта Устава:

«Академія есть стражъ языка; и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, не нравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ Словесности основанное, краткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истинны и доказательствъ, въ коиъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній.»

Засимъ Дѣйствительный Членъ М. Е. Ло-

бановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ Словесности какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено.

В. А. Полъновъ прочелъ Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря Россійской Академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ, истинно академическую.

Послѣ сего Дѣйствительные Члены: М. Е. Лобановъ, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконедъ, Князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную Г. Президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ.

Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемые почтеннымъ старцемъ великому писателю..... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при Дворѣ блаженной памяти Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны, матери Его Свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно,

что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго Государя и Августѣйшей Сестры Его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. «Вы слушали», пишетъ Исторіографъ въ своемъ посвященіи, «съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Пребываніе Карамзина въ Твери означено еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову Государыни Великой Княгини, Женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли О древней и новой Россіи, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ, и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямотному Своему подданному. Когда-нибудь потомство одѣнитъ и величіе Государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 Января 1836 года будетъ памятно въ дѣтописяхъ Россійской Академіи.

977. ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ.

Издаваемыя А. Пушкинымъ.

Modo vir, modo foemina. — Оч.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ Конно-Польскій Уланскій полкъ, отличился, получивъ за храбрость солдатскій Георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ Мариупольскій Гусарскій полкъ. Впоследствии перешелъ онъ въ Литовскій Уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожь это самое надѣлало много шума, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности,

которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій—и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностію спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

Изд.

978. [О ХРОНИКЪ РУССКАГО А. И. ТУРГЕНЕВА].

Отъ Редакции.

I.

Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ 1-й книжкѣ журнала нашего Хроника Русскаго въ Парижѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности; что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ арагтѣ, подсмотреть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ, въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями «Современника». Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы, для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній,

городскихъ вѣстей, бульварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній,—такъ сказать, стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку Парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская Хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучший. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ наизнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство; слѣдовательно, не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помннутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

II.

979. О СТАТЬЯХЪ А. Б. И КОСИЧКИНА].

Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б[езсоновъ] не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

Мы получили также статью Г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей.

980. МНѢНІЕ М. Е. ЛОБАНОВА

о духъ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной.

<Читано 18 Января 1836 г. въ Императорской Россійской Академіи>.

Г. Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья, въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей Академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Ло-

банова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

«Любовь къ чтенію и желанію образованія <такъ начинается статья Г. Лобанова> сильно увеличились въ нашемъ Отеествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ болшемъ количествѣ; книжная торговля распространяется.»

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ Отеествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

«Безпристрастные наблюдатели», говоритъ онъ, «носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу Отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей словесности нѣкоторые отголосокъ безнравія и пелѣностей, порожденныхъ иностранными писателями.»

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣть онъ подъ словами безнравіе и нелѣпость, продолжаетъ:

«Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезно, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ <говорю о чистой словесности> у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, грустныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародыши безнравія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій и преступленій.»

«Уже ли жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Уже ли отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу челоуѣчеству? Уже ли истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному <?>, омерзительному и даже ненавистному?»

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе Эдмундбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи Французской Словесности. При семъ случаѣ своды Академіи оглашались собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странными прилагательными... Но что, если <паче всякаго чаянія> статья г. Лобанова будетъ переведена, и сія господа увидятъ имена свои, напечатанными въ отчетѣ Императорской Россійской Академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честью, неожиданной, неслыханной въ дѣтописяхъ Европейскихъ Академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? <Академіи безмолвствовали о другихъ>. Критическая статья Англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

«Для Франціи»,—пишетъ г. Лобановъ,—«для народовъ отуманенныхъ гибельною для челоуѣчества повѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и увалихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, на примѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшія хаосы ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Лукреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними, въ ужасахъ революцій.»

Спрашиваю: можно ли на дѣльный народъ изрекать такую страшную анафему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё; который и нынѣ гордится Шатобрианомъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрывается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія,—уже ли весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, болѣею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ корыстные расчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многие писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной дѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишете именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго челоуѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ: законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы Женеваускаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастье супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящности или нравственной дѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житія и образованности. Законъ постигаетъ одни преступ-

ленія, оставя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесаажъ, написавъ «Жилблаза» и «Гусмана д'Альфараашъ», конечно, не имѣлъ наиѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ свопхъ «Разбойниковъ» вѣроятно не съ тою цѣлію, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а разскашки и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная Французская Словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій *). Въ Словесности Французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, низпровергнутому старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи, литература производила приторныя, сентиментальныя, правоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣдніе времена кроткаго и благочестиваго «Возстановленія» <Restoration>. Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударила въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законной свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собой уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеаль, а не правоученіе. Но писатели Французскіе поплыли одну только половицу истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлю поэзіи, т. е. идеаломъ! Преніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и

наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла: нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, легкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» <какъ назвалъ ее Гѣте>, «словесность сатаническая» <какъ говоритъ Соутей>, словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже во мнѣніи публики.

Французская Словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большаго успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романтической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ роду правоопастельныхъ и историческихъ. Лесаажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію Французскому: она болѣе и болѣе дружится съ Поэзіей Германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности», продолжаетъ г. Лобановъ, «всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій Русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ—совершенную безотчетность, безсовѣстность, пагдность и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ исопредѣленное, по слову магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ злощасное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабуіи дерзкими и буйными выходками, не рѣдко

*) Современникъ № 1: «О движеніи Журнальной Литтературы».

даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существовать для нашей словесности: онъ, какъ бы безъ талантъ и г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безъ талантъ и, оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію....»

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственны; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены расчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою <первый признакъ невѣжества и слабости>, къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удалствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспаривали <весьма неосновательно> титулъ поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суетнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ Европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская Философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліаніе было благотворно и часть отъ часу становится болѣе ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ: а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва

ли вѣрять, что изящное, при нѣкоторыхъ только взмѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шексперы, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворить умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нынѣ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный геній—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ <которые однакожъ за тысячи лѣтъ пѣвляли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю>, подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку нравственности и словесности.»

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изъ всего имъ сказаннаго:

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Ценсурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ пропикнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать негѣное и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія <сказано въ ея Уставѣ, гл. III, § 2 и восполднаннѣйшемъ Докладѣ, § III>, яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собранія сей Академіи, согласно съ ея Уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего Высочайше утвержденаго словія.»

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сія дерзкіе, злонамѣренныя писатели, ухищряющіеся низровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества. И можно ли укорять

у насъ Цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, Цензура не должна проникать въ хищренія пишущихъ. «Цензура должна служить обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону» (Уставъ о Ценсурѣ, § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей Цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпно, если оно просто нелѣпно, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію Цензуры. Нелѣпность,

какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ Ценсурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ Цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заклучимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

981. ВОЛЬТЕРЪ.

<Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836>.

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Намъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчаямъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупателя послала продавца не менѣе забавнаго: Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошед-

шаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями,* но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевского Озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство малень-

*) Histoire des navigations aux terres australes. Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine. Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

кой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ <писать онъ самъ> имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ—дабы перешагнуть туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне <Tournoy>, принадлежавшее президенту де Броссу, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безвѣрнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуа, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно—и вотъ условія, которыя взымалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюся изъ матеріаловъ вашего предлагаемаго замка выстроить хорошенекій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украсишь землю, весь скотъ, всё земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коцъ вамъ будетъ удобен. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, дѣсомъ и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозаннѣ; то и другое теперь стонъ вдвое противъ прежней дѣны: то же сдѣлаю и съ вашею землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ, прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ <писать онъ> въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу, * то, восхищаясь имѣствъ съ вами физическою красою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо,

что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому, что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляла меня любить монархію... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бы онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто вѣтошъ. Вы вздумали возвратитъ ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталъ имѣлъ для васъ то же намѣреніе.—Приступимъ къ дѣлу.»

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ, 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ мало-важныхъ. Срубленные деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить «qu'il tremble!»—воскликаетъ онъ въ бѣшенствѣ—«il ne s'agit pas de le rendre ridicule; il s'agit de le déshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухъ стахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспылчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пи-

*) Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Délices sur St. Jean, близъ самой Женевы.

петъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала:

«Mens sana in corpore sano».

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣститъ Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо <которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ>: «Вы боитесь быть обманутымъ», говоритъ г. Рюфе, «но изъ двухъ ролей это лучшая... Вы не имѣли никогда тяжель: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Вспомните устрицу Лафонтена, и пятую сцену втораго дѣйствія въ Скапиновыхъ Обманахъ.* Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься...»

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ Академію <что въ то время много значило>. Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера <ихъ дѣлая бібліотека>, какъ чловѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть», пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, «какъ баловель Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ вѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами <которыя всѣ въ брилліантахъ>; какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на-прокатъ у Женевской Республики.—Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель <налогъ на соль> находится въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ

онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прищипки прокурора, то хитрости куица, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его пеподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розыны:

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être:
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ госсосо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при Дворѣ Фридерика II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ,* своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюн, прези-

*) Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапила на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ.

*) Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ посланіяхъ.

дентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Спусти нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлигѣ съ изображеніемъ короны, скиптра и Прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить!»—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю—«но боюсь быть подобно рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Вѣднjackи втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣлъ своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ <La Diatribe du Dr. Akakia> и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его Двора.—

Вся эта жалкая исторія мало приносить чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли при-

влечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ Государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлигъ? За чѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости Государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?..

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерикау камергерскій ключъ и Прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль переимѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственностью, но печалить благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ чловѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одиѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

982. ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донинѣ безопасная и цвѣтушая, сильная миромъ, упроченнымъ ей геогра-

фическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій Американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому

народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство Негровъ среди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющимъ дворянства; со стороны избирателей—алчность и зависть; со стороны управляющихъ—робость и подобострастіе; талаитъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному ostracismу; богачъ, одѣвающий оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной пищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ Индійскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе Американскаго Конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣяныя деревьями, и въ торговыя гавани, гдѣ задыматся пироскафы и развѣется флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо-Американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобрианъ и Куперъ оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикари, выставленные въ романахъ», пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, «также похожи на настоящихъ дикарей, какъ идилическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ». Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ знаменитыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведеннаго три-

дцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и Христіанской цивилизаціи. Достоверность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы < между прочими Токвиль, авторъ славной книги: „De la démocratie en Amérique“ > видѣли его, и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочесть нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды, ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приблизился къ стану Индійцевъ, и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и уплыли...

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился, и узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и больно его выскѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылѣлъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой», пишетъ Теннеръ, «оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу пашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинокъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять

спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его беспокоятся, чуя близость Индійцевъ, которые вѣроятно рыщутъ по лѣсу. «Джонъ», — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «ты сегодня сижи дома». Потомъ пошелъ онъ засвѣтать поле съ своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Насъ оставилось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился, и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не пересталъ его щипать. Наконецъ она стала его кормить грудью; а я побѣждалъ проворно на дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома, и близъ самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣчену ни отцомъ, ни его работниками... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индійцевъ!»

«Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ я услышалъ шорохъ. Я оглянулся: Индійцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ Индійцемъ, широкоплечымъ и малорослымъ. Вѣроятно, я его чѣмъ-нибудь да рассердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой томагавкъ <дубину> и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; по молодой Индѣецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, внесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостью. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индѣца прибѣжали послѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ ужасный Индѣецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть достигнуты.

«Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятали близъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою, и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣла <кожанья> и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьего жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселъ былъ еще виднѣн; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ извѣститься, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ;

упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой Индѣецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индѣцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ запозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ п дадь мнѣ пару мок а с и н о в ѣ <роль кожаныхъ лаптей>, которые облегчили меня немного.

«Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ Индѣцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую <думаю> въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ея перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индѣцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ, и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ прибѣжалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яйцами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индѣцы послѣшно подобрали яйца и разбѣгались по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и въ послѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно, меня искали на томъ берегу рѣки...

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ Индѣцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ <какъ послѣ мнѣ сказали>, что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Міами. Индѣцы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекикаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево <hickory>, срубили его, сняли кору и сняли изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой индѣйской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

«Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индѣйской деревни находилась

Американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать—въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшали меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи.

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своего маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ, чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Наканунѣ похищенія Индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрылись охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный знаніемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою долж-

ность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ *томагаукомъ* и бросилъ за-мертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: «Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то». Старуха съ дочерью побѣжали, нашли Теннера еще живаго, и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго приемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Бѣтъ ему почти ничего не давали; ночью они спали обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, входя и выходя, непременно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его, и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ мальчика за дверь, и уткнулъ «какъ кошку» лицомъ въ навозную кучу. «Подобно всѣмъ Индійцамъ», говоритъ Американскій издатель его Записокъ, «Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда рассказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жагда мщенія—отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь—не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!»

Зимой начались военныя приготовленія. Монито-о-гезикъ, управляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ...» Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую, старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго Индійца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобы замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ

былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индѣйцемъ — и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предрасудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о мятеляхъ, о голодныхъ, дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подавила имъ порохъ и свинець: тѣмъ и ограничилось ея благотѣльное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается ими за великаго человѣка. Теннеръ рассказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя <Неть-по-куа> только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолеть, чтобы идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебѣ быть охотникомъ». Миѣ дали заряженный пистолеть, и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и стануть учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ, и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи: но никогда жажда успѣха не была во миѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взялъ курокъ и поднялъ пистолеть почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время миѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолеть полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

«Не забывая о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осматрѣли; миѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ».

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка, толпа наша <отрядъ

охотниковъ съ женами и дѣтми> голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудности, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ; велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына Уа-ме-гонъ-е-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ ныѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился миѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ: Неть-по-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути нашемъ <по такому-то направлению> круглую долину, и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ».

«Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ея другимъ Индѣйцамъ. «Старуха увѣряетъ, сказалъ онъ смѣясь, что мы сегодня будемъ ѣсть медвѣдя, но не знаю, кто-то его убьетъ». — Неть-по-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впереди и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при миѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулей, и не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди лѣса. Вотъ, подумалъ я, долина, назначенная старухою. Вскорѣ пашелъ родъ тропинки, вѣроятно русло иссохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣгѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ею описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожъ дымъ не показывался. Наскуча ожидаемъ, сдѣлавъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ рассказы Индѣйцевъ о медвѣдяхъ, и миѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя, приставилъ ему дуло ружья между глазами, и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ей конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣривъ, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалаши моей матери. Старуха сказала миѣ: «Сынъ мой, выпнъ изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое миѣ дали сегодня; да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ѣлъ...» Я съѣлъ свой кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ ней, и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!» — Что ты говоришь? «Я убилъ медвѣдя!» — Точно ли онъ убитъ? «Точно». Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще

первый, то, по обычаю Индѣевъ, его изжарили дѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами.

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ «Запискахъ» Джона Теннера. Историю объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ дѣлный романъ. То, что онъ говоритъ о музѣ, Американскомъ оленѣ <сervus alces>, достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индѣицы увѣрены были, что музъ, между прочимъ, одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди не дживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты, и рассказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывшагося музана, потерлвъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ слѣды двухъ человѣкъ, новизному, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ, съѣхъ на берегъ, и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индѣицы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикій буйволъ <bison, bos americanus> и Канадскій олень <кагібон>, и имѣетъ болѣе острое чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе дикой козы <’антилоре>. Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаются своей продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливнаго дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ вѣсу подъ ногой или рукой человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть, и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіи дѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть охотно, но ужъ не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣлательнѣе».

Легкость и неутомимость Индѣевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти неизмѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями:

«Холодная погода тольکو что начиналась. Сибѣгъ былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индѣицы травятъ лосей. Спускаются съ мѣста, опи преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри споряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но Индѣицы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усилѣмъ, и исчезаетъ опять на часть или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ

скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятъ почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели сибѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ сибѣгахъ его достигнуть легко. Есть Индѣицы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало».

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индѣицами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не вѣдятъ по дѣлымъ суткамъ и припуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣчки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти.

«Однажды, рано утромъ», говоритъ онъ, «я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ, и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледѣла. Мои сукопныя мита ссы <порты> изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто... И пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ; мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ, предшествующій смерти. Я удвоилъ усилія, и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершенно забылся, не знаю, надолго ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувствва. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошелъ въ нее, и упалъ, однакожъ не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня за долго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобы я такъ долго остался на охотѣ... Дѣлный мѣсяць я не могъ выдти: лицо, руки и лѣжки были у меня сильно отморожены...»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, Индѣйцы имѣютъ цѣлю заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Индѣйцы отдають и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и несчастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій:

«Торгъ пашъ кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряныя украшения, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобы вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто ея, и былъ немощно навеселъ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшения; потомъ, взваливъ бочку на плеча, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземъ и прошибъ дно обухомъ. «Я не изъ твоихъ начальниковъ»—сказалъ я—«которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хочетъ и сколько хочеть!»—Старуха прибѣжала съ тремя котлами—и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ Индѣйцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи,.. Онъ не былъ еще пьянъ; по жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи...

«Мы сѣли пить. Въ это время Индѣецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ, шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Ужь было поздно; по весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобы попить съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котель съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котель исчезъ; Индѣецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся, и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія...»

Оставляемъ читателю судить, какое улучшение въ нравахъ дикарей приноситъ соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невоздержность, лживость и жестокость—главные пороки дикихъ Американцевъ. Убіеніе между ними

не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индѣйца и нѣскольکو разъ подвергался его удару. «Ты давно могъ бы меня убить, сказалъ ему однажды Теннеръ, но ты не мужчина, у тебѣ нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачей. Никогда не прошу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножомъ, и не имѣлъ духа поразить». Храбрость почитается между Индѣйцами главною человѣческою добродѣтелью: трусъ презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ рассказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттовауа, жившій у меня во время моей бѣгствы, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индѣйцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ; молодой человѣкъ папроказилъ».

«Мы разложили огонь, и увидѣли молодого человѣка, стоящаго съ ножомъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомя объ отцѣ своемъ, убитомъ па томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился, и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца, вѣроятно, не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; по переводчикъ <Американскаго губернатора> сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убіенца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки; кто далъ одѣло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ увесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ, обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежить. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвѣсти меня къ моему семейству, и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не стануть.»

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла

впередъ и сказала ему: «Ния, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожь подарки твои принимаю, и буду стараться отратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось не нарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?»

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатая одѣяла, платья и прочее <что, по обычаю Индійцевъ, должно было быть скоро-нено вмѣстѣ съ тѣломъ>. Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ дѣвъ, прыгали, боролись и пр. Но лучший кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ лагуны. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его и сказала: «Молодой человѣкъ! сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долгъ и часто буду его оплакивать; я была бы щастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня, подобно ему. Боюсь только моего мужа.» Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ точчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитого всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно.»

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и свѣдѣнное страшнымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ былъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время нѣяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же, и вѣроятно не разобравъ порядочно, въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благоклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и пошелъ своею обязанностию вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтивъ свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вѣдѣлся въ волосы первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-иза! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: «Дядя! это ты!»—Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смирный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ ни мало не осердился, и сказалъ: «Я старъ: не долго будетъ смѣяться надъ потерю моего носа.»

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ подлѣ него. Онъ былъ весь окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра,—сказалъ онъ,—я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу <врагу своему>, и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ быть вѣчно посмѣшищемъ.» Я обѣщала ему помочь въ его предпріятіи и приготовилась къ дѣлу. Но, прославившись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свой злобный намѣренія и рѣшился какъ

нибудъ обойтись безъ носу, такъ же, какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ, и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки и велѣлъ сказать: «Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты насалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь...» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я насалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.» Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волосы у него вывалили; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе...

«Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы, и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался, и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ оставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой,—сказалъ онъ ему,—мы довольно пожили; мы довольно друга друга помучили. Тебя просили отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что уже я вытерпѣлъ; ты не согласился, черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна; намъ должно вмѣстѣ умереть.» Два молодые Индійца, видя его намѣреніе, тотъ часъ натянули свои луки, и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался, и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній Индеецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.»

Если частныя распри Индійцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ зато вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ, и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть неприятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безъ всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ рассказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походить на воровство, но тѣмъ не менѣе, доказываетъ его предпріимчивость и неустрашимость. Какіе-то Индійцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индійскія селенія, въ одномъ изъ

нихъ не встрѣтилъ опъ никакого гостепрѣимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь, принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ,

«У меня подъ одѣяломъ,»—говоритъ онъ,—«спрятанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади—и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобы оглянуться: хижины негостепрѣимной деревни были едва видны и казались маленькими точками въ далекой долинѣ..»

«Тутъ я подумалъ, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепрѣимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индійцевъ, скачущихъ изъ-за вышениа. Я едва успѣлъ убѣжать въ ближайшій орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленьямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большою осторожностію. Они разсѣялись. Многие прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся донага, какъ для сраженія, заплѣвъ свою боевую пѣсью, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я дѣлилъ въ сердце... Но онъ воротился. Онъ, конечно, не видалъ меня; но мыслъ находиться подъ надзоромъ невидимаго прага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь, и на третью сутки прибылъ къ рѣкѣ Мауэ. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую дѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на пустилъ меня въ шашанъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гисъ-кунь-нунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около хижины. Бе-на указалъ на прекраснаго черпаго коня, вымѣннаго ими на мою лошадь... Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунь-нунгу и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь.»—У меня нѣтъ лишней лошади.—«Такъ я жъ однуведу.»—А я тебя убью.—Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволую кожу вмѣсто сѣдла; а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индійскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунь-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ... Замѣтивъ меня, опъ закричалъ пзо всей мочи... Вся деревня пришла въ смятеніе... Народъ собрался около меня... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика извѣдало явную неприязнь...

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться—и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь, но сдѣлавъ слишкомъ большое усиліе—перепрыгнулъ черезъ лошадь, и растянувшись по той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ, поспѣшно оглядываясь кругомъ, дабы надзирать надъ движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хотали во все горло, кромѣ семи Ба-гисъ-кунь-нунга. Это ободрило меня, и я сбѣлъ верхомъ съ большою рѣшностію. Я видѣлъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же, веселій хотеть Индійцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло.»

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони, и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступнаго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое Индійское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другія для него всегда сбываются. Когда голодень, ему сняты жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ удается ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человѣкъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу Малаго Сасъ-Кау:

«На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для Индійскаго табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой дѣсъ, прислоненный къ холму... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индеецъ не причалитъ челнока своего къ долинѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ Индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата, имѣвшие сокола своимъ тотемомъ^{*)}, поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною тотемъ, и которыхъ почиталъ я родственниками матерн моей <Нетъ-но-куа>. Я слышалъ, что, когда располагались на ихъ могилѣ <что нѣсколько разъ и случалось>, они выходили изъ-

^{*)} Родъ герба. Соколъ былъ также тотемомъ и Д. Теннера

подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ достоверно, что они безпокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Миѣ хотѣлось разсказать Индійцамъ не только, что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

«Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь, и отуживавъ, заснулъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не слышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревьевъ. Вѣроятно, я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли вблизи, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣшались, били меня тросточками и мучили различными образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голоса; пробовалъ бѣжать: ноги не двигались. Цѣлую ночь я возновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ миѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ»,—сказалъ миѣ жеби *)—«лошадь на завтрашній путь. Когда ты пойдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь.

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствиемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго между Индійцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной миѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашель и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути воднаго. Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіе времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индійцахъ суевѣрный ихъ ужасъ».

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описание первой его любви имѣеть въ его «Запискахъ» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегии: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по-Индійски значить Заря.

«Однажды вечеромъ,—говоритъ Теннеръ,—сидя передъ нашей хижиной, увидалъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня поглядывала; наконецъ, она подошла ко миѣ и предложила миѣ курить изъ своей

трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты отъ того, сказала она, отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покурилъ немного—въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ отъ роду. Она со мною разговаривалась, и поцравилась миѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности потому, что у Индійцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга, но, вѣроятно, никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, то если союзъ сей будетъ непріятель одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко миѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ»,—сказалъ онъ моей матери,—«самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ..

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожъ старуха смутилась, и сказала миѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ, предложимъ ей хорошій подарокъ, и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

«Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостоверился. Однажды проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно, и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай»,—сказала она,—«вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротиться къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіи ловцевъ». Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленного, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: «Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала». Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индійцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Неть-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранилъ къ ней прежнее, безусловное почтеніе.

«Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засвѣло, обремененный добычею. Я тщательнo наряжался и разгуливалъ по селенію, играя на Индійской свирѣли, называемой пи-бе-гвунгъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергла меня. Я сталъ охладѣвать; тогда она забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сно-

*) Мертвецъ.

шенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорилъ о ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной Рѣкѣ, и я отправился съ однимъ Индійцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы поочереди вѣхали верхомъ, а пѣвшій между тѣмъ бѣжалъ, держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ одинъ сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ, и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Мисъ-куа-бушь-о-куа, сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потушила голову. «Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Что же? развѣ оборотишься ты спиной къ нашей хижинѣ, и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?» Укоризны матери казались мнѣ не совсѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки... Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена».—

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену, и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничей, жизни трудовъ, опасностей и восхищеній непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ, рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе, и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго Индійца, и узналъ въ немъ молодаго дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индеецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индійцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? Индеецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

«Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера Монито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ выстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, нахавшій землю сохою, запряженною лошадью.

Индійцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индійцы утащили молодаго Теннера въ дѣса, переправясь до ночи черезъ Огію. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавъ. Индійцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались было за нимъ, но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну, и не забывъ въ своей духовной того, чья участь ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы, и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братъя его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ, просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить Индійцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначила ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индійцы не согласались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индійцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной-Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикою жизнію, имѣвшею для него столько прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индійцы простились съ нимъ дружески. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать, и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ вѣхать по Недоброй Рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра

въ то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинокъ. Тутъ находился молодой человекъ, по имени Омъ-чу-гвуть-онъ. Онъ былъ высвѣченъ, по приказанію американскаго начальства, за пастыщую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ приѣхалъ ко мнѣ на своемъ челночкѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, и вздумалъ увѣрить, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причали къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одною изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ течение дня имѣла съ нею тайные разговоры, но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

«Къ ночи, когда расположились мы почевать, молодой человекъ тотчасъ удался. Я притворно записалъ своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду;—вдругъ приближился къ нему, и увидѣлъ его посреди всего снарядовъ охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оденю жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой» такъ называлъ онъ меня самъ, «если у тебя недостаетъ пороху, пули или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

«Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ война, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожь онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня пожикъ, чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того, чтобъ возвратитъ его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его поутру.

«Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлать со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно: огонь нашъ былъ запитъ; скоро потомъ мустики <родъ комаровъ> напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

«Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась полая гроза, сильнѣе первой! Я оставался какъ усыпленный, не открывъ глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодого человека. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросилъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣлъ, я увидѣлъ, что онъ стегъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожь я все противился дремотѣ.

«По утру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ челнокъ;

мать уговаривала ее и старалась скрыть отъ меня ея смутеніе. Наконецъ, мы поѣхали. Молодой человекъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда, при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семь мѣстѣ рѣка имѣетъ до 80 вержей ширины, а въ десяти—отъ поворота, о которомъ я упоминалъ—находится маленькій, утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія <что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу>, какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнилъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чу-гвуть-она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ; онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодого человека; по теченію было слишкомъ сильно для меня; оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него и, вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать, и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерями исчезалъ вдаль, возвращался вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ, но наконецъ пришелъ въ себя.

«Полагалъ, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень худомъ состояніи, пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни и сталъ клякать Омъ-чу-гвуть-она, прося его прекратить мѣ и жизнь и мученія: «Ты убилъ меня,—кричалъ я,—но хотя я и смертельно раненъ, однако, боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ». Зналъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ: въ минуту, какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на знобъ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня; въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но, по захожденіи солнца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышелъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ бранный, называемый с а с а к у и, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

«Пришелъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвуть-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ, и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобы схватить и задавить его въ водѣ; но я не надѣлся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ воз

обновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею ранюю. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленные косточки; сперва разорвалъ на биты остатки своей рубашки, потомъ зубами и лѣвою рукою сталъ ихъ обвивать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ усиливъ ее порядочно перевязать. вмѣсто дубковъ привязалъ я прутики, и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое и, разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшие меня отъ рѣки, были всѣокровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пѣнь служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надъ всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени пробѣжать въ этомъ самомъ мѣстѣ: ждалъ я отъ нихъ то помощи. Индѣйскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвуть-онъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены никого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его жалиться надо мною и испослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, я замѣтилъ, что мустики, которые роємъ обдѣлили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, окружились надо мной и, наконецъ, исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствию Великаго Духа; вечеръ становился холоднымъ, и сѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однакожъ увѣренъ, какъ и всегда во время бѣдствій и опасности, что Владыка дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякой разъ поминалъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чу-гвуть-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ-нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ извѣщали страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подбную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Гудзонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое прозвѣдетъ надъ ними впечатлѣніе неприятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратиться на себя ихъ вниманіе. Увидѣвъ меня, Французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе ихъ быстро уносило, и зовъ мой, произнесенный на индѣйскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ, я сталъ звать г. Стюарта по имени и, вспоминая нѣсколько англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились и лодка подѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и вѣроятно страдалъ очень меня перемѣнили. Меня осматривали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постель въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ разысканія были тщетны...

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшили тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвуть-онъ, и общались убить его на мѣстѣ, если усибуютъ его поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ навстрѣчу, спрашивая: «Что новаго?»—«Все хорошо,—отвѣчалъ Г. Стюартъ,—другой новости нѣтъ». «Бѣлые люди»,—возразилъ старикъ,—«никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той сторонѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвуть-онъ, былъ тамъ и сказывалъ, что Соколъ <Индѣйское прозвище Д. Теннера>, который дней нѣсколько тому назадъ прѣбжалъ здѣсь съ женою и дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвуть-онъ сдѣлалъ самъ что-нибудь недоброе: онъ что-то не спокоенъ, а увидя васъ, бѣжалъ».

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожъ искать Омъ-чу-гвуть-она по всѣмъ хижинамъ и, удостовѣривъ въ его побѣгѣ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ...» Тогда показали меня Индѣйцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ, дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другая снадобы остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже реберъ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но имѣвъ причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. По разысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшиной, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потушилъ голову, и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Индѣйцевъ, что жена моя съ дочерьми останавливалась въ этой деревнѣ, на пути къ Дождевому озеру.

«Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня увидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

«Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ са-

тому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству Омьчу-гвуть-она и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ и запретили бѣ туда являться. <Она была мать моихъ дѣтей; я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти <какъ предлагали мнѣ купцы>; но видѣ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

«Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предалися бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье, и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если бѣ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышала я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу...»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ Неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки», и на дняхъ будетъ, вѣроятно, членомъ Общества Воздержности *). Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ уапкее **), съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

*) Общество, коего цѣль—истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

Изд. [Пушкинъ].

**) Прозвище, данное Американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ.

Изд. [Пушкинъ].

983. ОРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ. *)

Стихотворенія Виктора Тенлякова 1836.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудроно, сядясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ гения—или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе вызвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Тенлякова на кораблѣ, принесемъ его къ Оракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсеней:

Плывемъ!.. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ берега
родные;

Златой струится блескъ по синему пути;

Прости, земля! прости, Россія!

Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

*) Отпечатаны и на дняхъ поступить въ продажу.

Безумецъ! что за грусть? въ минуту развлеченья

Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?

Чьи слышалъ ты благословенья?

Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ.

Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,

И юности твоей избитый бурей челнъ,

И бедны, передъ ней отверстыя, казало!—

Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ

угрюмыхъ волнъ

Печально въ сердцѣ раздается!

Какъ быстро мой корабль въ чужую даль

несется!

О, лютия странника, святой отъ грусти щить.

Приди, подруга думъ завѣтныхъ!

Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣт-
ныхъ

къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою

Вънедъ терновый положила—

О мать! душа не позабыла

Любовь старинную твою!

Теперь—сны сердца прочь летите!

Къ отчизнѣ душу не маните!

Тамъ никому меня не жаль!

Снибѣй, снибѣй, чужая даль!

Сдѣля волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я

Пью безпредѣльности дыханье!

Лазурный міръ! въ твоемъ синныи

Сгораеть, тонетъ мысль моя

Шумите, парусы, шумите!

Мечты о родиѣ, молчите:

Тамъ никому меня не жаль!

Снибѣй, снибѣй, чужая даль!

Сдѣля волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гулите жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелкаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струстый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоповой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!

О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его расскажетъ—
Степной ли вѣтръ, или плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ...
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подьменя руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
Въ лучахъ сіяетъ голова,
Бѣлѣе волнъ хитонъ перловый,
Святѣе ихъ ропота слова
И подъ эфирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говорить.
Печально струнъ ея бриданье:
*Въ немъ сердцу слышится изгнанье,
Въ немъ стоишь о родимъ звучитъ,
Какъ плачъ души безъ упованья.*

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стоишь, звучащій какъ плачъ души: слова, которая святѣе ропота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значить.

Гро[е]сетъ въ одномъ изъ своихъ посланий пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
Des longues lamentations.

Книга *Tristium* не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ «Превращеній»). Героиды, Элегіи любовныя, и сама поэма „*Arg amandi*“, мнѣ малъ причина его изгнанія, уступаютъ „Элегіямъ Понтійскимъ“. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простоду-

шія, болѣе индивидуальности, и менѣе ходячаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробности! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостью на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостью заступаетъ за него.

И ты ль тюремный вопль, о странникъ! называешь

Ласкательствомъ души уличенной?—
И вѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣбной судьбы проклятемъ пораженный!..
Подобно мнѣ Овидію, ты сирь и одинокъ
межъ всѣхъ

И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады,
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья
смѣхъ,

И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ улады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его *плачѣ*. Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ Гетовъ и Бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ. См. *Trist Lib. IV. El. I.*

Элегія «Томистъ» оканчивается прекрасными стихами:

Не буря ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море лещеть,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещеть!..

«Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
Какой нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!—

И грянуль знакъ... и все молчить,
Лишь море бьетъ и кипитъ,
Какъ тигръ бросающъ разъяренный;—
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голось громовой
Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.

«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
— Не ты ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться?—

«Ты отгадалъ!..» Я сердцемъ съ ней
Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ бы въ бой стихій вмѣшаться!..
Но вѣтъ!— и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучать въ душѣ моей!

ВИКТОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ТЕПЛЯКОВЪ.

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустьнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! *Чела ею морщины*

Спдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мѣхъ ихъ Дарія мелькаетъ челнѣймой,
Мелькаютъ и орды Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ ли

твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необо-
зримый,

Средь тучи варваровъ, наэтотъ вѣчный Римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?

Не ты ль спиральъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови *не растопился* брегъ,
Пламеньъ безчисленныхъ усѣянный костями?

Хотите ль знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?

— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ пивамъ и дугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи:

Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣд-
ная картина народа кочующаго; размыслен-
ія при видѣ развалинъ Венеціанскаго замка

имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, слишкомъ сильно врѣзан-
ныя въ наше воображеніе. Но скорѣ по-
этъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; воль стекло
Яснѣе небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свищомъ охотника прозенное, трещетъ.
Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.—

То грохотъ пушки заревой,
Изъ Русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка;
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Ульемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!

И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ
журчаньи,

При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и сіяность ихъ весны!..

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по
мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ
ней обнаруживается необыкновенное искус-
ство въ описаніяхъ, яркость въ выраже-
ніяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ

даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой Элегіи.

Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми годами,
Столбовъ у Тѣлности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами—
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ!

Дружины мертвецовъ гранитныхъ!
Не вы ли стражи тѣхъ столбовъ,
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаний первобытныхъ
Рукою Снѣговыхъ начертаны снымовъ?...
Какъ знать? И здѣсь быллой порою,
Творенья, можетъ быть, весною,
Родъ человѣческой безъ умолку жужжалъ—
Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ
Главою отрокъ достигалъ,
И мамонта, могучъ и страшень,
На битву равную охотникъ вызывалъ!
Быть можетъ, нѣкогда и въ этомъ запустѣннѣй
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вдвигались портики близъ кедровыхъ палатъ,
Кругомъ висячіе сады благоухали,
Тѣснились мѣлныя чудовища у вратъ,
И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,
До вѣковыхъ переворотовъ,
Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,
И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ деревьевъ,
Изъ насти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ!—
И здѣсь на жертвенную кровь,
Быть можетъ, мирными вѣнчанными цвѣтами,
Колоссы яшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами...
Такъ, такъ! подлуннаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ объѣдокъ,—
Парилъ умовъ надмѣнныхъ рой,
Цвѣла любовь... и напоследокъ—
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой вѣковою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстныхъ
Повсюду богатитъ она!—
Взгляните: этотъ столбъ, гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ пересѣлѣный,
Къ землѣ онь древнею склонился головою;
Но съ нимъ подвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой
Кудрей зеленыхъ вьется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковистый,
Кольшетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ курлявий,
Какъ трупъ онь рухнулъ безглавый;
Но по сіяющимъ развалины рубцамъ
Играетъ свѣжій плющъ и вьется муртъ душистый,
И великана корень мшистый
Корзинной вешиной сталъ цвѣтамъ!
И вмѣсто рухнувшей громады
Ужъ юный тополь нѣжитъ взгляды,
И тихо все... лишь соловей,

Какъ сердце, полное—то безнадежной муки,
То чудной радости—съ густыхъ его вѣтвей
Свой зѣть пламенные звуки...
Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,
Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
Вечернимъ золотомъ облитыхъ—
Семейство ящериць отъ странника бѣжить,
И въ камняхъ, зелени узорами обвитыхъ,
Кустами дальними шумитъ!..

Иероглифы вѣковые,
Благо мира мавзолеей!
Межъ вами и душой моею,
Скажите, что за симпатія? —
Нѣтъ! вы не мертвая Ничтожества строка;
Вашъ прахъ—урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
Живѣй ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?...
О дайте жъ, дайте для вѣнка
Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я надъ вами
Парю крылатою мечтой—
Вѣка смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мною!
И съ великанами былыми—
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!..

Но дель погасъ, а я душою
Къ снѣжкамъ будто пригвождѣнъ,
И вотъ ужъ яхонтовой мглой
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю спягаю зѣира,
Какъ челнъ мистическаго міра,
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ;
И межъ столбовъ сѣдыхъ трепещутъ,
И будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли бываго дѣтя,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячелѣтій!..

Звѣрей и птицъ ночныхъ пріютъ,
Давноинувшаго зердало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,
О, Альнаскар! приступите,
Свои имъ грезы расскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ
Народовъ муравейникъ хочеть?...
Ты правъ, божественный пѣвецъ:
Вѣка—вѣковъ лишь повторенье!
Сперва—свободы оболъщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой—роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ—пзашные пороки,
Глухое варварство потомъ!..

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи < между коими шестая

предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году *Опытъ Историческаго Словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнью прославившихся святыхъ мужахъ*. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и удвоенъ. Въ *Опытѣ* Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: *Словарь о Святыхъ* заключаетъ въ себѣ 363 имени, т.-е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

«Церковь Россійская»,—сказано въ предисловіи,—«весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣвныя мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утверженію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостию жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общіе Святцы Россійской Церкви»; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на Кіевскую и Московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка Московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія Четьи-Минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотошъ въ Патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ Россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти—только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по рассмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патри-

архахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ Ростовскій Димитрій, въ своихъ «Четьихъ-Минейхъ» помѣстилъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за сямъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники Новгородскіе, Псковскіе, Вологодскіе и другіе.

Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣнно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почли; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-пожившихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей Россійской Церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю.

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» <впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство> найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему: таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нетерпимы.

Издатель «Словаря о Святыхъ» оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющие никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не позволяя себѣ никакой укорины, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ, и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изысканность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленовой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Второго отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

ВЗГЛЯДЪ ПУШКИНА НА СОВРЕМЕННУЮ ЕМУ ФРАНЦУЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

Шумное и грубое выступленіе члена Россійской Академіи, М. Е. Лобанова, съ рѣчью «Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной» (18 янв. 1836 г.) было типичнымъ явленіемъ въ исторіи литературной полемики тридцатыхъ годовъ XIX в. Голосъ Лобанова не былъ одинокимъ выкрикомъ какого-то изступленнаго старовѣра, а выражалъ взгляды, весьма распространенные въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ. Довольно продолжительное время французскій романтизмъ былъ боевымъ пунктомъ, вокругъ котораго сосредоточивались горячіе дебаты нашей журналистики. Въ виду этого, чрезвычайно существенное значеніе приобретаетъ вопросъ о томъ, какъ относился Пушкинъ къ французскимъ романтикамъ и вообще къ писателямъ эпохи французскаго романтизма, завершившейся (въ произведеніяхъ В. Гюго, Жоржъ Сандъ, Эж. Сю и Балзакъ) созданіемъ реальнаго и соціального романа.

I.

Вообще говоря, французская литература, особенно ея т. наз. «юная словесность» (les Jeunes—France), среди нашихъ критиковъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ имѣла больше противниковъ, чѣмъ сторонниковъ. Въ сущности, одинъ только «Московский Телеграфъ» Н. А. Полевого съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ пропагандировалъ французскій романтизмъ, особенно восторгаясь произведеніями В. Гюго, въ которыхъ онъ находилъ «соединеніе истины, философіи и поэзіи»¹⁾.

Въ связи съ Лобановымъ и Пушкинымъ остановимся нѣсколько на тѣхъ статьяхъ русскихъ журналовъ, которыя были направлены именно противъ «юной Франціи». Русскіе обличители нерѣдко говорили прямо съ голоса французскихъ и англійскихъ журналистовъ и не всегда даже бывали искренны (какъ Сенковскій), но все же наша журнальная полемика хорошо отбѣняетъ общій фонъ картины.

Недавній сотрудникъ «Вѣстника Европы», гдѣ онъ такъ страстно нападалъ на «сонмище нигилистовъ», Надеждинъ и въ своемъ «Телескопѣ» продолжалъ войну съ романтиками²⁾, охотно пользуясь при

этомъ статьями иностранныхъ критиковъ (Ж. Жанена¹⁾, но особенно Низара²⁾ и Густава Плянша³⁾.

Съ своей стороны, Брамбеусъ-Сенковскій, не довольствуясь самостоятельными вылазками противъ «юной словесности», опирается на авторитетъ французскаго же критика Granier de Cassagnac, напечатавъ (правда, въ искалченномъ видѣ) его статью «Jacques, par George Sand»⁴⁾ подъ заглавіемъ «Школы въ нынѣшней французской словесности»⁵⁾.

Въ статьяхъ французскихъ критиковъ, которые служили авторитетами для Надеждина и Сенковскаго, съ полнымъ единодушіемъ подчеркивалась мысль объ органической связи новаго теченія во французской литературѣ съ июльской революціей: за политической революціей послѣдовала революція литературная, которая не только стремилась ниспровергнуть старые литературные кодексы, но и продолжала разрушительное дѣло революціи своими нападками на религію, семью, собственность, на всѣ «священные» основы общества. Въ лучшемъ случаѣ новая литература распространяетъ заразу сомнѣнія, скептицизма и пагубнаго индивидуализма. «Sur la religion, doute; sur la constitution de la famille, doute; sur l'assiette des peuples, doute; sur les principes philosophiques, doute; sur les théories littéraires, doute; doute sur tout», жаловался Гранье де Кассаньякъ. Скептики, отвергающіе всякій синтезъ, живутъ въ самихъ себѣ, полны умственного эгоизма (se constituent en état d'égoïsme intellectuel), и въ пустынь, которую они создаютъ вокругъ себя этимъ отрицаніемъ, возвышается одна только пирамида—le moi.

на которыя мы далѣе ссылаемся, однако, не использованы г. Замотинымъ.

¹⁾ Телескопъ, 1833, ч. XIII. («письмо къ милэди Ф. Б. о «Состояніи искусства во Франціи послѣ июльской революціи»).

²⁾ Статья «О вѣроятности близкаго упадка легкой литературы во Франціи» (Тел., 1834, ч. XIX). Это — точный переводъ первой половины статьи Низара «D'un commencement de réaction contre la littérature facile» изъ «Revue de Paris», 1833, t. 57. Бойкій и колкій отвѣтъ Низару далъ Ж. Жаненъ (см. его «Critique. Portraits et caractères contemporains. Paris. P. 17—45), но его отвѣтъ въ русскіе журналы не попалъ.

³⁾ Статья «Современная французская литература» (Тел., 1834, ч. XX), опять неполный переводъ статьи «Les royautes littéraires» изъ «Revue des deux Mondes», 1834, t. I.

⁴⁾ Revue de Paris, 1834, т. II.

⁵⁾ Библиотека для Чтенія, 1834, т. VII, отд. II.

¹⁾ См. главу III въ книгѣ И. И. Замотина «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ» (Варшава, 1903).

²⁾ И. И. Замотинъ. Ib., гл. IV и V—Статьи,

Рядомъ съ французскими журналами, Надеждинъ и Сенковскій охотно приобщаютъ также къ статьямъ англійскихъ ежемѣсячниковъ, особенно — *Edinburgh Review*¹⁾. Англійскіе журналы (и «*The Quarterly Review*» даже рѣшительнѣе, чѣмъ «*The Edinburgh Review*») стремились по состоянію литературы характеризовать и весь французскій народъ: они высказываютъ опасеніе, что нечистый потокъ литературы смоетъ послѣдніе остатки благопристойности и набожности (of decency and piety) и вернетъ огрубѣвшую націю (the brutalized nation) ко днямъ первой революціи.

Въ одной изъ своихъ статей Сенковскій задался цѣлью отдать себѣ и читателямъ систематическій отчетъ въ томъ, какъ онъ смотритъ на современныхъ французскихъ писателей, и въ какомъ отношеніи къ нимъ находится онъ самъ, какъ беллетристъ²⁾. Самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергая упреки въ томъ, что онъ подражаетъ «юной словесности», Брамбеусъ не жалѣетъ красокъ, чтобы очернить французскую литературу. «Это прямо вторая французская революція въ священной оградѣ нравственности, затѣянная со всею легкомысленностью, и производимая со всемъ неистовствомъ и остервенѣніемъ, свойственными народу, который произвелъ и обожалъ Марата, Робеспьера, Сень-Жюста», писалъ Брамбеусъ: «и чернильныя тюрьмы, казни, эшафоты,—и это безвѣріе, скептицизмъ, ужасъ и безстыдство въ Драмѣ, Романи и Повѣсти,—и эта кровь и буйства на страницахъ легкаго и пріятнаго чтенія, происходятъ отъ того же умственного недуга, который за сорокъ лѣтъ передъ симъ усвѣялъ Францію политическими развалинами и трупами». Надеждинъ не повѣрилъ оправданіямъ Брамбеуса и съ новой силой повторилъ, что онъ видитъ въ баронѣ вѣрнаго послѣдователя неистовой французской литературы, но къ его оцѣнкѣ «юной словесности» вполне присоединился³⁾.

¹⁾ Библ. для Чтенія, 1834, т. I, статья изъ «*Edinburgh Review*» (1833, vol. LVII, N CXVI), но черезъ посредство журнала «*Magazin für die Literatur des Auslandes*», 1833, November, № 137—139.—Статья «Мнѣніе Лондонскаго и Вестминстерскаго Review о французскихъ романистахъ девятнадцатаго столѣтія» въ «Телескопѣ» за 1835 г., ч. XXX (по поводу статьи въ «*The Quarterly Review*», 1836, vol. LVI, № CXI).

²⁾ Брамбеусъ и юная словесность. Библ. для Чтенія, 1834, т. III, отд. I, стр. 33—60.

³⁾ Здравый смыслъ и Баронъ Брамбеусъ. Телескопъ, 1834, ч. XXI, стр. 131—175, 246—276 и 317—335.

Минуя другія статьи русскихъ журналовъ 30-хъ годовъ, напомнимъ лишь, что на французскую литературу нападали и Бѣлинскій, сначала мягко, а въ гегельянскій періодъ чрезвычайно рѣзко. Въ 1836 г. Бѣлинскій упрекалъ Шевырева въ какомъ-то «безотчетномъ и безусловномъ предубѣжденіи противъ всей современной французской литературы», полагая, что «для нашей публики слишкомъ достаточно возгласовъ «Библиотеки для Чтенія» противъ французской словесности». «Право, слишкомъ уже приторны эти безотчетные, ни на чемъ не основанные возгласы о безнравственности литературы цѣлаго народа, литературы, которая имѣетъ Шатобриановъ и Ламартиновъ, и мы очень бы желали, чтобы наши правоучители или растолковали намъ, въ чемъ именно состоитъ эта безнравственность, или поукротили бы свое негодованіе!»... Самъ Бѣлинскій того мнѣнія, что «французской литературѣ не достаетъ чистаго, свободаго творчества, вслѣдствіе зависимости отъ политики, обществности и вообще національнаго характера французовъ, что ей вредитъ скорописность, духъ не столько вѣка, сколько дня, обаяніе суетности и тщеславія, жажда успѣха во что бы то ни стало»¹⁾. Но уже въ 1838 г. мы читаемъ у Бѣлинскаго²⁾ „Все, что есть отвратительнаго въ человѣческой природѣ, все ея уклоненія, все, что есть ужаснаго въ гражданскомъ обществѣ, все его противорѣчія — все это они (т.-е. господа неистовые) отвлекли отъ природы человека и отъ гражданского общества, и рядъ чудовищно-нелѣпныхъ романовъ, повѣстей и драмъ наводнилъ весь бѣлый свѣтъ... Развратъ, кровосмѣшеніе, разбой, отцеубійство, дѣтоубійство, братоубійство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, рѣзня, тюрьмы и дома разврата,—сдѣлались любимыми пружинами для возбужденія эффекта».

Итакъ, ходячія обвиненія противъ французской литературы 30-хъ годовъ сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) она — исчадіе июльской революціи и вообще революціоннаго духа Франціи; 2) своей безнравственностью она подрываетъ основы общественной жизни и 3) она — печальная свѣдѣтельница моральнаго упадка всей Франціи.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 475—8.

²⁾ *Ib.*, т. III, стр. 409.

II.

Посмотрим теперь, какъ реагировалъ на то же литературно-общественное явление Пушкинъ.

Пушкинъ обладалъ трезвой, реалистической натурой и свѣтлымъ художественнымъ созерцаніемъ. Его влекли къ себѣ гармоническія формы классическаго искусства; въ самомъ себѣ отъ носилъ аполлоновскія начала поэтическаго творчества. Если даже мы не пойдемъ такъ далеко, какъ г. А. Mansuy¹⁾, который утверждаетъ, что «tout ce qu'il y a de tact, de goût, de mesure, de sens artistique dans Pouchkine, il le doit à l'influence des classiques français» (р. 277),—то все же не можемъ отрицать ни вліянія французскихъ классиковъ на Пушкина, ни его духовнаго родства съ нѣкоторыми изъ нихъ. Вогорѣ въ значительной степени былъ правъ, когда писалъ о Пушкинѣ: «Près de ce coeur de fou résidait l'esprit littéraire le plus sage, clair et mesuré, classique dans la meilleure acception du terme». ²⁾ Въ широкой и свободной душѣ Пушкина нашлось мѣсто для самыхъ разнообразныхъ симпатій; предъ нимъ были открыты литературныя сокровища разныхъ эпохъ и народовъ, и во всемъ гениальный поэтъ умѣлъ находить живой предметъ для своей мысли и творчества. Но нельзя не видѣть того различія, какое обнаруживается въ отношеніи Пушкина къ нѣмецкому идеализму, съ одной стороны, къ французскому классицизму и англійской литературѣ, съ другой. Пушкинъ не могъ ассимилировать своего настроенія съ настроеніемъ московскаго кружка Любомудровъ³⁾, тогда какъ его «классическія» симпатіи отчетливо сказываются и на протяжении всѣхъ тридцатыхъ годовъ рядомъ съ тяготѣніемъ къ англійской литературѣ (не только къ Шекспиру и Вальтеръ-Скотту, но и къ второстепеннымъ ея представителямъ, въ родѣ Barry Cornwall).

¹⁾ А. Mansuy (лекторъ франц. языка въ Варшавскомъ унив.). *Ce que doit Pouchkine aux écrivains français? Revue politique et littéraire. Revue Bleue* 1904, 20 et 27 août. Въ статьѣ встрѣчаются фактическія погрѣшности и преувеличенія, но есть и интересныя соображенія.

²⁾ V-te E. M. de Vogüé. *Le roman russe. Troisième édition, Paris. 1892. P. 42.*—О вліяніи французскихъ классиковъ на языкъ Пушкина говоритъ Ф. Е. Коршъ въ статьѣ «Разборъ вопроса о подлинности окончанія Русалки» (Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Н., 1898, III, кн. 3, стр. 697—703.

³⁾ См. въ этомъ изданіи статью Н. О. Лернера «II. въ Москвѣ послѣ ссылки» (т. III).

Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ внимательно слѣдилъ и за тѣмъ, что дѣлалось въ современной ему французской литературѣ. Не только друзья, напр., А. И. Тургеневъ снабжали Пушкинскій кружокъ всѣми новостями по части французской литературы¹⁾, но и самъ Пушкинъ старательно приобрѣталъ всѣ новинки²⁾. Тонкій критикъ, Пушкинъ оставилъ немало отдѣльныхъ замѣтокъ о французскихъ писателяхъ эпохи романтизма и задумалъ было на эту тему цѣлую статью, отъ которой, къ сожалѣнію, мы имѣемъ только программу³⁾.

Въ то время, какъ русская критика пушкинскаго періода, за исключеніемъ одного Бѣлинскаго, въ своихъ взглядахъ на французскую словесность исходила, главнымъ образомъ, изъ моральныхъ принциповъ, въ сужденіяхъ Пушкина преобладаетъ критерій эстетическій. Онъ посматрѣлъ на вопросъ, прежде всего, какъ художникъ, который дорожитъ искусствомъ, какъ таковымъ. Но онъ не могъ оставить безъ вниманія и вопроса о степени «безднравственности» французской словесности, тѣмъ болѣе, что нашъ поэтъ ясно сознавалъ извѣстную аналогію между своимъ собственнымъ положеніемъ и положеніемъ французскихъ новаторовъ передъ лицомъ старозавѣтныхъ или, по крайней мѣрѣ, нечуткихъ и одностороннихъ защитниковъ нравственности въ поэзіи.

Пушкинъ даетъ намъ отвѣты по тремъ основнымъ пунктамъ вопроса: 1) какова цѣнность французской литературы въ художественномъ отношеніи? 2) какую этическую квалификацію можно дать ея содержанію и 3) какое значеніе имѣла французская словесность для русской литературы тридцатыхъ годовъ?

Пушкинъ двадцатыхъ годовъ съ интересомъ ждалъ французскаго романтизма. Правда, у него самого, какъ и у другихъ въ то время, были довольно сбивчивыя представленія о сущности роман-

¹⁾ Смирнова, I, 203.

²⁾ Въ этомъ отношеніи поучительно взглянуть, напр., на счетъ Пушкину изъ книжнаго магазина Bellizard et Co (отъ 1836 г.)—въ «Дѣлѣ объ учрежденіи опеки надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина» (въ музеѣ А. А. Бахрушина, пожертвованномъ нынѣ Академіи Наукъ). См. снимокъ въ журналѣ «Искры», 1909, № 45.—«Александръ», пишетъ Ольга Серг. Павлищева въ 1836 г., «снабдилъ меня, по моей просьбѣ, многими французскими и даже англійскими авторами» (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищева, 412).

³⁾ Пушкинъ, VI, 654. Всѣ ссылки сдѣланы на изданіе «Просвѣщенія», подъ ред. П. О. Морозова.

тизма (надлежащимъ образомъ не освѣщеннаго и теперь), но Пушкинъ своимъ эстетическимъ чутьемъ вѣрно угадывалъ общій смыслъ новыхъ явленій во французской литературѣ.

Въ 1823—24 гг. онъ надѣется, что романтизмъ «возродитъ умершую поэзію Франціи. «Вспомни мое слово», пишетъ онъ П. А. Вяземскому: «первый Геній въ Отецествѣ Расина и Буало—ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ—что твои вѣмцы»¹⁾. И эта перспектива, видимо, нисколько его не пугаетъ. Относительно будущаго французской литературы онъ, очевидно, раздѣляетъ взгляды m-me de Сталь, имя которой всегда приносилось имъ съ полнымъ уваженіемъ.

Романы Сталь пользовались у насъ большой популярностью, и Пушкинъ констатируетъ это въ извѣстныхъ словахъ: «Любви насъ не природа учить, а Сталь или Шатобрианъ»²⁾.

Ея произведенія были не только въ рукахъ Татьяны³⁾, но и Онѣгина⁴⁾. Онѣгинъ, можно думать (судя по контексту), читалъ уже не одни романы madame de Stael. Да въ одномъ вариантѣ прямо сказано: «Онъ зналъ вѣмецкую словесность по книгѣ г-жи de-Сталь»⁵⁾. Пушкинъ, во всякомъ случаѣ, видѣлъ въ ней умнаго и мыслящаго человѣка, къ мнѣніямъ котораго стоить прислушиваться⁶⁾. Вспомнимъ, съ какимъ чувствомъ увлеченія говорится о Сталь въ «Рославлевѣ» (1831 г.). Полина (этотъ новый типъ русской дѣвушки-гражданки, современницы Татьяны, но весьма отличной отъ нея), съ благоговѣніемъ смотритъ на автора «Коринны»: «она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и гениальной»⁷⁾. У нея она научилась протесту противъ тогдашняго положенія женщины. «Я знаю», смѣло говорить молодая

дѣвушка¹⁾, «какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю уничтоженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Stael. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силою». Полюбила Полина французскую писательницу и за то, что она понимаетъ «нашъ добрый, простой народъ» и вѣрится въ его будущее²⁾. Полина ненавидитъ гонителя г-жи Сталь, Наполеона, и Пушкинъ горячо беретъ подъ свою защиту именно автора «Dix ans d'exil» противъ грубыхъ нападокъ Муханова (Сынъ Отечества, 1825, № 10). «Что за слогъ и что за тонъ!» возмущается Пушкинъ³⁾: «Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы «Записокъ» съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и что есть общаго между шепетильными (?)⁴⁾ французиками и дочерью Неккера, гонимую Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ русскаго императора?»⁵⁾. Когда Пушкинъ писалъ свою отвѣдь, онъ еще не зналъ, съ кѣмъ имѣть дѣло, но и тогда, когда, съ помощью Вяземскаго, онъ выяснилъ себѣ личность автора статьи—Муханова⁶⁾, не взялъ своихъ словъ назадъ: «M-me de Stael наша—не тронь ея»⁷⁾. Онъ всегда отдавалъ должное «уму и чувствамъ необыкновенной женщины»⁸⁾.

Вмѣстѣ съ Сталь раздѣлялъ симпатіи Пушкина и другой предтеча французскаго романтизма—Шатобрианъ. Его произведенія были не менѣе популярны, чѣмъ романы Сталь⁹⁾, и В. В. Сиповскій готовъ

¹⁾ *Иб.*, стр. 205.

²⁾ *Иб.*, стр. 202—3.—Ср. о томъ же посвѣщеніи Россіи г-жею Сталь въ письмѣ къ Вяземскому отъ 27 мая 1826 г. (Сайтовъ, I, 351).—Во второмъ наброскѣ «Египетскихъ ночей» (1835) m-me de Stael вспоминается по поводу вопроса, кто первая женщина въ свѣтѣ (Пушкинъ, V, 540—1).

³⁾ Пушкинъ, VI, 8 («О г-жѣ Сталь и г. А. М.—вѣ», 1825 г.).

⁴⁾ Вопросительный знакъ принадлежитъ Пушкину.

⁵⁾ По поводу послѣдняго выраженія Пушкинъ писалъ Вяземскому 13 июля 1825 г. (Сайтовъ, I, 236): «Тутъ есть одно Великодушіе поставленное во-первыхъ ради Цензуры и вторыхъ для вѣщаго анонима (родъ онанизма журнальнаго)».

⁶⁾ Сайтовъ, I, 289, 305.

⁷⁾ *Иб.*, стр. 289.

⁸⁾ Пушкинъ, VI, 7. Ср. у Смирновой (I, 126) разговоръ Пушкина и Тургенева.

⁹⁾ Пушкинъ, IV, 294 (гл. I, стр. IX «Евг. Онѣг.» 1822 г. вариантъ); *ib.*, 106 (гл. IV, стр. XXVI «Евг. Онѣг.» 1825 г.); ред. Ефремова, VIII, 487 (вариантъ: «Она влюблялась въ обманы Шато-

¹⁾ Сайтовъ. Переписка, I, 123 (письмо 1824 г.).

²⁾ Пушкинъ, IV, 294. (Евг. Онѣгинъ, I гл., IX строфа, 1822 г., вариантъ). Ср. о романахъ Сталь и Татьянѣ Пушкина въ очеркѣ В. В. Сиповскаго «Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна» (Пушкинъ. Спб., 1907. Приложеніе).

³⁾ *Ibid.*, 79 (гл. III, стр. X «Евг. Онѣгинъ», 1824).

⁴⁾ *Ibid.*, 200 (гл. VIII, стр. XXXV «Евг. Онѣг.», 1830—1).

⁵⁾ Пушкинъ, IV, 294.

⁶⁾ Пушкинъ не разъ цитируетъ Сталь: IV, 48 (1822 г.); VII, 25 (1822); VI, 50 (1830), 342 (1834).

⁷⁾ Пушкинъ, V, 203.

думать, что байронизмъ Пушкина существенно осложнился влияніемъ Шатобриана¹⁾. Въ срединѣ тридцатыхъ годовъ Пушкинъ уже видитъ слабыя стороны автора «René». Шатобрианъ и Купертъ, говорятъ онъ въ статьѣ «Джонъ Теннеръ» (1836)²⁾ «оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія... Это самое подозрѣвали и читатели; и недобѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями»³⁾. Но Шатобрианъ, какъ личность, пожалуй, еще болѣе выростае въ глазахъ Пушкина на фонѣ общей распущенности и продажности. Уже Полина («Рославлевъ» 1831 г.) придаетъ значеніе тому, что Сталь была другомъ Шатобриана и Байрона⁴⁾. Шатобрианъ—въ старости, Шатобрианъ—переводчикъ «Потеряннаго рая» Мильтона умиляетъ Пушкина своимъ благородствомъ и своей отзывчивостью на творчество другихъ народовъ. Въдѣ французы, по словамъ Пушкина, какъ разъ отличались «невѣжественной страстью къ народности»: «увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ», они долгое время «пренебрегали словесность своихъ соотечественниковъ»⁵⁾.

Шатобрианъ и Сталь были нѣкогда вѣстниками новаго теченія, но для тридцатыхъ годовъ они были уже весьма старыми писателями. Пушкинъ еще съ середины 20-хъ годовъ сталъ пылливо всматриваться въ физиономіи молодыхъ французскихъ писателей, стараясь найти среди нихъ давно

бриана и Руссо). Пушкинъ цитируетъ мысли Шатобриана—IV, 71 (1823); V, 206 (1831 г.); VI, 277 (1830); IV, 34 (Евг. Он., I, стр. IX). Ср. въ письмѣ отъ окт. 1823 г. «Atala Hansky» рядомъ съ «Lara Hansky» (Сантовъ, I, 80, 79). Ср. рассказъ Смирновой: «Пушкинъ находитъ, что проза Шатобриана стоитъ всѣхъ стиховъ молодыхъ поэтовъ съ 1815 г.» (I, 140).

¹⁾ В. Сиповскій. Пушкинъ. Спб., 1907. Стр. 511—518. Съ этимъ согласенъ и проф. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 634—5).

²⁾ Пушкинъ, VI, 121.

³⁾ «Шатобрианъ, за исключеніемъ «Ренэ», ни въ чемъ меня не трогаетъ; десять строкъ Данте стоятъ всей его книги» (именно «Génie du christianisme»), говорилъ Пушкинъ, если вѣрить Смирновой (I, 153). Ср. ib., 149 (о томъ же) и 305 (сопоставленіе Руссо съ Шатобрианомъ).

⁴⁾ Пушкинъ, V, 203.

⁵⁾ Пушкинъ, VI, стр. 174 («О Мильтонѣ» Шатобриановъ переводъ «Потеряннаго Рая»). Отзывъ о самомъ переводѣ и о личности автора—ib., стр. 175, 180—3.

ожидаемаго романтика, но поиски его пока безуспѣшны. Оспаривая мнѣніе Вяземскаго, который готовъ былъ причислить къ романтикамъ даже Шенье, поэтъ убѣжденно и не безъ грусти заявляетъ: «вѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи»; «tous les recueils de poesies nouvelles, dites Romantiques, sont la honte de la litterature françoise»¹⁾, да вообще «покажѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ»²⁾.

Кто эти прославленные поэты и особенно предполагаемые романтики? Беранже? Делавинъ? Ламартинъ?

Но «Beranger не поэтъ», лаконически выразился Пушкинъ въ письмѣ къ Погодину (1832 г.)³⁾, и ничего, кромѣ шуточныхъ замѣчаній, мы не находимъ у него по адресу талантливаго пѣсенника, который умѣлъ такъ сильно дѣйствовать на настроеніе своихъ соотечественниковъ, и для котораго Бѣлинскій даже въ періодъ своего гоненія на французовъ постоянно дѣлалъ исключеніе. Онъ трунитъ по поводу переводовъ Вас. Льв. Пушкина⁴⁾. Графъ Нулинъ ѣдетъ въ Петрополь «съ запасомъ фраговъ и жилетовъ» и т. д. и между прочимъ «съ послѣдней пѣсней Беранжера»⁵⁾. Пѣсню Беранже «Soldat, t'en souviens-tu» онъ пародируетъ въ своей не свободной отъ шовинизма «Рефутаціи Беранжера», которая составляла одинъ изъ комическихъ номеровъ празднованія лицейской годовщины 19 окт. 1828 г.⁶⁾ Эту пародію, по словамъ Павлищева, Пушкинъ «часто произносилъ въ кругу друзей, заливаясь громкимъ смѣхомъ»⁷⁾.

Отрицая поэтическія достоинства за пѣснями Беранже, Пушкинъ на этотъ разъ весьма скупъ на аргументацію. Нѣкоторое освѣщеніе вопроса находимъ у Анненкова⁸⁾: «Онъ (т.-е. Пушкинъ) ставилъ въ упрекъ

¹⁾ Сантовъ, I, 123 (письмо 1824 г.).

²⁾ Ср. ib., 83.

³⁾ Сантовъ. Переписка, II, 389.

⁴⁾ Ibid., I, 235 (1825 г.). Ср. въ «Воспоминаніяхъ» Л. Павлищева, стр. 223.

⁵⁾ Пушкинъ, III, 371.

⁶⁾ Пушкинъ II, 449 — 451. — Въ письмѣ къ Плетневу отъ 28 окт. 1830 г. Пушкинъ примѣняетъ къ себѣ слова «Рефутаціи»: «хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать».

⁷⁾ Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ А. Павлищева (М. 1890), стр. 150. — Въ одной редакціи «Моей родословной» (1831 г.) Пушкинъ взялъ эпитафію изъ «Le Vilain» Беранже (Пушкинъ, II, 504—505). Проф. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 633) усматриваетъ даже сходство между названными произведеніями.

⁸⁾ Матеріалы (Спб. 1873), стр. 289, примѣч.

веселому и остроумному пѣсеннику, произведения котораго цѣнили ниже «прелестныхъ шалостей Коде», особенно то обстоятельство, что «не имѣеть ничего страстнаго, вдохновеннаго» 1).

Беранже, впрочемъ, никогда и не думалъ примыкать къ романтикамъ: у него была своя, демократическая публика и своя манера слагать летучія пѣсенки.

Делавиня и Ламартина Вяземскій уже не прочь былъ зачислить въ группу романтиковъ 2).

Но и К а з и м и р ь Д е л а в и н ь, авторъ трагедіи «Les vêpres siciliennes» и другихъ пьесъ, справедливо кажется Пушкину скорѣе послѣдователемъ ложноклассиковъ: «Лавинь бьется въ старыхъ свѣтахъ Аристотеля—онъ ученикъ трагика Вольтера, а не природы» 3). Давнѣйшей эволюціи творчества Делавиня, когда онъ болѣе или менѣе сближался съ романтиками, Пушкинъ не касается 4).

Сложнѣе обстоитъ дѣло съ Л а м а р т и н о мъ.

Первые отзывы Пушкина, относящіеся къ двадцатымъ годамъ, еще сравнительно благоприятны для Ламартина. «Первыя думы Ламартина», пишетъ Пушкинъ въ 1823 г. Вяземскому 5), «въ св. родѣ едва-ли не лучше Думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился—такъ онъ вдругъ выросъ». Рѣчь идетъ, конечно, о «Méditations poétiques» (1820). Въ слѣдующемъ году Пушкинъ хвалитъ нѣкоторыя пьесы, вошедшія

въ «Nouvelles méditations» (1823 г.), говоря 1): «Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ поэтѣ—вообще хорошъ какой-то новой Гармоніей». Но, еще не прочитавъ «Le dernier chant du pèlerinage d'Harold» (1825), Пушкинъ уже предвидитъ, что это будетъ «чепуха» 2), что Ламартину невозможно превратиться въ Байрона. Пушкинъ не могъ признать въ немъ не только байрониста, но и романтика вообще 3). «Ламартинъ кажется Пушкину скорѣе классикомъ, чѣмъ романтикомъ», категорически свидѣтельствуешь А. О. Смирнова 4). Въ «Графѣ Нулинѣ» (1825 — 1827) шутивно настроенный поэтъ въ числѣ модныхъ писателей рядомъ ставитъ «D'Arincourt и Ламартина» 5). Въ 1829 г., съ «Harmonies poétiques et religieuses», въ поэзію Ламартина сильно вторгается религиозный элементъ, но это не заставило Пушкина возвысить свое мнѣніе о французскомъ поэтѣ. Наоборотъ, въ его отзывахъ тридцатыхъ годовъ слышится почти сплошное порицаніе. Благочестиваго автора «Harmonies religieuses» онъ называетъ «сладкозвучнымъ, но однообразнымъ» 6). Иронизируя надъ превращеніемъ Сентъ-Бева въ степеннаго и нравственнаго поэта (въ «Les Consolations»), Пушкинъ прибавляетъ: «Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ» 7). Теперь въ глазахъ Пушкина Ламартинъ синонимъ скуки, «тощаго однообразія, вялой безцвѣтности». «Ламартинъ скучнѣе Юнга, и не имѣеть его глубины», пишетъ Пушкинъ въ 1832 г. Погодину, повторяя мысль своей же замѣтки 1831 г. 8).

1) Смирнова (I, 132, 158 и 324) даетъ очень соблазнительныя свидѣнія о томъ, что будто бы говорилъ Пушкинъ о Беранже («поэзія мелкой буржуазія»), но, къ сожалѣнію ея показанія здѣсь болѣе сомнительны, чѣмъ даже въ другихъ мѣстахъ: вѣдь тутъ же идетъ рѣчь и о «Трехъ мушкетерахъ» Дюма. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 633) того мнѣнія, что имя Беранже «также поманило его (т.-е. Пушкина) къ себѣ не столько возраставшей силой политическаго вліянія и заступничеству за народныя нужды, сколько «живую прелестью стиха», порою столь близкаго къ поэтическимъ шалостямъ Пушкина», но тотчасъ же говорить о слабости «отголосковъ, казалось, столь естественнаго вліянія великаго пѣсенника на его русскаго собрата».

2) Саитовъ, I, 83.

3) Саитовъ. Переписка, I, 123. (письмо 1824 г.). ср. ib. 83 (письмо 1823 г.).

4) Въ статьѣ 1830 г. «О запискахъ Видока» Пушкинъ, впрочемъ, причисляетъ Казимира дѣла-Виня къ «известнымъ писателямъ» рядомъ съ Б. Константиномъ (VI, 60).

5) Саитовъ. Переписка, I, 83. Также—Пушкинъ, VIII, 435. Но у Ефремова (Пушкинъ, VII, 82), читается безъ отрицанія «не», именно: «Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва-ли лучше думъ Рылѣева».

1) Саитовъ. Переписка, I, 123. Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину отъ января 1824 г. Пушкинъ цитируетъ Ламартина (ib., 94).

2) Саитовъ. Переписка, I, 202 (письмо къ Л. С. Пушкину отъ апрѣля 1825 г.). Того же мнѣнія былъ и П. Н. Козловъ. 31 мая 1825 г. онъ писалъ Пушкину (ib., 221): «Mais si vous voulez du verbiage français dans un autre genre lisez le nouveau poème de Lamartine sur Harold; malgré quelques beaux vers, c'est de ce galimatias double, dont parle Beaumarchais».

3) Саитовъ. Переписка, I, 308 (письмо А. А. Бестужеву отъ ноября 1825). Ср. ib., 83, 123 и II, т., 18.

4) Записки, I, 140; ср. 193—4.

5) Пушкинъ, III, 372.

6) Пушкинъ, VI, 430 («О приличіи въ литературѣ», 1830 г.).

7) П. О. Лернеръ. Новоткрытыя страницы Пушкина. Отгискъ, стр. 32.

8) Саитовъ, II, 389. Фраза въ замѣткѣ считается, впрочемъ, спорной. Ашпенковъ (289, прим.)

Въ одномъ наброскѣ 1835 г. Пушкинъ нашелъ даже возможнымъ имя Ламартина сочитать съ именемъ Баркова ¹⁾. («*Jocelyn*» (1835) Пушкинымъ не упоминается, да оно, вѣроятно, и не могъ имѣть въ виду этого произведенія, когда высказывалъ свои отрицательные отзывы о поэзіи Ламартина ²⁾).

Оцѣнка Пушкина, какъ видимъ, касается эстетической стороны въ произведеніяхъ Ламартина, и въ этомъ случаѣ къ его словамъ новѣйшая критика не могла бы прибавить ничего особенно существеннаго.

Но вотъ является уже признанный глава романтиковъ В. Гюго. Къ 30-мъ годамъ въ Пушкинѣ вполне созрѣлъ глубокой художникъ, съ строгими требованіями къ искусству, и естественно, что онъ далеко не въ восторгѣ отъ «новѣйшей вольной школы» французскихъ поэтовъ. Прежде всего, его не удовлетворяютъ ихъ нововведенія, касающіяся самыхъ формъ поэзіи. «Hugo съ товарищи, друзья натуры» только «растрепали» александрийскій стихъ: «его гулять пустили безъ дезуры» ³⁾. «*Les Orientales*» (1829) «важнаго Victor Hugo», правда, «блестящія» стихотворенія, но «натянутыя» ⁴⁾.

читаетъ «Юнга», Морозовъ (VI, 432) — «Юма». Это чтеніе принялъ было и Ефремовъ (V, 582), но, справившись въ рукописью, [отъ ред. Ефремовъ дѣйствительно говоритъ о «рукописи». Но это невѣрно. Ефремовъ не работалъ по рукописямъ, и рукописи этой замѣтки совсѣмъ и нѣтъ. Ефремовъ, говоритъ, очевидно, о бывшемъ у него цензурномъ оригиналѣ Анненковскаго изданія С. В.], предлагаетъ читать «Юго», т. е. V. Hugo (VIII, 544 и 576). Съ нимъ въ концѣ концовъ согласился и Морозовъ (VIII, 539). Чтеніе «Юго» само по себѣ возможно: Пушкинъ иногда писалъ такимъ образомъ имя французскаго поэта (хотя въ это время Пушкинъ едва ли призналъ бы въ Гюго «глубину»). Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ чтеніе «Юнга» по слѣдую щимъ соображеніямъ: 1) въ письмѣ къ Погодину мы имѣемъ совершенно тождественную фразу съ именемъ Юнга; 2) естественно было сравнивать автора «*Harmonies religieuses*» съ авторомъ «*Ночей*», чѣмъ съ философомъ Юмомъ; 3) во всемъ отрывкѣ проводится вообще сравненіе французскихъ писателей съ англійскими и 4) въ «Литературной Газетѣ», къ редакціи которой, какъ известно, Пушкинъ стоялъ весьма близко, въ № 47 за 1830 г., въ статьѣ «О Ламартинѣ и современной франц. поэзіи» (гдѣ вообще много сходнаго со взглядами Пушкина), между прочимъ читаемъ: «Ламартинъ другой Юнгъ».

¹⁾ Пушкинъ, V, 637.

²⁾ Смирнова увѣряетъ, что Пушкинъ высоко ставилъ Ламартина, во всякомъ случаѣ, выше Гюго (I, 140 193—4, 297).

³⁾ («*Домикъ въ Коломнѣ*», 1830).

⁴⁾ Тамъ, VI, 430 («О приличіи въ литературѣ», 1830). Въ запискахъ 1834 г. Пушкинъ иронически

Не отрицая поэтическаго таланта Гюго, Пушкинъ постоянно подчеркивалъ въ немъ отсутствіе простоты, реторику: «V. Hugo не имѣетъ жизни, т. е. истины» ¹⁾.

Искренность вдохновенія и художественную простоту—вотъ что выше всего цѣнили нашъ поэтъ. И когда онъ находилъ эти качества, онъ готовъ былъ искренно восторгаться французской поэзіей.

Такъ, Пушкинъ живо заинтересовался творчествомъ Жозефа Делорма, или Сент-Бѣва. («*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*» (1829) и «*Les Consolations, poésies, par Sainte-Beuve*» (1830)—подали Пушкину поводъ написать обширную рецензію въ «Литературной Газетѣ» (1831 г., № 32 ²⁾). Делормъ принадлежитъ къ «новой школѣ» и, подобно Гюго, хочетъ быть и реформаторомъ стиха. Французская критика хвалила мнѣнія, высказанныя Делормомъ по поводу стихосложенія. Пушкинъ же полагаетъ, что «Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ дезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п. Все это хорошо; но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества» ³⁾. Взглядъ въ высшей степени характерный для Пушкина, который никогда не ставилъ форму выше сущности содержанія. Что касается поэзіи самого Делорма, то Пушкинъ видитъ въ его стихахъ «необыкновенный талантъ, ярко освѣщенный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда, ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной

передаетъ содержаніе той оды Гюго, которая была переведена Деларю и навлекла кару на цензора Никитенко (VI, 571).

¹⁾ Сайтовъ. Переписка, II, 389 (письмо къ Погодину отъ сент. 1832 г.). У Смирновой Пушкинъ говоритъ о Гюго (I, 191): «Онъ очень впечатлительнъ; свѣтъ, тѣни, краски вдохновляютъ его. Онъ слишкомъ любитъ метафоры, антитезы, звучности. Это просвѣчиваетъ въ его лирической поэзіи, онъ придумываетъ эффекты звуковъ, и его лирическая поэзія похожа на оду». Ср. *ib.*, 191—192, 193—4, 140, 295, 297.

²⁾ Честь открытія этой важной статьи Пушкина принадлежитъ Н. О. Лернеру. См. Н. О. Лернеръ—«Новооткрытыя страницы Пушкина» въ XII вып. изданія «Пушкинъ и его современники» и отдѣльно (стр. 23—38).

³⁾ *Ibid.*, стр. 31 отдѣльнаго оттиска.

на произволъ страстей, не были высказаны съ такой разочарованностью»¹⁾. Нашему поэту понятно такое настроеніе, но онъ не можетъ не упрекнуть и Делорма въ реторикѣ, въ «безвкусиномъ подражаніи давно оставленной поэзіи стараго Ронсара», въ стремленіи на поэтическій фонъ своихъ картинъ налагать мутныя пятна болѣзненныхъ переживаній.

Общій характеръ содержанія въ произведеніяхъ Делорма таковъ, что онъ могъ подать поводъ для «нареканій и строгости нравственной цензуры». Для автора «Графа Нулина» эта сторона дѣла имѣла, можно сказать, кровное значеніе, и Пушкинъ съ полной отчетливостью высказалъ свое мнѣніе по спорному тогда вопросу: «Сохрани насъ Боже быть поборниками безнравственности въ Поэзіи (разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты)! Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастье и величіе человѣческаго, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, воспалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безнравственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безнравственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя»...²⁾.

Довольно того, что Делормъ обладаетъ качествомъ, рѣдкимъ у новѣйшихъ французскихъ поэтовъ, — «искренностію вдохновенія», и одно это уже освящаетъ всякій сюжетъ. Наоборотъ, когда Делормъ превратился въ Сентъ-Бева, когда въ «Les Consolations» онъ показалъ себя остепенившимся, «совершенно порядочнымъ» человѣкомъ, тутъ-то Пушкинъ и жалбеть о поэтѣ, такъ какъ онъ въ угоду «вкусу и нравственности» пожертвовалъ «истинной поэзіей»³⁾.

Выше всѣхъ французскихъ поэтовъ молодой школы Пушкинъ ставитъ Альфреда де-Мюссе. Итальянскія и испанскія сказки (*Les contes d'Espagne et d'Italie*, 1830) своей «живостью необыкновенной» привели Пушкина въ восторгъ. «Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночнаго свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть», говоритъ онъ¹⁾. Съ Мюссе не сравнится ни Ламартинъ, ни Гюго, ни даже Делормъ. Пушкина радуетъ, что, когда «строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ», и Делормъ подчинился этому распоряженію, «молодой проказникъ» смѣло пошелъ противъ теченія, и его талантъ покорилъ своихъ критиковъ: «Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать...» «Давно бы такъ, милостивые государи», прибавляетъ Пушкинъ столько же по адресу французскихъ журналистовъ, сколько своихъ собственныхъ судей²⁾.

Таковы отзывы Пушкина о французскихъ лирикахъ.

Поклонникъ Шекспира, Пушкинъ лишь слегка останавливается на романтическо-идраматическо-романтическомъ драмѣ французовъ, но во всякомъ случаѣ, не видитъ въ ней новыхъ завоеваній для искусства.

дѣнилъ въ Делормѣ именно страстность и вдохновеніе.—У Смирновой (I, 328—9) Пушкинъ характеризуетъ С.-Бева и какъ критика.

¹⁾ Пушкинъ, VI, 431 («О приличіи въ литературѣ», 1830).—Позднѣе Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу (25 янв. 1836 г.): «Альфредъ Мюссе рѣшительно головою выше въ современной фалангѣ французскихъ литераторовъ. Познакомься съ нимъ и скажи ему, что мы съ Пушкинымъ угадали въ немъ великаго поэта, когда онъ еще шалил и faisait ses farces dans «Les contes espagnols» (Остаф. Архивъ, III, стр. 289).

²⁾ Пушкинъ, VI, 430—1. Ср. Анненковъ (Матеріалы, 1873 г., стр. 287—8 и прим.).—Изъ программы ненаписанной статьи (VI, 654) видно, что Пушкинъ хотѣлъ подвергнуть разбору и «*Fables de nuit*» Мюссе (1835—1837 гг.).—Стихотвореніе «Изъ VI Пиндемонте. Пушкинъ сначала хотѣлъ озаглавить: «Изъ Alfred Musset» (II, 564; ср. и въ статьѣ В. И. Срезневскаго «Пушкинская коллекція, принесенная въ даръ бібліотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой»—IV вып. «Пушкина и его современниковъ», стр. 19). Въ стихотвореніи «Пажъ, или пятнадцатый годъ» (1830) Анненковъ (стр. 298) отмѣчаетъ «аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссе».—Ср. въ «Запискахъ» Смирновой, I, 93, 187, 297 и 328.

¹⁾ Ibid., стр. 24.

²⁾ Ibid., стр. 33.

³⁾ Ср. въ статьѣ «О приличіи въ литературѣ» (1830): «бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неопыта» (Пушкинъ, VI, 430). Анненковъ (Матеріалы, Спб., 1873, стр. 289, прим.) также свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ

Знаменитый «Кромвель» В. Гюго (1827) вызывает съ его стороны полное отрицаніе.

Удивляясь успѣху своего «Бориса Годунова» въ Петербургѣ, Пушкинъ въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 7 янв. 1831 г. иронизируетъ надъ догадкой москвичей, что его трагедія—«подражаніе Кромвелю Виктора Гюго», и, чтобы не было никакихъ сомнѣній на счетъ его дѣйствительнаго отношенія къ французамъ, тутъ же прибавляетъ: «Жду переводовъ и суда Нѣмцевъ, а о Французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ иримвней къ Варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ наши: «Помилуйте-съ!»¹⁾ Съ годами неприязнь къ Гюго крѣпнеть, и въ статьѣ 1836 г. «О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ «Потеряннаго Райа» Пушкинъ не останавливается передъ самымъ суровымъ приговоромъ. Хотя Гюго, несомнѣнно, одаренъ талантомъ, но онъ поэтъ «второстепенный», «неровный, грубый»; его драмы—«уродливы», и «однимъ изъ самыхъ нелѣпыхъ его произведеній» является именно «Кромвель», пьеса съ «спотыкливымъ ходомъ», «аскучная и чудовищная». Изображеніе въ ней Мильтона до такой степени противорѣчитъ исторической истинѣ, что это—въ сущности оскорбленіе великой тѣни. Если поэтъ Гюго такъ плохо понялъ поэта Мильтона, «то всякъ легко себѣ вообразить, что подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія!» Читатели теперь едва ли и помнятъ драму Гюго²⁾.

Драматическій очеркъ «Les marrons de feu» Альфреда де-Мюссе, думалъ Пушкинъ, «объясняетъ Франціи романтическаго трагика»³⁾. Нравился Пушкину и «Театръ Клары Газюль» Мериме (Théâtre de Clara Gazul, comédienne espagnole, 1825)⁴⁾. Найдется у него еще упоминаніе объ «Antony» Дюма (1831 г.) въ наброскахъ «Египетскихъ ночей» (1835); хозяйка дома,

гдѣ собираются слушать разсказъ о Клеопатрѣ, относить пьесу Дюма къ числу «неблагопристойныхъ», вмѣстѣ съ «La physiologie du mariage» Бальзака¹⁾. Если бы можно было не сомнѣваться въ томъ, что «Записки» Смирновой нерѣдко грѣшатъ противъ истины, то сюда слѣдовало бы присоединить взглядъ Пушкина на «Чаттертона» Альфреда де-Виньи (1835)²⁾ и общую характеристику романтической драмы. Впрочемъ, по отношенію къ послѣднему пункту можно признать достовѣрнымъ, что Пушкинъ могъ упрекать французскихъ романтиковъ въ неполномъ пониманіи Шекспира, и что онъ ставилъ выше ихъ не только Шекспира, но и Корнеля³⁾.

Много недостатковъ видѣлъ Пушкинъ также во французскомъ романѣ, который какъ разъ съ тридцатыхъ годовъ получаетъ блестящее развитіе, постепенно переходя въ романъ реальный и социальный.

Какъ и вездѣ, во Франціи особую вѣтвь составлялъ романъ историческій вальтерскогтовскаго типа. На сценѣ опять—В. Гюго съ его «Notre Dame de Paris» и А. де Виньи, авторъ «Cinq-Mars». Пушкинъ въ 1831 г. подарилъ «Notre Dame de Paris» своей сестрѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, и она записывается⁴⁾: «Объ этой книгѣ мнѣ трубили съ такимъ рвеніемъ вездѣ, куда бы ни заходила, что отбили у меня охоту не только прочесть, но и взглянуть даже на нее. Братъ сказалъ, что подносить мнѣ новое твореніе Гюго, именно, чтобы меня подразнить и разбѣсить». У самого Пушкина свѣдѣній о романѣ Гюго не находимъ (если не относить сюда общаго замѣчанія, что «V. Hugo не имѣетъ жизни, т. е. истины»⁵⁾).

Зато Пушкинъ подробно высказался о произведеніи А. де Виньи. Вообще онъ былъ того мнѣнія, что «романы А. Vigny хуже романовъ Загоскина»⁶⁾. Онъ недоумѣваетъ, какъ французскіе критики могли

¹⁾ Саитовъ, II, 211.

²⁾ Пушкинъ, VI, 175—178.—Подобные же отзывы Пушкина о драмахъ Гюго и особенно о «Кромвелѣ» передаетъ и Смирнова, но въ тогѣ значительно болѣе мягкомъ, причемъ подчеркивается мысль Пушкина, что Гюго—драматургъ, въ сущности, не исполняетъ принциповъ своего манифеста—предисловія къ «Кромвелю» (I, 297—8 202, 208, 295, 153).

³⁾ Пушкинъ, VI, 431. («О приличіи въ литературѣ», 1830).

⁴⁾ Пушкинъ, II, 219.

¹⁾ Пушкинъ, V, 541, 543. У Смирновой есть рядъ отзывовъ Пушкина о драмахъ Дюма (I, 203, 294—5, 328). Но, такъ какъ она же (138, 165—7) заставляетъ нашего поэта бесѣдовать и о «Трехъ мушкетерахъ» (1844), то трудно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ другимъ ея разсказамъ.

²⁾ Смирнова, I, 293—6. Стр. 329 и сл.

³⁾ Смирнова, I, 298, 153.

⁴⁾ Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ М. 1890. Стр. 257.

⁵⁾ Саитовъ, II, 389 (письмо къ Погодину 1832 г.).

⁶⁾ Саитовъ, II, 389 (письмо къ Погодину 1832 г.).

поставить «на одной доскѣ съ В. Скоттомъ»¹⁾ этого «чопорнаго, манернаго гр. Виньи» съ его «оближеннымъ романомъ»²⁾, въ которомъ Мильтонъ изображенъ съ такими же «нелѣпыми несообразностями», какъ въ «Кромвелѣ» Гюго³⁾.

Очевидно, по мнѣнію Пушкина, французскому историческому роману не удалось подняться на высоту вальтерскоттовскаго творчества. Такой выводъ, дѣйствительно, не легко оспаривать и теперь. Но Франція 30-хъ гг. справедливо могла гордиться своимъ социальнымъ романомъ.

Общественный романъ имѣлъ тамъ многихъ даровитыхъ представителей и распадался на нѣсколько разновидностей. Пушкинъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ относился къ тѣмъ сравнительно старымъ романамъ, въ которыхъ слышались близкіе ему байроническіе мотивы, «въ которыхъ отразился вѣкъ, и современный человѣкъ изображенъ довольно вѣрно», которые даже Онѣгинъ изъ опалы исключилъ.

«Тайственный Сбогаръ» (1818) Шарля Нодье называется среди байроническихъ героев, которые «тревожатъ сонъ отроковицы»⁴⁾.

Къ числу любимыхъ романовъ Пушкина принадлежалъ «Адольфъ» Бенжаменъ-Констана. Такъ свидѣтельствуешь кн. П. А. Вяземскій, переводчикъ этого романа, посвящая свой трудъ именно Пушкину. «Смиранный литографъ приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника», пишетъ Вяземскій: «Мы такъ часто говорили съ тобою о превосходствѣ творенія сего, что, принявшись переводить его на досугѣ въ деревнѣ, мысленно относился я къ суду твоему»⁵⁾. Русскій пере-

водъ появился, правду сказать, съ весьма большимъ запозданіемъ (черезъ пятнадцать лѣтъ), но это обстоятельство не смущаетъ переводчика. «Характеръ Адольфа», разсуждаетъ Вяземскій¹⁾, «вѣрный отпечатокъ времени своего. Онъ прототипъ Чайльд Гарольда и многочисленныхъ его потомковъ. Въ этомъ отношеніи твореніе сіе не только романъ сегоднешній (roman du jour), подобно новѣйшимъ свѣтскимъ, или гостиннымъ романамъ, оно еще болѣе романъ вѣка сего». Пушкинъ близко къ сердцу принялъ переводъ «Адольфа»: хлопоталъ (вмѣстѣ съ Плетневымъ) насчетъ его печатанія и распространенія²⁾ и еще до выхода его въ свѣтъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» (1830, № 1) замѣтку, въ которой также поставилъ Б. Констанъ въ связь съ Байрономъ и предсказывалъ, что переводъ Вяземскаго «будетъ истиннымъ созданіемъ и важнымъ событіемъ въ Исторіи нашей Литературы»³⁾. Въ одномъ вариантѣ къ I главѣ «Евг. Онѣгина» (строфа V), Пушкинъ заставлялъ своего байронствующаго героя, между прочимъ, вести споры и о Б. Констанѣ⁴⁾.

Всѣ эти факты между прочимъ доказываютъ, что «байронизмъ» Пушкина (какъ и Лермонтова) весьма сложнаго состава, и что въ немъ есть немалая примѣсь французскихъ элементовъ. Недаромъ Вяземскій и Пушкинъ давали такую преувеличенно высокую оцѣнку художественнымъ достоинствамъ «Адольфа».

Сочувственно встрѣтился Пушкинъ въ общемъ интересѣ къ Байрону еще съ другимъ его любимымъ писателемъ, съ Альфредомъ де-Мюссе. На этотъ разъ рѣчь идетъ о шуточныхъ поэмкахъ Байрона,

¹⁾ Ibid., стр. XIV—XV.

²⁾ Саитовъ, II, 217 — 18, 252, 254, 267, 290, 313—14.

³⁾ Принадлежность этой замѣтки Пушкину доказана также Н. О. Лернеромъ въ «Новооткрытыхъ страницахъ Пушкина» (отд. отиска стр. 6—8). Пушкинъ, видимо, не ограничился этимъ. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 20 янв. 1831 г. читаемъ (Саитовъ, II, 219): «Оставь Адольфа у меня — на дняхъ пришлю тебѣ нужные замѣчанія».

⁴⁾ Въ этомъ вариантѣ говорится: «И могъ онъ съ ними въ самомъ дѣлѣ вести и мужественный споръ о Байронѣ и Бенжаменѣ, о карбонарахъ, о Шарни» (Ефремовъ, VIII, 474; Морозовъ, IV, 293—4.) — Въ «Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ» (1831) Лиза сравниваетъ Адольфа съ Ловеласомъ (V, 181). Ср. VI, 60 (1830) и у Смирновой, I, 304—310. — О влияніи «Адольфа» на «Онѣгина» говоритъ проф. Даукевичъ въ ст. «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ» Сборникъ «Памяти Пушкина», Кіевъ, 1899.

¹⁾ Пушкинъ, VI, 175 («О Мильтонѣ и Шатобрианомъ переводѣ «Потеряннаго Рай»).

²⁾ Ibid., стр. 178.

³⁾ Ibid., стр. 178 — 180. Предполагалъ Пушкинъ говорить о Виньи и въ ненаписанной статьѣ (VI 654). — Смирнова (I, 196—8, 297) очень близко къ статьѣ Пушкина передаетъ его мнѣніе о «Cinq-Mars», но присоединяетъ къ этому и другіе его отзывы о Виньи (188 и 230, 194—6) — Хорошо отзываясь Пушкинъ о «Хроникѣ Карла IX». Мериме (II, 219).

⁴⁾ Пушкинъ, IV, 80 (гл. III, стр. XII «Евг. Онѣг.»), 1824. — Въ «Барышнѣ-крестьянкѣ» (1830) кличку Сбогаръ носитъ собака Алексѣя (V, 127).

⁵⁾ Адольфъ. Романъ Бенжаменъ-Констана. Спб. 1831. (Посвященіе, подписанное «К. Вяземскій», съ датой 1829 г.). Въ оригиналѣ: «Adolphe. Anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu. Paris. 1816».

о томъ литературномъ жанрѣ, который столь оскорблялъ чопорный вкусъ «приличной» критики. Пушкинъ съ его огненными порывами къ земному рано одѣнилъ этотъ жанръ, предвѣщавшій реальный романъ, и смѣло вступилъ въ борьбу за его право на литературное существованіе. Естественно, что онъ привѣтствуетъ Мюссе, который въ повѣсти «Mardoché» «первый изъ французскихъ поэтовъ умѣлъ схватить такъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка», вѣдь «трудно прилично выражать обыкновенные предметы»¹⁾ «Намуна» Мюссе вмѣстѣ съ «Беппо» Байрона подсказала нашему поэту форму «Домика въ Коломнѣ»²⁾.

Цѣнилъ Пушкинъ и Мериме, который такъ удачно мистифицировалъ его пѣснями западныхъ славянъ. По его мнѣнію, авторъ «Театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы», — «острый и оригинальный писатель»³⁾.

Зато Гюго и въ качествѣ автора общественнаго романа встрѣтилъ со стороны Пушкина обычно суровое отношеніе.

По поводу «Записокъ Самсона, парижскаго палача» Пушкинъ жалуется на «безправственность нашего любопытства» и говорить: «Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи»⁴⁾. Пушкинъ разумнѣетъ, конечно, «Les derniers jours d'un condamné» (1829). Трудно понять, какую «грязь» усмотрѣлъ поэтъ въ романѣ Гюго, изображающемъ психологію осужденнаго на смертную казнь и написаннаго съ цѣлью доказать этическую несостоятель-

ность института смертной казни. Можно находить этотъ романъ «публицистическимъ», говорить, что «огонь» произведенія нерѣдко переходитъ въ риторику, что самая психологія преступника мѣстами кажется надуманной, но никакихъ этическихъ упрековъ великодушное произведеніе Гюго не заслуживаетъ. Очевидно, подъ «грязью» Пушкинъ разумнѣетъ самый характеръ сюжета, гдѣ дѣйствие перенесено въ тюрьму, на площадь и т. п., т.-е. въ данномъ случаѣ онъ какъ бы раздѣляетъ странныя обвиненія въ «безправственности» именно за выборъ сюжетовъ и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Противорѣчіе это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что рядомъ мы имѣемъ весьма благосклонное отношеніе къ «L'âne mort et la femme guillotinée». Ж. Жанена.

Въ 1830 г. Пушкинъ писалъ княгинѣ В. О. Вяземской¹⁾: «Vous avez raison de trouver l'âne délicieux — c'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo — j'y vois plus de talent que dans le dernier jour ou il y en a beaucoup». Романъ Жанена вышелъ безъ имени автора²⁾ (въ 1829 г.), но уже въ 1831 г. онъ появляется въ русскомъ переводѣ³⁾. Можно, пожалуй, согласиться съ Пушкинымъ, что «L'âne mort» талантливѣе «Les derniers jours». Романъ Ж. Жанена, дѣйствительно, поражаетъ смѣлостью и оригинальностью замысла и силой психологическаго анализа, но сюжетъ его столь же «грязный», какъ и въ романѣ Гюго (на сценѣ также преступленіе и смертная казнь). Какъ бы то ни было, важно подчеркнуть, что Пушкинъ называетъ это произведеніе однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ свое время. Значитъ, можно думать, что Пушкинъ раздѣлялъ и тѣ принципы, которыми руководился французскій авторъ въ своемъ творествѣ. Жаненъ сознательно отмежевываетъ себя отъ старой сентиментальной литературы; онъ причисляетъ себя къ «la nouvelle école poétique avec ses bourreaux et ses fantômes», къ школѣ, которая стремится «étudier le monde moral dans ses plus mystérieuses influences»⁴⁾. Въ исторіи осла, затравленнаго въ «la barrière du combat»,

¹⁾ Пушкинъ, VI, 431. («О приличіи въ литературѣ» (1830). — На замѣчаніе А. И. Тургенева что у Мюссе тонъ Байрона, Пушкинъ, по словамъ Смирновой (I, 187), сказалъ: «Это легко перенимается, многіе поэты усвоили его, но Мюссе уже оригинальнѣе». О любви Пушкина къ Мюссе говорить и Шевыревъ; по его словамъ, Пушкину особенно нравился «Spectacle dans un fauteuil». Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Стр. 352.

²⁾ Это прекрасно выяснено В. Я. Брюсовымъ въ III т. настоящаго изданія.

³⁾ Пушкинъ, II, 219 (Предисловіе къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ», 1835). — «Мериме кажется мнѣ очень оригинальнымъ, такъ какъ онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ», говоритъ Пушкинъ и у Смирновой (I, 323; ср. еще 321—2, 324).

⁴⁾ Пушкинъ, VI, 52 («О Запискахъ Самсона», 1830).

¹⁾ Саитовъ, II, 143. —

²⁾ Какъ видимъ, его приписывали Гюго.

³⁾ Мертвый оселъ и обезглавленная женщнна. Переводъ съ французскаго. М. 1831. 2. части.

⁴⁾ L'âne mort par Jules Janin. Paris. 1842. p. 103.

и гильотинированной женщины авторъ хотѣлъ раскрыть весь трагизмъ современнаго культурнаго обществѣ, и такое содержаніе Пушкинъ готовъ былъ признать délicieux. Нельзя поэтому не пожалѣть, что не сохранилось другихъ, сколько нибудь цѣльныхъ сужденій Пушкина о томъ же Жаненѣ и остальныхъ, болѣе значительныхъ представителяхъ французскаго романа тридцатыхъ годовъ.

Извѣстно ¹⁾, что Пушкинъ собирался писать о «Barnave» (1831), романъ того же Жанена ²⁾, объ Eugène Sue и Бальзака въ («Scènes, contes drolatiques»). «La Physiologie du mariage» Бальзака упоминается въ наброскахъ къ «Египетскимъ ночамъ», гдѣ хозяйка дома провозглашаетъ это произведеніе столь же неблагопрістойнымъ, какъ и «Antony» Дюма ³⁾. Но изъ этого трудно сдѣлать сколько-нибудь точный выводъ о томъ, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на великаго французскаго романиста ⁴⁾. Если вѣрить Смирновой, Пушкинъ вполнѣ понималъ значеніе Бальзака. Онъ ставилъ его выше Мериме, выше Стендаля и говорилъ: «Бальзакъ даже предугадалъ будущее «въ особенности тѣмъ, что понялъ, что высшей властью въ обуржуазившемся обществѣ станутъ деньги» ⁵⁾, и въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾: «Я также хотѣлъ бы видѣть Бальзака, его задачи меня интересуютъ, это ихъ будущій великій романистъ» ⁷⁾.

Въ томъ же, если не въ худшемъ положеніи обстоитъ дѣло съ Жоржъ Сандъ. Ея имя проскользнуло въ разговорѣ одного наброска къ «Египетскимъ ночамъ» съ аттестаціей «такой же безстыдницы, какъ ваша Kleopatra» ⁸⁾.

Можно опасаться, что этотъ взглядъ

¹⁾ Пушкинъ, VI, 654. (Эта программа относится ко времени, не ранѣе 1835 г.: Musset fables de nuit написаны въ 1835—7 гг.)

²⁾ Смирнова (I, 230 — 1, 329) приводитъ сужденія Пушкина о журнальной дѣятельности Ж. Жанена.

³⁾ Пушкинъ, V, 541 и 543.

⁴⁾ Въ письмѣ къ женѣ отъ 4 мая 1836 г. (Пушкинъ, VII, 640) поэтъ между прочимъ говоритъ: «Чадаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть» съ очевиднымъ намекомъ на «Histoire des treizes» Бальзака.

⁵⁾ Смирнова, I, 324.—

⁶⁾ Ibid., стр. 328.—

⁷⁾ Въ повѣстяхъ Павлова (VI, 387, 1835 г.). Пушкинъ между прочимъ находилъ— «въ описаніяхъ близорукою мелочностью вынѣвшихъ французскихъ романистовъ». Этотъ упрекъ прежде всего могъ относиться именно къ Бальзаку.

⁸⁾ Пушкинъ, V, 544 (1835 г.).

раздѣлялъ и самъ Кернъ, можно зная, что Кернъ переводитъ брать на себя посредство и Смирнины, поэтъ переводъ ея будетъ таковъ: «она сама вѣрный спутникъ, то успѣхъ ея несомнѣно въ цитированномъ письмѣ. Кернъ рѣшается съ излишнею демонстраціей афишировать передъ женой отношенія къ А. П. Кернъ, все это говоритъ, чтобы Пушкинъ, какъ сообщитъ намъ Смирнова, могъ воскликнуть: «Я хотѣлъ видѣть Жоржъ Зандъ, вотъ это художница» ²⁾.

Повидимому, взглядъ Пушкина на французскій общественный романъ еще не успѣлъ опредѣлиться, а, можетъ быть, просто поэтъ не успѣлъ высказаться на этотъ счетъ съ полной опредѣленностью. Зато достаточно ясно его отношеніе къ лирику, драмѣ и историческому роману Франціи. Драма французскихъ романтиковъ ниже Шекспира и даже Корнеля, историческій романъ ниже Вальтера Скотта. Среди лириковъ можно назвать нѣсколько талантливыхъ именъ. Но и только.

Нелегко было французскимъ писателямъ удовлетворить Пушкина именно съ художественной стороны, и ко всему новому теченію во французской литературѣ, если бы мы захотѣли теперь подвести общій итогъ его взглядамъ, онъ относился, правда, не вполнѣ отрицательно, но весьма сдержанно. «Я въ душѣ увѣренъ», писалъ онъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, «что 19 вѣкъ, въ сравненіи съ 18-мъ, въ грязи (разумѣю во Франціи). Проза едва-едва выкупаетъ радость того, что зовутъ они поэзіей» ³⁾. Французская литература середины тридцатыхъ годовъ кажется ему въ состояніи «глубокаго и жалкаго упадка» ⁴⁾.

¹⁾ Пушкинъ, VIII, 371.—Изъ письма О. С. Павлицевой видно, что Кернъ перевелъ романъ «André». Ольга Сергѣевна и Соболевскій вслѣдъ за Пушкинымъ подсмѣивались надъ переводчицей (Л. Павлицевъ, 400 и 411). О Кернъ и въ частности объ ея попыткахъ заняться литературнымъ трудомъ — см. въ статьѣ Б. М. Модзалевскаго (III т. настоящаго изданія).

²⁾ У Смирновой Пушкинъ довольно обстоятельно высказывается еще о Стендалѣ (I, 322—5, 328).

³⁾ Сайтовъ. Переписка, II, 389.

⁴⁾ Пушкинъ, II, 219. Предисловіе къ «Пѣснямъ»

дузскую прозу Пушкина 30-х гг. склоненъ французской поэзіи. Пушкинъ ставитъ искренняго вдох-

морфа (1831 г.) Пушкинъ провозгласилъ свое главное искусство французскій поэтъ сказалъ себѣ: *soyons républicains, politiques*, а иной даже: *avagants*, и холодъ предназначенія, принужденность отзываться, всякомъ его твореніи, гдѣ нигде не видимъ движенія минутнаго вольнаго чувства, словомъ: гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія». Поэты гнѣшатъ противъ художественной простоты и правды: они сознательно стремятся къ новшествамъ въ формѣ, измышляютъ разные вышніе эффекты, и эта излишняя погоня за формой создаетъ одну напыщенность, «преувеличеніе (*exagération*)»²⁾.

Съ другой стороны, общественная жизнь и даже политика вторгались во французскую словесность больше, чѣмъ то хотѣлъ допустить Пушкинъ.

«Всѣмъ извѣстно», читаемъ въ его замѣткѣ 1831 г., «что французы народъ самый антипоэтический», хотя это народъ остроумный и положительный»³⁾. «Франція», развиваетъ Пушкинъ ту же мысль въ 1835 г.⁴⁾, «средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни—все вмѣстѣ—эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія—не цѣли, а средства. Народъ (*der Herr Omnis*) властвуетъ въ ней отвратительной властью демокраціи». Въ этихъ словахъ одновременно сказались и художникъ и русскій интеллигентъ дворянскаго періода: Пушкину одинаково трудно примириться и съ превращеніемъ поэзіи въ социальное

средство и съ идеей народнаго суверенитета. Французскій принципъ «соціальности» казался Пушкину, какъ и Бѣлинскому тридцатыхъ годовъ, не вытекающимъ изъ природы искусства. Подобно Бѣлинскому, онъ протестовалъ бы противъ такихъ, напр., утверженій, какъ въ статьѣ Г. Плянша, что лирическая поэзія исчерпала «*l'étude et l'analyse de la vie individuelle*», что этотъ «*l'égoïsme poétique*» пора замѣнить новой ролью поэзіи—«*un rôle direct dans le renouvellement social*», «*qu'elle doit se mêler plus activement, qu'elle ne l'a fait jusqu'ici à la lutte des intérêts positifs et des passions publiques*»¹⁾. Многія явленія французской литературы, вытекавшія изъ подобныхъ стремленій, Пушкинъ не прочь былъ квалифицировать, какъ разнузданность воображенія, даже какъ «грязь»²⁾, очевидно, возставая и противъ знаменитаго тезиса французскаго романтизма: «*le beau c'est le laid*». Въ сентябрѣ 1832 г. онъ возмущается «всей отвратительной подлостью нынѣшней французской литературы»³⁾.

Литература Франціи, по мнѣнію Пушкина, сдѣлалась угодницей не только публики, но прямо черни; она дорожитъ минутнымъ успѣхомъ и гонится за наживой. Поэтамъ «новѣйшей вольной школы» онъ задаетъ оскорбительный вопросъ:

..... чѣмъ душа

У васъ исполнена—прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ попопозновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустыкамъ,
Иль вамъ не вѣрять въ долгъ, а деньги
нужны вамъ? ⁴⁾

«Отвратительная власть демокраціи» гнѣбительно сказывается на характерѣ французской литературы. Сословіе французскихъ писателей, разсуждаетъ Пушкинъ въ 1833—4 гг.⁵⁾, «потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. Зато какъ без-

западныхъ славянъ» относится къ 1835 г. — У Смирновой Пушкинъ, однако, разсуждаетъ (I, 132): «Послѣ трагической эпохи революціи и имперіи поэзія стала чуждой для массы. За услуга романтиковъ въ томъ, что они стараются нѣсколько возстановить идеалы».

¹⁾ Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина, стр. 32—3 (отгискъ).

²⁾ Пушкинъ, VI, 305 и 310. («Баратынскій», 1830).—«Пушкинъ сказалъ, что въ концѣ концовъ романтическая школа выродится въ извѣстную моду и въ кружковщину, а всякая мода и всякая кружковщина ему ненавистны» (Смирнова, I, 203).

³⁾ Пушкинъ, VI, 431.

⁴⁾ Ib., стр. 404.

¹⁾ Gustave Planche, *Les royautés littéraires*, *Revue des Deux Mondes*, 1834, tome premier, p. 534—5.

²⁾ Вспомнимъ отзывъ о «*Les derniers jours d'un condamné*».—Въ «*Пиковой дамѣ*» (1834) графиня проситъ Томскаго прислать ей какой-нибудь романъ, но только не изъ нынѣшнихъ, «т.-е. такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отда, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ» (V, 505).

³⁾ Сантовъ, II, 389.

⁴⁾ Пушкинъ, II, 188 (набросокъ 1833 г.).

⁵⁾ Пушкинъ, VI, 645 («Мысли на дорогѣ»).

стыдно ползаютъ они передъ господствующими людьми! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови». Если старая французская словесность «родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила» ¹⁾, то «объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ» ²⁾.

Итакъ, Пушкинъ былъ достаточно рѣшителенъ въ своихъ обобщающихъ выводахъ.

Но вотъ въ 1836 г. ему еще разъ пришлось услышать хорошо знакомыя рѣчи изъ устъ М. Е. Лобанова; поэтъ снова продумалъ вопросъ во всей его цѣлостности и въ знаменитомъ отвѣтѣ академику какъ бы резюмировала свои взгляды на этотъ предметъ.

III.

Послѣ всего сказаннаго намъ нетрудно предугадать, какую позицію въ данномъ литературномъ спорѣ должны были занять члены Россійской Академіи, почти сплошь закоренѣлые шишковисты.

А. С. Шишковъ, державшій въ своихъ старческихъ, но еще дѣлкихъ рукахъ всю академию, попрежнему стоялъ на стражѣ самобытности и истиннаго литературнаго вкуса. Въ тридцатыхъ годахъ именно отъ Шишкова и его вѣрныхъ соратниковъ все еще можно было услышать убѣжденное слово подлиннаго «классика».

М. Дмитриевъ въ статьѣ «Духъ Времени и потребность вѣка въ философическомъ и нравственномъ ихъ значеніи» ³⁾ предостерегалъ отъ увлеченія «духомъ времени», который гнѣздится во Франціи. Въ доказательство онъ ссылаясь и на ея эклектическую философію, и на ея литературу. Литература Франціи это—«анатомическій театръ, на коемъ разлагаютъ живого моральнаго человека, и безъ всякой жалости, безъ малѣйшаго содроганія, отдѣляютъ и обнажаютъ трепещущіе его члены предъ взоромъ всего человѣчества». Дмитриевъ приглашаетъ «попробо-

вать силу души нашей» надъ этимъ коварнымъ духомъ времени.

Никто лучше Шишкова не сознавалъ этой опасности, и никто не могъ предложить наиболѣе раціональныхъ средствъ борьбы. Академія, дѣйствительно, бодрствовала. Въ 1834—1835 г. она издала «Краткія Записки, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности», гдѣ должное мѣсто отведено и обличенію французскаго романтизма. Въ «предувѣдомленіи» къ третьей книжкѣ эта задача поставлена въ самую тѣсную связь съ «прямымъ и существеннымъ долгомъ» академіи—съ «огражденіемъ языка своего отъ всякихъ ложныхъ умствованій, кривыхъ толковъ, нелѣпныхъ нововведеній, вводящихъ неопытные умы въ заблужденіе, и столько же вредныхъ для языка и словесности, сколько и для правды». «Предувѣдомленіе» съ язвительностью характеризуетъ разныя «жеумствованія» Франціи, всего болѣе выразившіяся въ неуваженіи къ классическимъ писателямъ: къ Гомеру, Виргилію, Тассо, Расину, Метастазію, Мольеру. Эти авторы новому поколѣнію кажутся уже «вялыми, сухими». «Что въ нихъ есть?» разсуждаетъ Шишковъ отъ лица юной Франціи: «у всѣхъ въ виду одно только нравовеніе, благородство чувствъ, ясность мыслей, выборъ словъ и чистота слога. То ли дѣло читать нынѣшнихъ Бальзаковъ, Жаненей, и другихъ, имъ подобныхъ, которыхъ новословія и кудреватостей ищѣ не поймешь, но за то всего у нихъ наслушаешься? или то ли дѣло вмѣсто прежнихъ зрѣлищъ, представляющихъ людей хорошихъ обществъ, смотрѣть на площадныхъ ярыгъ, разбойниковъ, смертоубійцъ? одно такъ обыкновенно, а другое такъ ново! отъ подобныхъ сочиненій распространился новый образъ мыслей, новый вкусъ и новый языкъ». Юная нынѣшняя словесность, которая «подъ именемъ романтизма и другихъ названій приползла» и къ намъ, «не есть плодъ размысленія и здраваго разсудка, но дѣтище слѣпоты ума и разврата» ¹⁾.

Въ помощь себѣ Шишковъ рѣшился призвать «благоразумнѣйшихъ изъ французовъ», но, очевидно, затрудились въ борьбѣ. Въ первой книжкѣ (1834 г.) помѣ-

¹⁾ Тамъ, стр. 24 (1827).

²⁾ Тамъ, стр. 377 (1834). И далѣе на той же страницѣ: «Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вѣзможъ, они обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлью: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изысному: жаднѣй народъ!».

³⁾ Телескопъ, 1833, № 2, ч. XIII, стр. 167—187.

¹⁾ Краткія Записки, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности, издаваемые отъ Россійской Императорской Академіи. Книжка третья, Спб. 1835. Стр. VП—VШ.

щены (въ переводѣ самого президента академіи) «Два письма о романтической словесности» изъ «Oeuvres littéraires de M. A. Jay» (1824)—изъ источника, по меньшей мѣрѣ, запоздалаго. Этотъ недостатокъ исправленъ въ третьей книжкѣ переводомъ (опять самого Шишкова) статьи изъ женеvской «Bibliothèque Universelle» подъ заглавіемъ «Противоположность романтизму», что, по мнѣнію переводчика, должно соответствовать французскому «Réaction antiromantique»¹⁾.

Въ статьѣ «Bibliothèque Universelle» мы не найдемъ ничего своеобразнаго, ничего такого, что не было бы сказано другими французскими журналами или англійскими типа «Edinburgh Review». Но въ глазахъ Шишкова она была цѣвна уже тѣмъ, что романтизмъ характеризуется, какъ «скрытое въ шумѣ пустословіе» (une bruyante mystification), и категорически предсказывается ему близкая и окончательная гибель. Въ подтвержденіе цитируется рѣчь нѣкаго Mazoier, напечатанная въ «Recueil de l'Académie des Jeux Floraux» (1833). По убѣжденію этого оратора, современные французскіе авторы потворствуютъ «скотской природѣ» человѣка (la nature brutale), которая, «ограничиваясь грубою вещественностію, отрицается отъ той области безконечнаго бытія, куда возносятся очищающія себя разумныя существа, понимающія свое предопредѣленіе». «И ежели», пугаетъ Мазойеръ, «къ смятенію словесности присоюкнутъ всѣ возмущенія, произведенныя въ области философіи, вѣроисповѣданія и политики, то какое чрезъ сорокалѣтнее наше время откроется зрѣлище, въ коемъ увидимъ, что смятеніе пришло къ намъ отъ тѣхъ самыхъ началъ, которыми хотѣли учредить лучшій порядокъ!».

18 января 1836 г. въ засѣданіи Россійской Академіи, происходившемъ «въ присутствіи Ея Свѣтлости Принца Ольденбургскаго», Мих. Евстаф. Лобановъ выступилъ съ боевой рѣчью, чтобы еще разъ нанести ударъ ненавистному противнику.

Лобановъ²⁾ готовъ радоваться тому, что

«любовь къ чтенію и желаніе образованія сильно увеличались въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы», но лишь въ томъ случаѣ, если произведенія нашей печати соблюдаютъ «строгую нравственность», «распространяютъ чистыя правила, вѣрныя сужденія, вкусъ и познанія, если сохраняется чистота и правильность языка, питаютъ священнѣйшія чувствованія любви къ Государю и Отечеству, и ко всему полезному, доброму, изящному». Къ сожалѣнію, «выходящія и читаемыя нынѣ книги и журналы» не удовлетворяютъ «симъ непремѣннымъ условіямъ»: есть и въ нашей новѣйшей словесности нѣкоторые отголоски безиравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями. И Лобановъ рѣзкими штрихами очерчиваетъ «безиравіе и нелѣпость» французской словесности¹⁾, подкрѣпляя себя обильными цитатами изъ извѣстной уже намъ статьи «Edinburgh Review» въ переводѣ «Библиотеки для Чтенія» за 1834 годъ. «Такова нынѣ словесность Франціи», продолжаетъ ораторъ: «Но не вторгается ли она, не вторглась ли уже въ наше отечество, и нѣтъ ли въ нашей словесности нѣкаго, хотя слабаго, сходства съ симъ описаніемъ?»... Французы давно уже огрубѣли въ кровавыхъ событіяхъ революцій, давно уже упали «въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата». Ихъ уже трудно испортить болѣе. Другое дѣло — Россія, этотъ народъ «еще цѣломудренный, еще чуждый и политическихъ и нравственныхъ заблужденій, но грозный страстями и силою душевною, жадный познаній и впечатлѣній». Для него французская зараза можетъ быть весьма пагубной. А между тѣмъ глетворное дѣйствіе Франціи уже сказалось на современной русской литературѣ²⁾. Необходимо всѣми силами бороться съ вреднымъ направленіемъ. Однимъ цензорамъ трудно «проникнуть въ ухищренія пишущихъ». Цензурѣ должны содѣйствовать «каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная»³⁾. Призывомъ всѣхъ, а особенно академиковъ къ

¹⁾ Bibliothèque Universelle des sciences, belles-lettres et arts, rédigée à Genève. 1834. Tome LV. Littérature, p. 81—98.

²⁾ М. Е. Л о б а н о в ъ. Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Труды Импер. Росс. Академіи. Часть III. Спб. 1840. Стр. 89—97. Эта рѣчь перепечатана въ статьѣ А. О. Круглага «Лобановъ и его отношенія къ Гибдичу и Загоскину» (Истор. В. 1880, № 8).

¹⁾ См. цитаты, приводимыя Пушкинымъ въ его статьѣ «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной».

²⁾ Пушкинъ. Ib. (двѣ большихъ цитаты изъ рѣчи Лобанова).

³⁾ См. дитату, приведеную Пушкинымъ.

этому добровольному цензору и заканчивает свою рѣчь Лобановъ¹⁾.

Всѣмъ предыдущимъ достаточно опредѣляется мѣсто, какое занимаетъ рѣчь Лобанова въ исторіи даннаго вопроса, и удѣльный вѣсъ высказанныхъ имъ идей.

Какъ видимъ, Лобановъ, въ качествѣ чловѣка дѣла и суроваго долга, къ теоретическимъ разсужденіямъ присоединилъ и указанія на желательныя практическія мѣропріятія. Но фактическое содержаніе его рѣчи и ея аргументація не блещутъ оригинальностью. У Лобанова было столько доблестныхъ предшественниковъ, даже среди ближайшихъ сотоварищей по академіи, что ему уже не было надобности прокладывать новыхъ путей. Важно, однако, то, что академія въ лицѣ Лобанова еще разъ подтвердила фактъ вліянія французской литературы тридцатыхъ годовъ на русское просвѣщеніе того времени, и забила по этому поводу шумную тревогу.

Пушкинъ самъ состоялъ членомъ Россійской Академіи.

3 декабря 1832 г. президентъ Шишковъ предложилъ къ избранію «титулярнаго совѣтника Александра Сергѣевича Пушкина» и вмѣстѣ съ нимъ—П. А. Катенина, М. Н. Загоскина, священн. А. И. Малова и Д. И. Языкова, кратко мотивируя свое предложеніе словами: «Извѣстныя въ словесности дарованія и сочиненія ихъ увольняютъ меня отъ подробнаго оныхъ исчисленія»²⁾. Въ засѣданіи присутствовало 14 членовъ (въ томъ числѣ М. Е. Лобановъ), и Пушкинъ былъ избранъ единогласно. Но были запрошены и отсутствовавшіе члены. Они также выразили свое согласіе, за исключеніемъ, однако, митрополита Серафима, который письменно подалъ свой голосъ только за одного протоіерея Малова, на избраніе же прочихъ, писалъ владыка, «не могу дать согласія своего единственно потому,

что они мнѣ неизвѣстны»¹⁾. Окончательное избраніе Пушкина состоялось на засѣданіи 7 янв. 1833 года. 23 января онъ въ первый разъ присутствовалъ въ академіи въ качествѣ ея члена на засѣданіи, гдѣ шла рѣчь о словарѣ.

Пушкинъ весьма серьезно отнесся къ своимъ новымъ обязанностямъ, оказался аккуратнымъ академикомъ, и это потому, что онъ придавалъ серьезное значеніе работамъ академіи²⁾.

Засѣданіе 18 янв. 1836 года, въ которомъ ораторствовалъ Лобановъ, Пушкинъ считалъ «памятнымъ въ лѣтописяхъ Россійской Академіи». Послѣ этого понятно, что онъ не могъ оставить безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія рѣчь своего сочлена. Его отвѣтъ, который А. И. Тургеневу показался «скромнымъ», но сильнымъ³⁾, появился въ I т. «Современника» за 1836 г.

Пушкинъ прежде всего сохраняетъ полный пѣтеть къ академіи, на нашъ взглядъ, даже преувеличиваетъ «важность мѣста», гдѣ яко бы зазорно даже произносить имена какихъ-нибудь Жаненей, Сю и прочихъ. Для нихъ, говоритъ поэтъ, это—честь «неожиданная, неслыханная въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами»⁴⁾. Сужденія о подобныхъ писателяхъ умѣстны лишь на страницахъ журналовъ, а не въ стѣнахъ Академіи: «Есть высоты, съ которыхъ не должны падать сатирическія укоризны, есть званія, которыя налагаютъ на насъ обязанности умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора цензуры, *sponde sua, sine lege*»⁵⁾. Но и помимо того, Лобановъ легкомысленно преувеличиваетъ дѣло. Ораторъ правъ въ констатированіи отрицательныхъ сторонъ французской литературы, но нельзя обобщать такъ широко, какъ это дѣлаетъ онъ: отрицательныя черты наблюдаются лишь у «нѣсколькихъ писателей, большею частью молодыхъ людей»,

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія и подробная біографія о М. Е. Лобановѣ дано С. А. Венгеровымъ въ примѣчаніи 151 ко II т. Сочиненій Бѣлинскаго (стр. 537—540). Почтенный ученый полагаетъ, что «весь этотъ грозной окрикъ» Лобанова «относился исключительно къ Бѣлинскому». Не отрицая, что критика Бѣлинскаго (см., напр., въ томъ же II т. на стр. 131—2 разборъ трагедіи Лобанова «Борисъ Годуновъ») могла подать ближайшій поводъ для рѣчи Лобанова, считаемъ несомнѣннымъ, что содержаніе данной рѣчи «относится» къ дѣйствительному факту широкаго вліянія франц. литературы на русскую.

²⁾ М. И. Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII, стр. 77—8.

¹⁾ Ibid., стр. 81.

²⁾ Ст. «Россійская Академія». Ср. и заключенія въ статьѣ о Лобановѣ. Этому не противорѣчатъ шутки Пушкина насчетъ «безчинства засѣданія» и плохого завтрака, о чемъ разсказываетъ Вяземскій въ письмѣ къ Жуковскому отъ 29 янв. 1833 г. (Р. Арх. 1900, I, стр. 369).

³⁾ Остаф. Арх. III, стр. 334.

⁴⁾ Пушкинъ, VI, 102.

⁵⁾ Пушкинъ, VI, 621 (изъ черновой рукописи).

да и они вовсе не думают представлять разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Французская литература не является слѣдствіемъ политическихъ волненій, она не исчадіе революціи, а произведенная ею, чисто литературная революція есть законный, хотя и односторонній протестъ противъ старой эстетики. Если нельзя по отдѣльнымъ фактамъ судить о всей французской литературѣ, то тѣмъ менѣе позволительно распространять ихъ смыслъ на жизнь всей страны: «можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анафему?»

Такимъ образомъ, Пушкинъ вноситъ нѣсколько поправокъ въ мнѣніе Лобанова, и очевидно, что нѣкоторыя изъ нихъ могли бы служить подходящимъ коррективомъ и къ его собственнымъ ранѣ высказаннымъ отзывамъ о французской словесности. «Всѣ парнасскія секты для меня равны», какъ-то (въ 1827 г.) выразился Пушкинъ о себѣ¹⁾. Въ моменты спокойнаго анализа онъ, дѣйствительно, былъ способенъ къ свободно-объективной оцѣнкѣ каждаго явленія въ области искусства. Тогда онъ справедливо возмущался огульной хулой на литературу цѣлаго народа, отвергалъ столь распространенную манеру прилагать къ произведеніямъ искусства условные моральные принципы и рѣшительно возставалъ противъ всякаго рода попытокъ жандармскими мѣрами воздѣйствовать на ходъ литературы (какъ того хотѣлъ ретивый академикъ Лобановъ). Приговоры самого Пушкина, не всегда, можетъ быть, вѣрные, всегда дѣлались во имя святости и независимости искусства. Самъ художникъ-реалистъ, онъ не могъ отрицать и принципа сближенія поэзіи съ жизнью; наоборотъ, онъ требовалъ отъ литературныхъ произведеній художественности и правды. Но, съ другой стороны, изъ отвѣта Лобанову мы видимъ, что Пушкинъ, подобно вообще своимъ современникамъ, не дооцѣнилъ значенія французской словесности самой по себѣ и по отношенію къ русской литературѣ. Французская литература двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, конечно, не представляла такихъ перловъ художественнаго творчества, которые допускали бы сравненіе съ произведеніями Гете, Шекспира, или Байрона. Но въ ней были безспорно сильные таланты, создавшіе рядъ оригинальныхъ и глубокихъ произведеній, основанныхъ на

тонкомъ анализѣ жизни и обвѣянныхъ дыханіемъ высокихъ социальныхъ идеаловъ. Вліяніе такой литературы на русскую не могло не принести положительныхъ результатовъ.

Пушкинъ признаетъ французское вліяніе, но считаетъ его «слабымъ», полагая, что въ области романа (правописательнаго и историческаго) большее значеніе имѣютъ Лесаажъ и В. Скоттъ, чѣмъ Бальзакъ и Жюль Жаненъ, а поэзія все «болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германской», точно также какъ наука русская развивается подъ вліяніемъ германской философій.

Замѣтимъ кстати, что Бѣлинскій, весьма мягко отнесшійся къ «почтенному академику», въ общемъ держался того же мнѣнія¹⁾, что и Пушкинъ.

Поэтъ и критикъ, разумѣется, были правы, когда говорили о значительномъ вліяніи въ 30-хъ годахъ В. Скотта, Лесажа и нѣмцевъ, но они не правы, умаляя важность современной французской литературы (и какъ разъ именно французскаго романа) для русской литературы.

Тридцатые годы въ исторіи русской литературы какъ разъ представляютъ картину борьбы нѣмецкой и французской стихій. Сближеніе съ послѣдней было неизбежно: абстрактный идеализмъ долженъ былъ оплодотвориться элементами общественности и реализма. Этого требовало все развитіе русской жизни того времени. Историческій романъ, любимый жанръ рядового читателя, развивался у насъ не только подъ внушеніемъ В. Скотта, но и Гюго и А. де-Виньи. Параллельно съ этимъ идетъ усвоеніе общественнаго романа Франціи въ его романтической и реалистической разновидности. Произведенія Гюго, Ж. Жанена, А. Дюма, Поль де-Кока, Эж. Сю, Ж. Сандъ, Бальзака и многихъ другихъ авторовъ быстро появляются въ русскихъ переводахъ и, естественно, вызываютъ подражанія со стороны нашихъ беллетристовъ. Бѣлинскій уже въ 30-хъ годахъ говорилъ о русскихъ «бальзачникахъ».

Пока французская струя просачивалась лишь въ средиіе пласты нашей словесности, но близокъ былъ моментъ, когда вліяніе Бальзака, Ж. Сандъ и другихъ французскихъ писателей ставеть крупнымъ и для всѣхъ очевиднымъ фактомъ нашего литературнаго развитія.

П. Санулинъ.

¹⁾ Саитовъ, II, 16—17.

¹⁾ Бѣлинскій, т. V (подъ ред. С. А. Венгерова), стр. 524—5.

986. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ «НОСЪ»].

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго,

что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.—Изд.

987. [НОВЫЙ РОМАНЪ].

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: *Село Михайловское*, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Гово-

рятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.

988. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПИСЬМУ А. Б. О СТАТЬѢ ГОГОЛЯ].

Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б. [езсонова], нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья *О движеніи журнальной литературы* напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ,

чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженные съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ она не есть и не могла быть программой «Современника».—Изд.

989. ОТЪ РЕДАКЦІИ.

I.

«Современникъ» будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1837 году.

Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому.

Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 рублей асс., съ пересылкою 30 рублей асс.

Подписка въ С.П.Б. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію.

II.

Издатель «Современника» не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: *литтературный журналъ* уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что «Современникъ» будетъ имѣть цѣлю—уронить «Библиотеку для Чтенія», издаваемую г. Смирдинымъ; въ «Сѣверной же Пчелѣ» сказано, что «Современникъ» будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты», издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель «Современника» принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя, однакожъ, отъ себя цѣль, недостойную литтератора и несправедливо ему приписанную въ «Библиотецѣ для Чтенія», онъ вполне признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Современникъ», по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты».

III.

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ номеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить—сказано было въ примѣ-

чаніи къ статьѣ: *Новыя книги*, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современнымъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитатъ; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребности свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ.

IV.

Въ первомъ томѣ «Современника», въ статьѣ *Новыя книги*, подъ параграфомъ, относящимся къ *Востолу*, пропущена подпись издателя.

V.

Редакція «Современника» не можетъ принять на себя обратнаго доставленія при- сылаемыхъ статей.

990. ОБЪЯСНЕНІЕ.

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжныя уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полного торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унижить священную славу Кутузова; однакожъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что онъ звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *идъ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! <Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія>. Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву неприятелю, одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарахъ Москвы, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, по убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной дѣлѣ и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется въ исторіи высоко поэтическимъ лицемъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чей бы то нибыло; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унижить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру—на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянныя изъ души.

Передъ гробницей святой
Стою съ поникшею главой..
Все спитъ кругомъ; одинъ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,

Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ...
и проч.
А. Пушкинъ.

991. ОТЪ РЕДАКЦИИ.

[О сборникѣ кн. Вяземскаго].

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: «*Старина и Новизна, Историческій и Литературный Сборникъ*», изданный К. Вяземскимъ.

Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ графа Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его, гр. Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ Царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч., и проч.; почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ

записокъ графа Ростопчина, воспоминаніе о графѣ Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитриева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной Русской Литтературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литературныхъ записокъ о фон-Визинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ «Потеряннаго Рая», съ Англійскаго прозою на Русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и ненапечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч., и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ Сборника.

992. КАВАЛЕРИСТЪ-ДЪВИЦА,

происшествіе въ Россіи, въ 2 част. Издалъ Иванъ Бутовскій. С.П.Б. При подпискѣ 1 ч. выдается, а на 2 билетъ.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искреняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою

пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

993. КЛЮЧЪ КЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 Ч. М.

Издавъ сіи два тома, Г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. «Ключъ» составленъ

по второму изданію «Исторіи Государства Россійскаго», «самому полному и исправному», пишетъ г. Строевъ. Издатели «Исторіи Государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе приобрести право на перепечатаніе «Ключа», необхидимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

994. АНЕКДОТЫ [Table Talk].

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, рассказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукой послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и прѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побравивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукой изложилъ ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты то же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирал моего указа?»—Правда твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукой; но я зналъ, что если я его раздери, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе.—Государь съ нимъ помирился, но прѣхавъ къ себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать Князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у Государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ Государя и болѣе, нежели когда-нибудь, его оспаривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ. (Сл. отъ Кн. Ал. Ник. Голицына).

II.

Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ Императрицы. «Исполнилъ ли ты мои приказанія?» спросила Императрица.—Нѣтъ, Государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ излагать причины, не позволившія ему исполнить Высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ первыйъ величайшаго гнѣва она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ Императрица умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Черезъ нѣсколько минутъ Государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: «скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить

мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?» (Сл. отъ гр. Вьельг.[орскаго]).

III.

Нѣкто кн. Мих. Вас. Х. [Мих. Вас. Хованскій], возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи отъ природы жестока, она для такого бездѣльника, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожиѣе.

IV.

Когда графъ д'Артуа прѣѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей, однако, надоѣлъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д'Ав...., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету, но Государыня остановила его, сказавъ: „Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de M-r le comte d'Artois.“ (Сл. отъ кн. К. Ѳ. Долг.).

V.

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были, однако жъ, съ ихъ стороны нѣкоторыя промахи. Они сыпали деньги и дорогие подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: „Mais mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.“ (Сл. отъ гр. Вьельг., июнь 1836).

VI.

Потемкину доложили однажды, что пѣтко графъ Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его тележку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его тележкой. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принять былъ потомъ на службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина.

VII.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску [Спечинскій], получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастье. Молодого человѣка

снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и прѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели со свѣтцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ: Потемкинъ. Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то?—Адъютантъ. Точно такъ, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Правда ли, что ты свѣтцы знаешь наизусть?—Адъютантъ. Точно такъ.—Потемкинъ [смотря въ свѣтцы]. Какого же свѣтаго празднуютъ 18 мая?—Адъютантъ. Мученика Θεодота, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Такъ. А 29 сентября?—Адъютантъ. Преподобнаго Куріака.—Потемкинъ. Точно. А 5 февраля?—Адъютантъ. Мученицы Агаѣи.—Потемкинъ <закрывая свѣтцы>. Ну, поѣзжай себѣ домой.

VIII.

Н. Н., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчій *)», что я такой же генераль?» Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генераль? ты генераль-басъ!»

*) Хиба випъ не тямить того, що я такий едпораль, якъ винъ самъ.

IX.

Разговоры Н. К. Загряжской.

1) 12 августа 1835 г.—Вы слышали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжекъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали <не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains> крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ, этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно

быть ученымъ, знать по-Гречески, по-Еврейски и Богъ вѣдаетъ, что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь-объ-дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе о казни Людовика XVI. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête. un grand raisonneur, il vous eut

rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему рассказываю про Ветошкина. — „Madame, c'est impossible.“ — Mon cher M-r Rom; Je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. — Madame, je n'y manquerai pas.“ Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r? — „Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant.“ Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse <прѣвнѣ>. Ветошкинъ былъ тщедушный мужчина лѣтъ 35. Прѣвнѣ ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книжки доставляли мнѣ добрые люди, графъ И[ванъ] И[вановичъ] да князь Г[ригорій] А[лександровичъ].» — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ? — «Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами.» Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человекъ этотъ Ветошкинъ.

2) 12 августа. — Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна, я — въ одной каретѣ; батюшка, [гр. Разумовскій] съ Василиемъ Ивановичемъ [Чулковымъ] — въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что Государь [Петръ III] приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василий Ивановичъ сказалъ ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ одиѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить накануне праздника.» Но курьеръ попро-

силъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подѣвжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: «полно, перестань; что за глупость,» и потомъ, оборотясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію Государя.» — «Извольте же идти въ караульную.» Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а Государь со шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру.» Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ <мы не принадлежали той партіи>. Графиня Анна Карловна Воронцова общала прислать за нами шляпку. Въмѣсто шляпки черезъ нѣсколько минутъ видимъ Государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ. — На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктинѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за Императриду и кричалъ намъ ура. На другой день Государыня привезла матушкѣ ленту.

3) 12 августа. — Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maîtresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: Madame, je ne puis rester à Pétersbourg. — Pourquoi ça? — Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état

Наталья Кирилловна
ЗАГРЯЖСКАЯ.

de payer un équipage, ou bien de rester oisive.—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Приѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь». — Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать? право, не знаю.—Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать ужъ нельзя.

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: по одѣжкѣ держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Н[аталья] К[ирилловна], хочешь ты земли?»—Какія земли?—«У меня тамъ есть, въ Крыму.»—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати!—«Разумѣется, Государыня подарить, а я только ей скажу.»—Сдѣлай одолженіе. Я поговорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: «спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли.» Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?»—Съ вашихъ новыхъ земель: тамъ ходятъ стада, и за это вотъ

вамъ деньги.—«Спасибо, батюшки.» Проходитъ еще годъ, другой, Тепловъ говоритъ мнѣ: «что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ.»—Да что же мнѣ дѣлать?—«Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе.» Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми, пожалуйста, мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты.» Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей дохода. Я очень была рада.

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало, нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на Государя.

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ Нарцисъ подрался на улицѣ съ палачемъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ дѣло и кончилось.

8) Потемкинъ прѣвхалъ со мною протиться. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.»—А что такое?—«Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.»—Какъ такъ?—«Ты моложе Государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.» Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро» И предчувствіе его сбылось. Уже я больше его не видала.

9) Orloff était régicide dans l'ame; c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ, въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о П. «Что за уродъ! Какъ это его терпятъ?»—Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать? вѣдь не задушить же его? «А почему же и нѣтъ, матушка?»—Какъ! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло? «Не только согласился бы, я былъ бы очень тому радъ.» Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

X.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные Москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развезить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости...» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто^{***}, симбирскій дворянинъ, сбѣжавшій отъ него, прѣвхалъ на него посмотреть и, видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. ^{***} былъ очень дурень лицомъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не выпывалъ.»

XI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратиону и сказалъ: «Главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить.» Багратионъ *) отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоёмъ, такъ онъ близко; а если на моемъ, такъ мы услѣдемъ еще отобѣдать.

XII.

Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и жолченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго графа Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондитеръ вздумалъ выставить графскій вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ графу какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подлѣ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ Каменскаго вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славою, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріателемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія.»

Раевскій говорилъ объ одномъ майорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ что онъ былъ заслуженный офицеръ, отставленный за отличія съ мундиромъ безъ штановъ.

XIII.

Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приносило большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искагъ по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него

*) Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что у князя Багратиона былъ очень большой носъ.

письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ, воля для меня всего дороже.»

Костровъ былъ отъ Императрицы Екатерины наименованъ университетскимъ стихотворцемъ, и въ семь званій получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабацѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли бакалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ права самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ дѣлахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?»—«Изъ состраданія къ человѣчеству,» отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, прийдя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ—я, второй Ломоносовъ, а ты только что третій.» Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV.

Дельвигъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: «скажите барону Дельвигу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.»

XVI.

Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гибдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гибдичъ

принялся увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія...»—Братецъ, возразилъ ему Гибдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

XVII.

У Крылова надъ диваномъ <гдѣ онъ обыкновенно сживалъ>, сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ: уголь рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непременно описать косвенную лицію и миновать мою голову.»

XVIII.

На Потемкина часто находила хандра. Онъ по дѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесаный, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и положилъ передъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взявъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ. «Подписалъ!...» Всѣ къ нему кинулись, глядя: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. «Молодецъ! нечего сказать.» Но кто-то всматривается въ подпись—и что-же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ—подписано: *Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ...*

XIX.

Надмѣнный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели,

отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли, и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодого офицера.

XX.

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Б[езбородко] собирался пожаловаться на него самой Государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе.»—Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время прѣзжаетъ князь Б[езбородко]. Потемкинъ принимаетъ его какъ не лзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ»,—говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты,—«какъ мнѣ тутъ сыграть?»—Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ ему Ш.,—играйте, какъ умѣете! «Ахъ, мой батюшка»—возразилъ Потемкинъ,—«и слова не лзя тебѣ сказать; ужъ и рассердился!» Услыша таковой разговоръ, князь Б[езбородко] раздумалъ жаловаться.

XXI.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою, и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку, и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяннѣй. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился среди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ ужъ отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII.

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ

числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится.» Старикъ любилъ рассказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: «Таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!» <Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына>.

XXIII.

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василья Тредьяковскаго: *стичный труженникъ!* Какой взглядъ! Какая точность въ опредѣленнѣ! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженникъ?

XXIV.

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ Государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичъ, сказала она ему, ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ на войнѣ.»

XXV.

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ—и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было ужъ имъ обдурано.» <Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына>.

XXVI.

Петръ I говаривалъ: «Нещастья бояться—щастья не видать.»

XXVII.

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ, и помнилъ только первыя строки: *Во-первыхъ, старайся испытать, не трусь ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ неприятелемъ.*

XXVIII.

Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма просто-пароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и

безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXXIX.

Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у Государя позволеніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день втораго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ.

XXX.

Будри, профессоръ французской словесности въ Царскосельскомъ Лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II переимѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: „C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravillac.“ Впрочемъ, Будри, не смотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, не смотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ разсказывалъ тоже много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ женщинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXI.

Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: „J'avais des projets hostiles pour vous.“ Et quoi donc, Madame?— „Je voulais paraître inondée de fleurs de lis.“

Madame, отвѣчалъ принцъ, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème.

XXXII.

Когда въ 1815 году дѣло шло о восстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ Государю свое мнѣніе. <Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки>. Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que j'ai, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: Celà peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur?

XXXIII.

Однажды маленькій арапъ (Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «Государь! Государь изъ меня кишка лѣзетъ.» Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: «врешь, это не кишка, а глиста!» — и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуетъ обычаи Петра.

XXXIV.

Объ арапѣ гр. Стр[оганова].—У графа Стр. былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа Стр.—ва по субботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный день нищіе пришли по своему обыкновенію; но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: «ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапченка, а вы лѣзете за милостыней.»

XXXV.

О Потемкинѣ.—Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: Знаете ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ стануть звонить, такъ въ Сѣвѣ будетъ слышно.—Тутъ дива нѣтъ,

отвѣчалъ запорожецъ: у насъ есть такіе бандуристы, что какъ заиграютъ въ Сѣчѣ, такъ въ Петербургѣ затанцуютъ *).

XXXVI.

Князь Потемкинъ, во время очаковского похода, влюбленъ былъ въ графиню ***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини ***, чelовѣкъ острый и безнравственный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ, пожимая плечами: экое кирикуку!

XXXVII.

Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпokoить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ велѣть палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижицу. Когда она бросается на колѣни передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII.

Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды, въ какой-то праздникъ, во дворцѣ, проходя мимо него въ церковь, онъ сказалъ: «Болдыревъ, поздравляю тебя.» Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравляли его. Государь, вышедъ изъ церкви и проходя мимо Болдырева, сказалъ ему: «поздравляю тебя—ты, говорятъ, вчера выигралъ.»—Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XXXIX.

Дельвигъ звалъ однажды Рылѣва къ д...амъ. Я женатъ, отвѣчалъ Рылѣвъ. «Такъ что же, отвѣчалъ Дельвигъ, развѣ ты не можешь отобѣдать въ рестораціи, потому только, что у тебя дома есть кухня?»

* Не диво, у насъ у Запорожцѣвъ е такіе кобзары, що якъ заграють то ажъ у Петербурсі затанцують.

XL.

Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей и написалъ ему слѣдующіе стихи:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ—
Пріѣзжай ко мнѣ
Коли не такъ,
М растакъ
Лежи въ дермѣ.

Любезный другъ послѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

XLI.

Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ, къ нему стучатся. «Кто тамъ?»—«Орловъ. Отоприте.» Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ Измайловскомъ полку; но что полкъ, взволнованный двумя офицерами <дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще>, не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, побхалъ въ фуфѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLII.

6 октября 1834 г.—Дмитріевъ предлагалъ Императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію, и между тѣмъ произошло—11 марта. Муравьевъ хвастался, впоследствии времени, что будто бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобъ наслѣдникъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями.—Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были Гдоведены до государыни Маріи Феодоровны—и Паленъ былъ удаленъ. <Слышалъ отъ Дмитріева>.

XLIII.

Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), обыкновенно говаривалъ ему: «что, Степанъ Ивановичъ, какво кнубойничаетъ?» На что Шешковский отвѣчалъ всегда съ вѣзкимъ поклономъ: «помаленьку ваша свѣтлость!»

XLIV.

Когда родился Иванъ Антоновичъ, то Императрица Анна Иоанновна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и, какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ—и они послали Императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Г. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. <Слышалъ отъ Загряжской, Нат. Кир.>

XLV.

Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаётъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и въ ней.....

XLVI.

Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: «видно, графъ, хотите вы вѣхатъ въ рай верхомъ на осетрѣ.» Эта шутка, разумется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою-Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: «правда ли, ваше сіятельство, что вы хотите вѣхатъ въ рай на осетрѣ?»

Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: «знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, а никогда не отвѣчаетъ.»

XLVII.

Старый генералъ Ш. представлялся однажды Екатеринѣ II-й. «Я до сихъ поръ не знала васъ,» сказала Императрица. «Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ,» отвѣчалъ онъ простодушно. «Вѣрю, возразила она съ улыбкой: «гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!»

XLVIII.

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы оставимъ тебя отъ академіи.»—Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ: развѣ академію оставите отъ меня.»

XLIX.

вогородицыны дочки.

Царевича Алексѣя Петровича положено было отравить ядомъ. Деньщикъ Петра Перваго Ведель заказалъ оный аптекарю Беру. Въ назначенный день онъ прибѣжалъ за нимъ, но аптекарь, узнавъ, для чего требуется ядъ, разбилъ склянку объ полъ. Деньщикъ взялъ на себя убіеніе Царевича и вонзилъ ему тесакъ въ сердце. <Все это мало правдоподобно>. Какъ бы то ни было, употребленный въ семь дѣлѣ деньщикъ былъ отправленъ въ дальнюю деревню, въ Смоленскую губернію. Тамъ женился онъ на бѣдной дворянкѣ изъ роду, кажется, Энгельгардовыхъ. Семейство сіе долго томилось въ бѣдности и неизвѣстности. Въ послѣдствіи времени Ведель умеръ, оставя вдову и трехъ дочерей. Объ нихъ напомнили Императрицѣ Елизаветѣ, — она не знала, подъ какимъ предлогомъ вытребовать ко двору молодыхъ Ведель. Князь Одоевскій выдумалъ сказку о Богородицѣ, будто бы явившейся къ умирающей матери и приказавшей ей надѣяться на ея милость. Дѣвицы призваны были ко двору и приняты на ногѣ фрейлинъ. Онѣ вышли замужъ уже при Екатеринѣ: одна за Панина, другая за Чернышева <Анна Родионовна, умершая въ прошломъ 1830 году>, третья не помню за кѣмъ.

L.

При Елизаветѣ было всего три фрейлины. При водареніи Екатерины сдѣлалы

новыхъ шесть—вотъ по какому случаю. Она, не зная какъ благодарить шестерыхъ заговорщиковъ, возведшихъ ее на престолъ, заказала шесть вензелей, съ тѣмъ, чтобъ повѣсить ихъ на шею шестерыхъ избран-

ныхъ.—Но Никита Панинъ отсовѣтовалъ ей сіе, говоря: это будетъ вывѣска. Императрица отмѣнила свое намѣреніе и отдала вензеля фрейлинамъ.

995. ПРИМѢЧАНІЕ КЪ «ОТРЫВКУ ИЗЪ РУКОПИСИ КАРАМЗИНА»

о древней и новой Россіи.

Во второмъ [третьемъ] № «Современника» <на 1836 годъ> уже упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читате-

лямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса.
А. Пушкинъ.

995. О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРИАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

Долгое время Французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ Французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ тщательно ихъ преобразовывали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: «мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору». И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.. Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летуэрны могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться я передавать духъ, а не букву,

нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ <примѣръ неслыханный!> первый изъ Французскихъ писателей переводить Мильтона слово въ слово объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ исправительныхъ переводовъ, и вѣроятно будетъ имѣть большое влияние на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о краскахъ переводовъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ негог. Альбертъ [Альфредъ] де-Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars», и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ [гг. Альфреда де-Виньи и] Виктора Гюго. Выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ, одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политической писатель, уже славный въ Европѣ своимъ гордымъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ <лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ>. Протекторъ говорить Рочестеру:

«Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу поспѣваться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.»

Мильтонъ (*съ досадою*).

Старый Мильтонъ! Извините, мизордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.

Какъ угодно.

Мильтонъ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.

Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (*съ живостию*).

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ потаріуса, городского альдермана.

Кромвель.

Ну, не сердись; я знаю, что ты великій еологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайверса и Донна.

Мильтонъ (*говоря самъ про себя*).

Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидимъ, отказало ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судя. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе: Адама преступнаго и добраго, и неукротимаго духа, царствующаго также надъ одною вѣчностью, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ оупъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю, молча, странное намбреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (*про себя*).

Что онъ тамъ городить?

Одинъ изъ шутовъ.

Смѣшной мечтатель!

Кромвель (*пожимая плечами*).

Твой «Иконокластъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Лавіаанъ... (*смѣясь*) очень плохъ...

Мильтонъ—(*сквозь зубы, съ негодованіемъ*).

Кромвель смѣется надъ моимъ сатаню!

Рочестеръ (*подходитъ къ нему*).

Г. Мильтонъ!

Мильтонъ (*не слыша его и обратясь къ Кромвелю*).

Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (*Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣяностію*).

По чести, вы не понимаете поэзію. Вы умны, но у васъ недостаетъ вкуса. Послушайте: Французы учителя наши во всемъ: изучайте Ракапа, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по дугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; по Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли его шегольскимъ платьемъ; если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантию Флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во Французской оперѣ солиде въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (*удивленный*).

Это что за пустословіе?

Рочестеръ (*кусая губы*).

Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ

Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ бездѣлица; то ли дѣло писать Латинскіе стихи.

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты пѣтъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ челоукомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, г. Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi!» Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ язы-

ковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г. Гюго, будучи самъ поэтъ <хотя и второстепенный>, такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразить, что подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ «Сень-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де Лормъ, любовницы Кардинала Ришельё, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуеть имъ свою аллегорическую каргу любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпаютъ г. Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодаго путешествоващаго Англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляеть его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо; да какъ же Французы, не зная Англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, пли звуки Англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какос дѣло графу де Виньи до всѣхъ вѣтъхъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобы Мильтонъ читалъ въ Парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобы Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію, болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда <неизъясненнаго г-мъ де-Виньи> всѣ его пони-

маютъ. Де Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ Марія де Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его компли-ментами, и пр., и пр.

Или мы очень ошибаемся или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ конечно не довольствовался бы такимъ незначащимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, нецрѣмѣнно терялся бы въ цѣитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель бы это подмѣтилъ, разобралъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралсмъ и пр., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ Скоттъ и не подумалъ!

Переводъ, изданный Шатобрианомъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобрианъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ Французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобрианъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, наполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобрианомъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона

слово въ слово, Шатобрианъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ предложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: Comment vous portez-vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на Русскій языкъ *).

Если уже Русскій языкъ столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, неспособенъ къ переводу подстрочному, къ предложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ Французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержать таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ, и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и выразительнаго, и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ Французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывший и некогда первымъ министромъ, и несколько разъ посланникомъ, Шатобрианъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобрианъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно

пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупиою совѣстію. Послѣ этого, что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію одѣжки смущать благороднаго труженика и подобно скупому скупщику хулить его товаръ? Но Шатобрианъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнная красота, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ Англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобриана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обзорѣ. Въ ученой критикѣ Шатобрианъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судить о нихъ вскользь и по наслышкѣ, и кое-какъ отдѣльвается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія <иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго> въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

*) Кстати: недавно <въ «Телескопѣ», кажется>, — кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ Итальянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе *batarsi la quancia* — бить себя по щекамъ; *batarsi la quancia* значить раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.

997. ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г. Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Иоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г. Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ Французской революціи. Онъ былъ женатъ на Англичанкѣ, и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наследникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство роду господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же, какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г. Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ, отецъ, былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. <Письмо сіе, также какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ «Morning Chronicle»>

«Милостивый государь,

Недавно имѣлъ я случай приобрести за шесть ливровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для челоѣка, знающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латримуля, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tournoeu, bailiage de Chaumont en Tougaine), вы ясно увидите, что Иоанна д'Аркъ была родная сестра Лукъ д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А по-сему, не только я полагаю себя въ правѣ, но даже

и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и живыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла.

Честъ имѣю и проч.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шума, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 Мая 1767.

Милостивый государь,

Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой ризованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріада. Изчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,

La honte des Anglois et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики безсмысленной и неблагодарной.

Честъ имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.
Voltaire,
gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Иоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, поистинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ Французами стыдъ ея суда и казни. Но

варварство Англичанъ можетъ еще быть извинено предрасудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Фраппузозъ? Конечно не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣйственные порывы своего <еще не купленного> вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ; какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроникъ? Правда, дворянство дано было родственникамъ Юанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самого Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго, болѣе поргическаго—жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ

на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ Римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лауреата не стоитъ конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соуте есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагѣ подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латримуля. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!»

998. ЖЕЛЕЗНАЯ-МАСКА.

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» <въ 1760> первый сказалъ нѣсколько словъ о Железной-Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини», пишетъ онъ, «случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на Островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ-что онъ могъ вѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если бѣ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 году, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, привѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все такъ же маскированнаго. Передъ нимъ маркизь де-Лувау посѣтилъ его на семь островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства

были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекаръ, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ о своемъ состояніи.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на Островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безовсякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служить происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и уда-

лялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, что тутъ написано», спросилъ онъ у рыбака, «и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?»—Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ее не видалъ. Рыбака задержали, пока не удостоверились, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Г. де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя, онъ на колѣнахъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человекъ въ желѣзной маскѣ, Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ей не открывать. Многие изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнаго, ни достовѣрнаго.»

Сии строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная-Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имъ данную дофину <Людовику XIV>. Другіе видѣли въ немъ герцога де-Борфоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сии мнѣнія съ ясностью критики ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнаруженіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

И

ПРОГРАММЫ.

999. [ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ].

..... большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и вовсе былъ безъ носу. Д[авыдовъ] является къ Бен[игс]ену: Князь В[аграт]іонъ, говорить, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...

На какомъ носу, Д[енись] В[асильевичъ]? отвѣчаетъ генераль. Ежели на вашемъ, такъ онъ ужъ близко, если же на носу князя В[аграт]іона, то мы успѣемъ еще отобѣдать...

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

28-го ноября.

Ш[иш]ковъ и г-жа Бу[ни]на увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ:

ВѢНЧАНЬЕ ШУТОВСКАГО.

(Гимнъ на голосъ: de *Vuhamel*).

Вчера, въ горжественномъ вѣнчаньи (собраньи)

Творца затѣй,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей,
И всѣ въ одинъ крачали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ бесѣдѣ добрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной!
[Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!]
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Всей братьи даль свои онъ *Шубы*
И всѣ дрожать!
Его величіе не трубы—
Свистки гласятъ,
Онъ милъ и тѣломъ и душой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
И вотъ подъ сѣнью обвѣтшало
Старикъ сѣдой!
Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
Псалтырь въ десной.
Кругомъ поетовъ блѣдный строй (о Шутовской)

Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой!

О дѣдъ сѣдой! (bis)

Хвала, Герой!

Хвала, Герой!

И вдругъ раздался за дверями

И скрипъ и вой—

Идутъ сотрудники съ гудками

И самъ Герой!

Поетъ онъ гимнъ печальный свой.

Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

Хвала, Герой!

Хвала, Герой!

«Я князь, поэтъ, директоръ, воинъ—

«Вездѣ великъ, -

«Вѣнца лавроваго достоинъ

«Мой тучный ликъ.

«Вѣнчая, пойте всей толпой:

«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

«Хвала, Герой!

«Хвала, Герой!

«Писалъ я на друзей пасквили

«И на отца,

«Поэмы, тощи водевили—

«Имъ нѣтъ конца.

«И воды я пишу водой.

«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

«Хвала, Герой!

«Хвала, Герой!

«Еврей мой написалъ Дебору,

«А я списалъ,

«Въ моихъ твореньяхъ много сору

«Кто жъ ихъ читалъ.

«Доволенъ, право, я собой.

«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

«Хвала, Герой!

«Хвала, Герой!

Потомъ къ Макару и Ежевой

Герой бѣжитъ.

«Вотъ орденъ мой—вѣнокъ лавровый.

Пусть буду битъ,

Зато увѣнчанъ красотой!

Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

Хвала, Герой!

Хвала, Герой!

29-го [ноября].

Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,

Отрадой тихою, восторгомъ упивался...

И гдѣ веселья быстрый день?

Промчался лѣтомъ сновидѣнья,

Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я щасливъ былъ!.. нѣтъ, я вчера не былъ щасливъ, поутру я мучился ожиданіемъ, съ неописаннымъ волненіемъ стоя подь окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ее невидно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!...

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.

Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковский!

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуиной!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ ахъ!

Какое положенье, какая мука! Но я былъ щасливъ 5 минутъ.

*

10-го декабря.—Вчера написалъ я третью главу, *Фатама или разумъ человечества*: Право естественное. Читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ *Жизнь Вольтера*.

Началъ я комедію—не знаю, кончу ли ее.

Третьяго дня хотѣлъ я начать ироическую поэмю: Игорь и Ольга, а написалъ эпиграму на Шах[овскаго], Шихм[атова] и Шишк[ова]; вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ:

Шихм[атовъ], Шах[овской], Шиш[к]овъ;

Уму есть тройка супостатовъ:

Шиш[ковъ] нашъ Шах[овской], Шихматовъ;

Но кто глупѣй изъ тройки злой?

Шиш[ковъ], Шихматовъ, Шах[овск]ой!

Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго*

Села.

1. Картина сада.

2. Дворецъ. *День въ Ц. С.*

3. Утреннее гулянье.

4. Полуденное гулянье.

5. Вечернее гулянье.

6. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы всеневныхъ моихъ записокъ,—но это еще *будущее*.

*

Вчера не тушили свѣчекъ, зато пѣли куплеты на голосъ: бери себѣ повѣсу.— Запишу, сколько могу упомянуть:

НА ГЕОРГ[ІЕВСКАГО].

Предположивъ—и дальше

На грацію намекъ,

Нусъ—Августинъ } Или надъ печкою
богословъ, } Богословъ,
Профессоръ Бутер- } А въ печкѣ Бутер-
векъ, } векъ.

Потомъ Ніобы группа,
Корреджіевъ тьма-свѣтъ.
Прелестна Граціозность
И щасливъ онъ поэтъ.

НА КАЙД[АНОВА].

Потише, житотины!
Да долголь говорю?
Потише—Бомгольмъ, Борнгольмъ,
Еще разъ повторю.

НА КАРЦ[ЕВА].

Какіе жъ вы лѣнивцы
Ну на кого напасть?
Да нутека Вольховскій,
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюды!

Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.

А слышали ль вы новость?

Нашъ докторъ сталъ

лѣнивъ,

} И Графъ послалъ
драгуна,

Или ревнивъ

Драгуна посылаетъ,

Чтобъ отпереть жену;

А Камаражъ взбѣсился,

Романа обокралъ;

А Фридебургъ свалился

И Графъ захохоталъ.

Нашъ Докторъ хромоглазой

Въ банкъ выигралъ вчера,

А слѣдственно гоняетъ

Онъ лошадей съ утра.

НА ШУМАХЕРА.

Скажите мнѣ пастицы
Какъ напимѣрь: wenn so
Geweniger und desto,
Die Sonne scheint also.

НА ГАКЕНА.

Мольшатъ! я самъ фидала
Мальшатъ! я Гуфернеръ!
Мольшатъ!—ты самъ софрала,
Попалуюсь теперь.

НА ВЛ[АДИСЛАВЛЕВА].

Матвѣюшка! дай соли,
Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (братъ, нѣтъ).
Служилъ я Государю
Одиннадцать ужъ лѣтъ.

НА ЛАВ.

Bonjour, Messieurs—потитше!
 Поводьемъ не играй!
 Ужь я тебя потѣшу
 A quand l'Equitation.

НА ВИ[ЛЬМА].

Лишь для безумцевъ, Зульма,
 Вино запрещено,
 А Вильмужкѣ поэту } А не даны поэту
 Стихи писать грѣшно } Ни геній, ни вино.

НА ЗАБ. И ПЕТР.

Какой столичный городъ
 Желательно бы знать?
 А что такое воротъ,
 Извольте мнѣ сказать?

НА ИК[ОННИКОВА].

Скажите: разъ, два, три
 Тутъ скажутъ всѣ скоты:
 Да гдѣ жъ ее взрасти?
 Да на святой Руси!

НА КУН[ИЦЫНА].

Извѣстенъ третій способъ
 Черезъ откущиковъ,
 Въ семъ случаѣ помѣщикъ
 Владѣлецъ лишь земли.

*

17-го [декабря].

Вчера проведъ я вечеръ съ [Иконниковымъ].

Хотите ли видѣть страпнаго человѣка, чудака—посмотрите на Ик[онникова]. Поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго худаго человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, оку-

танной черномъ изорванномъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ наноаетъ табакъ изъ коробочки—онъ дико смотритъ на васъ—вы ему близко знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ—вы подходите, зовете его по имени, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется,—садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говорить о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства—ходитъ пѣшкомъ изъ П[етербурга] въ Ц[арское] С[ело], чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщаль ему какой-то шарлатанъ—онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ—разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодареніе ему оказанное, — легкомысленъ до чрезвычайности, мнительенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Ик[онниковъ] имѣетъ дарованья, пишетъ изрядно стихи—и любить поэзію: вы читаете ему свою пьесу—на-отрѣзъ говорить онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко;—зато за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо—его любятъ иногда, смѣшить онъ часто, а жалокъ почти всегда.

1000. [СПИСОКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ].

1-я часть.

П о с л а н і я:	Пущину.
Къ Александру.	_____
Къ Жуковскому.	Ломоносову.
_____ +	Трубецкому.
Къ Батюшкову.	Лицинію.
Къ Галичу.	Кюхельбекеру.
_____	Аристарху.
Дельвигу.	Оправданная дѣнь.
Дельвигу.	Друзьямъ.
Сестрѣ. +	Шишкову.
Бонапарте. +	Актрисѣ.
Къ Юдину.	(Завѣщанія).

Лирическія:

Наполеонъ на Эльбѣ.
 Воспоминанія въ Ц. С.
 (Къ) Оранскому принцу.
 Пѣвецъ.
 Слеза.
 Истина.
 Усы.
 Мечтатель.
 Ринальдо.
 Двѣ пѣсни.
 Пирующие студенты.

 XV элегій.
 Эпиграм. Надп. [?]
 Картины.
 Леда.

1001. [ОСТАТКИ ИЗЪ КИШИНЕВСКАГО ДНЕВНИКА].

2-го апрѣля (1821) вечеръ провелъ у N. G. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣхъ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2.500.000 турковъ оставить двѣтушую страну Элады законнымъ наследникамъ Гомера и Фемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣеть другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной — храбрости достанеть и у Ипсиланти.

*

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жида; они наполняли тамъ тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ—ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочестивѣе ихъ.

*

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому. Смѣлость, сила,

умъ и рѣзкость; но что за звуки! *Къ кому былъ Фебъ изъ Рускихъ ласковъ*—неожиданная риема «Херасковъ» не примиряетъ меня съ такой какафоніей. Баратынскій—преlestь.

*

9 апрѣля. Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова. *Mon cœur est matérialiste*, говоритъ онъ, *mais ma raison s'y refuse*. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...

*

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon.

Bal chez l'archevêque arménien.

*

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя.—Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...

1002. [ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ «ТАРАСЕНКОВА-ОТРЪШКОВА»].

O... disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise de détrôner Napoléon,

*

Le général R. disait à N. affligé d'un mal d'avanture: il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé.

P., встрѣтивъ однажды человекъ, весьма услужливаго, сказалъ ему: вы простудитесь, на дворѣ сыро, мокрѣ <maquereau>.

*

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement morguées de moi; toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes.

1003. [ОСТАТКИ ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ ИСТОРИИ X и XI ВѢКОВЪ].

Изяславъ, с. Рогнѣды, въ Витебской Губерніи ос. гор.Изяславъ. Мстиславъ, Ярославъ <братья его>, двѣ дочери. Отъ Богемки <Чехини> Вл. имѣлъ Вышеслава, отъ 3-й Святослава и Мстислава, отъ 4-й <Болгарки>—Бориса и Глѣба.

1000 года, XI вѣкъ.

Станиславъ, Позвиздъ. Судиславъ — меньшіе.

Умеръ.

Вышеславу—Новгородъ

Изяславу—Полоцкъ

Ярослава [у?] } — Ростовъ

Борису }

Глѣбу—Муромъ

Святославу—Древлянскую землю—

Всеволоду—Владиміръ Волинскій

Святополку—Туровъ

(въ Минской Губерніи).

*

Планъ. Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки развѣзжаются; съ нимъ—Илья Муромецъ и Добрыня.—Печенѣги нападаютъ на Кіевъ. Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ—дѣти его собираются—кромѣ Мстислава; Илья ѣдетъ за нимъ—встрѣчаетъ своего сына,—сражается съ нимъ.—Мстиславъ, при немъ молодые богатыри—идутъ на Косога. Мстиславъ въ горахъ (влюбляется въ ихъ Царевну Амазонку Армиду); остальные богатыри развѣзжаются; Илья ѣдетъ далѣе; (узнавъ о любви Мстислава), находитъ его и везетъ къ отцу—Царевна за нимъ ѣдетъ—она пристаётъ къ Печенѣгамъ—Сраженія, de grands combats et des combats encore: а) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; б) (Духи) Боги языческіе, изгнанные крѣщеніемъ, с) ихъ одушевляютъ; д) (Хозарской князь—колдунъ; мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ; колдунъ убить Мстиславомъ).

И [лья] хочетъ представить сына Владиміру, вмѣстѣ ѣдутъ...

Царевна Косога вълюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава; Мстиславъ упорствуетъ. ея прелестямъ—она въ сраженіи его увлекаетъ—подъ видомъ Косога, убившаго его друга; превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія.—Гонецъ прѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаётъ его. Владиміръ въ отчаяніи.

Царевна жалуется своей матери, та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ.

Илья въ молодости обрюхатилъ Царевну Татарскую—она вышла замужъ, объявила сыну; сынъ ѣдетъ отыскивать отца—

Илья находитъ пустытника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.

Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы Кавказскія.

На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.

Мстиславъ по вечерамъ видитъ ладію и дѣву.

1004. [ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ЖИЗНИ].

Поэма.

Вечеромъ дѣвица плачетъ, подговариваетъ, молодцы готовы отплыть; гдѣ-то нашъ атаманъ—они плывутъ и поютъ...

Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческой; онъ беретъ себѣ другую—та сходитъ съ ума. Нельзя не любить и умираетъ. Онъ пускается на всѣ злодѣянія. Есаулъ предаётъ его.

1005. [ПРОГРАММЫ «ВАДИМА»].

Вечеръ. Руской берегъ—Ладья. Рыбакъ.—Вадимъ—не спитъ. Онъ утромъ засыпаетъ. Рыбакъ хочетъ его убить.—Вадимъ видитъ во снѣ Новгородъ, Гостомысла, набѣгъ Рюрика, Рогнѣду. Вновь онъ идетъ къ Новгороду. (Нева).

Могила Гостомысла. Онъ находитъ тамъ друга. I сцена трагедіи. Заговорщики собираются. Клянутся умереть за свободу Новгорода. *Тризна.* Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдѣ.—

Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Сtimiда[?]—перваго полководца, гости садятся за столы,—скатерти. Ихъ видятъ. Вадимъ въ числѣ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ жениха и невѣсты, Варяговъ. Вадимъ роздарилъ все, пьеть здоровье гражданъ и Новгорода—почему?

Вадимъ влюбленъ. Рогнѣда, дочь Гостомысла. Она невѣста Громвала, Славянина Рюрика. Вадимъ и его шайка таятся близъ могилы Гостомысла. Вадимъ былъ во дворцѣ и въ городѣ и назначилъ свиданье Рогнѣдѣ.

Рюрикъ и Громвалъ—презрѣніе къ народу самовластія. Громвалъ его защищаетъ. Рогнѣда, различныя ея воспоминанія. Является Вадимъ. Рогнѣда, Рюрикъ и Громвалъ.

Вадимъ въ Новгородѣ на вѣчѣ. Вѣстникъ—толпа—*Рюрикъ*. Рогнѣда открываетъ заговоръ—бунтъ—бой—Вадимъ передъ Рюрикомъ.

Вадимъ и Громвалъ—свиданье—дружба дѣтства.

Преданія: Славенъ оснуетъ городъ Славянскъ. Вандалъ, сынъ его. Гардоринъ и

Гунигарь, завоеватели. Изборъ, Столпо-
святъ и Влад., женатый на Адвиндѣ. Сыновья
его. Буривой, сынъ Влад., отецъ Гостомысла.

Вадимъ въ мрачную ночь, сокрытый у
гробницы Гостомысла.

1006. [ДРЕВЕНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. ВСТРѢЧА СЪ П. А. ГАННИБАЛОМЪ].

1824 года ноября 19-го, Михайловское.—
Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ
въ псковскую деревню моей матери. Помню,
какъ обрадовался сельской жизни, русской
банѣ, клубикѣ и проч. Но все это нрави-
лось мнѣ недолго. Я любилъ и донинѣ
люблю шумъ и толпу.

[На оборотѣ того же листка:] ... попро-
силъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку
себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не
поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно
одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть
часа онъ опять попросилъ водки, и повто-
рилъ это разъ 5 или 6 до обѣда...

1007. [ПУШКИНЪ, КАКЪ-БЫ ПОСТОРОННІЙ, ГОВОРИТЬ О СВОЕМЪ «ДЕМОНЪ»].

«Многіе были того же мнѣнія и даже ука-
зывали на лицо, которое Пушкинъ будто-бы
хотѣлъ изобразить въ этомъ странномъ стихо-
твореніи... Кажется, они неправы; по крайней
мѣрѣ, я вижу въ «Демонѣ» дѣлъ болѣе нрав-
ственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетво-
рить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни—
сердце, не охлажденное опытомъ, доступно
для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно.
Мало-по-малу вѣчныя противорѣчія суще-
ственности рождаютъ въ немъ сомнѣніе:

чувство мучительное, но не продолжитель-
ное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши
лучшіе и поэтическіе предразсудки души...
Недаромъ великій Гёте называетъ вѣчнаго
врага человѣчества—духомъ отрицающимъ...
И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Де-
монѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или
сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ
печальное вліяніе его на нравственность
нашего вѣка?»

1008. [ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I].

Когда бы я былъ Царь то позвалъ бы
А. П. и сказалъ ему: А. С., вы сочиняете
(прекрасные) стихи, (я читаю съ боль-
шимъ удовольствіемъ.) А. П. поклонился
бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣ-
шательствомъ, а я бы продолжалъ: Я чи-
талъ вашу оду *Свобода*. (Прекрасно, хоть
она писана немного сбивчиво, мало обду-
манно; (вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы
написали эту оду.—В. В., я писалъ ее въ
1817 году) — «Тутъ есть 3 строфы очень
хорошія... (Конечно) вы поступили небла-
го разумно... Я замѣтилъ, вы старались
очернить меня въ глазахъ народа распро-
страненіемъ нелѣпой клеветы; вижу, что
вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя;
(но вижу), что вы не уважали правду, лич-
ную честь даже въ Царѣ.—Ахъ, В. В., за-
чѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ?
Лучше бы вы прочли хоть 3 или 6 пѣснь
Рус. и Люд. ежели не всю поэму, или часть
К. П. или Бах. Фонт. Онѣгинъ печатается;
буду имѣть честь отправить 2 экз. въ би-
бліотеку В. В., къ Ив. Андр. Кры[лову], и
если В. В. найдете время... Помилуйте, А. С.
(вы доставите намъ пріятное занятіе). Наше
царское правило: дѣла не дѣлай, отъ дѣла
не бѣгай. (Скажите, неужто вы все не це-

рестаете писать на меня пасквили? Это не-
хорошо! Вы не должны на меня жаловаться;
кажется, если я васъ не отличалъ еще, до-
жидая случая, то вамъ и жаловаться не на
что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ това-
рищъ Король Галліи или Имп. Австр. съ
вами не такъ бы поступили. За всѣ ваши
проказы вы жили въ тепломъ климатѣ.
Что вы дѣлали у Инзова и Вор[онцова?]
—В. В., Инзовъ меня очень любилъ, и за
всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ
мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ,
скуки ради, французскіе журналы. А Е[го]
С[іятельство] Графъ Воронцовъ не сажалъ
меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ га-
зетъ, но, зная Рус. литер. какъ Гердогъ
Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно...
Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ,
а не ужились съ Гр. Вор.—В. В., генераль
Инзовъ добрый и почтенный (старикъ) онъ
Рускій въ душѣ; онъ не предпочит. пер-
ваго Англійскаго шалопа всѣмъ извѣ[ст-
нымъ] и неизвѣ[ст. своимъ соотчественни-
камъ; онъ уже не волокнется, ему не 18 лѣтъ;
страсти если и были въ немъ, то ужъ давно
исчезли. [Онъ] дѣлаетъ благородству
чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства
благородныя, не боится насмѣшекъ потому

что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости... потому что со всѣми вѣжливъ. [Онъ] не опрометчивъ, не вѣрять пасквилямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы К. Ц. [Князю Циціанову?] (Я не оправдывался никогда изъ пустаго вольнодумія); отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказываться.—Слабость непростительная. (Впрочемъ, хорошо, хорошо). Но вы же и Аеи? вотъ это ужъ никуда не годится. (Чемъ-же я Аеи) В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу, можно ли школьническую шутку взвѣшивать, какъ преступленіе, а двѣ

пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ Европейскихъ нынѣш. Властит. <увидимъ, однако, что будетъ изъ Карла X>, но вашъ послѣдній поступокъ со мною . . . и смѣло ссылаюсь на собственное ваше сердце—противорѣчить вашимъ правиламъ и просв. образу мыслей...—Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?—(Хотя бы то была и правда) это не было бы оскорбительно В. В.—ву: вы видите, что я не ошибся въ моихъ расчетахъ... Я бы тутъ (А. Пуш.) тутъ бы разгорячился и наговорилъ мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ бы онъ написалъ (эпич.) поэмъ *Ермакъ* или *Кочумъ*, (.) развѣромъ и съ рѣима...

1009. О МАЛОРОССІИ.

[Программа].

Что нынѣ называется Малор
Что составляло прежде Малор.
Когда отторгнулась она отъ Россіи.
Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ.

Отъ Гедемина до Сагайдашн.
Отъ Сагайд. до Хмѣ.
Отъ Хмѣль. до Мазепы.
Отъ Мазепы до Разумовскаго.

1010. [ОСТАТКИ АВТОБІОГРАФІИ.]

(Болѣзнь. Карамзинъ.)

...[запечатлѣны печатью вольномыслія. Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнидою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всей поэтической своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Руской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе сей книги <какъ и быть надлежало> надѣлало много шума и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ

разошлось въ одинъ мѣсяць <чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ>—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, дотошъ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинимъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: *Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!... зачѣмъ не но? Однако!... какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе...*

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина,—зато никто не сказалъ спасибо чловѣку, уединившемуся въ (безмолвный) ученый кабинетъ во время самыхъ дѣльныхъ успѣховъ, и посвятившему дѣльнѣхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. *Ноты Русской исторіи* свидѣлствуютъ обширную ученость Карамзина, приобретенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія (собственно) къ просвѣщенію.—Молодые кобинцы негодовали; нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій,—казались имъ верхомъ варварства и униженія.— Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ Цензуры симъ (доказательствомъ) знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностью историка, онъ вездѣ ссылался на источники—чего жъ болѣе требовать было отъ него? Повторяю, что *Исторія Государства Россійскаго* есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго чловѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ писменно критиковали Кара[мзина]. Никита Муравьевъ, молодой чловѣкъ, умный и пылкій, разбралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!... Мих. Орл[овъ], въ письмѣ къ Вяз[емскому], пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ

началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей Гипотезы о произхожденіи славянъ, т. е. требовалъ Романа въ исторіи—ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне время Тарквинія, не понимающіе спасительной пользы Самодержавія, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжной чувствительностію, конечно были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

... Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимыя парадоксы. Оспоривая его, я сказалъ: Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ? Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кузюзовъ на меня не говорили. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось и не могъ удержаться отъ смѣха. Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...

1011. [ПРОГРАММЫ ДРАМЫ ИЗЪ ЭПОХИ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ].

Стрѣлецъ], влюбленный въ боярскую дочь,—отказъ—приходить къ другу-заговорщику—вступаетъ въ разговоръ...

*

Софья во дворцѣ (монастырѣ)

Нищіе, скоморохъ

Скоромохъ и ст[арый] раскольникъ.

Молодой стрѣлецъ; заговоръ.

Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается, получаетъ отказъ; онъ становится унылъ, товарищъ открываетъ ему заговоръ, онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ. Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе, Софья сваха, комедія у боярина. Ржевская замужемъ.

Бунтъ стрѣлецкій, бояринъ спасенъ имъ, обѣщаетъ выдать за него дочь.

(Мать торопится)

(Выдаетъ ее за боярина)

(думного дворянина)

Стрѣлецъ, сынъ ст[араго] раскольника], видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой, — сватается черезъ мамушку-раскольницу, — получаетъ отказъ.

Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить.—Онъ разсказываетъ ей, какимъ образомъ онъ узналъ о заговорѣ.

С[офья]. О чемъ же ты такъ печаленъ?—
Объ отказѣ.

— Я сваха.

— Но будь же, etc.

1012. [ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ]:

15 октября 1827.—Вчерашній день былъ для меня замѣчательнѣе: прѣѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ я провѣжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1,600. Я расплатился довольно сердито, взялъ займы 200 руб. и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова *Духовидца*; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подѣвхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Въротно, поляки,—сказалъ я хозяйкѣ,—«Да»,—отвѣчала она: «ихъ нынче отвозятъ назадъ».—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человекъ съ черною бородою, во фризовой шинели, п съ виду настоящій

жидъ—и я принялъ его за жида, и перазлучныя понятія жида п шпиона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я повернулся имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ тѣлѣжку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующій день узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?

Лука.

ЗАМѢТКИ ПУШКИНА О СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

1013. [О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ].

1. *Pour une préface.*—Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence [et patience] mes premiers essais [il y avoit] et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière, que j'allais embrasser,—je leur dois reconnaissance entière, et je le tiens quitte envers moi. Leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux...

2. Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur, avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

3. Lorsque j'écrivais cette tragédie j'étais seul à la campagne ne voyant personne, ne lisant que les journaux, etc... d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'approuvais avec une grande repugnance à livrer au public ma

tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

4. Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму, и чтобы она тѣмъ [самымъ] не замедлила хода... Что касается до слога... хотя успѣхъ Полтавы ободряетъ меня...

5. Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ..... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «с'est une œuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.
По гравюру Матюшкина.

были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одною недостаткомъ въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моею трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посредя уединеннаго труда.

6. *Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ* писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль (оживить) облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи (я писалъ въ строгомъ уединеніи) не смущаемый никакимъ (чуждымъ) вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широко въ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! успѣлъ ли ими воспользоваться—не знаю. Но крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны (находясь въ уединеніи, не смущаемый никакимъ постороннимъ вліяніемъ, я могъ ошибочно судить о вкусѣ читающей публики).

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самыя оскорбительныя, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народныя законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены. <Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано>.

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопной ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Аривинахъ*.—А. Жанръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сданы простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣгать; если жъ имѣть нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи—одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, *con amore*, но <безо всякой дворянской спѣси>. (Если бы изъ этого можно было заключить о моеи спѣси, то я...). Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное. <Древнее русское дворянство не можетъ быть уважаемо>—Аристокрацію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; [его] права уравниены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы.. и проч. Принадлежать къ такой Аристокраціи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славіи предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмысліи или подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ,—отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей,—образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хоть нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

7 (Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи); духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ п на сценѣ драматической. Можетъ быть и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, *живущій на высотахъ созданія*, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то,

что скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; по напрасно было бы ему бороться... Такимъ образомъ Lopez de Vega и Расинъ—уступали потоку. Но гений, какое направленіе ни избереть, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

8. Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны, или искажены въ *подражаніяхъ*. Разкрывъ наудачу историческій романъ Г. Б[улгарина], нашелъ я что и у него о появленіи самозванца приходится объявлять Царю Кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Год. говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у Г. Б[улгарина] также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другаго.. Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent.

9. Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы онъ былъ воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годенъ, чтобы разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ и проч. и проч. и проч.

1014. [О РУСЛАНѢ И ЛЮДМИЛѢ].

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмъ, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію *Двѣнадцати спящихъ дѣвъ*. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было <особенно въ мои лѣта> пародировать въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое со-

зданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напимѣръ, Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

1015. [О КАВКАЗСКОМЪ ПЛѢННИКѢ].

Кавказскій Плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я на силу сладилъ; онъ былъ принять лучше всего, что я ни писалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

1016. [О БАХЧИСАРАЙСКОМЪ ФОНТАНѢ].

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣ Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами.

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ.
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

1017. [О БРАТЬЯХЪ РАЗБОЙНИКАХЪ].

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что, вѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ *разбойники* могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ.

1018. [О ЦЫГАНАХЪ].

О *Цыганахъ* одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человекъ, и то медвѣдь. Покойный Рылевъ

негодоваль, зачѣмъ Алеко водить медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазбющей публики. Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было не въ примѣръ благородію. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: *ma tanto meglio*.

1019. [О ГРАФѢ НУЛИНѢ].

Въ Вѣстникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи *Нулина* съ котомъ, цаццарапствующимъ кошку <забавный глаголъ: цаццарапствую, цаццарапствуешь, цаццарапствуешь>. Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія не находится, также какъ и глагола цаццарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда?

Въ свѣтѣ Графѣ *Нулинѣ* принять былъ благосклоннѣе чѣмъ въ журналахъ — — —

Графѣ *Нулинѣ* надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его <съ позволенія сказать> похабнымъ, — разумѣется въ журналахъ <въ свѣтѣ приняли его благосклонно>, и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человекъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какія дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ <писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ>: подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что Графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упомянуть о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутивыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккаччо, Лафонтенъ, Касті, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить *Душеньку* въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образецъ

легкаго и шутиваго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но отстранивъ неравенство поэтического достоинства, Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-тилѣтняя племянница, у другаго 15-тилѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-тилѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единому изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-тилѣтняя дѣвица и не 13-тилѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые насчетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte;
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas.

Tartufe, acte III, scène 2.

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлю или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любовными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ правоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже настъ и не смѣшатъ. Недавно сравнивая Шекспира съ Байрономъ, одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бѣ къ несчастію написалъ ее русскій и въ наше время! Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, возноситъ на певиннаго Иполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить !!!.

Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, прокликаетъ своего собственнаго сына (!), послѣ чего Иполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. <стуть личности и ругательства>. Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщачками на лицѣ!—Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бѣ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли, хотя бы и болѣе кудр[явнымъ] слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если бѣ *Недоросль*, сей единственный памятникъ народной сатиры, еслибѣ *Недоросль* явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Ф. Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранить Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравниваетъ съ *сукою* (!). «Что скажутъ дамы? воскликнулъ бы критикъ: вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за вѣжливый и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши <Богъ имъ судья!> ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ; а читаютъ этого

грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ Пб. барынѣ, засѣдательницы—въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Потому, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу <high life>, что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу <bonne société>?

Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиниой (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно ли видѣть ихъ опекунами высшего общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда, и вовсе не нужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности *такого-то выраженія* (*Графа Нулина*) и ссылки на парижскихъ дамъ? Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенихъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность <vulgarité>, и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшего общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ—кому же?—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность *поэмы*, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккаччо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали дѣльные отрывки наизусть. Недавно

однѣ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable talks и историческихъ записокъ. Что же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: *сукинъ сынъ*. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего *Недоросля*, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранить Еремѣвну *собачьей дочерью*? Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи *Душеньки*, и объ успѣхѣхъ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шуточныхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? *Модная жена* не столь же ли безнравственна, какъ и *Графъ Нулинъ*?

1020. [ОБЪ ЕВГЕНІИ ОНѢГИНѢ].

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первые непризнанныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеевѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, наприимѣръ: «можно ли сказать *стаканъ шипитъ*, вмѣсто *вино шипитъ въ стаканѣ*? *Каминъ дымитъ*, вмѣсто *паръ идетъ изъ камина*? Не слишкомъ ли смѣло *ревнивое подозрѣніе*? *испытный ледъ*? Какъ думаете? Что бы такое значило:

Мальчишки

Коньками звучно рѣжутъ ледъ?

Критикъ догадывается, однако жъ, что это значить: мальчишки сбѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто: На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
<Задумавъ плыть по лону водѣ>
Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ читалъ: На красныхъ лапкахъ
гусь тяжелый
Задумавъ плыть...

и справедливо замѣчалъ, что недалеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

*

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы *не*—винительный, а не родительный падежъ; *временя* вмѣсто *временъ* <какъ наприимѣръ, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира *временя*...>

приводили критика моего въ великое недоумѣніе. Но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемъ мы, учившіеся по старымъ грамматикамъ, можно ли такъ коверкать Русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ Вѣстникѣ Евр[опы]. *Молвь* <рѣчь> слово коренное русское. *Топъ* вмѣсто *топотъ* <слѣдственно, и *хлонъ* вмѣсто *хлопаніе*> вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и *шипъ* вмѣсто *шипѣніе*:

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.

Древн. Русскія Стихотворенія].

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взять цѣликомъ изъ русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь».

Бова Королевичъ.

Г. Федоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать разбирая довольно благосклонно 4 и 5 главу Онѣгина, замѣтилъ однако жъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею *ужь*, что и называлъ онъ *ужами*, и что въ риторикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *норова*, и выговаривалъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, называлъ *дѣвчонками* <что конечно неучтиво>, между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку называлъ *дѣвою*:

Въ избушкѣ разбивая, дѣва придетъ.

*

Стихъ: Два вѣка ссорить не хочу, критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа, наприимѣръ: *я не пишу стиховъ*. Но въ моемъ стихѣ глаголъ *ссорить* управляемъ не частицею *не*, а глаголомъ *хочу*. Ergo, правило сюда неидетъ. Возьмемъ, наприимѣръ, слѣдующее предложеніе: *я не могу вамъ позволить начать писать... стихи*, а ужъ ко-

нечно не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Къ стати о грамматикѣ. Я пишу *Цыганы*, а не *Цыгане*, *татары*, а не *татары*. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на *анингъ*, *янингъ*, *арингъ* и *ярингъ*, имѣютъ свой родительный во множественномъ на *ангъ*, *янгъ*, *аргъ* и *яргъ*; а им[енительный] множ[ественнаго] на *ане*, *яне*, *аре*, *яре*. Всѣ же существительныя, кончающіяся на *ангъ* и *янгъ*, *аргъ* и *яргъ*, имѣютъ во множественномъ именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительныя на *ановъ*, *яновъ*, *аровъ*, *яровъ*.

Единственное исключеніе: имена собственные. Потому Г-на Булгарина будутъ гг. Булгарины, а не Булгаре.

(Признаюсь хотѣлось мнѣ изобличить моихъ критиковъ въ незнаніи свойствъ нашего языка, да посовѣстился).

Изученіе старинныхъ *пѣсенъ*, *сказокъ* и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

Шестой пѣсни *Онѣгина* не разбирали, даже не замѣтили въ В[ѣстникѣ] Е[вропы] латинской печатки. Къ стати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Лицея, я не раскрывалъ лат[инской] книги и совершенно забылъ лат[инскій] языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятъ одна за другой, а никто нынче по-латыни ихъ не пишетъ. Въ 14 столѣтіи, наоборотъ, латинскій языкъ былъ необходимъ и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ *жукѣ*. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

NB. Эту критику Сѣверной Пчелы напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) Г. Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ Ив. Выжигина <весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ Сѣв. Пч. года два прежде появленія Выжигина>, ибо Г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Борисъ Годуновъ взята изъ его романа.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ [насмѣшкамъ] и порицанію. Что есть строфы въ Евг. Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать—этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ перерываютъ связь разсказа и поэтому означается мѣсто, гдѣ имъ быть надлежало. Лучше бы было замѣнить эти строфы другими, или переплавлять и сплавлять мною сохраненныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаю также, что въ Д. Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы!

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣв[ерной] Пч[елы]? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требованій ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рб. экзemplарь, все-таки продавали бъ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ, уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны.—Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе—напечатать 20,000 экз. и продать по 50 коп., или напечатать 200 экзemplаровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта <le plus national et le plus populaire>, не противорѣчитъ нами

сказанному. Басни <какъ и романы> читаютъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій чловѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не стануть ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать, напримѣръ, слѣдующій отзывъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое <т. е. въ его заключеніи>. Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ, цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны—и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгений Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надобѣл и ей, какъ журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшусь искутить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгения Онѣгина—послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, мо-

гутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще меньше дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

Мысль, что шутивную пародію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти, также удерживала меня. Но Child Charold стоить на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

1021. [О ПОЛТАВѢ].

Habent sua fata libelli. (Самое зрѣлое изъ всѣхъ моихъ стихотворныхъ повѣстей, то, въ которомъ все почти оригинально) (а мы изъ этого только и бьемся, хотя это еще не главное). *Полтава* не имѣла успѣха. Можетъ быть она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи—и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отроду никто не видывалъ, чтобы женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи Кочубей къ старому гетману, НВ. исторически доказанная, не могла существовать.

«Ну, что жъ, что ты Честовъ? хоть знаю, да не вѣрю».

Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія мифологическія, Превращенія Овидіевоы, Леду, Филлиру, Паифаю, Олимпію, Пигмалиона—и принужденъ былъ признать, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежать. А Отелло, старый негръ, пѣшившій Дездемону разказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра, вшившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?... Марія <или Матрена> увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію—велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гетмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой *Мазапа злой и глупой старичишка* <старичишка вмѣсто старикъ—ради затѣливости>. Что

изобразилъ я Мазепу *злымъ*, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвухи, имъ обольщенной. *Глупость* же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ: Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ и рѣшить, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: нехудо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мы, что Мазепа слишкомъ у меня злопаметенъ; что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганье усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературной критикой, опять *хоть знаю, да не вѣрю!*

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокой, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы, все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чернецкаго [Чаплицкаго], получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Конисскаго),

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранить въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ: критики важно укоряли *меня* въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на *собственныя* слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «*болше славы, болше власти*». Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искусство!—Потомъ слѣдовала критика мѣлочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть.

Слова: *усы, визжатъ, вставай, развѣтаетъ, ого, пора*—показались критикамъ *низкими, бурлацкими* выраженіями. Какъ быть! (Низкими словами я почитаю тѣ, которыя подлымъ образомъ выражаютъ низкія понятія; напр. налижаться вмѣсто напиться пьянымъ и т. д.) но никогда не пожертвую искренностію и точностію выраженія провинціальной чопорности, изъ

боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ или тому под.

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмъ ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо—но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонтанъ въ рукописи названъ былъ *Харемомъ*: но меланхолическій эпиграфъ, который конечно лучше всей поэмъ, соблазнилъ меня.

Къ стати о Полтавѣ: критики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его <или, справедливѣе, какъ не понимали>. Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ иоразенъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и зато, посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; но какое пламенное созданіе! какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попала исторія обольщенной дочери и казненаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмѣхъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустилъ столь разительную черту было непростительно. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы,—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣскольکو дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

1022. [РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ И ГАНИБАЛОВЪ].

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою биографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 г. при открытіи нещастнаго заговора, я принужденъ былъ (сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ). Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ (они были-бы любопытны): я въ нихъ говорилъ о людяхъ, кот(орые) послѣ сдѣлали историческими лицами, съ (всею) откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь нѣкоторая торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно, будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

(Избравъ) себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца *Радши* или *Рачи* <мужа честна, говорить лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго>, въѣхавшаго въ Россію во время княжества Св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шеферединовы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, удѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, историографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междоусобствъ, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества <что мало дѣласть чести его характеру>. При Петрѣ I, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговоръ противу Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшей дочери Графа

Головина, перваго Андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался вѣрнъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость и выпущенъ черезъ два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человекъ пылкій и жестокой. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на солонѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ Французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказать. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцемъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька Русскій посланникъ въ Константинополь, какъ-то досталъ его изъ серая, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчами. Государь приставилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ Польскою Королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ. Но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ

въ одномъ подземномъ сраженіи <сказано въ рукописной его Біографіи>, и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ I неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволитъ его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганибала въ Вомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это (случилось) было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба его перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганибалъ былъ переименованъ въ майоры тобольскаго гарнизона, и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени, и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова и надѣясь на покровительство Князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганибала, отправя его тайно въ Ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганибалъ написалъ ей Евангельскія слова: помни мя, егда прійдеши во царствіе свое. Елисавета тотчасъ призвала его ко Двору, произвела его въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ Генераль-Майоры и въ Генераль-Аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ Губерніяхъ Псковской и Петербургской, въ первой: Зуево, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Таиды, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ <говорить его нѣмецкій біографъ>, въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ

было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ при себѣ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганибалъ такъ же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ Гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ, и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ разпоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донинѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поспорилъ съ Потемкинскимъ. Государыня оправдала Ганибала и надѣла на него Александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, котораго при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ не завѣшивая зеркаль и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ (коего) настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя (родомъ шведка) не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. *Шорнъ шортъ*, говорила она, *дѣлатъ мнѣ шорна репътъ и даетъ имъ шертовскъ имя*. Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего <который доводится внучатымъ братомъ моей матери>; и сей бракъ былъ несчастливъ. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились

разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ, бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили разо. Дѣдъ мой умеръ въ 1807 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

*

[Извлеченіе изъ нѣмец. записки объ Абрамѣ Ганибалѣ].

I. Онъ родомъ былъ изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Анибала. Сей владѣлецъ былъ вассаломъ Оттоманской имперіи, въ концѣ XVII столѣтія взбунтовавшійся противъ турецкаго правл., вмѣстѣ со многими князьями, утѣшенными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганибалъ, 8 лѣтъ, какъ меньшей сынъ владѣльца, вмѣстѣ съ другими знатыми юношами, былъ отвезенъ въ залогъ, въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока; но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ африканскаго владѣльца. Прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. Единственная, любимая сестра его, нѣсколько его старѣе, имѣла столько духу, что боролась за него. Она уступила силѣ, проводила его до лодки, надвѣсь его избавить просьбами или искупить жертвою всѣхъ своихъ драгоценностей. Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ море и утонула. Въ самой глубокой старости текли слезы его въ воспоминаніе любви и дружбы—и всегда живо и ново представлялась ему сія картина. Вскорѣ послѣ Ганибалъ привезенъ былъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принятъ въ сераль султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Петръ имѣлъ горестъ видѣть, что поданные его упорствовали просвѣщенію, желалъ показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою породой людей и писалъ къ Шепелеву, своему посланнику, чтобы онъ прислалъ ему арапчака съ хорошими способностями. Сей <заодно съ визиремъ> съ немалою опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ, одинъ изъ братьевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому отцу. Въ сіе время посланникъ отправилъ къ Петру I-му Ибрагима Ганибала, другаго арапа, да еще одного рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придерживаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣлъ тотчасъ расположеніе дѣтей: Ганибала, какъ живаго, смѣлаго, назначилъ въ военную службу; Рагузинца, тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго—въ статскую и онъ былъ извѣстенъ впослѣдствіи подъ именемъ графа Рагузинскаго.

*

II. Его, по ходатайству Миниха, опредѣлили въ Перновскій гарнизонъ инженернымъ майоромъ. Тамъ онъ женился на до, чери капитана Матвѣя фонъ-Шеберха, урожденнаго шведа, женатаго на лифляндкѣ фонъ-Альбедиль, и, вышедъ въ отставку—купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Каркула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею.

1022-а. [ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ].

Семья моего отца—его воспитаніе—французы-учителя—(Mr.) Vous. . . . Mr. Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства.—(Свадьба отца).—Бабушка и ея мать—ихъ бѣдность.—Ив[анъ] Абр[амовичъ].—Свадьба отца.—Смерть Екатерины—рожд[еніе] Ольги—Отецъ выходитъ въ отставку, ѣдетъ въ Москву.—Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ—Землетрясеніе—Няня. Отъѣздъ матери въ деревню—Первыя непріятности—гувернантки. (Смерть Николая. Ранняя любовь)—Рожд[еніе] Льва.—Мои непріятныя воспоминанія.—Смерть Николая. Монфоръ—Русло—Кат. П. и Ан[на] Ива[новна]—Петерпимое состояніе—Охота къ чтенію—Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.—

(въ) 1811.

Дядя В[асилій] Л[ьвовичъ]—Д[митріевъ]. Дашк[овъ]. Блуд[овъ].—... съ н... Ан. Ник.—Свѣтская жизнь.— *Лицей*. Открытіе. Государь. Малиновскій. Куницынъ. Аракчеевъ.— Начальники наши.— Мое положеніе.— Философич. мысли.— Мартинизмъ.— Мы прогоняемъ [?] Пилецк[аго]. (Смерть Малиновскаго).

1812 г.

1813.

Государыня въ С[арскомъ] С[елѣ]. Гр[афиня] Коч[убей]. Смерть (Пилецкаго) Мал.—.... Безначаліе. Чачковъ. Фроловъ—15 лѣтъ.

1814.

(Экзамень, Галичь. Державинъ—стихотворство—смерть).

Извѣст[іе] о вз[ятіи] Паряжа.— Смерть Малиновскаго. Безначаліе.— (Приѣздъ Карамзина—Первая любовь—Жизнь—Карамзинъ).—Б.... Приѣздъ матери. Приѣздъ отца. Стихи etc.—Отношеніе къ..... Мое тщеславіе.

1815.

(Экзамень. Сти.).

1022-6. [ЗАПИСКА ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ].

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатаніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

(Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ <какъ и во всемъ> былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя).

(Литераторы во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволь цenzурѣ своенравной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до пе-

чати. Весь классъ писателей <классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ изъ грамотныхъ людей> перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія <къ несчастію, мы того не понимали или не хотѣли понимать>, отчасти—изъ непростительнаго небреженія. Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго Государя я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ).

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія востаніе на престолъ нынѣ царствующаго Императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволь судьбѣ и притѣсненнымъ неувѣжественной и своенравной цензурою. Не было закона касательно собственности литературной.

(За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишаась трехъ тысячъ рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій <что было еще первый примѣръ плутовства>).

Огражденіе сей собственности и цензурной уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. *торговое*. Нынѣ составляетъ она отрасль промышленности, покровительствуемой законами. Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгоды и чѣмъ разнообразіе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

(Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные доннынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія).

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

(Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100,000 дохода, между тѣмъ какъ чисто литературная едва ли окупаетъ издержки изданія).

Всякій журналистъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ

столь строго, какъ угодно ему. Сѣверная Пчела пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы *чисто литературные*, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 300, и слѣдственно голосъ ихъ былъ бы вовсе не дѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы: ни одно изъ ихъ произведеній не продается, ибо никто не станетъ покупать товара, оужденнаго въ самомъ газетномъ объявленіи.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы ровняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т. е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости.

(Въ семь-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ *Дельвигомъ* или мною).

Направленіе политическихъ статей зависить и должно зависѣть отъ правительства, и въ семь случаѣ я полагаю священною обязанностію ему повиноваться и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждой строкою моего журнала.

Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и неблагодарна.

(Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для разъясненія причинъ, припущающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою).

(Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечить состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность

или недоброжелательство было бы съ ихъ стороны столь же безразсудно какъ и неблагодарно).

1023. [ОТКЛИКИ НА СОБЫТІЯ 1831 ГОДА].

[1]. 26-го іюля [1831 г.]. Вчера Гос[ударь] Имп[ераторъ] отправился въ военныя поселенія <въ Новгор[одской] Губ[ерніи]> для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лѣкарей убито бунтовщиками. Ихъ Депутаты пришли къ Ижору съ повинною головою и съ розпискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто-бы онъ и лѣкаря отравляли людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться Гр. Орлова, посланнаго въ поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. «Тогда я васъ прошу», сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ Государя.

Однако-же сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ Царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Разправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, — и Царской голосъ не долженъ угрожать гдѣ картечью, ни кнутомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти, и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ Государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Довныѣ Государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12.000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

[2]. Покамѣсть полагали что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантинны были зло необходимое. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантинны должны были тотчасъ быть уничтожены. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантинны, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, роенною силою, — суть только средства къ притѣвленію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что

Турки предпочитают чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели къ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины, народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лѣкарямъ и правительству; но покамѣсть карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большому, и народъ будетъ болѣе беспокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невидимой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

[3] 29-го июля [1831 г.]. Третьяго дня Государыня родила Великаго Князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россети выйти за Смирнова. Государь пріѣхалъ передъ самыми родами Императрицы. Бунтъ въ Новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько Генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аракчеевскаго и Короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лѣкарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: Ваше Высочество, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смиренны — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лѣкарей убито 15 человекъ, одинъ изъ нихъ спасенъ больными лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лѣкарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отменно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ-подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобы убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка Прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершались. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ Полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арнтъ,

находившійся при семь, сказалъ имъ съ негодованіемъ: Вамъ бы должно вынести кутью. Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился, и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ имъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ общался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора.

Восемь полковъ, возмущившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчино.

[4] Сентября 4. Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. — Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевичъ сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ Княземъ Свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромарино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello (Lasne) Высоцкаго, зачинщика революціи, Гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

Сколько въ суворовскомъ полку осталось? спросилъ государь у Суворова. — 300 человекъ, В[аше] Величество]. Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ.

[5]. Надняхъ скончался въ П.Б. Фонъ-Фокъ, начальникъ 3-го отдѣленія Государевой канцеляріи <тайной полиціи>, человекъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer. Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важиѣ другаго вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшею?

[6]. Мнѣніе Жюмини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней — разницы не сдѣлало бы. Щастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко.

ДЕРЖАВИНЪ.

*Гравюра Пожалостина (1880) съ портрета Василевскаго (1815).
(Объ этомъ портреть говоритъ Пушкинъ въ стіатьи «Державина видѣлъ
я только однажды»).*

Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Полиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

1024. [О ДВОРЯНСТВѢ].

I. Что такое потомственное дворянство? Сословіе народа высшее. т. е. награжденное большими преимуществами, касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ или его представителями.—Съ какою дѣлюю?—Съ дѣлюю имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain; образъ жизни, т. е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, ямъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—Нужно ли для дворянства пригтовительное воспитаніе?—Нужно.—Чему учится дворянство?—Независимости, храбрости, благородству, чести вообще.—Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задуть.—Нужны ли они въ народѣ, такъ же, напримѣръ, какъ трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества.

II. Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ гвардію и войско государево.—Чѣмъ кончается (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. А = В.

III. Наслѣдственные преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности.

IV. Русское дворянство что нынѣ значить? Какими способами дѣлаются дворяне? Что изъ этого слѣдуетъ? НВ. Былое презрѣніе къ сему званію. Дворянинъ-помѣщикъ. Его вліяніе и важность; рекрутство; права. Дворянинъ въ службѣ. Дворянинъ въ деревнѣ. Происхожденіе дворянства. Дворянинъ при дворѣ.

V. Attentat de Теодоръ. Lâcheté de la haute noblesse <между прочимъ и моего пращура Никиты Пушкина>.

Prerre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon <la révolution incarnée>. Les rangs. Chûte de la noblesse. Son указъ de 1714 etc...

Voilà déjà 150 ans que la табель о рангахъ balaye la noblesse et c'est l'Empereur actuel qui le premier a posé une digue, bien faible encore, contre le debordement d'une démocratie pire que celle de l'Amérique.—Уничтоженіе дворянства чинами. Маюратства, уничтоженныя плутовствомъ. Паденіе постепенное дворянства.

Opposition de Dolgorouky <niaise, dans le genre de celle des Panine>.

Pierre III. Истинная причина дворянской грамоты.

Екатерина. Alexandre. Новосильцевъ. Чарторижскій. Кочубей. Speransky, porovitch turbulent et ignare.

Les moyens avec lesquelles on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident.

La haute noblesse n'étant pas héréditaire <de fait>, elle est donc noblesse à vie. Moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de la haute noblesse est une garantie de son indépendance. Le contraire est nécessairement moyen de tyrannie ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme c'est: loix cruelles, coutumes douces.

Stabilité—première condition du bonheur public.

Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?

1025. О НОВѢЙШИХЪ РОМАНАХЪ.

Barnave, Confess[ions], femme Guill[otinéé]; Eugène Sue; De Vigny; Hugo; Balzac, scènes, Peau de Chagrin contes bruns drol[atiques?]; Musset [tableaux?] de nuit.—Поэзія французская.—Вурон.—Муравьевъ, Полевой <Полевой романистъ>, Свининъ, Карамзинъ.

1026. [ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ].

Въ концѣ 1826 года я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и Польскія грязи настоящей войны)—Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: холера-morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. (Надобно вамъ знать, что)

О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 г. старая молдавская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой (страшной) болѣзни. Я (заставилъ) сталъ его спрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой (черной) полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ,—что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ [Псковской] губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслию всей Европы. (Какъ послѣ этого не полюбить университетскаго ученія).

Спустя (черезъ) 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непременно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В[яземскій] показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное (изъ тамошняго края. Саратовской): ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской г. въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не беспокоились). Я повѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. (Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элегія къ

(эпической) диэпирамбу.—Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала, какъ пойманная воровка, разбрасавъ половину своихъ товаровъ, не успѣвъ пересчитать свои барыши!

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я повѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ вѣхать на поединокъ, съ досадою и большой неохотою.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантинны (народъ ропщетъ, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвѣстности и загадочно-непривычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ недѣльные). Я занялся моими дѣлами перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не вѣдя по сосѣдямъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и беспокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ. (Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ вырваться на волю). Страхъ меня пронялъ—въ Москвѣ... но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Я тотчасъ собрался въ дорогу и (выѣхавъ) поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣскольکو мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ спрашивать ихъ (вывѣдывать о карантинѣ, о начальникѣ): ни они, ни я хорошенько не понимали, зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать. Я доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду (вынести положенный срокъ), и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

1027. [ПРОГРАММЫ И ЗАМѢТКИ ПО ИЗДАНІЮ «ДНЕВНИКА»].

Что есть журналъ европейскій. Что есть журналъ русскій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Вѣдшняя политика. Происшествія политич. Полемика.

Предварительное изъясненіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и

указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы отъ правительства. Корреспонденція.

Литература. *Внѣшняя* литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. *Внутренняя*. Истор. матеріалы. Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библиографія. Объявленія.

Пособія: повелѣнія министровъ.

Журналъ мой предлагаю правительству— какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Официальность.

Контора подъ вѣдом. редактора. Подписка въ экспедиціяхъ и въ почтамтѣ. Разсылка по домамъ.

Книги: 1) Подписная, билетовъ; 2) Поступающихъ денегъ; 3) Книга прихода и расхода (Grossbuch); 4) Отдѣльный счетъ съ бумагой; 5) Книги съ разнош. жалобъ; 6) Сотрудники; 7) Покупки.

Исполнитель.

1 Января 1833 г. Подписка принимается	<h2 style="margin: 0;">ДНЕВНИКЪ</h2> <p style="margin: 5px 0 0 0;">—</p> <p style="margin: 0;">Политическая и литературная газета.</p>	Понедѣльникъ. Контора редакціи открыта съ 9 ч. утра до 9 ч. вечера ежедневно.
Внутреннія извѣстія.	Новости заграничныя.
СМѢСЬ.

1028. [О ДУРОВЪ].

Дуровъ—братъ той Дуровой, которая въ 1807 году вошла въ военную службу, заслужила георгиевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепси, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣшанъ былъ на одномъ

пунктѣ: ему непременно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ», отвѣчалъ мнѣ Дуровъ.—Ну, что же? «Мудрено: не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня

есть совѣсть.» Ну, такъ украдѣте полковую казну. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Это можно сдѣлать лѣтомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полковаго командира. Можно накинута на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а тамъ на ней ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ безъ лошадей, вѣроятно испугается и не будетъ знать что дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?»—Просите денегъ у государя. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Я даже и просилъ.»—Какъ! безо всякаго права? «Я съ того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образа итѣ, и такъ далѣе.»—Что же вамъ отвѣчали? «Ничего.»—Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же, за чѣмъ дѣло стало? «Да, видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ странно и забавно: надобно бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потому что разсказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...» Словомъ, нельзя было придумать несообразности и пелѣвности, о которой бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ—выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное великодушіе.» Дуровъ просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говорили ли о женщинѣ—«хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ, что черезъ три дня она меня полюбитъ?» Стрѣляли ли въ цѣль изъ пистолета—Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщи-

намъ была также замѣчательна. Бывши городничимъ въ Елабугѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ, по должности своей, присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберечь и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницею. Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалко, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.

1029. ДЕРЖАВИНА ВИДѢЛЪ Я ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ.

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцѣловать ему руку, руку—написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь н...къ? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его <гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ> очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце

забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...

1030. [ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ О КИШИНЕВСКОМЪ ПЕРІОДѢ].

Кишиневъ.—Пріѣздъ мой изъ Кавказа и Крыму. — Орловъ. — Ипсиланти — Каменка—Фонт.—Греч[еская] Рев[олюція].—Дипр. [анди].—12 годъ.—mort de sa femme.—le *renégat*—паша Арзрумской.—

1031. [ПРОГРАММА ДРАМЫ О ПАПЕССѢ ІОАННѢ].

Acte I. La papesse—fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (отецъ) invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout.

Jeanne devant St. Simon. Le savant <le démon de savoir> arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Comméragе des femmes—joie du père—soucies et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université.

Acte II. Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol <amour, jalousie, duel—*en récit*>. Jeanne soutient une thèse et est fait docteur.

Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent.

Jeanne à Rome; cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape.

Acte III. Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne—son disciple; leur connaissance. Elle le menace de l'Inquisition et lui d'un éclat. Il pénètre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de... Le diable l'emporte.

Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust; il vaut mieux en faire un poëme dans le style de Christabel ou bien en octaves.

[ДНЕВНИКЪ ПУШКИНА СЪ 1833—1835 Г.]

24 ноября. Обѣдалъ у К. А. Карамзиной, видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ *gout* у Фикельмонтъ. Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мушина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просьбдою. Я узналъ по лицу грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ—Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ—не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я рассказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и продалъ вѣрность, представляя ее императору Александру отраслю карбонаризма. Суддо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады—тонкость фанариота была побѣждена хитростію русскаго офицера. Это оскорбляло его самолюбіе.

Государь уѣхалъ нечаянно въ Москву наканунѣ въ ночь.

27.—Обѣдъ у Энгельгардта.—Говорили о Сухозан[стѣ], назначениомъ въ начальники всѣмъ корпусамъ. *C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements*, сказалъ Энг[ельгардтъ].

Осуждаютъ очень дамскіе мундиры, бархатные, шитые золотомъ особенно въ настоящее время, бѣдное и бѣдственное.

Вечеръ у Вяз.

28.—Роугъ у С. Салтыкова. Гр. Орл[овъ] говоритъ о тур[ецкомъ] послѣ.—*C'est un animal. — Il a donc un secrétaire? — Oui, un Phanariote et c'est tout dire.*

29.—Три вещи осуждаются вообще и по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человекъ запятнаннаго, вошедшаго въ люди черезъ Яшвиля — не и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видѣлъ въ немъ только пзувѣченнаго воина и назначилъ ему важ-

нѣйшій постъ въ государствѣ, какъ спокойное мѣстечко въ домѣ инвалидовъ. 2) дамскіе мундиры. 3) выдача гвардейскаго офицера Г. Бринкена Курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ. г[осударь] не приказалъ его судить по законамъ, а отдалъ его на судъ курляндскаго дворянства. Эта зачѣмъ? Къ чему такое своевольное различіе между дворяниномъ псковскимъ и курляндскимъ, между гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ. Прилично ли г—ю вмѣшиваться къ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство? Чтѣ, если курляндцы выключатъ его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, ужъ какъ дворянина русскаго, къ суду обыкновенному? Вотъ вопросы, которые повторяются вездѣ. Конечно, со стороны г—я есть что-то рыцарское; но г[осударь] не рыцарь... Или хочетъ онъ сдѣлать опять изъ гвардіи то, что была она прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельбергъ <ур. Тизенгаузенъ> умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельм[онтъ].

Вчера играли здѣсь *Les Enfants d'Edouard* и съ большимъ успѣхомъ. Трагедія, говорятъ, будетъ запрещена. Эскернъ удивляется смѣлости примѣненій. Блай ихъ не замѣтилъ. Блай, кажется, правъ.

30 Нояб. Вчера балъ у Бутурлина. <Жо-мини> любопытный разговоръ съ Блайемъ: зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Для безопасности Но онъ защищенъ П. Б. Кронштадтомъ.—Игрушка!—Долго ли вамъ распространяться? <мы смотрѣли на карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бут[урлинымъ]>. Ваше мѣсто—Азія; тамъ совершите вы достойный подвигъ сивилизаціи, etc...

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. В[еликій] К[нязь] ихъ засталъ за ужиномъ, кого въ шлаф-

оркѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслию объ упадкѣ Гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ Ъхаль за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія А[лександра] офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтушемъ состояніи...

При открытіи Александровской колонны, говорятъ, будетъ 100.000 гвардіи подъ ружьемъ.

Декабрь 1833. 3.—Вчера гос. возвратился изъ Москвы.—Онъ пріѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали. Во дворцѣ не было ни одной топленной комнаты, онъ не могъ добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку: *какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимовъ*. [Никифоровичемъ]—очень оригинально и очень смѣшно.

4.—Вечеромъ у Загряжской <Нат. Кир.>. Разговоръ о Екатеринѣ. Нат. Кир. была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Кн. Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь. Остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали Государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась и государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлены перепугались. Дашкова извинилась во вчерашнемъ проступкѣ, говоря, что она не знала, чтобы женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь.—Какъ вамъ не стыдно, отвѣчала Екатерина.—Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться..—Нат. Кир. рассказала анекдотъ съ большою живостью. Кн[ягиня] Кочубей замѣтила, что Дашк. вошла, вѣроятно, въ алтарь въ качествѣ президента Русской Академіи. Второго анекдота я не выслушалъ.

Шумъ о дамскихъ мундирахъ продолжается. Къ 6-му мало будетъ готовыхъ. Позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

Храповидкій <авторъ *Записокъ*> былъ нѣкогда адъютантомъ у графа Кир. Разумовскаго. У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь *Будакова*. Это знала Нат. Кир. отъ прежнихъ Елисаветинскихъ фрейлинь.

Государыня пишетъ свои записки... Дойдутъ ли онѣ до потомства? Елисавета Алекс. писала свои: онѣ были сожжены ея фрейлиною. Марія Фед.—также. Государь жжегъ ихъ по ея приказанію. Какая потеря! Елисавета хотѣла завѣщать свои записки Карамзину. <Слыш. отъ Кат. Андр.>.

6 Дек. Именины гос. Мартыновъ—комендантъ. 4 полныхъ генераловъ. Перонскій—генераль-лейтенантъ. Меньшиковъ—адмиралъ. Дамы представлялись въ русскихъ платьяхъ. На это нѣкоторые смотрятъ какъ на торжество. Скобелевъ безрукій сказалъ кн. В—ой: Я отдалъ бы послѣдніе три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обѣдалъ у графа А. Боб[ринскаго] Мятлевъ читалъ уморительные стихи. Молодые офицеры, которыхъ В[еликій] К[нязь] засталъ ночью въ неисправности и которые содержались подъ арестомъ прощены.

14 Дек. — Обѣдъ у Блайя. Вечеръ у Ст.

11-го получено мною приглашеніе отъ Бенк[ендорфа] явиться къ нему на другой день утромъ. Я пріѣхалъ. Мнѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями Государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою. Стихи:

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова—

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ (?). Все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условія со Смирдинымъ.

Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ.—Эти четыреста тысячъ останутся въ ихъ карманахъ. Въ голодный годъ должно стараться о сысканіи работъ и о уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ; если же крестьяне узнаютъ, что правительство или помѣщики намѣрены ихъ кормить, то они не станутъ работать и никто не въ состояніи будетъ отвратить отъ нихъ голода. Все это очень соблазнительно; въ обществѣ

ропшутъ, а у Нессельроде и у Кочубей будутъ балы—<что также есть способъ льстить двору>.

15. Вчера не было обыкновеннаго бала при дворѣ. Императрица была нездорова. Поутру, обѣдя и молебень.

15 балъ у Кочубея. Императрица должна была быть; но не прѣехала. Она простудилась. Балъ былъ очень блистателенъ. Гр. Шувалова удивительно была хороша.

17.—Вечеръ у Жуковского. Нѣмецкій amateur, ученикъ Тиковъ, читалъ Фауста;—неудачно, по моему мнѣнію.

Въ городѣ говорятъ о странномъ происшествіи. Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ вѣдомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дѣло пошло по начальству. Князь В. Долгорукій нарядилъ слѣдствіе. Одинъ изъ чиновниковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы не хотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разные толки. Н. [Нарышкинъ] сказалъ, что мебель придворная и просится въ Аничковъ.

Улицы не безопасны. Сухтеленъ былъ атакованъ на дворцовой площади и ограбленъ. Полиція видно занимается политикой, а не ворами и мостовыми.

Бли[у]дова обокрали прошедшею ночью.

1834.

1 Января. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры <что довольно неприлично моимъ лѣтамъ>. Но двору хотѣлось, чтобы Н [Наталья] Н [Николаевна] танцевала въ Аничковѣ. Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейныхъ ссорахъ Безобразова съ молодою своей женою. Онъ ревнивъ до безумія. Дѣло доходило не разъ до драки и даже до ножа. Онъ прогналъ всѣхъ своихъ людей, не довѣряя никому. Третьяго она рѣшилась броситься къ ногамъ Государыни, прося развода или чего-то подобнаго. Государь очень сердитъ. Безобразовъ подъ арестомъ. Онъ, кажется, сошелъ съ ума.

Меня спрашивали: доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ—а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бѣ не заста-

вили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариметикѣ.

Встрѣтилъ Новый годъ у Н[атали] К[ирилловны] Загряжской. Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи Законовъ, о первомъ времени царствованія Александра, о Ермоловѣ, etc.

7-го.—Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ. Вчера былъ онъ у меня. Я люблю его разговоръ—онъ занимателенъ и дѣленъ—но всегда кончается толками о муже..... Вигель разказалъ мнѣ любопытный анекдотъ. Нѣкто Норманъ или Лехрманъ, сынъ кормилицы Екатерины II, умершій 96 лѣтъ, нѣкогда разказалъ Вигелю слѣдующее: мать его жила въ Бѣлорусской деревнѣ, пожалованной ей Государыней. Однажды сказала она своему сыну: Запиши сегодняшнее число; я видѣла странный сонъ. Мнѣ снилося, будто я держу на колѣняхъ маленькую мою Екатерину въ бѣломъ платьицѣ,—какъ помню ее 60 лѣтъ назадъ. Сынъ исполнилъ ея приказаніе. Нѣсколько времени спустя дошло до него извѣстіе о смерти Екатерины. Онъ бросился къ своей запискѣ: на ней стояло 6 ноября 179[6?]. Старая мать его, узнавъ о кончинѣ Государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала—и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лѣтъ послѣ.

Въ свѣтѣ очень шумятъ о Безобразовыхъ. Онъ еще подъ арестомъ. Жена его вчера ночью уѣхала къ своему брату, къ дивизионному генералу. Думаютъ, что Безобразовъ не останется флигель-адъютантомъ.

Гос. сказалъ княгинѣ Вяземской: «J'es-père que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole et j'ai été content de lui», etc. Великій кн. Наслѣдникъ поздравилъ меня въ театрѣ: покорнѣйше благодарю, Ваше Высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись. Вы первый меня поздравили.

17 балъ у Гр. Бобр. одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Гос. мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости <съ 1774 году!> Правда, она жила на свободѣ, въ предвѣствѣ;

но далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ.

Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ? Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

*

26 Янв. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Приѣхалъ въ мундирѣ. Миѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя N[Nathalie] H[иколаевну] и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ С[ергѣю] В[асильевичу] С[алтыкову]. Гос. былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо миѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller se mettre en frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Тр[убецкого].— Трауръ по какомъ-то князѣ <то есть принцѣ>. Дамы въ черномъ. Гос. приѣхалъ неожиданно. Былъ на полъ-часа, сказавъ женѣ: Est-ce à propos des bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? <Мундирныя пуговицы>. Старуха Гр. Бобр. извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

Безобразовъ отправленъ на Кавказъ. Жена его уже въ Москвѣ.

*

28 февраля. Прошедшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, роутовъ, etc. Масляница. Государыня была больна и около двухъ недѣль не выѣзжала. Я представлялся. Государь позволилъ миѣ печатать Пугачева. Миѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями <очень дѣльными>. Въ Воскресенье, на балѣ въ концертной, Г[осударь] долго со мною разговаривалъ; онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

Вчера обѣдъ у Гр. Бобринскаго. Третьяго дня балъ у гр. Шувалова. На балѣ явился цареубійца Скарятинъ. В[еликій] Кн[язь] говорилъ множество каламбуровъ. Полиціи много дѣла. <Такой распутной масляницы я не видывалъ>.—Сегодня балъ у Австрійскаго посла.

*

6 Марта. Слава Богу! Масляница кончилась, а съ нею и балы. Описаніе послѣдняго дня масляницы (4-го Марта) дастъ понятіе и о прочихъ. Избранные званы были во дво-

рецъ на балъ утренній—къ половинѣ пераго. Другіе на вечерній, къ половинѣ девятаго. Я приѣхалъ въ 9. Танцовали мазурку, коей оканчивался утренній балъ. Дамы съѣзжались; а тѣ, которыя были съ утра во дворцѣ, перемѣняли свой нарядъ. Было пропасть недовольныхъ: тѣ, которыя званы были на вечеръ, завидовали утреннимъ счастливымъ. Приглашенія были разосланы кое-какъ по списку баловъ князя Кочубей; такимъ образомъ ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что ихъ имена въ спискѣ не стояли. Все это кончилось тѣмъ, что жена моя выкинула. Вотъ до чего доплясался.

Царь далъ миѣ займы 20.000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо.

Въ городѣ много говорятъ о связи молодой княгини С. съ графомъ В. Замѣтили на ней повые брилліанты—разсказывали, что она приняла ихъ въ подарокъ отъ В. <будто бы по завѣщанію покойной его жены>, что С. имѣлъ за то жестокое объясненіе съ женою, etc. etc.—Все это пустыя сплетни. Брилліанты принадлежали К—вой, золовкѣ С—вой, и были присланы изъ Одессы для продажи. Однако, неосторожное поведеніе С—вой привлекаетъ общее вниманіе. Царица ее призывала къ себѣ и побранила ее. Царь еще пуше. С-ва расплакалась: Votre Majesté je suis jeune, je suis heureuse, j'ai du succès—voilà pourquoi l'on m'envie, etc. С. очень глупа и очень смѣлая кокетка, если не хуже.

Соб[олевскій] говоритъ о гр. Вел[ьегорскомъ]: Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.

3 марта былъ я вечеромъ у кн. Одоевскаго. Соб[олевскій], любезничая съ Ланской <бывшей Полетика>, сказалъ ей велегласно: «le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon cul» Онъ ужасно смутился. Свидѣтели <въ томъ числѣ Ланская> не могли удержаться отъ смѣха. Книгиня Од. обратилась къ нему, позеленѣвъ отъ злости. Соб. убѣжалъ.

13 іюля 1826 года, въ полдень, государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга приѣхалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку, и платокъ и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ.

Фр[ейлина?] подняла платокъ въ память историческаго дѣла.

*

8 марта. Вчера былъ у См[ирновой]. Цициановскіе анекдоты. Жуковскій поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонъ <куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ> цареубійцу Скарятину и заставилъ его рассказывать 11-е марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Гос. съ гр. Бенкенд. и застаётъ наставника своего сына дружелюбно бесѣдующимъ съ убійцею его отца. Скар. снялъ съ себя шарфъ, красивый жизнь Павла I-го. Княжна Туркистанова, фрейлина, была въ тайной связи съ покойнымъ Государемъ и съ княземъ Владиміромъ Гол[ицинымъ], который ее обрюхатилъ. Княжна призналась Государю. Приняты были нужныя мѣры—и она родила во дворцѣ такъ, что никто и не подозревалъ. Императрица Марія Федоровна приходила къ ней и читала ей Евангеніе, въ то время, какъ она безъ памяти лежала въ постели. Ее перевели въ другія комнаты и она умерла. Госуд. сердилась, узнавъ обо всемъ. Вл. Гол[ицынъ] разболталъ все по городу.

На похоронахъ Уварова пок[ойный] Государь сѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко <кажется, А. Орлову>: «одинъ Царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?» <Уваровъ одинъ изъ цареубійцъ 11-го марта>.

Гос. не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году — après avoir travaillé avec lui, et en rentrant chez l'Imp. dans le plus grand désordre de toilette.

*

17 марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго Conversations Lexicon. Намъ было человѣкъ со сто, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ русскіхъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ шарлатанъ, а я его пальясъ: пью его лекарство и хвалю его. Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ миллионъ, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свинынъ. Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одо[евскій] и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное собраніе. Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ пѣвкогда моимъ профессоромъ и ободрялъ

меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои Воспоминанія въ Ц. Сель. Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у Австр. посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5¹/₂ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку. 2) Пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговаривалъ я объ 11-мъ марта. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ; Фикельмонъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества, но пок. гос. окруженъ былъ цареубійцами Его отца. Вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, пособниками 14 Декабря; онъ слышалъ-бы слишкомъ жестокия истины.

НВ. Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышлявшихъ о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

Много говорятъ о балѣ, который должно дать Дворянство по случаю совершеннолѣтія Г. Наслѣдника. Кн. Долгорукій <оберъшталмейстеръ и ПБ. предводитель> и Г. Шуваловъ распоряжаются этимъ. Делг. послалъ Нарышкину письмо, писанное по французски, въ которомъ просилъ онъ его участвовать въ подпискѣ. Нар. отвѣчалъ: Милостивый Государь! Изъ перевода съ письма В. С-ва усмотрѣлъ etc.—Вѣроятно, купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на полмилліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?

Изъ Москвы пишутъ, что Безобразова выкинула.

Изъ Италіи пишутъ, что гр[афиня] П[олье?] идетъ замужъ за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются—и рады вѣрить.

20.—Третьяго дня былъ у кн. Мещ[ерскаго]. Изъ кареты моей украли подушки, но оставили медвѣжій коверъ, вѣроятно, за недосугомъ.

Нѣкто Карцевъ, женатый на парижской дѣвкѣ въ 1814 году, развелся съ нею и жилъ розно. На-дняхъ онъ къ ней пришелъ ночью и выстрѣлилъ ей въ лицо изъ пистолета, заряженнаго ртутью. Онъ подъ судомъ, она еще жива.

2 Апрель. Надняхъ <прошлый четвергъ> обѣдалъ у кн. Ник. Труб. съ Вяз., Нар[ышкинымъ] и съ Кук[ольникомъ], котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человекъ. Не знаю, имѣеть ли онъ талантъ? Я не дочелъ его Тасса и не видалъ его «Руки», etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяз. сказалъ объ его игрѣ на фортепьяно: *il brédouille en musique comme en vers*. Кук. пишетъ Ляпунова; Хомяковъ—тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розень имѣеть болѣе таланта.

Третьяго дня въ Англійскомъ клубѣ избирали новыхъ членовъ и Смирновъ <камеръ-юнкеръ> былъ забалотированъ. Иные говорятъ, потому что его записалъ Искуль, другіе—потому что его смѣшали съ его однофамильцемъ, игрокомъ. Неправда. Его не хотѣли выбрать нѣкоторые гв. офицеры, которые, подпивъ, тутъ буянили. Однако большая часть членовъ вступились за Смирнова. Говорили, что послѣ такого примѣра ни одинъ порядочный человекъ не возьмется предложить новаго члена, что шутить общественнымъ мнѣніемъ не годится и что надлежитъ снова балотировать. Законъ говоритъ именно, что разъ забалотированный человекъ не имѣеть уже никогда права быть избираемымъ, но были исключенія: гр. Чернышевъ <восный министръ> и Гладкій <об. полицмейстеръ>. Ихъ избрали по желанію правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова и онъ былъ выбранъ. Это, впрочемъ, дѣлаеть ему честь. Онъ не министръ и не оберъ-полицмейстеръ. И знакъ уваженія къ человеку частному должно быть ему пріятно.

Кн. Одоевскій, докторъ Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей *Conversations Lexicon*. Прочіе были обижены нашей оговоркою; но честный человекъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ,—но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ *Lexicon* будетъ не что иное, какъ *Сверная Пчела* и *Библиотека для Чтенія* въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго Онъ рассказывалъ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ П. Т. по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провозатые полицейскій чиновникъ, человекъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему

лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: Ваше Превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно! Эти каналы лошадей намъ не даютъ. Сперанскій у себя очень любезенъ.—Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. *Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ гении Зла и Блага*. Онъ бтвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

7 апрѣля. Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ Государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направление, данное Полевымъ его журналу. <Выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова>. Ж[уковскій] говорить: *я радъ, что Тел. запрещенъ, хотя жалко, что его запретили*. Телеграфъ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостію проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Вчера *rout* у Фи[гельмонтъ]. [Государя?] не была. Впрочемъ, весь городъ.

Моя *Пиковая Дама* въ большой модѣ, игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и княгиней Н. П. [Натальи Петровной Голицыной], и, кажется, не сердятся.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

8 апрѣля. Вчера *rout* у кн. Од[оевскаго]. Изъясненіе съ С. К. [Софьей Карамзиной?]. Вся семья, Гр. Л., гр. Ка....., идеализированная ея мать.

Сейчасъ ѣду во дворецъ, представляться Царицѣ.

2 часа. Представлялся. Ждали Царицу часа три. Насъ было человекъ 20. Братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вольховскій и другіе. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: *Non, c'est unique!... Je me creusais la tête pour savoir, quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur sa fille d'adoption...* и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.

Я простился съ Вольховскимъ, который надняхъ ѣдетъ въ Грузію. Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревскаго <героя>. Онъ <т. е. Б.> очень зло отзывался объ одесской жизни, о гр. Вор., о его соблазнительной связи съ О. Н. etc. Хвалить очень графиню В.

Бринкена, сказываютъ, финляндское [курляндское?] дворянство повѣсило или повѣсиль.

*

10 Апрѣля. Вчера вечеръ у Уварова—живыя картины. Долго сидѣли въ темнотѣ. S... [Смирновой, Соллогуба?] не было. Скука смертная. Послѣ картинъ вальсъ и кадрили; ужинъ плохой.—Говоря о Свиныиѣ, предлагающемъ Россійской Академіи свои манускрипты XVI вѣка, Уваровъ сказалъ: Надобно будетъ удостоверить, нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиныиѣ продать не старинныя рукописи, а тетрадки своихъ мальчиковъ.

Говорятъ, будто бы Полевой въ крѣпости. Какой вздоръ!

*

11-е Апрѣля. Сейчасъ получаю отъ Гр. Строганова листокъ Франкфуртскаго журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

St. Pétersbourg. 27 Février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées de l'émigration Polonoise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée... <Дѣло идетъ о праздникѣ, даніемъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и др. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря>... Après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, Mr. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'était pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel;

mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la révolution Polonoise, il se trouve énoncé dans son poème: *Aux détracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps. Puisque cependant le sr. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poète *relegué aux confins reculés de l'Empire*, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...

*

14 Апрѣля.—Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ—800 мѣстъ и 2.000 билетовъ!

Росшутъ на двухъ дамъ, выбранныхъ для будущаго бала въ представительницы П.Б-го дворянства, княгиню К. О. Долгорукую и гр. Шувалову. Первая—наложница кн. Потемкина и любовница всѣхъ итальянскихъ кастратовъ, а вторая—кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы въ благопристойности общественной не очень тверды.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ П. Б., подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи здѣсь на улицѣ, тому съ недвѣлю.

*

16-го.—Вчера проводилъ Н. Н. [Наталью Николаевну] до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на Дворянскій Балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ Субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Ж[уковскій] сказалъ мнѣ, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръгеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить.—Литта, толкуя о томъ же съ К. А. Нарышкинымъ, сказалъ съ жаромъ: Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambelans et les gentils-hommes de la chambre, на что Нар. возразилъ: pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur.

Однако жъ я не повѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы надняхъ выйдетъ

указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

Сухт.[слепъ?] брюхата, и, кажется, не вовремя. Любопытные справляются въ Инвалидѣ о времени пріѣзда ея мужа въ П. Б. Она уѣхала въ Москву.

Среда на Святой недѣли. — Праздникъ совершеннолѣтія совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. В[еликій] К[нязь] [Александръ Николаевичъ] былъ чрезвычайной тронуть. Присягу произнесъ онъ твердымъ и веселымъ голосомъ, но, начавъ молитву, принужденъ былъ остановиться—и залился слезами. Государь и Государыня плакали также. Наслѣдникъ, прочитавъ молитву, кинулся обнимать отца, который раздѣловалъ его въ лобъ и въ очи, и въ щеки,—и потомъ подвелъ сына къ Императрицѣ. Всѣ трое обнялись въ слезахъ. Присяга въ Георгіевской залѣ, подъ знаменами, была повтореніемъ первой и охолодила дѣйствіе. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища; многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ отиралъ сухіе глаза, сисясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народомъ. Миѣ надобно было свидѣться съ К. И. З[агряжской]. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворные ронщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Всегда много смѣшнаго подвернется въ случаи самые торжественные. Филаретъ сочинилъ службу на случай присяги. Онъ выбралъ для церемоніи главу изъ Книги Царствъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что Царь собралъ и тысячниковъ и сотскихъ и евнуховъ своихъ. К. А. Нарышкинъ сказалъ, что это искусное примѣненіе къ камеръ-герамъ; а въ городѣ стали говорить, что во время службы будутъ молитвы за евнуховъ. Принуждены были слово евнухъ замѣнить другимъ. Милостей множество. Кочубей сдѣланъ Государственнымъ канцлеромъ.

Мердеръ умеръ—человѣкъ добрый и честный—незамѣнимый. В[еликій] [Князь] еще того не знаетъ. Отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28-го. Также умеръ Аракчеевъ и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ Новгородскій пріѣхалъ въ П. Б. и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его бо-

лѣзни и для принятія приказаній насчетъ бумагъ, у графа находящихся—Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнесите къ Бенкендорфу. Въ Грузію посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками объ минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны. Слышишь вездѣ одно и то же. Одна См[ирнова] по прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить; а страшно за нее.

3 мая.—Прошедшаго апр[ѣля] 28 былъ наконецъ балъ, данный Дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія В[еликаго] Ки[язя]. Онъ очень удался, какъ говорятъ,—не было суматохи при раздѣдѣ, ни несчастія на тѣсной улицѣ отъ множества собравшагося народа.

Царь уѣхалъ въ Царское Село.

Мердеръ умеръ въ Италіи. — Великому Князю, очень къ нему привязанному, не объявили о томъ до самаго бала.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго Дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одной изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды:—было экипажей десять. Графиня Хреб[товичъ], однако, поплелась туда-же; мало ей разсвѣнія. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ зятѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей, бывшихъ на ней ушиблось. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хв[остовымъ] нѣкогда воспѣтая дыра

Провозглашаешь ты природы русской скупость

Самодержавіе Петра

И Милорадовича глупость!

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle.

Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole, etc.

Вяземскій отвѣчалъ:

Какъ, будетъ Графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга?—

Зовите жъ и Лаваль.

Лифляндское [курляндское] дворянство отозвалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ шишъ, и подѣломъ.

10 мая. — Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Ж[уковского] записку изъ Ц[арскаго] С[ела]. Онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходитъ по городу и что Г[осударь] объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною П. Н. [Натальѣ Николаевнѣ] и, нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ В[еликаго] К[нязя], писанный видно слогомъ неофициальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо Г[осударю], который сгоряча также его не понялъ. Къ счастью письмо показано было Ж[уковскому], который и объяснилъ его. Все успокоилось. Г[осударю] не угодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію. Но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шуткомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безнравственность въ приличьяхъ нашего правительства! Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приноситъ ихъ читать Царю <человѣку благовоспитанному и честному> и Царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудроно быть Самодержавнымъ.

Вчера былъ парадъ, который какъ-то не удался. Государь посадилъ Наслѣдника подъ арестъ на дворцовую гауптвахту за то, что онъ проскакалъ галопомъ вмѣсто рыси.

12. Аракчеевъ во время прошедшаго царствованія, выпросилъ маіоратство для Грузина, предоставляя себѣ избрать наслѣдника, а въ случаѣ внезапной смерти, поручая то Государю. Онъ умеръ, не написавъ духовной и не причастившись, потому что, по его мнѣнію, долженъ онъ былъ дожить до 30 Августа, дня открытія Александровской колонны. Государь назначилъ наслѣдникомъ А[ракчееву] кадетскій Новгородскій корпусъ, которому и повелѣно назваться Аракчеевскимъ.

*

21. Вчера обѣдалъ у См[ирновыхъ] съ Полетикой, съ Вельегорскимъ и съ Жуковскимъ]. Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика рассказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивый [неуступчивый?] былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ

нему и обнялъ его, говоря: Ахъ ты, мой красавецъ!—Чертковъ былъ очень дурень лицомъ. Онъ осердился и обратился къ Зубову, сказалъ ему: я, сударь, мою фигурую фортуны себѣ не ищу. Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: Вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по им. и отч.), а я его помню и могу Васъ увѣрить, что онъ очень былъ недурень».

Конецъ ея царствованія былъ отвратителенъ. Константинъ увѣрялъ, что онъ въ Таврическомъ дворцѣ засталъ однажды свою старую Бабку съ Графомъ Зубовымъ. Всѣ негодовали; но водарился Павелъ и негодованіе увеличилось. Лагарпъ показывалъ письма молодого Великаго Князя <Александра>, въ которыхъ сильно выражается это чувство. Я видѣлъ письма его-же Ланжерону, въ которыхъ онъ говоритъ столь откровенно. Одна фраза меня поразила: *Je vous écris peu et rarement, car je suis sur la hache.* Ланжеромъ былъ тогда недоволенъ и сказалъ мнѣ: *Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout—aussi lui étais-je dévoué, mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe.* Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что, давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку. Пол[етика] сказалъ: «*L'Empereur Nicolas est plus positif; il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire.*» Кто-то сказалъ о Гос[ударѣ]: *Il y a beaucoup du Praporchique en lui et un peu du Pierre-le-Grand.*

*

2 июня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія *сустипи*, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника; мы отзываемъ Ливена. Блай недоволенъ. Онъ говоритъ: «*mais Medème c'est un tout jeune homme—c'est-à-dire un blanc-bec.* Гос[ударь] не хотѣлъ принять Каннинга <Stratford>, потому что, будучи Вел[икимъ] Кн[яземъ], имѣлъ съ нимъ какую-то неприятность.

26 мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ, отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся Вел[икой] Кн[язинѣ] [Елена Павловна]. Настъ было человѣкъ 8; между прочимъ Красовскій <главный цензоръ>. В[еликая] Кн[язиня] спросила его: *Cela doit bien vous ennuyer*

d'être obligé de lire tout ce qui parait.—Oui, V[otre] A[ltesse] I[mpériale], — отвѣчалъ онъ,—la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice.—В[еликая] Кн[ягиня] скорбе отъ него отошла.—Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у К[атерины] А[ндреевны] [Карамзиной]. Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшія нѣкогда Гаццибалу, моему прадеду. У ней были: Вяз[емскій], Жук[овскій] и Пол[етика]. Я очень люблю Полетуку. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ Императорѣ.

*

3-го июля. Обѣдали мы у Вяз[емскаго]: Жук[овскій], Давыдовъ и Киселевъ [Павелъ Дмитріевичъ]. Много говорили объ его правленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова, великаго шарлатана.

Цари уѣхали въ Петергофъ.

Вечеръ у См.—Игралъ 1200 р.

Генералъ Болховской хотѣлъ писать свои записки <и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ>. Киселевъ сказалъ ему: Помилуй! Да о чемъ ты будешь писать? Что ты видѣлъ?—Что я видѣлъ? возразилъ Б[олховской]. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ, начиная съ того, что я видѣлъ..... Государыни <Екатерины II, въ день ея смерти>.

Гр. Фикельмонтъ очень боленъ. Семья его въ большомъ огорченіи. Elisa имъ и живеть.

19 числа послалъ 1000 Нащ[окину]. Слава Богу, слухи о смерти его сына ложны.

Тому недѣли двѣ, получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили голову. Казалось смерть такого ничтожнаго человѣка не должна была сдѣлать никакого переворота въ теченіи дѣлъ. Но такова бѣдность Россіи въ государственныхъ людяхъ, что и Кочубея некъмъ замѣнить! Вотъ сужденіе о немъ: c'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо

воспитанный—а это у насъ рѣдко. И за то спасибо. О Кочубейѣ сказано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ графъ Викторъ Кочубей.

Что въ жизни добраго онъ сдѣлалъ для людей? Не знаю—чертъ меня убей!

Согласенъ; но эпиграмму припишутъ мнѣ и правительство опять на меня надуется.

Здѣсь Прусскій кронъ-принцъ съ его женою. Ее возили по Петергофской дорогѣ и у ней глаза разболѣлись.

*

22 июля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я съ Дворомъ, но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ Образцовымъ полкомъ. Арндтъ объявилъ, что онъ въ опасности. Подъ Остерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежомъ красенъ.

Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ принадлежалъ кн. Трубецкому. Екатерина купила его и помѣстила въ немъ Сенатъ.

*

9 Авг[уста].—Трошинскій, въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь, ему на-зло, не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трошинскій остался въ П. Б. куда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды въ 2 часа ночи является къ его воротамъ фельдъ-егерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъ-егерь въ протавшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустил его въ окошко. Въ домѣ проснулись, пошли отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трошинскому объявить ему, что Государь его требуетъ и что фельдъ-егерь за нимъ пріѣхалъ. Трошинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъ-егерь привозитъ его прямо къ Зимнему Дворцу. Трошинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что везутъ его на половину Великаго Князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ его съ новымъ Императоромъ. Трошинскій нашелъ Государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся ему на шею и сказалъ: «будь моимъ руководите-

лемъ.» Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ Государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28 Ноября. — Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; я былъ въ отсутствіи—выѣхалъ изъ П. Б. за 5 дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать на церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, моими товарищами. Былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ—видѣлъ А. Раевского, котораго нашелъ поглубѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ челоука. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они. Намъ дана вольность и поставленъ столпъ намъ въ честь. Гр[афа] Румянцева вообще не хвалятъ за его памятникъ и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинной надписью, которую безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ. Въ Заводяхъ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Н[аталию Н[иколаевну] въ Москву, а самъ сѣзидилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился я къ 15 Октября въ П. Б., гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ Мих[аилъ] Павл[овичъ] ждалъ все возвращенія Царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. В[еликій] Кн[язь] привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасный. Воротились въ 3 часа.

*

5 Декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни-за что не побѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами—молокососами 18-ти-лѣтними. Царь разсердится,—да что мнѣ дѣлать?

Покажѣсть давайте злословить.

Въ бытность мою въ Москвѣ нынѣшняго года много было проказъ, Москва хоть ужъ и не та, что прежде, но все-таки имѣетъ еще похоти боярскія (des vellités d'Aristocratie). Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими мѣсто Екатерининскихъ бригадировъ; они роптали, глядя, какъ онъ ухаживалъ за молодою княгинею Д[олгоруковой] <за дочерью Сашки Булгакова!> говорили ворчуны съ

негодованиемъ. Царь, однажды, пошелъ за кулисы и на сценѣ разговаривалъ съ московскими актрисами. Это еще менѣе понравилось публикѣ. Въ бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицынъ взялъ на себя должность полицейскаго сыщика—одѣвался жидомъ и проч. — Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ! Въ Н[ижнемъ] Новгородѣ Царь былъ очень суровъ и встрѣтилъ Дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало—за что <ни я>.

Вчера былъ у Лекса. Я зналъ его въ 821 году въ Кишиневѣ. У него не было кровати; онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тулупомъ. Я первый открылъ Инзову, что былъ челоукъ умный и дѣловой.

Въ тотъ же день балъ у Салт[ыкова]. N. N. сказала: voilà M-me Iermoloff, la sale <Lassale>. Ермолова и Кур[вахъ] <дочь Моро> хуже всѣхъ одѣваются.

— Я все-таки не былъ 6-го во дворецѣ и рапортовался больнымъ. За мною Царь хотѣлъ послать фельд-егеря или Арта.

*

18 Дек[абря]. Третьяго дня былъ я наконецъ въ А[ничковомъ]. Опишу все въ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8⁰/овѣ А[ничковомъ]: мнѣ въ мундирномъ фракѣ, Н[аталиѣ] Н[иколаевнѣ] какъ обыкновенно. Въ 9 часовъ мы пріѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую Гр. Бобр[инскую], которая всегда за меня лжетъ и выводитъ меня изъ хлопотъ. Она замѣтила, что у меня треугольная шляпа съ плюмажемъ <не по формѣ: въ А[ничковѣ] ѣздить съ круглыми шляпами; но это еще новое>. Гостей было уже довольно, балъ начался контрадансами. Государыня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ головнымъ уборомъ, Государь въ кавалергардскомъ мундирѣ. Государыня очень похорошѣла. Гр. Бобр[инскій], замѣтя мою Δ шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтѣли. Вообще балъ мнѣ понравился. Государь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно по домашнему. Тутъ же были молодые сыновья Кеннинга и Велингтона. У Дука спросили, какъ находить онъ балъ: Je m'ennuis, отвѣчалъ онъ.—Pourquoi cela?—On est debout et j'aime à être assis. Я заговорилъ съ Л—нскимъ о Мицкевичѣ и потомъ о Польшѣ. Онъ прервалъ разговоръ, сказавъ: mon cher

ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'Amb[assadeur] d'Aut[riche], par exemple». Балъ окончился въ 11^{1/2}.

Утромъ того же дня встрѣтилъ я въ Дворцовомъ саду В[еликаго] К[нязя]. Что ты одинъ здѣсь философствуешь?—Гуляю.— Пойдемъ вмѣстѣ. — Разговорились о плѣшивыхъ: Вы не въ родню въ вашемъ семействѣ мужчины молодые оплѣшивляютъ. Государь Ал[ександръ] и К[онстанти]нъ П[авлович] оттого рано оплѣшивили, что при Отцѣ моемъ носили пудру и зачесывали волоса. На морозѣ сало ледѣло и волоса лѣзли. Нѣтъ ли новыхъ каламбуровъ?—Есть, да нехороши, не смѣю представить ихъ Вашему В[ысочеству].—У меня ихъ также нѣтъ; я замерзъ. Доведши В[еликаго] Кн[язя] до моста, я ему откланялся.

Вчера (17) вечеръ у S. —

Разговоръ съ Нордлингомъ о русскомъ дворянствѣ, о семействѣ Екатерины I-ой, etc. Гербы наши всѣ весьма новы. Оттого въ гербѣ князей Вяземскихъ, Ржевскихъ—пушка. Многіе изъ нашихъ старыхъ дворянъ не имѣютъ гербовъ.

22 Дек[абря]. Суббота. — Въ среду былъ я у Хит[рово], имѣлъ долгій разговоръ съ В[еликимъ] Кн[яземъ]. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали въ Сѣв[ерной] Пч[елѣ]. Дѣло идетъ о пребываніи Государя въ Москвѣ. Пч[ела] говоритъ: Государь И[мператоръ], обошедъ соборы, возвратился во дворецъ и съ соты Краснаго крыльца низко (низко!) поклонился народу». Этого недовольно. Журналистъ-дуракъ продолжаетъ: Какъ восхитительно было видѣть В[еликаго] Го—ря, преклоняющаго священную главу передъ гражданами московскими! Не забудь, что кто читають лавочки. В[еликій] [К[нязь] правъ, а журналистъ, конечно, глупъ. Потомъ разговорились о дворянствѣ. В[еликій] К[нязь] былъ противъ постановленія о почетномъ гражданствѣ: зачѣмъ преграждать заслугамъ высшую дѣль честолюбія? Зачѣмъ составлять tiers-état, сію вѣчную студию мятежей и оппозицій? Я замѣтилъ, что или дворянство ненужно въ Государствѣ или должно быть ограждено и недоступно ничѣ, какъ по собственной волѣ Государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній, какъ изъ чина въ чинъ, не по исключительной волѣ Го—ря, а по порядку службы, то вскорѣ дворян-

ство не будетъ существовать или <что все равно> все будетъ дворянствомъ. Что касается до tiers état, что же значить наше старинное дворянство, съ имѣніями, уничтоженными безконечными раздробленіями; съ просвѣщеніемъ, съ ненавистью противу аристократіи и со всѣми притязаніями на власть и богатство? Эдакой страшной стихіи мятежей итъ и въ Европѣ. Кто были на площади 14 Декабря? Одни дворяне; сколько жъ ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а кажется много. Говоря о старомъ дворянствѣ, я сказалъ: Nous qui sommes aussi bons gentils hommes, que l'Empereur et Vous», etc. В[еликій] Кн[язь] былъ очень любезенъ и откровененъ. Vous êtes bien de Votre famille, сказалъ я ему, tous les Romanoffs sont révolutionnaires et niveleurs». —Спасибо. Такъ ты меня жалуешь въ якобинцы? Благодарю. Voilà une réputation qui me manquait. —Разговоръ обратился къ воспитанію, любимому предмету Его Высочества. Я успѣлъ высказать ему многое. Дай Богъ, чтобъ слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензоръ Никитенко на обмахѣ подъ арестомъ и вотъ по какому случаю: Деларю напечаталъ въ Библ. Смирдина переводъ оды В. Юго, въ которой находится слѣдующая глубокая мысль: Если-де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ за поцѣлуй Милены или Хлои. Митрополитъ, <которому досугъ читать наши бредни> жаловался Государю, прося защитить православіе отъ нападеній Деларю и Смирдина, отсюда буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой другъ! когда бы былъ ты Богъ,

То глупости такой сказать бы ты не могъ.

Это все равно, замѣтилъ онъ мнѣ, что я бы написалъ: когда бы я былъ архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи плясать французскій кадрилъ. А все виноватъ Глинка <Федоръ>. Послѣ его ухарскаго псалма, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ Дениса Давыдова, цензоръ подумалъ, что онъ пустился во всѣ тяжкія...

Псаломъ Глинка уморительно смѣшонъ.

1835 г.

8 Января.—Начнемъ новый годъ злословіемъ на счастье...

Бриллианты и дорогіе каменья были еще недавно въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ бриллианты Н[атали] Н[иколаевны], заложенные въ Москов-

скомъ ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки, не согласившись продать ихъ за бездѣнокъ. Нынче узнаю, что опять возвысились: ихъ требуютъ въ Кабинетъ и вотъ по какому случаю.

Недавно Государь приказалъ К[нязю] В[олконскому] принести къ нему изъ Кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, какъ въ 9.000 рублей. К[нязь] В[олконскій] принесъ табакерку. Государю показала она бѣдна.—Дороже нѣтъ, отвѣчалъ В[олконскій].—Если такъ, то дѣлать нечего, отвѣчалъ Государь, я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ: возьми ее себѣ. Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать брилліанты. Теперь въ Кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60.000 руб.

В[еликая] Кн[ягиня] [Елена Павловна] взяла у меня Записки Екатерины II-ой и сходить отъ нихъ съ ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая дѣвушка.

Въ концѣ прошлаго года, свояченица моя ѣздила въ моей каретѣ поздравлять В[еликую] Кн[язю]. Ея лакей повздорилъ съ швейцаромъ. Комендантъ Мартыновъ посадилъ его на обаху и К[атерина] Н[иколаевна] принуждена была безъ шубы ждать 4 часа на подъѣздѣ. Комендантское мѣсто около полустолѣтія занято дураками, но такой скотины, какъ Мартыновъ, мы еще не видѣли.

6го. Балъ придворный <приватный маскарадъ>. Дворъ въ мундирахъ времени Павла I. Г[рафъ] Панинъ <товарищъ министра> одѣтъ дѣттей, Бобр[инскій]—Брызгаловымъ <кастеляномъ Мих. Замка. Полоумный старикъ, щеголяющій въ шутовскомъ своемъ мундирѣ въ сопровожденіи двухъ калѣкъ сыновей, одѣтыхъ скоморохами. Замѣч[аніе] для потомства>. Гос[ударь]—полковникомъ Измайловскаго полка, ест.—Въ городѣ шумъ; находятъ все это неприличнымъ.

Февраль.

Съ Генваря очень я занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза 3; уѣзжалъ съ нихъ рано. Придворными сплетнями мало занятъ; шитье потомству.

Надняхъ въ театрѣ Г[рафъ] Фикельмонтъ, говоря, что Bertrand et Raton не были играны на П.Б. театрѣ по представленію Блума, датскаго посланника <и нашего стариннаго шпиона>, присовокупилъ: Je ne sais pourquoi? Dans la comédie il n'est seule-

ment pas question du Danemark. Я прибавилъ: Pas plus qu'en Europe.

Филаретъ сдѣлалъ доносъ на Павскаго, будто онъ—лютеранинъ. Павскій отставленъ отъ В[еликаго] Князя. Митрополитъ и Синодъ подтвердили мнѣніе Филарета. Государь сказалъ, что въ дѣлахъ духовныхъ онъ не судія, но ласково простился съ Павскимъ. Жаль умнаго, ученаго и добраго священника. Павскаго не любятъ. Шишковъ, который набилъ Академію попами, никакъ не хотѣлъ принять Павскаго въ число членовъ за то, что онъ, зная еврейскій языкъ, доказалъ какую-то нечестность въ корняхъ Президента.

Митрополитъ, на мѣсто Павскаго, предлагалъ попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотѣлъ и выбралъ другаго, чловѣка, говорятъ очень порядочнаго. Этого пріѣзжалъ къ Митрополиту, а старый лукавецъ сказалъ: я васъ рекомендовалъ Государю. Qui est-ce que l'on trompe ici?

Въ публикѣ очень бранятъ моего Пугачева, а что хуже—не покупаютъ. Уваровъ—большой подлецъ Онъ кричитъ о моей книгѣ, какъ о возмутительномъ сочиненіи. Его клеветъ Дундуковъ <дуракъ и > преслѣдуетъ меня своимъ цензурнымъ комитетомъ. Онъ не соглашается, чтобъ я печаталъ свои сочиненія съ одного согласія Государя.—Царь любить, да царь не любить.—Кстати объ Уваровѣ: это большой негодий и шарлатанъ. Разирать его извѣстенъ. Низость до того доходить, что онъ у дѣтей Канкринъ былъ на посылкахъ. Объ немъ сказали, что онъ началъ тѣмъ, что былъ, потомъ нянкой и попалъ въ президенты Академіи Наукъ, какъ княгиня Дашкова въ президенты Р[усской] Академіи.—Онъ кралъ казенныя дрова и до сихъ поръ на немъ есть счеты <у него 11.000 душъ>. Казенныхъ слесарей употребляетъ въ собственную работу, etc. etc. Дашковъ <министръ>, который прежде былъ съ нимъ пріятель, встрѣтивъ Жук[овскаго] подъ-руку съ Уваровымъ, отвелъ его въ сторону, говоря: Какъ тебѣ не стыдно гулять публично съ такимъ чловѣкомъ!

Цензура не пропустила слѣдующіе стихи въ сказкѣ моей о Золотомъ Пѣтушкѣ:

Царствуй, лежа на боку,

и

Сказка—ложь, да въ ней намекъ,

Добримъ молодцамъ урокъ.

Времена Красовскаго воротились. Никитенко глупѣ Бирукова.

ПУШКИНЪ И ЖУРНАЛЬНЫЙ ТРИУМВИРАТЪ 30-ХЪ ГОДОВЪ.

Въ 1825 году Булгаринъ, пачавшій издавать «Сѣверную Пчелу», вступилъ въ тѣсный союзъ съ Гречемъ, издававшимъ съ 1816 года «Сынъ Отечества». Оба изданія пошли рука объ руку, поддерживая другъ друга, представляя вѣчто единое, цѣлостное. Въ 1834 году къ союзу примкнулъ Сенковский, стоявшій во главѣ редактируемой имъ «Библиотеки для чтенія». Эти три изданія имѣли индивидуальныя черты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были не однородны, но составляли сплоченную коалицію, дѣйствовавшую во многихъ отношеніяхъ сообща. Спаивающимъ элементомъ являлась матеріальная выгода. Была одинаковая тактика, но не глубокая внутренняя связь, хотя по своимъ душевнымъ качествамъ Булгаринъ, Гречъ и Сенковский были родственны, отличаясь лишь степенью таланта и образованности. Гречъ ненавидѣлъ Булгарина, еще при его жизни за глазами поносилъ своего товарища на журнальномъ поприщѣ, называя его сумасшедшимъ. Въ концѣ жизни Булгарина у Греча произошелъ настоящій разрывъ съ нимъ. Послѣ смерти Булгарина Гречъ въ своихъ «Запискахъ» не пожалѣлъ черныхъ красокъ для обрисовки душевныхъ качествъ своего соратника, назвавъ его «польскимъ псомъ». Постоянныя ссоры были и въ отношеніяхъ Булгарина и Греча съ Сенковскимъ¹⁾.

Но личная неприязнь и раздоры не мѣшали имъ крѣпко поддерживать союзъ, бороться общими силами со всякими попытками конкуренціи и ревностно стремиться сообща захватить поле русской журналистики.

Пушкинъ былъ не только великій художникъ, но и замѣчательный для своего времени журналистъ. И эта журнальная дѣятельность Пушкина тѣсно связана съ триумвиратомъ, многія статьи Пушкина такъ или иначе затрагиваютъ членовъ триумвирата, были вызваны ими. Они доставили много огорченій Пушкину. И поэтъ боролся съ триумвиратомъ отдалъ не мало своихъ силъ и энергіи. Сначала борьба ве-

лась съ двумя членами триумвирата — Булгаринимъ и Гречемъ, а съ 1836 г. она обратилась въ борьбу съ триумвиратомъ, какъ цѣлымъ.

I.

Отношенія съ Гречемъ у Пушкина завязались уже въ первые годы его литературной дѣятельности. Въ 1820 году въ «Сынъ Отечества» Греча (ч. 61, № 25 и № 26) появился отрывокъ изъ 3 пѣспи «Руслана и Людмилы». Въ томъ же году въ «Сынъ Отечества» были напечатаны прибавленія и эпилогъ къ поэмѣ (ч. 64), вошедшія во второе ея изданіе 1828 года. 24 сентября 1820 года Пушкинъ послалъ брату, Л. С. Пушкину, элегію «Погасло дневное свѣтило» съ просьбой отослать ее Гречу¹⁾. Она появилась въ ч. 65, № 46 «Сына Отечества». О «Русланѣ и Людмилѣ» въ 1820 г. въ «Сынъ Отечества» появилось нѣсколько критическихъ замѣтокъ²⁾. Авторы ихъ въ общемъ доброжелательно отнеслись къ «Руслану и Людмилѣ». Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 4 декабря 1820 г., изъ Каменки, Пушкинъ высказалъ свой взглядъ о критикѣ «Сына Отечества». Статьей Воейкова Пушкинъ остался не доволенъ, Зыкова онъ нашелъ «умибе», а К. Григорія Б—ва «умибе всѣхъ»³⁾. Въ предисловіи ко второму изданію «Руслана и Людмилы» (СПБ. 1828). Пушкинъ назвалъ отзывы критики «снисходительными», многія замѣчанія Языкова «основательными», а статью Б—ва «остроумной и забавной».

¹⁾ «Переписка Пушкина» подъ ред. В. И. Саитова, изд. Академіи Наукъ т. I, стр. 24. Въ дальнѣйшемъ письмѣ Пушкина и къ нему мы будемъ цитировать по этому изданію.

²⁾ 1) ...евъ. Къ издателю «Сына Отеч.»—ч. 63, № 31; 2) ч. 63, № 32; 3) В. (А. О. Воейковъ), ч. 64, №№ 34-37; 4) NN (Л. П. Зыковъ), «Письмо къ сочинителю критики на поэмѣ «Русланъ и Людмила», ч. 64, № 38 (о статьѣ Воейкова); 5) К. Григорій Б—въ, «Замѣчаніе на письмо къ сочинителю критики на поэмѣ «Русланъ и Людмила», ч. 65, № 41 (о статьѣ Зыкова); 6) П. К—въ «Замѣчанія на разборъ поэмы «Русланъ и Людмила», ч. 65, № 42; 7) М. К—въ «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе П. К—ва», ч. 65, № 43.

³⁾ Переп. т. I, 22 - 23. М. Халанскій (Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, 576) ошибается, отнеся отзывъ Пушкина не къ Б—ву, а къ М. К—ву.

¹⁾ Объ отношеніяхъ Булгарина, Греча и Сенковского см. Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 217, 273, 276, 277, 279, 291 и 292. СПб. 1905 и примѣчанія С. А. Венгерова къ ред. имъ. Сочин. Бѣлинскаго.

Въ 1821 году, 21 сентября, въ ч. 72, № 35 «Сына Отечества» появилось Пушкинское посланіе Чаадаеву — «Въ странѣ, гдѣ я забылъ...».

«Кавказскаго Пѣвника» Пушкинъ сначала предложилъ издать Гнѣдичу. Не получая долго отъ него отвѣта и имѣя въ виду то, что Гнѣдичъ очень невыгодно издалъ ему «Руслана и Людмилу», Пушкинъ 21 сентября 1821 г. пишетъ письмо изъ Кишинева Гречу, въ которомъ, называя его «любезнымъ Аристархомъ», предлагаетъ купить «Кавказскаго Пѣвника» «за дешевый гонораръ» (Переп. т. I, стр. 35). Въ письмѣ отъ 24 января 1822 г. къ А. С. Пушкину поэтъ объясняетъ, что къ Гречу онъ обратился исключительно изъ матеріальнаго расчета. «Ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться, и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума» (Переп., т. I, стр. 39). Въ концѣ концовъ, «Кавказскій Пѣвникъ» былъ изданъ Гнѣдичемъ.

Въ 1822 году на аренѣ русской журналистики появился Булгаринъ. Литературная дѣятельность его началась ранѣе съ 1816 г., но съ 1822 года онъ выступаетъ въ роли издателя журнала «Сѣверный Архивъ». Въ 1823 г. Булгаринъ началъ издавать «Литературные листки». Онъ вращался тогда въ лучшихъ литературныхъ кругахъ, былъ знакомъ со многими изъ будущихъ декабристовъ. Очевидно, черезъ общихъ знакомыхъ Пушкинъ вступилъ въ сношенія съ Булгаринымъ. Въ письмѣ къ Гнѣдичу изъ Кишинева отъ 13 мая 1822 г. Пушкинъ сообщилъ ему «Птичку». «Напечатать ли безъ имени въ «Сынѣ Отечества»? — писалъ поэтъ (Переп., т. I, стр. 44). «Птичка» появилась въ № 2 «Литературныхъ Листковъ» за 1823 годъ, но въ другой редакціи, чѣмъ та, которая сообщена въ письмѣ къ Гнѣдичу. Можно предположить, что Булгаринъ получилъ стихотвореніе не отъ Гнѣдича, а либо непосредственно отъ поэта, либо черезъ кого-нибудь другого. Такимъ образомъ, нельзя утвердительно сказать, вступилъ ли въ сношенія къ Булгаринымъ Пушкинъ непосредственно, или же черезъ знакомыхъ, и точно опредѣлить начало этихъ сношеній. Но уже въ 1824 году Пушкинъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Булгаринымъ.

Въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ

Бестужева были напечатаны «Нереида», «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» съ опечатками. Пушкинъ былъ очень этимъ недоволенъ и послалъ «Нереиду» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» Булгарину съ просьбой напечатать въ «Литературныхъ Листкахъ»¹⁾. «Съ искренней благодарностью получилъ я 1-й номеръ «Сѣвернаго Архива»,—пишетъ ему Пушкинъ въ письмѣ отъ 1 февраля 1824 года изъ Одессы, посылая стихотворенія,—полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительный вашъ отзывъ о татарской моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда небольшая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе» (Переписка, т. I, стр. 98).

Такимъ образомъ, въ это время Пушкинъ, повидимому, относился еще къ Булгарину, какъ и многіе другіе, хорошо. Заподозрить неискренность въ письмѣ нѣтъ оснований. Но черезъ короткое время случился эпизодъ, который ясно показалъ Пушкину, что такое Булгаринъ.

8 февраля 1824 года Пушкинъ посылаетъ изъ Одессы А. А. Бестужеву извѣстное письмо, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: «Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naive.

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя и печатаю потому, что деньги были нужны». Письмо было адресовано Гречу для передачи Бестужеву (Переп., т. I, стр. 99). Въ № 4 «Литературныхъ Листковъ» 1824 года Булгаринъ напечаталъ присланныя ему Пушкинымъ стихотворе-

¹⁾ Н. О. Лернеръ ошибся, указывая, что Пушкинъ послалъ Булгарину — «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» («Труды и дни Пушкина», 2-е издание, СПб. 1910, стр. 94).

кѣ 1). Очевидно, Булгаринъ имѣлъ свѣдѣнія, что Пушкинъ настроенъ противъ него враждебно. Зная враждебное отношеніе къ себѣ друзей поэта, особенно Вяземскаго и Дельвига, Булгаринъ боялся ихъ вліянія на Пушкина. Съ очевидною цѣлью поддержать хорошія отношенія съ Пушкинымъ Булгаринъ пишетъ ему 25 апрѣля 1825 г.: «Писалъ я къ вамъ на оберткѣ Талии, а, наконецъ, рѣшился написать на особой бумажкѣ и начинаю благодарностью за присылку стиховъ въ зубокъ Пчелѣ... На насъ ополчились въ Москвѣ, что мы ничего не сказали объ Онѣгинѣ. Богъ видитъ душу мою, знаетъ, какъ я цѣню вашъ талантъ; вы сами могли судить, сказалъ ли я что-либо гдѣ-либо предосудительное или двусмысленное о васъ; но еслибъ вы знали всѣ обстоятельства бѣдныхъ журналистовъ, то бы пожалѣли, что они иногда должны промолчать. Не вѣрьте, что вамъ будутъ писать враги мои, хотя близкіе къ вашему сердцу, вѣрьте образцамъ чести—Бестужеву и Рылѣву: они знаютъ, какъ я васъ цѣню...» (Переп. т. I, стр. 208). Пушкинъ отвѣчалъ Булгарину 25 мая, но письмо это не сохранилось 2).

Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго 25 января 1825 г. Пушкинъ прислалъ ему съ просьбой напечатать гдѣ-нибудь стихотвореніе «Пріятелямъ». Вяземскій напечаталъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1825, ч. I, № 3), перемѣнивъ заглавіе — «Къ журнальнымъ пріятелямъ». По просьбѣ Пушкина въ № 52 «Сѣв. Пчелы» 1825 г. появилась такая замѣтка: «А. С. Пушкинъ просилъ издателей «Сѣв. Пчелы» извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 «Московского Телеграфа» на стр. 215 подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ» должно читать просто «Къ пріятелямъ». Относительно этой замѣтки кн. П. А. Вяземскій 7 іюня писалъ поэту: «Охота тебѣ была печатать une réclamation на Телеграфа у подлеца Булгарина. Телеграфъ очень огорчился, а виноватъ былъ во всемъ я. Миѣ казалось осторожиѣ прибавить Журнальнымъ, потому что у тебя пріятелей много и могли бы попасть не въ попадѣ». На это Пушкинъ въ началѣ іюля отвѣчалъ: «Я послалъ

въ Пчелу, а не въ Тел. мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился ты не напрасно прибавилъ Журнальнымъ, а я не даромъ отозвался, et le diable n'y perd rien» (Переп. т. I, стр. 229 и 235).

Если въ началѣ своей литературной дѣятельности Булгаринъ считалъ для себя болѣе выгоднымъ вращаться въ вліятельныхъ тогда прогрессивныхъ кругахъ, то послѣ 14 декабря 1825 года Булгаринъ увидѣлъ, что надо перемѣнить фронтъ. Но слава Пушкина очень уже росла и Булгаринъ видѣлъ, что сотрудничество поэта въ «Сѣв. Пчелѣ» будетъ выгодно. Послѣ 1825 года очень многіе порвали всѣ связи съ Булгаринимъ. Пушкинъ отличался большой терпимостью. Булгаринъ этимъ пользуется и всѣми силами старается сохранить хорошія отношенія съ поэтомъ. Въ № 132 «Сѣв. Пчелы» на 1826 г. Булгаринъ помѣстилъ отзывъ о второй главѣ «Евгенія Онѣгина». «Мы восхищались въ первой главѣ,—пишетъ онъ,—подробностями петербургской разсѣянной жизни, а болѣе обращеніями поэта къ самому себѣ и нѣкоторыми эпизодическими картинами. Прелестные стихи нѣжили слухъ нашъ... О второй главѣ Булгаринъ пишетъ: «Отдѣльные портреты лицъ и по подробности деревенской жизни прелестны, и по истинѣ сказать достойны искусной кисти великаго художника». «Должно ли говорить,—заканчиваетъ Булгаринъ,—о стихосложеніи, о гармоніи, о счастливыхъ оборотахъ, объ остроуміи, о сатирическомъ, весьма пріятномъ духѣ сего отрывка?»

Въ 1827 г., когда Пушкинъ возвратился въ Петербургъ, состоялось личное его знакомство съ Булгаринимъ. Въ августѣ 1827 г. Бенкендорфъ получилъ три анонимныхъ доноса на Н. Полевого. М. К. Лемке считаетъ, что эти доносы—Булгарина. Къ этому миѣнію присоединяется и Н. О. Лернеръ 1). Въ одномъ изъ этихъ доносовъ 23 августа написано: «Извѣстный Соболевскій (молодой человекъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко

1) Письмо это не сохранилось. См. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб. 1910, стр. 115 и Переп., т. I, стр. 139 и 202.

2) См. письмо къ Вяземскому отъ 25 мая 1825 г. Переп. т. I, стр. 219 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб. 1910, стр. 118.

1) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, стр. 254—260. Н. О. Лернеръ. Письма Ф. В. Булгарина—«Русск. Старина», 1909, кн. XI, стр. 354.

увлечь». Такимъ образомъ, дѣлается доносъ и на Пушкина и довольно серьезный: Пушкинъ, живя въ Михайловскомъ, дѣйствительно, думалъ о побѣгѣ за границу. Какъ мы видѣли, Булгаринъ въ эпоху доноса не былъ еще озлобленъ противъ Пушкина и объяснить мотивы доноса трудно, если онъ дѣйствительно принадлежитъ Булгарину, какъ это предполагаютъ М. К. Лемке и Н. О. Лернеръ.

Въ 1827 г. «Сѣв. Пчела» (13 сентября № 110), говоря о работахъ О. А. Кипренскаго, замѣчаетъ о его портретѣ Пушкина, котораго называетъ «первымъ современнымъ поэтомъ русскимъ»: «Благодаримъ художника отъ имени всѣхъ дѣятелей дарованія Пушкина, т. е. отъ имени всей образованной публики, за то, что онъ сохранилъ драгоценныя для потомства черты любимца Музы».

Въ отношеніи Пушкина къ Булгарину въ разсматриваемое нами сейчасъ время наблюдается двойственность. Считая его подлецомъ, Пушкинъ, переѣхавъ въ Петербургъ, не только, однако, вступая въ личное знакомство,—этого ему избѣжать было трудно, онъ могъ встрѣтиться съ Булгаринымъ въ литературныхъ кругахъ,—но даже заводитъ болѣе близкое знакомство, входитъ въ его домъ. Такъ въ ноябрѣ 1827 г. Пушкинъ выражаетъ готовность явиться на приглашеніе Булгарина отобѣдать у него. (Переп. т. II, стр. 47). По этому поводу 22 ноября 1827 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: «Не стыдно ли тебѣ пакостнику обѣдать у Булгарина» (Переп., т. II, стр. 50).

Въ 1827 году въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверной Пчелѣ» появилось нѣсколько критическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ ¹⁾. Появленіе третьей главы «Евгенія Онѣгина» Булгаринъ встрѣтилъ похвалами поэту, другія замѣтки также наполнены комплиментами.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 г. были напечатаны Пушкинскіе «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія», гдѣ, между прочимъ, есть такое замѣчаніе: «Путешественникъ Ансело говоритъ о какой то грамматикѣ, утвердившей правила

нашего языка и еще не изданной, о какомъ то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находившемся въ рукописи... Забавная словесность». Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду Греча и Булгарина. Ансело, бывшій на коронаціи Николая I, издалъ книгу: «Six mois en Russie, lettres écrites a Mr. X.—В. Saintines en 1826» (Bruxelles. 1827), въ которой говорится о Гречѣ: «ученый филологъ, авторъ грамматики, которая пользуется уже авторитетомъ въ Россіи, хотя еще не вполне издана», а о Булгаринѣ: «одишь изъ замѣчательнѣйшихъ по уму людей; въ настоящее время занять сочиненіемъ, отрывки изъ котораго уже появились въ печати и имѣли большой успѣхъ... Появленіе этого труда всѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ—и, если позволительно судить о книгѣ по рассказамъ ея сочинителя, то заранее можно быть увѣреннымъ, что по оригинальности картинъ, по тонкой наблюдательности и по остроумію сужденій она не оставитъ желать ничего лучшаго». Булгаринъ и Гречъ всячески льстили Ансело и этому обстоятельству Пушкинъ приписывалъ его отзывъ о нихъ. Впослѣдствіи въ 1831 г. въ «Торжествѣ дружбы» Пушкинъ опять упомянулъ объ Ансело и лести ему со стороны Булгарина.

Считая Булгарина прямо подлецомъ, Пушкинъ вѣдше не показывалъ своего къ нему нерасположенія и есть основанія предполагать, что Булгаринъ не понималъ вполне, какъ смотритъ на него поэтъ. Такъ въ письмѣ къ В. А. Ушакову отъ 6 января 1828 года Булгаринъ пишетъ: «Я познакомился съ Пушкинымъ. Другой человекъ, какъ мнѣ его описывали и какъ-вымъ онъ былъ прежде въ самомъ дѣлѣ. Скромнѣ въ сужденіяхъ, любезнѣ въ обществѣ и дитя по душѣ. Гусары испортили его въ лицѣ, Москва подбаловала, а несчастія и тихая дѣшняя жизнь его образумили. Онъ кажется полюбилъ меня, хотя по правиламъ сектатора Вяземскаго меня не должно ему любить» ¹⁾.

Булгарину, какъ уже замѣчено, было выгодно участіе Пушкина въ «Сѣверной Пчелѣ». Это показываетъ тотъ фактъ, что Булгаринъ прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, лишь бы имѣть возможность напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» что либо Пушкинское. Въ 1828 году въ «Москов. Вѣстникѣ» (I—II)

¹⁾ 1) «Сѣвер. Пчела», № 65 (о «Цыганахъ»); 2) Тамъ же, № 101 (о «Братьяхъ разбойникахъ»); 3) Тамъ же, № 124 (о 3 гл. «Евгенія Онѣгина»); 4) «Сынъ Отечества», ч. 113, № 12 (о «Цыганахъ»); 5) тамъ же, ч. 114, № 16 (о «Братьяхъ разбойникахъ»); 6) тамъ же, ч. 115, № 19 (о 3 гл. «Евгенія Онѣгина»).

¹⁾ Н. О. Лернеръ, Письма Ф. В. Булгарина — «Русская Старина», 1909, кн. XI, стр. 350.

Погодина были напечатаны Пушкинымъ отрывки изъ IV, VII и VIII главъ «Евгенія Онѣгина». Булгаринъ самовольно перепечаталъ въ № 17 «Сѣвер. Пчелы» отрывокъ VII главы съ такимъ примѣчаніемъ: «Въ одномъ журналѣ сей отрывокъ напечатанъ былъ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго автора помѣщенъ оный съ поправками въ «Сѣверн. Пчелѣ». Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина никогда не можетъ быть излишнимъ». Опечатки были очень незначительны. Погодинъ возмущился, совершенно основательно находя, что Булгаринъ просто придрался къ случаю напечатать въ «Сѣв. Пчелѣ» стихотвореніе Пушкина. По этому поводу Погодинъ написалъ ядовитую замѣтку и послалъ въ рукописи Пушкину въ первой половинѣ февраля 1828 г. 19 февраля Пушкинъ отвѣтилъ: «Вы всеконечно правы и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ... Печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела этого стоитъ—а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило: не трогать, чего знаете. Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой Шевыревъ! О Витязь великосердный, подвизайся!.. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣштесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку «Сѣв. Пчелу» (Переп., т. II, стр. 53—54).

10 марта въ № 30 «Сѣв. Пчелы» появилось Пушкинское «Посланіе къ В., сочинителю сатиры на игроковъ» съ примѣчаніемъ Булгарина: «имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ех ungue leonem». Великопольскаго, къ которому это «Посланіе» относится, оно очень задѣло. Онъ написалъ довольно рѣзкій «Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ» и послалъ его Булгарину съ просьбой напечатать. Булгаринъ послалъ «Отвѣтъ» Пушкину, спрашивая его мнѣнія. Пушкинъ протестовалъ противъ напечатанія и Булгаринъ не напечаталъ ¹⁾, что служить доказательствомъ того, что онъ, не теряя надежды на сотрудничество Пушкина въ «Сѣв. Пчелѣ», не хотѣлъ вызывать неудовольствіе поэта.

Булгаринъ относился ко всѣмъ журналамъ враждебно, разъ только замѣчалъ

въ нихъ опасныхъ конкурентовъ. Такимъ явился «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ сталъ печататься Пушкинъ, участіе котораго въ «Сѣвер. Пчелѣ» такъ добивался Булгаринъ. Въ № 38 «Сѣвер. Пчелы» 1828 г. онъ помѣстилъ замѣтку, выдавъ ее за переводъ съ французскаго, въ которой разсказывается, какъ нѣсколько молодыхъ англійскихъ писателей, видя, что ихъ произведеній никто не хочетъ печатать, стали издавать «Эдинбургскій Вѣстникъ» (т. е. «Московскій Вѣстникъ»). Замѣтка всецѣло направлена противъ «Московского Вѣстника», при чемъ, хотя враждебнаго отношенія къ Пушкину въ ней нѣтъ, но Булгаринъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ, что «Московскій Вѣстникъ» отъ паденія не спасло участіе Пушкина, который выведенъ подъ именемъ Байрона ¹⁾. Мотивы замѣтки ясны: Булгаринъ боялся конкуренціи «Московского Вѣстника» и особенно оттого, что въ немъ принималъ участіе Пушкинъ.

Въ 1828 году появились 4 и 5 главы «Евгенія Онѣгина». «Сѣверная Пчела» (№ 15) и «Сынъ Отеч.» (ч. 118, № 7) встрѣтили ихъ похвалами. Ими наполнены и статьи о Пушкинѣ въ «Сѣвер. Пчелѣ» и «Сынѣ Отечест.» и въ 1829 г. О «Графѣ Нулинѣ» «Сынъ Отеч.» (№ 5) писалъ, что «бойкость разсказа и живость стиховъ единственны», послѣ выхода «Полтавы» «Сѣверн. Пчела» (№ 39) поздравляла «съ новою прелестною поэмкою, съ новымъ перломъ нашей словесности». Авторъ большой статьи въ «Сынѣ Отечества» (№№ 15 и 16), хотя и нашелъ недостатки въ поэмѣ (напр. отсутствіе исторической правды въ обрисовкѣ лицъ), но писалъ о Пушкинѣ: «Давно, давно, я уже называлъ его первымъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ и нынѣ, хотя «Полтава» не нравится мнѣ столько, какъ «Цыганы» и «Бахчисарайскій фонтанъ», я все остаюсь при томъ же мнѣніи». О мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина авторъ этой статьи говоритъ, что «большая часть носить въ себѣ отпечатокъ величайшаго дарованія». Объ изданныхъ въ 1829 году въ 2 частяхъ «Стихотвореніяхъ» Пушкина «Сѣверная Пчела» (№№ 77 и 79) писала: «Стихотворенія Пушкина краснорѣчиво говорятъ сами за себя и потому мы удерживаемся

¹⁾ См. въ настоящемъ изданіи примѣчанія Н. О. Лернера—т. IV, стр. LXIV и Пушкинъ. Къ біографіи Пушкина, т. II, 1885, 132—137.

¹⁾ В. В. Калашъ. «Пушкинъ, II. Полевой и Булгаринъ». — «Пушкинъ и его современники», вып. II, стр. 38—40.

отъ всякихъ сужденій и похвалъ, которыя прежде и часто были повторяемы нашему поэту).

5 марта 1829 г. Пушкинъ, безъ разрѣшенія Бенкендорфа, получилъ отъ Петербургскаго городского головы подорожную въ Тифлисъ, и 9 марта выѣхалъ изъ Петербурга. Бенкендорфа это очень обозлило и въ связи съ этимъ поэтъ имѣлъ непріятности. Первое сообщеніе о поѣздкѣ Пушкина Бенкендорфъ получилъ 21 марта. Печатавъ это сообщеніе, Сухомлиновъ не указываетъ чье оно ¹⁾. Ефремовъ указываетъ Мордвинова ²⁾. Лемке, не соглашаясь съ Ефремовымъ, предполагаетъ, что авторъ извѣщенія помощникъ Бенкендорфа Фокъ ³⁾. Лернеръ указываетъ Мордвинова съ знакомъ вопроса ⁴⁾. Морозовъ категорически указываетъ Булгарина ⁵⁾. Хотя возможно, что упомянутое сообщеніе принадлежитъ Булгарину, но категорически сказать, что именно онъ его написалъ, нельзя.

Отрицательное отношеніе Пушкина къ Булгарину все возрастало. 23 декабря 1829 г. Пушкинъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Булгаринимъ въ члены Общества любителей россійской словесности ⁶⁾. Въ № 1 «Москов. Вѣдом.» 1830 г. было объ этомъ сообщеніе, при чемъ Пушкинъ и Булгаринъ были названы «корифеями словесности». Пушкинъ былъ очень оскорбленъ, его чувства раздѣляли и его друзья. Кн. П. А. Вяземскій 2 января 1830 г. писалъ Пушкину: «Сдѣлай милость, откажись отъ постыднаго членства» (Переп., т. II, стр. 103). Пушкинъ хотѣлъ поступить такъ, какъ совѣтовалъ Вяземскій, но потомъ раздумалъ (Переп., т. II, стр. 124 и 128). Всю свою жизнь поэтъ считалъ себя оскорбленнымъ Обществомъ и, спустя 4 года, въ началѣ апрѣля 1834 года писалъ Погодину: «Общество любителей поступило со мной такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринимъ, въ то самое время какъ онъ единогласно былъ забаллотированъ въ

Англійскомъ клубѣ (NB: въ Петербургскомъ), какъ шніонъ, переметчикъ и клеветникъ». Свое избраніе Обществомъ въ этомъ письмѣ Пушкинъ называетъ «пошечиною» (Переп. III, стр. 93).

II.

Покровительство Бенкендорфа вполне обезпечивало за «Сѣверной Пчелой» газетную монополію. И такъ какъ программа «Сѣверной Пчелы» была шире программы немногихъ другихъ газетъ, то она имѣла и распространеніе болѣе всѣхъ газетъ. Низкая, продажная «Пчелка» возмущала лучшихъ представителей общества и неоднократно дѣлались попытки основать изданія съ цѣлью противодѣйствовать развращающему вліянію на общество Булгаринскаго изданія, но онѣ терпѣли пораженія. Мысль объ этомъ сильно занимала Пушкина и его друзей, особенно Дельвига и Вяземскаго.

Ее Пушкинъ высказываетъ въ первой половинѣ іюня 1824 г. въ письмѣ къ П. А. Вяземскому, 10 августа 1825 года въ письмѣ къ нему же, 30 ноября 1825 г. въ письмѣ къ А. А. Бестужеву, въ первой половинѣ февраля 1826 г. въ письмѣ къ П. А. Катенину, 27 мая 1826 г. въ письмѣ къ П. А. Вяземскому, въ письмѣ къ нему же 9 ноября 1826 г. (Переп. т. I, стр. 116, 259, 307, 326—327, 351, 383). Постоянно думая объ изданіи журнала, Пушкинъ сочувственно отнесся къ мысли Веневитиновскаго кружка издавать съ 1827 г. «Московскій Вѣстникъ», старался привлечь сотрудниковъ. 1 іюля 1828 года Пушкинъ пишетъ Погодину: «Надобно, чтобы нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ... Должно терпѣлиемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и, особенно, настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности... Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина и Федорова»... (Переп. т. II, стр. 66—67). Въ 1828 году Пушкинъ хотѣлъ издавать вмѣстѣ съ Дельвигомъ журналъ и составилъ по этому поводу записку ¹⁾.

Въ 1830 году другъ поэта, Дельвигъ, получилъ разрѣшеніе на изданіе «Литературной Газеты». Мечта Пушкина создать свой органъ осуществилась и онъ энергично выступилъ на поприще журналиста. Мы указали, какимъ нападкамы подвергся «Московскій Вѣстникъ» со сто-

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статьи, т. II, стр. 214—215. СПб. 1889.

²⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VII, СПб. 1904. стр. 317.

³⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, стр. 493.

⁴⁾ П. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 185.

⁵⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. Просвѣщенія, т. VI, 669.

⁶⁾ См. Пушкинъ. Къ біографіи Пушкина. М. 1885, II, 405—406.

¹⁾ Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд., СПб. 1910, стр. 182.

роны Булгарина, боявшагося всякой конкуренціи. Лишнее говорить, какъ подвѣствовало на Булгарина извѣстіе, что съ 1830 года будетъ выходить «Литературная Газета», руководимая его непримиримыми врагами Дельвигомъ и Вяземскимъ. Ко всему этому присоединилось участіе Пушкина. Булгаринъ не безъ основанія увидѣлъ серьезную опасность своимъ доходамъ. Одной изъ главныхъ цѣлей «Литературной Газеты» была вскрыть ничтожество Булгарина, парализовать вредное и развращающее его вліяніе, положить конецъ безстыдной фальсификаціи общественнаго мнѣнія. И Булгаринъ посѣдѣлъ съ ожесточеніемъ напасть на «Литературную Газету». Ранѣе Булгаринъ стремился привлечь Пушкина къ сотрудничеству въ «Сѣверн. Пчелѣ» поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія и въ своихъ критическихъ замѣткахъ льстилъ ему. Но увидя, что планы его рушились, что Пушкинъ всталъ во главѣ «Литературной Газеты», Булгаринъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ и съ пѣною у рта набросился на поэта. Сотоварищъ Булгарина Гречъ говоритъ: «Узнавъ, что Пушкинъ намѣренъ помогать Дельвигу своимъ содѣйствіемъ, онъ (Булгаринъ) еще болѣе испугался и, не дожидаясь перваго выстрѣла съ непріятельской батареи, самъ началъ атаку»¹⁾.

Началась знаменитая полемика. Она не была исключительно полемикой «Литературной Газеты» Дельвига, Вяземскаго и Пушкина съ «Сѣверной Пчелой», «Сыномъ Отечества», Булгаринымъ и Гречемъ. Въ ней приняли участіе и другіе журналы. Такъ союзникомъ Булгарина былъ Полевой. Нападалъ на «Литературную Газету» и Надеждинъ, бывшій въ враждебныхъ отношеніяхъ съ Полевымъ и Булгаринымъ. «Литературная Газета» была непріятна и другимъ современнымъ журналамъ, и они такъ или иначе задѣвали ее. Особенно нападалъ на «Литературную Газету» и Пушкина «Сѣверный Меркурій», изд. Бестужевымъ-Рюминымъ. Такимъ образомъ, полемика сложно переплеталась. Обрисовать эту полемику въ ея цѣломъ выходитъ за границы нашей статьи. Мы коснемся этой полемики лишь постольку, поскольку она связана съ нашей задачей—выяснить отношенія Пушкина къ Булгарину и Гречу.

Однимъ изъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» былъ О. М. Сомовъ. Передъ появле-

ніемъ «Литературной Газеты» Булгаринъ поссорился съ нимъ. Тогда Сомовъ прикнулъ къ «Литературной Газетѣ». Гречъ рассказываетъ, что, встрѣтивъ послѣ этого Сомова, Булгаринъ спросилъ: «Правда ли, Сомычъ, что вы пристали къ Дельвигу?»— «Правда».— «И вы меня будете ругать?»— «Держись!»... Эти слова, какъ искры взорвали подкопъ въ сердцѣ и въ головѣ Оадея. Воротившись домой, онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ статью на объявленіе о «Литературной Газетѣ», сталъ бранить и унижать ее еще до выхода перваго № 1). Но при выходѣ № 1 «Литературной Газеты» Булгаринъ сдержался и даже привѣтствовалъ появленіе ея. «Ограничиваемся на первый случай,— писалъ Булгаринъ въ № 3,—изъявленіемъ искренняго пожеланія бар. Дельвигу всѣхъ возможныхъ успѣховъ на поприщѣ журналиста: благоволенія публики, мира съ братьями и занимательности листковъ». Въ слѣдующемъ № «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ помѣстилъ рецензію о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г.» О напечатанномъ тамъ Пушкинскомъ «Отрывкѣ изъ литературной лѣтописи», направленномъ противъ Каченовскаго, Булгаринъ говоритъ: «Остроумно и забавно».

Булгаринъ всегда ненавидѣлъ Вяземскаго, который очень отрицательно относился къ нему. Съ него то Булгаринъ и началъ походъ на «Литературную Газету, задѣвъ его въ №№ 11—13 «Сѣверной Пчелы». 10 января въ № 3 «Литературной Газеты» была напечатана замѣтка Пушкина «О литературной критикѣ», которая заканчивалась словами: «Литературная Газета» была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ». Это замѣчаніе было сейчасъ же подхвачено «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества», которые потомъ неоднократно кололи этимъ «Литературную Газету»²⁾.

«Литературная Газета» ставила себѣ одной изъ задачъ противоудѣствовать лишнимъ всякаго критическаго чутія оцѣн-

¹⁾ Гречъ. Записки, стр. 455.

²⁾ См., напр., «Сынъ Отечества» 1830, № 16, 19 апрѣля. Это замѣчаніе было предметомъ насмѣшекъ и «Сѣвернаго Меркурія» — см., напр., «Сплетницу» — «Сѣверн. Меркурій», 1830, № 49, 23 апрѣля и № 50, 25 апрѣля.

¹⁾ Гречъ. Записки, стр. 455. СПб. 1886.

камъ Булгарина. Въ началѣ года онъ открылъ походъ на «Юрія Милославскаго» Загоскина. Въ это время Булгаринъ писалъ историческій романъ «Дмитрій Самозванецъ» и, несомнѣнно, въ этихъ нападкахъ играло роль личное чувство. Гречъ говоритъ о Булгаринѣ, что «досада внушена ему была не авторскимъ самолюбіемъ, боявшимся превосходства соперника въ литературѣ, а болѣзью за коммерческой успѣхъ своего новаго произведешя»¹⁾. Рѣзкій отзывъ Очкина въ №№ 7—9 «Сѣверной Пчелы» о Загоскинѣ обратилъ вниманіе Николая I, который былъ въ восторгѣ отъ «Юрія Милославскаго», и Бенкендорфу было приказано сдѣлать выговоръ Булгарину²⁾. Пушкину очень нравился «Юрій Милославскій»³⁾. 11 января 1830 года въ письмѣ къ М. Н. Загоскину поэтъ очень хвалитъ романъ, называетъ «однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи», сообщаетъ, что въ «Лит. Газетѣ» будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать». (Переп. т. II, стр. 107—108). Послѣ нападокъ «Сѣвер. Пчелы» Пушкинъ выступилъ съ защитой Загоскина и 21 января въ № 5 «Литературной Газеты» напечаталъ хвалебную статью—«О романѣ Загоскина «Юрій Милославскій». Булгаринъ немедленно, несмотря на внушенія Бенкендорфа, помѣщаетъ ругательную статью о Загоскинѣ, не называя его. Это не прошло даромъ Булгарину и Гречу, они даже были арестованы, хотя скоро и выпущены⁴⁾.

Выступивъ противъ Булгарина въ защиту Загоскина, Пушкинъ затѣмъ выступаетъ за Вяземскаго, подвергшагося, какъ мы указали, нападкамъ «Сѣверной Пчелы». 15 февраля въ № 10 «Литературной Газеты» появляется замѣтка Пушкина—«О статьяхъ кн. Вяземскаго», въ которой

поэтъ указываетъ, что Вяземскій никогда не былъ зачинщикомъ журнальной брани, причемъ отмѣчается его благородство. «Личность его противниковъ,—пишетъ Пушкинъ,—никогда имъ не была оскорблена: они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодование члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ». Ясно, что въ этой статьѣ имѣется въ виду Булгаринъ.

Такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ статей противъ Булгарина въ «Литературной Газетѣ» были написаны Пушкинымъ.

«Борисъ Годуновъ» вышелъ въ свѣтъ въ концѣ декабря 1830 г., но многимъ сдѣлался извѣстнымъ ранѣе, такъ какъ Пушкинъ читалъ трагедію своимъ знакомымъ. Въ этомъ же году появился не много раньше «Дмитрій Самозванецъ» Булгарина. Пушкинъ нашелъ, что Булгаринъ, который могъ имѣть списокъ трагедіи, заимствовалъ у него. Въ замѣткахъ поэта о «Борисѣ Годуновѣ» въ его бумагахъ находится такое замѣчаніе: «Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ неудачу исторической романъ г. Булгарина, нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять дарю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это драматической вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent»¹⁾. Въ бумагахъ Пушкина сохранились замѣтки 1830—1831 г., которыя, очевидно, предполагались для печати и, вѣроятно, въ «Литературную Газету». Среди этихъ замѣтокъ есть «Китайскій анекдотъ»: «Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотѣевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ

¹⁾ Гречъ. Записки, стр. 458.

²⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г., Спб. 1908, стр. 268—273.

³⁾ См., напр., свидѣтельство С. Т. Аксакова. С. Аксаковъ. Біографія М. Н. Загоскина. М. 1853, стр. 22; Сочиненія Аксакова, подъ ред. А. Г. Горнфельда, СПб. 1910, т. IV, стр. 106 и Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890, 196—197.

⁴⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г., стр. 273—274; Гречъ. Записки, 458—463; Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ объ арестѣ, что ему «очень многіе радуются» («Записки и дневникъ», т. I, Спб. 1905, стр. 200); «Русская Старица», 1871, кн. XI, стр. 502—505; М. Н. Загоскинъ. Біографическій очеркъ Спб. 1889, стр. 65—80.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. III, стр. 225.

ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже вѣврялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушала трагедію изъ прихожей, что, говорятъ, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку пзъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ»... Пушкинъ, очевидно, говорилъ знакомымъ, что Булгаринъ заимствовалъ у него и что онъ хочетъ писать замѣтку по этому поводу. Это дошло до Булгарина. 18 февраля онъ пишетъ письмо Пушкину, въ которомъ убѣждаетъ его, что не заимствовалъ ничего изъ «Бориса Годунова». (Переп. т. II, стр. 118—119) 1).

Въ это время, въ февралѣ, появилась эпиграмма Пушкина на Булгарина:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мидкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ 2).

Булгаринъ всегда беззастѣнчиво рекламировалъ свои книги. И на этотъ разъ въ № 22 «Сѣверной Пчелы», 20 февраля появилась реклама «Дмитрію Самозванцу». Не дождавшись еще отвѣта Пушкина на письмо отъ 18 февраля, Булгаринъ сдѣлалъ выпадъ противъ Пушкина. «Благосклонность, которою пользуется авторъ Дм. Самозванца у русской и иностранной публики,—пишетъ «Сѣверная Пчела»,—должна вознаградить его за литературныя тернія. Духъ литературныхъ партій, существовавшихъ и существующихъ вездѣ, и положеніе

1) Рассмотрѣніе вопроса о томъ, насколько «Дмитрій Самозванецъ» заимствованъ у Пушкина, отклонило бы насъ слишкомъ въ сторону. Скажемъ лишь, что, если можно признать заимствование Булгарина у Пушкина, то оно не идетъ такъ далеко, какъ это находилъ поэтъ.

2) Видокъ былъ начальникомъ парижской тайной полиціи. Въ 1829—1830 г. появились его мемуары, рисующіе автора, какъ личность очень низкую и подлую. М. К. Лемке («Никол. жандармы», стр. 266) указываетъ, что прозвище «Фигляринъ» дано Булгарину Вяземскимъ въ эпиграммѣ «Фигляринъ хочетъ слѣть хорошимъ журналистомъ» («Москов. Телеграфъ», 1827, т. XV). М. К. Лемке ошибается: еще ранѣе появленія этой эпиграммы Вяземскаго прозвище Фигляринъ мы встрѣчаемъ въ эпиграммѣ В. Елагина—«На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи» («Дамскій Журналъ», 1825, № 26, стр. 138).

г. Булгарина, какъ журналиста и читаемаго автора, лишаютъ его удовольствія выслушать въ Россіи печатный справедливый приговоръ своимъ трудамъ. Кромѣ того, авторъ «Дмитрія Самозванца» не употребляетъ никакихъ извѣстныхъ мѣръ для приутовленія мнѣнія общества и большого свѣта въ свою пользу: не читаетъ предварительно своихъ сочиненій въ рукописи въ собраніяхъ, не задабриваетъ сужденія тѣхъ, которые имѣютъ у насъ въ обществѣ значеніе, но трудится въ тишинѣ кабинета, печатаетъ и отдаетъ свои сочиненія на судъ безпристрастной публики». 7 марта въ № 14 «Литературной Газеты» появился анонимный критическій отзывъ о «Дмитріи Самозванцѣ», принадлежащій Дельвигу. Отзывъ отрицательный, но сдержанный. Между прочимъ, въ разборѣ попадаетъ такая фраза: «Мы извинимъ по поводу выказывающагося пристрастное предположеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ ли, гордящимся вѣротерпимостью, открыть гоненіе противу не нашихъ чувствъ и мыслей? Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставшаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы еще бы съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ»... Булгаринъ отличался удивительнымъ самолюбіемъ и всегда мстилъ за отрицательные о себѣ отзывы. Не получая отвѣта отъ Пушкина на свое письмо, сдѣлавъ противъ него выпадъ, Булгаринъ ожидалъ мщенія Пушкина и рѣшилъ, что статья написана имъ 1). 11 марта въ № 30 «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ напечаталъ замѣтку—«Анекдотъ», выдавъ ее за переводъ изъ англійскаго журнала: «Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мольте-Брунъ, Деппингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила; и появился какой-то стихотворецъ, который долго морочилъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику и разобралъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана во мнѣ-

1) См. письмо П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу 21 и 25 апрѣля 1830 г.—«Остафьевскій архивъ», III, стр. 192 и 193.

ни французъ злой человекъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французъ съ умысломъ для возвышенія своихъ земляковъ-иѣмцевъ». Затѣмъ приводится письмо, будто бы написанное Гофманомъ къ французскому писателю, въ которомъ о «стихотворцѣ», природномъ французѣ, говорится, что онъ служить «болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ», что онъ «въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины», что у него «сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими рифмами, гдѣ не зародилась ни одна идея», что онъ «подобно изступленнымъ въ баснѣ Пильная, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ рифмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ», что онъ «смараетъ бѣлые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленыхъ листахъ» и что у него «одно господствующее чувство—суетность». Для всѣхъ было ясно, что подъ именемъ «стихотворца» имѣется въ виду Пушкинъ, а Гофмана—Булгаринъ¹⁾.

Такой подлой выходки Пушкинъ не ожидалъ даже и отъ Булгарина²⁾. Послѣ этого произошелъ открытый разрывъ между Пушкинымъ и Булгаринымъ. Поэтъ былъ ошеломленъ наглой и дерзкой выходкой Булгарина³⁾. Во второй половинѣ марта Пуш-

¹⁾ «Сѣверная Пчела» не разъ сопоставляла Булгарина съ Гофманомъ, а также «Сынъ Отечества» (см. 1825, XI, стр. 294, 296, 303—305), имѣя въ виду отмѣтить, что какъ Гофманъ (очевидно—François Hoffmann, 1760—1828), по происхожденію иѣмецъ, являлся виднымъ французскимъ писателемъ, такъ и польское происхожденіе Булгарина не играетъ никакой роли въ его дѣятельности въ области русской литературы. (М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 270).

²⁾ Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу 25-го апрѣля 1830 года называлъ эту замѣтку «пазостной» (Остафьевскій Архивъ, III, 193).

³⁾ Л. Павлищевъ, рассказывая о побѣдѣ Пушкина въ Москву и объ его предложеніи Гончаровой, сообщаетъ, что передъ отъѣздомъ поэтъ просилъ отца Л. Павлищева, Н. И. Павлищева, женатаго на сестрѣ Пушкина, заявить Булгарину, что «по слѣднихъ статей и нападокъ «Сѣверной Пчелы» Александръ Сергѣевичъ ему не спуститъ, а жальше Булгарина насолить дядѣ въ кабинетѣ своего Мецената онъ не сегодня—завтра предупредить того же Бенкендорфа» (207). Въ примѣчаніи Павлищевъ указываетъ, что «по всей вѣ-

рости пишетъ Вяземскому: «Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и думаю должно—но распутица, Лѣвы и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ гр. Панина» (Переп. т. II, стр. 126).

Итакъ, отъ похвалъ и лести Булгаринъ переходитъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на Пушкина. Прежде каждая глава «Евгенія Онѣгина», какъ видѣли мы, была встречена похвалами «Сѣверной Пчелы», и вдругъ послѣ седьмой главы Булгаринъ провозгласилъ «совершенное паденіе» Пушкина. «Мы сперва подумали, — пишетъ Булгаринъ 22 марта въ № 35 «Сѣв. Пчелы»,—что это мистификація, просто шутка или пародія и не прежде увѣрили, что эта глава VII есть произведеніе сочинителя Руслана и Людмилы, пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Эта глава VII—два маленькіе, печатные листика испещрена такими стихами и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними даже Евгенийъ Вельскій кажется чѣмъ то похожимъ на дѣло. Ни одной мысли въ этой водянистой VII главѣ, ни чувствованій, ни одной картины достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, chute complète». Эта наглая статья, наполненная самыхъ пошлыхъ глумленій надъ Пушкинымъ, произвела неожиданное для Булгарина впечатлѣніе на Николая I: онъ ею возмутился и въ тотъ же день, 22 марта, написалъ Бенкендорфу: «Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ «Пчелы» находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ, навѣрное, будетъ продолженіе: по этому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и, если возможно, запретить его журналъ». Бенкендорфъ, конечно, выступилъ въ защиту Булгарина. Хотя онъ и писалъ Николаю I, что «приказанія Вашего Величества исполнены; Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина», но всѣми силами старается защитить Бу-

роятности дядя въ разговорѣ съ отцомъ разумѣлъ «Анекдотъ» и критику седьмой главы «Евгенія Онѣгина». Это сообщеніе, подобно многому въ книгѣ Павлищева, недостоверно: Пушкинъ выѣхалъ въ Москву 4 марта (Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд. Спб. 1910, стр. 200) значитъ, разговоръ былъ ранѣе этого дня, а замѣтъмъ «Анекдотъ» появился позже—11 марта, а критика «Евгенія Онѣгина»—22 марта.

гарипа. О его критикѣ Бенкендорфъ пишетъ: «Я прочелъ ее, Государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашелъ; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже два года въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собою. Прилагаю при семъ статью противъ «Дмитрія Самозванца», чтобы Ваше Величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочиненіе, то вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападавшіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненіе—это совѣсть писателей». Николай I отвѣчалъ: «Я внимательно прочелъ критику на «Самозванца» и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то про себя или въ себѣ размышлялъ точно также.. Въ критикѣ на Онѣгина только факты и очень мало смысла»¹⁾. Защита Бенкендорфа, однако, была успѣшна: Булгарину не было запрещено помѣщать въ «Сѣверной Пчелѣ» критическихъ статей.

Бдительный надзоръ Бенкендорфа былъ, конечно, очень тягостенъ для Пушкина. Очевидно, опасаясь, что Булгаринъ, близко стоявшій къ Бенкендорфу, будетъ мстить и наговаривать, Пушкинъ во французскомъ письмѣ къ Бенкендорфу изъ Москвы отъ 24 марта пишетъ: «Г. Булгаринъ, который говоритъ, что имѣетъ у васъ влияние, сталъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ моихъ враговъ, вслѣдствіе одной критики, которую онъ приписываетъ мнѣ. Послѣ гнусной его статьи противъ меня я считаю его способнымъ на все. Я не могу не предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, потому что онъ можетъ мнѣ причинить безграничный вредъ» (Переп. т. II, стр. 127). Тутъ, собственно, Пушкинъ вовсе не прибѣгаетъ къ защитѣ Бенкендорфа и не думаетъ просить его, чтобы онъ заставилъ Булгарина замолчать. Это важно отмѣнить, такъ какъ въ Пушкинской литературѣ встрѣчается указаніе, что Пушкинъ въ этомъ письмѣ просилъ защиты Бенкендорфа. Такъ, Н. О. Лернеръ въ своей работѣ подъ 24 мартомъ отмѣчаетъ: «Письмо Пушкина изъ Москвы на французскомъ языкѣ къ А. Х. Бенкен-

дорфу съ просьбой оградить его отъ подлыхъ выходовъ Булгарина»¹⁾. Самъ Пушкинъ въ статьѣ «Отрывокъ изъ литературной лѣтописи» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г.» рѣзко осудилъ Каченовскаго за то, что тотъ, задѣтый статьями о немъ Полевого, подалъ въ цензурный комитетъ прошеніе, въ которомъ просилъ оградить его, какъ ординарнаго профессора, статскаго совѣтника и кавалера, отъ нападковъ Полевого. И выходитъ, что спустя короткое время поэтъ самъ якобы прибѣгъ къ аналогическому средству. Но на самомъ дѣлѣ, тутъ только самозащита, а не желаніе насильственно заградить уста противнику.

1 апрѣля Булгаринъ напечаталъ въ № 39 «Сѣверной Пчелы» окончаніе статьи объ «Евгеніи Онѣгинѣ», столь же злостное, какъ и начало. «Какъ оно прошло незамѣченнымъ Николаемъ сказать трудно: онъ ежедневно читалъ эту газету?»—удивляется М. К. Лемке²⁾. Но, вѣроятно, къ этому времени Бенкендорфъ уже достаточно настроилъ Николая въ пользу Булгарина. Въ своей статьѣ Булгаринъ дошелъ даже до того, что обвинилъ Пушкина въ заимствованіяхъ изъ «Горя отъ ума» и «Ивана Выжигина». «Начинается описаніе Московской жизни общества,—пишетъ «Сѣверная Пчела».—Здѣсь поэтъ взялъ обильную дань изъ «Горя отъ ума» и, просимъ не прогибаться, изъ другой извѣстной книги...» Статья Булгарина возмутила даже такого недруга Пушкина, сильно нападавшаго на его поэзію, какъ Надеждина, который въ № 7 «Московского Телеграфа» за 1830 г. высказалъ осужденіе статьѣ Булгарина.

Въ сохранившихся въ бумагахъ поэта замѣткахъ, относящихся къ 1830 г. и очевидно предназначавшихся къ печати, Пушкинъ писалъ объ этой статьѣ Булгарина: «Критику VII пѣсни въ «Сѣв. Пчелѣ» пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда мнѣ было не до «Онѣгина»... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукѣ. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше

¹⁾ Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 207.

²⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 500.

¹⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, стр. 498—500.

выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо право, мнѣ было не до нихъ. Эту критику «Сѣверной Пчелы» напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ «Ивана Выжигина» (весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ «Сѣверн. Пчелѣ» года два прежде появленія Выжигина), ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія «Б. Годуновъ» взята изъ его романа»¹⁾.

3 апрѣля Бенкендорфъ отвѣчалъ на письмо поэта, въ которомъ пишетъ: «Вы не правы, думая, что кто бы то ни было можетъ на меня вліять во вредъ вамъ, потому что я знаю васъ слишкомъ хорошо. Что же касается г. Булгарина, то онъ никогда не говорилъ мнѣ о васъ уже по той простой причинѣ, что я его вижу лишь два-три раза въ годъ и въ послѣднее время видѣлъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ». Бенкендорфъ глалъ самымъ безстыднымъ образомъ²⁾.

6 апрѣля «Литературная Газета» въ № 20 нанесла два жестокихъ удара Булгарину. Появилась статья Пушкина «О запискахъ Видока», въ которой поэтъ, говоря якобы о Видокѣ, говоритъ на самомъ дѣлѣ о Булгаринѣ. Эту статью поэтъ предлагалъ Погодину для его «Московскаго Вѣстника», о чемъ записалъ Погодинъ въ своемъ Дневникѣ³⁾. Очень расположенная къ Пушкину, Е. М. Хитрово, узнавъ, что Пушкинъ хочетъ напечатать эту замѣтку, опасалась, что это повредитъ ему и Булгаринъ будетъ мстить. Хитрово обратилась къ П. А. Вяземскому въ апрѣлѣ съ просьбой подѣйствовать на Пушкина и прежде, чѣмъ напечатать, посоветоваться съ Жуковскимъ⁴⁾. Вяземскій, очевидно, не придалъ значенія этой просьбѣ.

Въ своей замѣткѣ поэтъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ въ обрисовкѣ Видока-

Булгарина, назвавъ его «отъявленнымъ плутомъ», «столь же безстыднымъ, какъ и гнуснымъ», «живущимъ ежедневными донесеніями», «хвастающимъ дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находящихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человекъ услужливый, дѣловой)»¹⁾. Эта статья Пушкина вмѣстѣ съ эпиграммой обратили всеобщее вниманіе, произвели такой шумъ, что цензура стала запрещать статьи о Видокѣ, видя вездѣ намеки на Булгарина²⁾. Въ сохранившихся въ рукописяхъ замѣткахъ, относящихся къ 1830—1831 годамъ и предназначавшихся, очевидно, для печати, Пушкинъ, говоря о необходимости отражать личные нападенія въ печати, писалъ объ «Анекдотѣ» Булгарина и о своемъ отвѣтѣ «О запискахъ Видока»: «Однажды (официально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ «Литер. Газетѣ»,—человѣкъ подлый и безриващенный, а что такой-то журналистъ—человѣкъ умный, скромный, храбрый служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскій стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно долго будетъ его помнить. *On en rit, j'en ris moi-même*».

Другой ударъ Булгарину былъ нанесенъ въ томъ же № 20 «Литературной Газеты» Дельвигомъ. Отвѣчая на критику VII главы «Евгенія Онѣгина», Дельвигъ пишетъ: «Седьмая глава «Евгенія Онѣгина» лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотою, и никто, кромѣ Сѣв. Пчелы, не найдетъ въ описаніи Москвы заимствованій изъ «Горя отъ ума»... Но изъ какой, просимъ не прогибаться, другой извѣстной книги Пушкинъ похитилъ? Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою Ивана Выжигина, гдѣ находится странное раздѣленіе Московскаго общества на классы, въ числѣ коихъ одинъ составленъ

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. IV, стр. 22.

²⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература. 1826—1855 гг. стр. 500—501. В. В. Гиппиусъ. Пушкинъ и журнальная полемика его времени.—Памяти Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей Ист.-Фил. Факультета Петерб. Университета. СПб. 1900, стр. 265.

³⁾ Н. М. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, стр. 17.

⁴⁾ Сочиненія П. П. Вяземскаго. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива, стр. 521.

¹⁾ Булгаринъ выставилъ на видъ свою дружбу съ Грибобловымъ въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ на 1828 г.» и «Сынѣ Отечества» 1830 г. №№ 1—2. Воейковъ въ своемъ «Славянинѣ» въ статьѣ «О знакомствѣ издателя «Лондонскаго Трутня» («The London Drone») съ знаменитыми покойниками» («Славянинъ», 1828, № 39) зло высмѣялъ по этому поводу Булгарина (Калашъ, «Пушкинъ, Полевой и Булгаринъ»—«Пушкинъ и его современники», вып. II, 32—49).

²⁾ М. П. Сухоминовъ. Исслѣдованія и статьи, т. II, стр. 274 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд. СПб. 1910, стр. 230, 462, 463.

изъ Архивныхъ юношей? Кажется, что такъ; и мы также обвинимъ Пушкина, хотя по какой-то игрѣ случая его описаніе Москвы было написано прежде Ивана Выжигина и напечатано въ Сѣв. Пчелѣ почти за годъ до появленія сего романа. Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: Дмитрій Самозванецъ, и сими хищеніями удачно, съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: Борисъ Годуновъ, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа Г. Булгарина». Н. О. Лернеръ дѣлаетъ предположеніе, что эта замѣтка Дельвига написана «не безъ участія Пушкина»¹⁾.

Эпиграмма Пушкина «Не то бѣда, что ты полякъ» широко распространилась. Булгаринъ, очевидно, желая показать свое благородство, напечаталъ ее 26 апрѣля въ № 17 «Сына Отечества», замѣнивъ въ послѣдней строкѣ Видока, Фиглярина Ѳаддеемъ Булгаринымъ и сдѣлавъ такое замѣчаніе: «Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда для раздачи любопытствующимъ эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ печатаемъ оное». Въ выноскѣ было сказано: «Правда бѣда—но кому? не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатынымъ и т. п. Примѣчаніе наборщика». Булгаринъ рассказывалъ, что когда Бенкендорфъ обратилъ вниманіе на его поступокъ Николая, то онъ написалъ: «Благородное мщеніе».

Подготовливая къ печати «Бориса Годунова», Пушкинъ предполагалъ въ предисловіи задѣть Булгарина. Въ началѣ мая Пушкинъ пишетъ Плетневу: «Думаю написать предисловіе. Руки чешутся,—хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддѣ Булгаринѣ. Кажется — неприлично. Какъ ты думаешь? — рѣши. Скажи: имѣло ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ Сѣв. Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь не-

когда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? пожалуйста, отпиши. (Переп. т. II, стр. 147). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 21 мая Плетневъ не совѣтовалъ въ предисловіи писать о Булгаринѣ, на другіе же вопросы не отвѣчалъ. (Переп. т. II, стр. 154).

8 мая Дельвигъ пишетъ письмо Пушкину о впечатлѣніи, произведенномъ эпиграммой «Не то бѣда, что ты полякъ» на Булгарина, и о мотивахъ, которыми онъ руководствовался, печатая съ своимъ именемъ эпиграмму: «Булгаринъ поглупѣлъ до того отъ Видока, что увѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню, но подлѣ попрежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока-Фиглярина со своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее Правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ Цензоръ, похвала его благородный поступокъ, разумѣется не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквильянтомъ, человекомъ, дѣлающимъ противозаконное, я подаль въ высокую Цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться передъ Его Величествомъ...» (Переп. т. II, стр. 148 и Сочиненія Дельвига, СПб. 1895, стр. 168—169). Цензура не пропускала эпиграммы для напечатанія въ «Литературной Газетѣ». Л. С. Пушкинъ обращался къ Жуковскому, съ просьбой похлопотать о допущеніи цензурой эпиграммы¹⁾.

«Литературную Газету» Булгаринъ представлялъ какъ газету кучки аристократовъ, кичащихся своимъ аристократизмомъ, которая вносить его въ литературу, гдѣ главную роль играетъ талантъ, образованность, а не происхожденіе. «Литературная Газета», дѣйствительно, была въ рукахъ группы аристократовъ и это придавало ей особый характеръ. Но «Литературная Газета» не переносила этого элемента въ литературу и не открывала гоненій на писателей демократическаго происхожденія только потому, что они такого происхожденія, какъ старался доказать Булгаринъ. Поэтому «Литературная Газета»

¹⁾ Повеооткрытыя страницы Пушкина.—«Пушкинъ и его современники», вып. XII и отдѣльно. СПб. 1909, стр. 11—13.

¹⁾ «Русская Старина», 1903, VIII, 454—455.

ПУШКИНЪ.

Гравюра Райта (1837).

энергично протестовала противъ обвиненія. Особенно это надо сказать про Пушкина. Онъ, какъ извѣстно, очень гордился своимъ происхожденіемъ, предками, слишкомъ переоцѣнивалъ значеніе въ русской исторіи дворянства, наконецъ, нельзя отрицать, что въ его міросозерцаніи есть классовый налетъ. Но это, конечно, далеко отъ того, чтобы въ области чисто-литературной руководствоваться справками о происхожденіи писателя. 25 іюня въ № 36 «Литературной Газеты» появилась статья Пушкина «О неблаговидности нападковъ на дворянство», отражающая обвиненіе въ «аристократизмѣ».

Въ іюнь была написана и быстро распространилась новая эпиграмма Пушкина на Булгарина:

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасъ ты дыганъ,
Что въ свѣтѣ ты— Видокъ Фигляринъ,
Бѣда, что скученъ твой романъ ¹⁾.

Булгаринъ не замедлилъ отомстить. 7 августа въ № 94 «Сѣверной Пчелы» было напечатано Булгаринское «Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ», заключающее насмѣшки надъ «аристократизмомъ» сотрудниковъ «Литературной Газеты» и Пушкина. «Аристократизмъ,— указываетъ Булгаринъ,—не сдѣлаетъ глаже и умѣе ни прозы, ни стиховъ». «Разсказываютъ анекдотъ,—говоритъ, между прочимъ, Булгаринъ,—что какой-то поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, по мнѣю, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его негритянскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рома... ²⁾. Новый выпадъ Булгарина очень задѣлъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что Булгаринъ, обвиняя теперь «Литературную Газету» въ «аристо-

кратизмѣ», самъ ранѣе въ союзѣ съ Каченовскимъ высмѣивалъ Полевого за его происхожденіе и въ «Отрывкѣ изъ литературныхъ лѣтописей», заступаясь за Полевого, Пушкинъ протестовалъ, говоря, что «никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родового дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ—какое намъ дѣло до гербовъ и пыльных грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики». Это указалъ снова Пушкинъ 9 августа въ № 45 «Литературной Газеты», отвѣчая Булгарину: «Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ, будто бы, этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно г-на Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ... ¹⁾. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнить съ нашими невозможно) приуготовили крики: «Аристократовъ къ фонарю»; и ничуть не забавные куплеты съ прииѣвомъ: «Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ». Avis au lecteur».

Въ томъ же № 45 9 августа «Литературной Газеты» была помѣщена замѣтка ²⁾, въ которой прямо заявлялось, что разгадка тому, отчего «Сѣверная Пчела» въ 1830 г. больше всего нападаетъ на Загоскина, Пушкина и Кирѣевскаго, заключается въ личныхъ мотивахъ, въ томъ, что «Юрій Милославскій» могъ вредить распространенію романа Булгарина, что Пушкину была приписана критика «Дмитрія Самозванца» въ № 14 «Литературной Газеты»,

¹⁾ Это же самое указываетъ Пушкинъ въ сохранившихся въ его рукописяхъ замѣткахъ, относящихся къ 1830—1831 г.г., въ которыхъ, между прочимъ, говоря о родовой чести, замѣчаетъ, что онъ, все-таки, выше достоинства рода ставитъ достоинство личное.

²⁾ Н. О. Лернеръ находитъ, что эта замѣтка «едва ли могла появиться безъ участія Пушкина». («Новооткрытыя страницы Пушкина». — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. Спб. 1909, стр. 17—22). Предположеніе вѣроятное, но категорически говорить объ участіи въ замѣткѣ Пушкина нѣтъ достаточныхъ основаній.

¹⁾ Напечатана въ «Денницѣ» М. Максимовича въ 1831 г.

²⁾ Гречъ разсказываетъ, что мысль этого выпада подакъ Булгарину гр. Уваровъ. Въ гостяхъ у Олениной въ присутствіи Булгарина Уваровъ съ насмѣшкой сказалъ, что Пушкинъ «хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Аннибала, котораго продалъ въ Кропштадтѣ Петру Великому за бутылку рома» («Записки» Греча, стр. 456).

что Кирѣевскій отрицательно отнесся къ «Ивану Выжигину» въ альманахѣ «Денница». О Пушкинѣ было такое замѣчаніе: «А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина. Онъ отказался, говоря, чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь». Эта замѣтка больно ударила Булгарина. Въ довершеніе всего «Литературная Газета» перепечатала отзывъ Кирѣевскаго. Это—одинъ изъ самыхъ не лестныхъ для Булгарина отзывовъ, приравнивавшей «Ивана Выжигина» къ «Сонику» и книгѣ «О клопахъ».

«Новыя выходки» вызвали горячія нападки Полевого («Москов. Телеграфъ», № 14, іюльскій, 1830) на статью и на «аристократизмъ» «Литературной Газеты». Откликомъ на нападки былъ «Разговоръ А и Б», являющийся продолженіемъ статьи «Новыя выходки»... Онъ не былъ напечатанъ и сохранился въ рукописяхъ поэта. Пушкинъ подчеркиваетъ, что «Литературная Газета» чужда «дворянской спеси», «гоненія на другія сословія», того узкаго сословнаго духа, на что нападалъ Полевой съ Булгаринимъ 1).

Какъ мы указали, Пушкинъ былъ больно затронутъ статьей Булгарина о своемъ происхожденіи. Отвѣтомъ была «Моя родословная». По словамъ Пушкина (Переп. т. II, стр. 346—347), онъ отдалъ ее Дельвигу для напечатанія въ «Литературной Газетѣ», но тотъ ему отсовѣтовалъ, указавъ, что не стоитъ защищаться противъ подобныхъ нападокъ. Кн. П. А. Вяземскій совѣтовалъ Пушкину не распространять этого стихотворенія 2). Въ письмѣ отъ 24 ноября 1831 г. Пушкинъ посылаетъ Бенкендорфу «Мою родословную» и объясняетъ, чѣмъ она была вызвана. «Такъ какъ мои стихи,—закачиваетъ Пушкинъ,—могутъ принять

за косвенную сатиру на происхожденіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ фамилій, не зная, что это лишь очень сдержанный отвѣтъ на вызовъ, достойный крайняго порицанія, я счелъ своею обязанностью дать вамъ откровенное объясненіе и приложить при семъ сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь» (Переп. т. II, стр. 346—347). Когда «Мою родословную» Бенкендорфъ доложилъ Николаю, тотъ написалъ: «Вы можете сказать отъ меня Пушкину, что я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ его покойнаго друга Дельвига: такія низкія и подлыя оскорбленія, которыми его угостили, обезчещиваютъ не того, къ кому они относятся, а того, кто ихъ произноситъ. Единственное оружіе противъ нихъ есть презрѣніе, вотъ что я сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Что касается до этихъ стиховъ, я нахожу ихъ остроумными, но въ нихъ больше злобы, чѣмъ чего-либо другаго. Лучше было бы для чести его пера и въ особенности для чести его ума не распространять эти стихи» 1).

Кромѣ Булгарина, враговъ у «Литературной Газеты» было много, во главѣ съ Бенкендорфомъ. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи вліялъ на него Булгаринъ. Зорко смотрѣлъ Бенкендорфъ за «Литературной Газетой», но не представлялось ни одного повода, чтобы можно было ее покарать: она не выходила изъ границъ крайней умѣренности. Однако, въ концѣ октября случай представился. 28 октября въ № 61 «Литературная Газета» помѣстила стихи де-ла-Виня на памятникъ, который предполагалось воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля. За эти то стихи и ухватился Бенкендорфъ. Подъ вліяніемъ его Николай запретилъ Дельвигу издавать газету и она перешла къ Сомову. Пушкинъ очень сокрушался и 9 декабря 1830 г. писалъ П. А. Плетневу: «И такъ русская словесность съ головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему было печатать конфетной билетедъ этого несноснаго Лавинья» (Переп., т. II, стр. 201). Борьба, предпринятая противъ «Сѣверной Пчелы» «Литературной Газетой», оказалась ей не по силамъ, она стала падать уже въ концѣ 1830 г. Выѣстѣ съ тѣмъ, началось и охлажденіе къ ней Пушкина. Когда же газета перешла къ Сомову, Пушкинъ къ ней охладѣлъ совсѣмъ, такъ какъ

1) Эту статью Н. О. Лернеръ относитъ къ іюлю 1830 г. (Труды и дни Пушкина, 2-е изд. Сиб. 1910, стр. 217). Она явилась откликомъ упомянутой замѣтки Полевого. Цензурное разрѣшеніе № 14, іюльскаго «Москов. Телеграфа», гдѣ напечатана эта замѣтка Полевого, было дано 21 августа. Слѣдовательно, «Разговоръ» относится не къ іюлю, какъ считаетъ Н. О. Лернеръ, а написанъ не ранѣе двадцатыхъ чиселъ августа. Если же принять довольно вѣроятное предположеніе П. О. Морозова (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 633), что въ «Разговорѣ» поэтъ говоритъ о статьѣ въ № 110 «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ 13 сентября, и о статьѣ въ № 17 сентябрьскомъ «Московского Телеграфа», то «Разговоръ» написанъ въ сентябрѣ.

2) Сочиненія П. П. Вяземскаго, стр. 528.

1) М. К. Лемке. Николаевскіе жаңдармы и литература 1826—1855 гг., стр. 508.

газета велась плохо и выходила неаккуратно. Но поэту «Литературная Газета», все-таки, была дорога и онъ думалъ поддержать ее. 13 января 1831 г. онъ писалъ П. А. Плетневу: «Что газета наша? Надобно намъ объ ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла, иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ» (Переп. т. II, стр. 212—213). Въ 1831 году Пушкинъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» лишь соетъ «Мадонна» (№ 15, 12 марта) и статью о С. Бевѣ (№ 32, 5 іюня) 1).

Говоря о 1830 годѣ, нужно еще прибавить, что въ отношеніяхъ Пушкина, Булгарина и Греча играло роль еще одно обстоятельство. До 1829 года Полевой и Булгаринъ враждовали. Въ 1829—1830 гг. произошло примиреніе и Полевой явился главнымъ союзникомъ Булгарина въ походѣ на Пушкина. Въ 1829 году вышелъ первый томъ «Исторіи русскаго народа» Полевого. Въ № 12 «Московского Телеграфа» за 1829 г. Полевой помѣстилъ строгую критику «Исторіи» Карамзина. Булгаринъ еще въ 1825 г. указывалъ рядъ недостатковъ «Исторіи» Карамзина и отмѣтилъ, что онъ обращаетъ больше вниманія на вѣдшнюю, чѣмъ на внутреннюю исторію («Сѣверный Архивъ», 1825, №№ 1, 2, 3, 6 и 8). Въ 1830 г. 9 января, въ № 4 «Сѣверной Пчелы» и 11 января въ № 2 «Сына Отечества» появились похвалы «Исторіи русскаго народа». Пушкинъ въ критикѣ Полевого видѣлъ недобросовѣстность, рекламу своей Исторіи. 16 января въ № 4 «Литературной Газеты» и № 12, 25 февраля, Пушкинъ помѣстилъ свой извѣстный отрицательный отзывъ объ «Исторіи» Полевого. «Литературная Газета» явилась выразительницей наиболѣе опредѣленнаго отрицательнаго взгляда на «Исторію русскаго народа», помѣстивъ отрицательные отзывы въ № 31, 31 мая, въ № 54, 23 сентября (Дельвига), 17 ноября въ № 65. Къ «Литературной Газетѣ» присоединился Погодинъ, помѣстившій въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (ч. I

и ч. VI) рѣзкій отзывъ объ «Исторіи» Полевого. «Сѣверная Пчела» весь годъ хвалила Полевого и его «Исторію», а онъ въ свою очередь Булгарина. Такимъ образомъ, еще однимъ пунктомъ полемики былъ Карамзинъ и Полевой. Вдаться въ оцѣнку этой полемики, отношеній Пушкина къ Полевому выходить за границы нашей работы. Отмѣтимъ, однако, что позднѣйшая научная критика признала за трудомъ Полевого значеніе. Онъ первый приложилъ новый философско-историческій взглядъ къ объясненію русской исторіи. П. Н. Милюковъ отмѣчаетъ, что изъ современныхъ критиковъ это оцѣнилъ одинъ лишь Булгаринъ 1).

III.

Когда «Литературная Газета» стала падать и, наконецъ, въ іюнѣ 1831 г. совсѣмъ прекратилась, Пушкинъ дѣлаетъ попытку издавать періодическій органъ. Хлопоты о немъ продолжались полтора года 2).

27 мая 1831 года Пушкинъ проситъ у Бенкендорфа разрѣшенія и прилагаетъ полуофициальную записку, въ которой указываетъ, что допущеніе политическаго отдѣла, которымъ интересуется широкая публика, въ одной лишь «Сѣв. Пчелѣ» сдѣлало ее самой распространенной газетой, поставило въ монопольное положеніе. «Литературная торговля,—пишетъ Пушкинъ,—находится въ рукахъ издателей «Сѣверной Пчелы», и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы... Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т.-е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости... Далѣе Пушкинъ выражаетъ готовность вести журналъ въ желательномъ для правительства направленіи. Въ началѣ іюня Пушкинъ обратился за содѣйствіемъ къ Фоку. Поэтъ считалъ его человѣкомъ порядочнымъ 3) и, очевидно,

1) П. Н. Милюковъ, «Главные теченія русской исторической мысли» М. 1898. стр. 345.

2) Вопросъ этотъ до сихъ поръ былъ мало освѣщенъ. Только недавно появилась дѣнная работа Н. К. Шиканова.—«Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневникъ», гдѣ этотъ вопросъ обстоятельно рассмотрѣнъ.—«Пушкинъ и его современники», вып. V и отдѣльно Спб. 1907).

3) Пушкинъ хорошо отзывался о немъ въ своей записной книжкѣ.

1) На принадлежность этой статьи Пушкину указалъ П. О. Лернеръ («Новооткрытыя страницы Пушкина». — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. Спб. 1909). Удачныя соображенія Лернера фактически подтвердились опубликованнымъ имъ потомъ письмомъ Сомова къ кн. В. Ф. Одоевскому («Пушкинъ и его современники», вып. XIII).

разсчитывалъ, что поддержка помощника Бенкендорфа будетъ имѣть значеніе. 8 іюня Фокъ въ письмѣ къ Пушкину отрицалъ свое покровительство Булгарину и совѣтовалъ просить Бенкендорфа (Переп. т. II, стр. 246—247).

Въ этомъ случаѣ поэтъ обнаружилъ большую недалковидность. Опредѣливъ такъ точно задачи изданія, какъ противовѣса «Сѣверной Пчелы», Пушкинъ думалъ получить разрѣшеніе на періодическій органъ, который ставитъ своею цѣлью противодѣйствовать правительственной рептиліи.

Во второй половинѣ іюля 1831 г. (Переп. т. II, стр. 278—279) Пушкинъ снова пишетъ Бенкендорфу письмо, являющееся однимъ изъ темныхъ пятенъ въ жизни поэта. Презирая Булгарина за его выпрашивание подачекъ, борясь съ «Сѣверной Пчелой», какъ съ вредной рептиліей, Пушкинъ проситъ о повышеніи сразу на два чина и выражаетъ готовность въ своемъ журналѣ, «Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое», «стараться съ точностью и усердіемъ исполнить волю Его Величества и служить Ему по мѣрѣ способностей».

Въ мартѣ 1831 г. Булгаринъ уѣхалъ въ Карлово. Это было истолковано, какъ высылка, чего на самомъ дѣлѣ не было. Интересно отмѣтить, что поэтъ эту высылку Булгарина ставилъ въ прямую связь со своими нападками. 1 іюня Пушкинъ писалъ П. А. Вяземскому о Булгаринѣ: «Знаешь ли, за что его выслали изъ П. Б.? говорятъ, будто бы при появленіи эпиграммы, Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный, онъ такъ огорчился, что прямо адресовался къ Государю со слезной жалобой на меня, сдѣлайте-де, В. В., такую божескую милость, уймите Пушкина, который все меня обижаетъ своими стихками. Государю было не до стихковъ; Булгаринъ же не въ первый разъ надобдалъ ему своими жалобами и доносами. Онъ и велѣлъ его выслать, какъ челоуѣка безпокойнаго. Но каковы безстыдство и дерзость Булгарина? Недоволенъ онъ тѣмъ, что плутовствомъ выманилъ онъ Высочайшій рескриптъ Петру Ивановичу Выжигину, и что онъ продаетъ свои сальные пасквили изъ-подъ порфиры Императорской»¹⁾.

Въ 1831 г. вышла новая книга Булга-

рина — «Петръ Ивановичъ Выжигинъ». «Петръ Ивановичъ,—пишетъ Пушкинъ П. А. Плетневу 11 апрѣля 1831 г.,—приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Не ужъ то мы вразумили публику? Или сама догадалась голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она—для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ, а какъ—сказываютъ—обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю: не стану читать, а ругать всетаки буду» (Переп. т. II, стр. 235).

Въ срединѣ 1831 г. Пушкинъ наноситъ два наиболѣе тяжелыхъ удара Булгарину.

Во второй четверти XIX вѣка большой извѣстностью пользовался весьма своеобразный писатель Александръ Анѳимовичъ Орловъ, какъ авторъ цѣлаго ряда своеобразныхъ книгъ, наполовину дубочныхъ, наполовину полемическихъ, съ непонятными для неосвѣдомленныхъ съ жизнью журналистики намеками на журналы, писателей. Среди книгъ Орлова было нѣсколько пародій на романы Булгарина: «Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ или дѣти Ивана Выжигина», «Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина», «Смерть Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина», «Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина», «Федоръ Кривой или Елизавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина»¹⁾.

Въ № 9 «Телескопа» былъ помѣщенъ отзывъ о первыхъ трехъ книгахъ Орлова и о «Петрѣ Ивановичѣ Выжигинѣ» Булгарина; они разсматривались, какъ однородныя произведенія.

Приравненіе Булгарина къ Орлову, часто встрѣчаемое въ тогдашней журналистикѣ, выводило изъ себя самолюбиваго Булгарина. Какъ это задѣвало его, видно по тому, что впоследствии послѣ смерти Орлова въ маленькой некрологической замѣткѣ («Сѣвер. Пчела», 1840, № 124, 5 іюня), находя, что даже нельзя назвать Орлова «писателемъ», и называя, «чтобы какъ-нибудь характеризовать», «писавшимъ»,

¹⁾ Переп. т. II, стр. 242 и М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 281—282.

¹⁾ Объ Орловѣ см. С. А. Венгеровъ «Литературный вѣстникъ», 1901, кн. III, стр. 284—290 и Сочиненія Вѣдинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 494—499; А. В. Смирновъ. А. А. Орловъ.—«Литер. вѣстн.», 1901, кн. III, стр. 291—294; И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, стр. 155—158.

ВАСИЛІЙ ВЕНЕДИКТОВИЧЪ БУЛГАРИНЪ.

Портретъ, относящійся къ 1828 году.

Булгаринъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ, что его считали «Литературная Газета» и «Отечественныя Записки» «равнымъ по литературному достоинству Орлову». Въ этой же замѣткѣ указывалось, что враги Булгарина «подговорили г. Орлова писать пародіи на сочиненія Булгарина». Вѣроятно, Булгаринъ считалъ, что и Пушкинъ принималъ въ этомъ участіе. Въ предисловіи къ «Воспоминаніямъ», говоря, что критика сочиненій была пристрастна, Булгаринъ замѣчаетъ: «Какая бы нечѣсть не вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она лучше, нежели мои сочиненія... Одинъ изъ новыхъ журналовъ простеръ до такой степени свою храбрость, что даже поставилъ меня ниже извѣстнаго московскаго писателя Александра Орлова».

Конечно, упомянутая замѣтка въ № 9 «Телескопа» взорвала Булгарина.

Въ № 27 «Сына Отечества» Гречъ выступилъ на защиту своего друга. Къ статьѣ сдѣланъ такой *post scriptum*: «Булгаринъ живетъ въ деревнѣ своей подлѣ Дерпта и не читаетъ «Телескопа» (онъ просилъ не посылать ему вздоръ); но я долгомъ почелъ вступить за товарища. Я рѣшился на сіе не для того, чтобы оправдывать и

защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ, а для того, чтобы сорвать личину съ шарлатанства и показать публикѣ отечественной, кто и какъ у насъ судятъ о произведеніяхъ литературы и литераторовъ». Эта статья Греча и постоянныя нападки «Сѣверной Пчелы» на Орлова и вызвали появленіе двухъ новыхъ статей Пушкина о Булгаринѣ и Гречѣ, которыя были напечатаны въ «Телескопѣ» подъ псевдонимомъ Теофилактъ Косичкинъ. Онѣ представляютъ собою мѣткую пародію на статьи Булгарина, изумительно схваченъ ихъ тонъ и характерныя черты. Пушкинъ обрисовывалъ Греча и Булгарина со всѣми ихъ душевными качествами, каждая строчка заключаетъ намекъ на свойства ихъ, или факты жизни. Въ первой статьѣ — «Торжество дружбы или оправданій Александръ Андреевичъ Орловъ», напечатанной въ іюлѣ въ № 13 «Телескопа», Пушкинъ указываетъ на «сходство душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ» Греча и Булгарина, ихъ рекламированіе и похвалы другъ другу, съ ироніей говорится объ «извѣстной добро-

совѣстности» Греча, отмѣчается, что «Выжигины г-на Орлова пользуются благоклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г-на Булгарина». «Согласенъ,—говоритъ Пушкинъ о Булгаринѣ,—что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія г. Орлова ставятъ московскаго романиста, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ. Сравнивая «сіи два блистательныя солида нашей словесности», Пушкинъ говоритъ, что не видитъ основанія ставить Булгарина выше Орлова. Въ одномъ только Булгаринѣ, замѣчаетъ поэтъ, «береть неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели: что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина? Причина тому, что Орловъ «пользуется гораздо меньшею славою, нежели Фаддей Венедиктовичъ», указывается въ статьѣ, заключается въ рекламированіи Булгаринимъ своихъ сочиненій даже до выхода. Орловъ же,—говоритъ Пушкинъ,—«не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ. Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ. Онъ не заманивалъ унижительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей. Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ съ бабей комедіи... Онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, и устрицами и тому под.» Здѣсь выведены на чистую воду приемы Булгарина. Говоря объ обѣдахъ иностраннымъ литераторамъ, Пушкинъ подразумѣваетъ обхаживаніе Булгаринимъ Ансело, о которомъ мы уже упомянули. Устрицей и пьяницей Булгаринъ называлъ Пушкина въ статьѣ «Анекдотъ» («Сѣверная Пчела», 1830, № 30). Далѣе Пушкинъ приводитъ статью объ Орловѣ изъ № 46 «Сѣверной Пчелы» 1831 г., гдѣ, между прочимъ, сказано, что Орлову «щедро» платятъ издатели по двадцати рублѣй «за каждый манускриптъ», что онъ «мужъ—изъ ученыхъ, какъ видно по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія» и, въ концѣ концовъ, съ апломбомъ спрашивается: «по какому праву г. Орловъ вздумалъ нарѣчь своихъ холопей, Хзы-

новскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина?». На это Пушкинъ замѣчаетъ, что Орловъ, получивъ двадцать рублѣй, доставляетъ издателю по двѣ тысячи, между тѣмъ, какъ «нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись тридцать тысячъ, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца». Пушкинъ имѣетъ въ виду случай съ книгопродавцемъ Заикинымъ: онъ заказалъ Булгарину «Петра Ивановича Выжигина», заплативъ крупную сумму денегъ, а романъ не продавался и издатель потерпѣлъ большой убытокъ¹⁾. По поводу замѣчанія объ учености Орлова поэтъ говоритъ, что «доказано, что Фаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по латыни». Здѣсь опять намекъ на Булгарина: онъ, не зная самъ латинскаго языка, издалъ «Оды Горація» съ комментаріями Ежовскаго, не назвавъ его. Относительно упрека Орлову въ томъ, что онъ присвоилъ своимъ героямъ фамилію Выжигинъ, поэтъ замѣчаетъ: «Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г-на Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)».

Послѣ этой статьи 21 августа 1831 г. Гоголь давалъ мысль Пушкину новой замѣтки объ Орловѣ и Булгаринѣ, предлагая поэту провести аналогію между Булгаринимъ и Байрономъ, указать, что Булгаринъ—Байронъ. 25 августа Пушкинъ отвѣчалъ Гоголю: «Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ»²⁾. 27 іюля 1831 г. Вяземскій въ письмѣ къ Пушкину обратилъ вниманіе на выраженіе Греча, что у Булгарина «въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ», и прислалъ для печати небольшую замѣтку, въ которой привелись слова Греча и было сдѣлано такое замѣчаніе. «Жаль-же, сказалъ одинъ читатель, что Булгаринъ не однимъ мизинцемъ пишетъ». «Если хочешь, дай дру-

¹⁾ Гречъ («Записки», стр. 451). Нѣкоторые комментаторы ошибочно указываютъ вмѣсто Заикина—Лисенкова (см. напр., сочин. Пушкина, изд. «Просвѣщенія» подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 603).

²⁾ Письма Гоголя, подъ ред. Шенрока, т. I, СПб. 1902, стр. 185—187, и Переп. т. II, стр. 306 и 312.

гой оборотъ этому,—пишетъ Вяземскій.— Во всякомъ случаѣ, на этомъ мизинцѣ можно погулять».. 3 августа Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Твое замѣчаніе о мизинцѣ Булгарина не пропадетъ; общаюся тебя насмѣшить». (Переп. т. II, стр. 290 и 296). Откликомъ на письмо Вяземскаго была вторая статья Пушкина—«Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», напечатанная въ № 15 «Телескопа». Перебирая рецензентовъ, портъ приходитъ къ мысли, что Гречъ подразумѣваетъ его. «Полагаю себя въ правѣ объявить во всеуслышаніе всей Европы, что я ни чьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣрю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было». По поводу приложенія «Сѣверной Пчелы» (№ 101) къ Орлову эпитета «блаженный» Пушкинъ замѣчаетъ: «Если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ, въ чистой совѣсти, не запятанной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ, въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога; то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана». Тутъ же Пушкинъ указалъ на особенно отвратительную черту Греча. Какъ уже отмѣчено, дѣйствуя за одно съ Булгаринимъ, лѣстя ему, Гречъ за глазами отзывался о немъ отрицательно, какъ о низкой въ нравственномъ отношеніи личности. Это и указалъ Пушкинъ, говоря: «я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говорятъ на ухо всякому: «Этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, мараетъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!» Въ заключеніе Пушкинъ сообщаетъ программу новаго романа, который «спустушить въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ»:— «Настоящій Выжигинъ. Историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка». Программа по формѣ является подраженіемъ романамъ Орлова. Въ этой программѣ указана вся жизнь Булгарина. Это настоящее его curriculum vitae. Указано даже на такіе факты, какъ существованіе у Булгарина злой и своенравной тетки его жены,

отъ которой онъ много терпѣлъ. Въ извѣстной пѣснѣ Рылѣева «Ахъ, гдѣ тѣ острова» есть такая строчка: «Гдѣ Булгаринъ Фаддей не боится когтей Танты». Наконецъ, Пушкинъ указалъ на такой неизвѣстный фактъ, какъ кража Булгаринимъ въ эпоху разжалованія его въ солдаты шпели у камердинера полковника Д. М. Спичинскаго¹⁾.

А. А. Орловъ благодарилъ Пушкина за его статьи. Пушкинъ послѣ этого писалъ Орлову 24 ноября 1831 г., совѣтуя «не приводить яростью пера въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что, если они чуть пошевельнутся, то Ф. Косичкинъ заваритъ такую кашу, или паче кутью, что они подавятся» (Переп. т. II, стр. 345).

IV.

Какъ только распространились въ срединѣ 1831 г. слухи о томъ, что Пушкинъ хлопочетъ о разрѣшеніи издавать періодическій органъ, Булгаринъ и Гречъ насторожились. Но совершенно неожиданно для нихъ Пушкинъ, вскорѣ послѣ напечатанія въ «Телескопѣ» направленныхъ противъ нихъ рѣзкихъ статей, входитъ въ сношенія съ Гречемъ. Гречъ сообщаетъ: «На меня Пушкинъ дулся недолго. Онъ вскорѣ убѣдился въ моей неприкосновенности къ штукамъ Булгарина и, какъ казалось, старался сблизиться со мною. Мы разъ какъ-то встрѣтились въ книжномъ магазинѣ Белизара. Онъ поклонился мнѣ пеловко и прицужденно; я подошелъ къ нему и сказалъ, улыбаясь: «Ну, на что это походить, что мы дуемся другъ на друга? Точно Борька Федоровъ съ Орестомъ Сомовымъ». Онъ расхохотался и сказалъ: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда онъ былъ доволенъ чѣмъ нибудь). Мы подали другъ другу руки и миръ былъ восстановленъ». Затѣмъ Гречъ упоминаетъ, что въ концѣ 1831 г. Пушкинъ предлагалъ ему участвовать въ предполагаемомъ имъ изданіи²⁾. Подробности объ этомъ эпизодѣ Гречъ не говоритъ, и этотъ вопросъ до сихъ поръ оставался невыясненнымъ. Только недавно опубликованныя Н. К. Писановъ

¹⁾ Это разсказалъ Пушкину самъ Д. М. Спичинскій (О Булгаринѣ. Письмо П. В. Нащокина къ С. Д. Полторацкому.— «Русск. Архивъ», 1884, VI, стр. 352—353).

²⁾ Гречъ. «Записки», стр. 457.

вымъ въ указанной выше работѣ письма Греча къ Булгарину 1832 г. пролили на этотъ эпизодъ свѣтъ.

Гречъ пошелъ навстрѣчу предложенію Пушкина и переговоры завязываются. Это сдѣлалось извѣстнымъ и въ литературныхъ кругахъ. Въ началѣ февраля 1832 г. Н. М. Языковъ сообщаетъ брату А. М. Языкову, какъ слухъ, что Пушкинъ примиряется съ Булгаринымъ ¹⁾. 1 июня 1832 г. Гречъ пишетъ Булгарину: «Съ Пушкинымъ мы сойдимся довольно дружно и я надѣюсь, что сойдемся въ дѣлѣ. Но, ради Бога, не думай, чтобъ я тобою пожертвовалъ. Улажу все къ общему удовольствію» ²⁾. Въ письмѣ 22 июня Гречъ выражаетъ пессимистическій взглядъ на газету Пушкина—подорвать «Сѣверную Пчелу», по мнѣнію Греча, она не сможетъ. «Мое мнѣніе такое: оставить его въ совершенномъ покоѣ, не трогать его, даже не говорить о немъ, какъ будто бы его вовсе не было. Самъ свалится, какъ «Литературная Газета». 16 июля Гречъ опять пишетъ: «Журналъ Пушкина вѣроятно не состоится: сказываютъ онъ расчелъ, что не изъ чего биться», а 30 июля: «О журналѣ Пушкина извѣстія затихли». Дальнѣйшія сношенія Пушкина съ Гречемъ, по его письмамъ къ Булгарину, слагались такимъ образомъ. 2 сентября Пушкинъ посѣтилъ Греча и предложилъ передать изданіе «Сына Отечества» съ тѣмъ, чтобы онъ обратился въ еженедѣльный журналъ и Гречъ былъ бы его редакторомъ. Гречъ не далъ категорическаго отвѣта и немедленно написалъ Булгарину, стараясь показать выгоду для нихъ союза съ поэтомъ. «Симъ средствомъ мы избавимся жестокой rivalité. И еженедѣльная Revue не повредитъ ежедневной Пчелѣ... Къ Пчелѣ прибавить подписчиковъ трудно, ибо едва ли есть 3000 грамотныхъ людей въ Россіи, но къ 800 экземпляровъ Сына Отечества можно. Вступая въ сотоварищество съ Пушкинымъ, я устраню всѣ гадости, какія могли бы надѣлать Воейковъ, Сомовъ и проч. и первымъ условіемъ моимъ Пушкину было, чтобы ты былъ неприкосновененъ въ сей Revue. За право, которое ты имѣешь въ С. О., буду я платить тебѣ, какъ до нынѣ, ибо новые подписчики будутъ привлечены

Пушкинымъ. Лучше всего опредѣлить сумму, на примѣръ 5000 руб. въ годъ. Ты не будешь ни въ какой collision съ Пушкинымъ... Какъ ты думаешь объ этомъ? Дай мнѣ знать. Я сказалъ только свое мнѣніе, но ничѣмъ не обязался. Отвѣчай поскорѣе. Я буду согласенъ на все, что ты рѣшишь. Ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю ничего противнаго твоей пользѣ или образу мыслей». 4 сентября, по словамъ Греча, Пушкинъ опять велъ переговоры съ нимъ. Теперь Пушкинъ остановился на мысли издавать газету три раза въ недѣлю, предлагалъ Гречу войти въ половину и печатать газету въ его типографіи. Гречъ опять не далъ рѣшительнаго отвѣта и 7 сентября снова обращался къ Булгарину, сообщая, что поступить согласно его словамъ: «Мое мнѣніе зачѣмъ выпустить изъ рукъ Пушкина и его партію? Мы уничтожимъ всякое дурацкое совмѣстительство и къ 1834 году навѣрное соединимся въ одной газетѣ. Если мнѣ нельзя будетъ за это взяться, возьмется другой и напакоститъ и намъ и Пушкину». Греча, очевидно, привлекала мысль сойтись съ Пушкинымъ и онъ стремится примирить Булгарина съ нимъ. 10 сентября Гречъ выражаетъ сожалѣніе, что не сдержалъ ранѣе Булгарина. «Мнѣ хотѣлось бы непременно,—пишетъ Гречъ,—прекратить эти глупые раздоры въ литературѣ, которые не ведутъ ни къ чему хорошему». Отвѣтныя письма Булгарина до насъ не дошли, но можно предполагать, что Булгаринъ отнесся отрицательно къ затѣямъ Греча. Сообразивъ, что измѣнить Булгарину не выгодно, Гречъ уклонился отъ предложенія Пушкина.

Когда сношенія съ Гречемъ ни къ чему не привели, Пушкинъ началъ переговоры съ Н. И. Тарасенко-Отрѣшковымъ и 16 сентября оформилъ съ нимъ договоръ, какъ съ редакторомъ газеты. Въ первой половинѣ сентября былъ представленъ пробный номеръ газеты «Дневникъ». За это время поэтъ энергично вербовалъ сотрудниковъ, но дѣло ладилось очень плохо, Пушкинъ оказался плохимъ организаторомъ. Это сразу понялъ Гречъ. 28 сентября онъ писалъ Булгарину: «Журнала Пушкина я не боюсь нисколько: это будетъ хуже «Сѣв. Меркурія». Но на дураковъ надѣйся, а самъ не плошай». «Пушкина журнала боюсь, какъ Бабочки или Литерат. Газеты»,—пишетъ Гречъ Булгарину 1 октября, а 19 октября сообщаетъ: «Все обстоитъ благополучно... еще Пчелка не згинѣла».

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1883, ХІІ, стр. 535.

²⁾ Письма къ Булгарину Греча 1832 г. мы цитируемъ вездѣ по упомянутой работѣ П. К. Писанова. — «Несостоявшаяся газета Пушкина — Пушкинъ и его современники», вып. V от дѣльно. Спб. 1907.

Выдача окончательнаго разрѣшенія на выпускъ газеты тормозилась и Пушкинъ, видя, какъ препятствуетъ ему Бенкендорфъ и какъ сложна организациа дѣла, оставилъ мысль о газетѣ. 16 ноября Гречъ писалъ Булгарину: «Пушкинъ образумился и ни журнала, ни газеты издавать не будетъ».

Есть указаніе В. Д. Комовскаго, что Гречъ предлагалъ въ это время Пушкину сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» за 1000—1200 р. въ мѣсяцъ. Объ этомъ Комовскій пишетъ Языкову 16 ноября 1832 г., замѣчая, что «несмотря на то, Пушкинъ отказался, дабы не вѣсть изъ одной чашки съ Ѳ. Булгаринимъ. Это въ немъ похвально»¹⁾. Насколько это вѣрно, сказать трудно.

Въ 1830 г., какъ мы видѣли, Булгаринъ ожесточенно нападалъ не только на личность Пушкина, но и провозгласилъ «совершенное паденіе» его, какъ поэта. Этихъ рѣзкихъ нападокъ на творчество поэта въ 1831 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» уже нѣтъ. Даже послѣ выхода въ концѣ 1830 г. «Бориса Годунова» Булгаринъ удержался отъ какихъ-либо рѣзкихъ выходокъ, что можно было ожидать послѣ инцидента, связаннаго съ появленіемъ «Дмитрія Самозванца». Въ 1831 г. въ № 133 «Сѣверной Пчелы» («Новыя книги») «Борисъ Годуновъ» называется «твореніемъ первокласснаго поэта», «новымъ блистательнымъ произведеніемъ» и заявляется, что разборъ трагедіи появится въ «Сынѣ Отечества», такъ какъ полученную редакціей статью по ея большому размѣру не удобно напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ». Этой статьёй явился обширный разборъ В. Плаксіна — «Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: Борисъ Годуновъ» («Сынъ Отеч.», 1831, т. 20, ч. 142—143, №№ 24—28). Такимъ образомъ, статья В. Плаксіна является выраженіемъ мнѣнія «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества». Хотя Плаксинъ и указываетъ недостатки, но это не носитъ характера рѣзкихъ нападокъ, и въ общемъ критикъ ставитъ высоко Пушкина и называетъ его «геніемъ». Также нѣтъ рѣзкихъ нападокъ на Пушкина въ статьѣ И. Камышева, хотя критикъ и указываетъ недостатки «Бориса Годунова». По мнѣнію его, въ «Борисѣ Годуновѣ», «изложенномъ поверхностно, слегка, не раскрыта истинная поэзія событія, имѣющаго особенное значеніе въ нашей исторіи, но тѣмъ не

менѣе онъ останется изящнымъ произведеніемъ Пушкина: Борисъ Годуновъ, по мысли своей, стоитъ выше другихъ сочиненій Пушкина, хотя и не удовлетворяетъ вполне разнообразію родившихся при томъ требованіи относительно отдѣлки». (Еще о Борисѣ Годуновѣ, стихотвореніе А. С. Пушкина, «Сынъ Отеч.», 1831, т. 23, ч. 145, №№ 40 и 41). Въ 1831 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 255, «Новыя книги») появился лестный отзывъ о «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Энергичная борьба Пушкина съ Булгаринимъ и Гречемъ, достигшая чрезвычайнаго напряженія въ 1830 г. и серединѣ 1831 г., съ 1832 года входитъ въ періодъ затишья.

Въ 1832 г. «Сѣверная Пчела» (№ 51) о 8 главѣ «Евгенія Онѣгина» писала, что «окончаніе Онѣгина примирить всякаго съ авторомъ... Осьмая и послѣдняя глава Евгенія Онѣгина показываетъ, что поэтъ писалъ ее въ состояніи одушевленія, часто вдохновенія, и что она принадлежитъ къ лучшимъ главамъ сего поэтическаго романа». Complimentомъ Пушкину является и статья бар. Розена о 3 ч. «Стихотвореній», появившаяся въ № 81 «Сѣверной Пчелы» («Новыя книги»).

Въ 1833 г. въ «Сынѣ Отечества» (т. 33, № 6) появляется весьма любопытная статья Булгарина — «Письма о русской литературѣ. О характерѣ и достоинствахъ Поэзіи Пушкина». Бѣлинскій говорилъ о Булгаринѣ, что онъ «хвалилъ сегодня, что бранилъ вчера и что снова будетъ хвалить завтра». Въ этой статьѣ особенно ярко проявился «литературный Фигаро», какъ называлъ Булгарина кн. Вяземскій. Въ 1830 г. Булгаринъ провозгласилъ «совершенное паденіе» Пушкина, какъ поэта, а въ 1833 г. пишетъ хвалебную статью. Она чрезвычайно интересна для характеристики Булгарина. Въ первыхъ же строчкахъ онъ заявляетъ, что Пушкинъ «составляетъ эпоху въ Исторіи нашей Литературы», что онъ «заговорилъ новымъ языкомъ и представилъ поэзію въ новыхъ формахъ, возбудилъ новыя ощущенія и новыя мысли». «Этого переворота, — замѣчаетъ Булгаринъ, — этого впечатлѣнія нельзя было произвестъ, не имѣя истиннаго генія; а потому дарованіе Пушкина столь же велико, какъ и заслуга. Затѣмъ Булгаринъ говоритъ: «Множество произведеній обыкновенныхъ ослабило вниманіе публики къ Поэту, а нѣкоторые изъ недалекъ-видныхъ критиковъ и недоброжелателей

¹⁾ «Историч. Вѣстникъ», 1883, XII, стр. 535.

Пушкина уже провозгласили совершенный упадокъ его дарованія. — Правда, что надобна была сильная вѣра въ сіе дарованіе, чтобы не усомниться въ его упадкѣ, послѣ такой пьесы, какова на примѣръ: Посланіе къ князю Юсупову. Но я, пребылъ вѣренъ моему мнѣнію, что дарованіе Пушкина только сбилось съ пути, начертаннаго ему природою, а не погубило, и Алмазахъ Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ обрадовалъ меня чрезвычайно, убѣдивъ, что я не ошибся въ моей вѣрѣ. — Моцартъ и Сальери, Эхо, Анчаръ, Дерево Яда, суть произведенія дарованія юнаго, сильнаго разумомъ и душою, суть отголоски Поэзіи современной, высокой, трогательной, томной, грустной, но крѣпительной и неуядаемой. Звуки сіе не гибнуть въ воздухѣ, слова не тлѣютъ вмѣстѣ съ бумагою... И такъ, утѣшитель, любители Поэзіи высокой, благородной, утѣшитель, истинные друзья таланта Пушкина! Сей талантъ не упалъ: онъ еще полонъ силы и жизни»... Въ заключеніе Булгаринъ говоритъ, что мѣсто Пушкина «между нашими современными Поэтами — первое, и не послѣднее въ небольшомъ кругу Поэтовъ всемирныхъ».

13 марта 1833 г. Гречъ просилъ Пушкина оказать содѣйствіе Е. Шишковой въ изданіи трудовъ ея умершаго мужа А. А. Шишкова. (Переп. т. III, стр. 14—15). Къ нему поэтъ относился очень дружелюбно и принялъ горячее участіе въ просьбѣ его жены¹⁾. 16 марта 1834 г. Пушкинъ былъ у Греча на совѣщаніи по поводу изданія Энциклопедическаго словаря Плюшара. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ: «Пушкинъ и кн. В. О. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствующіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: «Согласенъ, если это предпріятіе и условія онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями». А Пушкинъ къ этому прибавилъ: «Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено». Многіе приняли эту щепетильность за личное себѣ оскорбленіе»²⁾. 17 марта 1834 г., записывая въ своемъ дневникѣ объ этомъ совѣщаніи, Пушкинъ пишетъ: «Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу. Не говоря

уже о чести. Охота дѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ»... Также рѣзко отрицательно отзываясь поэтъ о Булгаринѣ въ письмѣ къ Погодину въ началѣ апрѣля 1834 года. (Переп. т. III, стр. 93). 2 апрѣля 1834 года, отмѣчая въ дневникѣ, что В. О. Одоевскій, С. П. Диричь, П. И. Гаевскій и Е. П. Зайцевскій выбыли изъ сотрудниковъ Словаря, Пушкинъ пишетъ: «Прочіе были обижены нашею оговоркою, но честный человекъ, поговоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обмануть... Этотъ Lexicon будетъ ни что иное, какъ «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для чтенія» въ новомъ порядкѣ и объемѣ»¹⁾. Къ апрѣлю 1834 г. относится встрѣча Пушкина у Греча съ Булгаринимъ, разсказанная въ крайне недостоверныхъ воспоминаніяхъ Бурнашева²⁾. На одно изъ своихъ собраній, по разсказу Бурнашева, Гречъ ждалъ Пушкина. Среди гостей былъ Булгаринъ, и Гречъ имѣлъ намѣреніе примирить его съ Пушкинымъ. Узнавъ, что ожидается Пушкинъ, Булгаринъ хотѣлъ удалиться, но Гречъ его удержалъ. Когда вошелъ Пушкинъ, Гречъ будто бы велѣлъ подать шампанскаго и обратился къ поэту:

— А вотъ, А. С., мой Булгаринъ вздумалъ было отъ васъ уходить на утечку; но не тутъ-то было, я его арестовалъ и никакъ не выпущу, пока не достигну того, чтобы Косичкинъ и Фигляринъ прекратили недостойную ихъ распрю, совершаемую ими, право, на потѣху райка русской читающей публики.

«Я — Пушкинъ, — будто бы сказалъ поэтъ, — а г. Булгаринъ — Булгаринъ, и въ частномъ быту мы ничего не имѣемъ общаго съ Косичкинымъ или Фигляринимъ, почему ни Пушкинъ, ни г. Булгаринъ не могутъ давать, даже подъ влияніемъ этого превосходнаго шампанскаго, завѣренія въ томъ, что до нихъ не касается. Mais tranchons là—dessus et qu'il n'en soit plus question, или я убѣгу. А вотъ что за причина, что Фаддей Венедиктовичъ (кажется такъ?) хотѣлъ отъ меня бѣжать? И, кажется, не такъ страшень, особенно г. Булгарину; онъ, я думаю, не трусливаго десятка, и про то, вѣроятно, хорошо вѣ-

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 550—553.

²⁾ «Изъ воспоминаній петербургскаго старожилы. Четверги у Греча». — «Заря», 1871, кн. IV; перепечатано въ «Замѣткахъ о Пушкинѣ» В. В. Калаша — «Русскій Архивъ», 1901, VI, стр. 251—254.

¹⁾ Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, стр. 93—95.

²⁾ А. В. Никитенко. «Записки и дневникъ», Спб. 1905, т. I, стр. 239—240.

даютъ тѣ различныя знамена, подъ которыми онъ воевалъ. Напротивъ, я ничего не имѣю къ Ѳаддею Венедиктовичу непріязненнаго, доказательствомъ тому, между прочимъ, служить то, что я еще сегодня купилъ его портретъ, очень, очень схожій, продаваемый—представьте себѣ, господу—книгопродавцемъ Лисенковымъ за портретъ Видока. Охъ, ужъ мнѣ эти спекуляторы книгопродавцы: страсть изъ всего извлекать какую бы то ни было выгодишку. Да еще я очень радъ, что повстрѣчалъ теперь Ѳаддея Венедиктовича: мнѣ нужно нѣкоторое поясненіе; я для одного новаго московскаго журнала принялся писать мемуары, въ которыхъ кое-какую роль будетъ играть Орестъ Михайловичъ Сомовъ; такъ хотѣлось бы знать подробности мнимаго его арестованія послѣ 14 декабря и освобожденія. Все это, кажется, хорошо извѣстно Ѳаддею Венедиктовичу...

Нужно замѣтить, что дѣйствительно Лисенковъ продавалъ портретъ Булгарина за портретъ Видока, а Сомовъ послѣ 14 декабря 1825 г., явившись къ Булгарину, заявилъ, что бѣжалъ изъ Петропавловской крѣпости, и просилъ спасти. Булгаринъ заперъ на ключъ его въ своемъ кабинетѣ и отправился заявить полиціи. Мистификація выяснилась и Сомовъ за нее былъ посаженъ въ крѣпость на трое сутокъ.

Гречъ, по разсказу Бурнашева, не ожидалъ такого отношенія Пушкина и поставился какъ можно скорѣе замять инцидентъ, начавъ представлять Пушкину гостей. Булгаринъ вскорѣ уѣхалъ. На этомъ же вечерѣ, по словамъ Бурнашева, Гречъ разсказалъ, что на обѣдѣ у Смирдина Пушкинъ, увидѣвъ, что старый его товарищъ по лицу и цензоръ В. Н. Семеновъ сидитъ между Гречемъ и Булгаринимъ, громко сказалъ ему: «Ты, братъ Семеновъ, сегодня словно Христосъ на горѣ Голгоѣ». Гречъ, по его словамъ, не обидѣлся, но Булгаринъ «пришелъ въ совершенное нравственное расстройство и задыхался отъ бѣшенства».

Разсказъ Бурнашева мало правдоподобенъ. Пушкинъ, подробно отмѣчая въ своемъ дневникѣ, который велъ въ это время, разныя событія жизни, не отмѣтилъ этого эпизода. Выдуманъ во всякомъ случаѣ пошлый и суконный языкъ, какимъ Пушкинъ говорить у Бурнашева.

Въ 1834 г. появился въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 192 «Новыя книги») отзывъ Р. М. о «Повѣстяхъ Бѣлкина» и «Пиковой дамѣ». Рецензентъ не хвалитъ «Повѣстей»,

особенно указываетъ на то, что въ нихъ «нѣтъ идеи». Къ «Пиковой дамѣ» Р. М. относится благосклоннѣе, но также указываетъ «недостатокъ идей». Булгаринъ смягчилъ отзывъ, сдѣлавъ примѣчаніе: «Мы не знаемъ въ русской литературѣ повѣсти, которая была бы написана такъ легко, приятно, правильно и отчетливо, какъ Пиковая Дамы. Изд. С. П.».

Въ 1835 году «Сынъ Отечества» и «Сѣверная Пчела» помѣстили отзывы объ «Исторіи Пугачевскаго бунта», вышедшей въ 1834 г.

П. К. (Броневскій) въ «Сынѣ Отечества» (ч. 169, № 3) говоритъ, что книга «мертво рожденное дитя», что въ ней «все такъ холодно и сухо, что тщетно будетъ искать въ немъ труда знаменитаго нашего поэта. Къ удивленію, и признаюсь, къ сожалѣнію моему, мы не нашли въ немъ ни одного чувства, ни одной искры жизни». Но все же Броневскій называлъ «Исторію Пугачевскаго бунта» «дѣльнымъ и полезнымъ трудомъ». Пушкинъ былъ очень задѣтъ критикой Броневскаго и отвѣчалъ ему въ № 3 «Современника» за 1836 годъ. Указывая, что статья Броневскаго написана «со всевозможною умѣренностью и благосклонностью», Пушкинъ призналъ всетаки критику Броневскаго «поверхностной и неосновательной», отозвавшись отрицательно о его историческихъ работахъ вообще.

Баронъ Розенъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 38, «Новыя книги») не соглашался съ отзывомъ Броневскаго и хвалилъ «Исторію Пугачевскаго бунта» 1).

Къ 1835 г. относится черновой набросокъ замѣтки поэта о Булгаринѣ 2), въ которой Пушкинъ говоритъ о романѣ Булгарина «Записки Чухина»: «Г. Булгаринъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія—(!). Съ нашей стороны, мы

¹⁾ Г. Ѳ. Розену Пушкинъ покровительствовалъ (В. И. Саитовъ, примѣчанія къ III т. Остафьевскаго Архива, стр. 660—666). Розенъ ненавидѣлъ Булгарина (Бурнашевъ, «Заря», 1871, IV, стр. 19—22).

²⁾ П. А. Ефремовъ (Сочиненія Пушкина, изд. 1902—1903, т. VII, № 543) и П. О. Морозовъ (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VIII, стр. 377) неосновательно считаютъ этотъ набросокъ письмомъ къ Гоголю. См. П. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 348.

знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.. Новый романъ г. Булгарина ни мало не уступаетъ его прежнимъ...»

V.

Третій членъ триумвирата—Сенковскій-Брамбеусъ стоялъ въ сторонѣ отъ очерченной нами борьбы Пушкина съ Булгаринымъ и Гречемъ и только въ 1836 году принялъ участіе въ походѣ триумвирата на Пушкина. Этотъ триумвиратъ, какъ уже отмѣчено, вполне сформировался лишь съ 1834 года, когда Сенковскій сталъ редактировать «Библиотеку для чтенія», номинальнымъ редакторомъ которой былъ первое время также Гречъ. Къ «Библиотекѣ для чтенія» были привлечены крупныя литературныя силы и она была поставлена на широкую ногу, что сразу же выдѣлило ее изъ бѣдныхъ матеріаломъ современныхъ журналовъ и создало небывалую для того времени подписку. Такимъ образомъ сформировалась монополющая и крѣпкая коалиція. Но, заключивъ этотъ журнальный союзъ, Сенковскій держался независимо отъ Булгарина и Греча. Хотя по своимъ душевнымъ качествамъ Сенковскій былъ родствененъ Булгарину и Гречу, но всетаки долженъ быть отъ нихъ отдѣленъ: по уму, таланту и образованію онъ стоялъ несравненно выше Греча и Булгарина, не доходилъ до Булгаринскихъ подлостей, наконецъ, не стоялъ въ такихъ отношеніяхъ къ Бенкендорфу, какъ Булгаринъ. Только въ концѣ 30-хъ годовъ душевныя качества Сенковского и общественная физіономія его обнаружили въ полной мѣрѣ. Середина 30-хъ годовъ была эпохой его блестящаго успѣха. То обстоятельство, что Сенковскій независимо держался отъ Булгарина и Греча, не принималъ участія до 1836 года въ ихъ травлѣ Пушкина ¹⁾ и создавало то, что отношенія къ нему Пушкина слагались независимо отъ отношеній къ Булгарину и Гречу, и поэтъ сначала относился къ Сенковскому хорошо. Такъ въ письмѣ отъ 8 февраля 1824 г. къ А. А. Бестужеву, издавшему альманахъ «Полярная Звѣзда» на 1824 г., Пушкинъ хвалитъ помѣщенное тамъ произведеніе Сенковского—«Витязь буланнаго

коня», называя «прелестью». «Совѣтую себѣ держать за воротъ этого Сенковскаго» — пишетъ Пушкинъ (Переп. т. I, стр. 99). Когда Сенковскій сталъ редактировать «Библиотеку для чтенія», Пушкинъ принялъ въ ней участіе, помѣстивъ «Пиковую Даму» (1834 № 2), «Сказку о мертвой царевнѣ» (1834, № 2), «Пѣсни западныхъ славянъ» (1835, № 2 и № 3). «Сказку о золотомъ пѣтушкѣ» (1835, № 4), «Сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ» (1835, № 5), Сенковскій дѣлалъ Пушкину. Сохранилось письмо Сенковского, относимое къ июлю—августу 1834 г., въ которомъ Сенковскій раточаетъ похвалы прозаическому языку Пушкина, говоритъ, что поэтъ начинаетъ новую эпоху въ русскомъ прозаическомъ языкѣ (Переп. т. III, стр. 158—160). 1).

Послѣ неудачи въ 1832 году съ изданіемъ собственнаго періодическаго органа Пушкинъ все время не оставлялъ мысли объ его изданіи и въ 1836 г., какъ извѣстно, сталъ издавать «Современникъ». Снова это грозило опасностью изданіямъ Булгарина и Греча, и они открыли походъ на Пушкина и его журналъ.

Вполнѣ опредѣленно показывается, что новыя нападки Булгарина въ 1836 году были вызваны опять болыною конкуренціей, замѣтка «Сѣверной Пчелы» (1836, № 162), въ которой было сказано: «Прекрасно было то незабвенное время нашей литературы, когда играла лира Пушкина, когда имя его вмѣстѣ съ его сладкими пѣснями, носилось по Россіи изъ конца въ конецъ и было у всякаго на языкѣ. Муза его умолкла. Поэтъ промѣнялъ золотую лиру свою на скрипучее, труженническое перо журналиста. Князь мысли сталъ рабомъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы. Печальная перемена, которой мы не пожелаемъ ни одному истинному поэту. Поэтъ опочилъ на лаврахъ слишкомъ рано. вмѣсто поэтическихъ произве-

¹⁾ Къ 1831—34 гг. относится опубликованный Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 28—30), черновой набросокъ «Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ», относимый имъ къ Сенковскому, но для такого утвержденія нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. См. сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. II, стр. 528—529; П. Б. «Русск. Архивъ», 1903, июнь, обложка, стр. 3; В. В. Сиповскій, «Журналъ. Мин. Нар. Просвѣщ.», 1903, VI, 445—448; П. Е. Щеголевъ, «Истор. Вѣстникъ», 1904, I, 271—272 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб. 1910, стр. 326).

¹⁾ Въ 1834 году «Библ. для чтенія» (т. 6^е отд-в) хвалила «Пиковую Даму», въ 1835 году «Исторію Пугачевского бунта» (т. 10) и «Пѣсни западныхъ славянъ» (т. 12).

НИКОЛАИ ИВАНОВИЧЪ ГРЕЧЪ.

Портретъ, относящійся къ 1815 году.

деней онъ выдаетъ толстыя, тяжелыя книжки сухого и скучнаго журнала, наполненнаго чужими статьями».

Особенно «Современникъ» былъ опасенъ «Библиотекѣ для чтенія», какъ журналу, имѣвшему большое число подписчиковъ. «Библиотека для чтенія» привлекала широтой своей программы и тѣмъ, что въ ней были сосредоточены лучшія литературныя силы. Въ «Современникѣ» также предполагалась широкая программа. Сенковскій имѣлъ основаніе думать, что силы перейдутъ отъ него въ «Современникъ», во главѣ котораго сталъ такой человекъ, какъ Пушкинъ. Въ октябрѣ 1835 года Пушкинъ пишетъ П. В. Нащокину: «Смирдинъ уже предлагалъ мнѣ 15.000, чтобы я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его «Библиотеки». Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться не возможно» (Переп. т. III, стр. 243). И Сенковскій, не нападая ранѣе на поэта, сразу же выступилъ съ нападкама, какъ только Пушкинъ сталъ издавать «Современникъ». Уже въ первой книжкѣ «Библиотеки для чтенія» за

1836 годъ Сенковскій сдѣлалъ выпадъ противъ Пушкина ¹⁾. Поэтъ, желая помочь лицейскому учителю Е. П. Люденко, находившемуся въ крайне стѣсненномъ положеніи, издалъ на свой счетъ его переводъ «Востола» Виланда. Въ 1835 г. переводъ вышелъ въ продажу съ указаніемъ, что его издалъ Пушкинъ, безъ указанія имени переводчика. Сенковскій назвалъ «Востола» «непостижимымъ подаркомъ» поэта «доброй, честной русской публикѣ» на новый годъ. «Нѣкоторые намекають,— пишетъ Сенковскій,—будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ, что «Востола» переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. только далъ ему на прокатъ свое имя для того, чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желаетъ этимъ сдѣлать благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобныя намеки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманыв-

¹⁾ «Библиотека для чтенія», 1836, т. XVI, отд. VI, стр. 33—34.

вать публику двусмысленностями, чтобы дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что долженъ публикѣ и себѣ. Если бы въ словѣ «издалъ» и не было бы двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи,—онъ знаетъ, что человекъ, пользующійся литературной славой, отвѣчаетъ передъ публикой за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени... А. С., если бы пожелалъ быть благодѣтелемъ, написалъ бы самъ двѣ—три страницы стиховъ и онѣ принесли бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта «Востола». Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лицо бѣдному одно свое имя для продажи, что равнялось бы презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, что это подлинныя стихи Пушкина. И если бы они даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе, какъ признать ихъ своими и внести въ собраніе своихъ сочиненій... Это—его стихи. Удивительные стихи!» Такимъ образомъ, знавшій, что стихи не Пушкина, Сенковскій не только нагло лицемерилъ, но и зло надругался надъ поэтомъ, обвиняя его въ настоящей недобросовѣстности. Вполнѣ вѣрно С. А. Венгеровъ назвалъ эту двусмысленную, лицемерную и злую замѣтку Сенковскаго «одной изъ тѣхъ мѣфистофельскихъ рецензій, на которыя онъ былъ такой мастеръ»¹⁾. Въ отвѣтъ на эту злую выходку Пушкинъ въ № 1 «Современника» помѣстилъ сдержанную замѣтку, назвавъ лишь обвиненіе «несправедливымъ», указавъ, что дѣйствительно «Востола» переведена не имъ, а онъ лишь издалъ книгу. Пушкинъ былъ глубоко возмущенъ поступкомъ Сенковскаго, и повтореніе отзыва Сенковскаго знакомымъ Пушкина С. С. Хлюстинымъ повело къ крупному столкновению съ нимъ поэта, чуть не окончившемуся дуэлью. 4 февраля Пушкинъ писалъ Хлюстину: «Я не сержусь на Сенковскаго: но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нечѣстности свиней и мерзавцевъ» (Переписки, т. III, стр. 272).²⁾

Что нападки Сенковскаго на Пушкина имѣли тѣ же мотивы, что и нападки Булгарина, а именно боязнь конкуренціи, видно по самому характеру этихъ нападокъ, по такому, напримѣръ, замѣчанію: «Всегда должно сожалѣть, когда поэтической геніи перваго разряда, каковъ Александра Сергѣевича Пушкина, самъ добровольно отрекается отъ своего призванія, и съ священныхъ высотъ Геликона, гдѣ онъ прежде, по счастливому выраженію Проперція, Musarum choris implicuit manus, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе бѣдной и бесплодной. Это уже—затменіе одной изъ славъ народа. Но какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда этотъ геній, рожденный вить безсмертные вѣнки на вершинѣ «зеленаго Геликона», нарвавъ тамъ горсть колючихъ острогъ, бѣжитъ стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы Віоюанъ, которая обѣщаетъ, за подарокъ, наградить его грубымъ хохотомъ! Берегитесь, неосторожный геній! послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго подножія Геликона лежитъ Михонское болото. Бездонное болото, наполненное черной грязью! Эта грязь—журнальная полемика; самый низкій и отвратительный родъ прозы, послѣ рюмованныхъ пасквилей» («Библиотекѣ для Чтенія», 1836, XV, отд. VI, 69).

Всегда думавшій о борьбѣ съ «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества», видѣвшій въ этой борьбѣ одну изъ важныхъ очередныхъ задачъ журналистики въ данный моментъ, Пушкинъ начавъ издавать «Современникъ», снова повелъ эту борьбу. Сначала, въ 1834—1835 гг. Пушкинъ сотрудничалъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», но какъ только сдѣлалась ясной общественная и литературная физіономія этого журнала, какъ только не осталось сомнѣнія, что Сенковскій вступилъ въ союзъ съ Булгаринымъ и Гречемъ и созданъ триумвиратъ, Пушкинъ повелъ борьбу и съ «Библиотекой для Чтенія». Если ранѣе Пушкинъ боролся только съ двумя членами триумвирата—Бул-

¹⁾ Сочиненія Бѣдинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 597.

²⁾ Объ изданіи Пушкинскимъ «Востола» Люценко и о столкновении въ связи съ этимъ съ Сен-

ковскимъ и Хлюстинымъ см. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 330, 339, 347, 355; Б. Л. Модзалевскій. Пушкинъ и Люценко. «Русск. Старина», 1898, т. 94, кн. IV, стр. 73—88 и отд. СПб. 1898; Пушкинъ, II, Къ біографіи Пушкина. М. 1885. 73—84. Н. О. Лернеръ, «Русскій Арх.», 1900, III, 143—144; Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 616—617, т. VIII, стр. 366 и 379; И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. СПб. 1902, стр. 30.

гаринымъ и Гречемъ, то теперь, съ 1836 г., началась борьба съ триумvirатомъ, какъ таковымъ, какъ съ дѣлмыъ. Это отношеніе Пушкина къ «Библиотекѣ для чтенія» раздѣляли его друзья, особенно кн. Вяземскій, который въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 23 октября 1836 г. назвалъ «Библиотечку для Чтенія»—«свинымъ хлѣвомъ»¹⁾.

Уже въ первомъ томѣ «Современника», вышедшемъ 11 апрѣля, былъ нанесенъ большой ударъ триумvirату Гоголемъ въ большой, не подписанной статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году», въ которой дана очень вѣрная оцѣнка членовъ триумvirата и ихъ изданій, высказано по адресу Сенковского много горькой правды. Гоголь давно относился отрицательно къ триумvirату и, какъ мы уже отмѣтили, подавалъ въ 1831 г. Пушкину мысль сопоставить Булгарина съ Байрономъ²⁾. Это—одна изъ лучшихъ журнальныхъ статей Гоголя, о которой прекрасно отзывался Бѣлинскій. Она нанесла серьезный ударъ триумvirату и произвела большое впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ³⁾.

Пушкинъ намѣревался вслѣдъ за статьѣй Гоголя нанести новый ударъ триумvirату. Во II т. «Современника», вышедшемъ въ іюль, была помѣщена такая замѣтка отъ редакціи: «Мы получили также статью г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей». Но замѣтка Пушкина не появилась. Въ 3 т. «Современника», вышедшемъ въ сентябрѣ, появилась статья А. Б. «Письмо къ издателю» съ нападками на Сенковского и Греча⁴⁾.

¹⁾ Остафьевскій Архивъ, III, 335.

²⁾ Напомнимъ, что Сенковский не понималъ совершенно Гоголя, нападалъ на него въ «Библиотекѣ для Чтенія»; отношеніе къ Гоголю является яркимъ примѣромъ отсутствія въ Сенковскомъ настоящаго критическаго чувства.

³⁾ Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», СПб. 1876, стр. 186.

⁴⁾ Эту статью П. В. Анненковъ (Сочиненія Пушкина, т. I, Матеріалы для біографіи Пушкина. Спб. 1855, стр. 424), приписываетъ И. А. Безсонову. Это указаніе повторляетъ П. О. Морозовъ (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VI, 623). В. С. Карцевъ и М. Н. Мазаевъ въ «Опытѣ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», (Спб. 1891) раскрываютъ этотъ инцидентъ, какъ принадлежащій А. И. Болтину. И. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», Спб. 1903, стр. 242) предполагаетъ, что статья принадлежитъ М. П. Погодину. Никто доказательствъ не приводитъ.

Такимъ образомъ, Пушкинъ, продолжая войну съ триумvirатомъ, остался вѣрнѣе принципамъ, которыми руководствовался въ «Литературной Газетѣ», хотя нападки уже не были такъ рѣзки. Послѣ замѣчанія «Сѣверной Пчелы», что «Современникъ» является продолженіемъ «Литературной Газеты», Пушкинъ подтверждаетъ это въ 3 книгѣ «Современника», заявивъ, что «Современникъ» по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты».

Острое перо Пушкина до самыхъ послѣднихъ дней жизни не оставляло Булгарина. Въ ноябрѣ 1836 года поэтъ встрѣтился въ магазинѣ Смирдина съ гр. Соллогубомъ, писавшимъ экспромтъ:

Коль ты къ Смирдину войдешь
Ничего тамъ не найдешь
Ничего ты тамъ не купишь
Лишь Сенковского толкнешь...

Пушкинъ прибавилъ: «Иль въ Булгарина наступишь»¹⁾.

Только съ однимъ изъ членовъ триумvirата—Гречемъ въ личныхъ отношеніяхъ у Пушкина не было открытаго разрыва. Гречъ всегда старался поддерживать отношенія съ поэтомъ, и Пушкинъ посѣщалъ даже домъ Греча. 12 октября 1836 г. Гречъ по поводу «Полководца» Пушкина писалъ ему: «Вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предрассудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающая долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи!» Пушкинъ отвѣтилъ 13 октября сдержанной благодарностью (Переп. т. III, стр. 379—380). Пушкинъ былъ расположенъ къ сыну Греча Н. Н. Гречу, который очень любилъ поэта и котораго А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ А. И. Нефедьевой называетъ «прекраснымъ юношей, подававшимъ прекрасныя надежды, любимымъ и уважаемымъ своими товарищами студен-

¹⁾ Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба. М. 1866, стр. 46. П. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, 3-е изд. Спб. 1888, стр. 40—41.

тами»¹⁾. Подробно о взаимномъ расположеніи Пушкина и Н. Н. Греча рассказываетъ В. П. Бурнашевъ, въ воспоминаніяхъ котораго находится рассказъ о послѣднихъ отношеніяхъ поэта къ Гречу и его сыну Н. Н. Гречу. 4 декабря 1836 г., по рассказу Бурнашева, Пушкинъ проѣзжалъ въ Англійскій клубъ и увидѣлъ большое освѣщеніе у Греча; думая, что у него происходитъ собраніе сотрудниковъ Энциклопедическаго Лексикона, онъ заѣхалъ къ Гречу. 26 января 1837 года Гречъ-сынъ умеръ и въ тотъ-же день было послано Пушкину приглашеніе на похороны. 27-го состоялись похороны. «Мнѣ жаль,—сказалъ Гречъ, по словамъ Бурнашева,—что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго боготворилъ мой Коля, у котораго онъ говорилъ въ послѣдніе часы своей жизни, не захотѣлъ почтить сегодня насъ своимъ присутствіемъ. Но, вѣдь, всѣ эти господа-аристократы мнятъ о себѣ такъ много и считаютъ себя людьми другой кости». Въ этотъ моментъ было сообщено Гречу, что Пушкинъ дрался на дуэли и будто бы уже умеръ. «Велика, ужасна моя потеря,—сказалъ Гречъ по рассказу Бурнашева,—но потеря Пушкина Россіею ни съ какою частною горестью не можетъ быть сравнена. Это—несчастіе нашей литературы. Это—народная утрата»²⁾.

Рассказъ Бурнашева, вѣроятно, составленъ на основаніи нечестныхъ источниковъ. Извѣстно, что, лежа въ мученіяхъ послѣ дуэли 27 января 1837 года, Пушкинъ вспомнилъ о приглашеніи на похороны и сказалъ доктору Спасскому: «Если увидите Греча, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ»³⁾.

За то Булгарина и смерть Пушкина не смягчила. 4 февраля 1837 года онъ писалъ изъ Дерпта къ А. Я. Стороженко: «У насъ разнесся слухъ, что Пушкинъ убитъ на дуэли барономъ Дантесомъ, кавалергардскимъ офицеромъ, за жену. Я еще не получилъ писемъ изъ Петербурга, но Воейковъ уже писалъ съ проѣзжающимъ къ своей тещѣ Протасовой. Жаль поэта—и великаго,—а человекъ былъ дрянной. Корчилъ Байрона, а пропалъ, какъ заяцъ. Жена его право не виновата. Ты зналъ фигуру Пуш-

кина: можно ли было любить, особенно пьянаго»¹⁾.

Послѣ трагической кончины Пушкина у триумвирата хватило совѣсти, чтобы не бросить кома грязи въ могилу поэта: некрологи въ ихъ изданіяхъ отдавали дань поэту. Въ замѣткѣ Л. Якубовича въ № 24 1837 г. «Сѣверной Пчелы» было сказано, что «Россія обязана Пушкину благодарностью за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности». Гречъ получилъ за эту фразу выговоръ Бенкендорфа²⁾. Отдавала дань Пушкину и «Библиотека для Чтенія» въ некрологѣ, написанномъ Н. Полевымъ («Библи. для Чтенія», т. XXI, стр. 181—198). Въ 1838 году Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 1, Русская литература) краткое извѣстіе о выходѣ 1—2 т. «Сочиненій Пушкина» (Спб. 1838), начавъ: «Безмолвный привѣтъ памяти еще столь недавно утраченнаго нами незабвеннаго поэта!» Въ томъ же году въ «Библи. для Чтенія» въ отзывѣ о 1—3 т. «Сочиненій» Пушкина (т. 27, отд. VI, мартъ, новыя книги) сказано: «Вотъ три первые тома всей русской словесности; здѣсь все, что мы любимъ, чѣмъ восхищаемся, что повторяемъ наизусть». Замѣчая относительно эпиграммъ, что онъ «не любитъ этого рода литературы», критикъ говоритъ: «Пушкинъ защищаетъ ими отъ враговъ своихъ, отъ своихъ зоиловъ! Враги Пушкина! Гдѣ же они теперь? Я вижу однихъ только восторженныхъ обожателей Пушкина. Великое дѣло смерть для человека съ истиннымъ дарованіемъ! Если бы Пушкинъ могъ встать изъ своей безсмертной могилы, онъ, навѣрное, между этими восторженными обожателями своего генія, съ изумленіемъ узналъ бы знакомыя лица здѣйшихъ своихъ зоиловъ прежняго времени».

VI.

Говоря о той борьбѣ, которую велъ Пушкинъ съ триумвиратомъ, нужно отмѣтить, что въ ней принялъ участіе только что начавшій свою литературную дѣятельность Бѣлинскій. Восторженный энтузіастъ, столь высоко ставившій литературу, видѣвшій въ ней священное служеніе, Бѣлинскій

¹⁾ «Пушкинъ и его современники», VI, стр. 47.

²⁾ В. П. Бурнашевъ. Воспоминанія.—«Русск. Архивъ», 1872, IX, 1787—1802.

³⁾ Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Аннепкова, т. I. Матеріалы для біографіи. Спб. 1855, стр. 449, 459—460; «Русская Старина», 1881, V, стр. 158—159.

¹⁾ Стороженко. Фамилный архивъ. Кіевъ 1907, т. III, стр. 29.

²⁾ А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1905, т. I, стр. 285.

КНИЖНАЯ ЛАВКА СМЕРДИНА.

Виньетка Сапожникова (тушью) ко II тому «Новоселья» (1834).

Въ правомъ углу весьма мало похожий Пушкинъ разговариваетъ съ кн. Вяземскимъ. За стойкою— прикащикъ Ножевцовъ и Смирдинъ; господинъ въ шинели— Сенковский. Носитъ книги— прикащикъ Цветковъ.

съ самаго начала своей литературной дѣятельности отнесся отрицательно къ триумvirату. У Пушкина сразу же явился сильный союзникъ. Бѣлинскій, который впоследствии далъ такое глубокое истолкованіе Пушкина, съ знаменитыми статьями котораго началось лишь истинное пониманіе и оцѣнки поэта, уже въ первыхъ своихъ статьяхъ, въ пламенныхъ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» 1834 года, высоко ставилъ Пушкина и выступилъ противъ травли его Булгаринимъ. Бѣлинскій довольно определенно указалъ въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» на личный характеръ нападковъ на Пушкина Булгарина, на его продажное непостоянство. «Ни одинъ поэтъ на Руси,— писалъ Бѣлинскій,— не пользовался такою народностью, такою славою при жизни, и ни одинъ не былъ такъ жестоко оскорбленъ. И къмъ же? Людьями, которые сперва пресмыкались предъ нимъ во прахѣ, а потомъ кричали: *Chûte complètel!*»¹⁾ Нападая на Булгарина въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», Бѣлинскій беретъ тотъ тонъ, который принялъ Пушкинъ въ статьяхъ 1831 г., и подхватываетъ язвительное сопоставленіе Булгарина съ Орловымъ.

Нападенія Бѣлинскаго на Булгарина сейчасъ же вызвали его ожесточенныя нападки на критика. Тотъ отвѣчалъ горячей отповѣдью въ журнальной замѣткѣ въ «Молвѣ» (1835, № 46—47), въ которой воздастъ Булгарину должное и опять цитируетъ его знаменитое изреченіе о VII главѣ «Оцѣгана»: *Chûte complète.*

Въ началѣ 1836 г. Бѣлинскій нанесъ новый сильный ударъ триумvirату въ статьѣ «Ничто о ничемъ» («Телескопъ», 1836, т. XXXI). Здѣсь Бѣлинскій отмѣчаетъ, что отношенія членовъ триумvirата обусловлены не принципиальными разногласіями, а личной выгодой, на что указывалъ и Пушкинъ²⁾. Когда вышла первая книга «Современника», Бѣлинскій помѣстилъ о ней статью въ № 7 «Молвы» 1836 г. Бѣлинскаго не удовлетворило содержаніе журнала, онъ не оцѣнилъ вполне его. Указывая промахи Бѣлинскаго, С. А. Венгеровъ справедливо отмѣчаетъ, что статья «видимо писалась не въ минуту вдохновенія и повышенной литературной проница-

тельности¹⁾. Но Бѣлинскій все-таки горячо привѣтствовалъ журналъ. Особенно лестно отзывается критикъ объ упомянутой выше статьѣ Гоголя, въ которой, какъ мы знаемъ, дана рѣзкая оцѣнка триумvirата. Въ этой статьѣ Бѣлинскій видитъ «духъ и направленіе новаго журнала». Бѣлинскій привѣтствовалъ журналъ, видя въ немъ оппозицію ненавистному триумvirату. Бѣлинскій прямо говоритъ, что Сенковский «испугался» «Современника», что опъ, «забывъ обычное свое благоразуміе, имѣлъ неосторожность сказать, что онъ «отдалъ бы все на свѣтѣ, лишь бы только Пушкинъ не сдержалъ своей программы».

Пушкинъ сразу же обратилъ свое вниманіе на Бѣлинскаго, но кружокъ Пушкинскій былъ настроенъ противъ Бѣлинскаго. 27 мая 1836 г. Пушкинъ послалъ ему «Современникъ» черезъ П. В. Нащокина. Но Пушкинъ, зная враждебное отношеніе къ Бѣлинскому кружка Погодина и Шевырева, скрывалъ свои сношенія. Прося Нащокина передать Бѣлинскому «Современникъ», Пушкинъ просилъ его въ письмѣ сдѣлать это «тихонько отъ Наблюдателей НВ» и передать Бѣлинскому «что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться». О печатающемся 2 № «Современника» Пушкинъ сообщаетъ Нащокину, что № «очень хорошъ» (Переп. т. III, стр. 325). Но Бѣлинскому онъ не понравился и онъ раскритиковалъ 2 № «Современника» въ № 13 «Молвы», признавъ попытки Пушкина издавать журналъ несостоятельными. И въ этой второй статьѣ Бѣлинскій былъ довольно несправедливъ. С. А. Венгеровъ замѣчаетъ, что Бѣлинскій, когда говорилъ о «Современникѣ», «терялъ самообладаніе, дѣлалъ эстетическіе промахи и становился придирчивымъ и несправедливымъ»²⁾. Въ этой статьѣ Бѣлинскій ясно подчеркиваетъ, что ему, когда онъ привѣтствовалъ первый томъ «Современника», было дорого то, что онъ надѣялся, что журналъ Пушкина будетъ прочной оппозиціей триумvirату. По поводу статьи Гоголя Бѣлинскій замѣчаетъ: «Рѣзкій и благородный тонъ этой статьи, смѣлые и безпристрастные отзывы о нашихъ журналахъ, вѣрный взглядъ на журнальное дѣло— все это подало было намъ надежду, что

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 362.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 376.

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 493.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 507.

«Современникъ» будетъ ревностнымъ поборникомъ истины, искаженной и попираемой ногами книжныхъ спекулянтовъ, что его голосъ неутомимо, громко и твердо будетъ раздаваться на журнальной аренѣ, превращенной въ рыночную площадь продажныхъ похвалъ и браней, что онъ сшибетъ не съ одной пустой головы не заслуженные лавры, что онъ ошпилетъ не съ одной литературной вороны накладныя павлиньи перья, что онъ сорветъ маску мнимой учености и мнимаго таланта не съ одного заѣзжаго фигляра, съ баронскимъ гербомъ и татарскимъ прозвищемъ, пускающаго въ глаза простодушной публикѣ пылъ поддѣльнаго патриотизма и лакейскаго остроумія. Тѣмъ пріятнѣе было намъ надѣяться всего этого отъ «Современника», что теперь, именно теперь, наша литература особенно нуждается въ такомъ журнальѣ¹⁾.

Несмотря на отрицательный отзывъ Бѣлинскаго о второй книгѣ «Современника», поэтъ, очевидно не терялъ своего расположенія къ критику и имѣлъ, повидимому, намѣренія привлечь его къ своему журналу. Отвѣчая на недошедшее до насъ письмо Пушкина, Нащокинъ писалъ въ началѣ октября 1836 г. поэту о Бѣлинскомъ: «Я его не видѣлъ, но его друзья, въ томъ числѣ Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать» (Переп. т. III, стр. 396). Бѣлинскій очень цѣнилъ, что Пушкинъ обратилъ на него вниманіе. Въ письмѣ къ Гоголю въ 1842 г. Бѣлинскій говоритъ, что несмотря на то, что «слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей», его «больше всего этого радуется доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ»²⁾.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій явился сильнымъ союзникомъ Пушкина въ его борьбѣ съ триумвиратомъ. Въ немъ Бѣлинскій видѣлъ тормазъ развитію литературы и общественной жизни, явленіе, съ которымъ необходимо энергично бороться. И

Бѣлинскій былъ всегда непримиримымъ врагомъ триумвирата¹⁾.

VII.

Теперь, когда передъ нами прошла фактическая сторона отношеній Пушкина и триумвирата, выяснимъ мотивы борьбы.

Въ чемъ прежде всего заключалась причина ненависти поэта къ Булгарину?

Прежде всего, можно думать, что Булгаринъ просто былъ ненавистенъ Пушкину, какъ человѣкъ низкій, лишенный всякаго чувства чести; тутъ была со стороны Пушкина прямо брезгливость; Булгаринъ былъ ненавистенъ, какъ опредѣленный психическій типъ. Въ этой психологической области не малую роль играло презрѣніе къ Булгарину, какъ къ продажной личности, какъ къ человѣку, продавшемуся изъ-за выгоды Бенкендорфу, какъ къ доносчику и шпиону. Пусть Пушкинъ въ эпоху хлопотъ о газетѣ предлагалъ свои «услуги» правительству, пусть онъ пользовался «милостями» Николая I, но это были лишь уклоненія, лишь колебанія подъ влияніемъ тяжелыхъ условій жизни, въ душѣ же поэтъ до истинно-трагическихкихъ страданій тяготился «покровительствомъ» Николая I, условіями своей жизни, той рамкой, въ которую она была заключена; роль прихлебателя, клеветы, была органически ненавистна свободной душѣ Пушкина.

Но ненависть къ чисто психическому складу Булгарина, какъ къ продажному рабу и шпиону, не была всей причиной ненависти поэта къ Булгарину. Сюда присоединилось, несомнѣнно, опасеніе, что клеветъ Бенкендорфа, подъ бдительнымъ надзоромъ котораго находился поэтъ, враждебно настраиваетъ шефа жандармовъ. На это совершенно вѣрно указываетъ М. И. Сухомлиновъ²⁾. Современники держались того взгляда, что Булгаринъ имѣлъ громадное влияніе на Бенкендорфа, думали, что онъ стоитъ близко къ Ш отдѣленію, смотрѣли, какъ на агента Бенкендорфа. Даже такіе близко стоящіе къ высшимъ административнымъ сферамъ люди, какъ гр. Д. Н. Блудовъ, считали, что Булгаринъ служитъ въ тайной полиціи и является на-

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 58—59.

²⁾ «Письма Бѣлинскаго». Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Ф. Ф. Павленкова, т. III, стр. 4196. СПб. 1907. Объ отношеніяхъ Пушкина и Бѣлинскаго, см. А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій», 2-е изд. СПб. 1908, стр. 100—102 и Н. О. Лернеръ, «Бѣлинскій». М. 1910, стр. 65—66.

¹⁾ Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Булгарину цѣпный матеріалъ даютъ комментаріи къ сочиненіемъ Бѣлинскаго, изд. подъ ред. С. А. Венгерова (т. I—VII. СПб. 1900—1904) и подъ ред. Иванова-Разумника (т. I—III. СПб. 1911).

²⁾ Исследования и статьи, т. II, стр. 267 и 274.

стоящимъ сыщикомъ. Никитенко, передавая разговоръ съ Блудовымъ, записалъ: «Графу положительно извѣстно, что Булгаринъ участвовалъ въ службѣ по тайной полиціи во время Бенкендорфа»¹⁾. Пушкинъ раздѣлялъ воззрѣнія современниковъ на Булгарина, думая, что онъ играетъ видную роль въ III отдѣленіи и имѣетъ сильное вліяніе на Бенкендорфа. Что Пушкинъ именно опасался вліянія Булгарина на Бенкендорфа, допосовъ Булгарина, хорошо видно изъ слѣдующаго факта. 2 мая 1830 г. Пушкинъ проситъ П. А. Вяземскаго позондировать почву относительно того, можно ли надѣяться получить разрѣшеніе на изданіе политической газеты. «Пожалуйста,—пишетъ поэтъ,—поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозревать, то онъ по своему обыкновенію пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься» (Переп. т. II, стр. 145).

Пушкинъ видѣлъ въ своей борьбѣ борьбу не съ частнымъ, а съ чисто официальнымъ изданіемъ, онъ смотрѣлъ на «Сѣверную Пчелу», именно какъ на чисто официальный органъ. Въ сохранившихся въ рукописяхъ критическихъ замѣткахъ 1830—1831 гг. и въ «Разговорѣ А и Б» Пушкинъ неоднократно называетъ «Сѣверную Пчелу» «официальной газетой»²⁾.

Въ настоящее время опубликованіе ряда историческихъ документовъ обнаружало, что Булгаринъ не имѣлъ такого сильнаго вліянія на Бенкендорфа, какъ это предполагали современники, а былъ лишь прислѣшникомъ шефа жандармовъ, который часто обращался съ нимъ, какъ съ лакеемъ, хотя и покровительствовалъ ему, видя въ немъ полезнаго себѣ человѣка. Но «Сѣверная Пчела» была, несомнѣнно, органомъ Бенкендорфа, Булгаринъ выполнялъ его порученія, писалъ статьи по заказу, о чемъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Дубельту отъ 30 апрѣля 1844 г.³⁾ В. В. Гиппиусъ замѣчаетъ, что нѣтъ данныхъ говорить, «что Булгаринъ достигалъ своей цѣли повредить Пушкину въ глазахъ Бенкендорфа»⁴⁾.

¹⁾ А. В. Никитенко. Записки и Дневникъ. СПб. 1905, т. I, стр. 485.

²⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 273, 277 и 286.

³⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 289—290.

⁴⁾ Пушкинъ и журнальная полемика его времени.—Памяти Пушкина. Сборникъ статей преподават. и слушател. Ист. Фил. Факульт. Сиб. Ун-та, стр. 266.

На это нужно замѣтить, что имѣющійся въ распоряженіи историка матеріалъ не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что Булгаринъ именно «достигалъ своей цѣли», принесъ много зла поэту, и онъ имѣлъ всѣ основанія опасаться Булгарина.

Въ подготовительныхъ отрывкахъ къ «Египетскимъ ночамъ» есть интересное для насъ мѣсто. Пушкинъ говоритъ о своемъ героѣ, въ которомъ нельзя не усмотрѣть автобіографическихъ элементовъ, что онъ «не любилъ общества своей братіи литераторовъ... Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе—несносными по своему тону; третьи—гадкими по своей подлости, четвертые—опасными по своему двойному ремеслу»¹⁾. Исслѣдователи²⁾ основательно видятъ здѣсь намекъ на Булгарина. И это мѣсто цѣнно тѣмъ, что Пушкинъ вполне опредѣленно указываетъ на «опасность» Булгарина. И не подлежитъ сомнѣнію, что Пушкинъ, раздѣляя общее воззрѣніе на сильное вліяніе Булгарина на Бенкендорфа, считалъ его «опаснымъ по двойному ремеслу». Пушкинъ видѣлъ въ Булгаринѣ не только отвратительную личность вообще, не только питалъ ненависть, какъ къ опредѣленному психическому типу, но и опасался его, какъ подлога и опаснаго личнаго врага, имѣющаго твердую почву въ отношеніяхъ къ поэту шефа жандармовъ.

Но было бы, по нашему мнѣнію, ошибочнымъ видѣть во враждѣ Пушкина къ Булгарину лишь ненависть, какъ къ опредѣленному психическому типу, съ одной стороны, и какъ къ личному врагу «опасному по двойному ремеслу», съ другой. Прошедшій передъ нами фактической матеріалъ даетъ основанія говорить, что въ борьбѣ съ Булгаринимъ Пушкинымъ руководили и другія, болѣе высокія побужденія. Въ Булгаринѣ поэтъ видѣлъ вреднаго для общества общественнаго и журнальнаго дѣятеля, съ которымъ надо во имя общественнаго блага бороться.

Прося у Бенкендорфа въ 1835 г. разрѣшенія на изданіе періодическаго органа, Пушкинъ выставлялъ мотивомъ своей журнальной дѣятельности чисто практической, говорилъ о журналѣ исключительно, какъ о средствѣ къ жизни. (Переп. т. III, стр. 220—221 и 261). Даже такой близкій къ

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. V, стр. 549.

²⁾ Напримѣръ, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. «Пушкинъ», стр. 159.

Пушкину чловѣкъ, какъ его сестра Ольга Сергѣевна, относясь отрицательно къ журнальной дѣятельности поэта, смотря на нее очень низко, называя «оскверненіемъ поэтическаго генія», считала, что мотивомъ изданія періодическаго органа было «удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ»¹⁾. Близкій поэту Плетневъ также смотрѣлъ, что Пушкинъ, издавая журналъ, имѣлъ въ виду лишь матеріальную выгоду. Въ 1844 г. Плетневъ писалъ о «Современникѣ»: «Пушкинъ его началъ просто для 25 т. руб., которыя въ немъ считалъ вѣрными»²⁾.

Конечно, матеріальныя соображенія играли извѣстную роль, въ изданіи періодическаго органа Пушкинъ видѣлъ средство къ матеріальному независимому положенію, но, несомнѣнно, это не было исключительнымъ мотивомъ. Но однимъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ было и желаніе ослабить вліяніе триумвирата. Это подтверждаетъ большой фактической матеріалъ, относящійся къ мечтамъ объ изданіи періодическаго органа, высказанныя по этому поводу замѣчанія поэта въ его письмахъ; наконецъ, подтверждаютъ это и отзывы современниковъ. Пушкинъ всегда думалъ о противодѣйствіи «Сѣверной Пчелѣ», имѣя въ виду именно ея отрицательное вліяніе на общество и общественную мысль. Необходимость бороться съ «Сѣверной Пчелой» именно съ такой точки зрѣнія постоянно занимала и друзей поэта. Эта дѣль руководила Пушкинскимъ кружкомъ, когда онъ сталъ издавать «Литературную Газету». 25 апрѣля 1830 г. Вяземскій писалъ А. Тургеневу: «Пиши литературныя письма для «Газеты» нашей и присылай ко мнѣ; пиши хотя не письма, а такъ, кидай на бумагу свои литературныя впечатлѣнія и пересылай ко мнѣ, а мы здѣсь это сошьемъ. Надобно же оживлять «Газету», чтобы морить «Пчелу»-нявку, чтобы поддержать хотя одинъ честный журналъ въ Россіи»³⁾ «Литературная Газета» и была дорога Пушкину, какъ противовѣсь «Сѣверной Пчелѣ». 2 мая 1830 г. Пушкинъ пишетъ Вяземскому: «Газета хороша, ты много оживилъ ее.—Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой.—Стыдно будетъ уступить поле Булгарину» (Переп., т. II, 144).

¹⁾ См. ея письмо мужу, Павлицеву.—Л. Павлицевъ. Изъ семейной хроники, стр. 283.

²⁾ Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. II. Спб., 1896, стр. 294.

³⁾ Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 194.

Пушкина возмущала, какъ мы видѣли, монополія «Сѣверной Пчелы» въ сферѣ политической. «Неужь то кромѣ «Сѣверной Пчелы»,—пишетъ поэтъ въ томъ же письмѣ,—ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что Камера депутатовъ закрыта до сентября?» (Переп. т. II, стр. 144). И поэтъ энергично добивался разрѣшенія издавать не только литературное, но и политическое изданіе.

Пушкину были чрезвычайно дороги успѣхи русской литературы. Можно сказать прямо, что поэтъ жилъ этими интересами, внимательно слѣдилъ за движеніемъ литературной жизни. Большое значеніе поэтъ придавалъ критикѣ. Успѣхи литературы, столь близкіе и дорогіе Пушкину, тормозилъ Булгаринъ, на критическую дѣятельность котораго, лишенную сколько-нибудь тонкаго пониманія, Пушкинъ не только смотрѣлъ очень отрицательно, но даже не считалъ ее и критикой. На этой почвѣ борьба была неминуема, вытекающая изъ личныхъ, а изъ идейныхъ мотивовъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что извѣстную роль играли во враждѣ Пушкина къ Булгарину и нападки его послѣ 1830 г.: онѣ раздражали поэта и, несомнѣнно, даже отразились въ поэзіи его. Говоря о толпѣ, въ сонетѣ «Поэту», Пушкинъ имѣлъ въ виду не только великосвѣтскую чернь, но и чернь среди критики. Это крайнее проявленіе отрѣшенности и презрѣнія къ толпѣ относится къ июлю 1830 г., т. е. какъ разъ къ эпохѣ травли Пушкина Булгаринимъ и она, несомнѣнно, вліяла на настроеніе поэта. Анненковъ отмѣчаетъ, что Пушкина нападки критики «волновали и сердили»¹⁾.

И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ живо реагировалъ Пушкинъ на нападки Булгарина. Въ сочиненіяхъ Пушкина мы находимъ дѣльный рядъ замѣчаній, посвященныхъ отраженію этихъ нападокъ.

Но въ общемъ борьба Пушкина съ Булгаринимъ, имѣя въ извѣстной степени личные мотивы,—была борьбой съ вреднымъ общественнымъ и журнальнымъ дѣятелемъ, съ бездарнымъ критикомъ, претендующимъ руководить критическою мыслью, съ вредной правительственной рептилей, поставленной въ монопольное положеніе.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. I. Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 211.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ.

Что касается Сенковскаго, то, несомненно, въ отношеніяхъ къ нему Пушкина играли роль тѣ же самые мотивы, что и въ борьбѣ съ Булгаринымъ. Пушкинъ не любилъ его не только, какъ личность невысокаго нравственнаго уровня, какъ опредѣленный психическій типъ, боролся съ нимъ не только, какъ съ личнымъ врагомъ, но, опять-таки, какъ съ вреднымъ дѣятелемъ общественности, журналистики и критики.

Каково же было отношеніе Пушкина къ Гречу и почему непримиримая ненависть поэта къ Булгарину и Сенковскому не простиралась на Греча? Разобраться въ отношеніяхъ Пушкина къ Гречу гораздо труднѣе, чѣмъ въ отношеніяхъ къ Булгарину и Сенковскому.

Нѣкоторые современники относились къ Гречу вполне отрицательно. Даже снисходительный вообще къ людямъ Никитенко считалъ его репутацію «двусмысленной». «Дружба его съ Булгаринымъ, — говоритъ Никитенко, — не дѣлаетъ ему чести и не возбуждаетъ къ нему довѣрія»¹⁾. «Во мнѣ

самомъ не много симпатій къ нему» — написалъ еще Никитенко о Гречѣ¹⁾. «Не смотря на нѣкоторыя черты характера и поступки, которые не разъ возстаповляли противъ него общественное мнѣніе, Гречъ все-таки былъ замѣчательный дѣятель литературы и человекъ съ несомнѣнными способностями и заслугами», — писалъ Никитенко послѣ смерти Греча²⁾. Такимъ образомъ, Никитенко, если и цѣнилъ Греча, то не какъ человека, а какъ писателя. Но другіе современники отдѣляли Греча отъ Булгарина, считали его выше въ нравственномъ отношеніи; въ то время, какъ съ Булгаринымъ многіе прервали всякія сношенія, знакомство съ Гречемъ поддерживали. Наконецъ, Гречъ былъ принятъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ въ то время, когда Булгарина туда не пускали.

Кн. П. П. Вяземскій (сынъ) рассказываетъ, что когда въ 1832 г. на одномъ изъ литературныхъ собраній у П. А. Вяземскаго обсуждался вопросъ о борьбѣ съ Булгаринымъ, «за Греча прорывались изрѣдка и

¹⁾ А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1905, т. I, стр. 441.

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 155.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 320.

сочувственные отзывы»¹⁾. Гречъ самъ всегда отдѣлялъ себя отъ Булгарина, не стѣснялся еще при его жизни чернить его за глаза; наконецъ, въ своихъ «Запискахъ» особенно подчеркнул свою отчужденность отъ Булгарина и не пожалѣлъ черныхъ красокъ для обрисовки своего соратника. Гречъ говоритъ, что сначала дурныхъ качествъ въ Булгаринѣ рѣзко не обнаруживалось. «Признаюсь, — говоритъ Гречъ, — если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, т. е. какимъ онъ сдѣлался въ старости, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ.. Когда я убѣдился въ возрастаніи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства»²⁾ Миѣніе, что Гречъ былъ выше въ нравственномъ отношеніи Булгарина, передавалось отъ современниковъ слѣдующимъ литературнымъ поколѣніямъ. Такъ вполне опредѣленно это отмѣчаетъ Сухомлиновъ³⁾. Рѣшительнымъ противникомъ такого возрѣнія на Греча выступилъ А. Н. Пыцинъ, который въ рецензіи на «Записки»⁴⁾ указывалъ, что Гречъ, несмотря на всѣ его старанія, не отдѣлимъ отъ Булгарина. И за послѣднее время можно встрѣтить миѣніе, что Гречъ въ нравственномъ отношеніи былъ не выше Булгарина⁵⁾. Н. К. Пиксановъ въ упомянутой выше работѣ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что Гречъ въ нравственномъ отношеніи не стоялъ выше Булгарина, и доводы изслѣдователя представляются вполне основательными. Конечно, Гречъ долженъ быть отдѣляемъ отъ Булгарина, какъ писатель; онъ былъ образованиѣ Булгарина, имѣетъ извѣстныя историко-литературныя заслуги, но въ смыслѣ нравственныхъ качествъ, если и былъ выше Булгарина, то очень не на много. Булгаринъ былъ экспансивнѣе, горячѣе, непосредственнѣе и выказывалъ себя въ полной мѣрѣ. Гречъ же былъ человѣкомъ себѣ на умѣ, никогда не до-

пускалъ большихъ рѣзкостей, былъ уравновѣшенъ, уживчивъ. Открытыхъ подлостей онъ не дѣлалъ, но былъ вполне достойнымъ соратникомъ Булгарина и санкціонировалъ его поступки. Мало-мальски честный и уважающій себя человѣкъ не согласился бы быть соратникомъ Булгарина. А Гречъ имъ былъ. Онъ также дѣлательно охранялъ монополію своихъ изданій, игралъ ту же роль въ журналистикѣ. Это отмѣтилъ еще Герценъ, который въ написанной въ 1846 году статьѣ: «Умъ хорошо, а два лучше» («Русская Старина» 1871, т. 4, кн. XI и Сочин., т. IV. СПб. 1905), назвалъ отношенія Греча къ Булгарину «конкубинатомъ».

Въ своихъ «Запискахъ» Гречъ говоритъ, что онъ не принималъ участія въ нападкахъ Булгарина на Пушкина¹⁾. Но онъ своимъ сотовариществомъ съ Булгаринымъ прикрывалъ ихъ, не противодѣйствовалъ.

Есть отзывы Пушкина, въ которыхъ онъ приравниваетъ Греча къ Булгарину. Въ «Торжествѣ дружбы» это выражено особенно опредѣленно, поэтъ прямо говоритъ о «сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ» Греча съ Булгаринымъ. Но это было сказано въ моментъ наивысшаго раздраженія. Вообще же Пушкинъ, хотя и былъ о Гречѣ не особенно лестнаго миѣнія, но несомнѣнно, раздѣлялъ отношеніе къ Гречу многихъ современниковъ, находя его выше Булгарина въ нравственномъ отношеніи, и не считалъ Греча столь враждебнымъ себѣ, какъ Булгарина. Этимъ и можетъ быть объяснено то, что съ Гречемъ поэтъ не прерывалъ сношеній. И если Пушкинъ боролся съ Гречемъ, то, главнымъ образомъ, какъ съ общественной величиной, какъ съ соратникомъ Булгарина и членомъ триумвирата.

Но тѣмъ труднѣе объяснить, почему послѣ такого нелестнаго отзыва о Гречѣ, какой поэтъ высказалъ въ 1831 г. въ «Торжествѣ дружбы», и «Нѣсколькихъ словахъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», Пушкинъ черезъ нѣкоторое время приглашаетъ Греча въ сотрудники своего изданія. Побужденія Пушкина Н. К. Пиксановъ формулируетъ такъ: «Гречъ былъ образованный, опытный и дѣловитый старый журналистъ; у него было много литературныхъ и общественныхъ связей; онъ, наконецъ, владѣлъ

¹⁾ Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго. Спб. 1893, стр. 534.

²⁾ Гречъ. «Записки», стр. 448.

³⁾ Сухомлиновъ, «Древняя и Новая Россія», 1876, т. I, № 1, стр. 95—96.

⁴⁾ «Вѣстн. Европы», 1886, кн. VII, Литерат. Обзорѣніе, стр. 400—413.

⁵⁾ Напримѣръ, такъ смотритъ В. В. Гяппуіусъ. «Пушкинъ и журнальная полемика его времени» — Памяти Пушкина Сборникъ статей преподавателей и слушателей Ист.-Филол. факультета Петербург. Унив. Спб. 1900, стр. 264.

¹⁾ Гречъ. «Записки», стр. 457.

собственной типографіей. Такой человѣкъ былъ бы, конечно, весьма полезенъ технически въ предпріятіи Пушкина. Но, можетъ быть, у Пушкина былъ и другой расчетъ. Онъ очень боялся, что его начинаніе не осуществится именно въ силу энергичнаго противодѣйствія «монополистовъ». Переманивъ на свою сторону одного изъ монополистовъ, Пушкинъ могъ надѣяться ослабить это противодѣйствіе и, быть можетъ, подорвать совсѣмъ болгаринскія изданія».

По рассказамъ Греча, Пушкинъ желалъ, чтобы Гречъ порвалъ съ Булгаринимъ. Но онъ, однако, видѣлъ, что осуществить это Гречу трудно, что и сказалъ ему ¹⁾. Пушкинъ отлично зналъ, что его предпріятіе не можетъ приносить такихъ выгодъ, чтобы можно было предложить Гречу то вознагражденіе, которое онъ имѣлъ отъ общества съ Булгаринимъ. Слѣдовательно, едва-ли могла быть у Пушкина мысль о полномъ переманиваніи Греча, расчетливость котораго ему была хорошо извѣстна. А одновременное сотрудничество Греча въ изданіяхъ Пушкина и Булгарина ставило бы поэта въ довольно странное положеніе. Стремясь издавать періодическій журналъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду противодѣйствіе Булгарину: объ этомъ, какъ мы видѣли, поэтъ говоритъ даже въ своей запискѣ, поданной Бенкендорфу. Пушкинъ не могъ не понимать, что участіе Греча одновременно въ его изданіи и изданіи Булгарина создало бы въ данномъ случаѣ нелѣпное положеніе. Возможно, что Пушкинъ принималъ это совмѣстительство лишь на первое время, надѣясь, что изданіе пойдетъ такъ хорошо, что явится возможность предложить высокое вознагражденіе Гречу и переманить его совсѣмъ. Но какъ бы то ни было—принималъ ли Пушкинъ одновременное участіе Греча въ своемъ изданіи и изданіи Булгарина вообще, или только на время, думая въ послѣдствіи переманить Греча совсѣмъ, съ полнымъ его разрывомъ съ Булгаринимъ, наконецъ, каковы бы ни были побужденія Пушкина—тѣми, что указываетъ Н. К. Пиксановъ, или другими,—поэтъ не могъ не сознавать, что, приглашая Греча, попадаетъ въ странное положеніе. Онъ вступалъ въ союзъ съ соратникомъ Булгарина, съ человѣкомъ, съ которымъ все время боролся, которому сказалъ

много горькой правды, котораго выставялъ какъ сомнительную въ нравственномъ отношеніи личность. Пушкинъ не могъ не сознавать, что союзъ съ Гречемъ дискредитируетъ въ общественномъ мнѣніи и поэта и его газету.

Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что исторія переговоровъ съ Гречемъ принадлежитъ къ числу очень странныхъ эпизодовъ біографіи Пушкина.

VIII.

Посмотримъ теперь, какіе мотивы руководили Булгаринимъ, Сенковскимъ и Гречемъ въ ихъ борьбѣ съ Пушкинимъ.

Остановимся нѣсколько на «Воспоминаніяхъ» Булгарина. Они были изданы въ 1846—1849 гг. въ шести томахъ. Своихъ воспоминаній Булгаринъ не докончилъ, не довелъ до эпохи своей литературной дѣятельности. Такимъ образомъ, объ отношеніяхъ къ нему современнаго общества и литературы онъ не говорить и отношеній къ Пушкину не касается. Но Булгаринъ помѣстилъ предисловіе къ первому тому, чрезвычайно характерное для него. Здѣсь Булгаринъ рассказываетъ объ отношеніи къ нему современниковъ и журналистики, указываетъ причины вражды къ нему и касается Пушкина. Вражду въ литературномъ мірѣ Булгаринъ считаетъ неизбѣжной, по самому характеру литературной дѣятельности. «Невозможно,—говоритъ онъ,—чтобъ не было вражды между людьми, имѣющими притязанія на умъ, на славу, или, по крайней мѣрѣ, на извѣстность и на всѣ сопряженныя съ ними житейскія выгоды, и разумѣется что, кто заграждаетъ намъ путь къ избранной нами цѣли, издали столь блистательной и заманчивой, тотъ врагъ нашъ. А кто же можетъ болѣе заграждать этотъ путь, какъ не журналистъ, непреклонный, неутомимый, отстраняющійся отъ всѣхъ партій, на котораго не дѣйствуютъ ни связи, ни свѣтскія отношенія, ни даже собственныя его выгоды». Итакъ, причина вражды къ Булгарину крылась въ его безпристрастїи и искренности! Что касается ближайшихъ поводовъ, то Булгаринъ видитъ ихъ въ слѣдующемъ: «Критика на Исторію Государства Россійскаго, сочиненія знаменитаго нашего исторіографа Н. М. Карамзина, не возбудила ненависти въ благородномъ сердцѣ автора, который даже внесъ ссылку на Сѣверный Архивъ въ примѣчанія къ своей Исторіи; но на каждомъ великомъ мужѣ, какъ на вѣковомъ кедрѣ,

¹⁾ Гречъ. «Записки», стр. 437.

гнѣдятся мелкія насѣкомыя, питающіяся его славою и они подняли пискъ и визгъ противу смѣльчака, дерзнувшего очищать вѣковой кедръ отъ сухихъ листьевъ и гнилыхъ вѣтвей... Признавая всегда гениальность Пушкина и необыкновенный талантъ В. А. Жуковского, въ Литературныхъ Листкахъ и въ родившейся отъ нихъ Сѣверной Пчелѣ говорено было смѣло и откровенно о ихъ произведеніяхъ, съ указаніемъ на слабое для возвышенія превосходнаго и это было уже послѣдній ударъ, *coup de grâse*. Зашумѣли и загудѣли журналы, завопила золотая посредственность и пошла потѣха...» Далѣе Булгаринъ говоритъ о томъ, что критика относилась къ нему пристрастно, была бездоказательна и не имѣла никакого вліянія на его литературную славу, на распространеніе сочиненій; «литературная вражда не пробилась стрѣлами критики моего литературнаго панцыря». Булгаринъ увѣряетъ, что нападки критики не производили на него сильнаго впечатлѣнія, не раздражали. Онъ говоритъ: «Вы думаете, что я гнѣвался или гнѣваюсь на журналы за эти поступки сомною? Увѣрю честию—нѣтъ. Все это меня нисколько не трогаетъ и стоитъ взглянуть на меня, чтобы увѣриться въ то, что желчь во мнѣ имѣетъ самое правильное отправление, и что я не высохъ съ горя. Вы думаете, что я питаю въ сердцѣ моемъ ненависть или злобу къ моимъ врагамъ. Ей Богу, нѣтъ! Какъ можно въ сердцѣ хранить гнусныя страсти, отравляющія все существованіе. Посердишься и забудешь...» Затѣмъ Булгаринъ горячо протестуетъ противъ увѣреній враговъ, что онъ хвасталъ дружбою съ извѣстными писателями, съ Грибоѣдовымъ въ особенности: «Я никогда не хвасталъ ничьею дружбою и никакими связями, никогда этимъ не гордился и не буду хвастать и гордиться. Никогда въ жизни я ничего не искалъ, никому и никогда не навязывался, не обивалъ ни чьихъ пороговъ и не задыхался въ атмосферѣ переднихъ».

Какъ всѣ эти объясненія благороднаго Фаддея Венедиктовича похожи на правду! Неблагодарные современники были, однакоже, того мнѣнія, что всѣ нападки Булгарина, въ томъ числѣ и нападки на Пушкина, вызваны личными мотивами. Это нужно сказать не только о лицахъ, близко стоявшихъ къ журнальному міру, но и о людяхъ, далекихъ отъ него. Такъ, П. А. Каратыгинъ въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 8 мая 1830 г. прямо указываетъ,

что нападки Булгарина на Пушкина вызваны отзывомъ о «Дмитріи Самозванцѣ», написанномъ Булгаринимъ поэту¹⁾.

Совершенно несомнѣнно, что въ своей враждѣ къ Пушкину Булгаринъ руководствовался исключительно личными мотивами²⁾. Мы видѣли, что сначала Булгаринъ расточаетъ лесть и похвалу Пушкину, имѣя въ виду привлечь его къ дѣятельному участию въ «Сѣверной Пчелѣ», что, конечно, сильно повысило бы доходы Булгарина. Но вмѣсто этого Булгаринъ сначала увидѣлъ Пушкина во главѣ враждебной ему «Литературной Газеты», а затѣмъ въ постоянной заботѣ о созданіи органа въ противовѣсъ «Сѣверной Пчелѣ». И Булгаринъ сразу же перешелъ отъ лести къ ожесточенному нападенію. Затѣмъ, нападенія и вражда Пушкина роняли окончательно и безъ того достаточно презираемаго Булгарина. На него нападали и раньше, но никто еще не велъ такой систематической войны, какую повелъ Пушкинъ, его удары были убійственны, били по самымъ больнымъ мѣстамъ. Булгаринъ былъ высокаго о себѣ мнѣнія, и самолюбивъ до болѣзненности. И нападенія Пушкина приводили его въ настоящее озлобленіе. «Въ самой основѣ его характера,—говоритъ Гречъ,—лежало что то дикое и звѣрское. Иногда вдругъ онъ ни съ того, ни съ сего, или по самому ничтожному поводу, впадалъ въ какое то изступленіе, сердился, бранился, обижалъ встрѣчнаго и попережнаго, доходилъ до бѣшенства»³⁾.

Особенно, понятно, озлобляли Булгарина множество колкихъ и злыхъ эпиграммъ, напечатанныхъ и ходившихъ по рукамъ, большинство которыхъ приписывалось Пушкину. Это отмѣтилъ еще Вѣлинскій, который въ 1840 г. въ «Отечест. Запискахъ» (№ 4, Репертуаръ русскаго театра) писалъ объ эпиграммахъ на Булгарина: «Пушкинъ былъ такой мастеръ писать ихъ, что и чужія хорошія эпиграммы приписывались ему... Что ни печаталось превосходнаго въ этомъ родѣ въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига, если не было под-

¹⁾ «Библиограф. Записки», 1861, стр. 600 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 460.

²⁾ На личный характеръ вообще всѣхъ нападокъ Булгарина правильно указалъ Веснинъ — «Очерки исторіи русской журналистики 20 и 30 гг.». СПб. 1880, стр. 105.

³⁾ «Записки», 448.

писано имени автора, всегда приписывалось Пушкину» 1).

1) Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 242—243.

Убѣжденіе, что многія эпиграммы на Булгарина принадлежать Пушкину перешло отъ современниковъ къ издателямъ Пушкина, которые включили въ свои изданія не принадлежащія Пушкину и приписали ему эпиграммы другихъ лицъ. Это слѣдуетъ сказать даже о послѣднихъ и лучшихъ изданіяхъ Пушкина, а также объ изслѣдованіяхъ и книгахъ о Пушкинѣ. Какъ безусловно принадлежащія Пушкину указываются слѣдующія эпиграммы: 1) «*Не то бѣда, что ты полякъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. II, стр. 122 и 482—483; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 317); 2) «*Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 122 и 484; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 317); 3) «*Ты цѣлый свѣтъ укрѣпить хочешь*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 122, 483—484; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 318) и 4) послѣдній стихъ въ эпиграммѣ Соллогуба на Сенковского — «*Коль ты къ Смирдину войдешь*» (В. А. Соллогубъ. Воспоминанія. М. 1866, стр. 46; Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 374; Н. И. Панаевъ — «Литературныя воспоминанія», 3-е изд. СПб. 1888, стр. 40—41 приписываетъ Пушкину всю эпиграмму).

Приписываются Пушкину: 5) «*Филларинъ — вотъ полякъ примѣрный*» (Чириковъ указываетъ, что вся эпиграмма приписывается П. А. Вяземскому или Е. А. Баратынскому, но послѣднія четыре строчки «несомнѣнно» Пушкина («Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина» — «Русскій Архивъ» 1881, I, 175); С. А. Венгерова (Сочин. Бѣлинскаго т. II, стр. 583) говоритъ, что эта эпиграмма написана «вѣроятно Пушкинымъ и Баратынскимъ»; П. О. Морозовъ говоритъ, что эта эпиграмма «въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается съ именемъ Пушкина и что «существуетъ мнѣніе, что въ ней Пушкинъ принадлежитъ только послѣдніе 4 стиха, остальное же написано Баратынскимъ» (Сочиненія Пушкина. т. II, стр. 484—485); Ефремовъ замѣчаетъ, что эпиграмма эта «приписывалась» Пушкину (т. VIII, стр. 318); 6) «*Не вѣрю чести игрока*» (Морозовъ говоритъ, что она «въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается съ именемъ Пушкина» (т. II, 484); Ефремовъ же, что «приписывалась» (т. VIII, стр. 318); 7) «*Оаддей роди Івана*» (Морозовъ говоритъ, что ее «никогда приписывали Пушкину» (т. VI, стр. 602), Ефремовъ, что ее «приписывали Пушкину» (т. VII, стр. 401); 8) «*Вся говорятъ оъ Валтеръ Скоттъ*» (Ефремовъ указываетъ, что ее «приписывали» Пушкину, т. VII, стр. 401) и 9) измѣненіе послѣдняго стиха въ эпиграммѣ Баратынскаго — «*Повѣрите мнѣ—Филларинъ моралистъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Ефремова, изд. 1905, т. VIII, стр. 318—319).

Изъ всѣхъ этихъ эпиграммъ Пушкину вѣроятно принадлежатъ лишь двѣ — «*Не то бѣда, что ты полякъ*» (см. Переписку Пушкина, подъ ред. В. И. Сантова, т. II, стр. 148; «Русск. Архивъ», 1880, II, 507; Остафьевскій архивъ, III, 193) и «*Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ*» (В. Па-

Постоянно выпрашивавшій подачки, Булгаринъ въ апрѣлѣ 1845 г. просилъ выдать ему 25.000 р. ссуды на изданіе Исторіи царствованія Николая I. Государь отъ казалъ, по вѣрному замѣчанію М. К. Лемке, понимая, что «исторію свою нельзя поручать человѣку, имя котораго является притчею во языцѣхъ» 1). Булгаринъ чувствовалъ себя жестоко обиженнымъ и 23 апрѣля писалъ по этому поводу письмо Дубельту, говоря, между прочимъ: «Если сочинителю «Гавриліады», «Оды на вольность», и «Кинжала» оказано столько благодѣяній и милостей, если банкроту Смирдину дано займа 35.000 р. серебромъ подъ залогъ хлама, т. е. не продающихся книгъ, если Полевому, которому самъ Государь запретилъ журналъ, дана пенсія и проч. и проч., то почему же не дать займа мнѣ подъ вѣрный залогъ имѣнія». Эти слова даютъ намъ еще мотивъ вражды Булгарина къ Пушкину. Булгаринъ, видя, что поэту оказываютъ неоднократно денежную поддержку, хотя и самъ получалъ постоянно богатые подачки, всетаки при своей алчности считалъ несправедливо себя обойденнымъ, какъ человѣка, который всегда послушно курилъ фиміамъ Николаю I и его политикѣ.

уменко. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Булгарина, — «Вѣстникъ Европы», 1887, кн. V, стр. 408—410 приводитъ свидѣтельство М. А. Максимова, издателя «Денницы», находящееся въ его бумагахъ; «Пушкинъ и его современники», IV, 13) и послѣдній стихъ въ эпиграммѣ Соллогуба на Сенковского дѣйствительно, также Пушкину принадлежитъ измѣненіе послѣдней строчки въ эпиграммѣ Баратынскаго — «*Повѣрите мнѣ—Филларинъ моралистъ*». Въмѣсто «А можетъ быть и ново для него» Пушкинъ перефразировалъ: «А кажется и ново для него» (Это свидѣтельствуется въ сохранившихся послѣ него рукописяхъ М. А. Максимова, издатель альманаха «Денница», гдѣ эпиграмма была напечатана — см. В. Науменко. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Булгарина — «Вѣстникъ Европы», 1887, кн. V, стр. 408—410). Эпиграмма «*Ты цѣлый свѣтъ укрѣпить хочешь*», помѣщенная по ошибкѣ и на страницахъ настоящаго изданія (т. III, стр. 83), какъ Пушкинская, ему не принадлежитъ, а написана кн. П. А. Вяземскимъ (Переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Сантова, т. II, стр. 115, Н. О. Лернеръ. «Замѣтки о Пушкинѣ» — «Русская Старина», кн. I, стр. 115—116 и его же Труды и дни Пушкина, 2-е изд. СПб. 1910, стр. 220 и 461). Вяземскому же принадлежитъ эпиграмма «*Филларинъ, вотъ полякъ примѣрный*» (Нѣсколько писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. А. Плетневу, сообщилъ К. Я. Гротъ, — «Извѣстія Отд. русскаго яз. и словесн. Академіи Наукъ», 1897, II, кн. I и отд. СПб. 1897; «Старина и Новизна», кн. VIII, М. 1904, стр. 38).

1) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, стр. 299.

Тотъ личный характеръ, который являлся основой вражды Булгарина къ Пушкину, былъ и въ нападкахъ на поэта Сенковского.

Какъ мы видѣли, Сенковский шелъ навстрѣчу Пушкину, заискивалъ передъ нимъ, имѣя въ виду, что участіе Пушкина будетъ способствовать успѣху «Библиотеки для Чтенія», но когда Пушкинъ создалъ свой журналъ, опасный въ смыслѣ конкуренціи «Библиотекѣ для Чтенія», Сенковский всталъ въ боевую позицію.

Что касается Греча, то той сильной вражды къ Пушкину, которую питали Булгаринъ и Сенковский, Гречъ къ поэту не чувствовалъ. Въ своихъ «Запискахъ» онъ очень мало говоритъ о Пушкинѣ и своихъ отношеніяхъ къ нему, но всетаки отмѣчаетъ, что вражды къ поэту онъ не питалъ. И дѣйствительно, если Гречъ и воевалъ съ Пушкинымъ, то не столько по личной злобѣ, сколько потому, что нападки поэта грозили опасностью триумvirату и, слѣдовательно, его личному матеріальному благосостоянію. Отношенія Греча къ Пушкину были вседѣло обусловлены личными соображеніями о житейской выгодѣ.

Такимъ образомъ, борьба триумvirата съ Пушкинымъ была обусловлена личнымъ чувствомъ, матеріальной выгодой, сохраненіемъ своего житейскаго благополучія—и только. И въ этомъ коренное отличіе борьбы триумvirата отъ борьбы, которую велъ съ нимъ Пушкинъ. Борьба поэта, не безъ личныхъ мотивовъ, правда, почти идейная, а борьба триумvirата была лишена всякой принципиальной подкладки.

IX.

Съ чисто-литературной стороны критическія статьи «Сѣверной Пчелы» о Пушкинѣ поражаютъ своимъ убожествомъ. Въ замѣткахъ 1830—1831 гг. поэтъ такъ говоритъ о своихъ критикахъ. «Критики наши говорятъ: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно»¹⁾. Эти слова очень хорошо характеризуютъ примитивность отзывовъ «Сѣверной Пчелы» о творествѣ Пушкина. Это даже не критика: обыкновенно по существу почти ничего не говорилось, а высказывалась похвала или порицаніе въ самыхъ общихъ и расплывчатыхъ выраженіяхъ. Исключенія очень

рѣдки. Полемическія же статьи поражаютъ своею развязностью и низкимъ пошибомъ, наполнены инсинуаціями, плоскими выпадами, цѣлымъ потокомъ грязи.

На много выше критическія статьи «Сына Отечества», особенно въ концѣ 30-хъ годовъ. Нападки сосредоточивались въ «Сѣверной Пчелѣ», Гречъ оберегалъ «Сына Отечества» отъ рѣзкостей и старался придавать журналу серьезный характеръ.

Значительно отличались отъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» и статьи «Библиотеки для Чтенія». Въ нихъ не было уличнаго тона «Сѣверной Пчелы», нападки Сенковского отличались свойственной ему злой ироніей и двусмысленностью.

Пушкинскія полемическія статьи Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина»¹⁾ оцѣнилъ довольно низко, заявивъ, что «для чести его пера, а особенно для чести его разсудка—лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности». Въ своемъ изданіи Анненковъ помѣстилъ только нѣсколько полемическихъ статей Пушкина. Но въ седьмомъ томѣ, вышедшемъ въ 1857 г., Анненковъ помѣстилъ еще нѣсколько статей и давалъ уже иную оцѣнку, заявивъ, что въ нихъ «заключено много дѣльныхъ и замѣчательныхъ мыслей»²⁾. Повидимому, Анненковъ первоначально опасался николаевской цензуры: статьи Пушкина не потеряли еще тогда своей остроты современности, но при выходѣ седьмого тома въ 1857 году Николаевскій режимъ былъ похороненъ и Анненковъ высказалъ свой настоящій взглядъ на полемическія статьи поэта. Очень высоко ставитъ ихъ Сухомлиновъ, называя «украшеніемъ тогдашней журналистики»³⁾.

Нельзя, однако, сказать, чтобы полемическія статьи Пушкина были оцѣнены и теперь достаточно и всесторонне. Въ нихъ столько жизни и силы, что, несомнѣнно, ихъ нужно признать однимъ изъ лучшихъ достояній пера Пушкина. Въ нихъ часто искрится вся полнота Пушкинскаго остроумія. Но въ то же время въ нихъ ужъ слишкомъ ярко выступаетъ и личный характеръ, личное раздраженіе, доходящее до высшихъ предѣловъ. Это заглушаетъ чисто идейную сторону нападенія, которая безусловно играла видную роль въ походѣ Пушкина противъ триумvirата.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 268.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 252.

²⁾ Т. VII, 2 пагинація, 67—68.

³⁾ «Исслѣдованія и статьи», т. II, стр. 250.

Въ статьяхъ о Пушкинѣ можно часто встрѣтить высокую оцѣнку эпиграммъ его на Булгарина, указаніе на то, что онѣ наносили смертельные удары Булгарину. По этому поводу надо замѣтить слѣдующее. Въ настоящее время, какъ мы указали, нужно отбросить огульное приписываніе Пушкину чуть ли не всѣхъ современныхъ ему эпиграммъ на Булгарина; Пушкину принадлежатъ вполнѣ, въ цѣломъ только двѣ. И сравнивая ихъ съ другими современными эпиграммами на Булгарина, изъ которыхъ особенно обратили на себя вниманіе эпиграммы Елагина—«На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи» («Дамск. Журн.», 1825, № 26); Вяземскаго—«Фигляринъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ» («Москов. Телеграфъ», 1827, т. XV), Баратынскаго—«Онъ вамъ знакомъ» («Литерат. Газета», 1830, № 32, 5 іюня), Вяземскаго—«Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь» («Литер. Газета», 1830, № 53, 18 сентября), Вяземскаго—«Фигляринъ вотъ полякъ примѣрный» (1830), Баратынскаго—«Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ моралистъ» («Денница», Альманахъ на 1831 г. изд. Максимовича), нужно сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ эпиграммъ болѣе мѣтки, Булгаринъ высмѣивалъ въ нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Пушкинскихъ. Главное значеніе нужно признать за статьями Пушкина о Булгаринѣ, но не за эпиграммами на него.

Отмѣтимъ одну интересную сторону полемики. «Литературная Газета» во главѣ съ Пушкинымъ часто обвиняла Булгарина въ томъ, что онъ переходитъ всегда на личную почву, касается не столько писателя, сколько человѣка, высказывалась противъ рѣзкой полемики. Въ 1830 г. въ № 23 «Литературной Газеты» 21 апрѣля, напри- мѣръ, категорически заявлено: «Мы не одобряемъ личностей и непристойныхъ выходокъ, хотя бы предметами оныхъ были и люди, коихъ мнѣнія и литературныя дѣйствія въ совершенномъ противорѣчій съ нашими». Н. О. Лернеръ предполагаетъ, что эта статья написана Вяземскимъ или Пушкинымъ¹⁾. Оба они не разъ выступили съ протестами противъ личнаго характера полемики.

Но если критика «Сѣверной Пчелы», дѣйствительно, всегда носила личный харак-

теръ, то нужно отмѣтить, что и въ статьяхъ «Литературной Газеты» и Пушкина мишенью былъ часто Булгаринъ не какъ писатель, а именно какъ личность.

Обратимъ вниманіе на то, что Булгаринъ постоянно указывалъ, что критика его сочиненій бездоказательна, не разсматриваетъ по существу, а ограничивается не обоснованными нападками¹⁾, а самъ именно такъ и поступалъ, когда писалъ свои критическія статьи. То же самое нужно сказать, однакоже, и о Пушкинѣ въ отношеніи его къ Булгарину. Поэтъ отмѣчалъ бездоказательность критики, что она не разбираетъ по существу, а самъ въ отношеніи Булгарина поступалъ такъ же: не разбиралъ по существу, а остроумно и ѣдко высмѣивалъ. Конечно, смѣшно думать, что Пушкинъ не былъ въ состояніи критиковать по существу писанія Булгарина; не хотимъ мы также сказать, что оцѣнки Пушкина были не вѣрны, а лишь отмѣчаемъ характеръ Пушкинскихъ критическихъ замѣчаній о сочиненіяхъ Булгарина. Этихъ замѣчаній Пушкинъ слѣдилъ немного, обращая больше вниманія на Булгарина, какъ на личность, публициста и журналиста, чѣмъ какъ на беллетриста. Быть можетъ, Пушкинъ просто не находилъ нужнымъ обращать много вниманія на Булгарина, какъ на беллетриста, а лишь считалъ необходимымъ бороться съ его болѣе вредной публицистической и критической дѣятельностью.

X.

Имѣла ли борьба Пушкина съ триумвиратомъ какое-либо общее значеніе, или просто является интересной страничкой изъ біографіи поэта, съ одной стороны, и

¹⁾ Напримѣръ, о статьѣ «Литературной Газеты» (1830 г., № 46 и 14 августа и № 47, 19 августа), дающей общую оцѣнку сочиненій Булгарина, «Сѣверная Пчела» (№ 101, 23 августа) въ статьѣ «Одиннадцатое письмо съ Каменнаго острова въ Карлово» говоритъ: «Вся критика состоитъ изъ общихъ мѣстъ, патяжекъ и придиорокъ. Тщетно будешь искать доказательствъ, доводовъ, ссылокъ, вышисокъ изъ книги критикуемой. Теорія сей статьи заключается въ дипломатическомъ приговорѣ: «*Car tel est notre bon plaisir*», а практика изъ вариации на тему: мы не любимъ Булгарина, слѣдственно онъ пишетъ дурно». Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Булгаринъ пишетъ: «Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правиламъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательство, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно...» (т. I).

¹⁾ «Новооткрытыя страницы Пушкина» — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. СПб. 1909, стр. 14—15.

изъ исторіи журналистики, съ другой? Излишне говорить о томъ общественномъ вредѣ, который приносилъ триумvirатъ, особенно «Сѣверная Пчела» съ ея возмутительной фальсификаціей общественнаго мнѣнія. Она была достойнымъ порожденіемъ николаевского времени. Въ силу сложившихся условій, монополіи, вліяніе этой продажной газеты на общественное сознание было громадное. Всѣхъ лучшихъ представителей общества, всѣхъ честныхъ людей безъ различія политическихъ воззрѣній «Сѣверная Пчела» возмущала безгранично и съ нею и вообще съ триумvirатомъ боролись, насколько это позволяли историческія условія ¹⁾. И въ этой борьбѣ видное мѣсто занялъ Пушкинъ, въ немъ особенно было сильно сознание необходимости создать прочную оппозицію отвратительной рептиліи. Журнальной борьбѣ Пушкинъ придавалъ большое общественное значеніе, видѣлъ въ ней залогъ развитія общественнаго мнѣнія, «Нападенія на писателя и оправданія, къ концѣ подають они поводъ,—говоритъ поэтъ,—суть важный шагъ къ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics),—къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ» ²⁾. Это замѣчаніе очень дѣбно, оно показываетъ, что Пушкинъ прекрасно сознавалъ общественное значеніе своей борьбы съ Булгаринымъ. Эта упорная борьба Пушкина съ триумvirатомъ заслуживаетъ поэтому большого вниманія, его журнальная дѣятельность обнаруживаетъ, какъ чутокъ былъ Пушкинъ къ общественнымъ интересамъ, какъ сильно

было въ немъ стремленіе къ общественной дѣятельности. На журналъ Пушкинъ смотрѣлъ, какъ на общественную кафедру.

Что касается успѣха своей борьбы, то Пушкинъ склоненъ былъ его переоцѣнивать. Въ статьѣ 1831 г. «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», спустя короткое время, какъ прекратилась «Литературная Газета», Пушкинъ писалъ: «кажется «Литературная Газета», совершивъ свой единственный подвигъ—совершенное уничтоженіе литературной славы г. Булгарина—почіетъ на своихъ лаврахъ». Въ дѣйствительности «Литературная Газета», сдѣлавъ многое для дискредитированія Булгарина, всетаки его не подорвала, а сама пала въ борьбѣ. Въ первой половинѣ сентября 1832 года, получивъ еще предварительное разрѣшеніе на изданіе газеты, поэтъ писалъ Погодину: «Я хотѣлъ уничтожить монополію и успѣлъ» (переп. т. II, стр. 388). Но это опять такъ—не такъ. Завѣтной мечтѣ Пушкина побѣдить Булгарина, уничтожить «Сѣверную Пчелу» не суждено было осуществиться. Не удалось Пушкину также создать журналъ въ противовѣсъ триумvirату. Когда Пушкину, наконецъ, удалось воплотить свою всегдашнюю мысль о журналѣ, когда ему открывалось поле широкой журнальной работы—и стала выходить «Современникъ», ему, однако, не удалось убить триумvirатъ. Журналъ не заинтересовалъ публику.

Но огромное, оздоровляющее значеніе имѣло всетаки то, что Пушкинъ выступилъ такимъ энергичнымъ борцомъ противъ отвратительнаго явленія русской жизни. Бѣлинскій докончилъ дѣло Пушкина, его стараніями изданія триумvirата были убиты окончательно въ умахъ лучшей части общества и ихъ ядъ пересталъ отравлять общество.

А. Г. Фоминъ.

¹⁾ Монополія «Сѣверной Пчелы» особенно возмущала близкаго друга поэта П. А. Вяземскаго. См., напримѣръ, его письмо къ Н. П. Дмитріеву отъ 13 апрѣля 1832 г.—«Русскій Архивъ», 1868, стр. 616.

²⁾ Сочиненія Пушкина подъ ред. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 278.

Письма Пушкина ¹⁾.

1.

И. И. Мартынову.

28-го ноября 1815 г. Царское Село.

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичъ!

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написалъ піэсу на прибавъ Государя Императора; исполняю ваше повелѣніе. — Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я ежели его Сіятельство Графъ Алексѣй Кирилловичъ благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведеніе неопытнаго Стихотворца.

Надѣясь на крайнее Ваше снисхожденіе, честь имѣю пребыть Милостивый Государь, Вашего Превосходительства вѣспокорѣннѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

1815 года

28 ноября

Царское Село.

2.

Князю П. А. Вяземскому.

27 марта 1816. [Царское Село].

Князь Петръ Андрѣевичъ,

Признаюсь что одна только надежда получить изъ Москвы рускіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣпность. Такъ и быть; ужъ не пѣняйте если письмо мое заставитъ звать ваше пѣтическое сіятельство; сами виноваты; зачѣмъ дразнить было нещастнаго Царкосельскаго пустытника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеная Демонъ бумагомаранія. Съ моей стороны прямо объявляю вамъ что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покаместъ храмой Софійской почтагонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ—Подумайте

¹⁾ Письма Пушкина, находящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ, Публичной Библиотекѣ и Академіи Наукъ, за нѣсколькими исключеніями, (см. въ исторіи текста) проверены мною по подлинникамъ. Отличія моего чтенія отъ чтенія другихъ издателей будутъ указаны въ примѣчаніяхъ.

Письма, находящіяся въ частныхъ рукахъ (главнымъ образомъ у гр. С. Д. Шереметева), воспроизводятся здѣсь по превосходному академическому изданію переписки Пушкина, подъ редакціей В. И. Салтова. Пользуюсь случаемъ выразить искреннѣйшую благодарность В. И. Салтову за любезное сообщеніе еще неизданныхъ имъ библиографическихъ указаній къ Пушкинской перепискѣ. Эти указанія значительно облегчили розыски подлинниковъ. С. В.

хорошенько объ этомъ, дѣлайте что вамъ угодно—но я ужъ рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда Лицей <или Ликей, только ради Бога, не лицей> не казался мнѣ такъ неспособнымъ какъ въ нынѣшнее время. Увѣрю васъ что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину:

Блаженъ кто въ шумѣ городскомъ

Мечтаетъ объ уединеніи,

Кто видитъ только въ отдаленіи

Пустыню, садикъ, сельской домъ

Холмы съ безмолвными дѣсами

Долину съ рѣвнымъ ручейкомъ

И даже.. стало съ пастухомъ!

Блаженъ, кто съ добрыми друзьями

Сидитъ до ночи за столомъ,

И надъ Славенскими глупцами

Смѣется рускими стихами,

Блаженъ, кто шумную Москву

Для хижинки не покидаетъ — — —

И не во свѣ а на яву

Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда время нашего выпуска приближается. Остался годъ еще. Но дѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. дѣлой годъ еще дремать передъ кафедрой... это ужасно. Право съ радостью согласился бы я двенадцать разъ перечитать всѣ 12 піесенъ преславутой Россіады, даже съ присовокупленьемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только чтобы Гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенія. Безбожно молодова чловѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погрѣбать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова. Но дѣлать нѣчего,

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ

И жребій съ жребіемъ не схожъ—

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные <а иногда и очень скучные> часто читаю стихотворенія которыя ихъ не лучше, недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это во все забавно—Любезный Арзамасецъ! утѣшите насъ своими посланіями—и обѣщайте намъ если не вѣчное блаженство, то по крайнѣйшій мѣрѣ искреннюю благодарность всего Лицея—

Простите, Князь гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ (на) Ш.—Обнимите Батюшкова за того больнаго у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову Королевича—Не знаю успѣю ли написать Василью Львовичу, на всякой случай обнимите и его за вѣтреннаго пѣвчаника. Valeas, Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

3.

В. Л. Пушкину.

[Первая половина января 1817. Царское Село].

Тебѣ, о Песторъ Арзамаса,
 Въ бояхъ воспитанный Поэтъ,
 Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
 На страшной высотѣ Парнаса,
 Защитникъ вкуса, грозный В о т ъ!
 Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
 Веселья прежняго желанье,
 И слабый сердца переводъ—
 Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ, но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
 Отъ римоу Бакхическихъ шатавъ на Цегасѣ:
 Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ...
 Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не брать:
 Вы дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-Поэтовъ здѣшняго міра—можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнливѣйшаго изъ Поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я конечно передъ вами:
 Совсѣмъ не правъ пустынный-риемоплетъ;
 Онъ въ лѣнноти сравнится лишь съ Богами;
 Онъ виноватъ и прозой и стихами:
 Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ: общительныя и извинительныя; первый, въ началѣ годовой переписки, а послѣдній при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми пѣснями свирѣли
 Красавицъ нацѣхъ воспѣвать,
 И съ гнѣвной Музой Ювенала
 Глухаго варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять,
 И мучить бѣднаго Ослова
 Священнымъ Феба лзыкамъ,
 И лобъ угрюмый Шутовскова
 Клеймить единственнымъ стихомъ!
 О вы, которые умѣли
 Любить, обѣдать и писать—
 Скажите искренно—уже ли
 Вы не умбете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ любить мое сердце, и которые любите еще меня...

Шольё Андреевичъ конечно
 Меня забылъ давнымъ давно,
 Но я его люблю сердечно,
 За то, что любить онъ безпечно
 И пить, и пѣть свое вино,
 И надъ всемірными глупцами
 Своими рѣзвыми стихами
 Смѣется, право, пресмѣшно.

А. Пушкинъ.

4.

В. А. Жуковскому.

[Лѣто 1817 г. Царское Село].

Штабсъ-капитану, Гете, Грею,
 Томсону, Шиллеру привѣтъ!
 Имъ поклониться честь имѣю,
 Но сердцемъ истинно жалѣю,
 Что никогда ихъ дома нѣтъ.

5.

Князю П. А. Вяземскому.

[1-го сентября 1817.]. [Петербургъ].

Любезный Князь,

Если увидите вы Ломоносова то напомните ему письмо которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ Псковскомъ моемъ уединеніи. Я очень недавно прибѣжалъ въ Петербургъ, и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго; не знаю сбудется-ли мое желаніе; покажѣть съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ, и прошу у тебя твоего благословія.

Пушкинъ.

1 Sept.
1817.

Адресъ: Ихъ Высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андрѣевичу Асмодѣю. Въ Москвѣ.

6.

В. А. Жуковскому.

[Іюль 1819 г.]. [Царское Село].

Раевскій, молоденецъ прежній,
 А тамъ уже отважный сынъ
 И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
 Парнаскихъ дѣвственницъ Богинь,
 Къ тебѣ, Жуковскій завѣжали,
 Но къ неописанной печали
 (Тебѣ) Поэта дома не нашли—
 И увѣчавшись кипарисомъ,
 Съ французкой повѣстью Борнсомъ
 Домой уныло побрели—
 Какой Святой, какалъ сводня
 Сведеть Жуковского со мной
 Скажи—не будешь-ли сегодня
 Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?—
 На всякой случай—ожидая;
 (Скачимъ къ) Троніи прозбою моею
 Тебя зоветь на чашку чаю
 Раевскій—слава нашихъ дней!

7.

А. И. Тургеневу.

[9-го июля 1819 г. [Петербург]]

Очень мнѣ жаль что я не простился съ вами, пи съ обоими Мирабо. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову; примите его въ вашъ отеческой кармакъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному Гражданину. Къ статѣ о Беллонѣ: когда вы увидѣте бѣзглазаго Кавелина, поговорите ему, хотъ радивашего Христа, за Соболевскаго, восп. Унив. Панс. Кавелинъ притѣсняетъ его за какия-то Теологическія мнѣнія и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодова человека вытѣсняетъ изъ Пансіона, оставляя его въ нижнихъ классахъ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго, вспомните объ немъ и, какъ Кардиналъ-племянникъ, зажмите ротъ Доктору Теологіи Кавелину, который добивается въ Инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу Камергера Don-Basile забыть меня по крайнѣй мѣрѣ на три мѣсяца.

Пушкинъ.

1819.

9 Юлѣ,

8.

Н. И. Кривцову.

[Черновое].

[Вторая половина июля—начало августа 1819 г. Михайловское.]

Помнишь-ли ты, житель свободной Англии, что есть на свѣтѣ Псковская Губернія (что изъ этого то пишеть тебѣ твой вѣрнѣйшій) (откуда наконецъ) и лѣнивцевъ котораго ты вѣрно (не забываясь) помнишь (и любишь) который о тебѣ каждый день груститъ на котораго ты (долженъ бы сердиться но не знаю сердись ли) сердись и (ты) (я виноватъ потому что уже и голосъ и языкъ не) я не люблю писать писемъ—(и языкъ) языкъ и голосъ едвали достаточны для (выраженія) нашихъ мыслей (и особл. для чувствъ)—а перо еще глупѣе такъ глупо (бѣдно), такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора (такъ) какъ бы то ни было я виноватъ—(буде об. зая. по знавши зна. зная) знавши что мое письмо (на нѣсколько минутъ мо) можетъ (принесть тебѣ нѣск. мин. удовольствія) на минуту напомнитъ тебѣ объ нашей Россіи (и о Гра [и?] бѣ [о?]) объ вечерахъ Турген.) о вечерахъ у Т. и Кар. (и не исполнивъ дружескаго долга).

9.

П. Б. Мансурову.

[27-го октября 1819 г. Петербургъ].

Насилу упростилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ. любезный Мансуровъ, чудо-Черкесь! здоровъ-ли ты, моя радость; веселъ-ли ты моя прелесть—помнишь ли насъ, друзей твоихъ <мужескаго поду>—Мы не забыли тебя и въ 7 часовъ съ 1/2 каждый день поминаемъ (тебя) въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? завидуетъ намъ—и плачетъ о Кр... <разумѣется нижнимъ проходомъ>—Каждое утро крылатая дѣва летитъ на решетнице мимо окошъ нашего Никиты, по прежнему поднимаются на нее телескопы и . . . но увѣ. . . ты не видишь ее, она не видитъ тебя—Оставимъ Элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; Шампанское, слава богу здорово—Актрисы также—то пьется, а тѣ—аминь, аминь, такъ и должно—У Юрьева, слава богу, здоровъ—у меня открывается маленькой; и то хорошо—Всеволожскій Н. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплютъ! Соснидка и Кп. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ—а я въ нихъ не влюбленъ—однакоже его вызывалъ за его дурную комедію, а ее за посредственную игру—Tolstoy боленъ—не скажу чѣмъ—у меня и такъ ужъ много въ моемъ письмѣ—Зеленая Лампа нагорѣла—кажется гаснетъ—а жаль—масло есть (т. е. Шампанское нашего друга) пишешь ли ты мой собратъ—напишешь ли мнѣ, мой холосенькой—поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ—прощай, ланочка. А. Пушкинъ.

27 oct.

1819.

На оборотѣ: Павлу Борисовичу Мансурову.

10.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина марта 1820 г. Петербургъ].

Я читалъ моему преображенскому приятелю—нѣсколько строкъ тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу—и поздравилъ его съ щастливымъ испражненіемъ пировъ Гомеровыхъ—Онъ отвѣчалъ что твое а не его—Желательно чтобъ дѣло на этомъ остановилось—онъ кажется боится твоей сатирической палицы; твои первые четыре стиха на щеть его въ посланіи къ Дмитріеву—прекрасны; остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны—и. дружба въ сторону, Катенинъ стоитъ чего нибуль по лучше и по лѣбе. Онъ опоздалъ родиться—и своимъ характеромъ и образомъ мыслей, весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та-же Авторская сѣбсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи—Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала

Европу, по теперь этимъ не удивишь; что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ—жалѣть кажется нечего—а все таки жалъ—кругъ поэтовъ дѣлается часть отъ часу тѣснѣе—скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо—и то хорошо—Покаместъ присылай намъ своихъ стиховъ; они пѣвительны и оживительны—Первый сибгъ прелесть; Уныніе—преlestнѣе. Читалъ-ли ты послѣднія произведенія Жуковского въ бозѣ почивающаго? слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта—и что—ты объ немъ думаешь? Петербургъ душень для поэта; я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу—Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе—Ты прочтешь отрывки (ея) въ журналахъ—а получишь ее уже напечатанную—она такъ мнѣ надобна—что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя—Письмо мое скучно—потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлалъ Историческимъ лицомъ для сплетницъ С-тъ Пет. я глупѣю и старѣю не недѣлями а часами—Прости—отвѣчай мнѣ—пожалуйста—я очень радъ что придрался къ перепискѣ. Пушкинѣ.

Черновое.

Радуюсь, милый Виземской, что преображенской мой приятель подалъ мнѣ случай придраться къ перепискѣ. Ты сдѣлалъ остроумную ошибку, NN—темное, тупое и справедливое замѣчанье. Желаю чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Я поздравилъ Катенина отъ твоего имени съ щастливымъ испраженіемъ барельефовъ пировъ Гомеровыхъ. Онъ отвѣчалъ, что твое, а не его; но кажется съ безпокойствомъ ожидаетъ твоей сатирической палицы. Первые твои 4 стиха на Катенина въ посланіи къ Дмитріеву прекрасны; слѣдующіе, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, п—дружба въ сторону, Катенинъ заслуживаетъ что нибудь похвалы и похвалы. Онъ опоздалъ родиться—не идеями <(которыхъ у него нѣтъ)> но характеромъ, принадлежитъ онъ къ 18 столѣтію: та же авторская мѣлкость и гордость, тѣ же литературныя интриги и сплетни. Мы всѣ по большей части привыкли смотрѣть на поэзію, какъ на записную прелеstницу къ которой заходимъ иногда поврать и поповѣсничать, безъ всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасныхъ ея прелеstей. Катенинъ напротивъ того приближается къ ней въ башмакахъ и напудренный и просиживаетъ у нее цѣлую жизнь съ платонической любовью, благоговѣемъ и важностью. Что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэзіи, умы не къ ней устремлены; и нынче удвоенныя рѣшмы Вольтера не могли бы произвестъ прежняго своего дѣйствія—сожалѣть, кажется, не о чемъ, а все таки жалъ. Всего приятнѣе—стихами пестрить скучную прозу жизни, и для того, ради Бога присылай намъ себя почаще. Ты оживляешь однообразіе нашихъ вечеровъ. Первый сибгъ—прелесть, но Уныніе, полное чувства....

11.

Н. И. Гидичу.

[Конецъ апрѣля—начало мая 1820 г. Петербургъ]
Чудаевъ хотѣлъ меня видѣть непременно—и просилъ Отца прислать меня къ нему какъ можно скорѣе.—По щастію—тутъ и все.—Дѣло шло о новыхъ слухахъ—которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство.
Пушкинѣ.

На оборотѣ: Николаю
Пвановичу
Гидичу.

12.

П. Я. Чаадаеву.

[Май 1820 г.]

Мой милый, я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило-ли будить тебя изъ-за такой бездѣлицы.

13.

П. Я. Чаадаеву.

[1820 г.]

...Le seul homme que j'aie vu, qui est heureux à force de vanité...

14.

Л. С. Пушкину.

Кипеневъ 24 сентября 1820.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разказами. Начиная съ лица Леды. Прибѣжавъ въ Екатеринославль, я соскучился, похалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генералъ Раевской, который вѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его <ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя>, сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ; лѣкарь, который съ нимъ вѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не умерить; Пизовъ благословилъ меня на щастливую путъ—Я легъ въ каляску большой; черезъ недѣлю выдѣвился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кисло-серныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разнообразными и

недвижными; жалю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятиколднаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змбиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ (своихъ) отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часть отъ часу безопаснѣе, многочисленныя конвои пзлшними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіанами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградю въ будущихъ войнахъ,—и можетъ быть, сбудетъ для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ыхалъ въ виду неприязненныхъ полей свободныхъ, горскихъ народовъ. Вокругъ насъ Ыхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны; но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго Рускаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ Высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравиться мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія (объ) на Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова, Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись миѣ берега Крыма. Моремъ приѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикаеи, думаю я—на ближней горѣ посреди кладбища увидѣлъ я груды камней, утесовъ грубо высѣченныхъ—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее-ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верствъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикаеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣсками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій—но ему недостаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи приѣхали мы въ Кефу, остановились у Брунескаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миздаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человѣкъ, но прибѣтъ большія сведенія о Крымѣ, сторонѣ важной и запрещенной. Отъ сюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написала я элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ея Гречу безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми топинами, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Рускаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ

простой, прекрасной душою; снисходительнаго, почетительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ, 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжется къ себѣ всякого, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе пѣжелеи извѣстенъ. Всѣ его дочери—предестъ, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался—счастливое полуденное небо; предестной край; природа, удовлетворяющая воображенію; горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда (есть)—увидѣть опять подуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь-ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайнѣй мѣрѣ ниши ко миѣ.—Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзію—доброй, умной старушкою—къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но (не) влюбиться въ нее—безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... Русскимъ безвѣстную!.. я также. Прости, мой другъ! Обнимаю тебя! Узвѣдомъ меня объ нашихъ: все-ли еще они въ деревнѣ. Миѣ деньги пужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельб. и Дельв. Видишь-ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши миѣ обо всей братіи.

Пушкинъ.

15.

Н. И. Гнѣдичу.

[4-го декабря 1820 г. Соло Каменка].

Вотъ уже восемь мѣсяцевъ какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму въ Молдавіи и теперь нахожусь въ Киевской Губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ Генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ между аристократическими объѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя.—Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ немного стиховъ.—Вы повѣрите легко, что преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ.—Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствѣмъ, я не получилъ—но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые №-ра Сына доходятъ до меня.—Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, котораго читали вы миѣ въ вашемъ Эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать
я мнилъ, и проч.;

Они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоценнаго для моего сердца—но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. который хвалитъ мое дѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ краснѣй, несчастной? <что между прочимъ очень неучтиво>, говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными и красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо и смѣваю кистию Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтотыя тройки, да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣишемъ неизвѣстнаго эпиграммиста—критика его для меня ужасно какъ тяжка. Допрощикъ умѣе, а тотъ кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему <благодарность и самолюбіе въ сторону>, умѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я что Русланъ напечатанный для пріятнаго препровожденья скучнаго времени продается съ превосходною картинкою,—кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣсть у меня еще поэма готова или почти готова. Продайте, нюхайте гшпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка, 4 декабря
1820.

Гдѣ Жуковскій, увѣхалъ-ли онъ съ Ея В. Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа—журнала его не видалъ; писемъ также.

Мой адресъ: Въ Кишиневъ—Его Пр. Ивану Никитичу Иззову.

16.

А. Н. Раевскому.

[Черновое].

[Мартъ 1821 г. Кишиневъ].

Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ (нашего края. Онѣ) которыя будутъ имѣть (важныя) послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы (—особенно для Россіи).—

Греція (взбунтавалась) возстала и провозгласила свою свободу. (Нѣкто) Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскѣ покойнаго Князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ (съ толпой, съ нѣсколькими) малымъ числомъ вооруженныхъ Арнаутовъ и объявилъ (въ) что (угнѣтаемые) Греки (рѣшились) не въ силахъ болѣе выносить (несправедливости) (угнѣ.) притѣсненій и грабительствъ Турецкихъ (Правительства) начальниковъ, что они рѣшились освободиться отъ (несноснаго ига ихъ) ига незаконнаго, что намѣрены платить (исполнять) только подати, положенныя правительствомъ—Сія прокламація встрѣвожила всю Молдавію. (К. Суду) К. Суду (въ знакъ) и...¹⁾ консуль... хотѣли удержать р[аспростран]еніе бунта. Пандуры и Арнауты отовсюду бѣжали

¹⁾ Прожжено, какъ и далѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлено многоточіе.

къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февр. Генераль Князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ Кня. Георг. Канта. прибылъ въ Яссы изъ Кишенева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ (принять) встрѣченъ 3 стами Арнаутовъ, Кн. Су. и Р. К., и тотчасъ (объявилъ себя) принялъ начальство Города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи (С...ы къ нему явились) которыя быстро разлилися повсюду (онъ)—въ нихъ сказано, что (часъ воз.) фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что Великая Держава одобряетъ (сіи) подвигъ великодушный (что Россійское) (Восторгъ. Три знамя) Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ (на) изъ которыхъ одно трехдѣльное, на другомъ развѣвается крѣсть, обвитый лаврами, съ текстомъ: *силъ знаменемъ побѣдшии*; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ.—Я (читалъ) видѣлъ письмо однаго инсургента. Съ (восторгомъ) жаромъ описываетъ онъ обрядъ освѣщенія знаменъ и меча князя Ипсиланти—восторгъ Духовенства и Народа (и)—прекрасныя минуты Надежды и свободы.

Въ Яссахъ все спокойно—Семеро Турковъ были приведены къ Ипсиланти—и тотчасъ казнены (странное дѣйствіе) странная новость со стороны Европейскаго Генерала (съ которымъ за нѣсколько дней, что) Турки, въ числѣ 100 человекъ, были перерѣзаны, тридцать Грековъ тоже убиты. Извѣстіе о (семъ) возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уж... но еще ихъ нѣтъ—Трое бѣжавшихъ Грековъ находятся (теперь) со вчерашняго дня въ дѣшнемъ карантинѣ—Они уничтожили многіе ложныя слухи—Старецъ Али принялъ Христіанскую Вѣру и окрещенъ имѣнемъ Константина—Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ Суліотами—Уничтоженъ Турецкимъ войскомъ.

Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; (Грековъ) всѣ мысли устремлены къ одному (цѣли) предмету—на независимость древняго Отечества—Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы Грековъ; всѣ (покупали) продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Θεμισстоклѣ, всѣ шли въ войско цастяльца Ипсиланти (Всѣ) Жизнь, имѣнія Грековъ въ его (въ рукахъ) распоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона—Одинъ Паули далъ 600 т. піас, съ тѣмъ чтобъ ему ихъ возвратитъ по возстановленіи Греціи. 10000 Грековъ записалось въ войско (Мой другъ, все это прекрасно) Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ (принялъ) называется Главкомадующимъ сѣверныхъ Греч. Войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. (Для точнаго понятія сего тому) Должно знать, что уже тридцать лѣтъ со-составилось и распространилось тайное общество коего цѣлью было освобожденіе Греціи. . . . раздѣлены на три . . . ени. Низшую степень (были военные) составляла военная . . . вторую— . . . даше: члены . . . ей степени (могли) имѣли право каждый пріискать себѣ товарищей но не воиновъ, которыхъ избирала только 3 высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная Вѣра, отдѣльный Языкъ, независи-

есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что П. л. б. н. не кинулся въ рѣку вытаскивать мою Черкешенку—да, сунься-ка; я плавалъ въ кавказскихъ рѣкахъ,—тутъ утонешь самъ, а ни чорта не сыщешь; мой п. л. б. н. умный человекъ, разсудительный, онъ не влюбленъ въ Черкешенку—онъ правъ, что не утопился—прощай, моя радость—

6 февр.
1823.

Пушкинъ.

У насъ послѣ завтра балъ—привѣжай п. танцовать Полторацкіе зовутъ.

Щастіе супружеское.

Дома сидя и безъ дѣла
Буду нѣжно говорить
Ахъ мой другъ! какъ ты!
Прикажете покурить.

Вотъ модные стихи въ Кишиневѣ—не мои Полторацкаго—въ честь будущей моей женьтыбы.

51.

Князю П. А. Вяземскому.

[5-го апрѣля 1823 г. Кишиневъ].

Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ не лезя будетъ прибѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ—Если лѣтомъ ты побѣдѣшь въ Одессу, не завернешь-ли по дорогѣ въ Кишиневъ? я познакомлю тебя съ Героями Скулягъ и Секу, сподвижниками Юрдаки, и съ гречанкою, которая цаловалась съ Байрономъ.

Правда ли что говорить о Катенинѣ? мнѣ никто ничего не пишетъ—Москва Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня—

Охотниковъ прибѣхалъ? привезъ-ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ что Чадаевъ ѣдетъ за границу—давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма—любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать—теперь Богъ знаетъ, когда свидимся—

Важный вопросъ и сдѣлай милость: отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого монастыря (Страстнаго, что-ли) жива-ли она, гдѣ она, если умерла, чего боже упаси, то гдѣ ея дочери замужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я общался обо всемъ узнать подробно.

Къ стати, не знаешь-ли минуло-ли 15 лѣтъ Генералу Орл.? или нѣтъ еще?

5 апрѣля.

Стиховъ, ради бога, стиховъ да свѣженькихъ—

Адресъ: Его Сіятельству

Князю Петру Андреевичу Вяземскому.
Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ,
въ собств. домѣ.

52.

А. А. Бестужеву.

[13-го іюня 1823 г. Кишиневъ].

Милый Бестужевъ, позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебѣ за Пол. Звѣз., за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ.—Все это ознаменовано твоей печатью т. е. умомъ и чудесной живостью. О взглядѣ можно бы намъ поспорить на досугѣ, признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ—вы одни можете разгорячить меня. Покаместъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о Руской словестности забыть Радищева? кого-же мы будемъ помнить? это умолчаніе не простительно ни тебѣ, ни Гречу—а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: за чѣмъ хвалить холоднаго однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смѣшонъ. Ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда!

А любовница Елисея которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топилась
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуриемъ, а Герой, который упалъ въ песокъ

И весь сдѣлающа въ немъ образъ напечаталъ.
И сказывали тѣ, что ходятъ въ тотъ кабакъ
Что видѣнъ и поднесъ въ пескѣ сей самый
знакъ

все это уморительно. Тебѣ кажется болѣе нравится благовѣщеніе, однако жъ Елисей смѣшилъ сдѣств. полезнѣе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года, постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни; но не лезя-ли вновь осадить Цензуру, и со втораго приступа, овладѣть моею Анеологіей? Разбойниковъ я сжегъ—и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ—не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Пол. Зв. то напечатай его. Впрочемъ чего бояться читательницъ? ихъ нѣтъ и не будетъ на Руской землѣ, да и жалѣть не о чѣмъ.

Я увѣренъ что тѣ которыя приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются. Онъ человекъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Донось на человекъ сосланнаго есть послѣдняя степенъ бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ, не достойны пѣвца сократической любви.

Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ т. е. тебя обнимаетъ за меня—прощай, до свиданья. А. П.

13 іюня.

Черновое.

Милый Бест. Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Пол. Звѣзду, за твои письма, за ст. о Сл., за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ — все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и живостью. О <второй другой> Взглядѣ можно бы <потождовать> поспорить на досугѣ — Признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ <больше спорить> такъ не хочется спорить, какъ съ тобою <поэтому хотя> ты одинъ можешь разгорячить меня — Покажѣшь жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ о рус. сл. забыть Радищева — кого жъ намъ помнить какъ не его — <онъ до. какъ и Гречъ ... это?>? Это простиительно Гречу (умной головѣ), но не тебѣ. Еще слово: за чѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, и <слишкомъ> бранить Майкова? <Мнѣ очень> Его Елисей истинно смѣшонъ — ничего не знаю забавнѣе образа поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ исподняя одежда,
Что

(А крестьяне, которые бьютъ.....)

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для

И

А герой <на>, который упалъ въ песокъ

И ве.....

И

Все это уморительно. <Вамъ> Тебѣ кажется больше правится благодѣяние и мнѣ также но Елисей смѣшнѣе слѣдственно полезнѣе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года <я> постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни — но нельзя ли <вторымъ приступитъ> вновь осадить Цензуру и овладѣть моими <подра.> апологическими стихами. Разбойниковъ я сжегъ — Одинъ отрывокъ удѣлялъ въ рукахъ Ник. Раевск. Если отечест. слова харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей <любезныхъ> читательницъ Пол. Звѣ., то напечатайте ее — Впрочемъ чего бояться читательницъ?

Ихъ нѣтъ и не бу.....

да и жалѣть не о чѣмъ.

Дельвигъ мнѣ съ годъ [какъ?] ничего не пишетъ Попеняйте ему.

53.

А. А. Шишкову.

[Іюль—декабрь 1823 г. Одесса].

Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсдцевъ тому назадъ Милостивый Государь, лестное ваше знакомство,

честь имѣю, покоривѣйшій слуга ... такъ что я и не узналъ моего Царско-сельскаго товарища — Если заблагоразсудилъ писать ко мнѣ впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ. Не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись съ тобою на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничить п въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы видно подъ единымъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ приятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надужся, Богъ вѣсть почему. Помири насъ. — Что стихи? куда зарылъ ты свой золотой талантъ? подъ сибга-ль Эльбруса, подъ Тифлискими-ли виноградниками? Есть ли есть у тебя что нибудь, пришло мнѣ — право сердцу хочется.

Обнимаю тебя — письмо мое безтолково, да нѣкогда мнѣ быть толковѣе. А. П.

Недавно узналъ я что ты знакомецъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу. Онъ доставляетъ мнѣ случаи снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами любить тебя есть ему время — а писать къ тебѣ — наврядъ.

54.

Князю П. А. Вяземскому.

[19-го августа 1823 г. Одесса].

Мнѣ скучно, милый Асмодей, я боленъ, писать хочется — да самъ не свой — Мнѣ до тебя дѣло есть: Гибдичъ хочетъ купить у меня Второе издание Русл. и К. Плѣ —, но timeo danaos, т. е. боюсь чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде — Я обѣщалъ ему предисловіе — но отъ прозы меня тошнить — Перенишисъ съ нимъ — возьми на себя это 2 издание и осяти его своею прозой единственною въ нашемъ прозаическомъ Отеествѣ — Не хвали меня, но побрани Русь и рускую публику — стань за Нѣмцовъ и Англичанъ — уничтожь этихъ Маркизовъ классической Поэзіи — Еще одна просьба: есть-ли возмѣнсья за издачіе — не лукавь со мною, возьми съ меня что оно будетъ стоить — не дари меня — я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой Аристократъ — Отвѣчай мнѣ по экстра-почтѣ!

Я Брату долженъ письмо — Что онъ за человекъ? говорятъ что онъ славный малой и Московскій франтъ — правда-ли.

Прощай, моя прелесть — впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

19. авг.

Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому

55.

Л. С. Пушкину.

[25-го августа 1823 г. Одесса].

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилью уломалъ Пизова, чтобъ отъпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторация и Итальянская Опера нанесли мнѣ старину и ей богу обновили мнѣ душу.—Между тѣмъ привѣщаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ.—Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь.— Мнѣ стало жаль Моихъ покинутыхъ цѣней.— Приѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизяснимо элегически—и выхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни; впрочемъ, я нигдѣ не бываю—кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ П.Б. письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр... Фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго фонтана <новой моей поэмы>, сказавъ что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по плечу.—Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!—Здѣсь еще Раичъ. Знаешь-ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслу-же столпному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ божій и 4 первыя правила но службу, и не по своей винѣ, — и въ отставку идти невозможно. Все и всё меня обманываютъ,—на кого же кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайности можетъ довести до крайности.—Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письмы его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ П.Б.: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извозчика отъ Анчикова моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. <которыхъ вѣрно бѣ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги>. Прощай душа моя. У меня хандра, и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 Авг.

Такъ и быть я Вяземскому пришлю Фонтанъ, вышустивъ любовный бредъ,—а жалъ!

56.

Князю П. А. Вяземскому.

[14-го октября 1823 г. Одесса].

По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гибдичу что поручаю тебѣ издание Русл и Пѣли. сѣдственно дѣло сдѣлано. Не помню просилъ-ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обещаніе. Твоя проза обезпечить судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Раичъ? и никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-той пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ кромѣ свѣжіи сонъ въ самомъ концѣ. Не помню какъ было въ рукописи, но свѣжіи сонъ тутъ смысла не имѣетъ. К. Пѣвникъ иное дѣло.

Остановлялъ онъ долго взоръ —

должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живи—и путникъ оживаетъ—Живи—и пѣвникъ оживаетъ. Пещеры темна и прохлада—влажна и. И вдругъ на дому дождь и градъ—дождь. Въ чужой аулъ цѣною злата—За много злата, (впрочемъ какъ хочешь).—

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на дою низно слагала.

Зарѣзала меня Цензура! Я не властенъ сказать, и не долженъ сказать, и не смѣю сказать ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей, ради Христа, ночей Судьба на дою ей послала. То ли дѣло: ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чемъ-же ночь неблагопристойнае днѣ? которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей Цензуры? Бирюковъ добрый малой, уговори его или я слягу.

На смертномъ полѣ мой бивакъ

У меня прежде было: У стѣнъ Парижа. Не лучше ли какъ думаешь? вѣрнѣе и надеждѣ И уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ Анти-критики. 1) Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, сѣдственно, можно спать подъ нею, когда не чемъ инымъ накрытъ—а сушить нѣтъ надобности. 2) На берегу за вѣтныхъ водъ. Кубань граница. На ней карантинъ и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он' полъ. Изъясни это потолкнѣе забавникамъ Вѣс. Евр.—Теперь замѣчаніе типографическое: Все понялъ онъ... Нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и — à la ligne. Прощальнымъ взоромъ и пр.

Теперь я согласенъ въ томъ что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣвъ, да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce — обнимаю тебя съ надеждою и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье, и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ право добрый малой, изрядный Авторъ и отличный свод-

никъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ-же родѣ. Здѣсь Стурдза монархической; я съ нимъ не только пріяель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ-ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня, qu'il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ, и побѣхалъ въ Содомъ-Кишеневъ, гдѣ думаю, будетъ Вицъ-Губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.

А. П.

14 окт.
Од.

Замѣчанія твои на счетъ моихъ разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ с'est un tour de force, это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ и ничего лучше не написалъ. Бахчи-сарайской фонтанъ, между нами, дрянъ, но эпиграфъ его прелесть. Къ стати объ эпиграфахъ—знаешь-ли эпиграфъ К. П.?

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкой листъ.—

Понимаешь почему не оставилъ его. Но за твои 4 стиха я бы отдалъ 3 четверти своей поэмы. Addio—

Черновое.

.... какъ сюжетъ s'est un tour de force <это не похвально, напротивъ> но какъ слогъ—я ничего лучше не написалъ—<кромѣ посл. къ Ов.>—Бахч. Фонт. дрянъ (но эпиграфъ его прелесть)—не говори это однако никому я скоро пришлю тебѣ соч.—эпигра съ.....—Къ стати (объ) знаешь-ли эпиграфъ (.....) м. К. П. подъ бурей рока, т—понимаешь почему не оставилъ его—(къ тому) но за эти четыре стиха (лучше) я бы отдалъ 3 чет. своей поэмы—addio.

57.

А. Н. Раевскому (?).

Черновое.

[Вторая половина октября 1823 г. Одесса].

Je réponds à votre P. S., comme à ce qui (vous) intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là: 1) M. S. n'est pas encore de retour à Odessa, je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre; en 2 lieu, comme ma passion a baissé de beaucoup, et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi; c'est-à-dire, quo je ne montrerai pas votre (lettre) épître à M. de S., comme j'en avois d'abord eu l'intention. en ne lui (lisant) cachant que ce qui jettoit sur vous l'intérêt d'un caractère (Byronique) Mofmothique, et voici ce que je me suis proposé: votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables; en revanche j'y ai préparé (à) tout au long une belle réponse, dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avan-

tage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre; j'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job; je vois votre vanité et votre faiblesse à travers l'affectation de votre cynisme etc.; le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet? Mais comme vous toujours pour mon maître (en fait de morale, je vous demande (humblement) pour tout cela votre permission et surtout vos conseils; mais dépêchez-vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles (votre frère) on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux (mais) votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dan vos douleurs. M-r votre oncle, qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura du g. j. f. afin qu'il soit du secret comme tout le monde (et qu'il ne soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire).

58.

Ф. Ф. Вигелю.

Черновое.

[Ноябрь 1823 г. Одесса].

(Я знаю) Проклятый городъ Кишеневъ,
Тебя бранить языкъ устанеть!
Когда нибудь на (грѣшный) старый кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ!
(И рухнуть) вдругъ Падутъ, погябнутъ пламени
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варволомея.
Такъ, если вѣрять...
Погибъ пещастливый Содомъ.
Но только съ этимъ (милымъ) городкомъ
Я Кишеневъ равнять не смѣю
(Содомъ блистала и просвѣщенемъ)
(Парижъ библейскій (отличался) былъ отличенъ)
(Не только вѣжливымъ)
(Гостепрѣимствомъ и грѣхомъ)
Я слишкомъ съ Библией знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ.
Содомъ—ты знаешь—былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщенемъ (стихами) пирами,
(Гостепрѣимствомъ и пирами)
Гостепрѣимными домами
И красотой нестрогихъ дѣвъ.
(Зачѣмъ же) Миѣ жаль, что пламенемъ (стрѣлами)
громами
(Надъ нимъ... божій) Его сразилъ Егвы глѣвъ.
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человекъ
(Скажи, какъ ты проводишь) Провелъ какъ ты
свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишеневѣ, видишь самъ
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жажда о твоей судьбѣ,
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ (милыхъ) три красавца.

(Но я приду, милый) На всякой случай, грустный другъ,

Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прошу съ Одессою, явлюсь:
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозою, душою,
Но (только) Вигель, пощади мой.....

Это—стихи, слѣдственно, шутка—не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филн. Фил.—Вы скучаете въ (этомъ) вертепѣ, гдѣ скучалъ три года. Желаю васъ (утѣшить) разсвѣтъ хоть на минуту—и сообщая вамъ свѣдѣнія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв.; изъ 3 ... (крас.) Знаю.. думаю, годенъ на употребленіе въ пользу соб. только меньшей (Note scandaleuse). NB Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ бр. Михаил. и тресется немилосердно—изъ этого можете вывести важныя заключенія; предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію—старший братъ, какъ вы замѣтили глупъ, какъ Архіерейскій жезлъ; (второй) Ванька—.....—слѣдственно, чортъ съ нимъ—обними. ихъ отъ меня дружески—сестру также—и скажите имъ, что Пушкинъ цацуетъ ручки М а и г и н ѣ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивал о небесахъ о которыхъ не получилъ (объ нихъ) еще достаточныхъ свѣдѣній. Пулхеріи В. объявите за тайну что я влюбленъ въ нее безъ памяти, и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ въ подр. другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба! Алексею то же и еще что-нибудь—Глѣ и что Липранди? Мнѣ брюхо хочется видѣть его—У насъ холодно, грязно—обѣдаемъ (хорошо) славно—я пью, какъ Лотъ содомскій, и жалю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно (былъ) выдася намъ молодой денекъ—я былъ презид. попойки (вездѣ), всѣ перепились и потомъ побхали по.....—

59.

Князю П. А. Вяземскому.

[4-го ноябля 1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то что Цензура выбросилабъ и безъ меня, и то что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай, да слѣлай милость, не уступай этой сукѣ Цензурѣ, отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя у меня тамъ нѣтъ покровителей; Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, и если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Софьи Киселевой; прилагаю при семъ полудейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія (разумѣется, умалчавъ объ ихъ источникѣ) ¹⁾. Посмотри также въ путешествіи Апостола-Мур. статью Бахчи-сарай выпиши изъ нее что поноснѣе ²⁾—да заворочи все это своею

¹⁾ Въ черновикѣ (Русс. Муз. № 2369, л. 32) было, а потомъ зачеркнуто: «Тутъ мнѣ кажется можно надѣлать прелесть.... тутъ цѣлая поэма».

²⁾ Въ черновикѣ пространный: «Онъ имѣетъ на бумагѣ свое достоинство—хоть въ разговорѣ или я не... при семъ мое благословеніе —.»

прозою, богатой наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой пишу трауръ.

Полно не воскреснетъ-ли она, какъ тотъ который пошутитъ? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту. Чинъ чина почитай. Я бы и для Россіи не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ—дьявольская разнища. Въ родѣ Донъ-Жуана.—О печати и думать нечего: пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія—лучше объ ней и не думать—а если брать такъ брать не то что и когтей марасть.

Новое изданіе очень мило—съ Богомъ—милый Ангелъ или Аггелъ Асмодей.

Вообрази что я еще не читалъ твоей статьи побѣдившей Цензуру? Вотъ каково жить по Азиатски, не читая журналовъ. Одеса городъ Европейской—вотъ почему русскія книгъ здѣсь и не водится ¹⁾.

А. П.

В. Л. Дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ.

¹⁾ Въ черновикѣ имѣется еще длинное разсужденіе.

«Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить. Говоря объ Романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени рев. носятъ новый образъ—и упоминаешь объ А. Ш. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этого поэта, но онъ истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant et un... Отъ него такъ и пахнетъ Теофритомъ и Аневологіей. Онъ освобожденъ отъ италянскихъ concetti и отъ французскихъ Анти theses—но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли. Первая дуля Ламартина въ св. родѣ едва-ли не лучше Дуизъ Рылѣева; послѣдня прочелъ я недавно и еще не опоминился—такъ онъ вдругъ выросъ. Чарни—древній, Millevoque ни то, ни се, но хороше только въ нѣдочкахъ элегическихъ. La Vigne—(подражатель) школьникъ Вольтера—и бѣется въ старыхъ сѣняхъ Аристотеля.—Романтизма нѣтъ еще во Франціи.—А онъ то и возродитъ умершую поэзію.—Помни мое слово. Первый поэтический Геній въ Отецествѣ Буало ударится въ такую бѣшеную свободу, что что твои нѣмцы Покажишь во Франціи поэтовъ меньше, чѣмъ у насъ. О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крыловой, всѣ ея сатиры—одного изъ твоихъ посланій (всѣ его пѣсни, мадригалы, оды, элегіи), а все прочее—перваго стихотворенія Жуковского. Сказки писаны въ дурномъ родѣ, холодны и разтянуты. Ерм. такая дрянь, что мочи нѣтъ. Любопытно видѣть его жизнь не для него, а для тебя. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Пелединскаго и стократъ ниже стихотворца Паразина. Хорошъ Русскій поэтъ, poëte de notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится богъ знаетъ куда—ты одинъ бы могъ прикрикнуть на лѣво и на право, паразитрасти старья репутации, пристраунить новыя и показать имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому врагу и намя и, что всего хуже, бросилъ поэзію,—этого я переварить не въ силахъ.—Что тебѣ пришло въ голову оперу писать и закабалить поэзію Музыкѣ? Чинъ чина почитай,—я бы и для Россіи не пошевелился.

Что до моихъ занятій, пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разнища! въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не бывало. О печати и думать не лзя, но Цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить кругъ своихъ дѣйствій; лучше не думать; а если брать, такъ брать, не то.....»

60.

Князю П. А. Вяземскому.

[Между 4-мъ и 11-мъ ноября 1823 г. Одесса].

Конечно ты правъ и вотъ тебѣ перемѣны —

Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебѣ твои? Поставь пронзительныхъ. Это будетъ ново ¹⁾. Дѣло въ томъ что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю ²⁾ изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.

Не зрѣть лица его гаремъ
Тамъ....
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: Подъ стражею скопце въ Гарема. Миѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ ³⁾ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя—

Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если-же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно. Нѣтъ ничего легче поставить Равна, Грузинка, красотою но пика кр... ⁴⁾ а слово Грузинка тутъ необходимо—впрочемъ дѣлай что хочешь.

Апостолъ написалъ свое путешествіе по Крыму; оно печатается—впрочемъ, ожидать его нечего.

Что такое Грибоѣдовъ? Миѣ сказывали что онъ написалъ комедію на Чедова; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благоприятно съ его стороны.

Посылаю разбойниковъ.

Какъ бишь у меня? Вперлѣзъ онъ неподвижный взоръ? Поставь любопытный, а стихъ все-таки Калмыцкій.

61.

Князю П. А. Вяземскому.

[11-го ноября 1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ и разбойники. Истинное происшествіе подало миѣ поводъ написать этотъ отрывокъ.

¹⁾ Въ черновомъ: «смѣлс».

²⁾ Въ черновомъ: «не столько для А. Л. какъ для», но зачеркнуто.

³⁾ Въ черновомъ: «гордомъ первобытномъ».

⁴⁾ Въ черновомъ прибавлено: «можно бы: Гална, За-рема, ...»

вокъ. Въ 820 году въ бытность мою въ Екатери-пославѣ, два разбойника закованные вѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отлѣхъ на островкѣ, потоплене одного изъ стражей мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шил. Узн. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся печально, отрывокъ мой написанъ въ концѣ 821 года.

11 ноября.

62.

Барону А. А. Дельвигу.

[16-го ноября 1823 г. Одесса].

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣляю миѣ жизнь лицейскую; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пушкину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, покрайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по Азіатски, не читалъ вашихъ журналовъ. Надняхъ попался миѣ твои прелестныя сонеты—прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной Музѣ Баратынскаго. Жду и недождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхваляю Господа—и украсю двѣтми свой шалашъ—хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ.—Сатира къ Гибл миѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасны; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный и непростительно. Просвѣщенному ли чело-вѣку, Рускому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостію писателя? Это шутка, достойная кол. совѣт. Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалко, что мои элегіи писаны противъ Религіи и правительства; я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи <но не переписывать> и не отдавать въ печать <а видѣть ихъ въ печати>. Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана—онъ на дилъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязныя отрывки, за которые ты меня пожуришь, а всѣтаки похвалишь. Пишу теперь новую поэмю, въ которой забалтываюсь до нельзя. Бируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фидитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ—скучно, моя радость! вотъ прилѣвъ моей жизни. Еслибъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко миѣ въ Одессу! гдѣ онъ? ничего не знаю. Друзья, пора промѣнять миѣ почести изгнанія на радость свиданія.—Правда ли, что Вдетъ къ намъ Россіи и Италіанская опера?—боже мой! это представители Раи небеснаго. Умру съ тоски и зависти.—А. П.

16 нояб.

Вели прислать миѣ пѣмедкаго Плавника.

63.

Неизвѣстнымъ дамамъ.

Черновое.

[Ноябрь — декабрь 1823 г. Одесса].

Oui, sans doute, je les ai déviuées, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Od. ci-devant hermite de Kichonef.—J'ai baisé mille fois ces lignos qui m'ont rappellé tant de folio, de tourmouts, (de soirées) d'esprit, de grâce, de soirées, (valse) mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, Madame de croire que je puis m'amuser là ou je ne puis ni vous raconter, ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous, tout malaise, tout maussade, (toutes) mes facultés s'aneantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des caricatures, quoique la femme du Pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer [les plus grotesques]. Jo n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poète, le petit bout de (moi rien) qui me reste. Vous rappelez vous de la correction [dans son livre. Mais] que vous avez fait dans le . . . de la . . . Mon Dieu si vous [feriez la même chose dans m.] la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du Ciel nous aurons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concerts, sigishées, soupirants, tout ce qui vout plaira. Je contreferai le singe . . . et je vous dossiererai M-me de Wor. dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles; car ma conduite a toujours étoit telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler—cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? [Venez] encore une foi, venez au nom du Ciel et pardonnez moi la liberté avec lesquelles j'écris à celle qui a trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte le plus . . .

Quand à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrefaite), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de mes regrets... qui a mon tour.

64.

А. И. Тургеневу.

[1 Декабря 1823 г. Одесса].

Вы помпите Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ С. От. поклонъ и свое почтеніе. Я обвиняю васъ изъ прозаической Одессы не благодаря ни за что, но дѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому обязанъ я перемѣною своей судьбы. Надобно подобно мнѣ провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи чтобъ почувствовать дѣну и не вольнаго Европскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно

хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого ¹⁾. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я сталъ скупченъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежняя живость,
Проститель иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе?.. терпите, о друзья,
Терпите хоть за то что къ вамъ привла-
зая я ²⁾.

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. она не хороша, вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлгдуль десницей разярвенной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжной —
Свободы яркій день вставалъ —

Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человечество презрѣлъ —
Въ свое погибельное щастье
Ты дерзкой вѣрвалъ душой,
Тебя пѣвцъ самовласть
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода,
Вдругъ опѣмѣвъ лишилась силъ,
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ
Номчалъ къ боямъ ихъ ополченъ
Ихъ дѣни лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣчанную тѣнь!
Хвала! ты Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ — —

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года—впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ, я закаялся, и написалъ на дняхъ подражаніе басни умѣреннаго Демократа I. X. <изыде свѣтѣль сѣяти сѣмена своя ³⁾>.

¹⁾ За этихъ въ черновомъ слѣдовало: «Пишу стихи, уже не думая о Цензурѣ», но зачеркнуто.

²⁾ За этихъ стихами въ черновомъ слѣдуетъ: «Это единственные живые стихи покойнаго Д... — я люблю ихъ изъ эгоизма», при чемъ послѣднія пять словъ зачеркнуты.

³⁾ Въ черновомъ: «Эго послѣдній либеральный бредъ; на дняхъ я закаялся и, смотря и на западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику, произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Исусовой».

Свободы свѣтель пустынный,
Я вышел рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ поработенныя броды
Бросалъ живительное сѣмя—
Но потерялъ я только время
Благія мысли и труды....

Паситесь, мирные народы!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремящими да бичь.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то что вы успокоили меня на шетъ Н. М. и К. А. К. Но что дѣлаетъ поэтическая забывенная, конституціональная, Анти-польская, небесная Княгиня Голицына, возможно-ли чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ, чемъ я хуже принц. Шарлотты—что онъ мнѣ ни строчки въ 3 года не напишетъ. Правда ли что онъ переводитъ Гяура? а я на досугѣ пишу новую поэмю, Евгенийъ Онѣгичъ, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы.

65.

И. Н. Инзову.

Черновое.

[Послѣ 8-го Декабря 1823 г. Одесса].

Je vous envoie, general, les 3 0 roubles que je vous [devois] dois depuis si longtems; veuillez recevoir mes sin. remerciements. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire—Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'à present vous payer [ma] cette dette—la faute est que je crevois de misère. Agrérez, general, l'aussurance de mon profond respect.

66.

Князю П. А. Вяземскому.

[20-го декабря 1823 г. Одесса].

Какая бѣ ни была вина.

Такъ и у меня на черно.

Символь конечно дерзновенный
Незнающа жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Simbole teméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенія; одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла—Оставь эти стихи. пускай они

Aux Saumaise futurs préparent des tortures.—

Я бы хотѣлъ знать не лъзя-ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нее тяжелое, Сходнѣе намъ въ Азїи писать по оказїи. Что

Кривцовъ? Его Прев. могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Пол. Зв. въ надеждѣ видѣть тебя разпечатаного. Что Журналъ Анахарсиса-Клоца-Кюхли? Рисунокъ съ фонтана оставимъ до другаго изданїя. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Поздр. тебѣ съ Рожд. Сп. наш. Госп. I. X.

Ты кажется собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софїи Потоцкой, это дѣло другое. Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положенїи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что еслибъ ты заѣхалъ къ намъ на Югъ нынче весною? Мы бы провели гдѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа женшинъ и мушинъ. Приѣзжай, ей Богу веселѣе здѣсь чемъ у васъ на Сѣверѣ.

Адресъ: Его Сїятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ—

1824.

67.

Л. С. Пушкину.

[Начало января 1824 г. Одесса].

Такъ какъ я дождался оказїи то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чемъ ты съ нимъ чинился и не побѣхалъ повидаться со мною? Денегъ не было? Послѣ бы сочлись—а иначе богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, что я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ черезъ его министровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшїи отказъ. Осталось одно—писать прямо на Его имя—такому-то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости, не то взять тихонько трость и шляпу и побѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежь. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ разстетъ тринь-трава, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россїи мудрено довольствоваться. Русская слава льститъ можетъ какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и Петербургскїя знакомства, а человекъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantois-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ—дѣлать морить—за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Шлетевъ пишетъ мнѣ что Бахч. Фонт, у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моеи Славѣ! Благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и жеманнаго друга! Остается узнать, разкупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣмъ изъ которыхъ есть полныя рукописи; но это без-

дѣльца—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнить съ досады—на что ни взгляну—все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? къ стати о гадости—читалъ я Федру Лобанова — хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова а ради Маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ.—И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина! Voulez-vous découvrir la trace de ses pas—надѣнься найдти Тезей жаркой слѣдъ или темные пути—

М... его въ рѣму! Вотъ какъ все переведено! А чѣмъ-же и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры Федры верхъ глупости и ничтожества въ изобретеніи—Тезей ни что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Иполитъ, le superbe, le fier Hippolyte, et même un peu fagouche, Иполитъ, суровый скискій вы..., ни что иное какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный—

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ <монологомъ> рѣвую молодого любовника Паризины Байроковой, увидишь разницу умовъ. А Термень—аббатъ и сводникъ: Vous même ou seriez-vous etc.—вотъ глубина глупости! Съ Рылзевымъ мирюсь Войнаровскій полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева Олега Вѣщаго и напечаталъ. Можетъ быть, я пришлю ему отрывки изъ Онѣгина; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь П. Равескому, который бранить его—онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ Сатиру и динизмъ и порядочно не разчухалъ.

68.

А. А. Бестужеву.

[12-го января 1824 г. Одесса].

Конечно, я на тебя сердить и готовъ съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! А какой же смыслъ имѣеть:

Какъ ясной влагою полюбогиня грудь
вздыхала

съ болѣзнью и тоской
Твои глаза, и проч.?

Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ

старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моеи воли, ни бѣдной собственности. Это простительно Восею, но et tu autem, Brute!

Гнѣдичъ шутить со мною шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Якову Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, ухвалъ въ Парижѣ, и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя sans gancipe и съ благодарностью за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, то-есть, милъ, живъ, умень. Баратынскій—презель и чудо; Признаіе—совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангелемъ поступать со мною милостивѣ. Рылзева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ, слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобою стихами, но сдѣлай милость... пощади. Прощай, мой милый Walter!

Туманскаго вчера и сегодня не видалъ и письма твоего не отдавалъ. Онъ славный мальчи, но, какъ поэта, я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости! А. П.

1824, янв. 12. Одесса.

Адресъ: Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Гречу, въ С.-Петербургѣ, въ газетную экспедицію. Прошу доставить г. Бестужеву.

Черноевое.

Конечно я на тебя сердить и готовъ съ твоего позволенія браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ (ту элегію) тѣ стихи (объ) которыхъ именно просилъ тебя не выдавать (еще) ихъ въ п. Ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно (А и сколько я желалъ не выдавать въ публику первая про) (Онѣ относятся писаны къ женщиѣ которая ихъ читала ихъ. я просилъ) ты пишешь что безъ 3-хъ послѣднихъ стиховъ Эл. не имѣла бы смысла—Велика важность а какой же смыслъ имѣеть.

Какъ -----или съ болѣзнью и мольбой—или—

Я давно уже не сержусь за опечатки—но (иногда) мнѣ встарину случалось забалтываться стихами и мнѣ (больно) грустно видѣть что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моеи воли ни (самолюбія) бѣдной собственности—это простительно В.—но et tu Brute—Я (принужденъ) хотѣлъ было за вину (Вяземскаго) твоего корректора извиниться въ какомъ нибудь журналѣ—[оставляю это на] но публика (наш.) этого не стоитъ—Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пѣни и просьбы—и обнимаю тебя sans gancipe и съ благодарностью (за все) остальное —

стихи и прозу—ты все ты т. е. миль, живь, умень Бар. предельть и чудо—(послѣ его) признание (его рѣшилъ до сам.) совершенство (только) послѣ его никогда не стану печатать св. элейгій— <хотя бы наборщикъ и поклялся бы передъ нами (меня не щадить меня) поступать со мною милостивѣ>—Рылѣва Войн. несравненно лучше всего что онъ написалъ—слозь его истинно повѣств., чего у насъ (еще) почти еще нѣтъ—Дельвигъ молодець и мы (я) съ нимъ (спесусь) снесемъ. Гнѣдичъ шутить со мною шутки въ другомъ родѣ—онъ (сказалъ Як. Тол.) разгласилъ будто бы всѣ новые стихи общанныя мною Як. Тол., проданы уже ему Гнѣд. Толс. написалъ мнѣ письмо пресухое въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изд. моихъ стих., уѣхалъ въ П. и съ тѣхъ объ немъ ни слуху ни духу—(въ) я вижу (изъ С. О.) что онъ переписывается съ тобою (черезъ) въ С. О. напиши ему слово обо мнѣ и оправдай меня въ его глазахъ да перешли его адресъ—

69.

Ө. В. Булгарину.

[1-го февраля 1824 г. Одесса].

Съ искренней благодарностью получилъ я 1-й номеръ Сѣвернаго Архива, полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительный вашъ отзывъ о татарской моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обижаете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемая двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса. 1 февраля 1824.

70.

А. А. Бестужеву.

[8-го февраля 1824 г. Одесса].

Ты не получилъ видно письма моего. Не стану повторять то чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ П. Зв. скажу что она не въ примѣръ лучше <т. е. занимательнѣ> тѣхъ которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малой и много общаетъ но за чѣмъ пишеть онъ для снисходительнаго вниманія Мил. Госуд. NN. и ожидаетъ ободрительной улыбки прекраснаго пола для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью, Булгаринъ говоритъ что Н. Бестужевъ отличается новостію мыслей; можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово мысли. Арабская сказка прелесть; совѣтую тебѣ

держатъ за воротъ этаго Сепковского. Между поэтами не вижу Гнѣдича, это досадно; нѣтъ и Языкова—и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Шахмому; вчера— — — люблю и мысля помѣстить современемъ въ Грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева родина хороша, Баратынской—чудо—мои пѣсы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь что мой Фонтанъ шумить. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладываю въ стихи разказъ молодой жепщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя а печатаю потому что деньги были нужны.

3 пунктъ и самый нужный съ эниграфомъ безъ церемоніи: ты требуешь отъ меня десятка пѣсѣ какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ Цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому-же я общалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе нѣжели тебѣ. Объ моей поэмѣ нечего и думать—если когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощай, поклонъ Рылѣву. Обними Дельвига, брата и братью.

8 февр. 1824.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гречу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Газетной Экспедиціи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву.

Черновое.

Ты еще не получилъ [еще] какъ видно, письма моего [гдѣ говорю тебѣ], не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ—Отв. [соци.] повѣст. въ Пол. скажу, что онѣ не въ примѣръ лучше т. е. (занимательнѣ) тѣхъ кот. были напечатаны въ про. году, et c'est beaucoup dire—Корниловичъ—славный малой и мн. общ., но за чѣмъ пишеть онъ: для [вни.] снисходительн. вниманія... М. Го. NN и ожидаетъ ободрительной улыбки прекр. пола для продолженія [занимательн.] любопытныхъ св. труд. все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шал. невинностью. Булг. говорить, что ст. Н. Бест. отличаются новостію мыслей; можно [было имѣть болѣе] бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово [къ] мысли. Арабскія сказки прелесть— — совѣтую тебѣ держатъ за воротъ этаго Сепковского. [Стихи призрачные...]. Между поэт. не вижу Гнѣдича и досадно; нѣтъ и Языкова и его жаль. Похабный мадр. Родз. должно бы оставить [Шахмому] покойному Демонси а не печатать въ Эвр. изд.

Вчера — —
Люблю и мысля — —

[Отшли въ какую-нибудь] помѣстить [когда-нибудь] грамматикѣ—для примѣра лвной безсмыслицы—Плетнева Родина хороша, Бар. чудо—мои пѣсы плохи—вотъ тебѣ и все о Полярной—Радуюсь, что мой Фонтанъ шумить. Недо-

статокъ плапа не моя вина—я съ суевѣрной точностію перекладывалъ въ стихи разказъ молодой женщины:

Aux douces lois—

Впрочемъ я (довольно его люблю его для) напечаталъ Фонтанъ его потому что деньги нужны <я написалъ его единственно для себя>.

III пунктъ и сам. нужнѣй, съ эп. безъ цере. Ты (просишь) требуешь отъ меня десять пѣснь какъ будто у меня ихъ сотни (Не могу ихъ продавать ибо они уже проданы). Я общалъ стиховъ Кюхельбекеру, которому они вѣрно нужнѣе, пѣжели тебѣ (пото. положимъ что) Едвали наберется ихъ (для тебѣ) и пятокъ—ты забываешь отношенія мои съ Цензурой—О моей поэмѣ нечего и думать она писана строфами едвали не вольнѣе строфъ Дон. Ж. Если (я) когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ П. б. и не въ Москвѣ. (У васъ есть еще нѣсколько моихъ стиховъ... сдѣлайтесь съ Цензурой—переправляйте ихъ).

71.

Князю П. А. Вяземскому.

[8-го марта 1824 г. Одесса].

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать что ремесло наше право не хуже другога. Одно меня затрудняетъ ты продашь все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Росту имъ не за чѣмъ. А у меня имъ не залежаться хоть я право не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэмю ¹⁾. Благо я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18-го вѣка: я пишу для себя а печатаю для денегъ а ничуть для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнѣйшія замѣчанія на Булг., это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева еще не видалъ. Но милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному ²⁾ пристрастію судишь во преки ³⁾ своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому ⁴⁾. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры однаго изъ твоихъ посланій, а все прочее перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то называлъ Le poëte de notre civilisation. Быть такъ, хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе что такое въ

началѣ дѣла и не дорого. Левъ Нарышкинъ съ которымъ я уже объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужія края въ началѣ дѣла. Онъ занимаетъ здѣсь домъ за 600 р. въ мѣсцѣ, и дачу не очень помню за сколько. Я бы сохотѣлъ [ов]язать тебѣ для дѣтей нанять дачу потому что въ городѣ пыль несносна ¹⁾. Буду еще хлопотать; Впрочемъ твоего слишкомъ дорого не понимаю; ты деньги все вѣдь изтратишь, если не на то такъ на другое. Жду отвѣта. С. Волконскаго еще нѣтъ.

8 марта

1824.

Одесса.

Адресъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

72.

Князю П. А. Вяземскому(?).

[Первая половина марта 1824 г. Одесса].

.....Читая Шекспира и Библию, Святой Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира—Ты хочешь знать, что я дѣлаю:—пишу пестрыя строфы романтической поэмы,—и беру уроки чистаго Аэпизма. Здѣсь Англичанинъ глухой Философъ, единственный умный Аея, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ изписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, по, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная.

73.

Л. С. Пушкину.

[1-го апрѣля 1824 г. Одесса].

Вотъ что пишеть ко мнѣ Вяземской:

«Въ Благои[амѣренномъ] читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой Фонтанъ еще до напечатанія. На что это похоже? И въ П. б. ходитъ тысяча списковъ съ него—и кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю и проч.»

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава ни расти. Все такъ но жаль если книгопродавцы, въ первой разъ поступившіе по Европейски обдернутся и останутся въ накладѣ—да въ передъ не возможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышнемъ.—Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моеи Славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ

¹⁾ Въ черновомъ прибавлено: «потому что мнѣ полюбилось».

²⁾ Тамъ же: «снисходительному».

³⁾ Тамъ же: «я вѣрно вопреки».

⁴⁾ Тамъ же: «не хочу сказать кому».

¹⁾ Тамъ же: «въ городѣ по причинѣ пыли жить несносно; стану хлопотать».

голоду не окольтъ, а они кричатъ слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ Фонтанъ раздохнется—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ раздуваю подовину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Бугаринъ хуже Восіикова—какъ можно печатать партикулярныя письма—Мало-ли что приходитъ на умъ въ дружеской переписки, а мнѣ бы все и печатать—это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно; ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю на ровнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.

1 апрѣля
1824.

Письмо это доставить тебѣ Сенявинъ, адъютантъ Гр. Воронцова, славнѣйшій мазой, мой приятель; онъ доставить тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь. Мнѣ сказывали что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ изъ казенной щетъ, да въ сопровожденіи Жаңдарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни Отецъ ни словечка не отвѣчаешь мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете — а подрываешь мой книжный торгъ. Куда хорошо!

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину.
У Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго.

74.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Сей часъ возвратился изъ Кишинева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю какъ тебя благодарить; разговоръ прелесть, какъ мысли такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева; все что въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья tout de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями, и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну; тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? твой разговоръ болѣе писанъ для Европы чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи Романтической поэзіи; но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ-ли у насъ? это еще вопросъ.—Повторяю тебѣ передъ эвагелиемъ и святымъ причастиемъ—что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или Дядя В. А. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одною всю русскую оппозицію? и чѣмъ онъ классикъ? гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной, да въ энграммахъ, переведенныхъ изъ Гиннара?—Мнѣнія Вѣсти. Евр. не можно почитать за мнѣнія, на Благ. сердиться невозможно. Гдѣ же

враги романтической поэзіи? гдѣ столпы классическіе? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ т. е. о деньгахъ. Сленингъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь, да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ—а я думалъ, что это ошибка Географовъ. Дѣло стало за Цензурой, а я не шучу потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости—мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи— — — т. е. или рыбку съѣсть, или на ... съѣсть. Дамы принимаютъ эту поговорку въ обратномъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ; буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурить за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Бугаринъ и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники.—Прости, душа—да пришли мнѣ денегъ. А. П.

Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи.—Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣрять, да мнѣ не вѣрится.

75.

„Издателю Сына Отечества“.

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальных замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъясненію снисходительности и дружельюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многою силою своихъ сужденій сходятся съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтскою вѣжливостію.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

«Изд. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится?—Класс. Признаюеъ, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова писаецъ болѣе для Европы вообще,

чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и не замѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу или не имѣю права жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго Критика.

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

76.

А. И. Казначееву.

Черновое.

[25-го мая 1824 г. Одесса].

П. [очтенивѣйшій] А. И. Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю въ правѣ ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то нибыло, надѣюсь на вашу снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на щетъ моего положенія.

7 лѣтъ я служу службою не занимаюсь, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальник(ом)ъ. Эти (семилѣтнія) 7 лѣтъ какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ (совсѣмъ) другую дѣль. Ради бога не думайте чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю что Графъ Воронцовъ не захочетъ лишити меня ни того, ни другаго.

(Можетъ быть, скажете вы) мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей обязанъ служить. Вы знаете что только въ Москвѣ или П. Б. можно вести книжной торгъ ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній единственно по той причинѣ что нахожусь за 2000 в. отъ столицъ. Правительству угодно (было) вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мою утрату и принимая эти 700 рублей не такъ какъ жалованіе чиновника но какъ наекъ сылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ, (которые доставляютъ мнѣ). Вхожу въ (сіи) эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, (также) какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то что уже (сказалъ) извѣстно Графу М. С.: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника кромѣ его сіятельства; но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

Знаю что довольно этого письма чтобъ меня, какъ говорится, уничтожить. Если Гр. прикажетъ подать въ отставку я готовъ; но чувствую что перемѣнивъ мою зависимость я много потерю а ничего выиграю не надѣюсь.

Еще одно слово: Вы можетъ быть не знаете что у меня аневризмъ. Вотъ уже 8 лѣтъ какъ я

ношу съ собою смерть. Могу предствити свидѣтельство котораго угодно Доктора. Ужели не лѣзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни которая вѣрно не продлится.

Свидѣтельствую вамъ глуб. почт. и серд. пред.

Черновое (первый набросокъ).

22-го мая.

П. А. И. Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю (какимъ) въ правѣ ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то нибыло надѣюсь на вашу (снисхожденіе) снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно (о своемъ положеніи) на щетъ моего положенія.

(Я давно отказался отъ всякой надежды, отъ всякой выгоды) служба никогда не была моею дѣлюю: 7 лѣтъ я ею не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ; эти 7 лѣтъ к. в. извѣстно для меня потеряны. Чувствуя совершенно свою неспособность, я уже отказался отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи или выгоды [Можетъ быть, я чувствую, болѣе, чѣмъ кто-нибудь умѣренность правительства, но не могу...]; я самъ заградилъ себѣ путь, я выбралъ другую дорогу. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на (стихи) стихотворство, какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка, съ смѣннымъ тщеславіемъ: оно—просто мое ремесло, отрасль промышленности, которая одна доставляетъ мнѣ пропитаніе и независимость. Графъ не захочетъ лишити ни того, ни другаго.

Можетъ быть, скажете вы, что я получаю жалованіе, слѣдственно, обязанъ служить; но я принимаю 700 рублей не такъ, какъ жалованіе чиновника Нов. В. губ., но какъ (человѣч.) наекъ сылочнаго невольника. Вы знаете, что только (въ Россіи) въ Москвѣ или Петербургѣ (могу) можно вести книжный торгъ ибо только тамъ находятся журналы, цензора и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній только по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительство вознаграждаетъ нѣкоторымъ образомъ мои утраты—но я готовъ отказаться отъ моего жалованія, если не буду властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ это обст., потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Вор., также какъ и вашимъ также какъ и всякаго честнаго человѣка. Повторяю здѣсь то, что уже [честь имѣлъ говорить] сказать самому графу М. С.: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника, кромѣ Е. С.; но я не хочу служить, никогда ничего по службѣ не искалъ и противу воли — — —

Чувствую, что въ семь [письмѣ] довольно, чтобъ меня уничтожить; если графъ прикажетъ подать мнѣ въ отставку, я готовъ, хотя съ сожалѣніемъ, чувствую, что перемѣнивъ мою зависимость я много потеряю и ничего не надѣюсь выиграю.

Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ: слѣдственно, вотъ уже 8 [лѣтъ?], какъ я ношу съ собою смерть; могу представить свидѣтельство [какого угодно] того) доктора, котораго угодно вамъ... Кажется, служба таково чиновника не завидна. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

77.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

(Мнѣ) Съ удивленіемъ [услышалъ] слышу я что ты считаешь меня [варваромъ] врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ Турецкаго рабства. (Мнѣ случалось иногда говорить о Греціи) Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы. (Повторю тебѣ чтобъ оправдаться) Но чтобы тебѣ не говорили, ты не долженъ былъ вѣрить чтобы когда нибудь сердце мое недоброжелательство. (освобожденію свободѣ) благороднымъ усиліямъ (свободы) возраждающагося народа. Жалѣю что принужденъ оправдываться передъ тобою, повторяю и здѣсь (тебѣ) то что (думаю) случилось мнѣ говорить касательно Грековъ.

(Большая часть людей) Люди по большей части (ограниченны) самолюбивы, безпоятны, легкомысленны, невѣжественны, упрямы; старая истина которую все таки не худо повторить— Они (не) рѣдко терпятъ (ни рѣдкаго) противурѣчія никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ [что] всякую новостъ; и (однажды принявъ) къ ней привыкнувъ ужъ не могутъ съ нею разтаться.—

Когда что нибудь является общимъ мнѣніемъ то (оно непримѣтно) глупость обща вредитъ ему столь-же, сколько общее (усиліе) единодушіе ¹⁾ ее поддерживаетъ. Греки между Европейцами имѣютъ (много глупыхъ) гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ [полезныхъ] другіе.—(Невѣжество) Ничто еще не было столь народно какъ дѣло Грековъ, хотя многие въ ихъ политическомъ отношеніи были важны для Европы.

78.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

... de Constantinople—<Voilà> a de gueux (de courtiers... de juifs, de coupeurs de bourse) timides, voleurs et vagabondes qui n'ont (ne pouvoient) (jamais) pu même soutenir le premier feu de la mauvaise mousquetterie turque, (voilà ce que sont les) formeroit une singulière troupe dans l'armée (Russe) du Comte Vitgen.—Quand à ce q. reg. les officiers, ils sont pires que les soldats—(On peut voir) N. avons vu les nouveaux Leonidas dans les rues d'Odessa et de Kichenév—(nous) plusieurs nous sont personnellement connus, nous certifions leur complete nullité—aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthousiasme—(un) ils ont trouvé l'art d'être insipides, même au moment où leur conversation devoit interesser tout Européen—les (officier) françois et les Russes qui se trouvent ici (leur disent des grosses injures en face et quelquefois) leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, ils supportent tout, même les coups

¹⁾ Передѣлано изъ «единомыслия».

de bâton avec un sang froid digne de Themistocle— Je ne suis ni un Barbare ni un apôtre (du govern.) de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'intéresse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces misérables revêtus du ministère sacré des défenseurs de la liberté—

79.

А. И. Казначееву.

Черновое.

[Начало іюня 1824 г. Одесса].

(Votre lettre m'a fait bien de la peine) Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine, et (notre douleur) l'affliction que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quant aux craintes que vous (femoigner) avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regretter-ai-je? Est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le t mps de me résigner. (C'est à quoi je m'y suis résigné déjà). Sont ce mes appointements? (Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens je ne puis pas les dédaigner) Puisque mes occupations littéraires peuvent me procurer plus d'argent que le il est tout naturel de (leur) les sacrifier les occupations de mon service. Vous me parlez de protection et d'amitié,—deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis, ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection; rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui. Ladessus j'ai des préjugés démocratiques qui vaillent bien les préjugés (d'orgueil) de l'Aristocratie.

(Il est inutile). Je n'aspire qu'à l'indépendance <pardonnez-moi le mot en faveur de la chose>; à force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. Je ne conçois pas la consternation de mes amis <je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis>. Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier imbecile galopin anglais qui vient promener p rmi nous sa platitude [sa nonchalance] et son baragouin.

Il n'y a pas de doute que le comte W., qui est un homme d'esprit, saura (de me mettre dans mon tort) me donner le tort dans l'opinion du public: triomphe très flatteur et dont je le laisse-ai jouir tout à son gré, vu que je me soucie (tres peu) tout autant de l'opinion de ce public que des fenilles) de l'admiration de nos journaux.

80.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина іюня 1824 г. Одесса].

Жена твоя приѣхала сегодня, привезла мнѣ твои письма и маршаль Василія Львовича въ

которомъ онъ мнѣ говоритъ: ты будешь жить съ Княгинею прелестною; не вѣрь ему, душа моя и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многимъ отношеніямъ: кажется ты успокоился послѣ своей эпиграммы. Давно бы такъ! Критики у насъ, Чувашей, не существуетъ, паки какъ-то неприличны; о соединкѣ и смѣхъ и грѣхъ было и думать: то ли дѣло цыгъ или цыгъ цыгъ. Пришли мнѣ эпиграмму Грибоѣдова. Въ твоей неточности: и визгъ такой; должно пискъ. Впрочемъ, она прелестна. То что ты говоришь на щетъ журнала давно уже бродить у меня въ головѣ—дѣло въ томъ что на Воронцова нечего надѣяться. Онъ холоденъ ко всему что не онъ; а Меценатство вышло изъ моды—Никто изъ насъ не захочетъ великодушнагокровителства просвѣщеннаго Вельможи. Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовымъ. Нынѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дѣло и соединиться. Но бѣда! мы всѣ лѣбитыи на лѣбитѣ—матеріалы есть матеріалеты есть, но *ou est le cul de plomb qui pousse a sa?* гдѣ найдемъ своего составителя, такъ сказать, своего Каченовскаго? <въ смыслѣ Милопова—что для издателя хоть Вѣстника Европы, не надобно тутъ умъ, потребна только...>? Еще бѣда: ты—*Sectaire*, а тутъ бы пужно много и очень много терпимости; я бы согласился видѣть Дмитріева въ заглавіи нашей кучки, а ты уступишь-ли мнѣ моего Катенина? отрекаюсь отъ Василья Львовича: отречешься-ли отъ Воейкова—Еще бѣда: мы всѣ прокляты и разбѣяны по лицу земли—между нами сношенія затруднительны, нѣтъ единодушія; золотое къ стати поминутно отъ насъ выскользаетъ—Первое дѣло: должно приструнить всѣ журналы и держать ихъ въ рѣшпектѣ—ничего легче бы не было, еслибъ мы были вмѣстѣ и печатали бы завтра что рѣшили бы за ужиномъ вчера; а теперь сообщай изъ Москвы въ Одессу замѣчаніе на какуюнибудь глупость Булгарина, отсылай его къ Бирюкову въ И. Б. и печатай потомъ черезъ 2 мѣсяца въ *gouche des bévues*. Нѣтъ, душа моя Асмодей отложимъ попеченіе, далеко кулику до петрова дна—а еще далѣ (намъ) Бабушкѣ до Юрьева дня—Радуюсь, что могъ услужить тебѣ своей денежкой, слѣдай милости не торопись—Съ женою отошлю тебѣ 1-ую пѣснь Ойбгина—Авось съ переменной министерства она и напечатается—покажеть мнѣ предлагаютъ за второе изданіе К. Пѣв. 2000 рублей. Какъ думаешь? согласиться? Третье вѣдь отъ насъ не ушло.

Прощай милый; пишу тебѣ въ пол-пьяна и въ постелѣ—отвѣчай.

81.

Л. С. Пушкину.

[13 іюня 1824 г. Одесса].

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранія—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Взземскому на письмѣ. Должно имѣть ува-

женіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что-нибудь о Сѣверныхъ Цвѣтахъ—выдутъ ли и когда выдутъ? Съ переменною Министерства ожидаю и перемены Цензуры. А жалъ... la soupe étoit pleine. Бирюковы и Красовскій не въ терпѣжь были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія Дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ-ли онъ *Бахч. Фонтанъ* изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и безразно составленному слову в о д о м е т ъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзаніе, не яко Гуда-Арзамасецъ но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуется ко вратамъ Цензуры съ первою главою или пѣснью Ойбгина. Авось прольземъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ Ойбгинѣ—скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда прибѣжала Кн. Вѣра Взземская, добрая и милая баба—но мужу быть бы я больше радъ. Жуковского я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя! деньги мнѣ пужны. Продай на годъ Кавк. Пѣвн. за 2000 рублей кому бишь? Вотъ перемены: И путникъ оживаетъ—и пѣвникъ. Остановляя онъ долго взоръ—Вперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ И уповательнымъ... Не много.....еи дней—и очей, ради Бога. Прощай.

На оборотъ: Милостивому Государю
Льву Сергѣевичу
Пушкину. Въ С.-Петербургѣ,
У Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

82.

Князю П. А. Взземскому.

[Середина іюня 1824 г. Одесса].

Я ждалъ отъѣзда Трубеткова чтобъ писать тебѣ спусти рукава. Начну съ того что всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ, и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку—но чѣмъ кончатъ Власти, еще неизвѣстно. Тиверій радъ будетъ придраться; а Европейская молва о Европейскомъ образѣ мыслей Графа Сеяна обратитъ всю отвѣтственность на меня. Покажеть не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ Кн. Вѣрѣ, вижу что и тебѣ и Кюхельбекерно и тошно; тебѣ грустно по Байрону, а я такъ радъ (еи) его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостию—Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ который создалъ Гяура и Чильдъ Гарольда. Первые 2 пѣсни Донъ-Жуана вышѣ слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ на выворотъ; постепенности въ немъ не было, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему невозвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child Harold Байрона

мы не слышали, а писал какойто другой поэтъ съ высокимиъ челоѣвческимъ талантомъ. Твоя мысль воспыть его смерть въ 5-й пѣсни его Героя прелестна—но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Пегровъ; (и) можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщенные Европейскія народы бредили Греціей—это непрости-тельное ребячество. Иезуиты натолкавали намъ о Фемистоклѣ и Периклѣ а мы вообразили что пакостный народъ состоящий изъ разбойниковъ и лавошниковъ есть законнорожденный ихъ потомокъ, и наследникъ ихъ школьной славы—Ты скажешь что я переѣвилъ свое мнѣніе. При-ѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотриѣ на соотечественниковъ Милліада и ты бы со мною согласился— Да посмотри что писалъ тому нѣскольکو лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold—тамъ гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула поминтся, въ Смирнѣ—Объщаю тебѣ однакоже Вирши на смерть Его Превосходительства.

Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о пере-мѣнѣ министерства—Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ и нѣтъ. Давно ли[е]визъ всякаго рускаго есть чемъ хуже тѣмъ лучше. Опозиці[я] Руская, составившаяся, благодаря Рускаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то петербургское, которое я изъ подъ тишка поддразнивалъ ожидала чего нибудь—А теперь какъ позволять Фитѣ Глинкѣ говорить своей любовницѣ что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь въ священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ—Вотъ какъ Шишковъ сдѣлаетъ всю обѣдню Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ—Еще слово: я позволилъ брату продать (2) второе изданіе Кавк. Пльѣ, день гиблыи нужны—А <какъ я говорилъ> 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ.—Да ты пакостишь со мною: дарить меня, и свлзыватьсь чортъ знаетъ съ кѣмъ—Ты задорный издатель—а Гибдичъ хоть и не выгодный приятель за то ужъ конѣйки не подарить и смирю себѣ сидитъ ни бранясь ни съ Каченовскимъ ни съ Дмитріевымъ. А. П.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

83.

Н. В. Всеволожскому.

Черновое.

[Вторая половина іюля 1824 г. Одесса].

Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій! Ты поминишь Пушкина, прошедшаго съ тобою (первые годы) столько веселыхъ часовъ, Пушкина, котораго ты видѣлъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей (кулисныхъ страстей), того Пушкина, который отрѣзвилъ тебя въ страстную пятницу и проводилъ тебя

подъ руку въ церковь те. Дирекціи, да помолишься Господу Богу и насмотришься на господю Овошникову. Сей самый Пушкинъ честь имѣеть напомнить тебѣ нынѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Поминишь ли, что я тебѣ полуирода, полуириградъ рукопись моихъ стихотвореній? (О священная дружба! о проклятый тиранъ) Ибо знаешь: играй . . . родить задоръ Я разкаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стих.; большая часть оныхъ ниже посредственности и годится только на совершенное уничтоженіе; нѣкоторыхъ хочется мнѣ спасти Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же цѣну 1000 <я знаю, что ты со мною спорить не станешь, даромъ же взять не захочу>. Деньги тебѣ доставлю съ благодарностію, какъ скоро выручу. Надѣюсь, что мои стихи (по милости божіей) у Сленина не залегаются. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя моя радость, обнимаю и Прошу Когда-то свидѣлся когда-то

84.

А. А. Бестужеву.

[29-го іюня 1824 г. Одесса].

Милый Бестужевъ, ты ошибся думая что я сердитъ на тебя—дѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на послѣднее твое письмо <другова я не получалъ>. Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ челоѣвкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно (въ это время) въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой.

Но приятельское ли дѣло выѣвѣшивать на показъ мокрѣя мои простыни? Богъ тебя проститъ! но ты осрамилъ меня въ нынѣшней звѣздѣ—напечатавъ 3 послѣднія стиха моей элегіи; чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. фронт. какія-то чувствительныя строчки и припомнить тутже элегическую мою красавицу.—Вообрази мое отчаяніе когда увидѣлъ ихъ напечатанными.—Журналъ можетъ попасть въ ея руки.—Чтожъ она подумаетъ видя съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ приятелей. Обязана ли она знать что она мною не названа, что письмомъ разпечатано и напечатано Булгариннымъ— что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ—и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе чемъ мнѣшьями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣсти. Евр. <единственнымъ журналѣ на котораго не имѣю права жаловаться> что Булг. не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ еще живыхъ безъ согласія ихъ собственнаго. Но перекрестясь предалъ это все забвенію. Отзвонилъ и и съ колоколыи далой.—Мнѣ грустно мой милый что ты ничего не пишешь. Ктожъ будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Исарева? хороши! если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полукокойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не ше-

вельпугасъ чтобъ ихъ стравить, подразнить или окатить холодной водой. Въкъ полемики миновался. Для кого жъ занимательно мнѣнїе Дмитріева о мнѣнїи Вяземскаго или мнѣнїе Писарева о самомъ себѣ. Я принужденъ былъ вмѣшаться ибо призванъ былъ въ свидѣтельство М. Дмитріевымъ. Но больше не буду. Онѣгинъ мой растетъ. Да чортъ его напечатаетъ. Я думалъ что Цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ — а вижу что и при старомъ по старому.—Если согласіе мое, не шута тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ—то я никакъ его не дамъ если не пропустить грезъ и харчевнн <скоты! скоты! скоты!> а по па къ чорту его. Кончу дружеской комисіей—постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, безпамятному эгоисту что существуетъ ибкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и приятный стихотворецъ. Онѣи Пушкинъ продалъ ему когда то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. ассигн. Нылѣ за туже цѣну хотеть у него ихъ купить. Согласится-ли Аристипъ Всеволодовичъ? И бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. — Покажи ему мое письмо. — Мужайся — дай отвѣтъ скорѣи какъ говорить Богъ Юва или Ломоносова.

29 іюня 1824. Одесса.

87.

Князю П. А. Вяземскому (?).

Черновое.

[15-го іюля 1824 г. Одесса].

Франдузы ничуть не нижѣ Англичанъ въ Исторіи—Если первенство чего нибудь да стоитъ то вспомните что Вольтеръ первый пошелъ по новой дорогѣ—и внесъ свѣтильникъ Философїи въ темные Архивы Исторїи. Робертсонъ сказалъ что если бы Вольтеръ потрудился указать на Источники своихъ сказаній то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей Исторїи—2-е Лемонте есть Генїи 19-го столѣтія—прочти его Обзорнїе Царствованія Людовика XIV и ты поставишь его вышѣ Юма и Робертсона. Рабо де С-тъ Этьень—дрянь.

5 іюля 1824 Одесса.

Вѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи—Лавинъ бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля—Онъ ученикъ Трагика Вольтера, а не природы—.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française—.

Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умиряющемъ поэтѣ—вообще хорошъ какой то новой Гармонїей—.

Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chénier.—Но онъ изъ Классиковъ классикъ—отъ него такъ и несетъ древней Греческой поэзіей! Вспомни мое слово: первый Генїи въ

Отечествѣ Расина и Буало—ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ—что твои ибмцы—а покамѣстъ поэзіи во Франціи менѣе чемъ у насъ—

88.

А. И. Тургеневу.

[14-го іюля 1824 г. Одесса].

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣнїемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно-ли что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Вороновымъ; дѣло въ томъ что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непрстойнымъ неуваженіемъ, я могъ дожидаться большихъ неприятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Вороновъ—Вандакъ, придворный хамъ и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякіи разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Боярина. Правда—но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю Вороновъ посадилъ-ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о Конституціи Кортесовъ. Удаляясь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Знаю старую вашу привязанность къ шалостямъ океанной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да дѣнь. Не знаю пустятъ-ли этаго бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. По слѣдняя переимѣна министерства обрадовала бы меня въ полнѣ, еслибы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ оную вознаградить. Простите милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено Кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ—цѣлую руку К. А. Карамзиной и Княгини Голицыной constitutionnelle ou Anti-constitutionnelle mais toujours adorable comme la liberté. А. П.

14 juillet.

На оборотѣ: A. Monsieur Monsieur Tourguenet à St-Petersbourg.

89.

Князю П. А. Вяземскому.

[15-го іюля 1824 г. Оде са].

За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? за отставку? т. е. за мою независи-

мость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Придешь-ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь-ли ты съ здѣшними Властями это вопросъ на который отвѣчать мнѣ неохочется хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда—жду его съ нетерпѣнiемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ; что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо. Далъ ли ты ему Разбойниковъ для Мнемозины?—Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что нибудь, да нельзя: все заклеяно печатью отверженiя. Я было хотѣлъ сбрызнуть съ рукъ Пѣвника, но плутня Ольдекоппа мнѣ помѣшала. Онъ перепечатавъ Пѣвника, и я долженъ буду хлопотать о взысканiи по законамъ—Прощай, моя радость. Благослови, Пресвященный Владыко Асмодей.

15 июля.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

88.

Н. С. Зеновичу.

[8-го августа 1824 г.].

Александръ Пушкинъ сердечно благодаритъ Игнатiя Семеновича Зеновича за его заочное гостепрiимство. Онъ оставляетъ его домъ искренно жалѣя, что не имѣлъ счастья познакомиться съ почтѣннымъ хозяиномъ.

8 августа 1824.

89.

И. М. Рокотову.

[Августъ—сентябрь 1824 г. Михайловское].

Monsieur! Je me serais fait un devoir de vous envoyer ma caleche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si monsieur votre frère me faisait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le recevoir et de renouveler une connaissance aussi aimable. Quant à ce qui regard le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500. Au reste je m'en rapporterai à la décision de monsieur votre frère.

Agrérez les assurances du respect le plus profond et de la considération la plus parfaite, monsieur, de votre très humble et obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

90.

А. Н. Вульфъ.

[20-го сентября 1824 г. Михайловское].

Здравствуй, Вульфъ прiятель мой!
Прiѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порою,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскiй прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что?—бутылочъ полный ящикъ.
Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверзтыми объятiями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ за благо разсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей А. Н.

До свиданiя, мой милый А. П.

91.

П. А. Плетневу.

Черновое.

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское]

Ты издава дядю моего,
Творца Опаснаго сосѣда:
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣчала ликъ его.
Теперь издай меня, прiятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ.
Но ради Феба, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель,
.....

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношенiи моего Онѣгина. Созови мой ареопагъ, то-есть, Жуковскаго, Гнѣдича и Дельвига. Отъ васъ ожидаю суда и съ покорностiю приму его рѣшенiе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго, между тѣмъ говорятъ, онъ пишетъ....

92.

Н. И. Кривцову.

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское].

Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай что онъ въ первые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника!—Правда-ли, что ты сталъ Аристократомъ?—Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года—Всѣ мы раз-

брелись — Всѣ мы перемѣнились — А дружба,
дружба —

93.

Князю П. А. Вяземскому.

[10-го октября 1824 г. Михайловское].

Мой милый, наконецъ ты подалъ голосъ —
дѣловую записку твою получилъ исправно — вотъ
тебѣ отвѣтъ.

Ольдекопъ украсть и совралъ! Отецъ мой
никакой сдѣлки съ нимъ не имѣлъ. Довѣренность
я бы тебѣ переслалъ; по погоди; гербовая бумага
въ городѣ, должно взять какое то свидѣтельство
въ городѣ — а я въ глухой деревнѣ. Если можно
безъ нее обойтись, то начни дѣйствія, единствен-
ный, дѣятельный другъ! По письму дяди, вижу
что Кн. В. Ѳ. къ тебѣ прибѣжала; ты ничемъ не
достоинъ своей жены (развѣ стихами, да и тѣхъ
уже не пишешь). Немѣлленно буду къ ней пи-
сать; я все хотѣлъ навѣрное знать мѣсто ея пре-
быванія. En attendant mettez moi à ses pieds et
dites lui qu'elle est une âme charmante. О моемъ
жизнѣ-бытьѣ ничего тебѣ не скажу. Скучно вотъ
и все.

Какое Гр. Ворондовъ?

Полу-Герой, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!...
Но тутъ однакожъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ.

Къ стати о стихахъ: сегодня кончилъ я
пому Цыгане. Не знаю что объ ней сказать —
Она покамѣстъ мнѣ опротивѣла, только что кон-
чилъ и не успѣлъ обмытъ задрѣвшія...
Посылаю тебѣ маленькое поминальце за упокой
души раба Божія Байрона — Я было и дѣловую па-
нихиду затѣялъ, да скучно писать про себя — или
справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глу-
пости Бирукова, раздѣленного на Красовскаго —
Братъ Лайонъ тебѣ кланяется — пришли мнѣ сти-
ховъ, умираю скучно.

94.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Черновое.

[Первая половина октября 1824 г. Михайловское].

Belle et bonne princesse Véra, amie charmante
et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre
lettre: les paroles seraient trop froides et trop
faibles pour vous exprimer mon attendrissement et
ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à
toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je
suis, elle seule me console de bien de chagrins et
seule a pu calmer la rage de l'ennui qui consume
ma sottise existance. Vous devez la connaître, cette
sottise existance. Ce que j'avais prévu s'est trouvé

vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait
que redoubler des chagrins assez réels. (Le gouver-
nement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être
agent de persécution). On m'a reproché mon exil; on
se croit entraîné dans mon malheur, on prétend que
je prêche l'athéisme à ma soeur, qui est une créature
celeste, et à mon frère qui (a beaucoup d'esprit)
est très-drôle et très-jeune, qui admirait mes vers
et que j'ennuie très-certainement. Dieu sait, si ce
serait vrai. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un
emploi qui le met dans tous les cas dans une fautive
position à mon égard. Cela fait que je passe à che-
val et dans les champs tout le temps que je ne suis
pas au lit. Tout ce qui me rappelle la mer m'attris-
te, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre;
je crois qu'un beau ciel me ferait pleurer de rage,
non de gloire à Dieu: nebo у насъ сивое, а луна —
точная рѣпа. A l'égard des mes voisins, je n'ai eu
que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excé-
dent pas; je jouis parmi eux de la réputation d'Oné-
guine, et voilà je suis prophète en mon pays. Pour
toute ressource je vois souvent une bonne vieille
voisine, j'écoute ses conversations patriarcales; ces
filles, assez mauvaises sous tous les rapports, me
jouent du Rossini qui j'ai fait venir. Je suis dans la
meilleure position possible pour achever mon (poème)
roman poétique, mais l'ennui est une froide muse, et
le poème n'avance guère; voilà pourtant une strophe
que je vous doit; montrez la au *Prince* Pierre, dites
lui de ne pas juger du tout pas cet échantillon.

Adieu, ma respectable princesse, je suis à vos
pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre qu'à
ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de
l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un
mot d'Odessa, de vos enfants. Avez-vous consulté le
docteur de Mimi? Que fait-il, и что Мими?

Le prince a....

Адресъ: Покорно прошу доставить ея сиятель-
ству княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровѣ Вяземской.

95.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Братъ, ты мнѣ пришлешь пѣмедкую критику
Кавк[азскаго] Пл[анинка]? <спросить у Греча>,
да книгъ, ради бога книгъ! Если ГГ. издатели не
захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Аль-
манаховъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ
ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и Талію Бул-
гарина. Кстати о талин: на дняхъ я мѣрлся
поясомъ съ Евп[раксіей], и талин наши нашлись
одинаковы. Слѣд[ственно], изъ двухъ одно: или я
имѣю талію 15 лѣтней дѣвушки, или она — талію
25 лѣтняго мужчины. Евп[раксія] дуется п очень
мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще комисіи:
пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ
Чадаева, да перстень мнѣ грустно безъ него;
риски съ Михайломъ. Надѣюсь что разбойники
тебя не ограбили. NB. Какъ можно вѣзти безъ
оружія! Это п въ Азіи не дѣлается. Что Онѣ-
гиль? Перемени стихъ: Звонокъ раздался.
Поставь: Швейцара мимо онъ стрѣлой.

Въ Разг[оворѣ] послѣ: Искалъ вниманья красоты

нужно непременно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонъ-Визинъ написать Фонъ-Визинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русской, изъ перерусскихъ русской. Здѣсь дѣйствительно будто Губернаторъ приглашаетъ меня въ Исковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тропусь съ мѣста. Развѣ выгонять меня Отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Ж[уковскимъ] и съ Кар[амзиннымъ]. Я не прошу отъ правительства полу-милостей; это было бы полу-мѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣлся на перемѣну судьбы моей, но со мною онъ поступилъ не только строго, но и не справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ ШБ., и вѣрно, пока моя дома уже не будетъ. Сестру даю очень. Друзей моихъ такъ же—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ. Conversations de Byron! Walter Scott! Это пища души. Знаешь-ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда бѣзку верьхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Ахъ, боже мой, чуть не забылъ. Вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Руской Исторіи. Прощай, моя радость! Чтожъ чухонка Баратынскаго? Я жду.

На оборотѣ: Его Благородію
Милостивому Государю
Льву Сергѣевичу Пушкину.
Въ С.-Петербургѣ у
Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

96.

В. А. Адернасу.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Милостивый Государь
Борисъ Александровичъ.

Государь Императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства сильно подѣйствовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Его Императорское Величество да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидая сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства и пр.

97.

В. А. Жуковскому.

[31-го октября 1824 г. Тригорское]

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи. Прибѣжавъ сюда былъ я всѣми встрѣченъ какъ не лзя лучше ¹⁾, но скоро все перемѣнилось: отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ что и его ожидаетъ та же участь; Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпиономъ; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ что я преподаю ему ²⁾ безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ желалъ вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно.... Отецъ осердился ³⁾. Я поклонился, сбѣлъ верьхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата, и повелѣваетъ ему не знаться авес се monstre, ce fils dénaturé.... <Жуковский, думай о моемъ положеніи ⁴⁾ и суди>. Голова моя закинула. Иду къ отцу нахожу его съ матерью, и высказываю все что имѣлъ на сердцѣ дѣлныхъ 3 мѣсяца. Кончаю тѣмъ что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ что я его билъ, хотѣлъ бить, замахнулся, могъ прибѣить — Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ своимъ обвиненіемъ? рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести ⁵⁾. Спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ—Не говорю тебѣ о томъ что терпятъ за меня Братъ и Сестра—еще разъ спаси меня.

А. П.

31 Окт.

Послѣдніи обвиненія отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться—дойдетъ до Правительства, посуди что будетъ. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi.

P. S. Надобно тебѣ знать что я уже писалъ бумагу Губернатору въ которомъ[ой] прошу его о крѣпости, умазчивая о причинахъ—П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность—Признаюсь мнѣ немного на себя досадно, да душа моя—голова кругомъ идетъ.

98.

Л. С. Пушкину.

[Ноябрь 1824 г. Михайловское].

Братъ, вотъ тебѣ картичка для Онѣгина—

¹⁾ (Рум. 2370, 36, 37). Въ черновикѣ: «и обласка ъ».

²⁾ Въ черновикѣ: «и сестрѣ».

³⁾ Въ черновикѣ: «заплакалъ, закричалъ».

⁴⁾ Въ черновикѣ было: «изгнанія».

⁵⁾ Въ черновикѣ: «вѣчнаго моего безчестія».

найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ же мѣстѣ оподожени. Та же сцена, слышишь-ли? Это мнѣ нужно непременно. Да пришли мнѣ казюши съ Михайломъ.

Подъ картинкою написано карандашемъ: «1 хорошъ—2 долженъ быть опершился на гранитъ. 3. лодка. 4. Крѣпость Петропавловская». [Картинка воспроизведена въ III т. наст. изд., стр. 243].

99.

Л. С. Пушкину.

[Начало ноября 1824 г. Тригорское].

Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Anette очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣють, я ревную и браню тебя скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ ему извѣстныхъ. Я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы. И ты, душа, держи языкъ на привязи.

Видѣлъ ты всѣхъ святыхъ? Шумить-ли Пьеръ? Что твой приѣздъ и что Онѣгина?

NB. Пришли мнѣ: 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc.—найдеши у Saint-Piorent, 2) свѣрныя спички, 3) карты, то-есть, картежныя <объ этомъ скажи Михайлѣ: пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ>, 3[4] жизнь Емельки Пугачева; 4[5] Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5[6] горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературныя Паны, и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что: лѣнь прислать.

Прощай Отвычки со временемъ отъ Нашекина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой,—а то будешь un fêléque, что гораздо хуже, чемъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптѣ не прежде Января. Всѣмъ поклонъ—пиши же живѣе.

На оборотъ: Милостивому Государю и братцу.

100.

В. А. Жуковскому.

[Первая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Не знаю получишь-ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю въ краткѣ о дѣлѣ которое меня задираетъ за живо, 8-я лѣтняя Родосъ Сафаносъ, дочь Грека, падшаго въ Скуланской битвѣ героя, воспитывается въ Кишеневѣ у Катерины Христофоровны Круенской, жены бывшаго видъ-губернатора Бессарабіи. Не

льзя-ли сиротку приютить? Она племянница Рускаго полковника, слѣдств. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ! и оправдаемъ провидѣнье. О себѣ говорятъ не намѣрень, я хладнокровно не могу всего этаго раздумать; можетъ быть тебя разсержу, выпаливъ что у меня на сердцѣ. Братъ привезетъ тебѣ мои стихи, жду твоихъ какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина, скажи имъ что я для нихъ тотъ-же. Обними изъ нихъ кого можно; прочинь—всю мою душу—

101.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Скажи моему Генію-хранителю, моему Жуковскому что слава богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, дображи, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопа! Ничто проклятому Петербургу! Voila une belle occasion à vos dames de faire bidet. Жаль мнѣ Цвѣтовъ Дельвига; да на долго-ли это его задержать въ тишѣ Петербургской. Что погребаетъ? Признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя для пасаженія винограда? На святой Руси не штука—ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! Ъду завтра въ Св[ятый] горы и вѣлю отпѣть молебень, или панихиду, смотря по тому что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! Печатай, печатай Онѣгина и съ Разговоромъ.—Обними Плетнева и Гибдича; обнимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ: А. Н. на тебя сердита. Рокотъ перескажетъ П. А. твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сизетни! И ты хороши. Все-таки она приказала тебя *пустельгу* разделовать. Евпраксія уморительно смѣшна, и предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библию, библию! И французскую непременно. Образъ жизни моей все тотъ-же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки да читаю Клариссу: мочи нѣтъ, какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ, что Всеволожской, что моя рукопись, что письмо мое къ К. В. О.? Будетъ-ли картинка у Онѣгина? Что дѣлаютъ Полярные господа? Что Кюхля?—Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ тотъ—послѣ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потопа, потому что золь. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то проклянъ тебя. Скажи сестрѣ что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Пвел. и разпечаталъ полагал что оно столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопа, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Подалуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу а Гр. Екат.—дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову чтобъ онъ не дурачился, усоевѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! Разпечаталъ на-

рочно. Вѣрно есть бочки, р fas et nefas продающіяся въ ПБ., купи, что можно будетъ подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки. Воздѣ печати, у прованнаго мѣста: Я расковырлял!

102.

Князю П. А. Вяземскому.

[29-го ноября 1824 г. Михайловское].

Ольдекопъ, его въ рифму; надобль! Плюемъ на него и квитъ ¹⁾. Предложеніе твое косательно моихъ элегій не сбыточно и вотъ почему: Въ 1820 году переписалъ я свое вранье и памфленъ былъ изданъ его по подпискѣ; напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ ²⁾ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому <разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ>. Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать ³⁾ изъ Мекки въ Медину, мой Коранъ пошелъ по рукамъ ⁴⁾—и донинѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ что такъ какъ розданные билеты, могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для получения экземпляра, одного имени съ Адресомъ, ибо <солжемъ на всякой страхъ> имена всѣхъ Г.Г. подписавшихся находятся у Издателя. Если поспеу убытокъ и потерю нѣсколько экземпляровъ, пѣнять не на кого, самъ виноватъ <это остается между нами>. Братъ увезъ Онѣгина въ П. Б. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя, но въ нынѣшніи обстоятельства, всякой другой мой издатель, невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія ⁵⁾—Дивлюсь, какъ письмо Тани очутилось у тебя ⁶⁾ NB. изтолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику: Нельзя намъ не быть мизантропъ, т. е. ненавидящихъ людей, а убѣгающихъ отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; Тани полагаетъ причиной тому то что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его—если впрочемъ смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ; письмо женщины, къ тому-же 17 лѣтней, къ тому-же влюбленной! Что-же, душа моя, твоя проза ⁷⁾ о Байропѣ? я жду, не дождусь ⁸⁾. Смерть моей тетки frétillon, не вну-

Варианты черновика («Рум. музей», 2370, 40—42):

¹⁾ Прибавка «Милый, а пишу много неприятностей, и письмо твое кстати пришло и меня подвеселяло».

²⁾ «продалъ».

³⁾ «спѣшать».

⁴⁾ «изъ рукъ въ руки».

⁵⁾ Было прибавлено, но потомъ зачеркнуто: «Напишу брату, чтобъ онъ прислалъ тебѣ».

⁶⁾ Прибавлено «(прислали тебѣ его для Райча, или... какъ ты захочешь)».

⁷⁾ «твое поминанье».

⁸⁾ «Вѣдь я жду, и княгиня Вяземской писала».

пила-ли какого нибудь перевода В. Л-чу? нѣтъ-ли хоть эпиграфій? ¹⁾

Пиши мнѣ: Ея Высокор. Парасковѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С. и все тутъ, да найди для конверта ручку почетче твоей. Продай ²⁾, добрый слышатель; Отвѣчай-же мнѣ на мое полу-слово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила-ли она письмо мое. Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноябр.

Знаешь-ли ты мою Телѣгу жизни?

Хоть тяжело полъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать
И презирая страхъ и нѣгу
Кричимъ: ваяя,

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги
Поразрешо насъ; намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дурагой!

Катить по прежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И дремля, ъдемъ до ночлега—
А время гонитъ лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ— — — — —

На оборотъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

103.

В. А. Жуковскому.

[29-го ноября 1824 г. Михайловское].

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надблагъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за строчку глупова письма, что было бы если правительство узнало (бы) обвиненіе отца? Это пахнетъ палачомъ и каторгою. Отецъ говорилъ послѣ: Экой дуракъ, въ чемъ оправдывается! да онъ бы еще осмѣлился меня бить! да я бы связалъ его велѣлъ!—зачѣмъ-же обвинять было сына въ злодѣйствѣ несбыточнымъ? да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непростойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами!—

¹⁾ «Написалъ ли дядя шестистопную эпиграфю à та tante frétillon? Вотъ случай! А потопъто! Жду водяного писма Фиты. Перешлю брату твой поклонъ».

²⁾ Было: «милый entendeur», но зачеркнуто.

каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ.

Чтожь, милый? будетъ-ли что нибудь для моей маленькой Гречанкѣ? она въ жалкомъ состояніи, а будущее для нее и того жалче. Дочь героя, Жуковскій! Они родня портамъ по поэзіи. По полу-Милордъ Воронцовъ, даже не полу-герой. Миѣ жаль что онъ безсмертенъ твоими стихами а дѣлать нечего. Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго, уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзиныхъ—тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня что хочешь.

29 Нояб.

На оборотъ: Его Высокоблагородію
Милостивому Гоеударю
Василью Андреевичу Жуковскому.
Въ С.-Петербургѣ.
Въ Аничковскомъ дворцѣ.

Черноево.

Ты получилъ мое письмо. Долго не могъ я рѣшиться отослать его, но что миѣ было дѣлать? Я сосланъ за одну строчку глупого письма. Ежели (дойдетъ до) объя. Пра., что я поднялъ руку на отца [какое миѣ спасеніе], посуди какъ тамъ обрадуются. Это пахнетъ палачемъ и (Сибирью) каторгой. Мать согласна была съ отцомъ. [Мать моя] Теперь она говоритъ: да онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками—дѣло десятое. [Я сказалъ имъ, что] Да онъ убилъ его словами. Это calembourg и только. (Мать меня обняла, говоря, que deviens-tu, si tu... à la forteresse). (Я показывалъ). Я посылаю имъ письмо мое къ тебѣ. Отецъ говоритъ: «какой дуракъ въ чемъ оправдывается! Да онъ бы еще (бить меня) прибавилъ. Зачѣмъ же было обвинять [меня] въ злодѣйствѣ несбыточномъ. Чѣмъ даже живу, тѣмъ болѣе (вязну въ) стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо миѣ (и еще не застрѣлъ). (Увязъ я въ). Глупо часъ отъ часу даже вязнуть въ жизненной грязи.

104.

Д. М. Княжевичу (?).

Черноево.

[Начало декабря 1824 г. Михайловское].

Буря кажется успокоилась, осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дм. Мак. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревни,—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня, ни Миланской оперы (ни васъ, друзья мои). Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Вор. Уединеніе мое совершенно, праздность (моя) торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко [совершенный Онѣгинъ]; дѣлный день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей Няни, оригинала няни Татьяны; вы,

кажется, разъ ее видѣли; она—единственная моя подруга, и съ нею [одною] только миѣ не скучно. Я началъ переписку только съ Ж. и В. Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить,—а то не смѣлъ затѣвать переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился; но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ,—скажите миѣ, что у васъ дѣлается, скажите, во-первыхъ, выздоровѣли ли кисленькая Гр. Гурьева я сердечно желаю всего, щастья, почт. и благ.....

105.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

[4-го декабря 1824 г. Михайловское].

Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона! Послѣ этаго онъ и вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни моря, ни капли стиховъ отъ меня! NB. Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? да нельзя-ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 годъ? Стихъ: Вся жизнь одна-ли, двѣ-ли ночи

надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопр[одавца]. Mes agrières neveu me devoient cet ombrage. Съ журналами дѣлай что угодно; дарю тебѣ мои мѣлочи на приники, продавай или дари что упомнишь а переписывать мочи нѣтъ. Мих. привезъ миѣ все благополучно, а Библии нѣтъ. Библия для христіанина то же, что исторія для народа. Этой фразой <на оборотъ> начиналось преждѣ предисловіе Ист. Кар. При миѣ онъ ее и перемѣнилъ. — Закрытіе Театра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно—народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшего класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавошники видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальныя окна и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ разданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, по соль, по хлѣбъ, по овесъ, по вино? объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума миѣ нейдетъ, онъ вовсе не такъ забавенъ какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни писменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идилическимъ коллежскимъ ассессоромъ Панаевымъ. Пришли-же миѣ Эду Баратынскую. Ахъ онъ чухонецъ! Да если она миѣ моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 дек.

Милая Оля, благодарю за письмо, Ты очень мила и я тебя очень люблю хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. A. est vrai, c'est tres joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pouvre tante et je suis faché que Chalikof ait pissé sur son tombeau. Няня исполнила твою комисію, вѣдила въ Св. горы и отправила панихиду или что было нужно. Она дауеетъ тебя я также. Твои троегорскія приятельницы несносныя дуры, кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Кланяйся В. В. Эпигельгардту и Гивдичу и Плетневу, и Онѣгину, и Слѣпину. Присылай мнѣ Старицу; это приятная новость. Горопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? Ты читалъ ему Он?

На оборотъ: Ея Сіятельству
Милостивой Государынѣ
Катеринѣ Марковнѣ
Графинѣ Ивеличевой
Въ С.-Петербургѣ,
у Каликина мосту, въ собственномъ домѣ.
Пр. дост. братцу Льву Серг.

106.

А. Г. Родзянкѣ.

[8-го декабря 1824 г. Михайловское].

Милый Родзянко, твой поклонъ меня обрадовалъ; не рѣшишься-ли ты, такъ какъ ты обо мнѣ вспомнилъ, написать мнѣ нѣсколько строчекъ? Онѣ бы утѣшили мое одиночество.

Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К. [ернъ], которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей Кузинѣ? Говорить, она премиленькая вещь—но славны Лубны за горами. На всякой случай зная твою влюбчивость и необыкновенныя таланты во всѣхъ отношеніяхъ полагаю дѣлю твое сдѣланнымъ или полу-сдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все дегтю или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзіи т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма Чупъ? Злодѣи! не мѣшай мнѣ въ мое ремеслѣ—пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Къ стати: Баратынскій написалъ поэму <не прогибайся про Чухонку> и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила.—А я про Цыганку; каковъ? половаи-же намъ скорѣи свою Чухонку—ай да Парнасъ! ай да Геронни! ай да честная кампанія! Воображаю, Аполлонъ смотря на нихъ закричитъ: за чѣмъ ведете мнѣ не ту? А какую же тебѣ надобно, проклятый Обѣ? Гречанку? Итальянку? чѣмъ ихъ хуже Чухонка или Цыганка. одна—..!) т. е. оживи лучшемъ вдохновеніи и славы.

Если А. П. такъ же мила какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія: справься съ нею объ этомъ.

Поклонъ Норенрію, и всѣмъ моимъ старымъ приятелямъ.

Прости, украинской мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Приапа!

Твоя соломенная шляпа
Покойнѣи чѣмъ иной вѣнецъ;
Твой Римъ—деревня; ты мой Папа,
Благословижъ меня, пѣвецъ!

8 дек.

На оборотъ: Поэту Родзянкѣ.

107.

Л. С. Пушкину.

Черновое.

[Первая половина декабря 1824 г. Михайловское].

(Что же? Будетъ) ли вино,
Лайонъ? (Жду) его давно
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ влпъ!
(Самъ себѣ я господинъ)
Погребъ мой гостепреимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
St. Пере бутылкѣ длинной!
Въ лѣта юныя мои,
Поэтический Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви.
Но бургонское
(Рейнъ)
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ пѣтъ во мнѣ пристрастья:
. Задора.
Безъ разбора
Виша обхожу кругомъ
.

108.

Барону А. А. Дельвигу.

Черновое.

[Середина декабря 1824 г. Михайловское].

(Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то-же время какъ и Н. М. Очень жалѣю что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣденія самаго Автора. Но знаешь-ли что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? различіе нашихъ впечатлѣній. Посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу ¹⁾ на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ называемую Митридагову гробницу <развалины какой-то башни> тамъ сорвалъ двѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ (его) безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Паптикапей не сильнѣе подвѣствовали на мое воображеніе. Я ви-

¹⁾ Изъ Тамани въ Керчь. [Примѣчаніе Пушкина].

дѣлъ свѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи—и только. Изъ Феодосіа до самаго Юрзуфа Ъхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ. Луны не было, звѣзды блистали; передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ» сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину пѣвннтельную: Разнодвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинокъ татарскихъ издали казались ульями прилепленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ими; съ права огромный Аю-Дагъ.... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный....

(На полуденномъ берегу) Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всею равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго Lazzaconi. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря—и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣшалъ его, и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество. Вотъ все что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ и путешествованіе М[уровьева] оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ по скаламъ Кикенеиса, не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы и первый предметъ, поразившій меня была берѣза, сѣверная берѣза! сердце мое сжалось я началъ уже тосковать о миломъ полуднѣ—хоть все еще (я) находился (я) въ Тавридѣ, все еще видѣлъ я и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно миеологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; но крайній мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы. Я думалъ стихами (о**). Вотъ они.

Къ чему холодныя.....
и проч.

Въ Бахчисарай приѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на небреженіе въ которомъ онъ излѣиваетъ и на полувнепроевскія передѣлки пѣкоторыхъ комнатъ. NN. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины Гарема и на ханское кладбище.

но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было—

Лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говорить М. я (его не) объ

немъ не вспомнилъ когда писалъ свою поэму—а то бы непременно имъ воспользовался.

Разтокуй мнѣ теперь почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣють для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? или Воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все что подвластно ему? и проч.

Пожадуиста не показывай этого письма никому даже и друзьямъ моимъ <развѣ перенсавъ уже> а начала въ самомъ дѣлѣ не нужно.

Черновое.

(Я прочелъ) Путешествіе по Тавр[идѣ] прочелъ я съ жадностью и чрезвычайнымъ удовольствіемъ.—Я былъ на полуднѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Ш[ванъ] М[атвѣевичъ]. Жалѣю очень, (не понимаю) какъ мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ (глубокія) остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ (коихъ) потребны [глубокія] обширныя свѣденія самаго Автора. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній. (Кажется (помнится) я писалъ тебѣ изъ К. о Кавказѣ и Тавридѣ. Если (сколько упомяну) письмо мое сохранилось, жалѣю посуду самъ.

Изъ Туманя приѣхалъ я въ Керчь на кораблѣ и тотчасъ отправился на т[акъ] названную Митридатову гробницу (кажется <развалины какой-то башни>). Воображеніе мое спало; хоть бы одно чувство, ибѣтъ!—я сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія.—Развалины Паптыканен подѣйствовали на мое воображеніе еще того менѣе. Слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, да (старые) кирпичи. Изъ Феодосіа до самаго Юрзуфа пылъ я моремъ, всю ночь не спалъ; луны не было; блескъ звѣздъ... передо мною въ темнотѣ чернѣли полуденныя горы—Вотъ Чатырдагъ, сказалъ мнѣ капитанъ. Но не я различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ.—Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Я проснулся, увидѣлъ картину ослѣпительную: разнодвѣтныя горы (озарены были) утреннимъ солнцемъ (нѣсколько рядовъ) (плоскихъ кровель) плоскія кровли татарскихъ хижинокъ издали казались (казались издали рядами прилепленныхъ) ульями, прилепленными къ горамъ; тополи стройныя, какъ зеленныя колонны, возвышались между (ими) между ихъ рядами—съ права огромный Аю-дагъ розматался въ море и это синее, чистое небо и блескъ, и воздухъ полуденный....

На полуденномъ берегу жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ (и ни на минуту ей не удивлялся) Забылъ о сѣверѣ вовсе и наслаждался ею какъ природный Неаполитанецъ (холодность моя посреди прелестей природы (я любилъ) Я жилъ) Я любилъ, просыпаться ночью и слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; (Я его полюбилъ и хаживалъ) и къ нему привязался. Вотъ все, что осталось (въ моей памяти отъ полуденнаго берега Тавриды).

Я объѣхалъ оный, и Путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный... не оставилъ ни малѣйшаго въ моей памяти. По горной лѣстницѣ мы взобрались пѣшкомъ держа за хвостъ нашихъ Татарскихъ лошадей,

Это забавляло меня чрезвычайно. Перебравъ горы,—первый предметъ, который бросился въ глаза, была береза, сѣверное [береза] дерево! Сердце мое жалось: я началъ тосковать о миломъ полуднѣ—хотя и былъ все еще въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ (берегу) (черныя скалы) морю оставили во мнѣ единственное сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ развалины храма Діаны. Видно, мифологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайпей мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы б... на памятникъ дружбы. Я думалъ стихами о Ч— (Вотъ тебѣ эти стихи) Вотъ они.

Въ Бахчисарай прѣбывалъ я больной (Лихорадка начинала меня мучить) (Я слышалъ объ фонтанѣ Керимъ-Герее вълюбленнаго хана) Я слышалъ о странномъ памятникѣ вълюбленнаго хана. (Поэтическое воображеніе К*** назвало) К*** поэтически описала мнѣ его, называя la fontaine des larmes—вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; (изъ него капала) изъ заржавой желѣзной трубочки по каплямъ падала вода.—Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на небреженіе, въ которомъ онъ излѣвляеть, и на полу-европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ—NN почти насильно повелъ меня на ветхія развалины Гарема и на х. кладбище. Не тѣмъ и лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника Потоцкой, о которомъ говорить М—я (Я объ немъ не помню и не зналъ) я его не помнилъ, когда начиналъ свой Бахчис. фронт. а то бы непременно имъ воспользовался и пр.

Разтолкуй же мнѣ теперь: почему полуденный Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе слова посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Воспоминаніе чародѣй, самая сильная (чувство) способность души, имъ очаровано все, что подвластно ему?

109.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—прѣбывай хоть съ П. А., хоть съ Дельвигомъ; переговоришься нужно непременно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непременно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку.—Вѣтрный юноша Р. можетъ письмо затерять—а ни чуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость роиг des chansons.

Христомъ и Богомъ прошу скорѣе вытаскать Опѣгина изъ-подъ Цензуры — слава... .. — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога денегъ!

У меня съ Тригорскими завязалось дѣло прѣзаванное — некогда тебѣ разказывать а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли-же мнѣ всевозможныя Календари, кромѣ

Придворнаго и Академическаго. Къ стати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ Цензура? Напиши мнѣ вѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ыхъ,
Жуковскомъ
Тургеневѣ А.
Сѣверинѣ
Рылѣевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики.—Насѣли-ли на Воронцова? Царь, говорятъ, бѣсится—за что бы, кажется да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина такъ и сыру, не забудь и <говоря по Делилевски> витую сталь, пронзающую засмоленную (пробку) главу бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся п — ie толки о моемъ побѣгѣ. За чѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трахать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чедаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться. Кто думаетъ ко мнѣ заѣхать? Избави меня

Отъ усыпателя глупца,
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай что задумаешь.—Addio!

Получилъ-ли ты письмо мое о Потоцѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire bidet?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ да лѣнь.

110.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Братъ! Здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ; съ тебя довольно. Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ *Цвѣтовъ да Эду*, да побѣжай къ Энгельгартову обѣду.—Кланяйся Господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пушкину и Маиновскому. Подалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

111.

К. Ѡ. Рылѣву.

[25-го января 1825 г. Михайловское].

Благодаря тебя за ты и за письмо. Пушкинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю чтобъ они тебѣ понравились. Жду Пол.

Звѣз. съ нетерпѣньемъ знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бест. пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ—скажи ему что онъ не правъ: ужели хочеть онъ изнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣются сатиры и комедіи? слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso и Гудибраса и Rucelle и Веръ-Вера и Ренике-фуксъ и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена и басни Крылова etc. etc. etc. etc. etc... Это не много строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзіи, но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева—но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. За чѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей? потому что зубки прорѣзались?—Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому-же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ—Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! за что казнить, за что вѣнчать? Что касается до Батюшкова уважимъ въ немъ нещастія и не созрѣвшія надежды—Прощай поэтъ.

25 Генв.

112.

Князю П. А. Вяземскому.

[25-го января 1825 г. Михайловское].

Что ты замолкъ? получишь-ли ты отъ меня письмо гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ, etc. Въ Цѣвѣтахъ встрѣтилъ я тебя, и чуть не задохся со смѣху прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чист. Отвѣтъ разтянуть: рифмы слѣзы, розы завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы очень забавно, но вся мужнина рѣчь до за гробомъ ревность мучить разтянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ едвали-ли не плеопазмъ—Вотъ тебѣ критика длиннѣ твоей пѣсы—Да ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его пахабныя эпиграммы сократъ выше одъ и гимновъ.—Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или телега? Что мой Кюхля, за котораго я стражду но все люблю? говорятъ, его обстоятельства не хороши—чѣмъ не хороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига—покажься я одинъ одишешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я кажется писалъ тебѣ что мои Цыгане ни куда не годятся: не вѣрь—я совралъ—ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрять за изданіемъ; не ожидалъ я чтобъ онъ протерся сквозь Цензуру—честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе посланіе Цензору? тамъ между прочимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія
Милицтра честнаго нашъ добрый Царь
избралъ.

Шашковъ уже наукъ правленье вос-
приялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: Онъ блещеть
среди народа
Священной памятью Дѣвнатцатаго года,
Одинъ въ толпѣ Вельможъ онъ Рускихъ
Музъ любилъ
Ихъ незамѣчанныхъ созвалъ, соединилъ
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ
завръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ Арзамасецъ говоритъ нынѣ о дѣлѣ Шиш. тетрога altri! Вотъ почему я перѣшился по твоему совѣту къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я-же подличалъ благонамѣренно имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиренья кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся Княгинѣ—и дѣтей подалуй. Не правда-ли, что письмо мое напоминаетъ le faire <Василья Львовича> Вотъ тебѣ и стишки въ его же духъ:

Приятелю.

Враги мои, покажься, я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда-нибудь, любовь;
Не избѣжить пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, беспощадный:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И (стерезеть) сторожитъ Индѣекъ и Гусей.
25 генв.

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью что написалъ нашъ Плетневъ? экая ералашъ! Ты спишь, Брутъ! да скажи мнѣ кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за Нѣмцовъ противъ Бестужева <котораго я не читалъ>. Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ *Оита*, Кутейкинъ въ эполе-
тахъ,
Бормочить намъ разтянутый псаломъ:
Поэтъ *О.* не становись Фертѣмъ!
Дьячекъ *О.* ты *V* въ поэтахъ!

Не выдавай меня, милый; не показывай этаго никому: *Оита* бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякаго скверны.

113.

Князю П. А. Вяземскому.

[28-го января 1825 г. Тригорское].

Пушинъ привезеть тебѣ 600 рублей—Отдай ихъ Кн. В. Ф. и съ моей благодарностію. Савеловъ большой подлець. Посылаю при семъ къ нему дружеское письмо. Перешли его <въ конвертѣ> въ Одессу по оказіи, а то по почтѣ онъ ска-

жетъ: не получилъ. Охотно извиняю и понимаю его.

Но умный человекъ не можетъ быть
не плутомъ!

А прогос. Читалъ я Чацкаго—много ума и смѣшнаго въ стихахъ но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человекъ—но Грибоѣдовъ очень уменъ. Пришлите-же мнѣ Вашъ Телеграфъ. Напечатанъ-ли тамъ Хвостовъ? что за прелесть его посланіе! достойно лучшихъ его времени. А то онъ было сдѣлался посредственнымъ, какъ В. Л., Ив.-Пис. —и проч. Каковъ Филимоновъ въ своемъ Инвалидномъ объявленіи. Милый, теперь одни глупости могутъ еще развлечь и разсмѣшить меня—Слава-же Филимонову!

Пишу тебѣ въ гостяхъ съ разбитой рукой—упалъ на льду не съ лошади а съ лошадыю: большая разница для моего наѣздническаго честолюбія.

28 Янв.

114.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Нѣкогда мнѣ писать Княгинѣ—блажари ее за попеченіе, за укоризны даже за совѣты ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоценной.—Ты конечно правъ; болѣе, чемъ когда нибудь, обязанъ я уважать себя—Унизиться передъ правительствомъ было бы глупость—довольно ему одного Грабе.—

Я писалъ тебѣ на дняхъ—и послалъ нѣкоторые стихи—Ты мнѣ пишешь: пришли всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ.—Завѣтныхъ покаместъ нѣтъ.

115.

А. А. Бестужеву.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожурн моего брата за то что онъ не сдержалъ своего слова—я не хотѣлъ чтобъ эта поэма извѣстна была прежде времени—теперь нѣчего дѣлать—приужденъ ее напечатать (прежде), пока не разтаскаютъ ея по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить.

Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдств. не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры, и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи

Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то, не то московская кузина. Молчаливъ не довольно рѣзко подлѣ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина—но штатской трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propros de bal, сцены, разказъ Репетилова о клобѣ, Загорецкіи всѣми отъявленный и ведаѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйств. лицо? отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человекомъ <имянно съ Грибоѣдовымъ> и наптившійся его мыслями, островами и сатирическими замѣчаніями. Все что говорить отъ—очень умно. Но кому говорить онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На базѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человека—съ перваго взгляду знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобн. ¹⁾ Къ стати что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. За чѣмъ дѣлать его гадкимъ? довольно что онъ вѣтренъ и глушь съ такимъ простодушіемъ; довольно чтобъ онъ признавался минутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смиреніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся?—Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи—недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софій къ Молч. прелестна!—и какъ естественно! Вотъ на чемъ должна была пертѣться вся комедія—но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ—его воля—О стихахъ я не говорю: половина—должны войти въ пословицу.

Покажи это Грибоѣдову—Можетъ быть я въ иномъ ошибся. Слушая его комедію я не критиковалъ а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда ужъ не могъ я справиться. Но крайній мѣрѣ говорю прямо безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ кажется Олегъ не нравится; напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ—есть черта трогательнаго простодушія, да и произшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго. Листъ кругомъ, на сей разъ полно.

Я не получалъ Лит. Лист. Булг. тотъ № гдѣ твоя критика на Бауринга. Вели прислать.

116.

Л. С. Пушкину.

[Первая половина февраля 1825 г. Михайловское].

Я съ тобою не бранюсь <хоть и хочется> по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опаньсы на счетъ приѣзда ко мнѣ вовсе несправед-

¹⁾ Сіѣоп Грессетовъ не упоминаетъ ни съ Жеронтовъ ни съ Хлоей.

лпы. Я не въ Шпассельбургѣ, а при физической возможности свиданія лишитъ онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ дѣли, слѣдств., вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...

Жду шуму отъ Онѣгина; покажьтесь мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conservations de Вугоп, добро! но, милый мой, если только возможно, отъищи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдашь-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouche! онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ Войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ погнулъ—во первыхъ лжетъ какъ ребенокъ ¹⁾ ²⁾ судить о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какойнибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Monthaulon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній имянно и не находится. Читалъ ты записки Nap. Если ибѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ написалъ, ей-Богу, мизенькую пьесу дѣв. влюбл. поэ.—кромѣ Авторами. А куда онъ Коншинъ! его элегія въ Цвѣтахъ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну мнѣнствъ на Парнасѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Паллій пойдетъ какъ начать—Рылѣвъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправить. Что Баратынскій?... и мораль, долга-ли?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ испуленъ? Бѣдный Баратынскій! какъ обидь немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ ибѣтъ—пишу записки—но и презрѣнная проза мнѣ надобла.

Прибѣхалъ гр. В.? узнай и отъищи мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ—а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свѣтѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

117.

Князю П. А. Вяземскому.

[19-го февраля 1825 г. Михайловское].

Скажи отъ меня Муханову что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и разпустилъ его по свѣту. Варварь! вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! теперь я долженъ и Цыгановъ распечатать а вовсе не вовремя.

1) Т. е. за мѣтло.

Онѣгинъ напечатанъ, думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разг. Поэта и Книг. мадригалъ Ки. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человѣкъ, достойный уваженія и надѣюсь что искренія и полная похвала съ моею стороны не будетъ ему неприятна. Онъ имянно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Чтоже Телеграфъ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ телеграфу праказникъ? Прочіе журналы всѣ получаю—я болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edinburgh review. Да вотъ тѣ Христоръ: литература мнѣ надобла—Прозы твоей брюхомъ хочу. Что издаіе Фонвизина?

19 февр.

Кланяюсь Княгинѣ и цалую руки хоть это изъ моды вышло.

На оборотъ: Его свѣтельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ.

118.

Н. И. Гнѣдичу.

[23-го февраля 1825 г. Михайловское].

Кажется Вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и щастливымъ избавленіемъ отъ Вирукова. Вижу что дружба Ваша не измѣнилась и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. Пѣсни Греческія прелесть и tout de force. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно—но причину? — Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи Вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейской подвигъ въ нашемъ Отечествѣ <чортъ возьми это Отечество>. Но отдохнувъ послѣ Иліады что предприимете вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахилъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. Тѣнь Святослава скитається не воспѣтая писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? а Мстиславъ? а Донской? а Ермакъ? а Пожарской? Исторія народа принадлежитъ Поэту.

Когда Вашъ корабль нагруженный сокровищами Греціи входитъ въ пристань при ожиданіи толпы—стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1-й. Много у меня начато ничего неокончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февр. День объявленія Греческаго бунта Александромъ Писиданти.

На оборотъ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

119.

Л. С. Пушкину.

[Конец февраля—начало марта 1825 г. Михайловской].

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣнїемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ принятыхъ въ твоемъ отношенїи.—Читалъ объявленїя объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ: жду шума. Если изданїе разкупится—то приступи тотчасъ къ изданїю другому или условся съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ.—Отпиши о впечатлѣнїи имъ произведенномъ.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выпнать за непристойное повѣденїе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вывести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ шеты. Она показала мнѣ, что за 2 года <1823 и 4> ей ничего не платили <?>, и считаетъ по 200 руб. на годъ итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 р. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей а 200 перешию въ П. Б. Узнай и отпиши обстоятельно сколько имяно положено ей благостыни и заплачено-ли что-нибудь въ эти 2 года. Я нарядилъ комитетъ составленный изъ Василья, Архипа и Старосты—велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открытъ нѣкоторыя злоупотребленїя т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ она мерзавка и воровка. Покажься я принялъ бразды правленїя.

Ты спрашиваешь за чѣмъ пишу я Булгарину? Потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ худъ Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ.—Покажься я почтенному Фаддею Венедиктовичу послалъ 2 отрывка изъ Онѣгина, которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ... а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ Моремъ и землею должно было поставить Идилїя Мосха.—Отъ этого я бы не удался, а Бюнь старикъ при своемъ остался бѣ. То же и объ Ив. Ив. Парни—но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай—позволю. Шлетнева дакую и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ Старину и Талю, Господи помилуй? не допросишься. Здѣсь письмо къ изд. или Н. А. Прочитай его да доставь. Онъ, каналья, жетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье—добро! Начало Кота Измайлова очень мило.

Р. С. слѣпой попъ перевелъ Сираха <смотри Инвалидъ № какой-то>, издаетъ по подпискѣ—подпиши на нѣсколько экз.

120.

А. Н. Вульфъ.

[Мартъ 1825 г. Тригорское].

Любезный Алексѣй Николаевичъ Благодарю Васъ за воспоминанья. Обнимаю васъ братски, также и Языкова—Посланїе его, и чувствительная Элегїя—предѣсть—въ посланїи послѣ то бо и хранимаго пѣвца, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его. А. П.

121.

Л. С. Пушкину.

[14-го марта 1825 г. Тригорское].

Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также и Алжирца Всеволожскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жалъ что тебя со мною не будетъ! Дѣло бы пошло скорѣе и лучше.—Дельвига жду хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегїи мои переписаны—потомъ посланїя, потомъ смѣсь, потомъ благословясь и въ Цепзуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ укусѣ—да книгъ: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché, Талю, Старину, да Sismondi <Litterature>, да Schlegel <Dramaturgie>, если есть у St-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть новое изданїе Собр[анїя] Рус. Стих., да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожъ.

Каченовскій возсталъ на меня.—Напиши мнѣ, благоприсоеенъ-ли тонъ его критикъ—если нѣтъ,—пришли эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе изгнать это гоненїемъ, кнудомъ, кольями, пѣснями на голосъ Одинъ сижу во компанїи и тому пол.

Ан. Ник. тебѣ кланяется и очень жалѣеть, что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и мнѣ милъ. Знаешь ея кузину Ан. Ив. В? Ессе feshia!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калашахъ? Не надобно ихъ. Гнѣдича Пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покажься благодарю его—думаю, что экз. Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! Однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

Тригорское 14 марта.

Достань у Рыбѣва или Бестужева мои мѣлкія стихотворенїя и перешли мнѣ скорѣе. «Что жъ ты общался мнѣ прислать Парни?»

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину.

Прписка Анны Николаевны Вульфъ. I and my sister make you our compliments from our hearts and souls.—

122.

Л. С. Пушкину.

[14-го марта 1825 г. Михайловское].

[по полученію рукописи] Напрасно воображашь ты, что я на тебя сержусь, и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ—видно, еще до тебя не дошло. Всеволожской со мною шутить: я долженъ ему 1000 а не 500 переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человекъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешю тебѣ.—

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. М[ожетъ] б[ыть], тебя притѣсняють безъ вѣдома Царя.—Просьбу твою могутъ почестъ сѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc.—Погоди хоть Дельвига].

Увѣдомъ о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго если онъ его выручить.

На оборотъ неизвѣстною рукою написано: «Приходи къ Плещееву вкушать трапезу съ... Тамъ будутъ институтки и васъ зовуть».

123.

Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

[15-го марта 1825 г. Михайловское].

Братъ Левъ

и Братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощью надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, зв[аки] препинанія, описки, безсмыслицы—прошу самими исправить—у меня па то глазъ не достанетъ.—Въ порядкѣ пѣснь держитесь также вашего благоусмотрѣнія.—Только не подражайте изданію Батюшкова—исключайте, марайте съ плеча. Позволяю просить даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго, не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича, не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надо, или изъ А. Спенсера. Вишѣтку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа, сдѣлайте; имянно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ <къ стати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные и сѣдующей. Конца не люблю>. Что еслибъ волшебная кисть Э. Толстова....—

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужасъ какъ мила!..

Къ тому-же, кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша. Впрочемъ это все наружность. Иною прелестію пѣняется — — —

Пересчитавъ посылаемые вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около <ибо часть подземнымъ богамъ непредвидима>. Бируковъ, человекъ просвѣщенный, кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повицуюсь его приговорамъ безусловно.—

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую пѣсню на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣд[нее] изд[аніе] Жук[овскаго] и пожалуйста безъ ~~~~~ и безъ —∞— и безъ ———. Вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами—и à la ligne. Но каждую шутку особенно—хоть бы изъ 4 стиховъ состоящую <развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую>. 60 пѣснь! Довольно-ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! Дурная политика!

Братъ Плетневъ! не пши добрыхъ крп-тикъ! Будь зубастъ и бойся приторности! Простите, дѣти! Я пьянъ.

15 марта.

124.

Л. С. Пушкину.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Я-было послалъ это въ С. О. да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ дащику Атамана Греча и Есаула Булга. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

125.

Барону А. А. Дельвигу.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ, живъ ли ты?

126.

А. А. Бестужеву.

24-го марта [1825 г.]. Михайловское.

Вопервыхъ пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину. Рыбеву не пишу. Жду

сперва Воинаровскаго. Скажи ему что въ отноше-
нии мнѣнія Байрона, онъ правъ. Я хотѣлъ было
покривить душой, да не удалось. И Bowles и Ву-
гонъ въ своемъ спорѣ заврались; у меня есть на
то очень дѣльное опроверженіе. Хочешь пере-
слать? переписывать скучно. Откуда ты взялъ что
я лъшу Рыбѣву? мнѣніе свое о его думахъ я
сказалъ вслухъ и ясно, о поэммахъ его также. Очень
знаю что я его учитель въ стихотв. языкѣ—но
онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ.
Я опасаясь его не на шутку и жалію очень что
его не застрѣлили когда имѣлъ тому случай—да
чортъ его зналъ. Жду съ нетерпѣніемъ Воина-
ровскаго я перешлю ему всѣ свои замѣчанія. Ради
Христа! чтобъ онъ писалъ—да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все таки ты не
правъ, все таки ты смотришь на Онѣгина не съ
той точки, все таки онъ лучшее произведеніе мое.
Ты сравниваешь первую главу съ Д[онъ] Ж. — Пикто
болѣе меня не уважаетъ Д. Ж[уаномъ] <первыя
5 пѣсень—другихъ не читалъ> но въ немъ ничего
нѣтъ общаго съ Онѣг. Ты говоришь о сатиричѣ
англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею,
и требуешь отъ меня таковой-же! Нѣтъ, моя душа,
многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? о ней и
помину нѣтъ въ Евг. Он. У меня бы затрещала
набережная, еслибъ коснулся я сатиричѣ. Самое
слово сатиричeskій не должно бы находиться
въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсень... Ахъ!
еслибъ заманить тебя въ Михайловское!... ты уви-
дишь что если ужъ сравнивать Онѣгина съ Д. Ж.
то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе
<gracieuse> Татьяна или Юлія? 1-ая пѣснь
просто быстрое введеніе и я имъ доволенъ <что
очень рѣдко со мною случается>. Слѣзъ заклю-
чаю полемикѣ нашу... Жду П[олярную] З[вѣзду]
Давай ее сюда. Предвижу что буду съ тобою согла-
сенъ въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь,
что наконецъ отдашь справедливость Катенину.
Это было бы къ стати, благородно, достойно тебя.
Ошибаться и усовершенствовать сужденія (наши)
свои сродно мыслящему созданію. Безкорыст-
ное признаніе въ ономъ требуетъ душевной
силы. Вирочемъ этому буду радъ для Катенина,
а для себя жду твоихъ повѣстей; да возмись за
Романъ—кто тебя держитъ. Вообрази: У насъ ты
будешь первый во всѣхъ значеніяхъ этого слова;
въ Европѣ также получишь свою цѣну—во пер-
выхъ какъ истинный талантъ, во вторыхъ по по-
визиѣ предметовъ, красокъ etc... Подумай братъ,
объ этомъ на досугѣ... да тебѣ хочется въ Рот-
мистра!

24 марта. Михайловское.

127.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[24-го марта 1825 г. Михайловское].

Chère et respectable Princesse, votre lettre m'a
navré le coeur. Je n'avois pas l'idée du malheur
qui vous est arrivé; je n'essairai pas de vous conso-
ler, mais je partage du fond de l'âme vos chagrins
et vos angoisses. J'espère qu'à l'heure qu'il est le
Prince et les enfans sont convalescents. Puisqu'
Onѣгинъ peut le distraire, je m'en vais dès ce mo-
ment me mettre à le copier et je lui enverrai.

J'ecrirai aussi à mon frère pour qu'il lui envoie ce
qu'il peut avoir de mes vers. Je demande seulement
au Prince qu'il garde tout cela pour seul, et qu'il
n'en lise rien à personne au monde.

P. a eu tort de vous parler de mes inquietudes
et de mes conjectures qui se sont trouvées faus-es.
Je n'ai aucune relation avec O. j'ignore complète-
ment ce qui s'y passe.

Chère Princesse, soyez tranquille, s'il est pos-
sible. Donnez moi des nouvelles de Votre famille et
comptez moi toujours au nombre de ceux qui vous
sont le plus devoués.

24 mars.

На оборотѣ: Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ
Федоровнѣ Вяземской. Въ Москвѣ. Въ Чер-
нышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

128.

Л. С. Пушкину.

[27-го марта 1825 г. Михайловское].

Душа моя, что за прелесть бабушкинъ котъ!
Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю по-
вѣсть, теперь только и брежу Тр. Фал. Мурлы-
кинымъ. Выступаю плавно, зажмура глаза, по-
вертывая голову и выгибая спину.—Погорѣльскій
вѣдъ Перовскій, не правда ли?

Объ Вяз. получилъ извѣстіе. Перешли ему
душа моя все что ты имѣешь на бумагѣ и въ
памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень
обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтенъе-
бѣсія.

Получилъ-ли ты мои стихотворенья? Вотъ
въ чемъ должно состоять предисловіе: Многія
изъ сихъ стихотвореній—дрань и недостойны
вниманія Россійской Публки—но какъ они часто
бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ
подъ какими заглавіями, съ поправками набор-
щика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они,
извольте-съ кушать съ, хоть это-съ—.....-съ
<сказать это помяте>. Мы <сирѣчь Издателя>
должны были изъ полнаго собранія выбросить
многія штуки, которыя могли бы показаться тем-
ными, будучи написаны въ обстоятельствахъ
неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для по-
чтеннѣйшей Публки <Россійской>, или могущія
быть занимательными единственно нѣкоторымъ
частнымъ лицамъ, или слишкомъ незрѣлымъ, ибо
Г. Пшк. изволилъ печатать свои стишки въ
1814 году <т. е. 14 лѣтъ>, или какъ угодно.

Пожалуйста безъ малѣйшей похвапы мнѣ
это непристойность, и въ Бахч. Ф. я забылъ замѣ-
тить это Вяземскому. Все это должно быть выра-
жено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ.
Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я
скажу, что проза его лучше моей, вѣдъ онъ не
повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ столь же хороша.
Доволенъ-ли опъ?—Да перешли на всякой случай
это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю
вамъ замѣчанья свои.—

Когда пошлешь стихи мои В. напиши ему
чтобъ онъ никому не давалъ потому что эдакъ
меня опять обокрадутъ,—а, у меня нѣтъ роди-

тельской деревни съ соловьями и съ медвѣдами.
Прощай, сестру подаду!

Великая Пятница.

Я Телеграфомъ очень доволенъ — и мысля или мыслью поддерживать его. Скажи это и Ж. Дельвига ибѣ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ — то ли дѣло не красть, не ругаться по, не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч. — Люди не осудятъ а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи К. Голиц-Суворовой; возьми ихъ отъ нее. Думаю, что *Послание къ Ов.*, *Вчера былъ день* и *Море* могутъ быть, разнообразия ради, помѣщены въ элегіяхъ, да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P.

Не напечатать-ли въ концѣ *Воспоминанія о Ц. С.*, съ Нотой, что они писаны мною 14 лѣтъ, и съ выпискою изъ моихъ Записокъ <объ Державинѣ>, ась? ¹⁾.

Да тиснуть еще мою Птичку (да четыре стиха о дружбѣ:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья).

129.

Л. С. Пушкину.

[Начало апрѣля 1825 г. Михайловское].

Живъ, живъ курилка!

Какъ! Живъ еще курилка журналистъ?
— Живѣхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ и вздорную новинку.
— Фу! надобѣзъ курилка журналистъ!
Какъ загасить воюющую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай миѣ совѣтъ! — Да... плюнуть на него!

Вотъ тебѣ требуемая эниграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли миѣ тотъ № В. Евр., гдѣ напечатанъ 2-ой разговоръ лже-Дмитріева; это миѣ пужно для предисловія къ Бахч. Фонт. Не худо бы миѣ переслать и весь процессъ <и Вѣстн. и Дамс. Жур.>.

Подпись слѣзнаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть; сердись онъ, не сердись — а хотѣлъ простить — простить не могъ. Достоинно Байрона. Видѣние, конецъ прекрасны. — Послание, можетъ быть, лучше поэмы — по крайнѣй мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затѣвие, останется вѣчнымъ образомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами, есть-ли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

¹⁾ Слова: «Не напечатать-ли... ась?» зачеркнуты, и подъ ними написано: «ибѣ».

Гибдичъ не получилъ моего письма? Жаль оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находилось два очень нужныхъ — тебѣ и Плетневу. — Что Плетневъ умолокъ? Конечно бѣднѣй болень, иль Войнаровскимъ недоволенъ? Къ стати: каковы мои замѣчанія? Надѣюсь не скажешь что я ему кажу — а виноваты; Войнаровский миѣ очень нравится. Миѣ даже скучно что его здѣсь ибѣ у меня.

Если можно пришли миѣ послѣднюю *Genlis*, да *Child-Harold* — *Lamartine* <то то чепуха должна быть!>, да вообще что-нибудь повинькаго, да и *Старину*. Табю получилъ и письмо отъ изд. Не успѣлъ еще пробѣжать. *Ворожея* показалась миѣ *du bon comique*. А Хмѣльницкой моя старинная любовница; я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 4-ую пѣснь Оиѣгина <да кой чортъ! говорить, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ какъ о драми. писателѣ>. В. правъ — а все-таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дельвигъ и Бар[атынскій] привезутъ миѣ и Анахарзиса Клоца, который вѣрно сердится на меня, за то что миѣ не по нутру Рѣзвоскачущая кровь Гриб. а.

Дельвигу обѣтѣла мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ Эгоизма, изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ, а не Грекомъ и человекъ, да какимъ еще!

Тиснуть *Сарское Село*, и съ Нотой. — Напрасно объявляли о Бр[атьяхъ]-Разб[ойникахъ]; ихъ бы можно напечатать и въ Раз[ныхъ] Стих[отвореніяхъ]. Богатая мысль — напеч. Нап. да Цензура... Лучшія строфы потонуть.

130.

Князю П. А. Вяземскому.

[7 апрѣля 1825 г. Михайловское].

Нынче день смерти Байрона — я заказалъ свечера обѣдню за упокой его души. Мой поупъ удивился моей набожности и вручилъ миѣ просвиру вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Оиѣгина переписываю. Немѣдленно и онъ явится къ тебѣ.

Сей часъ получилъ я Войнаровскаго и думы, съ письмомъ Пуцина — Предложеніе Селвановскаго, за 3 поэмы 12,000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни. Бахч. Ф. перепечатаешь.

Прощай, милый, у меня хандра и ибѣ ни единой мысли въ головѣ моей. — Кланяйся женѣ. И вамъ обоимъ душою преданъ. А. П.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ собств. домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ.

131.

Л. С. Пушкину.

[Тригорское].

17 апрѣля.

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку, вѣроятно, отъ Плетнева. Письмо А. Н. отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ <изъ опасенія—или изъ ревности, какъ хочешь>. Она въ претензіи за твои пѣкности и за то, что онѣ тебя усыпили.—*Полярную* еще не получилъ.—Справься ради Бога объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12.000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться—эдакъ съ голоду умру—съ отцомъ да съ Ольдекопомъ. Прощай Я бѣшенъ.

Благодарю очень за *отр.* изъ письма *Бар.* Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми). C'est ainsi, voyez-vous, que j'écris à Anna N. B. sous le nom d'Euphrosine. Господи Суси Христе! Quelles misères!... Цалуй Ольгу!

[Quelle amabilité, et dans quelle humeur charmante est lui!!! Comment osez-vous m'écrire une lettre comme celle-ci, c'est bien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!! *Вставка А. Н. Вульфъ С. В.*]

Вотъ тебѣ мой вчерашній *Im-pro-romptu*:

*Семейственной любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а съзади.*

Сожги это, показавъ ей.

Variante en l'honneur de m-lle NN:

*Почтенія, любви и пѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и съзади.*

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. *Nonny soit etc.*

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона <сегодня день его смерти>, А. Н. также, и въ обѣихъ церквахъ—Триг. и Вор.—произходили молебствія.—Это неизяко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяз. посылаю вынужтую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

На оборотъ: Льву Сергѣевичу
Пушкину.

132.

Князю П. А. Вяземскому.

[Средина апрѣля 1825 г. Михайловское].

Надѣюсь что ты выздоровилъ—съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ официальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи, я переписываю для тебя Онѣгина—желаю чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя

me sourit. <Извини эту плоскость: въ крови!..> А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ—отроду не для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной—изъ сего слѣдуетъ что я въ тебя влюбленъ, какъ кюхельбекерской Державинъ въ Суворова.

Занимаешь-ли еще тебя Роейская литература? Я было на Полевоо очень ошетинился за Невск. Альм. и за породію Жук. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такова мнѣнія что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отсланы въ Петб. подъ Вирукова. Почти все извѣстно уже. Но все нужно было соединить во едино. Изъ всего что должно было предать забвенію болѣе всего жалѣю о своихъ аниграммахъ—ихъ всѣхъ около 50 и всѣ оригинальны—но по нещастію я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie а съ живыми—полно, не хочу ссориться.

Изъ посланія къ Чед. вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились—(но) единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ—а не потому что они другимъ не по нутру.

Кланялся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена и подблѣмъ. Къ стати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонт. Заремини очи. Я бы съ нимъ согласился, еслибъ дѣло шло, не о востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ Европейцамъ. Къ стати еще—знаешь почему не люблю я Мура?—Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо—ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета.—Европеецъ, и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца.—Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской Невѣствѣ и проч.—

133.

Л. С. Пушкину.

[22-го и 23-го апрѣля 1825 г. Михайловское]

Фусе, Oeuvres dram[atiques] de Schiller, Schlegel, Don Juan <последнія 6-я и пр. пѣсни>, новое Walt. Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это черезъ St. Florent, а не черезъ Слѣнина. — Вино, вино, ромъ <12 бут.>, горчицы, fleur d'Orange, чемаданъ дорожный; сыру *илбургскаго*; книгу о верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ вѣзжать. вольное подражаніе Allieri и Байрону.

Какъ я былъ радъ баронову прѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ какъ колода, любить лежать на постелѣ восхищаясь Чигиринскимъ Старостю; приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цалуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей <напримѣръ, устрицъ>.

23. Сей часъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. Думаю что можно начать благословясь. О *Послании Къ Ч.* скажу тебѣ что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ *Анни[ина]*, если его пасквили этого стоить, и по-

проси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго <не-прембно>. Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей дубѣ—чтожъ дѣлать! А напечатать уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалью что не могу быть увѣрену и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Ан. Ник., показавъ и не читавъ нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en f... или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра сердится очень на нее, и все черезъ [м]ой сплетни.

Des brettelles,
Des bottes <или не нужпо>.

Плетневу поклонъ да пара словъ; па дняхъ къ нему пишу.

На оборотъ: Брату.

134.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конепъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина, <тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго>. За разг. съ няней <и Письмо Гани> безъ письма братъ получилъ 600 р.— Ты видишь что это деньги, слѣдств. должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху ни духу. Надѣюсь что ты здоровъ, о другомъ надѣяться не смѣю, но Судьба кажется могла бы быть довольна—улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ

Элегія на смерть Ан. Льв.

Охъ, Тетенька! охъ Анна Львовна
Вас. Льв. сестра!
Была ты къ маминкѣ любовна
Была ты къ паничкѣ добра
Была ты Лиз. Льв-ой,
Любима больше серебра;
Матв. Мих. какъ кровной,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольг. Серг.
Со Льв. Серг. давноль
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! за чаемъ В. Л.
Твой гробъ стихами обмочилъ
Или зачѣмъ подлецъ Поповичъ
Его Красовскій пропустилъ!
(И да Дельвигъ).

Кстати, за чѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письма Дельвига? Онъ человекъ, достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной С. П. Бургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты¹⁾ на слѣд. годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся.—Что мнишь ты о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? перешли мнѣ что нибудь о томъ.
На оборотъ: Князю Вяземскому.

¹⁾ да нѣтъ-ли у тебя и прозы?

135.

Л. С. Пушкину.

[Конепъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Доставь это Вяземскому повторивъ просьбы чтобъ онъ никому не показывалъ да и самъ (ничего) не пакости—

136.

Князю П. А. Вяземскому.

[25-го мая 1825 г. Михайловское].

Ты спрашиваешь доволенъ ли я тѣмъ что скажешь ты обо мнѣ въ Тел.—Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! а твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Ж. Я не слѣдствіе а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностями силъ необычайный.

Переводы изъбавовали, издѣвали; онъ не хочетъ самъ соиздать,—но онъ, какъ Voss, Гениіи перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ какъ объ отцѣвѣтнемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Бывое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ твое о Чернецѣ, ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма конечно полна чувства и умиленія Война(аровскаго), но въ Рыльцевѣ есть болѣе замашки и размашки въ слогѣ. У него есть какой то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. За то думы дрянн и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго душ а не отъ Польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Неелова пресель, не даромъ я назвалъ его нѣкогда le chantre de la ш...! <Это между нами и потомствомъ буди сказано>. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Не ужъ то онъ обижается моими стихами? вотъ ужъ тутъ то я невиненъ, какъ барашекъ! спросите у брата Леона: онъ скажетъ вамъ что увидѣвъ у меня имя Ки. Ш. онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ—я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikoff! Это могу доказать черновою бумагою. Твои калембуры очень милы—здѣшнія дѣвнцы находятъ ихъ весьма забавными, а все таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir <какъ бы выкраить изъ него Salembourg? выгадай-ка>. Ты, кажется, любишь Казимпра, а я такъ нѣтъ. Конечно онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гѣте... далеко кулику до орла!—Первый Гениіи тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Къ стати; я замѣтилъ что всѣ <даже и ты> имѣютъ у насъ самое тѣсное понятіе о Романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потюковать но не теперь; мочи нѣтъ усталъ. Писалъ ко всѣмъ—даже и къ Булгарцу.

25 мая.

Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевова. Дѣло въ томъ что я радъ помогать ему, а условіи вѣрно никакихъ не выполню — слѣдств. и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты, смотри за нимъ—ради Бога! и ему случается завираться. Напримѣръ, Донъ-Кихоть изкоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было Романтизма—А онъ въ Италіи то и возникъ. Что же такое Аріостъ? а предшественники его начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando innamorato? какъ можно писать такъ на обумъ! А ты не пренебрегай журнальными мѣлочами: Наполеонъ ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа <какъ замѣтилъ, помнится, Фуше>.

На оборотѣ: Вяземскому, который на дняхъ у васъ будетъ. Не то отдать А. П. Тург. для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, Мусье Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

Прписиса Л. С. Пушкина. Левъ Пушкинъ проситъ прощенья въ томъ, что письмомъ разпечатано; не взглянувъ на конвертъ онъ думалъ что оно къ нему.—

137.

К. Ѡ. Рылѣву.

[Конецъ мая 1825 г. Михайловское].

Думаю ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ гдѣ я ничего не сказалъ должно подразумѣвать похвалу, знаки восхищанія, прекрасно и проч. Полагая что хорошее писано тобою съ умыслу не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя.

Что сказать тебѣ о думахъ? во всѣхъ встрѣчаются стихи живыя, окончательныя строфы Петра въ Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобретѣніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (Locis topicis) описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь Героя и—правоученіе. Национальнаго, Рускаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ имени <исключая Ив. Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозревать въ тебѣ истинный талантъ>. Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ Герба Россіи. Древній Гербъ, С. Георгій, не могъ находится на щигѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый орелъ, есть Гербъ Византійскій и принять у насъ во время Іоанна III, не преждѣ. Лѣтоисецъ просто говоритъ: Тоже новѣишій щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.

Объ исповѣди Наливайки скажу что мудроно что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ разбитымъ, но и тутъ конечно наложилъ ты свою печать.

Тебѣ скучно въ Петерб. а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть. Прощай поэтъ—когда-то свидимся?

138.

В. А. Жуковскому.

[Конецъ мая—начало іюня 1825 г. Михайловское].

Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой анекдотъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіей помощію могу прописать еще года 3. Слѣдств. дѣло не къ сибѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибы Царь меня до изгнѣнія отпустилъ за границу, (въ Евр.) то это было бы благодѣаніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяз. пишетъ мнѣ что друзья мои въ отношеніи Властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщала Н. М. два года ничего не писать противу Правительства и не писалъ. Клянжалъ не противу правительства писать, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надобно, и если меня оставить въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны, ни въ поступкѣ ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по француз. потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ да будетъ Воля Твоя; если покажется это непростойнымъ то можно перевести, а братъ переписать и подписать за меня.

Все это тринѣ-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотв. За чѣмъ слушаешься ты Маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, (унижая) уничтожая самовластно онъ не исключилъ изъ Собранія Посланий къ нему произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И ... его ...

Надпись къ Гѣте, ахъ еслибъ мой милый, Генію все это предать; а гдѣ она? Знаешь что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатать съ ошибками и съ приобщеніемъ стихотв. Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя (произведен) занятія—Жалѣю что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ—или хоть присутствія—оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза. Ты спрашиваешь кака дѣль у Цыгановъ? вотъ на? Цѣль поэзіи—поэзія—какъ говорить Дельвигъ <если не украсть этаго>. Думы Рылѣва и дѣлать а все не въ понадь.

На оборотѣ: В. А. Жуковскому.

139.

Императору Александру I.

Черновое.

[Конец мая—начало июня 1825 г. Михайловское].

<J'avais 20 ans en 1820>. (Quelques) Des propos inconsidérés, des vers satiriques (me firent remarquer repandro dans le public). Le bruit se répandit, que j'avais été traduit et [ouctté] à la ch[ancellerie?] s[ecrete?]

Je fu le dernier à apprendre ce bruit qui étoit devenu général; je me vus flétri (découragé) dans l'opinion. Je fus découragé; je me battais, j'avais 20 ans. Je délibérais si je ne ferois pas bien de me suicider ou d'assassiner Vol. Dans le 1 cas je ne faisois qu'à confirmer un bruit, qui me déshonorait; dans le second je ne me veng. pas, parce qu'il n'y avait pas d'outrage: si je comettois un crime, je sacrifais à l'opinion d'un publique, que je mépri-ais, un homme au quel tenoit tout et.... dont j'avois été l'admiration involontaire. Ces réflexions me déterminèrent.

Tels furent mes réflexions. Je les communiquais à un ami qui fut part[aitement] de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité. J'en sentis l'inutilité. Je résolu de mettre tant l'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel: [j'aspirais] la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation.

La conduite magnanime, libéral de l'autorité me toucha profondément, en déracinant entièrement une ridicule calomnie, jusque à ma disgrâce. Depuis, s'il m'est quelques fois échappé des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelques fois je m'abandonnais à jeunes declamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrits, soit dans mes discours, la Pers[on]ne de V. M.

Sire, on m'accuse d'avoir compté sur (cette mag. sa) la générosité de votre caractère; je vous ai dit la vérité avec une franchise dont il seroit impossible d'être capable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui je recourre à cette générosité (Ni ma campagne) Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse; un anevrisme de coeur exige une prompt operation, un traitement prolongé; la ville qui m'en étoit assignée ne peut me procurer aucun secours. Je supplie V. M. de me permettre le séjour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe ou je puis prendre soin de mon existence....

Черновое.

(Вторая редакция).

(Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce) Je me (fer.) serois fait un devoir de (la) supporter ma disgrâce dans un respectueux silence si la nécessité (seule peut me contraindre) ne me contreignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse, jusqu'à present je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dizaine d'années exigerait aussi une prompt operation. Il est facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compter sur la générosité de votre caractère, j'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

140.

А. А. Бестужеву.

[Конец мая—начало июня 1825 г. Михайловское].

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего взгляда. У Римлянъ въкъ посредственности предшествовалъ въку гение въ—грѣхъ отнять это тутло у таковыхъ людей, каковы Virgилій, Горацій, Тибулль, Овидій и Лукрецій хотя они ¹⁾—кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовою дорогою подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италиі Dante и Petrarca предшествовали Tasso и Ariosto, сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Addisona и Pope, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moog и Byron—пизъ этаго мудроно вывести какое-нибудь закюченіе или правило. Слова твои вполне можно примѣнить къ одной Французской литературѣ.

У насъ есть критика а нѣтъ литературы. Гдѣ-жъ ты это нашелъ? имено критики у насъ и недостаетъ. Отсебѣ репутациі Ломоносова <уважаю въ память великаго человека но конечно не великаго поэта. Онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга> и Хераскова и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи то впринуж не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина (полу-золотой полу-свинцовой) $\frac{1}{4}$ золотой $\frac{3}{4}$ свинцовой донынѣ еще не оубиенъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ на ряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на См. Мецъ, ода къ Зубову недвояно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единого комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ который (въ баснѣ) столь же вышнѣ Лафонтена, какъ Держ. выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамбранный? библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся что это все не можетъ установить какого-нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почестъся уложеніемъ вкуса. У одного только Народа критика предшествовала литературѣ—у Германцевъ. Каченовскій тушъ и скумень, Гречъ и ты остры и забавны—вотъ все что можно сказать объ васъ—но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою скажемъ на оборотъ: литература кой какая у насъ есть а критики нѣтъ.—Впрочемъ ты самъ немного нижѣ съ этимъ соглашаешься.

Отъ чего у насъ нѣтъ гениевъ и мало талантовъ? Во первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ—во вторыхъ гдѣ-же бывасть много талантовъ.

Ободренія у насъ нѣтъ—и слава Богу! Отъ чего-же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Въкъ Екатерины—въкъ ободреній: отъ этого онъ еще не нижѣ другаго. Карамзинъ кажется ободренъ; Жуковский не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гидичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя да Баратынскаго—и не говорю слава Богу!

Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ

¹⁾ виновать! Горацій не подражатель.

Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмѣхъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучший свои комедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго Генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика——— Державину покровительствовали три Царя.—Ты не то сказалъ что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.—Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность уступаа другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается что не носитъ она на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинимъ умолкнулъ голосъ лести—а какъ онъ льстилъ?

О вспомни, какъ въ томъ восхищены
Пророка, я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, триумфъ минутою
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ А. <Жукъ 1815 году> вотъ какъ рускій поэтъ говоритъ Рускому Царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ... Обь нашей-то лириѣ можно сказать что Мирабо сказалъ о Сіесѣ. Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются—они отдають намъ полную справедливость—не понимая какъ это сдѣлалось—Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества—Аристократическа гордость сливается у нихъ съ Авторскимъ самолюбіемъ мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлець Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ что рускій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою—а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шести сотъ лѣтній дворянинъ—дьявольска разнида!

Все что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестр. и между усобныхъ <прелестяхъ> подражателяхъ—прекрасно, выражено сильно, и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кипятъ.—Объ *Оны*. ты не высказалъ всего что имѣлъ на сердцѣ; чувствую по чему и благодарю—по за чѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія?—покажѣсть мы будемъ (удерживатьса) руководствоваться личными нашими отношеніями, критика у насъ не будетъ—а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ напоминаетъ Турниры W. Scotta. Брось этихъ цѣмцевъ и обратись къ намъ православному; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами—это хорошо для поэмы Байронической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все на чисто. Твои Владимиръ говоритъ языкомъ иѣмедкой драммы, смотреть на солнце въ полночь <стр. 330>, etc. Но описаніе стана Литовскаго, разговоръ плотника съ час. прелестъ, конецъ такъ же. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость.

Рылѣвъ покажетъ конечно тебѣ мои замѣчанія на его Воиловскаго а ты перешли мнѣ свои возраженія. Покажѣсть обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности—а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шникову.—Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

Барону А. А. Дельвигу.

[Первая половина іюня 1825 г. Михайловское].

Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дожусь—не принялъ-ли ты опись во услуженіе покойнаго Никиту—или ждешь окаян?—проклятая окаян! ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь что я имѣлъ несчастіе потерять Бабушку Чичерину и дядю Петр. Льв.—получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи—утѣши меня, это священнои долгъ дружбы сего <священнаго чувства>.

Что дѣлають мои Рази. Стих.? видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? отъ Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой Онѣгинъ? продается-ли? къ стати: скажи, Плетневу чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи а не на комиссіи мои—потому что это напрасно: Такова безсовѣстнаго комиссіонера иѣтъ и не будетъ.— По твоимъ отвѣдѣмъ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этого чудакъ не зналъ ни Руской грамоты ни духа Рускаго языка.—<вотъ почему онъ и ниже Ломоносова>—онъ не имѣлъ понятія ни о слогахъ, ни о гармоніи—ни даже о правилахъ стихосложенія.—Вотъ почему онъ и долженъ бѣснѣть всякое разборчивое ухо.—Онъ не только не выдерживаетъ оды но не можетъ выдержать и строфы <исключая чего знаешь>. Чтожъ въ немъ: мысли картинны и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей богу, Его Геній думалъ по татарски—а руской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ со временемъ переведенный изумитъ Европу, а мы изъ гордости народнои не скажемъ всего что мы знаемъ объ немъ <не говоря ужъ о его министерствѣ> у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да иѣсколько отрывковъ а прочее сжечь—Геній его можно сравнить съ Геніемъ Суворова—жалъ что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухъ—довольно объ Державинѣ—что дѣлаеть Жуковскій?—Передай мнѣ его мнѣніе о 2-ой главѣ Онѣг., да о томъ, что у меня въ пальцахъ.—Какую Крыловъ выдержалъ операцію? дай Богъ ему многія лѣта! Его мѣльничъ хорошъ какъ Демьянъ и Тока. Видѣлъ-ли ты Н. М.? идетъ-ли впередъ Исторія? гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Ром.? Неблагодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неуѣнѣиъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я...

На оборотъ: Его Высокоблагородно
Мило-стивому Государю
Барону Антону Антоновичу
Дельвигу.
Въ С.-Петербурѣ,
въ Имп. Публ. Библиотекѣ.

К. О. Рылѣву.

Черное.

[Вторая половина іюля 1825 г. Михайловское].

Мнѣ досадно, что Рылѣвъ меня не понимаетъ. Въ чѣмъ дѣло? Что у насъ не покрови-

тельствуютъ литературѣ; и что—слава Богу? За чѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жь тебѣ болѣе? Загляни въ журналы; въ теченіе шести лѣтъ посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили по-дѣломъ и по-напрасну, а даѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста, ибѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся, никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ уже лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердился за то, что я хвалю шестьсотлѣтнимъ дворянствомъ <NB. мое дворянство старѣе>. Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отсебѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ <кромя меня> изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гвафъ Хвостовъ прожилъ на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи да не сочиняй. Милый мой! Ты—поргъ, и я—портъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

143.

В. А. Жуковскому.

[Іюнь—Іюль 1825 г. Михайловское].

Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе что дѣлшій Губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ; но я строго придерживался повелѣнію высшаго начальства—

Я справился о Псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по Ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ, тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность Его Величества.

Боюсь чтобъ медленность мою пользоваться Монаршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство.—Но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ что 10 лѣтъ не думавъ о своемъ Аневризмѣ, не вижу причины вдругъ объ немъ разхлопотаться—Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, авось-либo позволить онъ мнѣ со временемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкарю по довѣрчивости собственнаго разсудка а не по приказанію высшаго начальства—

Обнимаю тебя горячо

А. Пушкинъ.

1825 1).
Михайл.

На оборотъ: В. А. Ж.

144.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало іюля 1825 г. Михайловское].

Думаю что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему что тебѣ попадется <кромя Онѣгина> если же мое имя, какъ сотрудника, то не согласшусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный—по враль и невѣжда; а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемену министерства и на улучшения цензуры, все таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею; пожалуй, я подряжусь выставлять по столыку-то піясъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ воззощетъ Богъ да Вируковъ.—Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ морь на Пушкиновыхъ я и пуше зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мѣлочную, лавочку № 1, запираю. Къ тому же, между нами, братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на дѣвокъ да на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается и дай Богъ имъ обоимъ разторговаться съ моею легкой руки. A demain les affaires sérieuses...

Какую пѣсню изъ Beranger перевелъ для В. Л.? Ужъ не Le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну что его въ томъ подозрѣваютъ въ П. Б. и что готовится уже слѣдственная комісія, составленная изъ Гр. Хвостова, Магницкаго и Г-жи Хвостовой <автора Каміпа, и слѣдств. соперницы В. Л-ча>.—Не худо увѣдомить его что уже давно былъ бы онъ посланъ, если не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его опаснаго собѣла. Опасаются шума!—Какъ жаль что умеръ А. М.! и что не выдалъ я Дядиной трави! По Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно.—Я послалъ въ Пчелу, а не въ Тел., мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien. Вотъ еще Эпиграмма на Благодн. который говорить критиковалъ моихъ пріятели.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ и выдалъ ихъ безъ подписи моею, Журнальный Шутъ объ нихъ статейку тиснулъ. И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи-жъ злодѣи! Но что жь? Ни мнѣ, ни площадному шуту Не удалось прикрыть своихъ проказъ: Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту, И по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ Пол. Ты уже думаю, босножка, положенъ въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею Псковскаго неба и жду чтобъ нѣкто повернулъ сверху кранъ и золотыя дожди остановились—Онта въ сторону, у насъ холодно и грязно.—Жду разрѣшенія моею части.

На оборотъ: Князю Вяземскому.

1) Указаніе числа и мѣсяца вырвано съ печатью.

145.

Князю П. А. Вяземскому.

[13-го июля 1825 г. Михайловское].

Братъ писалъ мнѣ что ты въ Ц. С. что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду жду письма и не дождусь—что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? и что твой Байронъ или Байронъ <Toi, dont le monde encor ignore le vrai nom!>. Сейчас прочелъ твои замѣчания на замѣчания Деннса на замѣчания Наполеона—чудо—хорошо! Твой слогъ живой и оригинальной тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же въ слухъ сказать что Русской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояннѣ. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобие французскаго; <яснаго точнаго языка прозы—т. е. языка мыслей—>. Объ этомъ есть у меня строфы 3 и въ Олбр. За твоей статью сдѣдуетъ моя о M-d de Stael. Но не разглашай этаго: тутъ есть одно Великодушнѣе поставленное вопервыхъ ради Цензуры а вовторыхъ для вѣщаго анонима <родъ онанизма журнальнаго>. Вѣроятно ты уже знаешь Царскую ко мнѣ милость и позволеніе приѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣсть душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ за который ты меня раздадуешь: Романтическую Трагедію!—смотри молчи-же: объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди объ немъ какъ Езуитъ—по намѣренію. Милый мой! мое намѣреніе обнять тебя по плоть немощна. Прости, прощай.—Съ тобою-ли твоя Книгиня-лебедушка? кланяйся ей отъ Арзамасскаго гуся.

13 июля.

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть чтобъ не выписать ея заглавія: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о Ц. Борисѣ и о Гришкѣ Отр. Писалъ рабъ Божій Алекс. сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городишѣ Вороничѣ. Каково?

На оборотъ: Его Превосходительству Николаю Михайловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. Князю П. А. Вяземскому.

146.

Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

[21-го июля 1825 г. Михайловское].

Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

He bien! êtes-vous à Riga? avez vous fait des conquêtes? vous mariez-vous bientôt? Avez vous

trouvé des Houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que m'igré mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce qui vous concerne—Je voulais vous gronder mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse—Pour de la morale et des conseils, vous en auez. Ecoutez bien — 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis <au masculin> ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte aulieu que les amis vous feront du tort; car mettez vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-mêmes. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les temps, quand même ce serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenu bien savante depuis quelque tems, mais ... n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit, что съ вами нездорово вальсировать, ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous ... détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d re éd. de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier—où donc avais-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante Не мила ей прелесть NB: ночи, et cela me serre le coeur, hier M-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup! inn[oi]ui? ³⁾ Con f o r m i t é de sentiment? Je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: elle était là--la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprès d'une heliotrope fanée; j'écris beaucoup de vers—tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué— cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir éveillé, occupé son imagination je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse— non cette idée m'est insupportable, dites lui que j'en mourrai, — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites-lui que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancholique et mystérieux ... je la méprise, entendez-vous? oui je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, M-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 juillet.

P. S. Envoyez moi la recette que vous m'avez promise; j'ai fait tant de farces que je n'en plus. Maudite visite, maudit départ!

Примѣчанія.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1828 г.

531. ВОСПОМНАНІЕ.

(т. II стр. 491).

См. въ исторіи текста.

532. ТЫ И ВЫ.

(т. II, стр. 492).

Автографъ пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 14 об.; на этой же страницѣ кончается стихотвореніе «Воспоминаніе»; при пьесѣ записаны двѣ помѣты: вверху «20 мая 1828», а внизу—«23 мая»; вѣроятно, послѣднюю помѣту и нужно принимать за дату «Ты и вы». Впервые пьеса была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 11, съ ошибкою во 2-мъ стихѣ («обманомъ» вмѣсто «обмолвась»), исправленной въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 120, куда она вошла затѣмъ.

А. П. Кернъ указала («Русс. Стар.» 1880 г., январь, 143; ср. сборн. Л. Майкова, «Пушкинъ», стр. 252), по мнѣнію П. А. Ефремова (Сочин. II, изд. Суворина, VIII, 284) «бездоказательно», что стихотвореніе относится къ А. А. Олениной (объ отношеніяхъ Пушкина къ Олениной см. выше, примѣч. къ № 529). Между тѣмъ Кернъ была права: въ бумагахъ Олениной нашлась копія стихотворенія, собственноручно ею переписанная, съ ея же замѣткой: «Анна Алексѣевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье онъ привезъ эти стихи» («Русс. Стар.» 1890 г., августъ, 398).

Бблинскій причислялъ «Ты и вы» къ тѣмъ «переходнымъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ «видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовавшей ему литературой... виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей, поэтъ даровитый, но еще несамостоятельный». Дѣйствительно, написать такую пьеску могли бы и Батюшковъ, и Жуковскій. Ей особенно повезло у композиторовъ, и она была положена на музыку 18 разъ (въ томъ числѣ Гурилевымъ, Даргомыжскимъ, Римскимъ-Корсаковымъ).

533. ДАРЪ НАПРАСНЫИ

(т. II, стр. 492).

См. въ исторіи текста.

534. КОБЫЛИЦА МОЛОДАЯ...

(т. II, стр. 492).

Черновой автографъ пьесы, съ помѣтой «6 июня», находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 15 (на той же страницѣ нарисованы нѣсколько скачущихъ лошадей). Впервые она была напечатана подъ названіемъ «Подражаніе Анакреону» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 71, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 121, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 года, безъ заглавія, но въ оглавленіи данъ подзаголовокъ: «Подражаніе Анакреону». Воспоминанія Кернъ сохранили шутку Анны Петровны и баронессы С. М. Дельвицъ, которыя въ корректурѣ «Сѣверн. Цвѣтовъ» озаглавили это стихотвореніе: «Мадригалъ такой-то» («П. и его современники», V, 145—146); Кернъ не называетъ ничьего имени (не намекъ ли здѣсь на Оленину, за которой Пушкинъ тогда серьезно ухаживалъ, о чемъ упоминаетъ Кернъ въ своихъ запискахъ?).

Пушкину удалось схватить, говоритъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П—на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 56—57), настоящій тонъ анакреонтической поэзіи въ этомъ стихотвореніи, «представляющемъ переложеніе пѣсни, которая приписывается самому Анакреону». Это—60-я ода. Вотъ довольно близкій къ подлиннику переводъ А. Бажанова:

Что, оракіійская лошадка, на меня такъ косо
И, съ презрѣньемъ отбѣгая, за человаго
Знай же: я еще сумѣю на тебя узду накин-
И возжей тебя заставлю по ристалищу бѣ-
Ты теперь въ дугахъ пасешься, рѣзво пры-
Потому что не нашелся ловкій всадникъ для
тебя.

«Пушкинъ,—продолжаетъ С. Любомудровъ,—далъ не переводъ, но подражаніе, но посмотрите, что онъ сдѣлалъ! Что можетъ быть лучше этихъ стиховъ, такъ живо рисующихъ дикаго, пугливаго, степного коня, когда онъ чувствуетъ, что его волѣ приходитъ конецъ: «Не косись цугливымъ окомъ, ногъ на возлухъ не мечи». На послѣдній стихъ нѣтъ и намѣка въ подлинникѣ, но, вѣроятно, самъ Анакреонъ дорого бы далъ, чтобы имѣть его. Есть въ пьесѣ и еще переимѣна, приносящая ей до извѣстной степени русскій обликъ: кобылица Пушкина приведена не изъ оракіійскихъ.

а пѣзъ кавказскихъ табуновъ». Верховую Ђду Пушкинъ очень любилъ; выучился онъ ей еще въ лицѣ, много Ђдилъ верхомъ, когда жилъ въ Михайловскомъ (Переписка П-на, академич. изд., I, 140, 154), однажды писалъ оттуда брату, чтобы тотъ ему выслалъ «книгу о верховой Ђдѣ—хочу жеребцовъ выбѣжать» (ibid., 207). Верхомъ онъ сдѣлалъ значительную часть похода въ Арзрумъ 1829 г.; свой автопортретъ на лошади онъ набросалъ въ ушаковскомъ альбомѣ (см. выше, т. IV, стр. 317).

Н. М. Рожалинъ, получивъ отъ А. А. Елагина списокъ стихотвореній безъ имени автора, угадалъ его самъ: «Кобылица,—писалъ онъ въ отвѣтъ («Русск. Арх.» 1909, II, 571),—такая вещь, которой никому не выдумать и не написать кромѣ Пушкина, это чудо, тутъ виденъ поэтъ истинный и русскій». Бѣлинскій, высоко цѣнившій антологическя стихотворенія Пушкина за «простоту и единство мысли, простодушие и возвышенность въ тоѣ, пластичность и грацію формъ», въ перечнѣ ихъ упомянулъ и разсматриваемую пѣсу (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 266); не забылъ онъ ее также въ общемъ обзорѣ поэзій Пушкина, говоря объ его антологіи. Объ отношеніи Пушкина къ Анакреону—см. въ примѣчаніяхъ къ пѣсамъ 1835 года.

535. Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

(т. II, стр. 492).

Четверостишіе это Пушкинъ подписалъ подъ собственнымъ портретомъ, который подарилъ Н. Д. Киселеву; подъ нимъ помѣта: «14 (26) іюня 1828, Стрѣльна»; впервые напечатано оно въ «Русск. Архивѣ» 1874 г. I, ст. 1579, съ копіи, сдѣланной самимъ Н. Д. Киселевымъ, приписавшимъ: «рукою Пушкина, подъ его портретомъ, который, очевидно, набросалъ самимъ, написано карандашемъ». Этотъ портретъ въ воспроизведеніяхъ неизвѣстенъ. Разказывая въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г., о веселомъ лѣтѣ, проведенномъ имъ въ Петербургѣ, Пушкинъ писалъ, что велъ «распутный» образъ жизни (см. ниже, примѣч. къ № 540), «пока Киселевъ и Поторацкій были здѣсь». Пушкинъ упоминаетъ о Н. Киселевѣ также въ одномъ посланіи къ Языкову («Къ тебѣ собираюсь я давно»...—см. выше, № 498). Уѣзжая изъ Петербурга, Киселевъ взялъ передать П. М. Языкову записочку Пушкина (письмо Языкова къ брату Ал-дру Мих-чу, изъ Дерпта, 26 іюня 1828 г.).

Николай Димитріевичъ Киселевъ (24 апрѣля 1802 г.—25 ноября 1869 г.), сынъ Дим. Иван., главноприсутствующаго въ московской оружейной палатѣ, братъ Павла Дим., впоследствии графа, министра государственныхъ имуществъ и дипломата, и Серг. Дим-ча, женившагося на Елиз. Н. Ушаковой, тоже пріятели Пушкина,—учился въ дерптскомъ университетѣ, гдѣ былъ одно время товарищемъ П. М. Языкова, съ 1824 г. состоялъ на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ 1828 г. былъ третьимъ а съ 1832 г. вторымъ секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, затѣмъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ (1837 г.), въ Парижѣ (1840 г.), исправляющимъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ тамъ же (1841—1851), управляющимъ парижскимъ посольствомъ (1851—

1853), посланникомъ тамъ же (1853—1854), посланникомъ во Флоренціи (1855—1859), при Ватиканѣ (1859—1864) и, наконецъ, опять во Флоренціи (1861—1869), гдѣ и умеръ («Остафьев. Арх.» III, 683—684, примѣч. В. П. Саптова). Языковъ посвятилъ ему два посланія: «Скажи, какъ жить мнѣ безъ тебя»... (1824 г.) и «Я знаю, другъ»... (1825 г.). Пожеланіе Пушкина принадлежить къ числу наименѣе удавшихся поэту дружескихъ посланій: можно подумать, что онъ написалъ эти строки нехотя, уступая просьбѣ пріятели.

536. ПОРТРЕТЪ.

(т. II, стр. 493).

Автографъ пѣссы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 191, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи и безъ указанія въ оглавленіи альманаха, и больше не перепечатывалась при жизни Пушкина, который не внесъ ее въ свои сборники стихотвореній. Относится она приблизительно къ лѣту 1828 г. 1 сентября Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому изъ Петербурга: «я пустился въ свѣтъ, потому что безпріютенъ. Если бѣ не твоя мѣдная Венера, то я бы съ тоски умеръ,—но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня въ свои сводники (къ чему выскли меня и вселдшняя склонность, и нынѣшнее состояніе моего Благонамѣреннаго, о коемъ можно сказать, то же, что было сказано о его печатномъ тезкѣ: ей-ей намѣреніе благое, да исполненіе плохое»). Отвѣчая ему 25 сентября, Вяземскій писалъ: «я уже слышалъ, что ты вѣешься около моей мѣдной Венеры... спроси ее отъ меня, какъ она поступаетъ съ тобою, такъ ли какъ съ мною: на другую сторону говорить и любезничаетъ, а на мою кашляетъ»,—и спрашивалъ: «какіе твои стихи, гдѣ ты сравниваешь мѣдную Грацію (а не мѣдную Венеру) съ беззаконною кометою? Покажи ихъ. Я изъ нихъ знаю, и то ошибочно, только четыре стиха». 15 октября Вяземскій сообщалъ А. П. Тургеневу о Пушкинѣ: «дѣлое лѣто кружился онъ въ вихрѣ петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую; вотъ четыре стиха, которые дошли до меня»—и здѣсь Вяземскій приводитъ вторую половину «Портрета» («Остафьев. Архивъ», III, 179; «Къ биографіи П-на», вып. II, М., 1885, стр. 39).

Закревская, портретъ которой нарисовалъ Пушкинъ, и къ которой относятся фривольные намеки въ цитированномъ письмѣ его къ Вяземскому—Аграфена Θεодоровна, рожденная графиня Толстая (1800—1879 гг.), дочь извѣстнаго библіофила гр. Θεодора Андреевича, жена генерала 12-го года, финляндскаго, впоследствии, послѣ долгой отставки, московскаго военнаго генералъ-губернатора (съ 1830 г. графа) Арс. Андр. Закревскаго. «Она»,—разказываетъ кн. А. В. Мецкерскій («Воспоминанія», М., 1901, стр. 135),—«была женщина умная, бойкая и нѣвшная немало приключеній, которыми была обязана, какъ говорили, своей красотѣ». Таковы и другіе отзывы современниковъ о ней. «Закревская родила,—писалъ въ 1833 г. Вяземскій А. П. Тургеневу («Остаф. Арх.», III, 229),—но впрочемъ это не по части супружеской, а особъ-статья, и никто не знаетъ, подъ какое наименованіе подвести ее». Стихи Пушкина, написанные другой очаровательной грѣшницѣ, А. П.

Керъ («Когда твои младыя лѣта...») П. А. Плетневъ (Переписка Грота съ Плетневымъ, III, 414) отнесъ однажды къ Закревской, которая тоже «по приговору свѣта на честь утратила права». Когда Гротъ познакомился съ нею, Плетневъ писалъ ему: «она знаменита по стихамъ Пушкина и Баратынскаго» (ibid., I, 537, 538). Съ портретомъ, набросаннымъ Пушкинымъ, вполне сходится влохновенная характеристика, которую далъ ей Баратынскій:

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла!
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты—
И какъ русалка ты хохочешь.

Вѣроятно, на ея похожденія намекаетъ замѣтка, помѣщенная въ петербургской французской газеткѣ «Le Furet» (1830 г., № 81, 8 октября, стр. 325): «г. Волковъ, писатель, заслужившій въ публикѣ извѣстность прекрасной комедіей нравовъ, отрывки изъ которой появились въ одномъ ежедневномъ листкѣ, собираетъ выпустить въ Москвѣ комико-эпическую поему, подъ названіемъ «Аграфеноида». Это произведеніе, исполненное особенными колкостями, увѣряютъ, замѣчательно портретами и характерами, словно набросанными перомъ Грибоѣдова или кистью Дюу». «Про супругу Закревскаго,—писалъ въ 1849 г. С. Т. Аксаковъ сыну Ивану,—разсказываютъ чудеса, цинизмъ ея невозможенъ къ описанію» («П. С. Аксаковъ въ его письмахъ», ч. I, т. II, М., 1888, стр. 110). «Даже въ глубокой старости,—говоритъ П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. Суворина, VIII, 280),—она отличалась своими эксцентричными выходками, удивлявшими Москву». Конечно, это была не простая распутница. — а жрица любви, вакханка, менада, неслышанно служившая матери наслажденій, сложная натура, въ которой жила томительная мечта; ея была знакома тоска душевной пустоты; въ ней сочетались русалка и Магдалина. Такая женщина, да еще вдобавокъ красавица, не могла не заинтересовать Пушкина, и подаркомъ онъ внесъ ея имя въ свой «Донъ-Жуанскій списокъ» (см. въ IV т. стр. 100). Портреты ея и ея мужа Пушкинъ зарисовалъ въ ушаковскомъ альбомѣ (см. Альбомъ Московск. Пушкинск. выст. 1880 г., М., 1882, стр. 123 и табл. 12). Извѣстный скульпторъ С. И. Гальбергъ изваялъ ея мраморный бюстъ (см. «Сѣв. Цвѣты» на 1827 г., стр. 23); два портрета ея воспроизведены, въ «Русскихъ портретахъ» П. П. Щукина, ч. IV, №№ 39 и 71. О ней см. также «Остаф. Архивъ», III, 532. Въ «Искрѣ» 1860 г., 4 марта, № 9, стр. 101, помѣщена карикатура на нее (воспроизведенная у М. К. Лемке, «Очерки исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія», М., 1904, стр. 59). Къ ней безъ всякаго основанія отнесена въ академическомъ изданіи сочиненій Лермонтова (I, 369) эниграмма «Толстой», написанная въ 1830 г., когда она была уже не Толстой, а Закревскою.

Пьесу Пушкина трудно назвать мадригаломъ—такъ вѣрна и тонка эта характеристика замѣчательной женщины. Чрезвычайно мѣтко сравненіе съ кометой, заимствованное изъ астрономіи.

Послѣднею Пушкинъ, много читавшій, всю жизнь учившійся, повидимому, интересовался. Однажды (въ 1836), когда при немъ «толковали о мнимомъ открытіи обитаемости луны, Пушкинъ доказывалъ нелѣпость этой выдумки, считалъ ее за дерзкій пуфъ, какимъ она въ послѣдствіи и оказалась, и подшучивалъ надъ легковѣріемъ тѣхъ, которые падки принимаютъ за наличную монету всякую отважную выдумку» («Жизнь прожить не поле перейти», записки Неизвѣстной — «Русск. Вѣстн.» 1881, сентябрь, 151). Ср. пьесу 1825 г. «Движеніе».

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Закревской см. также въ примѣчаніяхъ къ №№ 537 и 538.

537. ШАСТЛИВЪ, КТО ИЗБРАНЪ СВОЕ- ПРАВНО...

(т. II, стр. 494).

538. НАПЕРСНИКЪ.

(т. II, стр. 494).

Карандашный черновой набросокъ первой пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 22 об. Впервые пьеса появилась, съ неизвѣстнаго нынѣ подлинника, въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, IX, 153, а затѣмъ вошла въ изданіе Анненкова (II, 447), по словамъ котораго (ibid., 470) представляетъ собою «часть или начало пьесы «Наперсникъ», разбитой надвое самимъ авторомъ». Другой, исправленный автографъ находится въ принадлежавшей академіи наукъ Майковской коллекціи рукописей Пушкина («П. и его современники», IV, 9).

Вторая пьеса, автографъ которой нынѣ неизвѣстенъ, появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 132, съ двумя звѣздочками вѣсто подписи автора, указанной, впрочемъ, въ оглавленіи альманаха, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 124; (въ альманахѣ 6-й стихъ читался: «Тан въ себѣ свои мечты»). По словамъ Анненкова (см. его изд. Соч. П., II, 469—470) пьеса «Счастливъ, кто избранъ своенравно...» «не только что относился къ одному и тому же лицу, но кажется должна была составлять и одно стихотвореніе съ «Наперсникомъ». На рукописи его (?) стоитъ, послѣ окончанія, ссылка на слѣдующей формѣ: «Etc, etc. (Et cetera), которая, по нашему мнѣнію, и связываетъ его съ «Наперсникомъ». Съ показаніемъ Анненкова сходятся слова описанія Майковской коллекціи («П. и его совр.», I, с.): «надъ стихотвореніемъ «Шастливъ» и пр. приписано «Твоихъ признаній etc.»—начало стихотворенія «Наперсникъ». Догадка Анненкова вполне заслуживаетъ довѣрія: въ самомъ дѣлѣ обѣ пьески проникнуты единствомъ и тона, и содержанія. Среди вариантовъ первой есть такіе стихи:

Кого ты съ тайнымъ ждешь волненьемъ,
При комъ блѣдишь и горнишь,
Кого ревнуешь съ истуценьемъ...

Эти чувства дѣйствительно выражаются «признаніи, жалобъ нѣжныхъ крикомъ»; вотъ настоящія

«страсти безумныя и мятежныя», какъ говоритъ «Наперсникъ». Эти «два отрывка,—писалъ Г. С. Чириковъ, помявъ намеки Анненкова, который въ 1855 г., когда были живы многіе современники Пушкина и въ числѣ ихъ та, о которой написаны эти стихи, не могъ сдѣлать прямыхъ указаний (см. «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М., 1881, стр. 113),—относятся по всей вѣроятности къ тому же лицу, къ которому написана въ томъ же году пьеса «Портретъ», т. е. къ графинѣ Аграф. Федор. Закревской». П. А. Ефремовъ замѣтилъ (см. его изданіе Соч. П., 1881 г. V, 537), что Чириковъ выразилъ это мнѣніе «по нѣкому слыше, но безъ всякаго основанія». Это не помѣшало Ефремову въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, VIII, 279) говорить, что всѣ три стихотворенія относятся къ графинѣ А. Ф. Закревской. Всѣ три пьесы, относящіяся къ лѣту 1828 г., производятъ единое и дѣльное впечатлѣніе. Что «Портретъ» не единственное стихотвореніе, посвященное Пушкинымъ Закревской,—это видно изъ словъ А. И. Тургенева (см. примѣч. къ № 536), что Пушкинъ «воспѣвалъ Закревскую», и особенно изъ показанія самого поэта: «Я ей пишу стихи», чего объ одномъ восьмистишии онъ не могъ бы сказать. Оба разсматриваемыя стихотворенія слиты единствомъ содержанія. «Жалокъ тотъ, кто, сгорая пламенемъ любви, признанья слушаетъ твои»...—эти слова первой пьесы совпадаютъ со словами второй: «твоихъ признаній, жалобъ и бжнныхъ зовлю я каждый крикъ, но боюсь ихъ пламенной заразы». Наперсникъ красавицы—самъ поэтъ, и въ его письмѣ къ Вяземскому 1 сентября 1828 г. мы находимъ прозаическій, вульгарный комментарий къ этимъ признаніямъ и жалобамъ: «она произвела меня въ свои сводники». Пушкинъ былъ къ Закревской не совсѣмъ равнодушенъ, и признанія ея и рассказы о томъ, кто ею былъ «избранъ своеобразно», не могли быть пріятны ея наперснику-поэту.

По «простотѣ и единству мысли, простодушію и возвышенности въ тонѣ, эластичности и граціи формы» Бѣлинскій (Общ., изд. Венгерова, VI, 266) причислялъ «Счастливыя, кто избранъ»... къ антологическимъ стихотвореніямъ. «Наперсникъ» Бѣлинскимъ отмѣченъ въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи какъ одна изъ лучшихъ, «самобытныхъ» пьесъ Пушкина. Обѣ онѣ положены на музыку: первая—В. Н. Всеволожскимъ, вторая—К. А. Кавосомъ (Ибург. универс. Пушк. сборн. Сиб., 1900, стр. 98, 84).

539. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

(т. II, стр. 494).

Черновики пьесы находятся въ 2371-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. л. 13 и 17 (варианты—см. въ общей статьѣ о текствѣ). Впервые она была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 132—133, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи, а затѣмъ вошла съ исправленіями въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 131—132, гдѣ помѣщена среди стиховъ 1828 года. По мнѣнію Л. И. Поляванова (см. его изданіе Сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 255), она написана въ маѣ, но такая датировка не находитъ себѣ основанія ни въ черновой тетради, ни въ событіяхъ жизни поэта; Анненковъ говоритъ,

что «Предчувствіе» «сдѣлано за» написанными 19 мая «Воспоминаніемъ» и 26 мая «Даръ напрасный»... («Матеріалъ для биогр. П.—на», изд. 2-е, стр. 194), по это показаніе, на которое опирается, конечно, Полявановъ, слишкомъ неясно. Пушкинъ, говоритъ Анненковъ (см. его изданіе Сочин. П., II, 470), «хотѣлъ скрыть себя подъ звѣздочками, такъ какъ вообще большая часть стихотвореній, помѣченныхъ однимъ звѣздочками, принадлежала къ задушевымъ лирическимъ пѣснямъ его; оглавленіе альманаха, хвастливо выставившее его имя, въ этомъ случаѣ измѣнило ему».

Пушкинъ какъ бы стоялъ на распутьѣ, когда создалось «Предчувствіе», одно изъ самыхъ глубокихъ изліяній его души. Еще не совсѣмъ былъ законченъ, можетъ быть, процессъ о распространеніи стиховъ изъ «Андрея Шенье», вскорѣ навлекшіи на Пушкина несправедливый и безтолковый судебный приговоръ (см. въ III т. настоящ. изд. «Послѣ ссылки въ Москвѣ», стр. 350); быть можетъ, уже началось разслѣдованіе о «Гавриладѣ» (см. т. II настоящ. изд., стр. 602—606), тоже доставившее поэту немало тревожныхъ минутъ; кромѣ этихъ крупныхъ огорченій, были, конечно, и мелкія непріятности. Главное же—Пушкину самому неясно было, что дѣлать съ собою, куда идти; неясно было свое положеніе по отношенію къ власти и къ обществу. Онъ вспоминалъ «силу, гордость, упованье и отвагу юныхъ дней», но уже не находилъ въ себѣ прежнихъ чувствъ. «Старый мой козпакъ изношенъ... не въ модѣ нынче красный цвѣтъ», писалъ онъ около того же времени («В. С. Филимонову»). Былой энтузіазмъ давно истлѣлъ, и, не вѣря больше въ себя, поэтъ спрашивалъ: «сохраню ли къ судьбѣ презрѣнью?» У Пушкина были основанія опасаться за свою судьбу; въ февралѣ 1828 г. Катенинъ передавалъ своему пріятелю, что разнесся слухъ о новой ссылкѣ Пушкина (Сочин. П., изд. Ефремова, VIII, 1905 г., 291); вѣроятно, поводомъ къ этому слуху было дѣло объ «Андрѣ Шенье». Въ это время онъ утѣшалъ себя мыслью о женской любви (см. т. IV настоящ. изд., стр. 89); въ самой апатичной стойкое жизнелюбіе хранило его душу и не давало ему впасть въ крайнее отчаяніе, и пѣснь скорби завершается примирительнымъ аккордомъ. Другой особѣ онъ писалъ:—хотя «что въ имени тебѣ въ моемъ»,—«но въ день печали, въ тишинѣ, произнеси его тоску, скажи: есть память обо мнѣ, есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я» (см. № 572). Кто была для него, когда «Предчувствіе» его томило, «ангеломъ милымъ», сказать трудно. Быть можетъ,—А. А. Озенина, глазами которой Пушкинъ восхищался и писалъ о ней: «потупить ихъ съ улыбкой Леля—въ нихъ скромныхъ грацій торжество; подниметь—ангелъ Рафаэля такъ созерцаетъ Божество» («Ея глаза»). Можно поставить въ связь съ этими стихами слова «Предчувствія»: «взоръ свой ибжнпый подыми изъ опустн». Бѣлинскій считалъ «Предчувствіе» однимъ изъ «лучшихъ, задушевныхъ созданий лирической музы Пушкина» (Сочин., изд. Венгерова, VI, 101; ср. изд. Создатенкова, VIII, 1860 г., 395). Ему отчасти подражалъ Кольцовъ («Послѣдняя борьба»; см. также пис. Кольцова къ Бѣлинскому 28 сентября 1838 г.).

540. А ВЪ НЕПАСТНЫЕ ДНИ...

(т. II, стр. 494).

Эта шутка входит въ составъ письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г., хранящагося въ остафьевскомъ архивѣ графа С. Д. Шереметева и впервые печатаннаго дѣлкомъ въ сборникѣ «Старина и Новизна» V, 1902, стр. 16—17 (см. также Переписку П-на, академич. изд., II, 73—75). Съ передѣлкой непечатныхъ выраженій, замѣненныхъ въ настоящемъ изданіи точками, на приличный ладъ («Богъ ихъ прости!») Пушкинъ напечаталъ эти стихи въ видѣ эпиграфа (безъ подписи) къ первой главѣ «Никовой дамы». Кромѣ того, они извѣстны изъ воспоминаній А. П. Кернъ, которая рассказывала (см. «Пушкинъ» Л. Майкова, стр. 252): «Пушкинъ разъ поручилъ мнѣ переслать стихи къ Дельвигу, говоря: «Да смотрите, сами не читайте, и не заглядывайте. Я свято это исполнила и послѣ уже узнала, что она состояла въ слѣдующемъ»...; тутъ Кернъ приводитъ «приличную» редакцію стиховъ, хотя, конечно, Дельвигу была послана первоначальная, и прибавляетъ: «эти стихи онъ написалъ у князя Голицына, во время карточной игры, мѣломъ на рукавѣ» (?). Майковъ (ibid.) замѣтилъ, что «приведенные стихи принадлежатъ не Пушкину, а К. О. Рылѣву». Дѣйствительно, въ сборникахъ стихотвореній Рылѣва они печатаются какъ окончаніе извѣстной сатиры: «Ахъ, гдѣ тѣ острова»... Однако, въ упомянутомъ письмѣ къ Вяземскому, гдѣ Пушкинъ рассказываетъ ему о своемъ «распутномъ» петербургскомъ времяпрепровожденіи лѣтомъ 1828 г., этимъ стихамъ предшествуетъ такое показаніе поэта: «и продолжалъ образъ жизни, в о с ѣ т ы й м и о ю такимъ образомъ»... Н. А. Котляревскій («Рылѣвъ», Сиб., 1908, стр. 73, 207), основываясь на этомъ показаніи, даже нашелъ возможнымъ приписать Пушкину сатиру Рылѣва. Последняя—это сразу бросается въ глаза—не имѣетъ, кромѣ формы, размѣра и чередованія стиховъ, ничего общаго со стихами Пушкина, и присоединеніе ихъ къ ней производитъ весьма несуразное впечатлѣніе. Очевидно, ихъ соединили вмѣстѣ малопроизводительные и не вдумывавшіеся исвѣдомые собиратели «сочиненій, презрѣвшихъ печать». Пушкинъ зналъ сатиру Рылѣва («миѣ bene тамъ, гдѣ растеть тринь-трава, братцы»), цитируетъ оныя въ письмѣ къ брату въ началѣ января 1824 г.) и просто воспользовался ея легкимъ, веселымъ размахомъ для своей шутки. Такимъ образомъ, показаніе Кернъ вполне оправдывается словами поэта, и шутка Пушкина—воплнѣ самостоятельное его произведеніе, а не Рылѣва и не «передѣлка конца стихотворенія Рылѣва», какъ думаетъ П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщенія», VIII, 488). Относится она приблизительно къ лѣту 1828 г.; Дельвига, которому послыалъ ихъ Пушкинъ черезъ Кернъ, дѣйствительно не было лѣтомъ въ Петербургѣ (см. Переписку Пушкина, II, 69, 77). Это время Пушкинъ, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго (см. выше, примѣч. къ № 536), «кружился въ вихрѣ петербургской жизни». Ничто не пропало въ житейскомъ опытѣ гениальнаго человѣка, и переживанія и наблюденія Пушкина въ этомъ «круженіи» пригодились ему впоследствии, когда онъ писалъ «Никовую даму» и вспоминалъ, между прочимъ, разгудное лѣто 1828 г. и своихъ пріятелей, занимавшихся «дѣломъ». Къ этому кругу Пушкинъ всегда шпталъ

нѣкоторую слабость. См. его набросокъ 1819 г. (т. IV, стр. 103), его признаніе въ «Онѣгинѣ»: «Страсть къ банку!... Ни любовь свободы, ни Фебъ, ни дружба, ни пиры не отвлекли бѣ въ минувши годы меня отъ карточной игры»... и т. под.

541. АНЧАРЪ

(т. II, стр. 494.)

См. въ исторіи текста.

542. УТОПЛЕННИКЪ

(т. II, стр. 495).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Москов. Вѣстникѣ» 1829 г., ч. I, изданіи слов., стр. 80—83, съ подзаголовкомъ въ текстѣ: «Простонародная пѣсня», а въ оглавленіи: «Простонародная сказка», а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 114—119, гдѣ помѣщена подъ 1828 г., съ отнесеніемъ въ оглавленіе послѣдняго подзаголовка; въ этомъ изданіи былъ исправленъ стихъ журнальной редакціи: «На п а л а т ѣ мужъ лежитъ». 15 октября 1828 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Пушкинъ «написалъ народную балладу «Утопленникъ», гдѣ много силы» («Къ біографіи П-на», вып. II, М., 1885, стр. 40, и «Остафьевс. Арх.» III, 179); 3 ноября В. Д. Комовскій сообщилъ объ этомъ А. М. Языкову («Историч. Вѣстн.» 1883 г., дек., 528). Пьеса, по рассказу С. П. Шевырева, была подарена ему Пушкинымъ для альманаха, который Шевыревъ хотѣлъ издать къ 1829 г., но, уѣзжая за границу, Шевыревъ передалъ ее Погодину, редактировавшему «Московс. Вѣстникъ».

«Эта живая картина съ природы»—писалъ Н. А. Полевой («Московс. Телеграфъ» 1833 г., ч. 49)—«мертвецъ, снова плывущій внизъ за могилы и крестомъ, плывущій долго и, какъ живой, качающійся между волнами рѣки, ночная буря, явленіе утопленника—все это наше русское, чисто народное, какъ народныхъ картины народныхъ сказокъ, изображенныя во вступленіи къ Руслану и Людмилѣ». Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 103) въ «Утопленникѣ» видѣлъ «превосходнѣйшій образецъ національныхъ русскихъ балладъ». «Никто изъ русскихъ поэтовъ—писалъ Бѣлинскій, къ народному творчеству вообще отпоспѣвшій пренебрежительно, въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи,—не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живую водой своей творческой фантазіи немножко духоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсень. Прочтите «Жениха», «Утопленника», «Бѣсовъ» и «Зимній вечеръ»—и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій... И если такихъ пѣсень у Пушкина немного, въ этомъ, конечно, виновата ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи; эти стихотворенія «образуютъ собой отдѣльный міръ русско-народной поэзіи въ художественной формѣ» (Сочин., изд. Солдатенкова,

VIII, 1860 г., 404, 408). Пушкину, говоритъ Аполонъ Григорьевъ (Сочин., I, 512—513), «было дано непосредственное чутье народной жизни, и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни»; одно изъ подтвержденій этой «неоспоримой истины»—«Утопленникъ».

Въ эпоху фальшивыхъ литературныхъ представленій о бытѣ «любезныхъ поселянъ», «мирныхъ земледѣльцевъ» и всѣчески прикрашенныхъ театральныхъ пейзажей, въ эпоху Сапушкиныхъ и Алипановыхъ, стихотворцевъ-крестьянъ, облыгавшихъ крестьянскую же жизнь, великій поэтъ баринъ честно и проникновенно изобразилъ настоящаго мужика, съ его мужичьимъ эгоизмомъ, мужичьей запуганностью и мужичьей же совѣстливостью. «Въ этомъ стихотвореніи—говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изданіе. Сочин. т. II, стр. 202—203),—мы имѣемъ образецъ баллады, для которой Пушкинъ нашелъ вполне самобытную форму. Народный языкъ ея и чуждое всякаго вибрианія украшенія повѣствованіе производятъ необыкновенно сильное впечатлѣніе на читателя. Что до содержанія этой небольшой баллады, то оно полно глубокаго смысла. Поэтъ пропикъ въ самую душу русскаго крестьянина: проза жизни, повидимому, очерстила его; онъ готовъ порою поддѣлать практическихъ соображеній оскорбить святяги чувства, вложенныя въ его душу; но они затѣмъ сказываются въ глубинѣ ея. Впечатлѣніе получается трагическое, когда поруганіе святяги—лишеннаго погребенія трупа—мститъ за себя его появленіемъ среди безсонной ночи передъ очами возмущившейся совѣсти. Баллада имѣетъ значеніе народнаго психологическаго этюда со всею реальною бытовою обстановкою русскаго деревни. Какой неизмѣримый шагъ отъ ложныхъ красокъ идилликовъ къ истинно поэтическому воссозданію народной жизни!» Народпо-бытовому содержанію «просто-народной сказки» вполне соответствуютъ такіа выраженія, какъ «тятя, робята, ужъ, э-вотъ». Стихотвореніе отличается сравнительнымъ богатствомъ рѣмы (напр. неводъ—э-вотъ); образцомъ затѣйливости можетъ служить остроумная игра словъ: по качачу—поколочу.

Разсматривая вопросъ о вліяніи народной поэзіи на Пушкина, П. Эйзенбетъ («Пушкин. сборникъ студентовъ Московс. унив.—та», М., 1900, стр. 152—155) остановился на этой балладѣ. «Основной идеей являются угрызенія совѣсти рыбака (?), который не передалъ землѣ тѣло утопленника. Сюжетомъ послужило народное преданіе о бродячемъ мертвецѣ, душа котораго не можетъ успокоиться, пока не будетъ совершенъ обрядъ похоронъ. Сказанія подобнаго рода существуютъ у всѣхъ народовъ, а потому весьма трудно отыскать здѣсь специально русскій народный вариантъ. Народное суевѣріе вставлено поэтомъ въ художественныя рамки. Болзнь мужика «ввѣкъ не разобрался съ судомъ», его обращеніе съ дѣтми, «дымная хата»—все это соответствуетъ дѣйствительности. Какими яркими красками обрисованъ утопленникъ, когда онъ стучится у окна.. Мы видимъ передъ собою бытовую картину, мастерски исполненную, безъ лишняго штриха. Рыбакъ, изображенный поэтомъ, — характера мрачнаго, ворчливаго; съ дѣтми онъ грубъ, негостеприименъ, какъ видно изъ его обращенія къ неистовому страшику, просящему крова. Но, несмотря на грубость, его нельзя назвать дурнымъ человекомъ. Гдѣ тутъ пріютить странника, когда «до-

ма тѣсно и темно». Самый проступокъ рыбака, которому слѣдовало бы заявить полиціи объ утопленникѣ, можетъ быть вполне извиненъ основательной болзнью предъ «судомъ» властей, которыя не прочь затянуть по существу простое дѣло, какъ это нерѣдко случается въ деревнѣ. Достаточно указать хотя бы на рассказъ Савцова «Мертвое тѣло», гдѣ крестьяне изъ болзни передъ властями, извѣщенными о найденномъ мертвецѣ, оказавшемся здоровымъ парнемъ въ нетрезвомъ состояніи, упрашиваютъ прохожаго молодца дритворить съ мертвымъ предъ начальствомъ, чтобы только избѣжать могущихъ проizioити неприятностей. Поэтъ останавливается предъ вопросомъ, кто былъ утопленникъ; и далѣе говоритъ: «мужику какое дѣло?» Индифферентное отношеніе рыбака къ мертвецу, къ которому русскій человекъ относится съ большимъ уваженіемъ, ивскольکو странно, тѣмъ болѣе, что общаа характеристика рыбака на основаніи указанныхъ данныхъ не можетъ быть признана вполне отрицательной. Чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что «съ той поры мужикъ несчастный въ день урочный гостя ждетъ». Если мужикъ относится безучастно (?) къ жалкой судьбѣ несчастнаго, приходится объяснить причину его повторяющагося изъ году въ годъ страха не какъ угрызеніе совѣсти за неисполненный долгъ, а какъ суевѣрною болзнь передъ мертвецомъ. При такомъ объясненіи утрачивается внутренній смыслъ народнаго повѣрія, который заключается въ себѣ элементъ психологическій, а именно угрызеніе совѣсти за дурной поступокъ. Если же мы примемъ въ расчетъ угрызеніе совѣсти, то не совѣсть понятнаа безучастность рыбака къ погибшей жертвѣ. Пушкинъ, какъ мнѣ кажется, обратилъ немного вниманія на анализъ того процесса, который совершался въ душѣ мужика въ моментъ его проступка и въ послѣдующее время; онъ передалъ намъ въ художественной рамкѣ повѣртіе, имѣя въ виду общую бытовую картину, а не самое преданіе, какъ показатель народнаго міросозерцанія. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и заключительныя стихи баллады. Поэтъ передаетъ намъ народный слухъ, то, о чемъ «говорить» въ простомъ народѣ. Слухъ этотъ ужасный, но для кого? Конечно, для суевѣрнаго простолюдина. Но не скрыто ли въ этомъ суевѣрїи нѣчто ужасное для интеллигентнаго человека, что такъ прекрасно назвалъ Пушкинъ «когтистымъ звѣремъ, скреблшмъ сердце?» («Скуной рыцарь»). Авторъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ». Критикъ не замѣтилъ главнаго,—что мужикъ отталкиваетъ мертвеца отъ берега не равнодушно, а со страхомъ не только передъ неправеднымъ судомъ, но и передъ праведнымъ Богомъ. Найти мертвое тѣло силою да рядомъ значило въ до-реформенной Россіи подвергнуться обвиненію въ убійствѣ и скормить все свое добро несатымъ судейскимъ чиновникамъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ быть «оставленнымъ въ подозрѣніи». По тяжкій грѣхъ—отказъ мертвецу въ послѣднемъ успокоеніи. Изъ страха пострадать отъ неправды земной мужикъ нарушаетъ правду Божью, и въ этомъ столкновеніи чувство тяжко страдаетъ религіозная душа. Съ балладой Пушкина удивительно совпадаетъ по содержанію и настроенію рассказъ гениальнаго художника-психолога Мопассана «Страхъ»; убійца, подобно пушкинскому мужику, ждетъ свою жертву, которая приходитъ

къ нему каждый годъ, въ день преступленія,—и мертвецъ является: «я предпочитаю,—говоритъ рассказчикъ,—вновь пережить всѣ тѣ часы, когда я стоялъ лицомъ къ лицу со смертельной опасностью, чѣмъ одну ту минуту, когда... въ оконечкѣ мелькнула борода твоего». Простота и краткость пушкинскаго разсказа производятъ болѣе сосредоточенное впечатлѣнiе ужаса, чѣмъ длинное, какъ бы смакующее мучительное чувство—описание Мопассана.

543. 19 ОКТЯБРЯ 1828.

(т. II, стр. 496).

Четверостишие впервые было напечатано въ статьѣ В. П. Гаевского «Празднованiе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время» («Отечеств. Записки» 1861 г., т. 139, ноябрь, отд. II, стр. 31—35), а въ собранiи сочиненiй Пушкина стало входить, начиная съ изданiя 1880 г. (т. II, стр. 240). При какихъ обстоятельствахъ оно было написано, видно изъ сообщеннаго Гаевскимъ (тамъ же) слѣдующаго протокола состоявшейся въ обычный день основанiя лицея, 19 октября, товарищеской сходки лицестовъ перваго выпуска, веденнаго Пушкинымъ: «19 октября 1828. СПб. Собралися на пенелицѣ скотобратда курофеуса Тыркова (по прозвищу кирпичнаго бруса) 8 человекъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ—Тоса, Плиличевскiй—Олесенька, Яковлевъ—паясъ, Корфъ—дьячокъ—морданъ, Стевень—шведъ, Тырковъ—смотри выше, Комовскiй—лиса, Пушкинъ—Французъ (смѣсь обѣзаны съ тигромъ): а) пѣли извѣстный лицейскiй пеанъ Лѣто знойна. Пушкинъ—Французъ открылъ, и согласенъ съ нимъ соч. Олесенька, что должно вмѣсто общепотребляемаго припѣва Лѣто знойно пѣть какъ выше означено. б) вели бесѣду. в) выпили вдоволь ихъ здорвiя. д) пѣли рефутацiю г-на Беранжера. е) пѣли пѣсеню о царѣ Соломонѣ. ф) пѣли скотобратскiе куплеты прошедшихъ шести годовъ. г) Олесенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшалъ собравшихся. и) Тырковiусъ безмолвствовалъ. j) толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновенiя скотобратцевъ. к) Паясъ представлялъ восковую персону. l) и завидѣвъ на дворѣ часть первый, а стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину-Французу, иже написалъ сiю грамоту». Тутъ слѣдуютъ подписи всѣхъ восьми участниковъ сходки, съ ихъ прозвищами въ скобкахъ, а затѣмъ, оная рукою самого Пушкина, записано четверостишiе. Протоколъ пуждается въ нѣкоторыхъ поясненiяхъ. «Лѣто знойно»—начало пьесы Плиличевскаго: «Лѣто знойно, дщерь природы, Идетъ къ намъ въ страну»; «скотобратцами» лицесты называли другъ друга потому, что еще на лицейской скамьѣ въ сатирическомъ журналчикѣ «Лицейскiй Мудрецъ» изображали другъ друга въ видѣ животныхъ; о «Рефутацiи г. Беранжера»—см. примѣч. къ слѣдующей пьесѣ, пѣсня о Соломонѣ—вѣроятно, продуктъ коллективнаго творчества «скотобратцевъ» еще въ лицѣ—начинается словами: «О Соломонъ, въ Библии первый пѣвецъ и первый мудрецъ»...; куплеты прошедшихъ шести годовъ—написанные на лицейскую годовщину стихи Плиличевскаго, Дельвига, Пушкина; см., кромѣ упомянутой статьи Гаевского, также статьи Я. К.

Грота «Лицейскiя годовщины» (въ его сборникѣ «II., его лицейскiе товарищи и наставники», изд. 2-е, стр. 82—83) и К. Я. Грота «Празднованiе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него» («Нов. Время» 1909 г., № 12071; «II. и его современники», вып. XIII). Въ самый день сходки Пушкину была выдана дорожная отъ Петербурга до Торжка («Старина и Новизна», V, 6), и онъ немедленно выѣхалъ въ Малинники, Тверской губернiи; 27 октября мы застаемъ его уже въ Малинникахъ. Лицейскую годовщину Пушкинъ почтилъ стихами также въ 1825, 1827, 1831 и 1836 годахъ; стихи, читанные въ 1832 г., остаются неизвѣстными, если только написаны на лицейскую годовщину («Вѣстн. Всемирн. Исторiи» 1899 г., № 1, стр. 101, ст. Д. Ѳ. Кобеко).

544. РЕФУТАЦIЯ БЕРАНЖЕРА.

(т. II, стр. 496).

Стихотворенiе было впервые напечатано въ статьѣ В. П. Гаевского «Празднованiе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время» («Отечеств. Записки» 1861 г., т. 139, ноябрь, отд. II, стр. 36), а въ собранiи сочиненiй Пушкина стало входить, начиная со втораго изданiя Г. Н. Геннади, 1870 г., кое-какіе варианты къ текстамъ изданiй Геннади и перваго ефремовскаго (1880 г. II, 240) были указаны Г. С. Чирковымъ («Русс. Арх.» 1881, I; «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М., 1881, стр. 113—114).

«Рефутацiя» пѣлась на сходкѣ лицестовъ перваго выпуска 19 октября 1828 г. (см. примѣчания къ предыдущей пьесѣ), о чемъ было записано Пушкинымъ въ юмористическомъ протоколѣ собранiя. По словамъ Н. В. Гербеля (Русскаго) въ предисловiи къ «Стихотворенiямъ А. С. Пушкина, не вошедшимъ въ послѣднее собранiе его сочиненiй», Берл., 1861, стр. IX, «Анненковымъ по-ложительно доказано», что это стихотворенiе—не Пушкина; гдѣ и какъ это «доказано», Гербель не сообщаетъ. Однако, столь близкiй Пушкину свѣдѣль, какъ кн. П. А. Вяземскiй, читая берлинскiй томикъ, заявилъ, что «Рефутацiя»—«рѣшительно Пушкина» («Старина и Новизна», VII, 33). Стихотворенiе пѣлось и было записано 19 октября 1828 г., но написано могло быть и раньше. Оно служитъ отвѣтомъ на французскую патристическую пѣсенку «Soldat, t'en souviens-tu...»; она неправильно приписана Беранже, что объясняется широкою популярностью этого поэта, какъ лучшаго изъ всѣхъ французскихъ «chansonniers» (въ безпорядочномъ багажѣ, съ которымъ возвращается въ Россiю графъ Нулинъ, имѣется и «послѣдняя пѣсня Беранжера»). Ее сложилъ Emile Debraux (1788—1831), популярный во Францiи поэтъ буржуазно-демократической окраски. Беранже (см. его «Oeuvres complètes», Par., 1853, pp. 543—544, 636) посвятилъ его памяти очень теплое стихотворенiе, на годось его лучшей пѣсенки («Soldat, t'en souviens-tu...»), въ которомъ говорить: «Debraux dix ans régna sur la gognette... du pauvre peuple il chanta les amours... Пѣсенка Дебро была очень распространена; извѣстны еще двѣ русскiя пародiи на нее; одна приписывается князю А. С. Голицыну см. «Остафьев. Архивъ», I, 675; Отчетъ Н. Публ. Библиот. за 1870 г., стр. 134), другая, вызванная Восточной кампанiей,

принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому («Не помните?»—Сочин. Вяземскаго, XI, 115—116).

На воспоминанія о французскихъ побѣдахъ Пушкинъ отвѣтилъ напоминаніемъ о пораженіяхъ французовъ и нарочно взялъ грубоватый и хвастливый солдатскій тонъ. Пѣсня Дребро задѣвала его какъ патріота, и онъ съ гордостью вспомнилъ о Суворовѣ, 12-мъ годѣ и взятіи Парижа. Александру I поэтъ даже прощалъ свое гоненіе за то, что «онъ взялъ Парижъ» («19 октября» 1825 г.).

545. ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

(т. II, стр. 496).

Автографъ пьесы, на одномъ листѣ съ «Апчаромъ», находившійся у П. В. Анненкова, а потомъ у Л. П. Майкова, нынѣ принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу; на немъ помѣты: «10 поября 1828, Малининки». Впервые «Отвѣтъ Катенину» былъ напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 120—121, (см. письмо П-на къ Дельвигу отъ середины поября 1828 г.), а затѣмъ вошелъ въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 122—123. Читатели «Сѣв. Цвѣтовъ» и «Стихотвореній» не могли понять какъ слѣдуетъ «Отвѣта», потому что посланіе Катенина, на которое отвѣчалъ Пушкинъ, тогда еще не было напечатано. Въ тѣхъ же «Сѣв. Цвѣтахъ» было помѣщено стихотвореніе Катенина «Руская быль», съ такой замѣткой издателя: «За стихотвореніе сіе обязанности А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ: П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ приятно украсить имъ ваши Сѣверные Цвѣты». Разясняя смыслъ и происхождение «Отвѣта Катенину», П. В. Анненковъ («Матеріалы для биограф. П-на», изд. 1855 г., стр. 57) говоритъ: «въ разсказѣ П. А. Катенина князь Владиміръ присутствуетъ на состязаніи пѣвцовъ и присуждаетъ женоподобному греку-пѣвцу копа и латы, а русскому его сопернику завѣтныи кубокъ, данный Святославу императоромъ Цимисхіемъ». Свой разсказъ Катенинъ послалъ Пушкину при письмѣ 27 марта 1828 г.: «и повѣсть, и приписка дѣланы для тебя, и да будетъ надъ ними твоя воля, т.-е. ты можешь напечатать ихъ когда и гдѣ угодно, а же ни съ кѣмъ изъ журналистовъ или альманахистовъ знакомства не вожу». Предварительно же Катенинъ писалъ своему другу П. И. Бахтину 27 февраля 1828 г.: «извѣстите меня, слѣзавши справку, хотя у Дельвига черезъ Сомова, гдѣ падается Пушкинъ и какъ къ нему надписывать; мнѣ это крайне любопытно... Я имѣю намѣреніе ему послать съ припискою мою «Старую быль», et je ne sais ou le prendre. Вы мнѣ скажете:—Къ чему это? Къ тому, батюшка Николаи Ивановичъ, что онъ, Пушкинъ, меня похвалилъ въ Онѣгинѣ: къ тому, чтобы la sanaille littéraire не полагала насъ въ ссорѣ; къ тому, что я напишу ему такъ, что вы будете довольны, и къ тому, что оно послужитъ въ пользу. Я даже нахожу вообще приятнымъ и, такъ сказать, почтеннымъ зрѣлищемъ согласіе и нѣкую пріязнь между поэтами, а же у него въ долгу и хочу расплатиться. По сей-то причинѣ, то есть, что къ нему надо послать вещь потому она съ иголочки, я васъ прошу не давать рѣшительно никому ее списывать... 17 апрѣля

Катенинъ опять писалъ Бахтину: «Посылаю вамъ при семъ списокъ со стиховъ моихъ къ Пушкину при отправленіи къ нему Старой были». Мнѣ писали, будто онъ въ Москвѣ, и я все отправилъ туда на имя Погодина, прося сего къ нему доставить». 7 сентября онъ опять жаловался Бахтину: «Не знаю, что подумать о немъ, т.-е. Пушкинѣ: еще въ апрѣлѣ послалъ я къ нему «Старую быль» и приписку въ стихахъ, и письмо въ прозѣ, весьма дружеское, le tout черезъ Погодина; не получивъ отвѣта, писалъ я къ Каратыгину справиться, доставилъ ли Погодинъ мой пакетъ Пушкину; къ сожалѣнію Каратыгинъ его ни разу не засталъ дома, и съ этой стороны дѣло по сію пору не разъяснено; между тѣмъ справился я у Погодина черезъ знакомаго въ Москвѣ, и оказалось, что письмо мое послано куда слѣдовало еще тогда; стало, Пушкинъ получилъ и молчитъ; худо, но вотъ что хуже: К. Н. Голицынъ, мой закадычный другъ, восхищающійся «Старой былью», а въ особенности пѣсней грека, полагаетъ, что моя послышка къ Пушкину есть une grande malice; если мой пріятель, другъ, полагаетъ это, можетъ то же казаться и Пушкину; конечно не моя вина, знаетъ кошка чье сало съѣла, но хуже всего то, что я эдакъ могу себѣ нажить новаго врага, сильнаго и непримиримаго, а изъ чего? изъ моего же благаго желанія сдѣлать ему удовольствіе и честь: выходить, что я попалъ кадиломъ въ рыло. Такъ и быть, подожду еще, узнаю навѣрно черезъ Петербургъ, въ чемъ бѣда, а тамъ думаю объясниться: я не хочу безъ грѣха прослыть грѣшникомъ». 16 октября та же жалоба: «не знаю, что подумать о Пушкинѣ: онъ мою «Старую быль» и приписку ему получилъ въ свое время, т.-е. въ маѣ; просилъ усердно Каратыгину (Ал. Мих.) извинить его передо мной: дѣломъ онъ ничего не могъ писать, стихи не даются, а прозой можно ли на это отвѣчать? по завтра, завтра все будетъ. Между тѣмъ по сіе время отвѣта ни привѣта нѣтъ, я начинаю подозревать Сашинку въ нѣкотораго рода шутли: что дѣлать? подождемъ конца. О какихъ мизерахъ я пишу! самому стыдно... 4 ноябра опять то же самое: «Пушкинъ упорно отмалчивается» (Сочин. П., изд. Ефремова, VIII, 1905 г., стр. 291—293). Криводушныя подозрѣнія надобнаго Катенина, однако, оказались напрасны. Послалъ Пушкину свою повѣсть, Катенинъ, обращаясь къ нему, писалъ, что кубокъ Владиміра не пропалъ:

... говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ награды;
Изъ рукъ онъ въ руки попалася,
И даже часто не впадеъ:
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
Но къ наступающему порту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, счастливцевъ, поживаешь;
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Ваха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
Живительныхъ Кастальскихъ водъ.
Когда за скуку въ утѣшене
Неугомонною судьбой
Дано мнѣ будетъ позволене,
Мой другъ, увидѣтся съ тобой,
Изъ кубка, сдѣлавъ оюлжене,
Меня питьемъ своимъ наной;

Но не облей неосторожно:
 Онъ, я слыхалъ, заворожень,
 И смѣло пить тому лишь можно,
 Кто сыномъ Фебовымъ рождень.
 Невиннымъ опытомъ сначала
 Узнай, правдивъ ли этотъ слухъ.
 Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
 Проси отвѣдать изъ бокала;
 И если, капли не проливъ,
 Напьются милые свободно,
 Тогда и слухъ конечно лживъ,
 И можно пить кому угодно;
 Но если, Боже сохрани,
 Замочатъ пазуху опи,
 Тогда я я желанье кину,
 Въ урокъ поставлю ихъ бѣду
 И вслѣдъ Ринальду-пазандину
 Благоразуміемъ пойду:
 Надеждой ослѣпленъ пустою,
 Опаснымъ не прельщусь питьемъ,
 И въ дѣло не вхола съ судьбою,
 Останусь лучше при своемъ;
 Називъ, тебѣ подамъ я чашу,
 Ты выпьешь, духомъ закипишь,
 И тихую бесѣду нашу
 Байронскимъ пѣнемъ огласишь.

Этого посланія Пушкинъ не хотѣлъ печатать, и напечаталъ его самъ Катенинъ въ сборникѣ своихъ сочиненій, изд. 1832 г. «Всего любопытнѣе,—говоритъ Аппенковъ (ibid.),—что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Катенинъ спрашивалъ у него, почему не приложилъ онъ къ «Старой были» и посланія, то въ отвѣтахъ Пушкина ясно увидѣлъ, что намеки на собратію были истинными причинами исключенія этой пьесы. Такъ вообще былъ остороженъ Пушкинъ въ спокойномъ состояніи духа!» Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ «Отвѣтъ Катенину» въ числѣ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ». Посланіе Пушкина принадлежитъ именно къ произведеніямъ, написаннымъ «по неволѣ». Пушкину не могли нравиться ни льстивое обращеніе, ни камни въ огородъ «младыхъ романтиковъ», ни приставанія Катенина. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ отвѣтилъ ему по старой дружбѣ и польстилъ ему въ стихахъ, хотя въ прозѣ всегда былъ убѣжденъ, что «Катенинъ опоздалъ родиться—не идеями (которыхъ у него нѣтъ), но характеромъ принадлежить онъ къ 18 столѣтію: та же авторская мелкость и гордость, тѣ же литературныя интриги и сплетни...» (Переписка П., I, 16). Такимъ мы видимъ Катенина въ цитированныхъ письмахъ къ Бахтину. Стихи его Пушкинъ находилъ «полными силы и огня» (и здѣсь онъ называетъ его «пламеннымъ»),—«по отверженнымъ вкусомъ и гармоніей» («Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ»). Отношенія къ этому надутому, безтактному, назойливому и неискреннему человѣку были настоящимъ пробнымъ камнемъ, на которомъ душевная щедрость Пушкина, его доброта и снисходительность къ людямъ отлично выдержали тяжелое испытаніе.

Катенинъ переводилъ Тассо и Корнея,—«воскресилъ Корнея гений величавый», какъ выразился Пушкинъ («Евгеній Онѣгинъ», 1, XVШ).

Напечатанный курсивомъ стихъ: «Не пью, любезный мой сосѣдъ» заимствованъ изъ пьесы Державина «Философы пьяный и трезвый», гдѣ онъ повторяется три раза, какъ refrain.

546. ОТВѢТЪ А. П. ГОТОВЦОВОЙ.

(т. II, стр. 497).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана, подъ заглавіемъ: «Отвѣтъ», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 182, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 138—139, подъ не совсемъ правильнымъ заглавіемъ: «А. П. Готовцовой». «Въ «Сѣв. Цвѣтахъ» посланіе Пушкина слѣдуетъ непосредственно за обращеніемъ къ нему Готовцовой, озаглавленнымъ: «А. С. П.», стр. 180—181:

О Пушкин! Слава нашихъ дней!
 Портъ, любимый небесами!
 Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей
 Украсилъ дивными цвѣтами:
 Кто выразить тебя сильнѣй
 Природы блескъ и чувства сладость,
 Восторгъ любви и сердца радость,
 Тоску души и пылъ страстей?
 Кто не дивится вдохновеньямъ,
 Игривой юности мечтамъ,
 Свободной мысли выраженьямъ,
 Которыя ты предалъ намъ!
 Въ неподражаемой картинѣ
 Ты намъ Кавказъ изобразилъ,
 И дву горъ, и пѣнъ въ чужбинѣ,
 Черкесовъ жизнь въ родной долинѣ
 Волшебной кистью оживилъ;
 Дворецъ и садъ Бахчисарая,
 Фонтанъ любви, грузинки мечь,
 Изъ края въ край, не умолкая
 Гласятъ поэту славы вѣсть.
 Одно... Но гдѣ же совершенство?
 Въ луи и солнцѣ пятна есть!

Несправедливъ твой приговоръ;
 Но порицать тебя не смѣемъ:
 Мы гению простить умѣемъ—
 Молчанье выразить укоръ.

Это посланіе было сообщено Пушкину кн. П. А. Вяземскимъ при письмѣ 18 сентября 1828 г.: «вотъ тебѣ посланіе отъ одной Костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здѣсь грѣшно похабичать: эта Готовцова точно милая дѣвица тѣломъ и душою. Сдѣлай милость, батюшка Александръ Сергѣевичъ, потрудишься скомпоновать мадригалецъ въ отвѣтъ, не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ: надобно побаловать женскіи полъ, тѣмъ болѣе что и онъ багуется, а еще тѣмъ болѣе, что весело избаловать молодую дѣвицу. Вотъ и мои къ ней стихи: мы такъ и напечатали бы эту Сузапу между двумя старыми предлюбдѣями». Издававшій «Сѣв. Цвѣты» бар. А. А. Дельвигъ съ своей стороны торопилъ Пушкина, который писалъ ему въ серединѣ ноября: «вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину вмѣсто отвѣта Готовцовой, который не готовъ, я совершенно разучился любезничать», а 26 ноября послалъ ему

«отвѣтъ Готовцовой», чортъ ее побери! Какъ ты находишь *ses petits vers froids et coulants*? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу, или въ похлѣбствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!» Судя по выраженію Пушкина: «недоказанный упрекъ», пѣса была и Пушкину прислана, можетъ-быть, съ пропусками; дѣйствительно, Пушкину пришлось, какъ и намъ, разгадывать смыслъ этого упрека. Намекъ Пушкина на «неучивости противу прекраснаго полу» навелъ В. П. Гаевского («Современникъ» 1834 г., № IX, сентябрь, критика, стр. 25—29) и П. В. Анненкова (см. его изданіе Сочин. П., II, 471—472) на догадку, что Готовцова упрекала Пушкина «за легкое пониманіе имъ женской способности одѣвнвать изыщное, что онъ выразилъ въ своихъ мысляхъ и замѣткахъ, напечатанныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. Впрочемъ, онъ могъ относиться также и къ отрывку изъ Евгенія Онѣгина: «Женщины», напечатанному въ Москов. Вѣстникѣ 1827 г., № XX». Дѣйствительно въ «Отрывкахъ изъ писемъ, мыслей и замѣчаній» («Сѣв. Цвѣты» 1828 г., 209) Пушкинъ писалъ: «Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзій, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ Жуковского, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изыщнаго. Поэзія скользятъ по слуху ихъ, не достигая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модныя романсы, какъ изкажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ рѣзиму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Включенія рѣдки». Въ отрывкѣ изъ «Онѣгина» Пушкинъ, говоря о женщинахъ, удивлялся: «будто требовать возможно отъ мотыльковъ или отъ людей и чувствъ глубокихъ, и страстей!»... Вѣроятно, посланіе Готовцовой и есть то самое таинственное посланіе, которое, по словамъ П. В. Кирѣевскаго (въ одесскомъ альманахѣ «Подарокъ бѣднымъ» на 1834 г., стр. 143), должно было польстить самолюбію и вызвать любопытство Пушкина (см. П. А. Шлякинъ, «Изъ неиздан. бумагъ П-на», 188).

Анна Иван. Готовцова (впослѣдствіи Крылова) родная тетка другой извѣстной поэтессы, Ю. В. Жадовской, печатала свои стихотворенія въ альманахахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Бѣлинскій причислялъ ее къ самымъ крупнымъ женскимъ дарованиямъ этой эпохи. «Когда литература сколько-нибудь установится,—говорилъ великій критикъ (Сочин. изд. Венгерова, VIII, 311),—тогда, чтобы получить въ ней почетное имя, нужно имѣть замѣчательный талантъ. И такъ, мы помнимъ въ пушкинскій періодъ русской литературы только четыре жепскія имени: кнѣгини З. А. Волконской, г-жъ Лисидыной, Готовцовой и Теплової. Въ стихотвореніяхъ трехъ послѣднихъ проглядываетъ чувство... Вяземскій писалъ ей въ томъ самомъ посланіи, о которомъ упоминаетъ въ письмѣ къ Пушкину: «дается рѣдкому поэту быть поэтическомъ лицомъ... но въ васъ, любимица наукъ, съ плодомъ цвѣтъ свѣжій неразлученъ,—съ улыбой вашею созвученъ и стихъ вашъ, сердца чистый звукъ»... («Сѣв. Цв.» 1829 г., 178—

179); служба ей «проводникомъ» въ литературѣ, Вяземскій снабжалъ ее своими совѣтами (см. его Сочин., II, 139—144, «Отрывокъ изъ письма къ А. П. Готовцовой», первонач. въ альм. «Денница» 1830 г.).

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзій упомянулъ мадригалъ его Готовцовой, какъ одно изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всеми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, но волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложеномъ приличіемъ».

547. ЗА NETTU СЕРДЦЕМЪ Я ЛЕТАЮ...

(т. II, стр. 497).

Подлинникъ четверостишія неизвѣстенъ, а существуетъ копія, списанная Анной Ник. Вульфъ (см. «П. и его современники», IV, 37, описаніе майковской коллекціи) и принадлежавшая П. В. Анненкову, который впервые напечаталъ его въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина, т. VII, стр. 92, съ замѣчаніемъ (стр. 93), что оно относится къ той же особѣ, которой посвящено стихотвореніе «Подъѣзжала подъ Ижоры»... Имени ея Анненковъ не указалъ ни здѣсь, ни при «Подъѣзжая подъ Ижоры», которое на самомъ дѣлѣ написано Е. Вельяшевой, не указавъ и даты. Г. Н. Геннади (изд. 1859 г., I, 565) напечаталъ его среди стихотвореній «неизвѣстныхъ годовъ», но нерѣшительно, въ скобкахъ, поставилъ дату: «1826» (вѣроятно, потому, что у Анненкова четверостишіе напечатано между стихами 1826 года). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П., II, изд. 1880 г., стр. 424; 1882 г., стр. 409; 1903 г., стр. 155, также VII, 321 и VIII, 288), а за нимъ П. О. Морозовъ (изд. лит. фонда, II, 42—43) вѣрно указали, что четверостишіе посвящено Аннѣ Ивановнѣ Вульфъ; во второмъ изданіи Морозова («Просвѣд.» II, 78, 439) оно ошибочно отнесено къ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ. У Морозова и Ефремова пѣса отнесена къ 1828 году, хотя можетъ быть отнесена также къ 1829-му.

Netty, которой посвящена пѣска,—Анна Ивановна Вульфъ, впослѣдствіи въ замужествѣ Трувеллеръ, племянница П. А. Осиповой, двоюродная сестра Анны, Алексѣя и Евпр. Вульфъ. Пушкинъ познакомился съ нею, вѣроятно, въ Тригорскомъ въ 1824—1825 г.г. «Знаешь ли, Иванъ? Ессе *fe-mina!*» писалъ онъ о ней своему брату 14 марта 1825 г. Упоминанія о ней встрѣчаются въ письмахъ Пушкина къ П. А. Осиповой 20 февраля и 15 сентября 1821 г. Анна Ивановна постоянно жила въ с. Малишикахъ, Старикаго уѣзда Тверской губерніи, откуда наѣзжала въ Тригорское, и, можетъ быть, одно время даже переписывалась съ Пушкинымъ, который за нею слегка ухаживалъ. На это есть указанія въ письмахъ къ Пушкину влюбленной въ него Анны Николаевны изъ Малишиковъ отъ начала марта и 20 апрѣля 1826 г. «Я была бы довольно вашимъ письмомъ—писала ему Анна Николаевна—если бы не помнила, что вы въ моемъ присутствіи писали такія же и даже еще ильжѣ А. Керпъ и даже Netty... Получивъ мое письмо, вы вскрикиваете: «Ахъ, Господи, что за письмо, какъ будто женское!» и бросае его, чтобы читать глупости Netty»... Между кузинами даже произошла изъ-за

этого размовка. Осенью 1828 г. Пушкинъ былъ въ Малинникахъ, гдѣ напелъ (письмо къ Дельвигу въ ноябрѣ) «очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ» и въ числѣ ихъ, вѣроятно, засталъ и Анну Иванову. Черезъ годъ онъ, «возвращаясь изъ Арзрума въ Петербургъ, своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкой уѣздъ для сбора вѣкторыхъ недоимокъ», какъ писалъ онъ изъ Малинниковъ 16 октября 1829 г. Алексѣю Вульфу: «Netty, вѣжная, томная, истерическая, цотогствѣшая Notty, здѣсь... Вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ»; письмо кончается невинной насмѣшкой надъ нею: «недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить все предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать (какъ памятникъ непорочной моей любви) сосудъ, ею освященный». Получивъ письмо Пушкина, Алексѣй Вульфъ, недовольный вообще Netty, по поводу сообщенныхъ ему поэтомъ извѣстій о «тверскихъ красавицахъ», писалъ Аннѣ Николаевнѣ: «кажется, самое время не имѣетъ власти надъ нимъ, онъ не перемѣнится, вездѣ и всегда одинъ и тотъ же. Возвращеніе нашихъ барышень, вѣроятно, отвлекло его отъ Netty, которой онъ говоритъ вѣжності или относитъ ихъ къ другой, или отъ нечего дѣлать» («П. и его современники», I, 84—86).

Буквы «N и W»—инициалы имени и фамиліи Анны Ивановны; «O»—вѣроятно, А. А. Оленина, а R—означаетъ, можетъ быть, А. О. Россетъ (впоследствии Смирнова), а можетъ быть имѣетъ иное значеніе. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ отношеніе пьесы къ 1829-му году, когда Пушкинъ, по собственному признанію, ухаживалъ за Netty. Вѣроятно, она—одна изъ нѣсколькихъ Аннъ «Донъ-Жуанскаго списка» (см. выше, т. IV, стр. 100).

548. ПОДЪВЗЖАЯ ПОДЪ ИЖОРЫ...

(т. II, стр. 497).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. подъ заглавіемъ: «Къ * * *» и съ помѣтою: «1828. Ижоры», безъ подписи автора, имя котораго, впрочемъ, указано въ оглавленіи, а затѣмъ вошла въ III-ю ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 201—202, безъ заглавія. Стихъ 8-й былъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ», сборникѣ 1832 г., посмертномъ изданіи и изданіи Анненкова нѣблонъ («Я въ губерніи * * *»). Въ изданіяхъ Гейшаді было подставлено недостающее слово, но едва ли вѣрно: «Псковской», и лишь Ефремовъ сталъ печатать: «Тверской», ссылаясь на показаніе А. П. Вульфа (Сочин. II, изд. 1880 г., II, 241). Пушкинъ упоминаетъ о пьесѣ въ письмѣ къ А. П. Вульфу, изъ Малинниковъ, 16 октября 1829 г.: «Пав. Пв. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъвзжая подъ Ижоры,
И взглянуть на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило?».

Этотъ Пав. Пв.—Вульфъ, дядя А. П. Вульфа, братъ перваго мужа П. А. Осиповой, владѣлецъ

с. Павловскаго, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, по соседству съ Малинниками; Пушкинъ бывалъ у него въ Павловскомъ, между прочимъ, въ 1829 и 1833 гг. (Н. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, 198, 285, 286). Пушкинъ принялъ поправку П. П. Вульфа. По помѣтѣ «Ижоры» можно думать, что пьеса написана не въ Тверской губерніи, а по возвращеніи оттуда въ Петербургъ, такъ какъ Ижоры—станція подъ Петербургомъ.

Екат. Вас. Вельяшева, впоследствии въ замужествѣ Жандръ, приходилась племянницей П. П. Вульфу; она была дочь его сестры Нат. Ив., бывшей за старикимъ неправникомъ Вас. Иван. Вельяшевымъ. Съ нею Пушкинъ встрѣчался, гости у Вульфовъ въ Тверской губерніи въ 1828 г. Одна современница, въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи Пушкина здѣсь, рассказываетъ, что видѣла Пушкина въ Старицѣ у Вельяшевыхъ: «замѣтила я, что Пушкинъ съ другимъ молодымъ человекомъ постоянно вертѣлся около Е. В. Вельяшевой. Она была очень милая дѣвушка; особенно чудные у ней были глаза. Какъ говорили послѣ, они старались не оставлять ее наединѣ съ Алексѣемъ Ник. Вульфомъ, который любилъ влюблять въ себя молоденькихъ барышень и мучить ихъ» (В. Колосовъ, «А. С. П.—въ Тверской губерніи въ 1827 (?) году», Тверь, 1888, стр. 10—11). Вѣроятно, ухаживавшій за своею кузинею А. П. Вульфъ принялъ въ созданіи мадригала ея свою долю участія, которая, конечно, была совсѣмъ невелика. Что пьеса посвящена ей, объ этомъ впервые сказалъ Ефремовъ со словъ А. П. Вульфа (ор. с). Анненковъ (см. его изданіе Сочин., II, VII, 93) думалъ, что она относится къ Аннѣ Пв. Вульфъ; это показаніе повторилъ Русскій (Н. В. Гербель) въ берлинскомъ томикѣ «запрещенныхъ стихотвореній» Пушкина, 1861 г., стр. 158. Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ, однако, глухо упоминаетъ о стихахъ, написанныхъ Пушкинымъ Вельяшевой («П. въ Александровскую эпоху», 281). Попадъ черезъ нѣсколько лѣтъ снова въ Тверскую губернію, Пушкинъ успокаивалъ свою жену (исч. 24 августа 1833 г.): «Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ соседствѣ, но я къ ней не побѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу». Она, можетъ быть, одна изъ «Катеринъ» пушкинскаго «Донъ-Жуанскаго списка» (см. т. IV настоящего изд., стр. 95, 98). Увлеченіе это было, конечно, слабое и поверхностное. Тверскія дѣвцы, съ которыми поэтъ «водился платонически», звали его «Вампиромъ», вѣроятно, по извѣстной повѣсти, неправильно приписывавшейся одно время Байрону («Евгеній Онегинъ», 3, XII). По поводу словъ: «Упивался неприятно хмелемъ свѣтской суеты»...—см. выше, примѣч. къ № 526. Свое общеніе забхать «въ ваши мирные края черезъ годъ» Пушкинъ сдержалъ и въ октябрѣ 1829 г. побывалъ въ Малинникахъ, Павловскомъ, Берновѣ.

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи отнесъ это посланіе къ лучшимъ лирическимъ пьесамъ Пушкина. Самъ поэтъ, рассказываетъ Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», изд. 2-е, 310), «принялъ въ восторгъ отъ замѣчанія одной весьма умной его собесѣдницы, что стихъ въ пьесѣ «Подъвзжая подъ Ижоры» какъ будто въ самомъ дѣлѣ идетъ подбоченясь»... Собесѣдница эта—А. О. Россетъ (Смирнова); о томъ же передаетъ Я. П. Половскій (Кое-что объ А. С.

Пушкинъ»—«Космополисъ» 1898 г., № 3, мартъ стр. 201).

549. О, ЭГЕЛЬСТРОМЪ! Я ВОСХИЩЕННЫЙ...

(т. II, стр. 497).

Подлинникъ стихотворенія неизвѣстенъ, и впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ VII, дополнительномъ, томѣ его изданія сочиненій Пушкина, стр. 82—83, по сообщенію известнаго поэта Н. Ѳ. Щербины. «Оно,—говоритъ Анненковъ,—любопытно, какъ шутливая импровизация (?) поэта. Другихъ достоинствъ оно не имѣетъ ни по мысли, ни по стику. Мы относимъ его къ 1818 году, когда по окончаніи лицейскаго курса Пушкинъ отправился въ Михайловское и разбѣжалъ по деревнямъ своихъ знакомыхъ. Въ одной изъ нихъ встрѣтилъ онъ добродушнаго старика, шведа и помѣщика, занимавшагося писаніемъ такихъ стиховъ: «Сказка или маленькій дѣтскій городокъ на лугу, во время уборки сѣна».

И вамъ еще не сказалъ,
Что я сегодня выдалъ.
Моему зрѣнію представлялся городокъ:
Сколько ему въ длину, столько и поперекъ,
То есть порядочный оленій скачокъ.
Въ немъ видѣлъ я предестный молочный ка-
бачокъ,

И всѣ жители въ немъ сосали рожокъ...

и проч. Этотъ Овчинниковъ 20-хъ годовъ вызвалъ шутку Пушкина». У Анненкова пѣса была озглавлена: «Эге... му», а 3-й и 4-й стихи были переданы явно неправильно: «Твои стихи, лишь гениемъ внушены, Блестятъ, какъ солнце въ ясны дни». Въ первомъ изданіи Гениади (I, 577) уже была полностью указана фамилія Эгельстрома, а во второмъ его изданіи (I, 517) 3-й и 4-й стихи были даны въ исправленномъ видѣ (какъ принято въ настоящемъ изданіи). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П. 1880 г., I, 537, II, 424; 1882 г., II, 409) датировалъ пѣсу 1828 годомъ, ссылаясь на свою бесѣду съ А. П. Вульфомъ: «изъ словъ Вульфа мы заключили, что это стихотвореніе надо перенести дѣтъ на 10 впередъ, къ 1828 г.». Такимъ образомъ, отнесеніе пѣсы къ 1828 г. можно признать болѣе или менѣе вѣроятнымъ.

Съ Эгельстромомъ Пушкинъ могъ, дѣйствительно, встрѣтиться въ 1828 г., гостя въ с. Малинникахъ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, у хозяевъ Малинниковъ, Вульфовъ. Эгельстромъ былъ тоже тверской помѣщикъ. «Имѣніе его,—рассказываетъ В. Колосовъ («А. С. Пушкинъ въ Тверской губерніи въ 1827 (?) году», Тверь, 1888, стр. 7—9),—было въ селѣ Пречистой Каменкѣ, Новоторжскаго уѣзда. Онъ былъ родомъ шведъ, плохо говорилъ по-русски, но писалъ, какъ онъ говорилъ, «штыхи» на русскомъ языкѣ. Возлѣ Пречистой Каменки жилъ и другой помѣщикъ, Копыловъ, большой зубоскалъ, потѣшавшійся надъ Эгельстромомъ. Эгельстромъ въ одно изъ пребываній А. С. Пушкина въ Тверской губерніи и явился къ нему въ качествѣ собрата по поэзіи, представивъ на его усмотрѣніе произведенія своей музы. Должно быть, при этомъ онъ жаловался на несносныя обиды завистника «своего, Копылова». Передавая сомнительное извѣ-

стіе, что будто послѣдній стихъ пѣсы «въ первоначальной редакціи» читался: «О, Эгельстромъ, ты дарь глупцовъ!», В. Колосовъ сообщаетъ эпиграмму, написанную этимъ «сыномъ Феба вдохновеннымъ» на своего дворянскаго, котораго онъ застагъ слезывающимъ съ пальца сметану

Охъ, ты, пѣшившій сметана,
Любитель кушать сметана.

А. П. Вульфъ много дѣтъ спустя весело вспоминалъ объ этомъ чудакѣ и рассказывалъ о немъ разные анекдоты (Сочин. II, изд. Ефремова, т. I, 1880 г., стр. 537; т. VIII, 1905 г., стр. 287). О содержаніи и достоинствахъ его стиховъ, помимо приведенныхъ образчиковъ, можно судить по самому посланію Пушкина, явно пародировавшему его манеру таинки выраженія, какъ «коварна ягода», «слезась», «стенаеть», «почто». Блестящій образецъ подобной пародіи—известная «Ода Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову». Шутка Пушкина довольно добродушна. Грозъ «язвой эпиграммъ» русской литературной «сволочи», онъ говорилъ: «Миръ вамъ, смиренные поэты! Миръ вамъ, несчастные глупцы!» (см. ниже, № 664).

550. ЦВѢТОКЪ.

(т. II, стр. 498).

Подлинникъ пѣсы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана въ журналѣ «Галатей», изд. А. Е. Рачка, ч. I, 1829 г., № 2, стр. 88, съ подписью поэта, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 133—134, гдѣ помѣщена среди пѣсы 1828 г.

«Это простодушное стихотвореніе,—говоритъ Д. П. Овсяннико-Куликовскій («Пушкинъ», Спб., 1909, стр. 117—118)—принадлежитъ къ числу драгоценнѣйшихъ лирическихъ откровеній Пушкина... Наши души раскрываются для взаимнаго пониманія лучше всего эмоціямъ вообще и лирическими—въ особенности. И ужъ и чувство слишкомъ часто глуть,—эмоціи, съ ихъ психическимъ механизмомъ, никогда не глуть... Лирическая же эмоція отличается тою особенностью, что въ нихъ всегда есть доля симпатіи, «созвучія съ душевными состояніями другихъ людей. Это сближаетъ ихъ съ эмоціями состраданія, жалости, радости, любви. Вы глубже и гуманнѣе почувствуете, напр., чужое горе, если откликнетесь на него не только эмоціею состраданія, но и лирически. Лиріку чужого горя, чужой печали, радости, счастья и т. д. мы понимаемъ лучше, чѣмъ тѣ же переживанія въ ихъ неприческомъ выраженіи. Стихотвореніе «Цвѣтокъ» обнаруживаетъ удивительную лирическую чуткость Пушкина. Я готовъ назвать эту чуткость лиризма, который у него былъ всегда насторожѣ, всегда въ ожиданіи,—«лирическою любознательностью» и усмотриваю психологическое родство между нею и пылкостью ума Пушкина съ одной стороны и живостью, экспансивностью его натуры—съ другой. Извѣстны широта и разнообразіе его умственныхъ интересовъ, отзывчивость его мысли; извѣстны богатство и тонкость его чувствующей сферы. Но этотъ огромный капиталъ его души не далъ бы тѣхъ вдумательныхъ результатовъ творчества, какіе онъ далъ, если бы обѣ сферы—ума и чувства не

были у него тѣсно связаны психическою скрѣпою лирической эмоціональности. Любое впечатлѣніе, представленіе, любая мысль вызывала у него эмоцію, но эта эмоція сразу превращалась въ лирическую, а поэтому результаты эмоцій—чувство становилось лирическимъ и, какъ таковое, приводило къ глубоко-сочувственному, высоко-гуманному отношенію къ тому, что составляло въ данный моментъ содержаніе возникшей мысли и возбужденнаго чувства. Вотъ засохшій цвѣтокъ въ книгѣ. Кто-нибудь, когда-нибудь положилъ его туда. Кто онъ или кто она? И мысль уже зашевелилась, уже заработала въ этомъ направленіи,—и уже подъ импульсомъ этихъ представленийъ явилась эмоція—сочувственной грусти, и эта эмоція сразу становится лирической, а душа раскрылась для гуманнаго пониманія другой души, для широкихъ человѣческихъ сочувствій».

Пьеса до известной степени раскрываетъ въ ясной и простой схемѣ механизмъ пушкинскаго творчества: засохшій цвѣтокъ произвелъ на поэта впечатлѣніе, и въ умѣ его проходитъ дѣльный рядъ образовъ; содержаніе ихъ подсказывается не только мечтательнымъ и грустнымъ настроеніемъ, которое онъ въ данный моментъ испытывалъ, но и самимъ предметомъ, давшимъ толчокъ вдохновенію. Бѣлинскій причисляетъ «Цвѣтокъ» къ «лучшимъ», задушевейшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 101; ср. изд. 1860 г., VIII, 395). «Значеніе «Цвѣтка» неисчерпывается—объясняетъ П. И. Черняевъ («Критич. статьи и замѣтки о П.—нѣ», Хар., 1900, стр. 377, 383)—«изяществомъ формы, мелодичностью стиха и тѣмъ смѣшаннымъ настроеніемъ, исполненнымъ одновременно и свѣта, и грусти, которое онъ пробуждаетъ въ читателѣ, невольно переживающемъ, хотя, конечно, въ слабой степени, все то, что пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ поэтъ при взглядѣ на забытый въ книгѣ цвѣтокъ. Стихотвореніе Пушкина представляетъ, кромѣ того, серьезный психологическій интересъ. Оно раскрываетъ передъ нами душу поэта въ тѣ минуты, когда она, воспринявъ известное впечатлѣніе, давше толчекъ ея творческой силѣ, начинаетъ создавать образъ за образомъ, оживляя свои воспоминанія, перерабатывая и дополняя ихъ фантазіей и подчиняясь при этомъ закону тѣкъ называемой ассоціаціи идей. Цвѣтокъ, забытый въ книгѣ, можетъ вызвать въ каждомъ тѣ или другія представленія, но у обыкновеннаго смертнаго эти представленія будутъ блѣдны, не отчетливы... У великаго поэта они бываютъ ясны, ярки, сильны, поражаютъ его самого своей мощью и красотой... Пушкинъ называлъ «мечтою странной» образы и картины, промелькнувшіе передъ его духовными очами подъ впечатлѣніемъ забытаго въ книгѣ, засохшаго цвѣтка. Пушкинъ не разъ останавливался въ изумленіи передъ многообразіемъ и мощью своего творческаго дара, ибо не въ силахъ былъ объяснить его. Онъ видѣлъ въ немъ что-то таинственное и неоднократно выражалъ прямо и намеками мистическій взглядъ на свой гений».

Сопоставляя «Цвѣтокъ» и «Вѣтку Палестины» Лермонтова, П. Ф. Сумцовъ («Харьковск. универс. сб. въ память П.—на», Хар., 1900, стр. 321) находитъ, что «случайность сходства между ними немыслима; здѣсь, очевидно, прямое подражаніе Лермонтова, прямое заимствованіе образовъ и выраженій». Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласиться трудно; высокая поэтическая самостоятельность

Лермонтова въ тотъ періодъ, когда была написана «Вѣтка Палестины», и обстоятельства, при которыхъ она создавалась, исключаютъ предположеніе о заимствованіи и допускаютъ только безсознательную реминисценцію. «Цвѣтокъ» положенъ на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ П. Виардо-Гарсія, Ц. А. Кюн, П. А. Римскимъ-Корсаковымъ (Петерб. универс. Пушкин. сборн., 1900 г., стр. 103). Существуетъ пародія на него, «Кнутъ», приписываемая П. С. Тургеневу («Русская потаенная литература», Лондонъ, 1861, стр. 360—361).

551. ЧЕРНЬ

(т. II, стр. 498).

См. особую статью: «Что понималъ Пушкинъ подъ словомъ чернь?»

552. П. В. С*** [СЛЕННИНУ].

(т. II, стр. 499).

Подписникъ пьесы неизвестенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 131, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 125—126, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 г. Въ альманахѣ она озаглавлена «Къ П. В. Сл.», а въ сборникѣ: «П. В. С***». Анненкову (см. его изданіе сочин. П., II, 472) заглавіе пьесы въ «Сѣв. Цвѣтахъ» «помогло угадать въ этихъ буквахъ, если не ошибаемся, имя умнаго и образованнаго книгопродавца Сленина».

Ив. Вас. Сленинъ (1789—14 февраля 1836), книгопродавецъ и издатель, былъ личностью не совсѣмъ заурядная. Онъ—говоритъ В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. III, въ «Современникѣ» 1854 г., т. 43, отд. III, стр. 50—51)—«принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ книгопродавцевъ-издателей, которые заботились не только о своихъ личныхъ выгодахъ, но и о пользѣ литературы. Множество книгъ, журналовъ и альманаховъ издано иждивеніемъ Сленина. «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные Цвѣты», лучшіе изъ русскихъ альманаховъ, также обязаны ему своимъ существованіемъ. Въ позднѣйшее время съ такимъ же безкорыстнымъ усердіемъ дѣйствовалъ только одинъ Смирдинъ». Сленинымъ были изданы «Исторія Государства Россійскаго», басни П. А. Крылова; самъ онъ сочинялъ экспромпты и эпиграммы, которые печатались въ «Благонамбреномъ», «Дамскомъ Журналѣ», «Сѣверной Пчелѣ». Помѣщавшюся на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, лавку его, какъ впоследствии лавку А. Ф. Смирдина, часто посѣщали петербургскіе литераторы. «О, лавка дорогая! Въ нее какъ ни придешь, всегда словесниковъ найдешь», писалъ А. Е. Измайловъ; есть «Посланіе къ И. В. Сленину» графа Д. И. Хвостова. (О Сленинѣ см. «Сѣверн. Пчелу» 1836 г., № 53; «Интерат. Прибавл. къ Русск. Пивалиду» 1836 г., № 21; дитир. ст. В. П. Гаевского; «Материалы для исторіи русской книжной торговли», Спб. 1879; «Остафьевс. Арх.», I, 627—628). Пушкинъ былъ давно уже знакомъ съ нимъ. Сленинъ купилъ значительную часть экземпляровъ перваго изданія «Руслана и Людмилы». Часто исполнялъ разныя комиссіи Пушкина по покупкѣ книгъ; въ 1824 г., предельнавъ объ «Онѣ»

гниѣ», онъ предлагалъ за него Пушкину «сколько хочеть»; въ одномъ письмѣ къ брату (1822 г.) Пушкинъ посылалъ ему поклонъ.

Жалобы на альбомы у Пушкина встрѣчаются не разъ. Суля своему другу «много всякой благодати», онъ пожелалъ ему не имѣть «на совѣсти ни единого альбома отъ красавицъ, отъ друзей» («Долго сихъ листовъ завѣтныхъ»... см. ниже, № 694). Стоитъ поэту влюбиться, «красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегій» («Египетскія почты»). Издѣстною альбомъ великосвѣтской красавицы пугалъ поэта своей холодною и требовательностью, и онъ проклиналъ эти «разрозненные томы изъ библиотки чертей, мученье модныхъ рюмачей... пускай сотретъ васъ Божій громъ! Когда блистательная дама мнѣ своей in-quarto полагаетъ,—и дрожитъ, и злость меня беретъ, и шевелится эпиграмма во глубинѣ моей души,—а мадригалы имъ ниши... Блестящимъ законодательницамъ большого свѣта онъ всегда предпочиталъ типъ увѣдной барышни (впоследствии такъ ибжно очерченной П. П. Огаревымъ); много лѣтъ онъ видѣлъ свою Музу «барышней увѣдной съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкой въ рукахъ»... Въ «Барышнѣ-крестьянкѣ» Пушкинъ чудесно охарактеризовалъ этотъ типъ и показалъ, «что за прелесть эти увѣдныя барышни»; въ нихъ великій писатель серьезно усматривалъ «свою истинную публику». Онъ съ любовной насмѣшливостью описалъ альбомъ увѣдной барышни, измаранный подругами, исписанный злодѣйски-страстными признаніями армейскихъ поэтовъ:—«въ такой альбомъ, мои друзья, признаться, радъ писать и я, увѣренъ будучи душою, что всякій мой усердный вздоръ заслужитъ благосклонный взоръ, и что потомъ съ улыбкой злою не станутъ важно разбирать, остро или ибтъ я могъ соврать» («Евг. Онѣгинъ», 4, XXVIII—XXX). На своемъ вѣку Пушкину все-таки пришлось, и волей, и неволей, написать не одно альбомное посвященіе. Въ его время альбомы водились не только у дамъ, но и у мужчинъ; Онѣгинъ, усталый, blasé, вноситъ извѣстителю и скептическія замѣчанія въ свой солидный альбомъ. Отецъ Пушкина былъ альбомнымъ поэтомъ по призванію и писалъ въ этомъ легковѣсномъ жанрѣ подчасъ очень недурно, остроумно и весело. Отличными образцами тогдашняго альбома служатъ описанные М. И. Семевинымъ («Рус. Вѣстн.», 1869, ноябрь, 65—71) альбомы П. А. Осиповой и членовъ ея семьи; Пушкинъ не разъ былъ вкладчикомъ въ нихъ.

Бѣлинскій упомянулъ посвященіе Сленину стихи, какъ одно изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, не волилъ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ».

553. ЛЮБОпытный.

(т. II, стр. 499).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 32, безъ подписи, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 168, гдѣ помѣщена среди стихотвореній «разныхъ годовъ». Анненковымъ и другими изда-

телями она отнесена къ 1828 г., къ которому относится нѣсколько другихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ томъ же выпускѣ альманаха, но, можетъ быть, написана и раньше. Она представляетъ собою передѣлку и развитіе лицейской эпиграммы Пушкина «Скажи, что новаго...» (см. въ I т. настоящ. изданія, стр. 375, 378 и снимокъ съ автографа на стр. 377). Лицейской эпиграммы Пушкинъ не печаталъ (она появилась лишь въ посмертномъ изданіи его сочиненій), а напечаталъ ея передѣлку. Въ послѣдней пьеса значительно лучше, чѣмъ въ первоначальной редакціи. Пушкинъ развилъ диалогъ, удлинилъ разговорные разспросы назойливаго пріятеля, и эпиграмма стала смѣшнѣе и живѣе. Первые слова и два послѣдніе стиха первоначальной редакціи почти буквально вошли въ распространную. Поэтъ самъ страдалъ «отъ усыпителя глуца, отъ пробудителя нахаала», и, вѣроятно, не разъ ему приходилось выслушивать надобные и бессмысленные вопросы въ родѣ хлестаковского: «ну, что, братъ Пушкинъ?»...

554. СОБРАНИЕ НАСѢКОМЫХЪ.

(т. II, стр. 499).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ альманахѣ «Подснежникъ» 1830 г., стр. 18; въ стихахъ 9 и 10 вмѣсто «черной мурашки» и «мелкой букашки» было—«тощала пивка» и «мелкая козявка». Снохватившись, что пивка вовсе не насѣкомое, Пушкинъ исправилъ пьесу и напечаталъ ее въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., № 43, 30 іюля, стр. 56, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сіе стихотвореніе, напечатанное въ альманахѣ: *Подснежникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ журналы отозвались о немъ, и болѣею частью неблагоклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникъ Европы* и въ *Московский Телеграфъ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа*—полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностью.—Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдеть оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, конимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированными изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.». Затѣмъ пьеса вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 203—204. Относится она къ 1828 г. на основаніи показанія П. А. Ефремова (см. его изданіе сочин. П., 1880 г., II, 427), что въ рукописи, по которой печатался сборникъ 1832 г., Пушкинъ самъ пометилъ ее 1828 годомъ. Появившаяся въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1830 г., ч. 32, «Новый живописецъ общества и литературы», № 8, стр. 135, пародія была озаглавлена: «Эпиграмма» («На голось: Мое собраніе насѣкомыхъ»):

На пивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травокъ и цвѣтотъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ

ВАЛЕРІАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОЛИНЪ.

И рѣзкимъ звукомъ смѣлой зпы
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ Чайльдъ-Гарольдія смѣшная;
Вотъ Донъ-Жуанія молъ;
Вотъ Дидеротія блажная;
Вотъ русской бѣзены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И финскій нашъ чертополохъ,
И макъ Германіи завлодъ,
И древнихъ эллиновъ горохъ.
Все, все рядкомъ въ моцхъ листочкахъ
Разложено, положено,
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

Пародія была подписана «Обезьянникъ»; псевдонимъ заключалъ въ себѣ грубый намекъ на некрасивую наружность Пушкина. Поэтъ вообще не переносилъ личностей, а эта выходка не могла не задѣть его особенно сильно; однажды онъ жаловался: «въ газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣтилъ, хотя она меня глубоко тронула». Въ пародіи «Вѣстника Европы» 1830 г., II, 302, подп.: «А. С.», были беззубо обруганы лучшія произведенія Пушкина, подъ видомъ указанія, что энтомологи велятъ загадочные стихи читать слѣдующимъ образомъ:

Полтава — Божія коровка,
Кавказскій пльщикъ — злой паукъ.
Вотъ Годуновъ — російскій жукъ.
Опѣгинъ — тощая пивка,
Графъ Нулинъ — мелкая козявка.

Пушкинъ не назвалъ ни одного имени, но, конечно, нетрудно было узнать въ Божьей ко-

ровкѣ благочестиваго, степеннаго $\Theta.$ Н. Глику (о немъ см. въ примѣч. къ № 341), въ зломъ паукѣ — сухого по темпераменту, скептически настроеннаго М. Т. Каченовскаго (о немъ см. въ примѣчаніяхъ къ №№ 593—596). Полный списокъ всѣхъ литераторовъ, имена которыхъ могутъ быть здѣсь подставлены, появился въ «Библиографич. Запискахъ» 1838 г., № 11, ст. 345; по 93-й стихъ былъ переданъ: «Вотъ Т—въ, — черная мурашка». По словамъ П. А. Плетнева, «пьявою» былъ названъ М. А. Бестужевъ-Рюминъ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 158). Въ другой разъ, на просьбу Грота сообщить имена, пропущенныя въ «Собраніи насѣкомыхъ», П. А. Плетневъ отвѣтилъ: «Глинка (Фед.) — Божія коровка, Каченовскій — злой паукъ, Свиньинъ — російскій жукъ, Рюминъ (Бестужевъ) издавалъ какой-то журналъ, Борька (Федоровъ, Борисъ) — мелкая букашка» (ор. с., III, 401). Такимъ образомъ, не подлежатъ сомнѣнію только первыя три имени; остается разобраться въ двухъ остальныхъ. Подъ «мелкой козявкой» первой редакціи или «мелкой букашкой» второй — современники предполагали В. Н. Олина. Говоря о «Подсѣжничкѣ», рецензентъ «Свернаго Меркурія», вѣроятно, самъ издатель его, М. А. Бестужевъ-Рюминъ (№ 40, 2 апрѣля, стр. 159—160), остановился на этой эпиграммѣ: «какое въ этомъ Альманахѣ собраніе насѣкомыхъ, принадлежащее знаменитѣйшему нашему поэту, А. Пушкину! Это собраніе насѣкомыхъ открыто было до сего времени для однихъ только знакомыхъ автора, но нынѣ, по благосклонности его къ публикѣ, показывается всѣмъ и каждому...»

Опѣ, прозенные насѣкомы,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ...

т.-е. на эниграммахъ почтеннаго автора: это немножко самолюбиво, но кто же изъ поэтовъ не самолюбивъ?.. Можетъ быть, объ этихъ эниграммахъ теперь никто болѣе не помнитъ, кромѣ автора: по крайней мѣрѣ, ему самому кажется, что вышесказанное **, Божья коровка, ****, злой паукъ, **, Россійскій жукъ, **, тощакъ, шивка и **, мелкая козявка, произзены этими эниграммами и а сквозь. Въ этомъ собраніи примѣчательнѣе всего ****, злой паукъ, который такъ искусно раскинулъ сѣти свои, что изъ нихъ никакъ не могутъ выпутаться и дѣлныя поэмы, не только эниграммы; едва только появится какая-нибудь поворожденная букашечка, какъ онъ ее, бѣдняжечку, дашь-царапъ, и она, какъ ни старается вырваться изъ тяжкаго своего ига, но не по силѣ бѣдняжечкѣ». Здѣсь ясно говорится о Каченовскомъ (его четырехсложное имя обозначено четырьмя звѣздочками), объ его отношеніяхъ къ Пушкину. Неодобрительно отнесся къ эниграммѣ Пушкина В. Н. Олинъ, который въ своей «Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности» (1830 г., № 4, стр. 541) писалъ: «мы никакъ не можемъ одобрить стихотворенія г. Пушкина, подъ названіемъ: «Собраніе насѣкомыхъ». Мы умѣемъ пѣвнаться приятнымъ талантомъ поэта, но не безусловно и не ослабляясь. По мнѣнію нашему, чѣмъ болѣе человекъ имѣетъ дарованій, тѣмъ онъ долженъ быть скромнѣе; ибо скромность, ибкоторымъ образомъ, придаетъ имъ болѣе блеску. Довольствуемся симъ простымъ и умѣреннымъ замѣчаніемъ. Сверхъ сего, любопытствующіе узнать болѣе могутъ прочесть рецензію на «Подсѣбжикъ», напечатанную, съ позволенія сказать, въ 40 № Сѣвернаго Меркурія».

Это испрошеніе у читателей «позволенія» произнести названіе «Сѣв. Меркурія», конечно, задѣло послѣдній, и въ 55-мъ № «Сѣв. Меркурія» (7 мая, стр. 217—218) появилась замѣтка «Нѣчто о Собраніи насѣкомыхъ, эниграммъ А. Пушкина, помѣщенной въ Подсѣбжикѣ»; въ ней было объяснено, что «изд. Мерк. не имѣлъ съ своей стороны никакой особенной причины не одобрить упомянутаго «Собранія насѣкомыхъ», кромѣ того, что онъ, въ отношеніи къ дарованію Пушкина, находитъ это четырнадцатистипіе совершенно ничтожнымъ, не имѣющимъ никакого достоинства, даже и шѣтического. Если бы дѣло шло о какихъ-нибудь другихъ произведеніяхъ словесности, какъ, напр., о поэмѣ: Кальеонъ или о трагедіи: Корсаръ, — въ такомъ случаѣ было бы необходимо просить позволенія у читателя, чтобы предварить его и нечалиннымъ напоминаніемъ о сихъ чадахъ авторскаго воображенія не произвести въ немъ колки отъ смѣха. Кетати о собраніи насѣкомыхъ!.. Нѣкоторые замѣчаютъ, что если въ этомъ четырнадцатистипіи и есть что-нибудь порядочное, справедливое, то развѣ, съ позволенія сказать, одна только мелкая козявка, (Вотъ **, мелкая козявка), ибо ей всего приличнѣе быть въ собраніи насѣкомыхъ!..» Такимъ образомъ, «Сѣв. Меркурій» опредѣленно указываетъ на Олина, издателя «Карманной книжки» и автора «Кальеона» и «Корсара». Когда эниграмма снова появилась въ «Литерат. Газетѣ», «Сѣв. Меркурій» назвалъ на Пушкина и опять указалъ на Олина (№ 97, 13 августа, стр. 75): «сочинитель стихотворенія подъ названіемъ «Собраніе насѣкомыхъ», радующійся, что оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ «Вѣстн. Европы» и въ «Московскомъ Телеграфѣ», сдѣлалъ

въ немъ ибкоторую въ одномъ или двухъ стихахъ перемѣну, повидимому, для того, чтобы имѣть поводъ перенечтати его въ 43-мъ № «Литературной Газеты». «Сіе стихотвореніе,—говорить въ энтузіазмѣ «Литер. Газета», обратило на себя общее вниманіе». О стихотвореніи: «Собраніе насѣкомыхъ» сдѣланы были отзвы въ двухъ или трехъ нашихъ журналахъ, разумѣется, въ проницескомъ родѣ. «Лит. Газета», называя это общимъ вниманіемъ, дѣлаетъ въ семь случаевъ безъ намѣренія привѣтствіе этимъ журналамъ. Такому вниманію, какое обращено на сіе стихотвореніе, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, примѣчательная своею уродивостью и безнравственною дѣлю, обращаетъ на себя вниманіе, но какое?.. По моему мнѣнію, «Лит. Газетѣ» надлежало бы объяснить въ семь случаевъ тѣ обстояательства, по которымъ упомянутое стихотвореніе обращаетъ на себя вниманіе, надлежало бы для того, чтобы люди нескромные, нескрывающіе тайнъ литературныхъ, не внушили ибкоторымъ читателямъ, что это произведеніе не имѣетъ нравственной дѣли. Мнѣ было бы вчужѣ досадно, если бы нашлись такіе, которые не поняли бы истинно похвальной дѣли, съ которою написано и напечатано упомянутое стихотвореніе, и которая приноситъ особенную честь Сочинителю. Могутъ найтись люди, несларенные особенною проницательностію, которые вздумаютъ искать опредѣленнаго смысла въ таинственныхъ звѣздочкахъ, находящихся въ упомянутомъ стихотвореніи,—и что тогда скажетъ издатель «Карманной книжки», Г. Олинъ, извѣстный въ общественной словесности образцовыми своими произведеніями: Кальеонъ и Корсаръ?.. Что скажетъ Г. Олинъ, которому, какъ извѣстно изъ его «Карманной книжки», и прежде почему-то весьма не нравилось упомянутое стихотвореніе?.. Что скажетъ сей многопросвѣщенный мужъ, увидѣвъ, что мелкая козявка прежняго изданія обратилась въ ииѣннѣемъ—въ мелкую букашку?.. Увы!.. Букашка козявки стоитъ!—воскликнетъ онъ въ полномъ смиреніи сердца; и читатели его повторятъ стройнымъ хоромъ: стоитъ! стоитъ!» Имя Ранча подсказано въ упомянутой замѣткѣ «Библиогр. Записокъ», но, можетъ быть, вмѣсто Ранча, дѣйствительно, надо читать: Рюминъ, т.-е. Бестужевъ-Рюминъ, и, можетъ быть, это-то обстоятельство и было причиною озлобленія издателя «Сѣв. Меркурія». Пушкинъ вскорѣ вспомнилъ обо всей этой полемикѣ, разсуждая о литературныхъ правахъ и полемическихъ приемахъ своего времени: «Самъ съ Ышъ есть нынѣ главная пружина нашей литературной полемики... Поэтъ вздумалъ оишати любопытное собраніе букашекъ. Самъ ты букашка, закрчали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съ Ышъ!..» Въ сдѣлующемъ году какой-то А. Б. въ «Сынѣ Отечества» (1831 г., ч. 142, стр. 246; «Пушкинъ и его современники», V, 116—117) тоже откликнулся на тотъ же маперъ:

Да, да, въ стихахъ моихъ знакомыхъ
Собранье мыслей—насѣкомыхъ!

О Свининѣ см. примѣчанія къ сказочкѣ «Маленькій Лжецъ». Сем. Ег. Ранчъ (1792—1855), переводчикъ Аріосто, Тассо, Вергилія, издавалъ альманахъ; въ 1829 г. началъ издавать журналъ «Галатею». Валеріанъ Никол. Олинъ, плодотивій,

но бездарный поэтъ и переводчикъ; см. Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, IV, 513—519, гдѣ даны свѣдѣнія о немъ. Объ М. А. Бестужевѣ-Рюминѣ см. въ прим. къ № 884. Эпиграмма Пушкина грѣшитъ несправедливостью къ Раичу, если имѣеть въ виду дѣйствительно Раича, и незаслуженно задѣла Глинку. «Говорятъ, будто вы на меня сердиты, это не резонъ», писалъ Глинкѣ Пушкинъ (21 ноября 1831 г.), какъ будто извиняясь за свою эпиграмму (см. «П. и его современники», VII, 73—76).

555. Е. Н. У***вой.

(т. II, стр. 500).

Два черновые наброска этого стихотворенія находятся въ тетради московскаго Руминцоваго музея № 2371, л. 12 об. (одинъ изъ нихъ, болѣе отдѣланный и разборчивый, былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 39). Исправленная редакція пьесы находится въ принадлежащемъ А. П. Ганецкому автографѣ, записанномъ на отдѣльномъ листкѣ изъ одного утраченнаго нынѣ альбома Елиз. Н. Ушаковой (снимокъ помѣщенъ въ альбомѣ Пушкинскихъ московск. выставки 1899 г., л. 18). Сличивъ подлинники, Л. П. Майковъ («Пушкинъ», стр. 369—371), несмотря на опредѣленіе самого Пушкина: «строкъ небрежныхъ начертанье», справедливо замѣтилъ, что «эта небольшая пьеса стоила автору значительнаго труда. Первый изъ набросковъ еще совершенно отрывочный; второй тоже сопровождается пометками... Однако, и такую редакцію своихъ стиховъ поэтъ не удовлетворился; дѣйствительно, сравнивая ее съ пьесой въ окончательномъ видѣ, въ какомъ она была отдана Елизаветѣ Николаевнѣ, нельзя не признать, что только послѣ этой послѣдней отдѣлки стихотвореніе получило вполне легкую и изящную форму... Этотъ замѣчательный примѣръ той художественной заботливости, съ которою Пушкинъ отдѣлывалъ свои, даже мимолетныя, вызванныя случайными обстоятельствами произведенія, придаетъ особенную цѣну разсказу Н. С. Киселева (ея сына) о томъ, какъ Пушкинъ передалъ Елизаветѣ Николаевнѣ посвященные ей стихи: «Когда Пушкинъ принесъ ихъ матушкѣ, они были безъ подписи; на вопросъ матушки, зачѣмъ онъ не подписалъ своего имени, онъ отвѣчалъ, какъ будто оскорбленный этимъ требованіемъ: «Такъ вы находите, что подѣ стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь съ этимъ листкомъ: онъ не достоинъ чести быть въ вашемъ альбомѣ». И Пушкинъ уже былъ готовъ уничтожить его; тутъ началась борьба, кончившаяся тѣмъ, что драгоценный листокъ остался въ рукахъ матушки, совершенно измятый и съ оторванными углами. Пушкинъ былъ побѣжденъ и долженъ былъ подписать свое имя подѣ трофеемъ, который матушка еще держала обѣими руками». Дѣйствительно, на этомъ дѣлѣвшемъ понынѣ, взятомъ и оборваннымъ листкѣ стоитъ полная подпись поэта въ томъ видѣ, какъ онъ подписывался на дѣловыхъ бумагахъ, но слѣлана она имъ не тѣми чернилами и не тѣмъ перомъ, которыми написано самое стихотвореніе».

Впервые появилось оно въ журналѣ А. Е. Раича «Галатея» 1829 г., ч. I, № 5, стр. 265, подѣ заглавіемъ: «Въ альбомѣ (Е. Н. У***вой)», а затѣмъ вошло въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 143—144, подѣ заглавіемъ:

Е. Н. У***вой», съ указаніемъ въ оглавленіи: «Въ Альбомѣ» и съ отнесеніемъ къ 1829 году. «Какое Раичъ?... Хорошо напечаталъ онъ твои стихи къ Ушаковой», писалъ Пушкину Вяземскій 23 февраля 1829 г.; дѣйствительно, въ «Галатее» былъ пропущенъ цѣлый стихъ (11-й); въ четвертомъ стихѣ было «модой» вмѣсто «одой», что, впрочемъ, соответствуетъ первоначальной редакціи. Въ настоящемъ изданіи пьеса напечатана по сборнику Пушкина, съ пополненіемъ сокращенія въ послѣднемъ стихѣ, впервые явившимся въ изданіи Анненкова (II, 500). Слѣдуя указанію самого Пушкина, издатели датировали пьесу 1829 годомъ, но П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, 1903 г., стр. 137) перенесъ ее въ 1828 г., объясняя это (т. VIII, 1905 г., стр. 281—282) такъ: «Пушкинъ въ 1829 г. выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву только 9 марта, а въ началѣ мая поѣхалъ отсюда на Кавказъ, между тѣмъ посланіе было напечатано въ № «Галатеи», процензурованномъ 31 января. На оборотной сторонѣ стихотворенія Пушкина было напечатано другое посланіе «Въ альбомъ (Е. Н. У...вой)» А. Башилова, помѣченное «28 октября 1828 г., Москва». Это могла быть случайность, но въ тетради московскаго музея посланіе помѣщено въ непрерываемомъ ряду стихотвореній 1828 г. Изъ Малинниковъ Пушкинъ уѣхалъ въ Москву въ концѣ ноября (?) 1828 г., а въ концѣ декабря возвратился въ Петербургъ. Во время пребыванія въ Москвѣ онъ, вѣроятно, переписалъ съ поправками свое посланіе и самъ принесъ его Е. Н. Ушаковой, а черезъ мѣсяць оно и появилось именно съ этими поправками въ «Галатее» 31 января 1829 г. Если же онъ поправилъ бы и принесъ стихотвореніе въ приѣздъ свой послѣ 9 марта 1829 г., то, конечно, оно не могло бы быть напечатано къ 31 января. То же обстоятельство, что оно отнесено въ изданіи «Стихотвореній» къ 1829 году, не можетъ противорѣчить приведеннымъ соображеніямъ, такъ какъ Пушкинъ не всегда вѣрно распределялъ въ изданіяхъ 1826 и 1829—1835 гг. свои произведенія. Однако, Ефремовъ ошибается. Прибывъ изъ Малинниковъ въ Москву въ началѣ декабря 1828 г., Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ до 16 января 1829 г. (см. мой «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 181, 183); значитъ, онъ могъ — и такъ оно, въ виду его собственнаго хронологическаго показанія, и было — принести въ первой половинѣ января 1829 г. Ушаковой свое стихотвореніе, быть можетъ, дѣйствительно, набросанное еще въ 1828 г., но законченное и отдѣланное именно въ первой половинѣ января 1829 г.

Прежде оно относилось къ Екат. Н. Ушаковой, но послѣ сообщенія Н. С. Киселева (Л. Майковъ, I с.) выяснилось, что оно посвящено ея младшей сестрѣ Елизаветѣ Николаевнѣ. Вѣроятно, ея имя Пушкинъ внесъ въ свой «Дошъ-Жуанскій списокъ» (см. въ IV т. настоящ. изд. стр. 90, 95, 100). Поэту гораздо больше нравилась старшая сестра, но она была внимательнѣе и къ младшей, веселой и очень хорошенькой дѣвушкѣ, которой въ 1828—1829 г.г. было 18—19 лѣтъ (род. 9 сентября 1810 г., ум. 21 сентября 1872 г.). Она берегла удѣлѣвшія до нашихъ дней свой дѣвичій альбомъ, изрисованный Пушкинымъ и сохранившій его «Дошъ-Жуанскій списокъ». Въ немъ есть карикатуры Пушкина на самое обладательницу альбома (см. «Альбомъ Пушкинск. московск. выставки» 1880 г., стр. 122—123, и три снимка съ ея

общій планъ стихотворенія и необыкновенно отчетливо и рельефно передалъ основную его мысль».

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1830 г., № 3, стр. 186, помѣщенъ малороссійскій переводъ пьесы Пушкина, сдѣланный А. Л. Боровиковскимъ. Шотландскую балладу впоследствии снова перевелъ П. И. Вейнбергъ («Русское Богатство» 1896 г., № 9, стр. 210, «Два ворона»). Стихотвореніе Пушкина положено на музыку четырнадцатью композиторами, между прочимъ А. Алябьевымъ, А. Н. Верстовскимъ, А. С. Даргомыжскимъ, А. Г. Рубинштейномъ, П. Віардо-Гарсія, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (Петербургск. универс. Пушк. сборн., 1900 г., стр. 107—108, 123). Нѣкоторое вліяніе пьесы Пушкина видно въ стихотвореніи Лермонтова «Два сокола» (Сочин. Лермонтова, акад. изд., I, 67—68, 363); пятнадцатилѣтній Лермонтовъ варьировалъ эту тему вполне по-своему, мрачно и страстно. Пародія на стихотвореніе Пушкина («Поровъ къ борову летить...») помѣщена въ «Русской потаенной литературѣ», Лнд., 1861 г., стр. 375.

557. ЛИЦИНСКІЙ ОКОЛѢЛЪ...

(т. II, стр. 300).

Въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 99 об., рядомъ съ черновикомъ «Шотландской пѣсни», записаны эти строки. Во второмъ стихѣ первоначально вмѣсто «Князь Сергій» было написано «Потоцкій», но потомъ зачеркнуто, а послѣднее слово восстанавливается по догадкѣ, довольно, впрочемъ, вѣроятной (въ подлинникѣ разбирается только «Го...»). Впервые набросокъ появился въ «Русск. Стар.» 1884 г., июль, 54. Къ 1828 г. (см. также «Сочин. П.», изд. «Просвѣщ.», II, 456) онъ можетъ быть отнесенъ лишь приблизительно, по положенію въ черновой тетради.

558. НЕВѢДОМСКІЙ—ПОЭТЪ, НЕВѢДОМЫЙ НИКѢМЪ...

(т. II, стр. 500).

Автографъ этой эпиграммы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сборникѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета», 1857 г., т. I, стр. 350, сообщ. Л. Н. Майкова, который не указалъ источника, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала входить, начиная съ изданія Г. Н. Геннади, 1859 г., ч. I, 568, гдѣ помѣщена въ числѣ стихотвореній «неизвѣстныхъ годовъ». Въ изданіяхъ П. А. Ефремова, т. I (1880 г., стр. 414; 1882 г., стр. 383; 1903 г., стр. 471) эпиграмма отнесена безъ объясненія основаній къ 1822 году; въ изданіяхъ П. О. Морозова, т. II (литер. фонда, стр. 58; «Просвѣщ.», 91)—къ 1828 году, вѣроятно, потому, что въ 1828 г. вышли въ свѣтъ разомъ три поэмы Невѣдомскаго: «Русскій Орелъ», «Наполеонъ» и «Энеида, комическая поэма», вызвавшія отзывы въ «Московск. Вѣстникѣ» и «Московск. Телеграфѣ» того же года. Согласиться и съ этой датировкой трудно: эпиграмма могла быть написана и позже, и раньше, такъ какъ Невѣдомскій печаталъ свои стихи въ журналахъ, альманахахъ

и отдѣльными изданіями въ теченіе всего литературнаго поприща Пушкина.

Немногочисленные біографическія и бібліографическія свѣдѣнія о Невѣдомскомъ сосредоточены въ замѣткѣ С. А. Венгерова (Соч. Бѣлинскаго, IV, 510—512). «Николай Васильевичъ Невѣдомскій родился»,—сообщаетъ Венгеровъ,—«въ дворянской семьѣ Тверской губ. (кажется, Бѣжецкаго уѣзда), должно быть, около 1780—85 г., если судить по слѣдующей записи въ дневникѣ Жихарева, указывающей, что въ 1807 г. Невѣдомскій уже былъ чиновникомъ: «Чинovníкъ Невѣдомскій, хромой пѣта, надъ которымъ безпрестанно подтрунивали товарищи, называя его пѣтомъ-Вулканомъ, получилъ неожиданно по протекціи мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и содержаніемъ. По этому случаю онъ написалъ басню: «Калѣвка и скороходы» и, напечатавъ ее въ небольшомъ количествѣ экзemplировъ, разослалъ своимъ сослуживцамъ. Эта басня, въ родѣ басенъ графа Хвостова, оканчивается слѣдующимъ правоученіемъ: «Кому помощникъ Богъ, того никто не отсторонитъ, и будь онъ хоть совсѣмъ безъ ногъ, а все другого перегонитъ». При ближайшемъ ознакомленіи съ литературною дѣятельностью Невѣдомскаго оказывается, что поэтъ онъ, дѣйствительно, очень плохой, но въ прозаическихъ статьяхъ своихъ, которыя всѣ посвящены одному и тому же предмету—партизанской войнѣ, несомнѣнно писатель талантливый. Самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій въ области исторіи партизанскихъ войнъ Невѣдомскій, конечно, не производилъ, но заимствованный изъ разныхъ сочиненій матеріалъ не просто компилировалъ, а перерабатывалъ съ большимъ блескомъ и одушевленіемъ. Плетневъ былъ съ нимъ въ большой дружбѣ и очень уже благожелательно относился къ его статьямъ, которыя къ тому же печаталъ въ своемъ «Современникѣ», но все же таки не легко заставилъ такого словесника воскликнуть въ письмѣ къ Гроту: «Всѣ стихи Невѣдомскаго—дрянь. По его отрывки «О партизанскихъ войнахъ разныхъ націй»—чудно-хорошія статьи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять пишетъ Гроту: «Партизанская война—поэзія. Что, если бы Невѣдомскій провѣлъ свой вѣкъ, какъ я, между Жуковскимъ и Пушкинымъ! Какого писателя увидѣла бы въ немъ Европа! Теперь онъ—самоучка, не болѣе». Въ большую публику Плетневскій «Современникъ», гдѣ печатались статьи Невѣдомскаго, не проникалъ, и такъ и остался онъ по настоящее время съ одною репутациею какого-то втораго Тредьяковскаго. Странное сосредоточеніе таланта на однѣхъ только статьяхъ о партизанахъ до извѣстной степени объясняется фактами личной жизни Невѣдомскаго. Въ войнахъ 1812—1813 г.г. онъ служилъ въ гусарахъ вмѣстѣ съ партизаномъ Фигнеромъ, и, когда войска наши находились въ Германіи, былъ друженъ и спалъ въ одной палаткѣ съ знаменитымъ нѣмецкимъ поэтомъ-партизаномъ Кернеромъ. Позднѣе Невѣдомскій вышелъ въ отставку въ 1841 г., выигравъ какой-то процессъ въ 200.000 р.; въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ. Осенью 1846 г. распространился слухъ о его смерти (см. письмо Грота къ Плетневу 8 сентябрѣ 1846 г.) и упорно держался среди его друзей не меньше полугода. Такъ, ужъ въ апрѣлѣ 1847 г. Плетневъ писалъ Жуковскому про Невѣдомскаго: «только нынѣшнюю весною онъ умеръ въ Москвѣ». Слухъ этотъ, однако, оказался невѣрнымъ и въ дѣйствительности Невѣдомскій умеръ въ 1853 г.»

Насмѣшливая шутка Пушкина рисуетъ литературную физиономію Невѣдомскаго односторонне. Приведемъ отзывъ Бѣлинскаго, который, прочитавъ одну статью Невѣдомскаго, писалъ (Сочин., изд. Венгерова, IV, 71): «мало встрѣчается въ русскихъ журналахъ статей, проникнутыхъ такою одушевленностію изложенія, картинностію слога, такимъ присутствіемъ мысли, такою свѣтлостію взгляда и такою живою занимательностію содержанія...»

559. КОГДА СТРОЙНА И СВѢТЛОКА...

(т. II, стр. 500).

Встрѣчался у А. П. Кернъ съ молодымъ потомъ А. П. Подолинскимъ, Пушкинъ интересовался имъ и даже—разсказываетъ не безъ преувеличенія Кернъ (см. сборн. Л. Н. Майкова «Пушкинъ» стр. 253, 254—255)—«многими его стихами восхищался». Особенно нравились ему слѣдующіе (переданные ему не совсѣмъ правильно):

Портретъ.

Когда, стройна и свѣтлока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: Гурія Пророка
Съ небесъ на землю сведена!
Коса и кудри темнорусы,
Нарядъ небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лѣта сочетанье
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И тихій звукъ ея рѣчей
Рождаютъ нѣгу и желанье
Въ груди тоскующей моей.

(«Повѣсти и мелкія стихотворенія А. Подолинскаго», ч. II, Спб., 1837, стр. 118). «Въ дополненіе къ воспоминаніямъ А. П. Кернъ о стихахъ Подолинскаго»—говоритъ авторъ редактированнаго П. А. Ефремовымъ очерка «А. С. Пушкинъ», гл. V («Русс. Стар.», 1880 г., январь, 145)—«прибавимъ изъ собственныхъ его воспоминаній, что стихи: «Когда стройна и свѣтлока», дѣйствительно, нравились Пушкину, и онъ, примѣняя ихъ къ Аннѣ Петровнѣ, пародировалъ однажды...» и т. д. Ни автографа, ни другихъ какихъ-нибудь свидѣтельствъ мы не имѣемъ, но нѣтъ основаній не довѣрять этому показанію современника. Въ собраніи сочиненій Пушкина пародія стала включаться начиная съ изданія 1880 г. (I, 256). Датируется она 1828-мъ годомъ приблизительно, такъ какъ къ нему относится, безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній, шуточные стихи Пушкина, записанные въ альбомѣ Кернъ (см. ниже примѣчанія къ №№ 560—562). Впрочемъ, есть основанія датировать ее 1828-мъ г., такъ какъ 9 февраля 1829 г. дозволенъ цензурою альманахъ «Подсѣжники», въ которомъ появилось впервые стихотвореніе Подолинскаго, которое, замѣтимъ, однако, могло быть извѣстно Пушкину и раньше. Пушкинъ познакомился съ Андр. Ив. Подолинскимъ (1806—1886 гг.), когда вѣхалъ изъ Одессы въ Михайловское, въ началѣ августа 1824 г., на почтовой станціи, въ Черниговѣ; Подолинскій вѣхалъ въ Кіевъ, и Пушкинъ послалъ съ нимъ письмо генералу Н. Н. Раевскому («Русс. Арх.» 1872 г., 862—863). Впослѣдствіи,

опредѣляя «удѣльный вѣсъ» одного молодого поэта словами: «ни капли творчества, а много искусства», Пушкинъ называлъ его «вторымъ томомъ Подолинскаго» (письмо къ П. А. Шлетневу въ первой половинѣ апрѣля 1831 г.); Дельвигъ тоже признавалъ за Подолинскимъ только «легкость писать гладкіе стихи» («Сочин. Дельвига», ред. В. В. Майкова, СПб., 1895, стр. 167). О Пушкинѣ Подолинскій упоминаетъ въ двухъ стихотвореніяхъ: «Перебѣдъ черезъ Яйлу» («Современникъ» 1837 г., VII, и Сочин., изд. 1860 г., I, стр. 105—110) и «Во время войны. Памяти Пушкина и Жуковскаго», 1855 г. (то же изданіе Сочин., стр. 219—220). Въ 1884 г., глубокимъ старикомъ, Подолинскій сообщилъ по памяти первоначальную редакцію пушкинской надписи «Къ портрету Жуковскаго» (см. въ I т. настоящ. изд., примѣч. къ № 168). Одинъ изъ меньшихъ поэтовъ пушкинской плеяды, Подолинскій забытъ, но часто повторяются два стиха его (изъ пьесы «На праздникъ 50-лѣтней годовщины основанія петербургскаго университета», выбитые на юбилейной медали):

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ...

560. ЕСЛИ ВЪ ЖИЗНИ ПОДНЕБЕСНОЙ...

(т. II, стр. 500).

Эта шуточная пьеска и два слѣдующіе за нею наброска, обозначенные тоже №№ 561 и 562, были напечатаны впервые въ «Библиотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, № 3, стр. 126—127, а затѣмъ въ «Русс. Стар.» 1880 г., январь, 142—143, по сообщенію А. П. Кернъ, которая въ своихъ запискахъ разсказываетъ (см. сборникъ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 250): «ему (П—ну) попался подъ руку мой альбомъ, совершенный слѣпокъ съ того удѣльной барышни альбома, который описалъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», и онъ сталъ въ немъ переводить французскіе стихи на русскій языкъ и русскіе на французскій. Въ альбомѣ было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie,
Comme toi, sans doute, il est fait, etc.

Пушкинъ перевелъ: «Если въ жизни поднебесной...» и т. д.

«Подъ какими-то весьма плохими стихами было подписано: «*Écrit dans mon exil.*» Пушкинъ приписалъ: «*Amour, exil!*» и т. д.

«Дмитрій Николаевичъ Барковъ написалъ одни всѣмъ извѣстные стихи не совсѣмъ правильно, и Пушкинъ вмѣсто перевода написалъ слѣдующее: «*Не смѣю вамъ...*» и т. д. Такъ нѣсколько часовъ было проведено среди самыхъ живыхъ шутокъ, и я никогда не забуду его игривой веселости, его дѣтскаго смѣха, которымъ оглашались въ тотъ день мои комнаты».

Соль послѣдней шутки—въ игривомъ намекѣ на знаменитаго поэта-порнографа XVIII вѣка Ив. Баркова, котораго Пушкинъ нарочно смѣшиваетъ съ Д. Н. Барковымъ, переводчикомъ множества театральныя пьесъ (въ томъ числѣ «Же-

вѣтѣбы Фигаро») и членомъ кружка «Зеленой Лампы» (о немъ см. въ «П. и его соврем.», VI, 192—195).

Опредѣленной датировкѣ эти мелочи, относящіяся къ второй половинѣ 20-хъ годовъ, не поддаются. Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ изданій 1880 г. (II, 255—256) и 1882 г. (VII, 266—267), онѣ печатаются подъ 1828 г. безъ достаточныхъ основаній къ тому; рассказъ Кернъ не даетъ никакихъ точныхъ хронологическихъ указаній. Объ отношеніяхъ Пушкина къ А. П. Кернъ см. въ III т. настоящ. изданія статью Б. Л. Модзалевскаго.

561. AMOUR, EXIL...

(т. II, стр. 500).

См. предыдущее примѣчаніе.

562. НЕ СМѢЮ ВАМЪ СТИХИ БАРКОВА...

(т. II, стр. 500).

См. примѣчаніе къ № 560.

563. КОГДА ПОМИЛУЕТЪ НАСЪ БОГЪ...

(т. II, стр. 500).

Впервые появилось это четверостишіе въ «Библиотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, № 3, стр. 127, а затѣмъ въ «Русс. Стар.» 1880 г., январь, 143, по сообщенію Кернъ, которая въ своихъ запискахъ (см. сборникъ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 250—251) рассказываетъ, что Пушкинъ, явившійся къ ней однажды въ очень веселомъ настроеніи духа, засталъ ее за письмомъ къ ея младшей сестрѣ въ Малороссію и приписалъ въ немъ эти строчки. Это было, по всей вѣроятности, въ 1828 году, судя по косвеннымъ даннымъ, сообщаемымъ Кернъ (адресъ Пушкина, ухаживанье за Олениной и проч.). Во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ изданій 1880 г. (II, 256) и 1882 г. (VII, 267), четверостишіе также приурочивается къ 1828 году. Второй стихъ напоминаетъ конецъ пьесы, посвященной Ек. Н. Ушаковой «Въ отдаленіи отъ васъ...» (см. выше, прим. къ № 497): «вы вздохнете ль обо мнѣ, если буду я повѣшенъ?».

564. УВЫ, ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ БОЛТЛИВОЙ...

(т. II, стр. 501).

Это не совсѣмъ отдѣланное черновое стихотвореніе находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 13; впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ «Материалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 337—338, какъ выписка изъ «Альбома Онѣгина», къ которому вовсе не принадлежитъ, не совсѣмъ точно и не полно. Въ болѣе исправной редакціи напечатано оно въ «Русс. Стар.», 1884 г., июль, 39—40; 3-й и 4-й съ конца стихи должны быть по смыслу переставлены одинъ на мѣсто другого. Въ подлинникѣ, сбоку стихотворенія, за-

писана помѣта: «9 мая 1828 г. More Oh (?) Day»; не только эта помѣта, можетъ быть и не служащая точной датой пьесы, но и вообще положеніе стихотворенія среди другихъ набросковъ позволяютъ датировать его приблизительно этимъ временемъ.

Пушкинъ тогда ухаживалъ за А. А. Олениной, и, конечно, это она — «милая дѣва» пьесы; подробности объ отношеніяхъ Пушкина къ ней см. выше, въ примѣч. къ № 529. Эпитетъ «болтливая», который Пушкинъ придаетъ любви, преросходно иллюстрируется замѣчательнымъ по силѣ и красотѣ лиризма эпизодическимъ мѣстомъ въ «Гавриладѣ»: «Поговоримъ о странностяхъ любви...» и т. д. Когда-то (см. набросокъ 1821 г. «Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ...» и прим. къ № 302) Пушкинъ гордился не тѣмъ, что его «коварные напѣвы смирили въ мысляхъ юной дѣвы порывы страха и стыда», и даже не знаменитостью, доставленной ему «бурями души», и «жаждой вопли и гоненьемъ», а «самолюбивыхъ думъ отрадой, мечтаньемъ суетнаго сна». Поэзія была для него выше и славы, и любви, была его высшей гордостью. Теперь, плѣненный любовью, онъ готовъ думать иначе: поэзія до сихъ поръ приносила ему только зло, клеветы, ссылки, лицемерную брань и рѣдко холодное откровеніе, — такъ лучше же ей быть скромной пословицей любви. Эти стихи — задушевное выраженіе завѣтныхъ мыслей и скорбей великаго поэта о тягостяхъ своего призванія; заключающееся въ нихъ показаніе Пушкина полно драгоцѣннаго біографическаго и психологическаго значенія. Жизнь и лира были ему ввѣрены судьбой далеко не даромъ!..

565. ВОЛНЕНЬЕМЪ ЖИЗНИ УТОМЛЕННЫЙ...

(т. II, стр. 501).

Автографъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 16 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 41. Къ 1828 году (см. «Сочин. П.», изд. литератур. фонда, II, 60) его можно отнести по положенію въ рукописи, гдѣ рядомъ съ нимъ записана такая помѣта: «25 июня. [Фанни]. Ниня. Eliza e Claudio». Быть можетъ, данная помѣта относится, впрочемъ, не къ этому наброску, а къ другимъ, находящимся на той же страницѣ, или имѣетъ иное значеніе.

566. РИОМА—ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА...

(т. II, стр. 501).

Первымъ приступомъ къ этому стихотворенію, такъ и оставшемуся незаконченнымъ и неотдѣланнымъ, надо считать небольшой набросокъ, относящійся, судя по положенію среди другихъ черновиновъ, къ 1827 г. и находящійся въ 2368-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 33 об. (см. «Русс. Стар.» 1884, февр., 421—422, и июнь, 541):

[Своенравная царица
Романтическихъ октавъ...
Риома, сладкая пѣвица]...
Своенравная подруга
Гармонической мечты,

Рѣма, мнѣ часы досуга
Оживлять умѣла ты
И стиховъ моихъ вѣнчала
Своевольныя четы...

Съ болѣе полнаго наброска, находящагося въ 2371-й музейной тетради, лл. 25—24 об.—25 об., стихотвореніе было впервые напечатано П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біогра. П.—на», изд. 1855 г., стр. 202—204, при разсказѣ о созданіи «Полтавы»; оно записано среди черновиковъ первой пѣсни «Полтавы», почему и должно быть датировано приблизительно осенью 1828 г. Анненковскій текстъ, не совсѣмъ точный, былъ исправленъ В. Е. Якушкинымъ («Русс Стар.» 1884 г., июль, 44—45).

Извѣстно, что Пушкина всегда интересовали вопросы литературной техники; между прочимъ, онъ занимался наблюденіями надъ рѣмой. Еще на лицейской скамьѣ онъ съ лукавымъ смиреніемъ признавался («Моему Архистарху», 1815 г.): «за рѣмой часто холостой, на зло законамъ сочетанья, бѣгутъ трехстопные толпой на аю, а етъ и на оіі; еще немногія признанья: я ставлю (кто же безъ грѣха?) для мѣры, рѣмы восклицанья»... Онъ обращался къ своей чернильницѣ (1821 г.) съ благодарностью за то, что его перо въ ней находило «к. цды стиховъ и вѣрность выраженья, то звуковъ или словъ нежданное стеченье, то бѣдой шутки соль, то (правды?) слогъ суровой, то странность рѣмы новой, неслышанной дотолѣ»... Изъ этого драгоценнаго въ психологическомъ и автобіографическомъ отношеніи признанія поэта видно, что рѣма бывала для него не только результатомъ мысли, но иной разъ ея источникомъ, и не всегда ему «послушныя слова звонкой рѣмой замыкались» («Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ»), но иногда рѣма управляла ходомъ его мысли. Еще Анненковъ (ibid., 353—355) обратилъ вниманіе, что въ бумагахъ Пушкина попадаются «стихотворенія, обозначенныя единственно рѣмами, которые такимъ образомъ походятъ какъ будто на раму, заготовленную для принятія поэтической мысли. Нужно ли говорить»,—читается объясненіе это явленіе Анненковъ,—«что стихотвореніе у Пушкина не дѣлалось за рѣмы, изготовленные прежде, чтобъ выйти на свѣтъ, какъ это дѣлается у тружениковъ стихотворства, а что рѣмы были у него такія же помѣтки для сбереженія мысли въ дѣлности, какія представляютъ намъ всѣ его программы?... Изъ такихъ безсвязныхъ намековъ, гдѣ только слышатся окончанія стиховъ, создавалъ Пушкинъ картины высокаго пластическаго совершенства». Біографу Пушкина хотѣлось защитить великаго поэта отъ обвиненія въ ремесленности, и онъ наивно истолковалъ эти «концы стиховъ» какъ своего рода мнемоническій приемъ. Однако, справедливо возразилъ В. Е. Якушкинъ («Русс Стар.» 1884 г., февр., 421), «этотъ приемъ Пушкина только по вѣнности сходится съ приемами рѣмо-кропателей; послѣдніе искусственно придумываютъ рѣмы и потомъ стараются подогнать подъ нихъ свои вѣрши; Пушкину незачѣмъ было придумывать себѣ рѣмы: онѣ его не затрудняли... Рѣмы приходили къ нему иногда случайно быстро, быстро, чѣмъ онъ успѣвалъ сложить, записать самые стихи: ему приходилось записывать рѣмы впередъ. Случалось и такъ, что когда стихи доходили до прежде выписанныхъ рѣмъ, послѣднія оказывались лишними,

стихи замыкались другими рѣмами, а первыя, предполагаемыя, оставались тутъ же, съ боку, между стихами, и теперь-то и выдаютъ намъ эту великую тайну гениальнаго творчества». Но и г. Якушкинъ не совсѣмъ правильно объясняетъ «эту великую тайну»: какъ видно изъ признаній самого Пушкина, «новая, неслышанная дотолѣ» рѣма, случилось, сама направляла его мысль. Онъ звалъ рѣму своей «прислужницею» («Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?»..., 1829 г.), но часто она, это «послушное дитя», становилась своенравна, непокорна, переставала слушаться замысловъ художника, и ему самому приходилось повиноваться ей рѣзвымъ прихотямъ и уже не вести ее, а слѣдовать за ея «гордымъ звонкомъ» (см. выше, № 564) куда ей хотѣлось—«въ очарованную даль». Холодный, уравновѣшенный версификаторъ Буало не понималъ этого произвольнаго появленія рѣмы: «la rime est une esclave et ne doit qu'obéir». Пушкинъ зналъ такую рѣму, свою «прислужницу», но зналъ и другую, которая приходила къ нему произвольно: «въ рѣмы запросто со мною живуть,—двѣ придуть сами, третью приведуть» («Домикъ въ Коломнѣ») Иногда онъ «вербовалъ рать изъ мелкой сволочи» языка, объясняя: «миѣ рѣмы пужны» (ibid.), а въ другой разъ пассивно отдавался вольному теченію неожиданной рѣмы, и у него, говоритъ Э. Е. Коршъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи о подложномъ окончаніи «Русалки», «дѣлыя строфы съ рѣмами возникали подъ вліяніемъ предшествующей случайной рѣмы». Своєю творческой дѣятельностью Пушкинъ подтверждаетъ великую истину, вошедшую лишь въ наши дни въ европейское научное сознаніе, что слово не пассивное орудіе мысли, а ея двигатель; что, говоря словами Юго, «les mots sont les passants misterieux de l'âme». Нашъ великій поэтъ присоединился бы къ формулѣ французскаго теоретика Théodore de Banville («Petit traité de poésie française»), объясняющаго происхожденіе рѣмы посредствомъ «illumination spontanée»:—ce n'est ni le bon sens, ni la logique, ni l'érudition, ni la mémoire, qui fournissent ces mots armés d'un si étrange pouvoir: ils ne se présentent qu'en vertu d'un don spécial, qui ne s'acquiert pas». Для Пушкина, въ которомъ объятѣй «быстрымъ холодомъ вдохновенья» поэтъ неизмѣримо преобладалъ надъ разсчитливымъ версификаторомъ, излить душу въ стихахъ потому и значило выразить ее «свободнымъ проявленіемъ», что легкія, ни по чѣмъ дающіяся рѣмы сами бѣжали навстрѣчу мыслямъ («Осень», 1830 г.). Теорія произвольнаго зарожденія рѣмы вполне согласуется съ пушкинской теоріей вдохновенія, считающей поэта преображеннымъ десницей архангела, призываемымъ отъ «дѣтей ничтожныхъ міра—къ свѣдѣнной жертвѣ», «небесъ избранникомъ», повинующимся высшей волѣ. Рѣма дорога ему какъ знакъ помозанія свыше, небеснаго избранія; эту мысль, общую всей романтической школѣ, прекрасно выразилъ Баратынскій («Рѣма»): «среди безжизненнаго сна, средь гробового хлада свѣла своею ласкою поэта ты, рѣма, радуешь одна! Подобно голубю ковчега, одна ему съ родного берега живую вѣтвь приносишь ты, одна съ божественнымъ порывомъ мирнѣшь его твоимъ отзывомъ и признаешь его мечты!»...

«Вы должны любить рѣму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ», писалъ Пушкинъ (14 февр. 1832 г.) П. П.

Дмитріеву,—но самъ онъ, не столько ея хозяйинъ, сколько «любовникъ добродушный», любилъ ее именно за рѣзвыя прихоти, за своеправные капризы. Съ стихотвореніемъ Пушкина Н. О. Сумцовъ («Изсѣдованія о поэзіи П—на»—«Харьковск. универс. сб. въ память П—на», 1900 г., стр. 67) сближаетъ стихи С.-Бева (Жозефа Делорма) о рѣмѣ. Дѣйствительно, помимо общей мысли такое выраженіе какъ: «*sée au léger voltiger, habile, agile coursière, qui mènes le char des vers dans les sirs, par deux sillons de lumière*»,—близко подходит къ словамъ Пушкина: «ты ласкалась, ты манила и отъ міра уведила въ очарованную даль»; Пушкинъ, замѣтимъ, зналъ Сентъ-Бева и въ своей рецензіи на его сочиненія («Литерат. Газета» 1831 г., № 32) сказалъ нѣсколько словъ по поводу у его взглядовъ на французское стихосложеніе, между прочимъ, на рѣму. Теоріей и практикой рѣмы Пушкинъ интересовался всегда. Въ молодости, прочитавъ посланіе кн. П. А. Вяземскаго къ Жуковскому, гдѣ было сказано, что русскій языкъ бѣденъ рѣмами (этотъ вопросъ и послѣ Пушкина и Вяземскаго поднимался не разъ), онъ увидѣлъ въ этомъ «оскорбленіе русскому языку» и писалъ Вяземскому: «какъ хватило въ тебѣ духа сдѣлать такое признаніе?» (Сочин. Вяземскаго, I, стр. XLII), но впоследствии и самъ сталъ думать, что «современемъ мы обратимся къ бѣдному стиху, рѣмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало» («Мысли на дорогѣ»), въ отношеніи рѣмы «мы голы» («Домикъ въ Коломнѣ»). Множество дѣвннхъ наблюдений надъ пушкинской рѣмой сосредоточено въ упомянутомъ изсѣдованіи О. Е. Корша («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева»—«Извѣстія Отд. русс. яз. и словесн. И. Ак. Н.», т. III, 1898 г., кн. 3, и т. IV, 1899 г., кн. 1 и 2).

Мнѣ о рожденіи божественной Рѣмы Пушкинъ впоследствии отдѣлилъ отъ своихъ наблюдений надъ рѣмой и разсказалъ степенными, строгими гекзаметрами и пентаметрами, какъ родилась она отъ Феба и не знающей сна нимфы Эхо, а не Мнемозины, какъ было предположено первоначально («Рѣма», ниже, № 659).

567. ВЪ СТЕПЯХЪ ЗЕЛЕНЫХЪ БУДЖАКА...

(т. II, стр. 502).

Исчерканный черновикъ этотъ, подъ заглавіемъ «Кирджали», находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 19, и впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Стариѣ» 1884 г., июль, 42, а затѣмъ вошелъ въ «Сочин. Пушкина», изд. литерат. фонда, II, 60. По положенію среди другихъ черновиковъ («Полтавы», «Анчара», писемъ къ Вяземскому 1 сентября 1828 г., объясненій по дѣлу о «Гавриладѣ») его можно отнести къ времени съ августа по октябрь 1828 года.

«Полтава», въ эпилогѣ которой упоминается послѣдняя борьба Карла XII «въ странѣ, гдѣ мельничъ рядъ крылатый оградой мирной обступилъ Бендеръ пустынные раскаты»—возродила въ Пушкинѣ воспоминаніе о Бессарабіи. Буджакъ (по-татарски—уголь), часть Бессарабіи, лежащая между Прутомъ и Днѣпромъ, былъ хорошо знакомъ Пушкину. Въ «Цыганахъ» старикъ вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда «правилъ Буджа-

комъ паша съ высокихъ башень Аккермана». Самъ поэтъ два раза путешествовалъ по Буджаку. Въ первый разъ онъ вмѣстѣ съ П. П. Липранди объѣхалъ въ двѣ недѣли почти весь Буджакъ и побывалъ въ Бендерахъ, Каушанахъ, Паланкѣ, Аккерманѣ, Шабо, Татарбунарѣ, Измаилѣ, Болградѣ, Леовѣ. Это было въ декабрѣ 1821 г.; въ Измаилѣ и Болградѣ, гдѣ Пушкинъ останавливался у управляющаго болгарскими колоніями майора Малевицкаго, онъ могъ наблюдать бытъ болгарскихъ колоній («Русс. Арх.», 1866 г., ст. 1270—1284). Вторую побѣдку, всего трехдневную, Пушкинъ совершилъ въ концѣ января 1824 г. Онъ посетилъ тогда сѣверную часть Буджака—Бендеры и Каушаны; въ эту побѣдку Пушкина особенно заинтересовали слѣды пребыванія тамъ Мазеры и Карла XII (*ibid.*, 1459—1465, 1469). Весьма возможно, что бѣжавшіе въ Бессарабію герои «Полтавы» привели Пушкину на память Буджакъ и его побѣдки по этой странѣ, гдѣ онъ могъ наблюдать патриархальный бытъ бѣдныхъ болгаръ, на фонѣ котораго была задумана новая пьеса. Подобный идиллическій оттѣнокъ слышится и въ словахъ стихотворенія 1821 г. «Желаніе» (во II т., № 272),—какъ «бѣдныя простыя татаръ семьи, среди заботъ и съ дружбою взаимной, подъ кровлею живутъ гостепріимной...» Герою пьесы долженъ былъ быть удалой разбойникъ Кирджали, которому Пушкинъ нѣсколько лѣтъ спустя посвятилъ особый очеркъ повѣсти. Внизу черновика можно разобрать женское имя «Радица».

568. БРАДАТЫЙ СТАРОСТА АВДѢЙ...

(т. II, стр. 502).

Черновикъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 90 об. Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 53, а затѣмъ вошелъ въ сочин. П., изд. литератур. фонда, II, 60—61 и въ слѣдующія собранія, гдѣ печатается, по положенію среди другихъ черновиковъ, подъ 1828 годомъ. По словамъ П. А. Ефремова (см. его послѣднее изданіе сочин. П., т. VIII, 1905 г., стр. 300), набросокъ былъ извѣстенъ Анненкову, который тоже относилъ его къ времени созданія «Полтавы» и разсѣдованія о «Гавриладѣ», т. е. къ 1828 г. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно принять эту датировку. Въ настоящемъ изданіи набросокъ воспроизведенъ въ наиболѣе полномъ чтеніи.

Стихотвореніе осталось безъ окончанія, но «староста Авдѣй» не пропалъ безслѣдно: онъ упоминается въ «Исторіи села Горюхина». О замыслѣ Пушкина судить мудрено. Можетъ быть, имѣется въ виду пикантный анекдотъ въ родѣ знаменитаго «*Ver-Vert*» Gresset. Подобный анекдотъ былъ однажды осуществленъ самимъ Пушкинымъ. У дѣломудреннаго, благочестиваго И. Н. Пшова, большого любителя птицъ, въ Кишиневѣ,—разсказываетъ Ф. Ф. Вигель («Русс. Арх.» 1886 г., ст. 1129, «Заниски», VI, 152), жила говорящая сорока; Пушкинъ выучилъ ее ругаться.—и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе. П. П. Липранди («Русс. Арх. 1866 г., ст. 1264—1265) передаетъ, что «не сороку, а попугая, въ стоявшей кѣлѣткѣ на балконѣ, Пушкинъ выучилъ одному брачному молдованскому слову. Я былъ

свидѣтелемъ, какъ въ первый разъ узналъ объ этомъ Иванъ Никитичъ. Въ день Пасхи 1821 г. преосвященный Димитрій (Сулима) былъ у генерала; въ залѣ былъ накрытъ столъ, установленный приличными этому дню блюдами; благословявъ закуску, Димитрій вошелъ въ открытую дверь на балконъ, за нимъ послѣдовалъ Пизовъ и нѣкоторые другіе. Полюбовавшись видомъ, Димитрій пошелъ къ кѣлѣткѣ и что-то произнесъ попугаю а тотъ встрѣтилъ его поманутымъ словомъ, поворотя его и хохоча. Когда Пизовъ проводилъ, преосвященнаго, то, встрѣтивъ меня и другихъ, также удаляющихся, въ числѣ которыхъ былъ и Пушкинъ, Иванъ Никитичъ, съ свойственной ему улыбкой и обыкновеннымъ тихимъ голосомъ своимъ, сказалъ Пушкину: «Какой ты шалунъ! Преосвященный догадался, что это твой урокъ». Тѣмъ все и кончилось». Сохранилось въ одномъ изъ писемъ Пушкина воспоминаніе о «попугаяхъ или сорокахъ пизовскихъ, которыя картавятъ одну имъ натверженную...»; съ ними Пушкинъ сравнивалъ «нашихъ Шлегелей», русскихъ критиковъ (пис. къ П. А. Плетневу, 7 января 1831 г.).

569. [ТЕБЯ ПОЮ] НА ТОМНОЙ ЛИРЬ...

(т. II, стр. 502).

Исчерканный набросокъ этотъ находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 88 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русск. Стариѣ» 1884 г., июль, 52. По положенію въ тетради, гдѣ записаны черновые стихи «Полтавы», его можно отнести къ 1828 г. (см. Сочин. П., изд. «Просвѣщ.», II, 455, гдѣ текстъ переданъ лучше, чѣмъ въ «Русск. Стариѣ»), а можетъ быть онъ написанъ и въ болѣе позднее время (1830—1831 г.г.). Судить объ общемъ замыслѣ его не представляется возможнымъ.

570. ВЪ РЮМКЪ СВѢТЛОЙ ПРЕДО МНОЮ...

(т. II, стр. 502)

Автографъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 97 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русск. Стар.» 1884 г., июль, 54. По положенію среди черновыхъ стиховъ «Полтавы» его можно отнести къ 1828 году (см. «Сочин. Пушкина», изд. «Просвѣщ.», II, 456), а можетъ быть и къ болѣе позднему времени.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1829 ГОДА.

570-а. ПОЛТАВА.

См. въ исторіи текста.

571. ПРИМѢТЫ.

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы находится въ принадлежащей нынѣ Александровскому лицее тетради стихотвореній, приготовленной для цензурованія III-ей части «Стихотвореній Александра Пушкина», вышедшей въ 1832 г. (см. сочин. Пушкина, изд. Ефремова, т. II, 1880 г., стр. 427; т. II, 1882 г., стр. 442; т. VIII, 1905 г., стр. 301). Впервые появилась она въ изданномъ Н. М. Коншинымъ и бар. Е. О. Розеномъ альманахѣ «Подсѣжничекъ» на 1829 г. (дозвол. ценз. 9 февраля 1829 г.), стр. 139, безъ даты, а затѣмъ вошла въ упомянутую III ч. «Стихотвореній», стр. 205—206, гдѣ помѣщена въ отдѣлѣ «Разныхъ годовъ», безъ даты, послѣднею; ей предшествуютъ пять пьесъ 1828 г. (четыре первые въ этомъ отдѣлѣ относятся къ 1822, 1824 и 1827 г.г.). Впервые датировалъ ее 1829 годомъ П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П.—на. II, 496), говоря, что, хотя «изданіе 1832 г. не указало года сочиненія пьесы, по зато тетради Пушкина опредѣляютъ его съ достовѣрностію». Однако, можно думать, что это не такъ, и что стихотвореніе написано раньше, въ 1828 г. Если бы оно было написано въ 1829 г., то никакъ не позднѣе января, такъ какъ альманахъ, въ которомъ оно было напечатано, былъ процензурованъ 9 февраля, а представленъ въ цензуру, конечно, раньше. А. П. Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ («Библиот. для чтенія» 1839 г., т. 154, стр. 127—128; «Пушкинъ», сборн. Л. Н. Майкова, Спб., 1899, стр. 251—252), что Пушкинъ написалъ

это стихотвореніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ іюнѣ—іюлѣ 1825 г. Пушкинъ читалъ «Цыганъ» своимъ тригорскимъ друзьямъ («Пушкинъ» Л. Майкова, стр. 240—243). Черезъ нѣсколько лѣтъ (сейчасъ мы объяснимъ, черезъ сколько именно) Кернъ вспомнила объ этомъ чтеніи какъ разъ въ этотъ самый день, и въ тотъ же день поэтъ прислалъ ей печатный экземпляръ «Цыганъ», съ надписью, а «нѣсколько дней спустя» пріѣхалъ къ Кернъ и при ней «написалъ на какой-то запискѣ» занимающее насъ стихотвореніе. «Писавши эти строки и написавъ ихъ своимъ звучнымъ голосомъ, онъ при стихахъ: «И мѣсяцъ съ лѣвой стороны сопровождалъ меня уныло», замѣтилъ, смѣясь: «Разумѣется, съ лѣвой, потому что ѣхалъ назадъ... Въ это время онъ очень усердно ухаживалъ за одною особой, къ которой были написаны стихи: «Городъ пыльный, городъ бѣдный...» и «Предъ ней, задумавшись, стою...» (т. е. «Ты и вы»). Обѣ эти пьесы написаны въ 1828 г. (см. примѣч. къ №№ 526 и 532), и, значитъ, «это время», когда были написаны «Примѣты»,—1828-й годъ, а такъ какъ онѣ были написаны черезъ нѣсколько дней послѣ того дня, въ который Пушкинъ читалъ, въ 1825 г., въ Тригорскомъ своихъ «Цыганъ», то, стало быть, онѣ должны быть отнесены къ іюню или, вѣрнѣе, іюлю 1828 г. (въ началѣ 1829-го онѣ, какъ мы знаемъ, уже были напечатаны). Поэтъ А. И. Подолинскій, бывавшій тогда у Кернъ, видѣлъ у нея «черновую рукопись стихотворенія... Эти три строфы, написанныя такъ просто и легко, казалось, не стоили поэту ни малѣйшаго труда, а между тѣмъ въ нихъ, сколько я помню, не осталось ни одной строчки безъ поправокъ, а нѣкоторыя слова измѣнены по два раза» («Русск. Стар.» 1884 г., апрѣль, 219). Гдѣ этотъ подлинникъ, неизвѣстно; въ «Подсѣжничекѣ» было въ 1-мъ стихѣ: «Я ѣхалъ къ вамъ. Живые...», а въ 4-мъ: «себя рьялъ мой путь ретивой», но, переиздавая

пѣсу, Пушкинъ, конечно, замѣтилъ, какъ неловко эпитетъ «ретивой» въ примѣненіи къ дорогѣ. Непонятно, на какомъ основаніи отнесъ пѣсу къ А. А. Олениной П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ (II. сс.): «несомнѣнно (sic!) относится къ Олениной», говорилъ Ефремовъ и всюду ставилъ подъ заглавіемъ: «А. А. Олениной», не приводя, однако, никакихъ основаній для этого; въ обѣихъ своихъ изданіяхъ П. О. Морозовъ повторилъ этотъ ненужный подзаголовокъ; того же мнѣнія и Л. И. Подивановъ (см. его изд. сочин. П—на, т. I, изд. 3-ье, стр. 288). П. М. Устиповичъ («А. А. Андро, рожденная Оленина» — «Русск. Стар.» 1890, августъ, 393) категорически включилъ пѣсу въ «оленинскій» циклъ. Нѣтъ никакихъ причинъ не вѣрить богатому подробностями разсказу А. П. Кернъ, подтверждаемому отчасти показаніемъ Подолдинскаго. Правда, сама Кернъ говоритъ, что «Примѣты» были написаны во время увлеченія Пушкина Олениной, и весьма возможно, что, создавая пѣсу, онъ мечталъ въ «душѣ влюбленной» объ Олениной, а съ Кернъ, бывшей тогда уже его наперсницей, только дѣлился своими мыслями о ней. Во всякомъ случаѣ, стихотвореніе написано для Кернъ. Содержаніе его ясно: согласуя свои предчувствія съ народными примѣтами и какъ бы гадая по нимъ о своихъ любовныхъ шансахъ, поэтъ разсказываетъ Кернъ, какъ другу, о своихъ суевѣрныхъ впечатлѣніяхъ. Суевѣріе было одною изъ выдающихся чертъ характера Пушкина. По поводу его словъ о своей Татьянѣ («Евг. Онегинъ», 5, V—VI): «вдругъ увидя милой двурогій ликъ луны на небѣ съ лѣвой стороны, она дрожала и блѣднѣла», кн. П. А. Вяземскій замѣтилъ: «Пушкинъ самъ былъ суевѣренъ» («Русск. Арх.» 1887, III, 578). Однажды онъ писалъ женѣ (14 сент. 1835 г.): «сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны и очень о тебѣ сталъ беспокоиться». Когда заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, онъ «дорого далъ бы, чтобъ его затравить» (пис. къ ней же 14 сент. 1833 г.). Существуетъ преданіе (Анненковъ, «П. въ Александр. эпоху», 311), что встрѣча съ зайцемъ и помошь заставила его отбѣгнуть самовольный отъѣздъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ послѣ 14 декабря 1825 г. («но примѣты примѣтами, а извѣстная осмотрительность играла тутъ тоже немаловажную роль», прибавляетъ Анненковъ). С. А. Соболевскій («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1377—1388, «Таинственныя примѣты въ жизни П—на», см. ibid., 1947, зам. М. П. Погодина) разсказалъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него предсказаніе гадалки Кирхофъ, предостерегшей его отъ бѣлаго коня и бѣлокураго человѣка; см. также «Русск. Стар.» 1870 г., I, 404—405. В. А. Нащокина разсказывала, что Пушкинъ вѣрилъ въ «счастливый фракъ, избѣгалъ бѣлокурыхъ людей, однажды былъ очень испуганъ, когда за ужиномъ Нащокинъ пролилъ на столъ масло» («Нов. Врем.» 1898 г., № 8115). Была у поэта серебряная копеечка-талисманъ (пис. къ Нащокину 8 января 1832 г.); о его кольцахъ, которыми онъ придавалъ таинственное значеніе, см. выше, примѣч. къ № 492. Отъ этого его творчество только выигрывало въ разнообразіи своихъ мотивовъ, и на Пушкинѣ сбылось пожеланіе Гете: «суевѣріе — порозѣ жизни, оттого поэту не мѣшаетъ быть суевѣрнымъ». Плинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза называетъ «Примѣты» въ числѣ лучшихъ ярическихъ стихотвореній Пушкина. Апол. Григорьевъ (Сочин.,

I, 282—283) приводитъ эту пѣсу, какъ доказательство, «какъ поэтъ просто въ анализѣ чувства любви, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ»; хотя Апол. Григорьевъ, не зная исторіи пѣсы, понималъ ее какъ изъясненіе любви той самой особѣ, которую была внушена любовь, но выражаемая пѣсой тонкость и чистоту любовнаго чувства онъ подмѣтилъ вѣрно. Она положена на музыку тремя композиторами («Памяти П—на», петерб. универ. сборн., 1900 г., стр. 114).

572. ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?..

(т. III, стр. 58).

Автографъ пѣсы неизвѣстенъ. Впервые появилась она, подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ» и безъ даты, въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., 6 апрѣля, № 20, стр. 158, а затѣмъ была перепечатана въ сборникѣ стиховъ «Венера», М., 1831 г., стр. 86—87, и вошла, безъ заглавія, перенесеннаго въ оглавленіе книги, въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 39—40, гдѣ помѣщена среди пѣсень 1829 г., третьей отъ конца. Слѣдуя пушкинской датировкѣ, оспаривать которую нѣтъ основаній, всѣ издатели печатали пѣсу подъ 1829 г., и лишь П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, I, 1903 г., стр. 484) помѣтилъ ее: «1823, Одесса» и снабдилъ подзаголовкомъ: «Графъ Собанской», объясняя (т. VIII, 1905 г., стр. 192—193) это такъ: «старинный знакомецъ Пушкина М. А. Максимовичъ въ «Письмахъ о Кіевѣ и Тавридѣ» (Спб., 1871) сообщилъ, что въ 1836 г. онъ посѣтилъ близъ Ягты кн. Анну Сергѣевну Голицыну, писательницу, рожденную Всеволожскую, бывшую за кн. Ив. Александровичемъ, адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. «Подъ ея защиту явилась въ это время (май 1836 г.) изъ Одессы покинутая и обманутая гр. Виттомъ, для него покинувшая своего мужа, графиня Собанская, въ альбомѣ которой видѣлъ я стихи, нѣкогда написанные ей Пушкинымъ: «Что въ имени тебѣ моемъ?...» Гр. Собанскій (?) жилъ въ 1823 г. въ Одессѣ и, по неправильному указанію Зеленецкаго, оказывался даже соперникомъ Пушкина у г-жи Ризницъ». Изъ показаній Максимовича видно только, что онъ видѣлъ въ альбомѣ Собанской стихотвореніе, написанное для нея Пушкинымъ (если оно дѣйствительно было написано для нея, а не только внесено поэтомъ въ ея альбомъ). Изъ всего, что извѣстно объ одесской жизни Пушкина, 1823—1824 г.г., нельзя заключить, что стихотвореніе было написано именно тогда; неизвѣстно даже, былъ ли Пушкинъ лично знакомъ съ нею тогда. Стараясь примирить пушкинскую датировку съ произвольной ефремовской, Б. Л. Модзалевскій («Архивъ Раевскихъ», т. II, стр. 313—314) рѣшилъ: «что касается 1829 года, выставленнаго Пушкинымъ въ изданіи 1832 г., то эта дата можетъ означать время окончательной (?) отдѣлки стихотворенія, первоначальной (?) редакціи котораго, въ альбомѣ Собанской, мы не знаемъ». Однако, въ такомъ ничѣмъ не оправдываемомъ предположеніи нѣтъ никакой надобности, такъ какъ единственнымъ поводомъ къ нему послужила ошибка Ефремова. Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ не разъ встрѣчался съ Собанской въ концѣ двадцатыхъ годовъ и бывалъ у нея въ 1828 г. вѣстѣ съ Мицкевичемъ,

одно время безумно влюбленнымъ въ нее («Русск. Арх.» 1872 г. ст. 1906—1907). Такимъ образомъ, нѣтъ причинъ отвергать пушкинскую дату (см. «Историч. Вѣстн.» 1905 г., июнь, 957; «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 184). Каролина Адамъ Собанская, рожд. граф. Ржевуская (род. около 1794 г., умерла 17 июля 1885 г.), умница и красавица, воспитанная Мицкевичемъ, который называлъ ее дантовскимъ именемъ («Vita Nuova»): «Donna Giovanna», превосходная пианистка, много лѣтъ блистала въ одесскомъ большомъ свѣтѣ времянь Воронцовыхъ и провела бурную и романтическую жизнь; разведшись съ Собанскимъ, была замужемъ за графомъ И. О. Виттомъ, потомъ, съ конца тридцатыхъ годовъ, за Х. Чирковичемъ; потомъ, уже лѣтъ под шестьдесятъ, вышла за французскаго поэта Ж. Лакруа (свѣдѣнія о ней собраны Модзалевскимъ въ «Арх. Раевскихъ», II, 311—314). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П—на, т. II, 1880 г., стр. 427); 1882 г., стр. 412), безъ всякихъ основаній, предположилъ, что разсматриваемая пьеса относится къ Олениной; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ, также П. Устимовичъ («А. А. Андро, рожденная Оленина» — «Русск. Стар.» 1890, августъ, 393) уже категорически относили ее къ Олениной. Этому противорѣчить ничѣмъ неопровержимое показаніе Максимовича, а также сравненіе пьесы съ «узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ», которое, по справедливому мнѣнію Модзалевскаго (I. с.), было бы неумѣстно, если бы поэтъ обращался къ А. А. Олениной, русской; впрочемъ, это сравненіе можетъ быть толкуемо и иначе: поэтъ говоритъ, что имя его будетъ такъ забыто, станетъ такимъ чуждымъ, что альбомный листокъ, гдѣ оно записано, не вызоветъ никакихъ воспоминаній,—и проситъ сохранить его не на бумагѣ, а въ сердцѣ. Грустный тонъ, трогательная задумчивость пьесы не позволяютъ счесть ее обычнымъ мадригаломъ красавицъ, а объ увлеченіи Пушкина, хотя бы мимоходомъ, Каролиной Собанской нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Быть можетъ, дѣйствительно, стихотвореніе, внушенное Пушкину другою женщиною, попало въ альбомъ не какъ выраженіе чувствъ писавшаго къ его хозяйкѣ, а какъ простая альбомная записка на память. Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза упомянулъ его въ числѣ лучшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина. Оно положено на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ А. А. Алябьевымъ, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, А. С. Даргомыжскимъ («Памяти П—на», петерб. универ. сборн., 1900 г., стр. 107).

573. Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ...

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (цензур. дозвол. 20 декабря 1829 г.), стр. 104, безъ даты, а затѣмъ была перепечатана въ альманахѣ «Венера, или собраніе стихотвореній разныхъ авторовъ», ч. III, М., 1831, стр. 64, и вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., съ отнесеніемъ къ 1829 г.; болѣе точное хронологическое опредѣленіе не представляется возможнымъ. По мнѣнію П. В. Анненкова (см. его изданіе сочин. П., II, 497), «можетъ быть, оно написано къ тому же лицу, которое

упоминается въ стихотвореніи: То Dawe, Esqr», т.-е. къ А. А. Олениной (о ней см. въ прим. къ №№ 526, 529, 530, 532, 539 и 564). Догадка Анненкова принята другими издателями—П. А. Ефремовымъ (см. его изд. 1880 г., II, 427; 1882 г., II, 412; т. VIII, 1905 г., 301), Л. И. Поливановымъ (т. I, изд. 3-е, стр. 289), П. О. Морозовымъ (лит. фонда, II, 63; «Просвѣщ.», II, 458); П. М. Устимовичъ также ввѣсь пьесу въ свой излишне щедрый списокъ посвященныхъ Олениной стиховъ («А. А. Андро, рожд. Оленина»—«Русск. Стар.» 1890, авг., 393). Однако, такое предположеніе, не лишенное, правда, нѣкоторой вѣроятности, ничѣмъ положительно не подтверждается. Съ явной выдумкой Л. П. Павлицева, относящаго «со словъ Пушкина» пьесу къ Олениной («Воспоминанія объ А. С. П—нѣ», стр. 168), конечно, считаться нельзя.

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи обратилъ вниманіе на это стихотвореніе, которое выписалъ цѣликомъ, и оцѣнилъ его «трогающую душу гуманность» и «артистическую прелесть», причемъ поставилъ его въ связь съ другою пьесой, 1832 г., «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я...», проникнутой тѣмъ же «изящно-гуманнымъ чувствомъ», заставляющимъ поэта желать любимой дѣвушкѣ «даже счастье того, кто избранъ ей». В. Я. Брюсовъ («Ложные доводы»—«Ежемесячн. Сочиненія» 1901 г., октябрь, 154) истолковалъ пушкинское пожеланіе «дай вамъ Богъ» совершенно оригинально: «Я васъ любилъ такъ, говорить Пушкинъ Олениной, какъ дай-то Богъ, чтобы кто-нибудь другой васъ полюбилъ! Оленина не отвѣтила поэту на его любовь, какъ онъ того желалъ бы, и онъ съ горечью замѣчаетъ ей, что другой разъ она такой любви не повстрѣчается въ жизни. Это упрекъ». Разумѣется, такое толкованіе «словъ» вполне допустимо, но оно противорѣчитъ не только настроенію данной пьесы, свѣтлому и благостному, но и общему гуманному духу пушкинской поэзіи и его обычному отношенію къ любви. «Последній стихъ»—говоритъ Аполовъ Григорьевъ (Сочин., I, 281)—«несравнимъ ни съ чѣмъ; онъ—высокочеловѣчскій. Ибжная мысль, въ немъ являющаяся, еще опредѣленнѣе сказалась въ заключительныхъ стихахъ другаго, одного изъ позднѣйшихъ стихотвореній, въ желаніи любимому существу всего: «все, даже счастье того, кто избранъ ей, кто мной дѣвъ дастъ названіе супруги»... Это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина, да развѣ еще у Мицкевича, и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ. Такое самоотверженіе не есть уступчивость, происходящая отъ холодности чувства»... Это та любовь, о которой Пушкинъ, справедливо опредѣляетъ Н. П. Страховъ («Замѣтки о П—нѣ и другихъ поэтахъ», изд. 2-е, стр. 69—70), говорилъ, «безъ шутивой веселости, безъ грубой чувственности, безъ фальшивой восторженности, какъ о существенномъ дѣлѣ человѣческой жизни... Въ такой любви не теряются между мужчиной и женщиной чисто-человѣчскія отношенія, а, напротивъ, достигаютъ особенно тонкаго и яснаго развитія». Безъ идеальной свободы для Пушкина не было и идеальной любви, и для обѣихъ сторонъ въ этомъ «поединкѣ роковомъ» онъ требовалъ равенства; стремясь къ личному счастью, онъ желалъ его и любимому существу и жить въ любви «горестно и трудно», но съ неизмѣннымъ рыцарскимъ достоинствомъ и благородствомъ. Не таково было отношеніе къ любви творца «Демона», который обѣщалъ унести за могилу зем-

ную знойную страсть: «Ты не должна любить другого, ибѣтъ, не должна,—ты мертвецу святыней слова обручена. Увы! Твой страхъ, твои мольбы—къ чему онѣ?»... («Любовь мертвеца»). Изящное сочетание душевной гармоніи съ гармоніей слова, которымъ блещетъ эта пьеса Пушкина, увлекало многихъ композиторовъ, и она была положена на музыку много разъ; С. К. Буличъ (Петерб. универс. Пушкинс. сборн., 1900 г., стр. 109—111) насчитываетъ 29 музыкальныхъ интерпретацій ея, въ томъ числѣ Алябьева, Варламова, Даргомыжскаго, Кюи.

574. КОГДА ТВОИ МЛАДЫЯ ЛѢТА...

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 13, 2 марта, т. I, стр. 101, съ заглавіемъ: «Къ *», безъ даты, съ подписью имени и фамиліи поэта, а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 22—23, безъ заглавія, съ отнесеніемъ къ 1829 г.; болѣе точное хронологическое опредѣленіе не представляется возможнымъ. П. А. Ефремовъ въ первомъ своемъ изданіи (1880 г., II, 259) произвольно озаглавилъ стихотвореніе: «Къ А. П. К.»; во второмъ (1882 г., II, 234) этихъ инициаловъ ибѣтъ (заглавіе: «Къ ***»), а въ третьемъ (1903 г., т. II, стр. 184) оно носитъ опять произвольное заглавіе, но инициалы уже раскрыты: «Къ А. П. Кернъ»; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ также прямо поставилъ: «Къ А. П. Кернъ». (Литературнаго фонда, II, 64; «Просвѣщ.», II, 97). Между тѣмъ сама Кернъ, какъ видно изъ ея воспоминаній, вовсе не относилась этой пьесы къ себѣ, хотя гордилась вниманіемъ Пушкина и даже простодушно приняла на свой счетъ нѣсколько стиховъ въ 8-й главѣ «Онѣгина». Будь пьеса посвящена дѣйствительно ей, она не преминула бы рассказать объ этомъ съ тою же откровенностію, съ какою повѣдала о своихъ отношеніяхъ къ А. Г. Родзянко, вызвавшихъ игривое посланіе Пушкина къ нему (см. во II т., № 445); притомъ, рассказываетъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочин. Пушкина (т. VIII, 1905 г., стр. 301—302) лично знавшій ее Ефремовъ, «отъ нея ничего новаго о Пушкинѣ нельзя было услышать, кромѣ ужъ напечатаннаго». Такимъ образомъ, ясно, что связывающаяся съ ея именемъ пьесу традиція основывается единственно на догадкѣ Ефремова, который въ 1880 г. поставилъ надъ стихотвореніемъ инициалы Кернъ; изъ всѣхъ женскихъ именъ такъ или иначе входящихъ въ біографію Пушкина, наиболѣе «подходящимъ» къ данному стихотворенію показалось ему имя Кернъ. Догадкѣ Ефремова повезло, и она была принята Морозовымъ, и Л. Н. Майковымъ («Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 223, 257), и Б. Л. Модзалевскимъ (т. III пастуш. изд., стр. 600), и В. Соловьевымъ («Судьба Пушкина», Спб., 1898, стр. 10—11), и Б. В. Никольскимъ («Судь надъ Пушкинымъ», Спб., 1897, стр. 16), а Л. Н. Павлищевъ въ своихъ фантастическихъ «Воспоминаніяхъ» объ А. С. Пушкинѣ (стр. 170), сочинивъ цѣлый рассказъ на эту тему, прямо заявилъ, что Пушкинъ написалъ стихотвореніе подъ вліяніемъ распускавшихся силетень объ А. П. Кернъ.

Что оно посвящено не Кернъ, видно уже изъ самаго содержанія его. Въ немъ говорится о женщинѣ, которую интересуются «свѣтъ» и «шумная молва», которая вращается въ «блестящемъ кругу» и увлекается «безумными забавами», т. е. о женщинѣ высокаго общественнаго положенія и притомъ эксцентричной натурѣ. Ничего подобнаго не могъ сказать Пушкинъ о Кернъ, которая никогда не принадлежала къ высшему кругу, нисколько его не занимала собою, и просто душѣ которой были чужды «безумныя забавы». Обликъ, изображенный Пушкинымъ въ этихъ краткихъ, но рѣзкихъ чертахъ, нисколько не похожъ на Кернъ. Ими рисуется такая оригинальная женская индивидуальность, которую никакъ нельзя не узнать среди женщинъ высшаго круга пушкинской эпохи. Само собою напрашивается имя—А. О. Закревской, «Портретъ» которой Пушкинъ набросалъ въ 1828 г. и которую тогда же на шутку увлеклась (см. выше, примѣч. къ №№ 536, 537, 538). На нее указывалъ и близкій Пушкину человѣкъ, П. А. Шетневъ, который на вопросъ Я. К. Грота, къ кому относится данная пьеса, отвѣтилъ: «помнится, къ женѣ Закревскаго, урожденной графинѣ Толстой» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Шетневымъ», III, 411, 414). Свидѣтельство современника вполнѣ подтверждаетъ и содержаніемъ пьесы, и всѣмъ, что мы знаемъ объ этой «беззаконной кометѣ» среди расплеченныхъ свѣтилъ столичнаго большого свѣта, вакхашкѣ по призванію. Всезычливый поэтъ нашелъ слово сочувствія и для этой жертвы злобной молвы и собственнаго бурнаго темперамента.

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэтовъ на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 101) причислилъ пьесу къ «лучшимъ, задуманнѣйшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина», а въ общемъ обзорѣ пушкинскихъ поэзіи, дважды назвавъ ее въ числѣ его лучшихъ лирическихъ произведеній, упомянулъ о ней какъ объ одномъ изъ слѣдовъ «важнѣйшей думы испытаннаго жизнью и глубоко въ нее всмотрѣвшагося таланта», гдѣ «чувство гуманности доходитъ до какого-то внутренняго просвѣтленія». Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ юношескихъ стихотвореній, «Прелестнѣйш», написанномъ подъ вліяніемъ пьесы Пушкина, также призывалъ приготовить сердце къ забвенью и научиться презирать, однако, даже не пробуя «передъ идолами свѣта гнуть колѣна». Сравнивая стихотвореніе Пушкина съ «Убогой и нарядной» Некрасова, В. А. Яковлевъ («День памяти П—на, 6 июня 1880 г., въ Имп. Новоросс. Univ-тѣ», Од., 1880, стр. 37) говоритъ: «вдумайтесь въ эти стихотворенія, сравните чувства, ими въ васъ возбуждаемая, и скажите, которое изъ нихъ человѣчнѣе. Въ то время, какъ у Некрасова вы встрѣчаете сильное негодованіе, направленное на «нарядную», за которымъ поэтъ забываетъ, что она тоже «несчастія дочь», у Пушкина выражено столько сочувствія несчастію, такъ оно выражено просто и прямо, что дѣйствуетъ и на малоразвитаго человѣка. Мало того; самое чувство поэта является болѣе ибнжимъ, добрымъ, далекимъ отъ всего, что лишаетъ возможности сочувствовать несчастію ближняго, хотя и павшаго правдивно. Разница этого чувства отъ чувства, вызваннаго у Некрасова явленіемъ приблизительно одинаковымъ, объясняется разницею ихъ личнаго характера. Двѣ личности, созерцая одишь и тотъ же фактъ несчастія, могутъ испытывать

разныя впечатлѣнія: одна, напр., вся сама поддается горю и сочувствію жертвъ, другая всецѣло поглощается злобой и негодованіемъ къ причинѣ несчастія. Осуждать ту или другую было бы несправедливо: чувство ихъ произвольно; но мы всегда имѣемъ право сказать, что состраданіе, сочувствіе горю — чувство болѣе человѣчное, чѣмъ негодованіе, какъ бы ни основательна была причина, его возбуждающая». Биографическое объясненіе пьесы не понижаетъ ея нравственнаго смысла.

573. КЪ ВЕЛЬМОЖЬ.

См. въ исторіи текста.

576. НА ХОЛМАХЪ ГРУЗИНЪ ЛЕЖИТЬ НОЧНАЯ МГЛА...

(т. III, стр. 62).

Извѣстны три автографа пьесы. Одинъ, черновой, находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 107 об., съ датой: «15 мая»; («Русс. Стар.», 1884 г. ноябрь, 371; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», Спб., 1903, стр. 7—8); другой, тоже, повидимому, первоначальный набросокъ—въ Берлинской королевской библиотекѣ («Русс. Стар.» 1893 г., январь, 222; Шляпкинъ, *ibid.*); третій—у великаго князя Константина Константиновича (изъ бумагъ Л. Н. Майкова). Впервые пьеса была напечатана подъ заглавіемъ: «Отрывокъ» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 56, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 15, безъ заглавія, отнесеннаго въ оглавленіе книги (стр. 207); пьеса датирована 1829 годомъ. При знакомствѣ съ румянцовскою рукописью дѣлается попятнымъ, почему Пушкинъ называлъ ея окончательную редакцію «Отрывкомъ»: она есть лишь часть задуманной болѣе обширной пьесы. Ей предшествуетъ въ рукописи несомнѣнно съ нею связанное четверостишіе: «И чувствую душа въ сей часть»... (см. ниже, примѣч. къ № 606), а за послѣднимъ (печатнымъ) стихомъ среди нѣсколькихъ исчерканныхъ строкъ можно разобрать отдѣльные стихи (подробно о вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ), переданные И. А. Шляпкинскимъ въ такой транскрипціи:

Прошли забытые

Дни многихъ лѣтъ
Гдѣ вы (знакома) бездѣлныя созданья
Иные далеко, иныхъ ужъ въ мірѣ нѣтъ
(Вновь, я снова) Я твой по... я вновь

тебя люблю
И безъ надеждъ и безъ желаній
(Безъ темной ревности)

Чиста моя любовь
И (тихий жаръ моихъ) нѣжныхъ дѣв-
ственныхъ мечтаній
Со мной одни воспоминанья.

По положенію пьесы въ музейной тетради (не говоря уже о собственной датировкѣ Пушкина) гдѣ рядомъ съ нею находится черновая «Калмычкѣ» съ помѣтой: «22 мая 1829», не при-

ходится сомнѣваться въ правильности ея отпесенія къ 1829 г.; очевидно, первый приступъ къ ней былъ записанъ поэтомъ 15 мая, и тогда онъ, находясь въ Предкавказьѣ, въ Георгіевскѣ, писалъ: «Все тихо—на Кавказъ идетъ ночная мгла, Восходятъ звѣзды надо мною»... а послѣдствіи, уже увидѣвъ Грузію и обрабатывая стихотвореніе, измѣнить начало, введя въ поле зрѣнія холмы Грузіи и Арагу. И. А. Шляпкинъ (*ibid.* и 10) безъ всякихъ основаній предположилъ, что оно могло быть написано въ маѣ 1830 г.; см. В. Е. Якушкинъ, «Новыя изданія текстовъ П—на»—«Русс. Вѣдом.» 1903 г., № 72, и Е. Г. Вейденбаумъ, «П. на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 676—677, 678. Несмотря на то, что окончательной редакціей безъ всякихъ споровъ нужно считать ту, на которой остановился самъ поэтъ, два раза ее напечатавшей, И. А. Шляпкинъ считаетъ окончательной редакцію берлинскаго наброска; ему справедливо возражалъ П. Е. Щеголевъ («Записки о Пушкинѣ»—«Изв. Отд. русс. яз. и сл. И. Акад. Н.», т. VIII, 1903 г., кн. 4, стр. 376—379).

Вопреки давно укоренившемуся мнѣнію, что Пушкинъ обращался въ этомъ стихотвореніи къ оставленной въ Москвѣ П. Н. Гончаровой (см. изд. П. А. Ефремова, 1882 г., II, 412; Л. И. Поливановъ, I, изд. 3-е, 294), П. Е. Щеголевъ основательно указалъ, что находящіяся въ окончательномъ текстѣ и въ музейной рукописи «фразы о возрожденіи прежней любви, связаннаыя съ воспоминаніемъ о прошломъ («я твой по... я вновь тебя люблю»), не могутъ относиться къ П. Н. Гончаровой; въ отношеніяхъ Пушкина къ ней еще не было прошлаго... Но къ кому же тогда можно отнести это стихотвореніе? Вопросъ остается открытымъ»... П. А. Ефремовъ (Сочин. П., т., VIII, 1905 г., стр. 304) предположилъ, что здѣсь поэтъ думалъ объ одной изъ сестеръ Ушаковыхъ; въ отношеніяхъ ихъ къ поэту, однако, было еще менѣе «прошлаго». Е. Г. Вейденбаумъ (I. с.) пытается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, и его попытку нельзя не признать очень удачною. «Мнѣ кажется»—говоритъ онъ,—«что источника надо искать во времени еще болѣе отдаленномъ. Послѣдніе Горячихъ водъ живо напомнило Пушкину 1820 годъ—когда онъ былъ тамъ съ семействомъ Раевскаго. Вотъ что пишетъ онъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Пятигорскомъ въ 1829 г.: «съ грузъ стью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось милліонами звѣздъ; я бхалъ берегомъ. Подумка. Здѣсь, бывало, сживалъ со мною Ал-Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ»... Нарисованная здѣсь картина наступающей ночи повторена почти тѣмъ же словами въ «Отрывкѣ» первой редакціи: «Все тихо—на Кавказъ идетъ ночная мгла; восходятъ звѣзды предо мною». Пушкинъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о 1820 г., съ грустью оставилъ воды. «Отрывокъ» также проникнуть грустнымъ настроеніемъ. Черновые наброски къ этому стихотворенію показываютъ, что воспоминанія поэта относятся къ давнему времени. Такъ въ одномъ изъ нихъ сказано: я снова юнъ и твой. Въ другомъ поэтъ говоритъ о забытыхъ дняхъ, о многихъ годахъ... Надежды, желанія и ревность, когда-то волновавшія поэта, давно оставили его, и въ сердцѣ сохранились только чистая, дѣвственная любовь и свѣт-

лая печаль о прошломъ». Сравнивая эту любовь, безъ надеждъ, желаній, темной ревности, съ другими увлеченіями, предметы которыхъ были далеко (наприм. Воронцова, или уже въ помѣ мнѣ (намекъ на Ризничъ), поэтъ переживаетъ особое, просвѣтленное чувство,—и только въ такіе моменты сознаетъ себя достойнымъ этой любви и скорбить, что его душа «не всегда чиста, печальна и спокойна» (см. ниже, № 606). Такая любовь въ его жизни была только одна,—и е-то, вѣроятно, онъ и обозначилъ въ своемъ «Донъ-Жуанскомъ, спискѣ» таинственными буквами N. N (объ этомъ см. въ IV, настоящ. изд., стр. 93—95, и примѣч. къ №№ 272, 388, 482-а).

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 201) причислялъ отрывокъ къ «лучшимъ, задумчивѣйшимъ созданіямъ лирической музыки Пушкина»; это мѣсто онъ два раза повторилъ въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина. «Это одно изъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина»—говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изд. сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 294):—«оно полно сильнымъ и искреннимъ чувствомъ и тонко выражаетъ одно изъ тѣхъ душевныхъ настроеній, которыя поддаются выраженію только у первоклассныхъ художниковъ. Послѣднее дугище заключаетъ правдивую характеристику поэта, выраженную съ неодолимою простотою». «Во всей Пушкинской поэзіи»,—говоритъ С. А. Адриановъ («Наказуи Бѣлинскаго»—Историч. Вѣстн., 1898 г., май, 543)—«я не знаю ни одной вещи, которая бы такъ ярко и глубоко передавала это всеобъемлющее и всепроникающее чувство органическаго слиянія съ любимымъ существомъ, присутствіе котораго каждую минуточку ощущается душою и даетъ особый, неизъяснимый словами тонъ всѣмъ настроеніямъ и впечатлѣніямъ». Пьеса положена на музыку восемь разъ, между прочимъ П. Віардо-Гарсія и П. А. Римскимъ-Корсаковымъ («Памяти П—на», петерб. университет. сборн., 1900 г., стр. 84—85).

Себя.—«Пощлуй меня».—Не можна, стыдно.—Голосъ ея былъ чрезвычайно приятенъ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины, и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая красавица ударила меня балагаікой по головѣ... Калмыцкая любезность мнѣ надобла, я выбрался изъ кибитки и побѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не доидетъ». При этой забавной встрѣчѣ въ поэтѣ, вспомнишемъ о своихъ скитаніяхъ съ бессарабскими цыганами («за ихъ дѣлными толпами въ пустыняхъ, прадный, я бродилъ, простую пищу ихъ дѣлилъ и засыпалъ предъ ихъ огнями»), проснулся прежній романтикъ, и онъ уже почти готовъ былъ возобновить «бродящія ноцлеи и проказы старины» и «сировожать сіп шатры» («Цыганы», 1830 г.). Сопоставленіе великовѣтской дамы, которая свысока относится къ Шекспиру и восхищается Альфредомъ-де-Виньи, съ простодушной калмычкой—далеко не въ пользу первой. Романъ, о которомъ говорится здѣсь, «Сен-Марсъ или разговоръ при Людовикѣ XII», сохранился въ бібліотекѣ Пушкина въ русскомъ переводѣ 1835 г. («П. и его современники», IX—X, 23). Объ Альфредѣ-де-Виньи Пушкинъ былъ очень невысокаго мнѣнія, находилъ, что «романы А. Vigny хуже романовъ Загоскина, и писалъ о его «недѣльныхъ несообразностяхъ» (Перепишк П—на, академич. изд., II, 389; «О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ Потерянаго Рая»).

Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза назвалъ пьесу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Во 2-мъ стихѣ галлицизмъ: «на зло моихъ затѣй» — en dépit de mes projets (Э. Е. Коршъ, «Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» П—на по записи Д. П. Зуева», Спб., 1898, стр. 68),

577. КАЛМЫЧКЪ.

(т. III, стр. 62).

Черновые наброски пьесы находятся въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, листы 106 об., 107. Впервые она была напечатана, съ помѣтой: «22 мая 1829. Капъ-Кой» (Владикавказъ) въ «Литерат. Газетѣ», 1830 г., т. II, № 38, стр. 11, съ подписью: «Крс» (неполная анаграмма изъ согласныхъ слова «Сверчокъ», стараго арзамаскаго прозвища Пушкина), а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 37—38. 22 мая Пушкинъ былъ, дѣйствительно, во Владикавказѣ, а нѣсколькими днями раньше, по дорогѣ туда, побѣтилъ въ степи калмыцкую кибитку; невѣрно думалъ П. А. Ефремовъ, что «встрѣча была уже на обратномъ пути съ Кавказа» (см. его изд. сочин. П., II, 1880 г., стр. 428; 1882 г., стр. 413). Вотъ что разсказываетъ поэтъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ» (гл. I, редація черновой рукописи): «Все семейство собралось завтракать; котель варился посреди, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурна, шила, куря табакъ. Я съѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?»—***.—«Сколько тебѣ лѣтъ?»—«Десять и восемь.—«Что ты ишьешь?»—«Портка.—«Кому»—

578. НЕ ПЛѢНЯЙСЯ БРАННОЙ СЛАВОЙ..

(т. III, стр. 62).

Подлинникъ пьесы, вѣроятно, принадлежавшій другу поэта П. Н. Раевскому-младшему, находится въ архивѣ семьи Раевскихъ. Онъ озаглавленъ: «Шееръ I. Фаргаты-Беку», подписанъ: «А. П.» и носитъ помѣты: «5 іюля 1829. Лагеръ при Эвфратѣ»; въ немъ есть помарки, и различіями онъ отличается немного отъ печатной редакціи, появившейся въ альманахѣ бар. Е. О. Розена Н. М. Ковшина «Царское Село», 1830 г., стр. 233, подъ заглавіемъ «Изъ Гафиза» и съ упомянутыми помѣтами (перепечат. въ альманахѣ «Роза Граціи», М., 1830, стр. 66), а затѣмъ вошедшей въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 16, безъ заглавія, но съ указаніемъ въ оглавленіи книги: «Изъ Гафиза», и съ помѣтой: «Лагеръ при Евфратѣ». У персидскаго поэта Гафиза (1300—1389 г.г.) нѣтъ такого стихотворенія. Пушкинъ хотѣлъ ссылкой на Гафиза скрыть, что проникнутая восточнымъ духомъ пьеса посвящена живому лицу. По объясненію Е. Г. Вейденбаума («П. на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русск. Арх.» 1905 г., I, 680), «Шееръ»—значитъ по-татарски войско или полкъ. Такъ назывались находившіеся въ отрядѣ Паскевича мусульманскіе конные полки, набранные изъ охотниковъ татар-

скихъ провинцій Закавказья. Первый полкъ состоялъ изъ карабахскихъ всадниковъ. Впрочемъ, одному изъ бековъ, служившихъ въ этомъ полку, и было посвящено стихотвореніе». Говоря по поводу «Римскихъ элегій» Гете объ антологіи, Бѣлинскій (Сочин., изд. Венгерова, VI, 266) называлъ эту пьесу въ числѣ антологическихъ по такимъ признакамъ, какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза упоминаютъ ее среди лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Анненковъ, думая, что она «взята съ арабскаго», однако, намекъ, что она «носитъ характеръ самобытнаго произведенія» («Матеріалы для биогр. П.», изд. 2-е, стр. 304). Восточнымъ колоритомъ и взглядомъ на красоту она роднится съ пьесой 1835 г. «Подражаніе арабскому». У Б. Н. Алмазова (Сочин., II, М., 1891, стр. 179—180) есть растянутая пародія на нее «Юной Сочинительницѣ».

579—580. (НА КАРТИНКИ КЪ «ЕВГЕНЦЮ ОНѢГИНУ»).

(т. III, стр. 63).

Подлинники неизвѣстны. Первая надпись была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» на 1859 г., кн. V, стр. 28, а вторая въ изданномъ Русскимъ (П. В. Гербедемъ) томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, Лейпцигъ, 1861, стр. 49—50. «Оба стихотворенія, говоритъ Гербель (ib., 229—230), написаны Пушкинымъ тотчасъ по полученіи имъ экземпляра «Невскаго Альманаха» на 1829 годъ, издаваемаго Е. Аладинымъ, къ которому, между прочимъ, было приложено шесть весьма плохихъ гравюръ къ напечатаннымъ тамъ же шести отрывкамъ изъ «Евгенія Онѣгина». Первый и третій рисунки (авторъ «Евгенія Онѣгина», бесѣдующій съ Онѣгинымъ на набережной Невы, и Татьяна, запечатывающая письмо къ Онѣгину) особенно поразили поэта, и онъ тотчасъ (?) написалъ къ нимъ помнанные надписи и отослалъ ихъ къ Аладину». Рассказъ этотъ отчасти не совпадаетъ съ другимъ, вполне заслуживающимъ довѣрія, рассказомъ М. И. Пушкина, доставленнымъ въ 1857 г. П. В. Анненкову графомъ Л. Н. Толстымъ (сборн. Л. Н. Майкова «П-нъ», Спб., 1899, стр. 394): «въ память нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ со мною на водахъ, Пушкинъ написалъ стихи на виньеткахъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ бывшемъ у меня «Невскомъ Альманакѣ». Альманакъ этотъ не сохранился, но сохранились въ памяти нѣкоторые стихи, карандашемъ имъ написанные. Вотъ опи...» Здѣсь слѣдуетъ первая надпись. «Другая надпись, которую могу припомнить, была слѣлана къ виньеткѣ, представляющей Татьяну въ рубашкѣ, спущенной съ одного плеча, читающей (?) записку при лунѣ (?), свѣтящей въ раскрытое окно, и состояла изъ двѣнадцати стиховъ, изъ которыхъ первыхъ четырехъ не могу припомнить». Такъ какъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Пушкинъ былъ въ августѣ и сентябрѣ 1829 г., то надписи можно датировать сентяремъ; впрочемъ, можетъ быть, дѣйствительно, онѣ написаны въ началѣ 1829 г., а въ сентябрѣ Пушкинъ записалъ ихъ на пушкинскомъ экземплярѣ. Въ настоящемъ изданіи изъ вто-

рой выпущены стихи 6-й и 8-й. 23 февраля 1829 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: «Какова твоя Татьяна пьяная въ Невскомъ Альманакѣ съ <.....> на выкатѣ и съ <.....>, который сквозить изъ подъ рубашки? Если выдашь Аладина (хотя на блинный недѣль), скажи ему, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой Невскій Альманакъ въ Пензу: мнѣ хочется вводить имъ въ краску нашихъ Пензенскихъ барышень. Въ Москвѣ твоя Татьяна всѣхъ пугала». Эпиграмма на эту Татьяну и другая надпись были, вѣроятно, извѣстны многимъ еще до «Полярной Звѣзды» и сборника Гербеля; о нихъ упоминалъ Бѣлинскій въ рецензіи на «Невскій Альманакъ» 1846 г. («Отечеств. Записки» 1846 г.; Сочин. Б., ч. X, М., 1860, стр. 391), говоря, что этотъ альманакъ «особенно отличился въ 1828 (?) году, представивъ такіа суздальскія изображенія изъ «Евгенія Онѣгина», надъ которыми и тогда всѣ смѣлились отъ души, а Пушкинъ даже написалъ на нихъ стихи, которые, по ихъ неудобству къ печати, не были напечатаны... По всему видно, что Пушкинъ остался очень благодаренъ «Невскому Альманаку» за его картинку изъ «Онѣгина» и въ особенности за изображеніе Татьяны въ видѣ жирной коровицы, страдающей спазмами въ желудкѣ». Набросокъ первой картинкѣ былъ слѣланъ самимъ Пушкинымъ (Библиографическія Записки, 1858 г., № 1, стр. 2).

581. ШАСТЛИВЪ ТЫ ВЪ ПРЕЛЕСТНЫХЪ ДУРАХЪ...

(т. III, стр. 64).

Автографъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 14 об. Впервые она была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (цензури. дозвол. 20 декабря 1829 г.) подъ заглавіемъ: «Къ N.N.» и съ подписью: «А. П.», и подъ тѣмъ же заглавіемъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 31. По словамъ П. В. Анненкова (см. его изданіе сочин. П., II, 500), она написана «во время пребыванія Пушкина на Кавказскихъ водахъ въ 1829 году». Источника своего показанія Анненковъ не сообщилъ, но оно подтверждается положеніемъ пьесы въ тетради. На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Пушкинъ былъ въ августѣ—сентябрѣ 1829 г. (см. «Труды и дни П-на», изд. 2-е, 194—196). Исправляемъ опечатку въ пятомъ стихѣ настоящаго изданія («на» вмѣсто «да»).

Кому написано это прелестное посвященіе, неизвѣстно. По словамъ В. И. Шенрока («Письма П. В. Гоголя», I, 215), пріятель Гоголя А. С. Данилевскій зналъ, къ кому обращался Пушкинъ въ этихъ стихахъ, но во время свиданія съ Шенрокомъ не могъ припомнить имени. Упоминаемый въ пьесѣ St-Priest упоминаютъ и въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (8, XXVI). Графъ Эммануилъ Карловичъ Сень-При, старшій сынъ французскаго эмигранта, гр. Карла Францовича, подольскаго (потомъ херсонскаго) губернатора во времена герцога де-Ришелье, отъ брака съ княжной Софьей Адексѣвной Голицыной, родившійся и воспитывавшійся въ Россіи, по разсказу кн. П. А. Вяземскаго (Сочин., VIII, 314—316), «добылъ себѣ мѣсто въ пансіи общественной гѣтописи по своимъ остроумнымъ карикатурамъ... Въ одномъ изъ городовъ Итали

ради какого-то почного беспорядка сдѣлано было полиціею распоряженіе, чтобы позднѣе извѣстнаго часа никто не выходилъ на улицу иначе, какъ съ зажженнымъ фонаремъ. Находившійся тогда въ томъ городѣ нашъ молодой Сень-При, отличный каррикатуристъ, котораго карандашъ воспѣтъ Пушкинымъ въ «Онѣгинѣ», расписалъ свой фонарь забавными, но схожими изображеніями городскихъ властей. Само собою разумѣется, что онъ съ фонаремъ своимъ прогуливался по всѣмъ улицамъ, наиболѣе люднымъ. Этотъ молодой человекъ, веселый и затѣливый проказникъ, вскорѣ затѣмъ, въ той же Италіи, застрѣлилъ себя неизвестно по какой причинѣ... (См. о немъ также «Записки А. О. Смирновой», ч. II, Спб., 1897, стр. 60; «Русс. Арх.» 1903 г., III, 124; Отчетъ И. Публ. Библіот. за 1895 г., прилож., стр. 99).—Объ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ (1751—1828), авторѣ популярныхъ пѣсенъ «Виду я на рѣчку»... «Охъ, тошно мнѣ»... Пушкинъ, давалъ низкую оцѣнку И. И. Дмитріеву, писалъ Вяземскому въ 1823 году: «по мнѣ Дмитріевъ ниже Нелединскаго» (Переписка П., академик. изд., I, 83). Пушкинъ еще въ лицѣ былъ знакомъ съ Нелединскимъ и по его порученію исполнилъ оффиціальныя заказъ—написалъ оду «Къ принцу Оранскому» (см. т. I наст. изд., № 85).

582. ПОЭТЪ-ИГРОКЪ, О БЕВЕРЛЕЙ ГОРАЦІИ.

(т. III, стр. 64).

Черновой автографъ эпиграммы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 90. Впервые она была напечатана П. В. Анненковымъ въ дополнителномъ, VII томѣ его изданія сочиненій П-на, стр. 100—101, съ замѣчаніемъ, что она «принадлежитъ къ 1829 г., и къ кавказской жизни поэта», вслѣдствіе чего Ефремовъ и Морозовъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ снабдили ее сомнительной помѣтой: «На Кавказскихъ водахъ». Сомнительна и анненковская датировка: подлинный автографъ находится въ рукописи, содержащей не только кавказскіе стихи и критическіе наброски 1829 г., но и произведенія другихъ годовъ,—и предыдущаго, и позднѣйшихъ, расположенныя безъ опредѣленнаго порядка. Есть основанія относить эпиграмму не къ 1829 г., а къ 1828-му и смотрѣть на нее какъ на отвѣтъ И. Е. Великопольскому, съ которымъ въ 1828 г. у Пушкина было столкновение на почвѣ карточной игры (объ этомъ см. въ примѣч. къ №№ 475 и 524). Великопольскій смѣялся надъ Пушкинымъ, напоминая ему, «какъ, смѣпяя былые рубрики въ кисѣ, глава «Онѣгина» вторая съѣзжала скромно на тузѣ», и, вѣроятно, отвѣтомъ на этотъ упрекъ и было напоминаніе Пушкина порту-неудачнику, что его стихи вовсе не копируются ни на зеленую полѣ, ни на литературной биржѣ. Но еще до поѣздки Пушкина на Кавказъ противники помирились, и Пушкинъ оставилъ безъ отдѣлки и распространенія свою эпиграмму, которую поэтому съ большею вѣроятностью можно датировать 1828 годомъ; въ рукописи ей пѣсокскими страницами предшествуютъ стихи изъ посланія къ Вельяшевой, 1828 г. «Гораціемъ» Великопольскаго Пушкинъ называетъ какъ лирическаго и сатирическаго поэта, автора «Сатиры на игрокова», а Беверлеемъ—какъ игрока. Это имя носилъ главный герой мѣщанской трагедіи Сорена (Saurin) «Беве-

лей», переведенной съ французскаго извѣстнымъ актеромъ И. Дмятровскимъ (изданія 1773 и 1787 г.г.) и очень популярной (см. М. Н. Лонгиновъ, «Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ», Спб., 1873, стр. 29, 36; П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», Спб. 1861, стр. 125). Эпиграмма на Великопольскаго—одно изъ многихъ свидѣтельствъ о томъ, какъ былъ самолюбивъ Пушкинъ. Онъ, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Сочин. I, 159), «въ жизни обыкновенной, ежедневной, въ сношеніяхъ житейскихъ былъ непомѣрно добросердеченъ и простосердеченъ. Но умомъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, бывалъ онъ злопамятенъ, не только въ отношеніи къ недоброжелателямъ, но и къ постороннимъ и даже къ пріятелямъ своимъ. Онъ, такъ сказать, строго держалъ въ памяти своей бухгалтерскую книгу, въ которую вносилъ онъ имена должниковъ своихъ и долги, которые считалъ за ними. Въ помощь памяти своей, онъ даже существенно и матеріально записывалъ имена этихъ должниковъ на доскуткахъ бумаги, которые я самъ выдавалъ у него. Это его тѣшило. Рано или поздно иногда совершенно случайно, взыскивалъ онъ долгъ, и взыскивалъ съ лихвою. Въ сочиненіяхъ его найдешь много слѣдовъ и свидѣтельствъ подобныхъ взысканій. Царапины, нанесенныя ему съ умысломъ или безъ умысла, не скоро заживали у него!» «При всемъ добросердечіи своемъ онъ былъ довольно злопамятенъ, и не столько по врожденному свойству и увлеченію, сколько по расчету; онъ, такъ сказать, вмѣнялъ себѣ въ обязанность, поставилъ себѣ за правило помнить зло и не отпускать должникамъ своимъ. Кто былъ въ долгу у него, или кого почиталъ онъ, что въ долгу, тотъ, рано или поздно, расплачивался съ нимъ, волею или неволею»... (ib. 323—324).

583. НАПРАСНО ВИДИШЬ ТУТЪ ОШИБКУ.

См. въ исторіи текста.

584. ДЕЛИБАШЪ.

(т. III, стр. 64).

Пьеса извѣстна въ двухъ автографахъ. Одинъ, съ собственноручнымъ рисункомъ поэта, находится въ саратовскомъ Радищевскомъ музеѣ («Указатель Радищевскаго музея въ Саратовѣ», Саратов., 1886, стр. 97; «П. и его современники, II, стр. VI); другой—въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, перебѣленный, съ поправками и помѣтами: «Сыганъ-лу» и «7 сент.» («П. и его совр.—ки», IV, 11—12). Обѣ помѣты, мѣстная (Сыганъ-лу—горная дѣль близъ Карса) и хронологическая, не совпадаютъ одна съ другой. Въ лагерной стоянкѣ на вершинѣ Согандугскаго хребта Пушкинъ находился 14—18 июня 1829 г. и здѣсь принималъ (14 июня) участіе въ перестрѣлкѣ съ турецкими наѣздниками (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-е, стр. 190), а 7 сентября онъ былъ на минеральныхъ водахъ (ibid., 195—196). Въ описаніи академической рукописи указывается, что на оборотѣ «Делибаша» перебѣлена другая пьеса «Аквилонъ», 1824 г., съ припиской: «Болд. 7 сент.», а въ Болдинѣ Пушкинъ дѣйствительно былъ 7 сентября 1830 г. (см. «Труды и дни П—на», 219); «такимъ

образомъ, заключающъ составитель описанія, надо думать, что «Делибашъ», вмѣстѣ съ «Аквилономъ», получилъ окончательную отдѣлку въ сентябрѣ 1830 г. Впервые пѣса появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» въ 1832 г., «Поэзіи», стр. 58, безъ даты, а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 13—14, съ отношеніемъ къ 1829 г. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П—на», изд. 2-е, стр. 213) категорически отнесъ пѣсу къ 7 сентября 1829 г.

Приходится рѣшить, что пѣса создана въ 1829 г., но что помѣта «Сыганъ-ду» намекаетъ на событія, съ которыми она связана, и не обозначаетъ мѣста ея написанія, которое послѣдовало позднѣе; въ 1830 же году, именно 7 сентября, въ Болдинѣ, занимаюсь пересмотромъ своего поэтическаго багажа, Пушкинъ исправилъ ее для печати.

О впечатлѣніяхъ, подъ влияніемъ которыхъ возникла пѣса, Пушкинъ разсказалъ въ третьей главѣ «Путешествія въ Арзрумъ», описывая перестрѣлку 14 іюня на высотахъ Сыганъ-ду: «Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали мы ружейные выстрѣлы... Я побѣхалъ съ Семичевымъ посматрѣвъ новую для меня картину... Пробѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ турковъ. Казаки отступали медленно; турки набѣжали съ большою дерзостію, прицѣлывались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чапмы, красивые доломаны и блестящіи уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ»... 19 іюня Пушкинъ видѣлъ, какъ «показались делибашъ и закружились въ долину, перестрѣливаясь съ нашими казаками». 26 іюня въ Паскевича стрѣляли «турецкіе наѣзники, дѣлывая день кружившіеся передъ нашими пикетами» (гл. IV). Пушкинъ могъ вволю наблюдать этой отборной, самой храброй частью непріятельскихъ войскъ. Делибашъ — по-русски сумасшедшій, сорви-голова. Лава — построеніе казачьей сотни для атаки въ одну шеренгу, выгнутую дугою. Гоголь восторгался этимъ, дѣйствительно («картиннымъ» стихотвореніемъ (Шисьма Гоголя, I, 200). «Живость изображенія, при художественной простотѣ всей картины», — говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 295—296) — «жѣткость выраженій и движеніе стиха дѣлаютъ его однимъ изъ оригинальнѣйшихъ произведеній Пушкина». Оно положено на музыку тремя композиторами («Памяти Пушкина. Петербургск. университет. сборн. 1900 г., стр. 73, 117).

585. КАВКАЗЪ.

(т. III, стр. 64).

Автографъ пѣссы, бывшій нѣкогда въ рукахъ И. В. Анненкова (см. его изданіе сочиненій Пушкина, I, 220), а потомъ перешедшій отъ П. П. Анненкова къ Л. Н. Майкову, нынѣ принадлежитъ В. П. Сайтову. Онъ носитъ помѣту: «20 сент.»; подробно описанъ мною въ «Вѣсахъ», 1908 г., № 3, мартъ, стр. 57—60, гдѣ приведены варианты, а также отброшенное потомъ продолженіе пѣссы:

Такъ буйную вольность Законы тѣснятъ,
Такъ дикое племя подъ Властью тоскуетъ,
Такъ пылѣ безмолвный Кавказъ негодуетъ,
Такъ чуждыя силы его тяготятъ...

Впервые «Кавказъ» былъ напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» 1831 г., № 1, 1 января, стр. 4, а затѣмъ вошелъ въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 7—8, съ отнесеніемъ къ циклу пѣссы 1829 г., навѣянныхъ кавказскимъ путешествіемъ. Пѣкоторое вліяніе на это стихотвореніе оказала ода Державина «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи» (Сочин., акад. изд., II, 20—22, 25), гдѣ, между прочимъ, есть такая строфа:

О юный вожь! сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ лѣсъ,
Ревуть въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
Падуть, лежавши дѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрять въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ...

Л. И. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, изд. 3-е, стр. 297) анализируетъ пѣссу; «поэтъ представляетъ себя на той «вольной высотѣ», къ которой стремился мечтою. Картина, съ замѣчательнымъ искусствомъ собранная всѣ черты кавказской природы, служить для поэтическаго выраженія того спокойнаго настроенія, которое овладѣло поэтомъ на этой высотѣ. Съ его положенія и начинается стихотвореніе (ст. 1 и 2). Онъ — въ одиночествѣ, высоко надъ природою и людьми. Отсюда бросаетъ онъ взоръ внизъ и, постепенно опуская его, видитъ 5 ступеней горной страны. 1-я ступень характеризуется предметами грозными (потоки, обвалы, тучи, водопады). Эти предметы теперь ближе всего къ поэту, но все же ниже его. Между ними нѣтъ человѣка. Единственное живое существо, имѣющее доступъ сюда — величавый орелъ (который паритъ наравнѣ съ нимъ). Поэтому открыта здѣсь тайна рожденія потоковъ и обваловъ (а люди тамъ внизу привыкли считать ихъ столь грозными невѣдомыми силами). Тучи (не менѣе грозныя для нихъ) поэту здѣсь кажутся смиренными. 2-я и 3-я ступени. Голые утесы («утесовъ нагія громады») и полоса низшей растительности («мохъ тощій», «кустарникъ сухой»). Постепенно опуская взоръ, поэтъ долго не находить той страны, гдѣ привыкъ себя видѣть окруженнымъ красотою. Онъ ищетъ ее и замѣчаетъ, какъ далеко оставилъ ее подъ собою; ихъ раздѣляетъ эта полоса заустѣнія. 4-я ступень. Картина, уже полная жизни. Природа здѣсь изображена привлекательными красками, доставляющею радость животнымъ («птицы щебечуть», «скачутъ олени»). 5-я ступень. Наконецъ поэтъ видитъ человѣка. Человѣкъ, представленный въ картинѣ, не менѣе привлекательной («веселыя долины», «значныя стремнины», «тѣнистые берега Арагвы»), изображенъ здѣсь далеко не въ такомъ полномъ наслажденіи природою, какъ птицы и олени на предыдущей ступени. Въ его жизни наслажденіе смѣшано съ опасностію («нищій наѣзникъ таится въ ущельи»). Стихотвореніе заключается изображеніемъ Терка. Поэтъ олицетворяетъ его. И въ этомъ олицетвореніи сказалось болѣе всего личное настроеніе поэта. Онъ сопоставляетъ безслѣдную борьбу заключеннаго въ желѣзную клітку, хотя и сильнаго, звѣря (строфа 4) съ собою, поставленнымъ внѣ волюки зависимости отъ какихъ-

либо земныхъ силъ: такова связь начала съ концомъ стихотворенія». Какъ почти всѣ пушкинскія описанія природы, и это хранитъ обычную черту пушкинскаго созерцанія: центръ природы, ея вѣнецъ—человѣкъ, торжествующій надъ «смирненными» тучами, достигшій высоты ординаго полета. Другой поэтъ, Ив. Бунинъ («На горахъ»), чувствуя себя на такой же высотѣ («земля—подножіе мое»), сознается, что «бездны страхъ—онъ не исчезъ, опъ набѣгаетъ издалика»... Ничего подобнаго Пушкинъ не испытываетъ: его созерцаніе свѣтло и радостно. Въ «Кавказѣ» онъ описалъ тотъ самый «мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи», о которомъ разсказываетъ въ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»: «воздухъ юга вдругъ начинается повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога... Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвой, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Въсто голыхъ утесовъ я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодотворныя деревья». Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислялъ «Кавказъ» къ самымъ лучшимъ лирическимъ стихотвореніямъ Пушкина. А. А. Потебня указываетъ на эту пьесу, какъ на образецъ вполне выдержанной гармоніи въ расположеніи частей описанія, въ зависимости отъ строго опредѣленной точки зрѣнія («Вопросы теории и психологии творчества», т. II, вып. 2, Спб., 1910, стр. 13), и отнеслъ ее къ такимъ произведеніямъ, которыя «могутъ быть понимаемы такъ или иначе, смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мгновенному настроенію» («Изъ записокъ по теории словесности», Хар., 1905, стр. 72). Дѣйствительно, смыслъ пьесы можетъ быть расширенъ: въ ней содержится не только описаніе кавказской природы, но также (въ послѣдней строфѣ) аллегорическое изображеніе борьбы Кавказа съ сѣверными завоевателями. На это особенно ясно указываетъ попытка продолжить пьесу, начинающаяся сравненіемъ бушующаго Терека съ непокорными племенами Кавказа. «Черкесы насъ ненавидятъ» — писалъ Пушкинъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. I). «Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, дѣвья племена уничтожены... Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства?...

586. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

(т. III, стр. 65).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г., «Порція», стр. 47—48, а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 12, гдѣ помѣщена среди стихотвореній 1829 г. Въ альманахѣ она вовсе не датирована; П. В. Анпенковъ («Матеріалы для біогра. II—на», изд. 1855 г., стр. 220) указалъ, что она написана 20 сентября.

Возвращаясь въ первыя числа августа 1829 г. изъ Закавказья на сѣверъ, поэтъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. V) «утромъ, пробѣгая мимо Казбека, увидѣлъ чудное зрѣлище: бѣлыя оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками». Что Пушкинъ при этомъ чувствовалъ, о томъ онъ разсказалъ въ стихотвореніи.

Гоголь («Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи, и въ чемъ ея особенность.»—Сочин., изд. 10-е, IV, 181), отмѣчая въ Пушкинѣ отсутствіе «отвлеченной идеальности» Жуковскаго и «презвобилія сладострастной роскоши Батюшкова», говоритъ, что въ немъ «все уравновѣшено, жгато, сосредоточено, какъ въ русскомъ человѣкѣ, который немногослаголивъ на передачу ощущенія, но хранитъ и совокупляетъ его долго въ себѣ, такъ что отъ этого одновременнаго носенія оно имѣетъ уже силу взрыва, если выступитъ наружу... Поэта поразило видѣ Казбека, одной изъ высочайшихъ Кавказскихъ горъ, на вершкѣ которой увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рвущимъ въ небесахъ ковчегомъ. У другого поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти (?) строкахъ, и стихотвореніе оканчивается онъ симъ внезапнымъ обращеніемъ: «Далекій, возжеланный брегъ!»... и т. д. Именно одно это могъ бы сказать русскій человѣкъ въ то время, какъ и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ пустились бы на подробный отчетъ ощущеній. Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, и такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности того и другого».

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ Пушкинской поэзіи упомянулъ пьесу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Холодная прелесть аскетизма была чужда, но понятна Пушкину. Были въ его жизни минуты, когда ему хотѣлось уйти отъ людей куда-нибудь «въ заоблачную келью, въ сосѣдство Бога», но когда, приближаясь къ закату, «усталый рабъ, замыслилъ онъ побѣгъ» отъ всего, что его угнетало,—то его манила «обитель дальная трудовъ и чистыхъ дѣгъ», «сельской нѣги и домашней тишины»; онъ помнилъ долгъ семьянина и гражданина. Однако, всеобъемлющій, всепостигающій, онъ понималъ иное, высшее призваніе и, вслѣдъ за поэтомъ-пуританиномъ, разсказалъ про борьбу «Странника», который, колеблясь между слабой личной волей и задумчивымъ голосомъ, бѣжалъ отъ семьи, отъ всей сложности вѣшней, обманчивой жизни, «дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста, спасенья узкій путь и тѣсныя врата». Лермонтовъ тоже мечталъ (акад. изд., № 127): «въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу, туда долетѣть лишь степному орлу... О, если бѣ взойти удалось мнѣ туда, какъ я бы молился и плакалъ тогда»... Пьеса положена на музыку С. И. Танѣвымъ.

587. ДОНЪ

(т. III, стр. 66)

Черновой автографъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 101 (см. «Русск. Стар.», 1884 г., ноябрь, 358);

о представляемыхъ имъ разочтеніяхъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Впервые она была напечатана въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Ивалиду», 1831 г., № 83, стр. 655, съ поимѣной 1829 г., а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 17—18. «По смыслу второй строфы»—говоритъ Анпенковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 497)—«можно заключить, что пьеса написана авторомъ уже на возвратномъ пути изъ Арзрума» стихъ ея, говоритъ онъ же («Матеріалы для біогр. П.», изд. 2-е, стр. 214), «исполненъ блеска и радости». Пьеса положена на музыку Брянскимъ («Памяти П.—на. Петербургск. университет. сборн.», 1900 г., стр. 74). Арпачай раздѣлялъ тогда русскую и турецкую Арменію. «Вотъ и Арпачай! сказали мнѣ казакъ» (вторая глава «Путешествія въ Арзрумъ»). «Арпачай! наша граница!... Я поскокалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное»... Объ отношеніи Пушкина къ казакамъ см. ниже, примѣч. къ №№ 608, 609.

588. ОЛЕГОВЪ ЦИТЪ.

(т. III, стр. 66).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (ценз. довол. 20 декабря 1829 г.) съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи, безъ даты, и затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 19—20, гдѣ помѣщена подъ 1829 годомъ. Ее можно датировать сентябремъ—декабремъ 1829 г., такъ какъ въ августѣ графъ П. П. Дибичъ занялъ Адрианополь, и русская армія уже была близъ Константинополя, а 2 сентября ст. ст. въ Адрианополѣ былъ заключенъ миръ. П. А. Ефремовъ (Соч. П., т. VIII, 1905 г., стр. 305) безъ всякихъ основаній считаетъ пьесу написанной въ Болдинѣ. П. В. Анпенковъ находитъ ее «чудной патристической пѣснью Пушкина, довершившей вдохновенную передачу впечатлѣній славной войны, гремѣвшей вокругъ него» въ 1829 г. («Матер. для біогр. П.—на», изд. 2-е, стр. 214). По мнѣнію П. Н. Черняева («Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Хар., 1900, стр. 339—364), стихотвореніе, «если вдуматься въ него, насквозь пропитано сарказмомъ, чувствомъ горечи и удивленіемъ. Въ немъ отчетливо звучитъ упрекъ по адресу графа Дибича за то, что онъ убоился призраковъ и не увѣличалъ надлежащимъ образомъ славы и подвиговъ русскаго оружія. «Почему онъ не занялъ Константинополя и не продиктовалъ Портѣ условій мира на берегахъ Босфора? Почему онъ упустилъ случай поразить воображеніе Востока и всего мусульманскаго міра въ желательномъ для Россіи направленіи и показать султану Махмуду II на дѣлѣ, что дальнѣйшее существованіе Оттоманской имперіи всецѣло зависитъ отъ Россіи? Чего ради онъ привелъ русскія войска чуть не къ стѣнамъ Константинополя и затѣмъ возвратился вспять?.. Ужъ не пригрѣзилось ли ему, что Олегъ всталъ изъ могилы и не позволяетъ русской арміи войти въ ворота Царьграда?» Вотъ къ чему сводится смыслъ ироническаго сопоставленія того символическаго акта, въ которомъ проявилъ Олегъ свое

могущество, съ трехнедѣльнымъ пребываніемъ Дибича въ Адрианополѣ въ виду свободной дороги на Стамбулъ и съ неподвижнымъ стояніемъ авангардовъ русской арміи въ теченіе того же времени на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ турецкой столицы. Негодованіе и недоумѣніе русскаго гражданина и патриота, вдохновлявшія Пушкина въ тѣ минуты, когда онъ писалъ «Олеговъ цитъ», гениально замаскированы величавымъ, торжественнымъ и какъ бы эпически спокойнымъ тономъ стихотворенія,—тономъ, благодаря которому «Олеговъ цитъ» при появленіи въ печати былъ понятъ, какъ слѣдуетъ, вѣроятно, весьма немногими, лишь тѣми, кто умѣлъ читать между строкъ и понимать иносказательную рѣчь и намеки».

Л. П. Павлицевъ въ своихъ явно и наивно сфабрикованныхъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ (стр. 164) передаетъ даже «слова» Пушкина: «мнѣ, русскому человеку, было обидно, когда наша славная армія, послѣ чудеснаго, безпримѣрнаго въ исторіи перевала черезъ Балканы, забавовала въ Адрианополѣ, откуда въ Константинополь рукой подать». Очевидно, эти «слова» продиктованы тѣмъ же пониманіемъ пьесы, представителемъ котораго является и Черняевъ. Послѣдній, однако, самъ же приводитъ съ полнымъ довѣріемъ приписываемыя А. О. Смирновой («Записки», I, 88—92) Пушкину слова, что «существуютъ три города, принадлежащіе всему христіанству: Иерусалимъ, Константинополь и Римъ, они не должны бы принадлежать ни одному государству въ отдѣльности... ни одинъ изъ этихъ городовъ не представляетъ собою политической столицы». Что территоріальныя русскія притязанія на Константинополь казались ему химерою и не находили въ немъ сторонника, это видно не только изъ его статьи о русской исторіи XVIII вѣка (1821—1822 г.г.), гдѣ онъ называетъ блестящія побѣды Потекина въ Турціи «безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціей и Россіей», но и изъ черноваго наброска, относящагося приблизительно къ одному времени съ «Олеговымъ цитомъ», гдѣ Пушкинъ радуется тому, что «въ Эльзире миръ провозглашенъ», по которому Россія «югъ облегла... полъ-Евксина подняла» (см. ниже, прим. къ № 671). По адрианопольскому миру дѣйствительно русско-турецкой границей стала Дунай, лежащія при устьяхъ котораго острова были закрѣплены за Россіей, получившей также восточное побережье Чернаго моря и фактическое вліяніе въ дунайскихъ княжествахъ, благодаря чему Россія стала въ самомъ дѣлѣ хозяйкой Чернаго моря. Опирайся на мнѣніе такого военно-политическаго авторитета, какъ Мольтке, Шлоссеръ (цитир. у Черняева) находилъ, что если бы русскіе и овладѣли тогда Константинополемъ, то не могли бы его удержать за собою, такъ какъ «вся Европа взялась бы за оружіе, чтобы отбить его». По мнѣнію другого историка, Д. Г. Розена, «по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ своей противоположной дѣли, возрастало и ея замѣшательство, которое имѣло характеръ не стратегическій, а чисто-политическій», М. Н. Покровский («Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I, М., 1910, стр. 594—595), находить, что «походъ Дибича къ Адрианополу былъ гораздо больше ловкой военной демонстраціей, чѣмъ прочнымъ успѣхомъ. Стоило туркамъ нѣсколько оправиться, и съ его силами онъ не смогъ бы удержаться за Балканами. Приходилось испол-

звать психологическій моментъ, не теряя ни минуты,—и не ставя себѣ фантастическихъ задачъ, добиваться условій, реально наиболѣе выгодныхъ. Дибичъ и посиѣшилъ это сдѣлать... Именно такое пониманіе адрианопольскаго мира видно въ письмѣ (тоже цитир. Черняевымъ) вице-канцлера гр. К. В. Нессельроде къ цесаревичу Константину Павловичу, которому онъ указывалъ, что сохраненіе самостоятельности Турціи болѣе отвѣчаетъ политическимъ и торговымъ интересамъ Россіи, чѣмъ излишне-обременительное территориальное расширеніе, либо возникновеніе въ замѣну Турціи новыхъ государствъ, содѣяство которыхъ было бы гораздо опаснѣе для Россіи. Вообще, условія адрианопольскаго мира были встрѣчены съ чувствомъ подлаго удовлетворенія русскимъ обществомъ, эхомъ котораго былъ въ данномъ случаѣ поэтъ, признавшій, что Россіи не нужно обладаніе Константинополемъ, и что ея національная гордость вполнѣ насыщена и достигнутыми успѣхами и славнымъ воспоминаніемъ объ Олеговомъ щитѣ. Былъ Пушкинъ, удовлетворенъ и въ своихъ филаллинскихъ симпатіяхъ: по адрианопольскому миру Греція получила самостоятельность; въ 1831 г. Пушкинъ вспоминалъ объ этомъ: «воскресла грековъ древнихъ слава»... (см. также т. II, стр. 615—616). Сбтовать на будто бы позорный для Россіи условія мира ему не приходилось, и никакой проницательности въ его стихотвореніи. Замѣчательно, что такъ и поняла его националистически настроенная Кохановская («Стенной двѣтокъ на могилу Пушкина!—Русс. бесѣда» 1859 г., № 5, отд. III, стр. 55): «какимъ летомъ орда Пушкинъ тотчасъ покидаетъ свое художническое уединеніе и возвращается къ современной жизни общества, чуть что-либо великое народа русскаго отзовется въ ней... «Олеговъ щитъ» не великъ, но онъ вполнѣ по нашей пословицѣ: малъ золотникъ да дорогъ. Какъ живо должно было быть чувство народной славы и народной гордости, чтобы въ вдохновенномъ представленіи поэта промелькнуло тысячелѣтіе нашей исторіи, и старый щитъ Вѣщаго Олега одинъ остановилъ насъ передъ Стамбуломъ». Кстати,—Пушкинъ далеко не былъ туркофобомъ и даже умѣлъ, перевоплотившись въ поэта-янычара Аминъ-оглу, найти на своей лирѣ струны сочувственныя Стамбулу, который «гуяры пынче славятъ, а завтра кованной пятой, какъ змѣя спящаго, раздавятъ»... (см. ниже, прим. къ № 642). Воспоминаніе объ Олеговомъ щитѣ вдохновляло не только Пушкина (см. также «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ», 1822 г.), но и Рылѣва (дума «Олеговъ Вѣщій»), и Тютчева (стихотвореніе «Олеговъ щитъ»).

Въ «Олеговомъ щитѣ» Н. Черняевъ видѣлъ ту сатиру, которую косвенно приписалъ Пушкину V. Fontanier въ книгѣ *Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français de 1830 à 1833*, Par., 1834 (она сохранилась въ библиотекѣ Пушкина—см. «П. и его соврем.», IX—X, 233—234), что вызвало извѣстный отвѣтъ поэта въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ». По словамъ Fontanier, «выдающійся поэтъ нашелъ въ подвигахъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ, сюжетъ не для поэмы, а для сатиры». Пушкинъ же, отвѣчая цѣлымъ рядомъ талантливыхъ шаговъ Паскевича, отвѣчаетъ: «Я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ

оказывать мнѣ лестное вниманіе.» По Черняеву не повѣрилъ Пушкину; съ нимъ согласился и П. О. Морозовъ (Сочин. II, изд. «Просвѣщ.», II, 466—467). «Трудно—говорить Черняевъ—допустить, чтобы Фонтанье говорилъ о сатирѣ Пушкина безъ малѣйшихъ основаній и не намекая при этомъ ни на одно изъ стихотвореній поэта. Ничего подобнаго сатиры на арзрумскій походъ Пушкинъ не писалъ. Но вѣдъ Фонтанье не утверждалъ, что сатира Пушкина осмѣивала графа Паскевича и его дѣйствія на азиатскомъ театрѣ войны. Ходъ разсужденій Пушкина въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ» таковъ: «мнѣ приписывается сатира по поводу войны съ Турціей; я былъ свидѣтелемъ арзрумскаго похода, сдѣловательно Фонтанье приписываетъ мнѣ сатиру на арзрумскій походъ». Произвольность этого силлогизма очевидна, что, вѣроятно, сознавалъ и самъ поэтъ. Зачѣмъ же онъ прибѣгнулъ къ нему? Онъ хотѣлъ обезпечить себя отъ инсинуацій и выходокъ своихъ недоброжелателей, которые готовы были воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы очернить его въ глазахъ императора Николая Павловича и возстановить противъ него графа Паскевича и другихъ сановниковъ государства. Оправдываясь отъ мнимаго обвиненія Фонтанье, поэтъ, вѣроятно, только дѣлалъ видъ, что не догадывался, на какое именно стихотвореніе намекалъ французскій писатель. Намекалъ же Фонтанье, по всей вѣроятности, на «Олеговъ щитъ», который, дѣйствительно, можно назвать съ нѣкоторой натяжкой сатирой, но поэтъ вовсе было нежелательнѣе, чтобы графъ Дибичъ сталъ смотрѣть на «Олеговъ щитъ» какъ на сатиру. Вотъ почему Пушкинъ и свелъ полемикѣ съ Фонтанье на такую почву, на которой чувствовалъ себя неуязвимымъ». Однако, этотъ будто бы произвольный силлогизмъ вполнѣ правиленъ. Черняевъ, не видѣвъ книги Fontanier, рѣшилъ: «Фонтанье не утверждалъ, что сатира Пушкина осмѣивала Паскевича и его дѣйствія на азиатскомъ театрѣ войны». Фонтанье именно это утверждалъ; вотъ что писалъ онъ, заканчивая главу, посвященную арзрумскому походу Паскевича, надъ которымъ онъ зло издѣвался: «Ce résumé ne ressemble guère, je le sais, aux brillants rapports qui nous sont parvenus il y a quelque années; mais ces rapports ont été, pour les officiers instruits, un texte inépuisable de moquerie; et un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poème, mais celui d'une satire» (стр. 251—252). Пушкинъ, конечно, долженъ былъ принять намекъ на свой счетъ, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, онъ былъ единственный писатель, названный въ книгѣ Фонтанье (въ той же главѣ, стр. 241); намъ, какъ и Пушкину, неизвѣстна сатира, о которой Фонтанье говоритъ. Пушкину сплосъ да рядомъ приписывались ходившія по рукамъ сатиры и эпиграммы, что причиняло ему много непріятностей. Изъ книги Фонтанье видно, что сатира, о которой идетъ рѣчь, была направлена противъ Паскевича и написана по поводу арзрумскаго похода, свидѣтелемъ котораго былъ Пушкинъ, а не по поводу похода Дибича, т.-е., что Фонтанье вовсе не намекалъ на «Олеговъ щитъ», на который, къ тому же, и нельзя смотрѣть какъ на сатиру.

589. ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

(т. III, стр. 66).

Черновой автографъ пьесы, съ датой: «4 окт.», находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина («П. и его совр.—ки», IV, 11); это, конечно, тотъ самый автографъ, который былъ въ рукахъ П. В. Анненкова, передающаго, что въ немъ первоначальное заглавіе было: «Дорожные стихи» («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-е, стр. 211). Впервые пьеса была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г., «Поэзія», стр. 47—48, безъ подписи и безъ указанія имени автора въ оглавленіи, по поводу чего Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 498) замѣтилъ: «причина, заставившая автора скрыть свое имя подъ Дорожными жалобами, намъ неизвѣстна. Кажется, ее слѣдуетъ искать въ журнальныхъ толкахъ, осуждавшихъ пронию и шутку въ поэзіи. Нѣкоторые журналы дѣйствительно возстали на пьесу, когда она вскорѣ послѣ Сѣверныхъ Цвѣтовъ напечатана была въ изданіи 1832 г.» (въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», ч. III, стр. 34—36). Въ альманахѣ и въ «Стихотвореніяхъ» пьеса датирована 1829 г.; Анненковъ («Матер.», I. с.) замѣчаетъ, что она, «можетъ быть, писана въ повозкѣ или на станціи; однако, судя по датѣ, стихи, сложившіеся въ умѣ поэта, быть можетъ, дѣйствительно дороги, были написаны въ Москвѣ, гдѣ онъ находился въ серединѣ сентября. «Замѣчательно, — вспоминаетъ К. П. Зеленецкій («О художественно-національномъ значеніи стихотвореній Пушкина» — «Ж. М. Н. Пр.» 1855 г., ч. LXXXV, № 3, стр. 225), — что, когда это стихотвореніе появилось, многие не поняли его высокой дѣны и отзывались о немъ даже съ какимъ-то презрѣніемъ. Между тѣмъ, къ какой глубокой, сердечной думѣ сведена здѣсь вся, по видимому, самая прозаическая, обстановка этого небольшого произведенія, которое въ каждомъ стихѣ обличаетъ не какую-нибудь общую, а именно русскую жизнь; какъ поэтически высказано въ немъ раздумье, столь обычное почти каждому изъ насъ»... Въ альманахѣ стихи 27—28 были: «объ отставкѣ, объ невѣстѣ, объ деревнѣ помышлять»; объ этихъ «помышленіяхъ» см. въ примѣч. къ №№ 606, 611. Въ ушаковскомъ альбомѣ Пушкинъ нарисовалъ полосатый дорожный столбъ съ надписью: «Отъ Москвы 235» (версты; см. Альб. Московск. Пушкинск. выст. 1899 г., л. 21). Указывая, что «Дорожныя жалобы» «стоятъ въ тѣсной психологической и историко-литературной связи» съ «Зимней дорогой» 1826 г., П. О. Сумцовъ («Харьковск. унив. сборн. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 201—202) говоритъ, что онѣ «богаты фактическимъ содержаніемъ. Въ этомъ стихотвореніи ясно обнаруживаются двѣ части — отрицаніе путешествій и восхваленіе домашней жизни. Подходили годы возмужалости, и Пушкина потянуло къ спокойной семейной жизни. Въ «Дорожныхъ жалобахъ» что ни куплетъ, то дѣлая біографическая страница. Въ первомъ же куплетѣ находится дѣлая исторія многочисленныхъ вольныхъ и невольныхъ путешествій Пушкина пѣшкомъ и верхомъ, что бывало преимущественно въ Михайловскомъ, въ тѣлѣгѣ, — напр., на пути на югъ, по бѣлорусскому тракту, въ 1820 г., въ кибиткѣ, коляскѣ и каретѣ. У Пушкина встрѣчается нѣсколько описаній дороги, и всѣ они правдивы и художественны. Въ особенности выдается описаніе почтового тракта въ

седьмой главѣ «Евгенія Онегина»... Въ майской кн. «Почтово-телеграфнаго журнала» 1899 г. собрано все, что было написано Пушкинымъ о русской ямской и почтовой гоупбѣ. По словамъ этого спеціальнаго изданія, «Пушкинъ даетъ вполнѣ определенное представленіе о русскихъ дорогахъ, бздѣ, станціяхъ, ямщикахъ и станціонныхъ смотрителяхъ первой половины XIX столѣтія... Особенно мѣтко очерчены неудобства путешествій по Россіи въ старинное время, — переѣзды подъ пестрыми казенными шлагбаумами у заставъ городскихъ и сельскихъ, опасность встрѣтиться съ разбойниками, кишѣвшими въ крѣпостное время въ лѣсахъ и подъ мостами, тягостныя высидки въ карантинѣхъ (то было время чумы и холеры), всякаго рода вышпія неудобства, вызывавшія многочисленныя жалобы въ мемуарахъ и даже въ поэзіи». Когда Пушкинъ писалъ эти строки ему, конечно, вспоминалось недавнее (въ концѣ іюля) трехдневное сидѣніе въ карантинѣ въ Гумрахъ, по дорогѣ изъ Арзрума въ Тифлисъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. V). По поводу трехсложнаго чтенія слова «шлагбаумъ» можно привести разсказъ А. О. Вельтмана (сборн. Л. П. Майкова «П—нъ», 1899 г., стр. 130—131): «Заспоривъ однажды съ кѣмъ-то, что фамилія Таушевъ, произносящаяся у съ краткою, должна и писаться правильно съ краткою, ибо письмо не должно измѣнять произношенію, я доказывалъ, что должно ввести въ употребленіе у съ краткою, и привелъ наобумъ слѣдующіе четыре стиха: «Жуковский, Батюшковъ и Пушкинъ — Парнаса русскаго пѣвды, Пафнутьевъ, Таушевъ и Сѣвпушкинъ» — шестого корпуса пидцы». — «Надъ у не должно быть краткой, и — лишнее въ стихахъ; должно сказать: «Пафнутьевъ, Таушевъ, Сѣвпушкинъ», кричали всѣ. Я изъ себя выходилъ, доказывая, что если въ произношеніи у — краткое, то и должно быть въ это время вошелъ Пушкинъ; ему объяснили споръ; онъ былъ противъ меня, и тщетно я увѣрялъ, что у въ фамиліи Таушевъ то же, что краткое и, и что, слѣдовательно, въ стихѣ: «Пафпутьевъ, Таушевъ и Сѣвпушкинъ» и необходимо. Ничто не помогло: Пушкинъ не хотѣлъ знать у съ краткою. Въ автографѣ «Наполеона», указываетъ Майковъ (ib., 131, примѣч.) читается: «Померкло, сонде Австерлица», для избѣжанія краткаго у (см. также «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1448—1449).

Мясницкая — одна изъ главныхъ улицъ Москвы. Яръ — фирма ресторана, существующая до сихъ поръ; есть «лирическая сцена» И. К. Кондратьева «П. у Яра», М., 1887; см. Переписку П—на, академич. изд., II, № 302. Ю. И. Айхенвальдъ обратилъ вниманіе на сходство «Дорожныхъ жалобъ» съ стихотвореніемъ «Wo?» Гейне, быть можетъ, знавшаго эти стихи Пушкина («Литерат. Вѣстникъ», т. VI, 1903 г., кн. 7—8, стр. 308—309). Пьеса положена на музыку Н. И. Бахметевымъ, М. Бернардомъ («Памяти П—на», Петербургск. университет. сборн., 1900 г., стр. 74).

590. ОБВАЛЪ.

(т. III, стр. 66).

Черновой автографъ пьесы находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, по словамъ описанія которой («П. и его совр.—ки», IV, 11), на лицевой сторонѣ автографа записаны, подъ загла-

вѣсть: «Обвалъ» (avalanche), три первыя строфы, съ помѣтой въ концѣ: «29 окт.», а на оборотѣ— двѣ послѣднія, съ припиской: «30», означающей, вѣроятно, 30-е октября. Впервые пѣса была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 95—96, а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 9—11, подъ 1829 годомъ. Такимъ образомъ, ее приходится датировать 29 и 30 октября 1829 г.; ссылаясь на ту же рукопись, Анненковъ («Матеріалы для биогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 220) сообщилъ только первую помѣту. Оригинальное сочетание стиховъ (такъ же написано и «Эхо», 1831 г.) подсказало А. В. Дружинину догадку, что на Пушкина «производилъ великое впечатлѣніе» Робертъ Бернсъ: «намъ всегда казалось, что конструкція строфы въ «Обвалѣ» (чисто бернская) не есть случайность» («А. С. П—въ и послѣднее изданіе его сочиненій» — «Библи. для чтенія» 1855 г., т. СХХХ, отд. III, стр. 74). В. И. Чернышеву («Замѣтки о языкѣ П—на» — «П. и его совр—ки», VI, 117—118) показалось подозрительнымъ предложеніе «всклѣя волю»: «значитъ ли это — волочка, тащилась, медленно шелъ, или — былъ веденъ, былъ влеченъ при нѣкоторомъ сопротивленіи?... Почвы для недоумѣнія здѣсь нѣтъ: воля именно «влечется», медленно тащится, особенно если сопоставить его со скачущимъ конемъ. Во время своего кавказскаго путешествія Пушкинъ не только слышалъ объ одномъ изъ наиболѣе выдающихся горныхъ обваловъ, но самъ былъ свидѣтелемъ этого явленія. Онъ рассказываетъ въ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»: Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковые случаи бывають обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалиясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорвался сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то онъ былъ ужасенъ! Мы круто поднимались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ. Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ г. Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатила въ пропасть съ своею добычею. Весьма проницательное и остроумное толкованіе далъ пѣсѣ Л. И. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій П—на (т. I, изд. 3-е, стр. 299—300). «Положеніе поэта на склонѣ къ Тереку. Онъ описываетъ обвалъ, бывшій близъ этого мѣста. Терекъ, главный предметъ описанія, изображенъ въ поэтическомъ олицетвореніи въ моментъ униженія («Вдругъ истохась»... и далѣе). Черты униженія и борьбы описаны въ явленіяхъ рѣки подъ снѣгомъ обвала: звуковъ ея (ревъ), силы напора водъ (упорный гнѣвъ), разлива ихъ (освирѣпѣвъ), брызговъ ихъ—подъ обледенѣвшимъ снѣгомъ. Въ послѣдней строфѣ — высшая степень униженія выражена въ описаніи пути черезъ обвалъ влущихъ по пемъ; въ этомъ ихъ описаніи также видимъ градацію: скачущій гордый конь,

проложившій черезъ рѣку дорогу, не такъ оскорбляетъ свободный Терекъ, какъ влекущійся в о л ѣ, и этотъ не такъ, какъ верблюдъ, служащій для выгоды купца, ведущаго его. Послѣдніе 2 стиха, какъ сильный контрастъ, изображаютъ освобожденный Терекъ: сопоставленіе купца, (служителя племенныхъ, корыстныхъ дѣламъ) съ Э о л о м ѣ (богомъ вѣтра), жильцомъ небесъ—служить для этого контраста.—Въ олицетвореніи Терека нельзя не видѣть чертъ характера тѣхъ непокорныхъ горцевъ, коимъ свойственъ такой взглядъ на торговлю и другія явленія жизни. Въ олицетвореніи сказались идеальныя черты дикаго народа, который, храня независимость, не выносивъ подчиненія власти, хотя бы и блестящей: «Оттогда (т. е. съ блестящихъ вершинъ) сорвался разъ обвалъ» (строфа 2-я). — Поэтъ былъ пораженъ красотой явленія: отсюда его сочувствіе Тереку (стилистическое выраженіе этого сочувствія — форма обращенія къ нему, отъ этой строфы, гдѣ начинается описаніе его униженія и борьбы: «о, Терекъ!» vocativus ethicus). Разрушительная сила сопротивленія получила поэтическое выраженіе въ образѣ наводненія («затопилъ, освирѣпѣвъ, свои берега»). В. Е. Якушкинъ («О Пушкинѣ», М., 1899, стр. 153—155) полагаетъ, что это объясненіе «совершенно невѣрно... Для всякаго читателя, думаемъ, несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ никакой аллегоріи: Пушкинъ просто описываетъ картину природы, какую онъ видѣлъ самъ, и передаетъ далѣе случай съ обваломъ, о которомъ онъ слышалъ... Случайное и преходящее, хотя и величественное, явленіе обвала Пушкинъ никакъ не могъ сравнивать съ нашими завоеваніями на Кавказѣ. Вся пѣса просто даетъ картину кавказской природы безъ всякаго олицетворенія и аллегоріи». Однако, изъ черновой строфы «Кавказа» (см. выше, примѣч. къ № 585), гдѣ Пушкинъ сравниваетъ Терекъ съ «буиной волею», съ свободнымъ племенемъ, тоскующимъ подъ чуждою властью, видно, что Пушкинъ не такъ ужъ «просто описывалъ» природу и могъ придавать и «Обвалу» аллегорическій смыслъ. (См. примѣч. къ пѣсамъ «Аквилонъ» и «Туча»). Бблинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислялъ «Обвалъ» къ лучшимъ стихотвореніямъ Пушкина и назвалъ его «образцомъ пушкинскаго описанія природы», «живописью въ поэзіи». Гриневицъ (Якубовичъ-Меньшинъ въ «Сборникѣ Русскаго Богатства», ч. II, Сиб., 1900, стр. 69, 70) говоритъ о «величаво-простой, пѣсколю холодной живописи» этой пѣсы, гдѣ природа изображена безъ одушевляющаго ее челоуѣка. А. А. Потебня («Нѣзъ записокъ по теоріи словесности», Хар., 1905, стр. 72), какъ бы предупреждая возможность различныхъ толкованій этой пѣсы, упоминаетъ ее, какъ примѣръ «поэтическихъ произведеній, которые могутъ быть понимаемы такъ или иначе, смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мгновенному настроенію. Держать понимающаго на вѣсу между одною и другою иносказательностью; говорить то, что хорошо и для понимающаго ребенка, но что будетъ хорошо и при разнообразныхъ, болѣе глубокихъ проникновеніяхъ въ смыслъ, могутъ только натуры глубоки». Въ расположеніи частей описанія въ пѣсѣ выдержана полная гармонія (Потебня, ib., 11; «Вопросы теоріи и психологіи творчества», т. II, вып. 2, Сиб., 1910, стр. 13). Она два раза положена на музыку («Памяти П—на», Петерб. университет. сборн., 1900 г., стр. 88, 119).

Послѣдняя строфа, быть можетъ, отразилась въ «Спорѣ» Лермонтова.

591. ЗИМА. ЧТО ДѢЛАТЬ НАМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ?...

(т. III, стр. 68).

Черновикъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, лл. 15—16, съ помѣтой: «2 ноября 1829» (см. «Русск. Стар.» 1884 г., ноябрь, 347); въ немъ сказано: «что дѣлать намъ»... Съ той же помѣтой: «2-го ноября», напечатанной какъ бы въ видѣ заглавія, пьеса появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (ценз. дозвол. 20 дек. 1829 г.), стр. 66—68 (см. также оглавленіе, стр. VI), а затѣмъ вошла, съ той же датой, въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 25—27. П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П—на», изд. 1855 г., стр. 218—219) говоритъ, что пьеса была написана «въ деревнѣ», которую затрудняется назвать, указывая, что «нѣкоторый свѣтъ даетъ слѣдующая приписка Пушкина къ одной главѣ «Онѣгина» (восьмой, выпущенной): «Моск. Павл. Болдино. 1829»... Можно полагать, что Пушкинъ пробѣжалъ съ Кавказа въ Болдино. На возвратномъ пути въ Петербургъ изъ деревни онъ пробылъ въ Москвѣ только нѣсколько дней и почти нигде не показывался... Стихотворенія, связанные съ Кавказомъ и его природою, написаны имъ въ теченіе сентября и октября мѣсяца 1829 г.—стало быть, посреди безпокойной, страстующей жизни и въ самыхъ хлопотахъ вояжа. Пьеса «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?» и затѣмъ «Зимнее утро» уже проникнуты поэзіей домашняго очага и сѣверной природы». Анненковъ не располагаетъ нѣкоторыми свидѣніями, ставшими извѣстными лишь послѣ него, но въ общемъ не ошибся, хотя не могъ объяснить, что такое «Павл.» (Л. И. Подливановъ—см. его изданіе сочин. Пушкина, т. I, изд. 3-е, стр. 305—думалъ, что здѣсь разумѣются Павлицевы). Пріѣхавъ прямо съ Кавказа въ Москву въ серединѣ сентября (см. «Пушк. и его соврем.—ки», XIII, 148; «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, 196) и пробывъ въ Москвѣ почти до середины октября, Пушкинъ побывалъ въ Малинникахъ, Павловскомъ («Павл.»), Берновѣ и, вѣроятно, и въ Болдинѣ, что видно изъ указанія въ онѣгинской хронологіи («Тр. и дни П—на», 198—199; «П. и его соврем.», I, 86), и 10 ноября былъ уже въ Петербургѣ. Мнѣніе П. А. Ефремова (см. его послѣднее изд. сочин. П—на, т. VIII, 1905 г., стр. 305), что занимающая насъ пьеса написана въ Болдинѣ, вполне вѣроятно. «Представленная въ стихотвореніи» — говоритъ Л. Подливановъ (I. с.) — «картина семейнаго дома, гдѣ поэтъ изображаетъ себя гостемъ, а не хозяиномъ, среди жизни, изо дня въ день идущей по налаженному пути, отъѣзже поле, приемъ гостей, журналы и т. под., не соответствуетъ той обстановкѣ, которая могла окружать Пушкина въ Болдинѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ опустѣлый домъ и гдѣ жилъ въ одиночествѣ, лишенный (?) собесѣдъ и журналовъ. Черты жизни, изображенныя въ этомъ стихотвореніи, если уже искать въ нихъ біографическія намековъ, мало соответствуютъ и жизни Тригорскаго, двѣ—три черты которой, однако же, могли дать матеріалъ для этой картины (таковы «старые журналы сосѣда» и стихи 30—47). Сти-

хотвореніе остается просто типическою картиною великорусской помѣщичьей жизни». Подобныя черты зимней деревенской жизни у Пушкина разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ. «У насъ зима», пишетъ подругѣ Лиза, героиня начатаго Пушкинымъ эпистолярнаго романа. «Въ деревнѣ c'est un éténepest. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками—все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго свѣга». Впечатлѣніями 1824—1825 г.г., Тригорскаго и Михайловскаго («рѣчи въ уголку вдвоемъ... и фортепьяно вечеркомъ»—см. примѣч. къ № 399), воспоминаніями о П. А. Осиповой и объ Аннѣ и Евпраксіи Вульфъ (можетъ быть, Анна и есть «дѣва русская») вѣсть отъ этой пьесы. (Ср. ниже, № 663: «даныты, ярче вѣшнихъ розъ, играють холодомъ и кровью...»). Тѣми же штрихами изображенъ въ «Онѣгинѣ» бытъ средней руки помѣщика, съ ихъ разговорами «о сѣнокосѣ, о винѣ, о царствѣ»; съ той же ироніей описать въ «Графѣ Нулинѣ» выѣздъ барина на охоту. По поводу разсказа «о спорѣ съ рѣмой» см. выше, примѣч. къ № 566. Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинскихъ поэзій два раза назвалъ пьесу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина и указалъ, что ея «послѣдніе стихи напоминаютъ своей фактурою антологическую пьесу Батюшкова». Чтець («П. и Батюшковъ») въ «Нов. Времени», 1900 г., № 8890, даже указалъ у Батюшкова антологическую пьесу «Изъ Павла Силеціарія», гдѣ есть сходные стихи: «Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвнѣ ночей, какъ сладко тайное любви наслажденіе!» (Впрочемъ, близость обоихъ стихотвореній другъ къ другу довольно сомнительна). По мотиву и обстановкѣ приближается къ пьесѣ Пушкина стихотвореніе Н. Ѳ. Щербины «Зимнее чувство».

592. ЗИМНЕЕ УТРО.

(т. III, стр. 69).

Черновикъ пьесы, съ помѣтой «3 ноября», находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 16 об., вслѣдъ за черновикомъ предыдущаго стихотворенія. Впервые появилась она въ альманахѣ бар. Е. Ѳ. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село» на 1830 г. (ценз. дозвол. 2 декабря 1829 г.), стр. 1—2, безъ даты, а затѣмъ была перепечатана въ альманахѣ «Роза Грціи», М., 1830, стр. 21—23, и вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 28—30, гдѣ помѣщена среди пьесъ 1829 г., вслѣдъ за стихотвореніемъ «Зима. Что дѣлать намъ»... «Этихъ произведеніемъ»—говоритъ Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 499)—«завершается рядъ поэтическихъ картинъ, въ которыхъ Пушкинъ заключилъ разнообразнѣшія впечатлѣнія своего пути и возвращенія въ деревню»; о пребываніи его въ Болдинѣ см. въ предыдущемъ примѣчаніи. Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 218—219) указываетъ, что въ этомъ стихотвореніи, «проникнутомъ поэзіей домашняго очага и сѣверной природы», Пушкинъ замѣнилъ въ 24-мъ стихѣ «коня Черкасскаго»—«кобылкой бурой»,—и такимъ образомъ изъ довольно пышнаго образа сдѣлалъ простую сельски-тихую картину». Надеждинъ въ «Вѣстн. Евр.» (1830 г. № 3, стр. 247—

248) плоско поиздѣвался надъ «Зимнимъ утромъ». Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» — Сочин., изд. Венгерова, VI, 101) причислялъ пьесу къ «лучшимъ задушевиѣйшимъ созданіямъ лирической музыки Пушкина» и въ общемъ обзорѣ пушкинскихъ поэзіи, снова называя ее среди лучшихъ, привелъ ее, какъ доказательство, какимъ «блескомъ роскошной поэзіи облита его зима». На фонѣ зимняго пейзажа не разъ рисовалась ему женская любовь; см., напр., въ лидейскомъ «Посланіи къ Юдину», 1815 г., или второй и третьей строфѣ «Осени» «Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ, когда, подъ собою согрѣта и свѣжа, она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!».. Только наканунѣ онъ писалъ (обѣ пьесы тѣсно связаны единствомъ построенія и содержанія): «Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ! Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!..»

«Навстрѣчу сѣверной Авроры» — галлицизмъ (*à la rencontre de l'Aurore*), повторенный въ четвертой главѣ «Арапа Петра Великаго» («навстрѣчу Петра»); въ другихъ случаяхъ Пушкинъ употребляетъ дательный падежъ: «навстрѣчу утреннимъ лучамъ» (въ 3-й пѣснѣ «Руслана и Людмилы» и въ третьей пѣснѣ «Полтавы»). Первый стихъ пьесы напоминаетъ стихъ «Альбома Онѣгина»: — «Морозъ и солнце! чудный день» (т. III настоящ. изд., стр. 326).

№ 593—98.

См. въ исторіи текста.

600. ЗАГАДКА.

(т. III, стр. 71).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ изданномъ бар. Е. О. Розеномъ и Н. М. Коншинымъ альманахѣ «Царское Село» на 1830 г., стр. 4 (цензурное дозволеніе 2 декабря 1829 г.), а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 41; къ 1829 г. отнесена самимъ поэтомъ въ III ч. «Стихотвореній». По словамъ бар. Е. О. Розена («Ссылка на мертвыхъ» — «Сынъ Отеч.», 1847 г., кн. VI, отд. III, стр. 16—18), первоначально у Пушкина была «просодическая неискренность въ второмъ гекзаметрѣ; онъ былъ у Пушкина такъ: «Кто Славянину молодой, духомъ Грекъ, родомъ Германецъ?». Я замѣтилъ это Дельвигу, указавъ, какъ легко исправить погрѣшность перестановкою двухъ словъ и прибавленіемъ союза *a*, и попросилъ Дельвига сдѣлать эту поправку, или принять ее на себя. Онъ не согласился. «Или покажите самому Пушкину, или напечатйте такъ, какъ есть! Что за бѣда? Пушкину простительно ошибаться въ древнихъ размѣрахъ: онъ ими не пишетъ!» Съ этимъ послѣднимъ доводомъ я уже не согласился, однако не посмѣлъ и показать Пушкину: я боялся, что онъ отниметъ у меня стихотвореніе, подъ предлогомъ, что онъ самъ придумаетъ поправку. До послѣдней корректуры я нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ рѣчь объ этой пѣснѣ; не сказалъ ли ему Дельвигъ о погрѣшности? Нѣтъ! Въ послѣдней корректурѣ я не утерпѣлъ, понадѣялся, что Пушкинъ и не замѣтитъ такой бездѣлицы — и сдѣлалъ гекзаметръ правильнымъ! Тиснуль, послалъ ему свой альманахъ и, нѣсколько дней спустя, самъ

прихожу. А онъ, впрочемъ довольно веселый, встрѣчаетъ меня замѣчаніемъ, что я измѣнилъ одинъ изъ его стиховъ. Я прикинулся незнающимъ. Онъ дѣйствительно указавъ на поправку. Я возразилъ, улыбаясь, что дивная память его въ этомъ случаѣ ему измѣнила: «Такъ не было у васъ и быть не могло!» — «Почему?» — «Потому, что гекзаметръ былъ бы и неполный и неправильный: у третьей стопы не доставало бы полонины, а слово «Грекъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть короткимъ слогомъ!» Онъ призадумался. — «Потому-то вы и поправили стихъ! благодарю васъ!» Тутъ мнѣ уже нельзя было не признаться въ передѣлкѣ, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотѣлъ снять на себя такой неважной для него отвѣтственности передъ своими лидейскимъ товарищемъ. Пушкинъ не только не разсердился, но и налюбоваться не могъ, что перестановка двухъ его словъ составила въ третьей стопѣ чистый спондеецъ, который такъ рѣдковъ въ гекзаметрахъ на новѣйшихъ языкахъ. Эта поправка осталась у него въ памяти. Долго послѣ того, во время холеры, когда онъ, уже женатый, жилъ въ Царскомъ Селѣ, я съ нимъ нечаянно сошелся у П. А. Плетнева, который готовилъ къ печати новый томъ его стихотвореній. Пушкинъ перебиралъ ихъ въ рукописи, читалъ инья вслухъ, въ томъ числѣ и «Загадку», и, указывая на меня, сказалъ при всѣхъ: «Этотъ стихъ баронъ мнѣ поправилъ».

«Я это рассказалъ» — прибавилъ потомъ Розенъ (*ibid.*, кн. VIII, отд. VI, стр. 47) — «въ честь славнаго писателя, у котораго нѣтъ мелкаго самолюбія, даже въ отношеніи къ новичку». Рассказъ Розена, замѣтилъ В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. 4-я — «Современникъ» 1854 г., т. 47, крит., стр. 16), показываятъ, «до какой степени были тонки и осторожны литературныя отношенія Пушкина и Дельвига, несмотря на старинную и тѣсную дружбу обоихъ поэтовъ».

Извѣстно, какъ горячо любилъ Пушкинъ своихъ друзей, а особенно Дельвига. «Едва ли не Дельвигъ былъ между пріятелими ближайшая и постояннѣйшая привязанность его.. Пушкинъ искренно вѣровалъ въ глубокое поэтическое чувство Дельвига», говоритъ Вяземскій (Сочин. VIII, 442). По словамъ А. П. Керчь, они «цѣловали другъ у друга руки и, казалось, не могли наглядѣться одинъ на другого. Они всегда такъ встрѣчались и прощались: была обаятельная прелесть въ ихъ встрѣчахъ и разставаніяхъ.. Въ поэтической душѣ Дельвига была какая-то дѣтская ясность, сообщавшая собесѣдникамъ безмятежное чувство счастья, которымъ проникнуть былъ самъ поэтъ. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкинъ. Прочитавъ въ Одессѣ романъ Дельвига: «Прекрасный день, счастливый день!..», въ которомъ такъ много ясности и счастья, онъ говорилъ, что почувствовалъ вполнѣ это младенческое изліаніе души Дельвига, и что самое стихотвореніе этого романа вѣрно передало ему всю свѣтлость чистаго чувства любви поэта. Онъ восхищался притомъ другими пѣсами Дельвига» (сборн. J. H. Майкова «П—нъ», Спб., 1899, стр. 253, 259—260; «П. и его совр—ки», V, 140—157). «Идиллія Дельвига» — писалъ Пушкинъ еще при жизни друга, который изъ скромности отказался напечатать эту замѣтку въ «Сѣверн. Цѣвтахъ» 1828 г. (см. «Современникъ» 1846 г., т. 42, стр. 78; Соч. Плетнева, II, 194; «П. и его совр—ки», XI, 21) — для меня удивительны. Какую силу воображенія

должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтій въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ; тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ; лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ!» Пушкинъ восхищался также его советами, для которыхъ онъ «забывалъ гекзаметра священныя напѣвы» (см. ниже, № 628). Въ своихъ воспоминаніяхъ о Дельвигѣ Пушкинъ писалъ, что уже въ своихъ первыхъ опытахъ «вдохновенный юноша» обнаружилъ «необыкновенное чувство гармоніи и той классической строгости, которой никогда онъ не измѣнялъ». (Другія подробности объ ихъ отношеніяхъ см. ниже, въ примѣч. къ № 666). Чувство дружбы въ отъѣвахъ Пушкина о Дельвигѣ преобладаетъ надъ строгою справедливостью, и поставить своего друга на высокое мѣсто въ литературѣ Пушкину не удалось. Не успѣла «Загадка» появиться въ печати, какъ вызвала насмѣшки (см., между прочимъ, «Сверн. Меркурій» 1830 г., № 122, 10 октября, стр. 176, «Смѣсь») и надъ Пушкинымъ, и надъ бѣднымъ «Феоокритовымъ», какъ прозывали Дельвига (см. С. Трубачевъ, «П. въ русской критикѣ», Спб., 1889, стр. 108). Пушкину, вѣроятно, самому пришлось прочитать въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» восходящаго Бѣлинскаго, что «пѣсенки Дельвига—поддѣлки подъ народный тактъ», что «Дельвига почитали нѣкогда оречившимся нѣмцемъ... de mortuis aut bene, aut nihil!» (Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 354, 367). Впослѣдствіи Бѣлинскій не разъ повторилъ свой приговоръ о Дельвигѣ: «русскія пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ они удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни; въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ много вышней истины, но не замѣтно главнаго—греческаго содержанія жизни» (то же изд., VII, 37); «русскія пѣсни Дельвига столько же русскія, сколько, напр., идиллія г-жи Дезульеръ теокритовскія» (VII, 286; см. также IX, 102). «Это была»—говорилъ Бѣлинскій (IX, 96)—«прекрасная личность, которую любили всѣ близкіе къ ней; Дельвигъ любилъ и понималъ поэзію не въ однихъ стихотвореніяхъ, но и въ жизни, и это-то ошибочно увлекло его къ занятію поэзіею какъ своимъ призваніемъ; онъ былъ поэтическая натура, но не поэтъ». О самой «Загадкѣ» въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи Бѣлинскій сказалъ, что она «просто неудачна» (ср. Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, IX, 98). Эта пѣса, говоритъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи А. С. П.—на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 48), «дѣйствительно имѣетъ мало достоинствъ и по вычурности выраженія, и по отсутствію обычной силы и пластичности стиха».

къ 1828 г., такъ какъ въ 2371-й музейной тетради, относящейся къ 1828 г., находимъ (л. 17 об.) отрывокъ, начинающійся стихомъ: «Какъ древле юный расточитель... и соотвѣствующій первымъ двѣнадцати стихамъ пѣсы; онъ написанъ, вѣроятно, раньше «Полавы». Я. К. Гротъ («П., его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-е, стр. 24) связываетъ возникновеніе пѣсы съ первымъ посѣщеніемъ Пушкинымъ Царскаго Села въ 1828 г., послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія; весною 1828 г. онъ посѣтилъ лицей, (ibid., 45, 275), но возможно, что бывалъ и раньше (1827 г.) въ Царскомъ Селѣ. Поэтъ оставилъ ее безъ окончательной отдѣлки, и впервые появилась она только въ Анненковскихъ «Матеріалахъ для біогра. П.—на», изд. 1855 г., стр. 231—232 (перепеч. въ «Современникѣ» 1855 г., февр., т. XLIX, отд. 1, стр. 213—214), съ замѣчаніемъ, что это «первый, невыправленный очеркъ представляетъ слабую тѣнь того, чѣмъ онъ могъ бы сдѣлаться, если бы художническій рѣзецъ прошелъ еще разъ по нему; однако же, и въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ его, онъ еще дорогъ по истинѣ чувства, по задуманному голосу, пробѣгающему въ первыхъ двухъ его строфахъ». Въ подлинникѣ нѣкоторыя исчерканныя мѣста съ трудомъ поддаются прочтенію; текстъ настоящаго изданія ближе къ нему, чѣмъ тексты прежнихъ изданій; въ передачѣ Анненкова, еще испорченной, замѣтимъ, другими издателями, есть ошибки, хотя онъ и увѣрялъ: «столько значительный навыкъ, приобретенный нами въ разборѣ рукописей Пушкина, помогъ намъ списать въ точности и сохранить это драгоценное, во многихъ отношеніяхъ, стихотвореніе». А. В. Дружининъ («А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій»—«Библиот. для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 50) видѣлъ въ немъ, въ связи съ другими упоминаніями о Царскомъ Селѣ у Пушкина («Евгеній Онегинъ», гл. 8, «Въ началѣ жизни школу помню я...») въ эпоху полного расцвѣта его генія, «пророчество» о «поэмѣ, въ которой мѣстомъ дѣйствія было бы Царское Село,—и посреди садовъ, такъ святыхъ для поэта, при блескѣ безчисленныхъ огней, въ толпѣ великихъ дѣятелей великаго времени, предстала бы намъ тѣнь Жены, передъ которой склонялась вселенная! Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ душѣ Александра Сергѣича зрѣлъ замыселъ подобнаго рода, замыселъ, свято хранимый, можетъ быть не повѣряемый никому до того благословеннаго часа, когда всему существу поэта предстояло задрожать подъ священнымъ налетомъ вдохновенія... Сомнѣваться въ существованіи такого замысла можно, такъ какъ никакими данными эта догадка не подтверждается, но эта пѣса, давая, при своей неотдѣланности, воплѣдѣнное впечатлѣніе, является одною изъ лучшихъ главъ въ той лирической поэмѣ о Царскомъ Селѣ, которую создавалъ Пушкинъ отъ дпей своего безмятежнаго расцвѣта въ садахъ лицей до тѣхъ тяжелыхъ дней, когда онъ, простившись съ молодостью, приходилъ туда грустить о невозвратномъ быломъ. «Взгляните»—говоритъ Дружининъ (ор. с., 49—50),—«какъ сознаетъ Пушкинъ значеніе Царскаго Села въ отношеніи къ развитію своего дарованія, какъ всю жизнь свою онъ рвется къ тому мѣсту, гдѣ онъ «забывался портомъ», какъ знаетъ онъ въ немъ каждую ступю, каждую аллею, во сколькохъ видахъ является у него Царское Село, о которомъ онъ мечтаетъ и въ Одессѣ, и на Кавказѣ, и посреди табора

601. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ Ц[АРСКОМЪ] С[ЕЛѢ].

(т. III, стр. 72).

Черновики пѣсы находятся въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 43—44, съ поэмтою «14 дек. 1829. С. П. Б.», находящейся между предпослѣдней строфой и послѣдней,—но первоначальный замыселъ относится, повидимому,

цыганъ, и въ перестрѣлкѣ съ турками, и въ своемъ сельскомъ домикѣ, одинъ справляя 19 октября, день основанія лица! Въ «Евгений Онѣгинъ» онъ воссѣваетъ музу, являющуюся ему въ садахъ Великой Жени; проживая въ Петербургѣ, онъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село и, добравшись до тѣнистыхъ аллей, до дворцовъ, до бѣлыхъ статуй между зеленью, забываетъ все горе своей жизни!.. Ребенокъ, убѣгающій отъ наставницы «въ великолѣпный иракъ чужого сада»,—самъ Пушкинъ; поэтъ, бѣгущій «въ широкошумныя дубровы», когда божественный глаголъ вдохновенія касается его чуткаго слуха,—опять-таки Пушкинъ, рвущійся къ поэтическому мѣсту своего воспитанія. Здѣсь онъ могъ повторить: «исчезаютъ заблужденія съ измененной души моей, и воскресають въ ней видѣнія первоначальныхъ, чистыхъ дней». Въ 1828—29 г.г. Пушкинъ переживалъ тяжелый душевный кризисъ: «Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?»—тоскливо спрашивалъ онъ и жаловался: «цѣли нѣтъ передо мною, сердце пусто, празденъ умъ». Апатія грозила овладѣть имъ: «бурной жизнью утомленный, равнодушно бури жду»... «Волненьемъ жизни утомленный, оставя заблуждений путь», онъ то мечталъ о мирѣ и покоѣ безстрастнаго созерцательнаго существованія («Монастырь на Казбекѣ»), для котораго вовсе не былъ созданъ, то оплакивалъ свою юность «утраченную въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы», и, перечитывая длинный свитокъ воспоминаній, смирялся передъ величьемъ и красотой идеала, который неизмѣнно носилъ въ душѣ и благородно переоцѣнивалъ тяжесть своихъ грѣховъ. «Царское-сельскія хранительныя сны» приводили ему на память «силу, гордость, упованье и отвагу юныхъ дней», когда онъ мечталъ быть не такимъ, какимъ созналъ себя впоследствии. Для насъ Пушкинъ прекрасенъ и въ нашихъ глазахъ оправданъ всей правдой и красотой своей поэзіи и своей жизненной драмой, но самъ онъ судилъ себя инымъ судомъ, судомъ личной совѣсти; «Можно ли не подвигнуться душою, прослушавъ этотъ голосъ, поразительной скорбью, жаромъ и глубокой поэзіей души!» говоритъ Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина»—«Русс. Бесѣда» 1859 г., т. V, отд. III, стр. 76). Пушкинъ тогда еще не созналъ высокой цѣнности своей поэтической личности, не созналъ еще, что «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный», а въ данномъ случаѣ взглянулъ на свою жизнь какъ на неудавшуюся. Ему не только казалося, что онъ погрязъ нравственный идеалъ. Окидывая взоромъ свое прошлое, онъ увидѣлъ въ немъ рядъ неудачъ, изъ которыхъ самой горькой было сердечное одиночество. Его душу жгла неизгладимая память великой любви, «тайнственной и унылой», «непризнанной», «отверженной и вѣчной». Еще недавно онъ пережилъ безплодныя увлеченія Олениной и Закревской, а теперь, вѣчный искатель любящаго сердца, онъ мечталъ о Гончаровой. И за всѣ эти «недоступныя мечты» онъ платилъ лучшими сокровищами своей души. Какъ же непохожи были эти мучительныя переживанія на «мечтанья смутныя» пѣжнаго отрочества, съ его безпечностью и радостями пробуждающагося творчества «въ таинственныхъ долинахъ, весной, при клякахъ лебединыхъ, близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ!»... Равнодушная дремота знакомыхъ долинъ, клики старыхъ лебедей, сіяніе тихихъ водъ—вся эта обстановка слишкомъ

живо напоминала несчастному поэту о невозвратномъ счастьѣ. Его тогдашнія «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» были только историческими воспоминаніями; собственнаго прошлаго у него еще не могло быть,—теперь къ нимъ примѣшались и возобладали надъ ними личныя и душевныя переживанія. Чувствительный къ историческимъ воспоминаніямъ, Пушкинъ въ числѣ царское-сельскихъ памятниковъ снова нашелъ одинъ, бывшій для него возбуждателемъ семейной гордости,—колонну съ надписью: «Побѣдамъ Ганнибала», (Ив. Абр.) дяди его матери, «спредъ кѣмъ среди гибельныхъ пучинъ громада кораблей вспылала, и палъ впервые Наваринъ» (см. № 641). «Перунъ кагульскихъ береговъ—гр. П. А. Румянцевъ, разбившій въ 1770 г. при Кагулѣ, съ 17000 войска, 150-тысячную турецкую армію (см. №№ 216, 326). «Вождь полупошного флага» и «братъ его, герой Архипелага»,—гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій и гр. Ф. Г. Орловъ, участникъ боя при Чесмѣ и побѣдитель турецкой эскадры при о. Гюдрѣ (въ честь перваго брата въ Царскомъ Селѣ, среди пруда, воздвигнута columna rostralis; второму также поставленъ памятникъ). Державинъ въ одѣ на копчяну Ф. Орлова называлъ его: «орелъ изъ стаи той высокою»; это выраженіе могло подсказать Пушкину образъ «Екатерининныхъ орловъ»; Кутузова (см. № 677) Пушкинъ называлъ совсѣмъ по державински—последнимъ «изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ» (см. Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, I. 507). Такъ же чутко, какъ Пушкинъ, вникалъ въ этотъ голосъ прошлаго другой великій поэтъ, Тютчевъ, бывая въ Царскомъ Селѣ: «здѣсь былое чудно вѣетъ обаяніемъ своимъ... здѣсь великое былое слово дышитъ въ забытій»... («Тихо въ озерѣ струится»...; также «Осенней, позднею порой»...). У Фета есть пьеса «Въ саду», въ которой ясно слышится reminiscenція изъ стихотворенія Пушкина.

602. ПОБѢДЕМЪ, Я ГОТОВЪ...

(т. III, стр. 74).

Черновой автографъ, съ помѣтой «23 дек.», находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 25; по указанію П. А. Ефремова (см. его изданія Сочин. II., 1880 г., II, 429; 1882 г., II, 414; т. VIII, 1905 г., стр. 306), существуетъ еще одна цензурная рукопись пьесы, принадлежавшая В. П. Гаевскому (теперь Александровскому лицію). Въ музейной рукописи послѣ хронологической помѣты слѣдуетъ еще стихъ: «Но полно,—разорву оковы я любви»... («Русс. Стар.» 1884, ноябрь, 350). Впервые пьеса появилась въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 г., т. III, № 11, стр. 194—195, подъ заглавіемъ «Элегическій отрывокъ» и съ помѣтой 23 декабря 1829 г., а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», стр. 21, безъ заглавія, замѣннаго въ оглавленіи книги (стр. 207) подзаголовкомъ: «Элегическій отрывокъ», и безъ даты, съ отнесеніемъ къ 1829 г. Текстъ въ обоихъ изданіяхъ одинаковъ, за исключеніемъ 4-го стиха, гдѣ было первоначально: «педвижнаго Кипала». Стихотвореніе включѣно въ автобиографію. Оно относится къ той порѣ, общій характеръ которой Анненковъ («Матеріалы для біографіи П — на» изд. 1855 г., стр. 248) вѣрно опредѣляетъ: «псканіе цѣли для своего существованія, выхода изъ обыкновенной все-

дневности, и невозможность избѣгать волненій жизни, которыя и томили, и привлекали его; естественнымъ слѣдствіемъ этого колебанія мысли и воли были неисполнимыя (?) предположенія и замыслы. Въ это время (7 января 1830 г.) онъ писалъ А. Х. Бенкендорфу: «не будучи еще ни женатъ, ни опредѣливъ въ службу, я желалъ бы совершить поѣздку во Францію либо въ Италию, но если бы на это не послѣдовало разрѣшенія, то я просилъ бы позволенія посѣтить Китай въ составѣ посольства, которое туда отиравается». Николай Павловичъ на всѣ эти просьбы отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ поѣздка въ Европу должна была «разстроить денежные дѣла» Пушкина и «въ то же время отвлечь его отъ занятій», а прикомандированіе къ посольству въ Китай будто бы было невозможно за заполненіемъ штата и необходимостью предварительнаго соглашенія съ пекинскимъ дворомъ (Переписка П—на, акад. изд., № № 400, 404). «Надменная», «гордая дѣва», П. П. Гончарова, за которую онъ тогда сватался (въ маѣ 1829 г. онъ добился только права «надѣяться»), скорбь стала его невѣстой (въ апрѣлѣ), и онъ оставилъ свои мечты о заграничномъ путешествіи, лишь мысленно переносясь иногда въ «Египетъ колоссальный», или на «Кавказъ величавый», или къ скаламъ Шотландіи... (см. въ III, т. стр. 86—87). Несомѣнно, поѣздка за границу была бы ему очень полезна и дала бы ему не только впечатлѣнія иной природы. Когда онъ однажды между пріятелями горячо «руссофильствовалъ и громилъ западъ», А. И. Тургеневъ, передаетъ Вяземскій (Соч., VIII, 168), сказалъ ему: «а знаешь ли что, голубчикъ,—сѣзди ты хоть въ Любекъ»; Пушкинъ расхохотался... (ср. Соч. Вяземскаго, X, 27). Еще въ Одессѣ, потомъ въ Михайловскомъ, онъ собирался бѣжать за границу (см. примѣч. къ № № 385, 387, 417). Въ 1825 г. онъ просилъ позволенія сѣздить за границу подѣлаться, а получилъ разрѣшеніе дѣлаться въ Псковѣ; въ 1829 г. онъ побывалъ съ русскими войсками въ Арзрумѣ, что, собственно, не могло и считаться заграничною поѣздкой, и получилъ за самовольную отлучку рѣзкій нагоній отъ правительства, въ то же время не перестававшаго слѣдить за нимъ. Тѣ страны, о которыхъ мечталъ онъ на рубежѣ 1829—1830 гг., и которыя названы въ письмѣ къ Бенкендорфу, упоминаются и въ стихотвореніи—Китай, Франція, Италия.

Интересъ Пушкина къ Китаю былъ не случайный. Въ его библиотекѣ сохранились книги о Китаѣ, подаренныя ему извѣстнымъ ланцюномъ Бичуринымъ, знатокомъ и поклонникомъ китайской культуры («П. и его соврем.—ки», IX—X, № № 267, 347; см. также № № 139, 381, 591, 596, 756, 1426, 1491, стр. 362). Въ музеѣ калужской архивной комиссіи И. А. Щегловъ («Три дня въ городѣ Калугѣ»—Новое Время 1900 г., № 8830; также «Подвижникъ слова», СПб., 1909, стр. 36) видѣлъ списокъ книгъ, которыми пользовался Пушкинъ во время своего пребыванія у Гончаровыхъ, въ Полотняномъ Заводѣ; въ немъ значатся двѣ книги о Китаѣ: «Богдыханы» названы имъ въ числѣ своихъ «знакомцевъ давнихъ, плодовъ мечты» въ перечнѣ поэтическихъ видѣній, содержащемся въ «Осени». Послѣ этого можно повѣрить разсказу А. О. Смирновой («Записки», I, 45) о слѣдующемъ разговорѣ съ Пушкинымъ: «я спросила его: неужели для его счастья необходимо видѣть фарфоровую башню и великую стѣну? что за идея смотрѣть китайскихъ божковъ?

Онъ увѣрилъ меня, что мечтаетъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ «Китайскаго сироту», въ которомъ нѣтъ ничего китайскаго; ему хотѣлось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тѣни Вольтера». См. также замѣтку З. «Дѣйствительно ли П—нъ интересовался Китаемъ?» («Нов. Время» 1900 г., № 8832). Еще больше манила его, конечно, Европа, и особенно Парижъ. Сидя въ Михайловскомъ, онъ писалъ Вяземскому: «Ты, который не на привязи, какъ можемъ ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, Англ. журналы или Парижскіе театры и..... то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его, и спросишь съ милою улыбкой: гдѣ жъ мой поэтъ? въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удрагъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится—ай да умница!» (Переписка П—на, акад. изд., I, 352). «Для полного счастья»—писалъ въ некрологѣ о Пушкинѣ Леве-Веймарсъ («Journal des Débats»—см. «Русск. Стар.» 1900 г., январь, 78)—«Пушкину недостава- только одного: онъ никогда не бывалъ за границей. Въ первой юности препятствіемъ къ его путешествію по Европѣ служилъ его пылкій образъ мыслей, а въ послѣдствіи его не выпускали изъ Россіи семейныя обстоятельства. Съ какимъ страданіемъ во взглядѣ упоминалъ онъ въ разговорѣ о Лондонѣ и въ особенности о Парижѣ! Съ какимъ жаромъ отзывался онъ объ удовольствіи посѣщать знаменитыхъ людей, великихъ ораторовъ, великихъ писателей! Все это оказалось грезами, съ которыми ему пришлось разстаться прежде ихъ осуществленія». О томъ, какъ стремился онъ въ Италию, мы уже говорили (въ примѣч. къ № № 505, 519; см. также «Записки» Смирновой, I, 90—91. Стихъ «Гдѣ Тасса не поетъ ужъ почной гребецъ» (см. послѣдніе два стиха XLVIII-й строфы 1 гл. «Онѣгина») напомнилъ П. О. Морозову (Соч. П., изд. «Просвѣщ», II, 419, 469) стихъ Байрона: «In Venice Tasso's echoes are no more». Своеобразное употребленіе прилагательнаго «мучительный», въ данномъ случаѣ примѣннаго къ дѣву, у Пушкина встрѣчается не разъ; Байрона онъ называетъ («Гречанкѣ», 1822 г.) «поэтъ мучительный и милый»; тѣнь Ризничъ—«мучительная тѣнь» («Евгеній Онѣгинъ», гл. 6, вар.); «мучительное лицо проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона» (замѣтка о «Полтавѣ»).

Общимъ тономъ и простотой, съ которою Пушкинъ рассказываетъ о своей любви, отрывокъ напоминаетъ пьесу 1828 г. «Каковъ я прежде былъ... Бѣлинскій въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гете (Соч., изд. Венгерова, VI, 266) причислялъ его къ апологическимъ стихотвореніямъ по такимъ признакамъ, какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ его въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина.

603. БРОЖУ-ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦЪ ШУМНЫХЪ.

См. въ исторіи текста.

604. БЛАГОСЛОВЕНЪ И ДЕНЬ, И ЧАСТЬ...

(т. II, стр. 75).

Автографъ этого наброска, впервые напечатаннаго въ «Русс. Старинѣ», 1884 г., ноябрь, 371, находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 106, и воспроизведенъ въ «Русс. Вѣстникѣ» 1899 г., июнь, 387, а также на указанной страницѣ настоящаго изданія; на той же страницѣ музейной тетради изображены горы, черкесь, черкешенка, головы Павла I, Александра I, Наполеона и самого поэта въ напахѣ, и приписана помѣта: «25 мая Коби». Ночь съ 24 на 25 мая 1829 г. и слѣдующее утро Пушкинъ провелъ дѣйствительно въ Коби (см. первую главу «Путешествія въ Арзрумъ» и «Труды и дни П-на», изд. 2-е, стр. 188). По какому поводу созданъ набросокъ, судить трудно. Е. Г. Вейденбаумъ («П-нъ на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 677) пытается связать его единствомъ внутренняго мотива съ пьесой «На холмахъ Грузіи»... (см. выше, примѣч. къ № 576).

605. БЛАГОСЛОВЕНЪ ТВОЙ НОВЫЙ ПУТЬ...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого обрывка, еще неизвѣстный въ печати, находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина. Онъ набросанъ на лоскутѣ бумаги и носитъ помѣту: «[Д]ушетъ 27 мая», благодаря чему легко устанавливается годъ—1829-й; ночь съ 26 на 27 мая и утро Пушкинъ провелъ дѣйствительно въ Душетѣ (см. первую главу «Путешествія въ Арзрумъ», «Труды и дни П-на», изд. 2-е, стр. 189). Быть-можетъ, набросокъ стоитъ въ связи съ предыдущимъ: «Благословенъ и день, и часть»...

606. И ЧУВСТВУЮ—ДУША ВЪ СЕИ ЧАСТЬ...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого наброска находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 107. Впервые онъ напечатанъ П. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (I, 346) въ числѣ тѣхъ не датированныхъ «чисто-лирическихъ звуковъ, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ, души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта», и которые были «писаны въ разное время, и въ дѣлн стихотвореній настоящее мѣсто ихъ было извѣстно только самому автору... Есть между ними такіе, которые не тронуты съ минуты ихъ изложенія. Пушкинъ, вѣроятно, забылъ объ нихъ, вмѣстѣ, можетъ быть, съ чувствами, возбужденными поэтической мыслью. Поблеклые отъ времени и пренебреженными самимъ авторомъ, они сохранились въ бумагахъ его, какъ сохраняется у знаменитаго художника старый рисунокъ его, на который, при случаѣ, онъ броситъ взглядъ съ участіемъ»... Въ болѣе вѣрной передачѣ напечатанъ набросокъ въ «Русс. Старинѣ», 1884 г. ноябрь,

371. Въ изданіяхъ Г. Н. Геннадіа (1859 г., I, 602, 1870 г., I) онъ, какъ у Анненкова напечатанъ безъ даты, П. О. Морозовъ въ изданіи литерат. фонда (I, 232), Л. Н. Майковъ («Матеріалы для академич. изд., сочин. П.», 77) и П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ сочиненій П—на (1880 г., I, 326; 1882 г., I, 509; 1902 г., I, 379; см. также «А. С. П—нъ въ его поэзіи» А. Незеленова, Спб., 1882, стр. 67). отпесли его, думая что онъ вызванъ «юрзуфскимъ» воспоминаніями, къ 1820 г. Однако, судя по положенію его среди другихъ черновиновъ и по весьма вѣроятному предположенію о связи его съ записаннымъ на слѣдующей страницѣ рукописи черповикомъ пьесы «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла»... его нужно отнести къ маю 1829 г. На эту связь указалъ В. Е. Якушкинъ («О П—нѣ», М., 1899, стр. 132), въ разборѣ «Матеріаловъ» Л. Н. Майкова и книги Шляпкина («Новыя изданія текстовъ П—на»—«Русс. Вѣдом.», 1903 г., № 66) еще разъ и опредѣленнѣе высказавшійся: весьма вѣроятно, что набросокъ «И чувствую» имѣетъ прямое отношеніе къ элегіи, находящейся на оборотѣ: «Все тихо, на Кавказѣ идетъ ночная мгла»... и помѣченной 15 мая. Во всякомъ случаѣ, по указаніямъ рукописи мы должны признать, что данный набросокъ написанъ въ 1829 г., и что въ немъ отражаются воспоминанія не о Гурзуфѣ и М. (?) Н. Раевской, а воспоминанія на Кавказѣ о Москвѣ и о Гончаровой (?) (Насколько послѣдняя догадка заслуживаетъ довѣрія см. выше, примѣч. къ № 576). Присоединился къ этому указанію И. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. П—на», Спб., 1903, стр. 8).

607. КРИТОНЪ, РОСКОШНЫИ ГРАЖДАНИНЪ...

(т. III, стр. 76).

«Въ Арзрумѣ, 14 іюня (1829 г.) промелькнула въ головѣ (Пушкина) мысль, не оставившая потомъ никакого слѣда», говоритъ Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій П—на (I, 222), впервые печатая не совсѣмъ точно и полно этотъ набросокъ, въ болѣе исправной и полной редакціи появившійся въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 357, съ подлинника, находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 103. Обыкновенно онъ датируется издателями такъ: «14 іюля, Арзрумъ, баня, чума», но эта помѣта стоитъ надъ стихотвореніемъ и, конечно, относится не къ нему, а къ путевому журналу и означаетъ день, когда Пушкинъ, находясь въ Арзрумѣ, посѣтилъ баню и узналъ, что въ городѣ появилась чума; объ этомъ см. пятую главу «Путешествія въ Арзрумъ», гдѣ повторена эта дата—14 іюля (у Анненкова «іюня» описка или опечатка); см. «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 190, 193; «Русс. Стар.», 1880 г., июнь, 320. Но на той же страницѣ рукописи, рядомъ съ пьесой, стоитъ другая помѣта—16 іюня, которую можно считать ея точной датой. Эпитетъ «роскошный гражданинъ» уже былъ однажды употребленъ Пушкинымъ также въ примѣненіи къ дѣнди древности—именно къ Овидію, котораго онъ въ извѣстной пьесѣ 1821 г. называлъ: «Златой Италіи роскошный гражданинъ». Имя Критона Пушкинъ далъ впоследствии другому своему своему изящному античному герою: одинъ изъ принимающихъ пѣвнито-ужасный вызовъ Клеопатры, въ «Египетскихъ почкахъ».—«Критонъ, младой му-

дрецъ, рожденной въ рошахъ Эпикура, Критонъ поклонникъ и пѣвецъ Харитъ, Киприды и Амура»... Таковъ, повидимому, и герой разсматриваемой пьесы, который тоже «во цѣлѣ жизни предавался всѣмъ упоеннымъ бытіямъ». Повидимому, она не должна была носить антологическій характеръ, а была приступомъ къ развитію болѣе сложнаго замысла, о которомъ можно лишь смутно догадываться. Керамикъ—площадь въ Афинахъ.

608. БЫЛЪ И Я СРЕДИ ДОНЦОВЪ...

(т. III, стр. 76).

Впервые пьеса была напечатана П. В. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (I, 222), въ числѣ «нѣсколькихъ бѣглыхъ мыслей, навѣянныхъ случаемъ, встрѣчей, минутной вспышкой вдохновенія» и сохранившихся въ тетрадяхъ Пушкина время путешествія 1829 г. на Кавказъ. Она не вошла въ отдѣла; варианты сообщены въ «Рус. Стар.» 1884 г., ноябрь, 357—358, съ подлинника находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 103, а также л. 102 об. (о текстѣ см. въ общей статьѣ, посвященной тексту). По поводу происхожденія пьесы Анненковъ говоритъ: «на обратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ тридцать человѣкъ линейныхъ казаковъ, сопровождавшихъ Пушкина и возвращавшихся на родину, встрѣтили казачій полкъ, шедшій имъ на смѣну. Приветственные выстрѣлы изъ пистолетовъ загремѣли съ обѣихъ сторонъ въ знакъ радости, а потомъ земляки наскоро обмѣнялись новостями, которыя впустили Пушкину нѣсколько строчекъ»... Здѣсь Анненковъ пересказалъ содержаніе одного, не включеннаго, по цензурнымъ, конечно, условіямъ, въ «Путешествіе въ Арзрумъ» отрывка, гдѣ описывается встрѣча двухъ казачьихъ отрядовъ. Разговоры и разспросы земляковъ о домашнихъ дѣлахъ, обѣщаніе казака, который узналъ, что ему измѣнила оставшаяся дома жена, побить виновницу, а «коли сѣна на зиму припаса, такъ и простить», навели поэта на размышленія «о простотѣ казачьихъ нравовъ» (В. Е. Якушкинъ, «О Пушкинѣ», М., 1899, стр. 172—174), и плодомъ этихъ, можетъ быть, мыслей явилась граціозная, веселая пьеска, написанная въ рѣдкой у Пушкина куплетной формѣ. Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочин. Пушкина, I, изд. 3-е, 294) рѣшилъ, что она «написана во второй половинѣ іюля, на возвратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ», но такъ какъ этого не видно ни изъ самого стихотворенія, ни изъ упомянутаго прозаическаго отрывка, который Анненковъ, по словамъ П. А. Ефремова (см. его изданіе сочин. П., 1903 г., V, 225), «переписалъ, не обозначивъ, однако, мѣста, къ которому онъ принадлежалъ» (у Ефремова онъ присоединенъ почему-то къ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»; см. Е. Г. Вейденбаумъ «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 678), то, за невозможностью ни судить о времени описанной Пушкинымъ встрѣчи казачьихъ отрядовъ, ни категорически считать пьесу вытекшей изъ впечатлѣній этой встрѣчи, ее, по изложеннымъ соображеніямъ и по положенію автографа въ черновой тетради, нельзя датировать точно, какъ второй половиною 1829 года. Она положена на музыку Л. Ф. Энгелемъ («Памяти П.—па, Петербургск. унверс. пупк. сборн.», 1900 г., стр. 70). См. также предыдущее примѣчаніе.

609. ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДѢВИЦА...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого черноваго наброска находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 101 об.; и, судя по положенію его среди другихъ черновиковъ, относится къ началу осени 1829 г.; впервые онъ былъ напечатанъ, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 358. Создался онъ, вѣроятно, подъ влияніемъ знакомства съ казачьимъ бытомъ и пѣснями и посвященій казачьихъ станицъ въ 1829 г., по дорогѣ съ Кавказа па сѣверъ. См. также слѣдующее примѣчаніе.

610. ЗОРЮ БЬЮТЬ...

(т. III, стр. 76).

Впервые напечатанъ это «стихотвореніе, порожденное внезапнымъ звукомъ военной зори, поразившимъ поэта», П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., I, 223). Подлинникъ находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 104 об.; варианты приведены въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 370. Анненковъ и вслѣдъ за нимъ всѣ другіе издатели относятъ пьесу къ 1829 г.; эта датировка оправдывается положеніемъ автографа въ черновой тетради. Нѣсколько точно можно датировать ее второю половиною года. Съ собою на кавказскомъ театрѣ поины Пушкинъ возилъ нѣсколько книгъ (см. М. В. Юзефовичъ «Памяти Пушкина»—«Русс. Арх.» 1880 г., III, 444); въ числѣ ихъ, можетъ быть, находилась и Данте. Въ его библиотекѣ сохранилось нѣсколько изданій Данте въ подлинникѣ и во французскихъ переводахъ, къ числѣ послѣднихъ—реюмановое переложеніе, изданное въ 1596 г.—быть можетъ, тотъ самый «ветхій Данте», о которомъ говоритъ поэтъ, если считать эпитетъ «ветхій» приложимымъ къ старинному изданію, а не къ самому порту XIII вѣка; есть изданія 1828 и 1829 г., остальные позднѣе (см. П. и его современники, IX—X, стр. 217—219). «Выраженіе «Пачатыи стихи»—говоритъ В. Я. Брюсовъ («Зналъ ли П. по-итальянски?»—«Русс. Арх.», 1908, III, 585)—«позволяетъ думать, что Пушкинъ читалъ Данте по-итальянски. Въ рукахъ Пушкина могло быть одно изъ многочисленныхъ французскихъ изданій Данте, дающихъ французскій переводъ Комедіи и итальянскій текстъ en regard; но все же надо полагать, что въ важныхъ мѣстахъ Пушкинъ справлялся съ подлиннымъ стихомъ поэта». Во всякомъ случаѣ въ библиотекѣ Пушкина нѣтъ ни одного изданія съ двойнымъ текстомъ; въ упомянутомъ старинномъ французскомъ стихотворномъ переводѣ нѣтъ итальянскаго текста. Конечно, у Пушкина могъ быть экземпляръ другого изданія, намъ неизвѣстный. Пушкинъ, рассказывается «въ запискахъ А. О. Смирновой (т. I, 1895 г., стр. 185), «бралъ съ собою «Божественную комедію» въ Эрзерумъ и читалъ ее часто у себя въ палаткѣ, освѣщенной огаркомъ, вставленнымъ въ бутылку. Онъ говорилъ, что въ то время чтеніе это производило на него совсѣмъ особенное успокоительное впечатлѣніе. Зрѣлище войны возбуждало его, голова его горѣла, а величіе Данте, который самъ былъ одно время солдатомъ, успокаивало его пылающую голову»; впрочемъ, зная рецептъ составленія

смирновскихъ записокъ, можно думать, что это «вспоминаніе» просто сочинено именно по Анненкову и собранію произведеній Пушкина. Если 5-й стихъ пужно читать дѣйствительно «Умъ далече улетаетъ», то онъ напоминаетъ стихъ изъ эпизода «Руслана и Людмилы»: «Умъ улеталъ за край земной». Къ барабанному бою «зори» Пушкинъ привыкъ еще въ Царскомъ Селѣ, гдѣ до него всегда доносились эти звуки изъ казармъ или съ дворцовой караульни. Слышавъ ихъ на Кавказѣ, онъ тепло и благодарно вспомнилъ свои юношескіе годы, когда онъ «тихо развивался», «въ садахъ Лицея безмятежно расцвѣталъ». Объ отношеніяхъ Пушкина къ Данте см. ниже, примѣч. къ № 693.

611. ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПѢСНИ...

(т. III, стр. 76).

Испещренный множествомъ поमारокъ, трудно подающийся прочтенію черновой набросокъ этой пѣсы находится въ 2382-й тетради московскаго Румяндовскаго музея, л. 27. Часть стиховъ впервые была напечатана въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 351—352, а нѣсколько болѣе полный, хотя тоже не совсѣмъ исправный текстъ далъ П. О. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда (II, 85—86), отпеснѣй пѣсу къ концу 1829 г., такъ какъ въ музейной тетради ей предшествуютъ и за нею слѣдуютъ наброски «Брожу лия вдоль улицъ шумныхъ»... Осторожнѣе будетъ датировать пѣсу не столь опредѣленно—концомъ 1829 или началомъ 1830 г. Текстъ ея и въ настоящемъ изданіи, естественно, не можетъ считаться вполне точнымъ (см. въ общей статьѣ о текстѣ). Пѣса есть довольно близкій къ подлиннику переводъ первыхъ 32 стиховъ «Hymn to the Penates» Роберта Соути (изъ него Пушкинъ перевелъ также «Родрига», см. ниже, № 734), но не только переводъ, а еще интимно-лирическое выраженіе завитыхъ чувствъ и думъ самого Пушкина. Отъ нея, говорить не зная, что она есть переводъ, С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П-на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 39—40), «въѣтъ чисто-античнымъ духомъ... Читываясь въ это стихотвореніе, невольно проникаешься изумленіемъ, до какой степени Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, былъ способенъ усвоить себѣ чисто-древне-эллинское мировоззрѣніе. Кажется, будто читаешь произведеніе какого-нибудь поэта-философа времени Сократа, когда народная мифологія перестала уже удовлетворять пытливаю фантазію, когда осыпавшая вѣра подернулась уже туманомъ скептицизма, и мысль передовыхъ людей тщетно старалась создать своихъ боговъ и подыскать для нихъ новую генеалогію. Правда, въ приведенномъ отрывкѣ съ чисто-филологической точки зрѣнія встрѣчается непростительный промахъ—перенесеніе римскихъ «пенатовъ» въ греческую мифологію, но эта вольность или неточность, кстати сказать, встрѣчающаяся даже у архи-язычника Гёте, въ значительной степени выкупается такими чисто Гомеровскими эпитетами, какъ: «совѣтники Зевеса», «волоокая Гера», «мудрая богиня, дѣва силы, Аѳинская Паллада». Посвященіе гимна богамъ домашняго очага имѣетъ особыя причины, кроющіяся въ тогдашнихъ обстоятельствахъ жизни поэта. Извѣстно, съ какими чувствами похвалъ

онъ въ 1829 году на Кавказѣ. Увлеченіе Гончаровой, неопредѣленный отбѣтъ, не дававшій ни надежды, ни отказа вызвали въ немъ еще сильнѣе потребность тихаго семейнаго счастья, исканіе своего собственнаго семейнаго очага... Поэтъ предается мечтамъ о своемъ прошломъ: онъ вспоминаетъ «свое изгнаніе», «свою пустынную жизнь»,—и образъ «святого пепелища» возстаетъ передъ нимъ съ неустойчивой силой. Невольно воображеніе переноситъ его въ родное Михайловское, гдѣ вдали отъ «стада людскаго» онъ предавался уединенной работѣ мысли «бесѣдуя одинъ съ самимъ собой» и учась не полагаться на мнѣнія толпы, но «читать самого себя», уважая свое собственное человеческое достоинство». Часть этихъ замѣчаній приходится отнести къ Соути, но не подлежитъ сомнѣнію, что Пушкинъ нашелъ у англійскаго поэта выраженіе того, что самъ мыслить и чувствовалъ, и между прочимъ нравственно-философскую истину, которую провозгласилъ на закатѣ своихъ дней: «никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угождать» («Изъ VI Пиндемонта»). Еще задолго до рокового конца, когда онъ, «усталый рабъ, замыслилъ побѣгъ въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ» (см. «Пора, мой другъ! пора...»), ему наскучило быть играющимъ обстоятельствомъ, и его влекло въ объятія «сельской нѣги и домашней тишины» («Цыганы», 1830 г.). Рѣдко, гдѣ Пушкинъ обнаружилъ такъ ясно сущность своей души, ея внутреннюю красоту и глубокую мудрость, какъ въ этой вдохновенной молитвѣ, чтобы прекратилась «пустынная», пустая при всей ея вишней пестротѣ, суетная жизнь, и началась новая, полная творческаго покоя и созерцательной тишины; рѣдко посылала ему вдохновеніе такія «пѣсни важныя, внушенныя богами».

Слова «смокнувшую лиру»... и т. д. напоминаютъ стихи изъ «Онѣгина» («Странствіе XXXII»): «вътру въ даръ, на темну ель повѣсилъ звонкую свирѣль». Э. Е. Коршъ обратилъ вниманіе на дѣйствительно неудобное сочетаніе звуковъ въ словахъ «Великій Зевсъ съ супругой» («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева», Спб., 1898, стр. 297), которое, конечно, Пушкинъ устранилъ бы, если бы отбѣлалъ стихотвореніе. Быть можетъ, съ нимъ связана неизданная еще пѣса «О боги мирные полей, дубравъ и горъ»... («II. и его соврем.—ки», IV, 20).

612. ЗАЧѢМЪ, [ЕЛЕНА], ТАКЪ ПУГЛИВО...

(т. III, стр. 77).

Съ черноваго подлинника, находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румяндовскаго музея, л. 17, этотъ набросокъ впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 348 (о текстѣ см. въ общей статьѣ, посвященной тексту). Судя по положенію, онъ относится къ второй половинѣ 1829 г. Судить о его замыслѣ невозможно.

613. ВО ВРЕМЯ ОНОЕ, БЫЛОЕ...

(т. III, стр. 77).

Очень исчерпанное стихотвореніе это находится въ 2382-й тетради московскаго Румяндов-

скаго музея, л. 39 об.; впервые оно было напечатано, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 355; судя по положенію среди другихъ черновиковъ, оно относится къ второй половинѣ 1829 г., а, можетъ-быть, и къ 1830 г. Здѣсь Пушкинъ вспоминаетъ о своей первой поѣздкѣ на Кавказъ, въ 1820 г., когда онъ «питался чувствами нѣмыми и чудной предѣстью картинъ природы дикой и угрюмой» («Русланъ и Людмила») и, общалъ никогда не забывать «кремнистыя вершины, гремячіе ключи, увядшія равнины, пустыни знойныя» (посвященіе «Кавказскаго Пѣвника»). Но тогда Пушкинъ побывалъ собственно только въ Предкавказьѣ и въ его «святѣише глухое», какъ названо, вѣроятно, Даріальское ущелье, поэту удалось попасть лишь въ 1829 г. «Кавказъ насъ припалъ въ свое святѣишѣ», говоритъ Пушкинъ, описывая начало Военно-Грузинской дороги (первая глава «Путешествія въ Арзрумъ»): «мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ... Стѣнный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь»... Въ кабинетѣ Пушкина висѣла картина Чернецова, изображающая Даріальское ущелье (Каталогъ Москов. Пушкинской выставки 1899 г., № 398).

614. И ВОТЪ УЩЕЛЬЕ МРАЧНЫХЪ СКАЛЪ...

(т. III, стр. 77).

Непосредственно за предыдущимъ наброскомъ на слѣдующей страницѣ рукописи (2382-я тетрадь московскаго Румицковаго музея, л. 40а об.) находятся сильно исчерканныя строки, изъ которыхъ поддаются прочтенію лишь четыре приведенныя, впервые напечатанныя въ «Русс. Стар.» 1884 г., ноябрь, 355. Можно предположить, что онѣ представляютъ собою дальнѣйшее развитіе стихотворенія: «Во время оное, былое»...; въ нихъ описывается, повидимому, выходъ изъ Даріальскаго ущелья, когда «свѣтлыя долины смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ»... («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. I).

615. СТРАШНО И СКУЧНО.

(т. III, стр. 78).

На той же страницѣ, гдѣ записанъ предыдущій набросокъ, находятся эти, очень исчерканные, стихи, связанные съ предшествующими имъ единствомъ содержанія, а, можетъ-быть, и творческаго замысла. Они впервые напечатаны, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 356. Повидимому, въ нихъ описывается Даріальское ущелье, гдѣ Пушкинъ почевалъ (въ Ларсѣ) на «новосельѣ», такъ какъ былъ здѣсь въ 1829 г. въ первый разъ. Прозаическимъ комментариемъ къ стихамъ можетъ служить отрывокъ изъ первой главы «Путешествія въ Арзрумъ», гдѣ говорится о Даріальскомъ ущельѣ. «Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣпами. Здѣсь такъ узко, нишеть одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсоту. Ключекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты

мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, страшную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ... Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразныя водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія»... Вѣроятно, всѣ три отрывка, отмѣченные здѣсь № № 613—615, вышли изъ одного замысла (описаніе поѣздки и Военно-Грузинской дороги) и относятся приблизительно къ одному времени.

616. БЫТЬ ВЪ СРАЖЕНЬИ ПОХВАЛЬНО...

(т. III, стр. 78).

Съ копій П. В. Анненкова И. А. Шляпкина («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. 69—70) напечаталъ впервые это стихотвореніе и предположительно отнесъ его къ 1829 году, думая, вѣроятно, что въ пемъ Пушкинъ говоритъ о своихъ кавказскихъ впечатлѣніяхъ этого года. П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 313), съ «эстетической» точки зрѣнія, усомнился въ принадлежности его Пушкину. Однако, въ принадлежащихъ Анненкову, а потомъ Л. Н. Майкову бумагахъ Пушкина (майковская коллекція рукописей Пушкина въ академіи наукъ) оказался автографъ пьесы, но словамъ описанія коллекціи («II. и его современн., IV, 5—6), набросанный, съ померками, на бумагѣ съ клеймомъ 1822 г.; авторъ «описанія» почему-то думаетъ, что пьеса относится къ 1824—1825 г.г. Намъ не представляется возможнымъ датировать ее точнѣе, чѣмъ двадцатыми годами. Поэтъ выразилъ въ ней свое неизмѣнное, трезвое и мужественное отношеніе къ войнѣ; она прельщала его своими опасностями, нравилась красотой и въ то же время не гасила свѣтлыхъ, гуманныхъ чувствъ, которыя, находилъ Пушкинъ, встрѣчаются рѣже, чѣмъ военная храбрость. См. во II томѣ настоящ. изданія, примѣч. къ № 278.

617. ХОТѢЛЪ Я ДУШУ ОСВѢТИТЬ...

(т. III, стр. 78).

Этотъ набросокъ, какъ и предыдущій, былъ впервые напечатанъ, съ не совсѣмъ точной анненковской копій, П. А. Шляпкинымъ (ор. с., 70), также предположительно отнесенъ къ 1829 г. на томъ основаніи, что «кажется, это начало стихотворенія, написаннаго одновременно или послѣ эрзерумской поѣздки 1829 г.», и такъ же, какъ и предыдущій, подвергнуть П. А. Ефремовымъ (ibid) сомнѣнію въ отношеніи принадлежности перу Пушкина. Это сомнѣніе и безъ того неосновательное, совершенно устраняется оказавшимся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина автографомъ («II. и его современн., IV, 16), написаннымъ на бумагѣ съ клеймомъ 1829 г. Такимъ образомъ, отрывокъ надо считать набросаннымъ позднѣе 1829 года; такъ какъ на томъ же листѣ записаны нѣсколько плановъ «Дубровскаго», то отрывокъ приходится датировать не опредѣленно, какъ тридцатыми

годами. Впрочемъ, созданъ онъ дѣйствительно подъ вліяніемъ воспоминаній о путешествіи 1829 года на кавказскій театръ войны, гдѣ поэтъ искалъ «не злата и чести», а «забвенья сладкаго близъ друзей мнѹвшей юности», брата Льва Сергѣевича, Вальховскаго, П. П. Раевскаго.

618. О, НѢТЪ, МНѢ ЖИЗНЬ НЕ НАДОБЛА...

(т. III, стр. 78).

Автографъ этого чернового наброска находится въ приобретенномъ правительствомъ у А. Ф. Отто (псевд. Онѣгинъ) собраніи рукописей Пушкина («П. и его соврем-ки», XII, 18). Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Нов. Времени» 29 января 1887 г., № 3922, но неточно. 2-й стихъ, судя по описанію (ibid.), читается: «Я жить люблю, я жить хочу»...; самый подлинникъ еще остается недоступнымъ. П. О. Морозовъ (Сочин. II, изд. «Просвѣщенія», II, 218) почему-то отнесъ его къ 1836 г.; по мнѣнію бывшаго владѣльца подлинника онъ относится къ двадцатымъ годамъ (см. Сочин. Пушкина, изд. Ефремова, т. VIII, 1905 г., стр. 307—308). Правда, Пушкинъ говоритъ объ «утрагѣ молодости», концомъ которой онъ считалъ для себя тридцатилѣтній возрастъ: «ужель мнѢ скоро тридцать лѣтъ? Такъ, полдень мой насталъ»... («Евгеній Онѣгинъ», 6, XLIV—XLV); себя, «жениха тридцатилѣтняго», онъ считалъ, по идее, уже немолодымъ женихомъ (письмо къ Плетневу 31 августа 1830 г.), но подобныя данныя слишкомъ шатки и неопредѣленны, и на нихъ трудно основываться. Вопросъ о датѣ разсматриваемаго наброска, такимъ образомъ, остается открытымъ. Обычное пушкинское жизнерадостіе отразилось въ немъ. Несмотря на неотвязную мысль о смерти (см. выше, примѣч. къ № 603), онъ все-таки любилъ жизнь, хотѣлъ жить, «чтобъ мыслить и страдать», или даже ради одного «любопытства» (см. ниже, № 632) и боялся смерти—но не такъ, какъ Гамлетъ и Лермонтовъ («Что если сонъ видѣнья посѣтитъ»...), а иначе, по-своему, страшась, что «съ ризою гробовой всѣ чувства брошу я земныя, и чуждъ мнѢ будетъ мѣръ земной.. минутныхъ жизни впечатлѣній не сохранить душа моя, не буду вѣдать сожалѣній, тоску любви забуду я»... («Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный»..., 1822 г.). И если такъ, то «что въ смерти добро?» и страшно идти въ «могилу тещю».

619. ТО БЫЛО ВСКОРѢ ПОСЛѢ БОЯ...

(т. III, стр. 78).

Впервые этотъ черновой набросокъ, въ настоящемъ изданіи переданный въ «извлеченіи», былъ напечатанъ съ подлинника И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. VIII и 11), подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Послѣ битвы» и съ отнесеніемъ къ 1829 году на томъ основаніи, что въ немъ будто бы

«отразился кавказскій впечатлѣніи изъ Эрзрумской побѣды 1829 года». Между тѣмъ, какъ указалъ П. О. Морозовъ (Сочин. II, изд. «Просвѣщенія», III, 643), это—попытка перевести начальную строфу «Мазень» Байрона, изъ которой Пушкинъ взялъ три стиха въ видѣ эпиграфа къ «Полтавѣ» (въ первомъ изданіи поэмы). Ср. примѣчанія П. Е. Щеголева въ статьѣ «Ненаписанныя стихотворенія Пушкина»—«Историч. Вѣстн.», 1904, январь, 269—270. На оборотѣ подлинника набросанъ отрывокъ изъ черноваго письма 1835 г. къ гр. А. Ф. Бенкендорфу, влѣяствіе чего В. В. Синоускій («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1903 г., июнь, 449) отнесъ стихотвореніе къ 1835—1836 г.г. По словамъ П. Е. Щеголева (ibid.), подлинникъ носитъ клеймо 1830 г. (?) Такимъ образомъ, отрывокъ можно датировать приблизительно тридцатыми годами и считать не связаннымъ съ «Полтавою», а самостоятельнымъ приступомъ къ переводу изъ Байрона.

619-а. «ЭПИГРАММА».

Сѣдой Свистовъ! ты царствовалъ со славою;
Пора, пора! сложи съ себя вѣнецъ:
Питомецъ твой младой, цвѣтущій, здравой
Тебя смѣнитъ, великій нашъ пѣвецъ!
Се: внемлетъ мнѢ маститый собесѣдникъ,
Свершается судьбины произволъ,
Является младой его наследникъ:
Свистовъ II вступаетъ на престолъ!

Арз.

Впервые эта эпиграмма появилась въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» на 1830 г., «Поэзія», стр. 97, а затѣмъ мы ее воспроизвели, какъ предполагаемую пьесу Пушкина, въ «Рѣчи» 1910 г., № 52, еще не зная, что стихотвореніе, подлинникъ котораго неизвѣстенъ, упомянуто Пушкинымъ въ одномъ перечнѣ стихотвореній, гдѣ рядомъ съ посланіемъ «Къ вельможѣ», отмѣчено:—«Сѣдой Хв.» (см. «П. и его совр-ки», IV, 24—25). Псевдонимъ, которымъ подписана «Эпиграмма», не раскрытъ въ современной Пушкину литературѣ; въ той же книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» онъ только повторенъ въ оглавленіи (стр. IV), рядомъ съ именами Пушкина же, а также Баратынскаго, Вяземскаго, Дельвига, Подолнскаго, Вас. Туманскаго, Тенякова, Хомякова и другихъ популярныхъ поэтовъ пушкинской эпохи. Раскрытіе псевдонима мы встрѣтили въ книгѣ В. С. Карцова и М. И. Мазаева. «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», Спб., 1891, стр. 10, гдѣ указано: «Арз. («Сѣверные Цвѣты» 1830 г.) А. С. Пушкинъ».

«Эпиграмма» носитъ всѣ признаки принадлежности перу Пушкина, и съ нею связывается любопытный эпизодъ. «Свистовымъ» въ сатирической литературѣ пушкинскихъ временъ называли знаменитаго метромана графа Д. И. Хвостова, по чьему-то (едва ли не Пушкина) мѣткому выраженію страдавшаго «недержаніемъ стиховъ» «Свистовымъ» называлъ Хвостова и Пушкинъ («Городокъ», «Моему Аристарху»). До насъ дошли уморительныя пародіи на Хвостова, сочинявшіяся молодыми новаторами-карамзинистами въ безшабашно-веселыхъ засѣда-

нiяхъ прославленнаго литературнаго общества «Арзамасъ». Пушкинъ не только раздѣлялъ литературные взгляды «Арзамаса», но еще на лицейской скамьѣ принадлежалъ къ нему въ качествѣ не присутствующаго члена. Выйдя изъ лицей, онъ вступилъ въ Арзамасъ на правахъ дѣйствительнаго члена и при этомъ произнесъ, согласно обычаю, вмѣсто вступительной рѣчи, юмористическое надгробное похвальное слово кому-то изъ литературныхъ противниковъ (см. т. I настоящ. изд., стр. 430). Подъ посланиемъ 1817 года «Къ Жуковскому», содержащимъ своего рода программу дѣятельности «Арзамаса», Пушкинъ подписался: «Арзамасецъ». Статью свою «О Г-жѣ (Сталь и Г-нѣ М.») (въ Московск. Телегр.) 1825 г., № 12) Пушкинъ подписалъ «Ст. Ар.», т. е. «Старый Арзамасецъ». Эта подпись объясняетъ псевдонимъ «Арз.» Несомнѣнно, «Арз.» значитъ—«Арзамасецъ». И по содержанию интересующей насъ «Эпиграммы», и по имени Свистова, и по подписи ясно, что это стихотвореніе относится къ временамъ «Арзамаса» и представляетъ собою одинъ изъ слѣдствъ его дѣятельности. Въ числѣ участниковъ «Сѣверныхъ Цѣвѣтахъ» 1830 г. мы находимъ лишь двухъ бывшихъ арзамасцевъ—Пушкина и князя П. А. Вяземскаго. Но ни «Арзамасецемъ», ни «Арз.» Вяземскій никогда не подписывался; этихъ псевдонимовъ нѣтъ въ полномъ спискѣ его псевдонимовъ, который составилъ, пользуясь его же указашиями, извѣстный библиографъ С. И. Пономаревъ («Сборн. отд. русс. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ»), т. XX, прилож. «Памяти кн. П. А. Вяземскаго, стр. 140—141). И вообще нигдѣ больше не встрѣчаются подписи: «Арзамасецъ» и «Арз.». Кто же, кромѣ Пушкина, могъ подписаться этимъ псевдонимомъ въ «Сѣверныхъ Цѣвѣтахъ»? Въ той же книжкѣ альманаха, гдѣ помѣщена «Эпиграмма», напечатаны еще отрывокъ изъ седьмой главы «Евгенія Онѣгина» и восемь стихотвореній Пушкина, съ его фамиліей и указаніемъ его, какъ автора, въ оглавленіи. Рядомъ съ такими пѣсами, какъ «Зимній вечеръ» или «Я васъ любилъ»..., конечно, «Эпиграмма», по всей вѣроятности, юношеская, не заслуживала подписи. Тономъ «Эпиграммы» напоминаетъ «Оду его сіятельству графу Д. И. Хвостову», которую Пушкинъ почтилъ въ 1825 году старому графоману. Кого разумѣлъ поэтъ подъ именемъ наслѣдника Хвостова, мудро можно сказать: и въ ту эпоху, какъ всегда, много было стихотворцевъ, достойныхъ вѣнца Хвостова.

Однако, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ альманаха нашелся литераторъ, принявшій эпиграмму на свой счетъ и узнавшій въ ней себя. Это былъ журналистъ болгарскаго толка М. А. Бестужевъ-Рюминъ въ свое время извѣстный (онъ былъ къ тому же горькій пьяница) подъ именемъ Бестужева-Рюмина, типичный представитель того журнализма, который въ наши дни размножился, процвѣлъ и приобрѣлъ прозвище бутерброднаго журнализма, револьверной прессы и т. под. Этотъ литературный хулиганъ двадцатыхъ годовъ не разъ выступалъ противъ Пушкина, который не удаивалъ его прямого отвѣта. Въ 1829 г. онъ издалъ альманахъ «Сѣверная Звѣзда», въ которомъ позволилъ себѣ напечатать нѣсколько стихотвореній Пушкина безъ разрѣшенія автора, да еще въ предисловіи нахально благодарилъ какого-то несуществующаго «Ап.», «доставшаго къ нему тринадцать пѣснь, изъ коихъ нѣсколько помѣщено въ сей книжкѣ». Пушкинъ былъ возмущенъ глгошью Бестужева-Рюмина, который не только

не просилъ у него разрѣшенія напечатать его стихи, но даже объявилъ, что «не всѣ удостоились напечатанія». Въ извѣстныхъ подъ заглавіемъ «Альманашикъ» наброскахъ, повидимому, для бытовой комедіи, Пушкинъ выводитъ Бестужева-Рюмина подъ именемъ Бестыдина. Стоитъ замѣтить, что въ «Сѣверной Звѣздѣ», гдѣ были воровски напечатаны стихи Пушкина, великій поэтъ былъ вдобавокъ обруганъ. Булгаринская партія въ полемикѣ съ лагеремъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, охотно прибѣгала къ самымъ некрасивымъ и грубымъ приемамъ и неделикатнымъ намекамъ. Такъ, барона Дельвига эти полемисты называли «баронъ Шнапсъ фонъ-Габенихтсъ». Чтобы сдѣлать ясными намеки на Пушкина, беззубыя и ругательныя пародіи подписывали псевдонимами: «Ома Пищалинъ» или «Африканъ Желтодомовъ» (намекъ на происхожденіе Пушкина съ материнской стороны). Такой же милый своими надѣлся Бестужевъ-Рюминъ найти у своихъ вротинниковъ. Онъ подписывался «Аристархъ Завѣтный» или, сокращенно, «Ар. З.»; увидѣвъ въ «Сѣверныхъ Цѣвѣтахъ» подпись «Арз.» подъ эпиграммою, онъ отнесъ ее къ себѣ и немедленно помѣстилъ въ своей газеткѣ «Сѣверный Меркурій» 1830 г., № 3, 6 января, стр. 12, слѣдующій отвѣтъ:

КЪ АРЗ.

Въ отвѣтъ на ея эпиграмму, напечатанную въ «Сѣверныхъ Цѣвѣтахъ» въ 1830 году, стр. 97.

Чтобъ подслужиться въ Альманахъ
Своимъ произведеніемъ новымъ,
Въ нескладныхъ ты своихъ стихахъ
Меня зовешь вторымъ Свистовымъ,
Но ихъ прочтя, всѣ говорятъ,
Что сталъ писать ты вяло, братъ.
Смотри: не будь вторымъ Врагел-
вымъ!...

Ар. З.

«Врагелъ», упоминаемый въ этой плоской эпиграммѣ, не указываетъ ни на какое опредѣленное лицо; это просто прозваніе бездарнаго писателя. Покойный изслѣдователь литературы 20—30-хъ гг. В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. IV—«Современникъ» 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 31) раздѣлялъ убѣжденія Бестужева-Рюмина, что «Эпиграмма» направлена противъ него и для большей ясности подписана Арз. т. е. Аристархъ Завѣт-ный и й». Однако, это несомнѣнно не такъ, и Бестужевъ-Рюминъ ошибся, принимая въ пылу полемики эти стихи на свой счетъ. Если бы Пушкинъ вздумалъ отвѣчать ему, отвѣтъ былъ бы далеко не такъ невиненъ и, для усилія удара, былъ бы подписанъ именемъ поэта, какъ подписана помѣщенная въ той же книжкѣ «Сѣв. Цѣвѣтовъ» ядовитая эпиграмма его на Н. И. Надеждина; сравненіе съ безобиднымъ Хвостовымъ, который не былъ ни литературнымъ плутомъ, ни клеветникомъ, ни пасквильантомъ, было слишкомъ лестно для Бестужева-Рюмина, вообще сколько не ходившаго на Хвостова. Просто, Бестужевъ былъ склоненъ приписывать своимъ противникамъ свои обычные полемические приемы, и подпись «Арз.» ввела его въ заблужденіе, легко объяснимое для насъ. Пушкинъ же вовсе не имѣлъ его въ виду и велъ борьбу съ болѣе крупными экземплярами его

породы, слѣдую своему правилу: «лакей сиди себѣ въ передней, а будетъ съ баринѣмъ разсѣчь»...

На этомъ Бестужевъ-Рюминъ не остановился. Вскорѣ, когда разгорѣлась война между Булгаринъ и «Литературной Газетой», душою которой былъ Пушкинъ, издатель «Сѣвернаго Меркурія» сталъ усердно поддерживать Булгарина и всячески нападать на Пушкина. «Говорятъ, что сталъ писать ты вяло, братъ», обращаясь онъ къ Пушкину въ своемъ неожиданномъ отвѣтѣ на его «Эпиграмму». Такъ думалъ тогда не одинъ Бестужевъ-Рюминъ. Вышедшая годъ назадъ «Подтава», но словамъ самого Пушкина, «не имѣла успѣха»; стали поговаривать, что Пушкинъ «исписался», и тотъ же Бестужевъ въ сатиру «Сплетница» («Сѣверн. Меркурій» 1830 годъ, № 50, 25 апрѣля, стр. 197) опять писалъ, что «Александра Сергѣевна» (то есть Пушкинъ) «была прежде изъ лучшихъ мастерицъ въ своемъ родѣ, но, начавъ лѣниться, стала руководльничать плохо, думая, что покупатель не разглядитъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая по-прежнему будетъ сходиться съ рукъ удачно»... и т. д. На эти выходы, конечно, отчасти вліяла неправильно понятая Бестужевымъ-Рюминымъ «Эпиграмма». По его отвѣту видно, что онъ зналъ, кто авторъ «Эпиграммы», и это свидѣтельство современника—еще одно доказательство, что она вышла изъ-подъ пера Пушкина, при наличности упомянутого указанія самого поэта даже излишнее.

619—6. (ЭПИГРАММА НА КНЯЗЯ П. И. ШАЛИКОВА).

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,

Елегію семьѣ своей читаю,
А козачокъ огарокъ свѣчки сальной
Въ рукахъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ,
заплакалъ.

Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!
Опъ дочерямъ въ восторгѣ кричалъ.—
Откройся мнѣ, о милый сынъ натуры,
Ахъ! что слезой твоей осребрило взоръ?
А тотъ ему въ отвѣтъ: мнѣ хочется
на дворъ.

Эта эпиграмма до сихъ поръ не входила ни въ одно сколько-нибудь претендующее на научный авторитетъ изданіе сочиненій Пушкина. Въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ, которыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ ходило множество по рукамъ любителей литературы, она встрѣчается съ именемъ Пушкина и въ качествѣ пушкинской была впервые напечатана Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) въ его томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, Берлинъ, 1864 г., стр. 109. П. А. Ефремовъ, пзъ принадлежавшаго которому сборника Гербель заимствовалъ эпиграмму, отказывался приписывать ее Пушкину (см. его статью «Минишій Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ» — «Новое Время» 1903 г., № 9845). Въ гербелевскомъ томикѣ ошибокъ довольно много, достовернымъ источникомъ его признавать нельзя, и лучшие издатели Пушкина, не полагаясь на его немотивированное сообщеніе, не могли включить эпиграмму въ свои изданія.

Однако, недавно нашлось непрерываемое подтвержденіе справедливости преданія, приписывающаго эпиграмму Пушкину (см. «Рѣчь», 10 января 1911 г., № 9, «Эпиграмма Пушкина и Баратын-

скаго»). Въ принадлежащей Н. К. Снягину, любезно предоставленной намъ В. М. Андерсономъ, ненапечатанной еще рукописи «Журнала» извѣстнаго археолога и цензора И. М. Снегирева (23 апр. 1793 г.—9 дек. 1868 г.), за 1825—1827 гг., записано подъ 15 мая 1827 г., что, завтракая въ этотъ день у М. П. Погодина, гдѣ были и Снегиревъ, «за столомъ Пушкинъ съ Баратынскимъ написали на Шал. слѣдующее по случаю разсказаннаго анекдота»... Тутъ списана эпиграмма, воспроизведенная нами выше; замѣтимъ, что текстъ, сообщаемый Снегиревымъ, немного различается отъ гербелевскаго, повидимому, болѣе обработаннаго, но, конечно, издатели должны игнорировать послѣдній, какъ неавторитетный, при печатаніи собраній произведеній обоихъ поэтовъ, которымъ эпиграмма принадлежитъ нераздѣльно; ни въ одномъ собраніи произведеній Баратынскаго ея нѣтъ. Извѣстны нѣсколько случаевъ совмѣстнаго участія Пушкина съ другими авторами въ общей работѣ,—конечно, очень невысокой поэтической цѣнности. На школьной скамьѣ Пушкинъ принималъ участіе въ коллективномъ созданіи лицейскаго эпоса—сатирическихъ кулетовъ о начальствѣ и товарищахъ. Одно изъ первыхъ стихотвореній, которыми открываются собранія его сочиненій: «О, Делія драгая!», создано при сотрудничествѣ лицейскаго товарища А. Д. Иллещева. Въ 1817 году, гуляя однажды въ Царскомъ Селѣ, Батюшковъ, Жуковский, А. А. Плещеевъ и Пушкинъ сочинили два экспромпта. Въѣздъ съ Дельвигомъ Пушкинъ въ 1825 г. написалъ шуточную элегію на смерть своей тетушки, Анны Львовны Пушкиной, смѣшной старой дѣвы. Въ 1830 г. Пушкинъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Вяземскимъ и еще кѣмъ-то, въ составленіи шуточного посланія къ В. Л. Пушкину, а въ 1836 г., вмѣстѣ съ тѣмъ же Жуковскимъ и Вяземскимъ, а также съ гр. М. Ю. Вязьгорскимъ, привѣтствовалъ шуточнымъ канономъ М. П. Глинку, по случаю успѣха его «Жизни за Царя». Къ числу этихъ плодовъ коллективнаго творчества подъ веселую руку относится и остроумная эпиграмма на поэта-графомана.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768 г.—16 февр. 1852 г.), издатель «Московского Зрителя» (1806 г.), «Агланъ» (1808—1812 гг.) и «Дамскаго Журнала» (1823—1833 гг.), былъ, наравнѣ съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, одною изъ самыхъ курьезныхъ фигуръ русской общественно-литературной жизни и предметомъ общихъ насмѣшекъ. Его имя надолго стало нарицательнымъ именемъ слезливого, сентиментальнаго вздыхателя. Не разъ потѣшался надъ нимъ и Пушкинъ, впрочемъ, уважавшій этого чудака, котораго онъ, вступая въ литературную жизнь, уже засталъ въ роли многогубительной мишени для всеобщаго издѣвательства (см. «Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ», «Первое посланіе цензору»). Ихъ личныя отношенія были самыя добрыя, и Шаликовъ иногда надбѣдалъ Пушкину восторженными и нелѣпыми обращеніями въ стихахъ. Они часто встрѣчались у общихъ московскихъ друзей, въ томъ числѣ у П. В. Нащокина, у Ушаковыхъ, въ фамильныхъ бумагахъ которыхъ сохранилась набросанная Пушкинымъ карриатура на князя Шаликова. Его забавная толстенькая фигурка, съ характернымъ грузинскимъ носомъ, въ «пушкинской» комнатѣ знаменитаго нащокинскаго домика внимательно прислушивается къ чтенію Пушкина.

Н. Лорнеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1830 года.

620. ГЛУХОЙ ГЛУХОВА ЗВАЛЪ...

(т. III, стр. 79).

Напечатано впервые Анненковымъ, въ Матеріалахъ для біографіи Пушкина (2-е изд., 243), по рукописи Румянцеваго Музея № 2382, гдѣ стихотвореніе входитъ въ составъ замѣтки о современной критикѣ:

«У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, а я не понимаю критиковъ. Если будемъ сердиться передъ публикой,—вѣроятно, и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму» (слѣдуютъ стихи).

Отношеніе Пушкина къ современной ему критикѣ было совершенно отрицательное,—да, по тому времени, и не могло быть инымъ. «Мы не имѣемъ ни единого комментарія, ни единой критической книги», писалъ поэтъ въ 1825 году. «Литература кой-какая у насъ есть, а критики—нѣтъ». Эти слова въ примѣненіи къ тѣмъ жидкимъ и безсодержательнымъ обзорамъ «россійской словесности», какія появлялись въ тощичъ книжкахъ журналовъ 20-хъ годовъ, были совершенно справедливы, такъ какъ авторы этихъ обзоровъ стояли очень далеко позади литературнаго движенія. Это положеніе мало измѣнилось и въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Высокое художественное значеніе поэзіи Пушкина по-прежнему оставалось непонятнымъ и неоцѣненнымъ, и поэтъ былъ опять-таки совершенно правъ, говоря, что «у насъ критика не имѣетъ никакой самостоятельности и почти никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній»; она уже могла, правда, «представить пѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія»; но эти статьи «являлись отдѣльно, на разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постоянного вліянія. Время ихъ еще не приспѣло». Какъ на характерную особенность литературныхъ сужденій своего времени, Пушкинъ указывалъ на отсутствіе въ нихъ общихъ руководящихъ началъ и на ихъ бездоказательность: «Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно. Отсѣлѣ ихъ никакъ не выманить». При такомъ состояніи нашей критики Пушкинъ, конечно, имѣлъ право не считаться съ мнѣніями, не обращать на нихъ серьезнаго вниманія, и если отвѣчалъ своимъ «журнальнымъ пріятелямъ», то только эпиграммами, болѣе же серьезныя мысли по поводу замѣчаній критики набрасывалъ на бумагу только для себя, на память. Вообще, отношеніе Пушкина къ современному ему литературному спорамъ можно назвать юмористически-пренебрежительнымъ:

... Таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ,
И тамъ себѣ мы возимся въ грязь,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто—въ одиночку, кто—съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...

(«Домикъ въ Коломнѣ»).

Изображая себя подѣ видомъ своего пріятеля-поэта въ одномъ изъ набросковъ «Египетскихъ Ночей», Пушкинъ говорить, что зтотъ пріятель, «имѣя поминутно нужду въ деньгахъ, печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе

потомъ читать о нихъ печатныя сужденія, что называлъ онъ въ своемъ энергическомъ просторѣчиі—подслушивать у кабака, что говорятъ объ насъ холопья».

Литература существуетъ для публики. Мнѣніе Пушкина о современной ему публикѣ было такъ же не высоко, какъ и о критикѣ: «Есть у насъ люди, которые выше ея,—этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу,—этихъ она любить и почитать». Онъ любилъ повторять злой вопросъ Шамфора: «Сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?» Извѣстно, что тогдашніе критики, въ родѣ Булгарина и ему подобныхъ, для оправданія своихъ словъ имѣли привычку обращаться къ «почтеннѣйшей» публикѣ или ссылаться на ея мнѣніе, утверждая, что оно имъ извѣстно. Подъ этимъ флагомъ пускались въ ходъ разнаго рода передержки, сплетни, самыя грязныя ипсинуаціи; Булгаринъ, не стѣняясь, кричалъ о небываломъ уснѣхѣ своего «Выжигина» и о полномъ паденіи «Бориса Годунова». Эта публика, которой литературные вкусы и общественныя понятія воспитывались «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества» и отъ которой Пушкинъ не могъ ожидать не только справедливой оцѣнки, но даже и простого пониманія, и была для него «глухимъ судьей».

По замѣчанію Анненкова (Мат., 243), эпиграмма Пушкина напоминаетъ «извѣстную» шутку Пеллисона: «Les trois sourds». Paul Pellisson (1624—1693), извѣстный въ свое время писатель, историкъ Французской Академіи, сочинялъ, между прочимъ, стихотворныя посланія, элегіи, мадригалы и т. п. мелочи; но въ доступныхъ намъ собраніяхъ его сочиненій не оказалось шутки о трехъ глухихъ, Анненковъ же, сославшись на нее, къ сожалѣнію, не отмѣтилъ, гдѣ ее можно найти.

621. ЦИКЛОПЪ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано впервые въ брошюрѣ: «Vers chantés et recités» Spb. 1830, гдѣ помѣщено 20 стихотвореній, пропѣтыхъ и прочитанныхъ въ маскарадѣ у в. кн. Елены Павловны, въ началѣ января 1830 г. Изъ этихъ 20 стихотвореній 17 написано на французскомъ языкѣ; авторами ихъ были: le baron de Bourgoing, le comte Matuszewicz, le comte de Laval, O'Sullivan de Grasse и др. Русскихъ стихотвореній—только три: четверостишіе неизвѣстнаго автора п. з. Le Verseau (Водолей), стихи И. А. Крылова: «Талия» и пушкинскій «Циклопъ». Авторы стихотвореній были костюмированы соотвѣственно содержанію своей декламациа; такимъ образомъ, Крыловъ выступалъ въ видѣ музы Талии, а Пушкинъ—въ видѣ циклопа. См. замѣтку В. О. Кеневича въ Рус. Арх. 1866, стл. 1335—1340, и біографію Крылова, Б. П. Тышъ-Каменскаго, въ Библ. для Читенія 1845, мартъ, отд. III, стр. 1—34. П. А. Плетневъ (Переписка съ Я. К. Гротомъ, II, 437—438, 441, 446) сомнѣвался въ принадлежности настоящаго стихотворенія Пушкину, увѣряя, что послѣдняго въ эту пору даже и не было въ Петербургѣ. Но указанная выше брошюра устраняетъ всякія сомнѣнія. Свѣдѣнія о ней впервые сообщены П. Добрымъ въ письмѣ къ издателю «Москвитяина» объ изданіи сочиненій Пушкина (1841, ч. V, № 10; ср. Зелинскаго, Рус. крит. лит. о произв. П-на, IV, 184—185).

622. ОТВѢТЪ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 3, стр. 21, съ подписью: Кр. с. (анаграмма изъ слова: Сверчокъ), и затѣмъ вошло въ Стихотворенія, ч. III (1832), стр. 110—111. Въ обоихъ текстахъ, въ послѣднемъ стихѣ, вмѣсто слова «Прѣспи» поставлены только двѣ начальные буквы.

Относится къ Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой. О знакомствѣ Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ см. т. III, стр. 346—347, и Л. П. Майкова «Пушкинъ» (СПб. 1899), стр. 355—377.

623. ВЪ ЧАСЫ ЗАБАВЪ ИЛЬ ПРАЗДНОЙ СКУКИ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано въ «Лит. Газетѣ» 1830, № 12, стр. 94, подъ заглавиемъ: «Станцы»; въ изд. 1832 г. (III, 47—48) это заглавие дано лишь въ оглавленіи. Подъ стихотвореніемъ помѣта: «19 января».

Написано въ отвѣтъ на стихотворное возраженіе Пушкину митрополита Филарета по поводу стихотворенія «26 мая 1828 г.» (см. т. II, № 533), сообщенное поэту въ рукописи, а въ печати появившееся только въ 1848 г., въ журналахъ Шишовой: «Звѣздочка», № 10 (ср. особое приб. къ № 155 «Моск. Вѣд.» 1880 и «Рус. Курьеръ» 1880, № 162):

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ —
И соиздается Тобой
Сердце чисто, свѣтеть умъ.

Такимъ образомъ, замѣчаетъ Н. О. Сумцовъ («А. С. Пушкинъ», Харьк. 1900, стр. 143), «по мнѣнію м. Филарета, Пушкинъ самъ во всемъ виноватъ; для вліянія, среды, общества, исторіи, случайныхъ обстоятельствъ — ничего не оставлено. Такая точка зрѣнія позднѣе (1887) чрезвычайно рѣзко обнаружилась въ извѣстной проповѣди одесскаго архіепископа Никанора, гдѣ несчастная кончина великаго поэта объяснена, какъ наказаніе Божіе за его служеніе Вакху и Киприду».

По поводу отвѣта Пушкина кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу (25 апрѣля 1830): «Ты удивишься стихамъ П. къ Ф.: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ или, лучше сказать, пародировалъ стихи П. о жизни, которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы, Елизы Хитровой, пылающей къ одному христіанскою, а къ другому — языческою любовью» (Ост. Арх., III, 192—193). Однако, и «задранный» поэтъ отнесся къ преподанному правоученію очень благодушно и почтительно. Бѣлинскій (Соч., изд. 2-е, М. 1865, т. VIII, стр. 401) находилъ, что пьеса «Даръ напрасный, даръ случайный» «не что иное, какъ порожденіе одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутокъ нравственной

апатіи и душевнаго отчаянія, которыя цецзбѣжны, какъ мануты, для всякой живой и сильной натуры; но она отнюдь не есть выраженіе павоса пушкинской поэзіи, а скорѣе — случайное противорѣчіе павосу его поэзіи». По мнѣнію Бѣлинскаго, призваніе Пушкина, характеръ и направленіе его поэзіи гораздо болѣе выражаются въ настоящихъ «стансахъ», — такъ какъ поэзія Пушкина «вся заключается въ поэтическомъ созерцаніи міра и безусловно признаетъ его настоящее положеніе если не всегда утѣшительнымъ, то всегда необходимо-разумнымъ»... «Вся павсвозъ проникнута гуманностію, муза Пушкина умѣетъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни; но она смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаемъ (resignatio), какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность и не пося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія»... Съ этой характеристикой едва-ли можно согласиться. «Идеалъ лучшей дѣйствительности», несомнѣнно, жилъ въ душѣ Пушкина; что же касается вѣры въ возможность его осуществленія — въ «жестокій вѣкъ», враждебный всякимъ идеаламъ, то ей, конечно, не на что было опереться. «Много нужно было почувствовать и перестрадать поэту», говоритъ Стоюнинъ («Пушк.», 318), «чтобы, наконецъ, отвѣтить отрицательно на вопросъ о дѣлѣ жизни. Но кто могъ понять это душевное его томленіе? За отчаяніе его же винили въ недостаткѣ религіи»... Въ своемъ отвѣтѣ на пастырское увѣщаніе Филарета Пушкинъ съ достаточною ясностію указываетъ, что онъ понималъ призывъ «воспарить въ горяія» именно какъ призваніе отрѣшиться отъ окружающей его дѣйствительности, «отвергнуть мракъ земныхъ суетъ». Это, конечно, вовсе не «резигнація», не примиреніе съ условіями враждебной поэту среды, а напротивъ, — «непринятіе» того міра, въ которомъ ему приходилось жить. Это — тотъ же самый мотивъ, который тогда же повторился въ обращеніи поэта къ самому себѣ: «Ты — даръ; живи одинъ!»

Подлинника настоящаго стихотворенія не сохранилось. Г. С. Чириковъ, въ сборникѣ Бартенева: «Пушкинъ» (I, 118), приводитъ, рядомъ съ другими произвольными передѣлками пушкинскаго текста, вариантъ заключительнаго четверостишія, въ которомъ, въ стг. 1 и 3-мъ, вмѣсто «падина» и «Серафима» читается: «согрѣта» и «Филарета». Но уже П. А. Ефремовъ замѣтилъ, что расположеніе рѣмъ (эта — этъ — эта — этъ) и изображеніе московскаго митрополита съ арфой заставляютъ сильно сомнѣваться въ подлинности приведеннаго варианта.

624. НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ.

(т. III, стр. 80).

См. выше статью А. Г. Фомина.

625. ПОЭТУ.

(т. III, стр. 80).

Напечатано въ «Свѣ. Цѣвтахъ» на 1831 г. (стр. 3), откуда перешло въ изд. 1832 г. (III, 56—57). Черновой автографъ, съ котораго снимокъ данъ въ Альбомѣ петербургской пушкинской выставки 1899 г., озаглавленъ: «Сонетъ — Награды»;

онъ писанъ чернилами, но исправленъ карандашемъ, какъ въ печатномъ текстѣ, и представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

- ст. 2: Восторговъ и похвалъ...
 » 3: . . . и черни смѣхъ холодной
 » 5: Какъ царь, живи одинъ. (Иди) Ступай стезей свободной,
 » 6: Куда тебя влечетъ твой дѣятельный умъ
 (или:) . . . Твори душой свободной,
 Иди, куда влечетъ тебя твой свѣтлый умъ
 (Твори, питая жаръ глубокихъ, чистыхъ думъ)
 » 11—14: И ты доволенъ имъ, (божественный) (увѣчанный) художникъ, —
 (Такъ пусть передъ тобой, бѣснуясь, чернь кричитъ)
 (Пуškai тогда толпа трудъ геня хулитъ)
 Пуškai тогда его слѣбая чернь хулитъ
 И дуетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
 (И дерзкою рукой)
 И чтобъ тебя сронить, колеблеть твой трепожникъ.

Подъ стихотвореніемъ стоитъ дата: «1 июля.»

Ближайшимъ поводомъ къ напечатанію сонета могли послужить журнальныя нападки на посланіе «Къ вельможѣ», появившееся въ «Литер. Газ.» 1830 (см. выше, прим. къ № 575); но въ то же время онъ является выраженіемъ и общаго взгляда Пушкина на поэтическое творчество, — взгляда, проявлявшагося неоднократно въ стихотвореніяхъ какъ болѣе ранней, такъ и болѣе поздней поры (ср. Посланіе къ Батюшкову 1814 г., Отвѣтъ на вызовъ написать стихи 1819 г., Уединеніе 1822 г., Свѣтель 1823 г., Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ 1824 г., Поэтъ 1827 г., Чернь 1828 г., затѣмъ Отвѣтъ анониму 1830 г., Эхо 1832 г., изъ VI Пиндемонте 1835 г. и др.). Въ длинномъ рядѣ стихотвореній и въ разбросанныхъ по черновымъ тетрадямъ Пушкина прозаическихъ замѣткахъ повторяется этотъ основной мотивъ—свободы поэтического творчества и независимости поэта отъ «толпы», неспособной понять и оцѣнить его трудъ. Выше (см. прим. къ № 620) приведены нѣкоторые сужденія Пушкина о современной ему критикѣ, которую въ настоящемъ стихотвореніи онъ называетъ «судомъ глупца». Въ одномъ изъ черновыхъ подготовительныхъ отрывковъ къ «Египетскимъ почамъ» («Не смотря на великія преимущества...») Пушкинъ говоритъ, что «сужденіе глупцовъ»—несчастіе, неизбежное для стихотворцевъ, но еще не самое крайнее. «Зло самое горькое, самое нестерпимое» для поэта заключается въ томъ, что «публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ». Пушкинъ всего болѣе возмущался этимъ вмѣшательствомъ «толпы» въ его интимную внутреннюю жизнь, эти неосторожными прикосновеніями «глупцовъ» къ тому, что онъ считалъ за святая святыхъ души своей. Уже одно это, по справедливому замѣчанію Д. Н. Овсянко-Куликовского, должно было дѣйствовать охлаждающимъ образомъ на неунынное стремленіе поэта къ людямъ, къ живымъ и тѣснымъ общественнымъ связямъ... Первымъ запротестовалъ въ него умъ, отпущенный

облиемъ глупости въ общественной средѣ, и это и было исходнымъ пунктомъ его отщепенства... Отстаивая свое право быть и оставаться самимъ собою, гений фатально приходитъ къ психологической отрѣшенности, цѣною которой онъ покупаетъ великое благо внутренней свободы вообще, свободы творчества въ частности, рискуя, въ силу того, остаться непонятымъ и душевно одинокимъ...» («Пушкинъ», 173, 190). Дѣйствительно, Пушкинъ былъ утомленъ жизнью своего времени и своей среды и рвался на волю, къ личной независимости, къ свободѣ отъ свѣтскихъ обязательствъ, отъ «мрака земныхъ суевъ», который отвергала его душа, слышавшая «арфу серафима». Онъ жаждалъ внутренняго мира, и въ этомъ своемъ стремленіи доходилъ до рѣзкаго протеста противъ окружающей его дѣйствительности, которая иногда заставляла его восклицать: «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!» По именно душа и талантъ неудержимо звали его назадъ изъ той области поэтическихъ созерцаній, которая представлялась ему такою свѣтлою, спокойною, не возмущаемою никакими земными порывами. И, несмотря на то, что ему самому пришлось пережить и перечувствовать предсказанное поэту, — что прошелъ шумъ восторженныхъ похвалъ и послышался судъ глупца, — поэтъ не смогъ остаться спокойнымъ и угрюмымъ, и опять рвался въ ту жизнь, отъ которой ему такъ хотѣлось убѣжать. Напомнимъ, что время, когда изъ его сердца выливались эти горькіе стихи, было временемъ наиболѣе живого его участія въ полемикѣ «Литературной Газеты» и широкихъ публицистическихъ плановъ. Такимъ образомъ, настроеніе, создавшее этотъ сонетъ, было лишь однимъ изъ многихъ и нерѣдко противорѣчивыхъ влеченій, отражавшихся въ многогранной душѣ поэта. «Были минуты», говоритъ Н. Н. Страховъ («Замѣтки о Пушкинѣ», 9—10), «когда онъ побѣждалъ свое уныніе, когда еще тверже вѣрилъ въ себя, — и тогда первую его мыслью была эта самая «народная любовь», которую онъ совѣтовалъ не дорожить. Такъ, избравъ свой памятникъ, онъ надѣялся, что «къ нему не заростетъ пародная тропа и что онъ долго будетъ любезенъ народу...»

Со временемъ Шевырева, мнѣнія котораго раздѣлялись и Анненковымъ (Мат., 2-е изд., 170—172), часто повторялось, будто идея самоодлабляющаго искусства была воспринята Пушкинымъ отъ кружка московскихъ «любомудровъ», поклонниковъ Шеллинга, къ числу которыхъ принадлежалъ, между прочимъ, Веневитиновъ. Это мнѣніе нашло себѣ рѣшительнаго противника въ лицѣ Л. Н. Майкова («Пушкинъ», 343—345), который говоритъ, что Пушкину нечѣмъ было заимствоваться изъ «ученическихъ упражненій» сотрудниковъ «Московского Вѣстника», весьма недалеко ушедшихъ въ разумѣніи Шеллинга. Но Пушкину не было и надобности обращаться къ журнальнымъ статьямъ: вѣдь шеллингианскій взглядъ на искусство, поэзію и поэта, можно сказать, носился въ нашемъ воздухѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Поэтъ-пророкъ и поэтъ-отшельникъ Пушкина — вовсе не одинокія явленія; съ одной стороны они примыкаютъ къ лирикѣ Жуковского, а съ другой къ повстаніямъ Гоголя («Портретъ», «Невскій проспектъ») и кн. Одоевскаго («Импровизаторъ», «Себастьянъ Бахъ», «Послѣдній кварталъ Бетховена»). Такимъ образомъ, Пушкинъ въ самостоятельной формѣ разработалъ мотивъ, бывшій болѣе

или менѣ общилъ достоинствъ, но, по условіямъ личной жизни поэта, въ данное время особенно близкій его душѣ.

626. МАДОННА.

(т. III, стр. 80).

Напечатано въ альманахѣ «Сиротка» 1831, стр. 19—20, и вслѣдъ за тѣмъ—въ «Лит. Газетѣ» 1831, № 15 (12 марта), стр. 122, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сонетъ сей, по желанію поэта, перепечатывается здѣсь изъ альманаха «Сиротка», въ которомъ онъ напечатанъ былъ съ довольно значительною ошибкою въ семьомъ стихѣ:

Одной, чтобъ на меня съ холста иль съ облаковъ...

Это нарушало смыслъ подлиннаго стиха».

Въ изд. 1832 (III, 112—113) исправленъ 2-й стихъ: «свою обитель», а не «мою», какъ было въ альманахѣ и Газетѣ.

Стихотвореніе, помѣченное 8 июля, было собственноручно вписано Пушкинымъ въ альбомъ Ю. Н. Бартечева, 30 августа 1830 г., подъ заглавіемъ: «Сонетъ». Текстъ альбома, напечатанный въ Рус. Арх. 1863, изд. 2, стт. 862—863, представляетъ нѣсколько незначительныхъ вариантовъ.

Сонетъ относится, конечно, къ Н. Н. Гончаровой, которая въ это время была уже невѣстой Пушкина и которой онъ писалъ изъ Петербурга, 30 июля 1830: «Я утѣшаю себя, проводаю цѣлые часы передъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей.» Мадонной же, — разумѣется, со словъ самого Пушкина, называли Наталью Николаевну и его друга Д. Н. Овсяннико-Куликовскій («Пушкинъ», 46—47) видитъ въ настоящемъ стихотвореніи «однѣ изъ самыхъ яркихъ образцовъ процесса превращенія натуральной лирики человѣка въ высшее лирическое творчество поэта. Натуральная лирика человѣка, А. С. Пушкина въ данномъ случаѣ вытекала изъ того обстоятельства, что А. С. былъ влюбленъ въ Н. Н. Гончарову, сдѣлавъ предложеніе, получилъ согласіе и блаженствовалъ... Эта справка, обнаруживая въ основѣ сонета натуральный лиризмъ влюбленного человѣка, шаблонный лиризмъ жениха, боготворящаго свою невѣсту, показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какою силою полета Пушкинъ подымался надъ этими низами поэзіи на ту высь высшаго лирическаго творчества, откуда уже не видать ни влюбленного жениха, называющаго свою невѣсту Мадонной, ни этой барышни, будто-бы похожей на Мадонну, и гдѣ все обыденное, житейское, натурально-лирическое, въ чемъ всегда есть доля пошлости, исчезаетъ въ величавыхъ аккордахъ гимна, въ пеземныхъ звукахъ «райской пѣсни». Сонетъ «Мадонна» принадлежитъ къ числу тѣхъ созданий высшей лирики, пониманію которыхъ раскрытіе ихъ источника не помогаетъ, а скорѣе мѣшаетъ.» Съ послѣдними словами критика трудно согласиться. Лучшимъ отвѣтомъ на нихъ можетъ служить комментарій Л. Поливанова (I, 319), по мнѣнію котораго въ настоящемъ сонетѣ «символически выражено то ослѣпленіе жидища присутствіемъ существа, полнаго красоты и нравственной чистоты, кротости и величавости, которое (авторъ) поэтически разумѣлъ подъ бракомъ. Ожидая такого счастья, онъ

выразилъ всю полноту женскаго идеала въ этомъ лирическомъ произведеніи, отождествляя его съ тою, которую считалъ достойной раздѣлять съ нимъ жизнь». Ср. ниже, прим. къ № 674.

627. НЕ ТО БѢДА, АВДЕЙ ФЛЮГАРИНЪ.

(т. III, стр. 80).

См. выше, статью А. Г. Фомина.

628. СОНЕТЪ.

(т. III, стр. 81).

Напечатано въ «Моск. Вѣстн.» 1830, № 8, стр. 315, съ ошибкой въ 4-мъ стихѣ: «пѣснь» вм. «мысль». Повторено (въ исправленномъ видѣ) въ изд. 1832 (III, 78—79). Эпиграфъ взятъ изъ сонета Уордсворта (Wordsworth, 1770—1850), главы такъ наз. «эристовъ» или поэтовъ «озерной школы», написавшаго много сонетовъ весьма разнообразнаго содержанія. Сонетъ, которымъ воспользовался Пушкинъ, въ близкомъ переводѣ читается такъ:

«Не презирай сонета, критикъ! Ты нахмурилъ брови, но позабылъ объ его заслугахъ: этимъ ключемъ Шекспиръ открывалъ свое сердце; мелодія этой маленькой люлли успокоивала раны Петрарки; Тассъ многократно извлекалъ звуки изъ этой свирѣли; Камозенъ изливалъ въ ней скорбь своего изгнанія. Сонетъ блещетъ яркимъ миртовымъ листкомъ въ кипарисномъ вѣнкѣ, украшавшемъ многодумное чело Данта; какъ свѣтлякъ, взятый изъ страны фей, онъ услаждалъ нѣжнаго Спенсера въ борбѣ на темномъ жизненномъ пути; когда мракъ покрылъ стезю Милтона,—сонетъ въ его рукахъ сталъ трубою, изъ которой онъ извлекалъ усладительные звуки, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко.»

Пушкинъ не перевелъ, а переделалъ этотъ сонетъ, оставивъ то же число поэтовъ, что и въ оригиналѣ (7). Изъ упомянутыхъ Уордсвортомъ онъ взялъ только Данта, Петрарку, Шекспира и Камозенса, опутивъ Тасса, Спенсера и Милтона, которыхъ замѣнилъ самимъ Уордсвортомъ, Дельвигомъ и Мицкевичемъ. Упомянувъ о польскомъ поэтѣ, Пушкинъ, конечно, имѣлъ въ виду его «Крымскіе сонеты», о которыхъ онъ вспомнилъ и при описаніи Тавриды въ «Странствіи Онѣгина»: «Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный и посреди прибрежныхъ скалъ свою Литву воспоминалъ». Что касается Дельвига, то имъ написано всего шесть сонетовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1822 г. См. Сумцова, «Пушкинъ», 90—98. Самъ Пушкинъ, считавшій сонетъ стѣснительною формою поэзіи, написалъ въ іюлѣ 1830 г. только три сонета, различныхъ по чередованію рیمъ («Поэту», «Мадонна» и «Сонетъ») и затѣмъ уже «пренебрегъ» сонетъ.

Къ произведеніямъ Уордсворта Пушкинъ обращался и впоследствии: въ одной изъ тетрадей 1833—1834 гг. (Рум. Муз. № 2374, л. 31 об.) записанъ карандашемъ, теперь уже стершійся и трудно разбираемый отрывокъ перевода: «Изъ Wordsworth. Лѣтнее утро. Авторъ доходитъ до развалившейся хижины въ деревнѣ», и пр.

629. ЦЫГАНЫ.

(т. III, стр. 81).

Написано въ августѣ 1830 г. и напечатано въ альманахѣ «Дешница» 1831 и въ изд. 1832, съ помѣткой (въ оглавленіи): «съ англійскаго», — вѣроятно, для устраниенія толковъ о примѣненіи содержанія этихъ стиховъ къ жизни самого поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поэтическимъ воспоминаніемъ о юношеской порѣ Пушкина, когда онъ дѣйствительно «проваждалъ сія шатры» въ Бессарабіи, доходя съ ними чуть не до турецкой границы.

630. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

(т. III, стр. 81).

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 28, и въ изд. 1832 (III, 58—59). По черновому автографу воспроизведено Н. А. Шляпкинѣмъ, «Изъ бумагъ А. С. П.», стр. 26—27.

Написано въ отвѣтъ на стихотворное посланіе, анонимно присланное Пушкину извѣстнымъ въ свое время египтологомъ Иваномъ Александровичемъ Гуляновымъ. Въ этомъ посланіи, написанномъ 15 іюля 1830 и напечатанномъ только послѣ смерти автора — въ «Москвит.» 1842, ч. II, № 3, стр. 151, — высказана, по поводу слуховъ о предстоящей женитьбѣ Пушкина, увѣренность, что поэтъ и въ семейной жизни не утратитъ вдохновенія; напротивъ, бракъ сдѣлается для него источникомъ новыхъ откровеній и залогомъ вдохновеній — «и снова геній воспаритъ!» (Каллашъ, Рус. поэты о П-вѣ, 43; Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 240).

Н. А. Гуляновъ (1789—1841), сынъ бывшаго молдавскаго господара Маврокордата, жившаго и умершаго въ Москвѣ въ концѣ XVIII в., издалъ «Opuscules archéographiques» (1827) и «Археографическіе опыты» (1840) и былъ членомъ Россійской Академіи. О немъ см. кн. П. А. Вяземскаго, соч., I, 216; Телескопъ 1832, ч. IX, 267—270; Анненковъ, Мат. (2-е изд.), 239—240; Плетневъ, Отчеты Ак. Наукъ по отд. р. яз. и сл., 1852, стр. 45—48; Рус. Архивъ 1873, IV, 479—513; Рус. Стар. 1874, т. XI.

Въ сонетѣ, посвященномъ «Поэту», Пушкинъ провозгласилъ, что художникъ не пуждается въ наградахъ и, свободно слѣдуя своему вдохновенію, долженъ быть самъ себѣ судьей. Но на эту отрѣшенную отъ жизни высоту поэтъ могъ подниматься только временами, подъ вліаніемъ того горькаго чувства, какое онъ испытывалъ, когда ему приходилось слышать «судъ глупца и смѣхъ толпы»: вѣдь оставаться всегда единственнымъ своимъ судьей, безъ общественнаго признанія, — тяжело и мучительно для нравственно чуткаго человѣка. И вотъ, едва заслышавъ «ласковое пѣнье» неизвѣстнаго почитателя, поэтъ спѣшитъ отозваться на него живою благодарностью, съ грустью сознавая, что онъ не привыкъ къ такому доброму отношенію, что самый языкъ доброжелательства ему и необыченъ, и «страненъ». Пушкинъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло своего творчества; онъ не могъ понять, а еще менѣе — допустить права распрягаться его вдохновеніемъ, назначать пред-

меты для его труда и преслѣдовать его жизнь до самыхъ сокровенныхъ ея изгибовъ, помысловъ и побужденій. «Зло самое горькое, самое цестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которое никогда отъ него не отпадетъ», говоритъ поэтъ въ «Египетскихъ Печахъ». — Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, — первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, или о болѣзни милаго ему человека, — тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно, что-нибудь сочиняете!... Недаромъ Чарскій даетъ импровизатору тему, не разъ повторенную Пушкинымъ: «Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ». Мысли на эту тему и горькія чувства, съ ними связанныя, въ данное время все чаще и настойчивѣе тревожили душу поэта. Разсматриваемое стихотвореніе Д. Н. Овсянко-Куликовскій («Пушкинъ», 43—44) ставитъ по искренности и непосредственности, наряду съ письмами Пушкина, «Стихи Гулянова, очень плохіе и очень искренніе, выразили въ вѣчной формѣ доброе и гуманное чувство, которое въ данную минуту было особенно дорого Пушкину... Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ непосредственныхъ и изящно чувствующихъ натуръ, которыхъ нельзя цѣнить похвалами и рукоплесканіями, но чрезвычайнo легко очаровать и «взять» простымъ, добрымъ словомъ участія, душевной лаской. Восторженное поклоненіе ему, какъ поэту, при равнодушіи или холодности къ нему, какъ человѣку, отзывалось въ его душѣ холодомъ и болью. Притязанія, публики чтобы поэтъ принадлежалъ лишь ей... безучастное отношеніе къ личнымъ его невзгодамъ, отношеніе къ нему, какъ къ «завѣзему фигляру», возмущали и ожесточали душу Пушкина, какъ родъ грубаго насилія, какъ выраженіе душевной жестокости... Но Пушкинъ, говоритъ В. Я. Стоюнинъ («Пушк.», 343), «не замѣтилъ, что духъ той публики, которая недавно цѣнила его, былъ подавленъ, если не задуманъ, — что теперь со своимъ голосомъ явилась другая публика, въ руководители которой поставленъ Булгаринъ съ братіей, а на смѣну первой только еще подростала другая цѣнительница его поэзіи... Этой публики Пушкинъ еще не зналъ, а въ ней-то и хранилась «народная любовь»... И какъ бы онъ своей любящей душой отозвался на эту молодую любовь, которая пряталась въ студенческихъ кельяхъ и въ ученическихъ камерахъ, если уже одинъ анонимный задушевный, привѣтливый голосъ извлекъ изъ его страдающей души такіе сердечные звуки (какъ «Отвѣтъ анониму»).

Проф. Сумцовъ («Пушк.», 58—59), останавливаясь на послѣднихъ строкахъ стихотворенія, видитъ въ нихъ упрекъ поэту не однимъ современникамъ, но и тѣмъ позднѣйшимъ историкамъ литературы, которые говорятъ о невольныхъ переселеніяхъ Пушкина съ сѣвера на югъ и обратно — «тѣмъ лучше!» въ смыслѣ исправленія того или другого недостатка. «Бѣдный поэтъ!» и потомству чужда идея о его личномъ счастьѣ, и даже исторія такъ склона къ разнымъ оправданіямъ того, что онъ называлъ злой судьбой!»

631. ПАЖЬ ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

(т. III, стр. 82).

Напечатано въ посмертномъ изданіи (IX, 136), по черновой рукописи, находящейся нынѣ въ бібліотекѣ Академіи Наукъ, съ произвольнымъ заглавіемъ: «Пажь или пятнадцатилѣтній король» и съ опечаткой во второмъ стихѣ послѣдней строфы, повторенной всѣми позднѣйшими изданіями: «презрѣвъ толпу» вм. «презрѣвъ молву». Рукопись помѣчена: «7 октября 1830. Болдино». Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 298), говоря о разнообразіи мотивовъ въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ осенней Болдинской жизни Пушкина, указываетъ, между прочимъ, на «безпрестанную перемѣну метровъ ихъ, на чудные переходы къ самымъ противоположнымъ мыслямъ и настроеніямъ поэтическаго духа: кажется, видишь художника, безгранично предающагося въ уединеніи многосложной импровизаціи своей». Въ частности, въ данномъ стихотвореніи (которое Анненковъ почему-то призналъ неоконченнымъ), ему слышался «аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссэ».

632. ЭЛЕГІЯ.

(т. III, стр. 82).

Напечатано въ «Библ. для Читенія» 1834, т. VI, стр. 16, и въ изд. 1835 г. (IV, 104). Написано въ Болдинѣ, 8 сентября.

Анненковъ (Мат., изд. 2 е, стр. 320) видѣлъ въ этомъ стихотвореніи возвращеніе Пушкина къ мыслямъ, выраженнымъ въ черновыхъ наброскахъ такъ наз. «стиховъ Ленскаго», въ которыхъ тотъ же Анненковъ усматривалъ «пародію на тяжелыя шестистопныя элегіи, бывшія нѣкогда въ модѣ, и выстѣ — лукавую насмѣшку надъ туманными произведеніями Ленскаго». Взглядъ этотъ, однако, совершенно не выдерживаетъ критики, такъ какъ ничѣмъ не доказано, что въ приведенныхъ Анненковымъ отрывкахъ Пушкинъ хотѣлъ дать образчики стихотвореній Ленскаго. Наоборотъ, эти отрывки, несомнѣнно, являются подготовительными набросками къ стихотвореніямъ самого Пушкина. Основная мысль элегіи «Безумныхъ лѣтъ» — желаніе жить, хотя бы для страданій — дѣйствительно сквозитъ и въ этихъ наброскахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ; но ближе всего подходитъ къ этой элегіи черновой отрывокъ: «О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла», впервые напечатанный А. Ф. Онѣгинимъ и относимый обыкновенно къ 1836 г. Можетъ быть, правильнѣе было бы, въ виду этого сходства, приурочить указанный отрывокъ къ 1830 году.

Бѣлинскій, въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», говоря о «паденіи таланта» Пушкина, о томъ, что «въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры» и что онъ «умеръ, а можетъ быть, только обмеръ на время», тутъ же прибавляетъ: «Пушкина судить не легко. Вы, вѣрно, читали его элегію.. Вы, вѣрно, были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышитъ это созданіе? Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ

въ себѣ вѣрную характеристику Пушкина, какъ художника: «Порой опять гармоніей упысь, надъ вымысломъ слезами обольюсь...» Да, я свято вѣрю, что онъ вполнѣ раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой Черкешенки или своей пѣвительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденія... что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчанье его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ...»

633. БѢСЫ.

(т. III, стр. 82),

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г. (стр. 129) и въ изд. 1832 (III, 80—83). Черновые наброски находятся въ рук. Рум. Муз. № 2371, л. 83, и 2382, л. 101 об. и 102; полный, но со многими поправками, текстъ, датированный: «1830, 7 сентября, Болдино», — въ бібліотекѣ Академіи Наукъ (Майковское собраніе автографовъ П). Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 299) указалъ, что подъ заглавіемъ этой пьесы приписано: «Шалость», — замѣтка, не сохраненная посмертнымъ изданіемъ. Бѣлинскій, какъ известно, отрицательно относившійся къ нашей народной поэзіи, замѣтилъ, однако, что «никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живой водой своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите «Жениха», «Утопленника», «Бѣсовъ» и «Зимній Вечеръ» — и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій... И если такихъ пьесъ у Пушкина немного, — въ этомъ, конечно, виноваты ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи...»

634. ТЫ ЦѢЛЫЙ СВѢТЪ УВѢРИТЬ ХОЧЕШЬ.

(т. III, стр. 83).

Напечатана въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 55 (18 сентября) — и, по свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго («Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 38), написана имъ, а не Пушкинымъ.

635. РУМЯНЫЙ КРИТИКЪ МОЙ, НАСМѢШНИКЪ ТОЛСТОПУЗОЙ.

(т. III, стр. 83).

Въ рукописи (находящейся въ бібліотекѣ Академіи Наукъ) озаглавлено: «Шалость» и помѣчено: «1 октября.» Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, IX, 166, подъ заглавіемъ: «Капризъ.» По замѣчанію Бѣлинскаго (Соч., изд. Венгерова, VI, 276—277), «въ этой превосходнѣйшей пьесѣ Пушкинъ художически рѣшаетъ важный эстетическій вопросъ о причинѣ унылости, какъ основномъ элементѣ русской поэзіи.

Онъ находить ее въ нашей русской природѣ и изображаетъ ее красками, которыхъ сила, вѣрность и безыскусственная простота дышатъ всею гениальностію великаго національнаго поэта». Въ самомъ дѣлѣ: откуда «томной музѣ» взять веселость, бодрые мотивы, если природа и развертывающаяся въ ней жизнь даютъ только такія картины, какъ та, какую поэтъ могъ наблюдать въ Болдинѣ изъ окна своего дома? Но и неприглядную дѣйствительность поэтъ сумѣлъ смягчить теплотой своего сердца, и не только въ смыслѣ жалости, но и въ смыслѣ прямого глубокаго сочувствія къ этой унылой природѣ, къ этому сѣрому пейзажу, къ этой убогой жизни.—и показать, въ немногихъ словахъ, свою кровную связь съ окружающимъ его міромъ. Становится понятно, почему «отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ упыло», — вопреки насмѣшкамъ яко-бы жизнерадостныхъ, «румяныхъ и толстопузыхъ» критиковъ, такъ часто трунившихъ надъ выражениемъ одного литературнаго обозрѣвателя о «дунегрѣйкѣ новѣйшаго унынія», въ которую облачается русская муза (см. ниже, прим. къ «Домику въ Коломиѣ»).

636. РАЗСТАВАНІЕ.

(т. III, стр. 84).

Рукопись этого стихотворенія, написаннаго 5 октября, находится въ библиотекѣ Академіи Наукъ. Напечатано оно только послѣ смерти Пушкина, въ альманахѣ Владиславева: «Альманахъ на 1838 годъ», стр. 348, подъ заглавіемъ: «Прощаніе», а затѣмъ явилось въ посмертномъ изд., IX, 160, подъ настоящимъ заглавіемъ, котораго въ рукописи нѣтъ.

Въ своемъ деревенскомъ уединеніи, отрѣзанный отъ міра холерными карантинными, раздумывая о предстоящей женитбѣ и перемѣнѣ жизни, Пушкинъ нерѣдко обращался и къ прошлому, и вызывалъ въ своей памяти давно отжившіе, нѣкогда милые образы. Въ данномъ стихотвореніи воспоминаніе о женщинѣ, когда-то любимой, связывается съ воспоминаніемъ о случайной встрѣчѣ съ старымъ товарищемъ и другомъ Кюхельбекеромъ (въ октябрѣ 1827 г.), на какой-то почтовой станціи, когда жандармы везли К. въ Динабургскую крѣпость, и поэту едва удалось только «молча обнять» его.

637. ОСЕНЬ.

(т. III, стр. 84).

Напечатано впервые въ посмертномъ изд. (IX, 207). Черновая—въ рук. Рум. Муз. № 2371, л. 78 об МВсто, занимаемое въ этой рукописи настоящимъ стихотвореніемъ, позволяетъ предполагать, что оно написано раньше 1830 г. (рядомъ съ нимъ—наброски изъ VII главы «Онѣгина», а дальше—черновая «Полтава»). Въ рукописи стихотворенію предшествуетъ набросокъ на тему I-й строфы, но развѣромъ «Онѣгина»:

Ужь осень холодомъ дохнула
На обнаженныя поля,

Уже дубрава отряхнула
Послѣдній листъ съ вѣтвей; земля
Прохвачена морозомъ... (ср. «Онѣгина»,
IV, 40).

Затѣмъ Пушкинъ перешелъ къ другому развѣру и началъ стихотвореніе такъ:

Октябрь ужъ наступилъ; съ нагихъ своихъ
вѣтвей
Послѣдній листъ уже дубрава отряхаетъ,
И вѣтры хладныя, предвѣстники дождей...

Эти начальные стихи напоминаютъ «Эклогу» Ип. О. Богдановича:

Уже осенніе морозы гонять дѣто,
И поле, зеленью пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы...

Холодный дуеть вѣтръ, зефиръ уже не
вѣтетъ,
Летитъ съ деревьевъ листъ, и вянетъ, и
желтѣетъ...

Въ строфѣ VI стиха 6 и 7 первоначально читались:

Нѣжныѣ слабаго пчелинаго нацѣва
Звукъ рѣчи; на лицѣ еще багровый цвѣтъ...

Послѣ строфы X зачеркнута еще одна строфа:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Мопахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, жиды, богатыри,
Царевны пѣлвинныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моеи зари, —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

Среди исчерканныхъ набросковъ послѣдней строфы (см. снимокъ на стр. 87) можно еще прочесть:

... къ песчанымъ ли брегамъ,
Гдѣ дремлютъ вѣчности символы, Пира-
миды...

«Осень», говоритъ С. П. Шевыревъ въ своей статьѣ о трехъ послѣднихъ томахъ посмертнаго изданія («Москвит.» 1841, ч. V, № 9, см. Зелинскаго, Крит. лит. о П., IV, 200) «есть одно изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній, относящихся къ позднѣйшему періоду. Пушкинъ питалъ особенное сочувствіе къ этому времени года и посвятилъ ему нѣсколько шестъ. Это чувство—сдѣла ли не русское: мы любимъ уныніе въ природѣ, равно какъ въ музыкѣ и поэзіи. То же самое влеченіе къ осени замѣтно и въ Державинѣ, съ которымъ Пушкинъ представляеть много сходства въ этомъ стихотвореніи: та же яркая кисть въ описаніяхъ, та же иронія и шутка, та же внезапность переходовъ отъ мыслей къ мысли, то же употребленіе словъ «про-стонародныхъ».

Дѣйствительно, многіе мотивы «Осени» слышатся въ поэзіи Пушкина еще чуть ли не со временъ лицейскихъ. Такъ, напр., въ посланіи къ Юдину (1815) поэтъ, между прочимъ, говоритъ о томъ, какъ онъ любитъ «подъ вечеръ темный,

осенней бурною порой» уединиться передъ каминомъ и читать или сочинять стихи. «Осень—любимое мое время», писалъ Пушкинъ Плетневу 31 августа 1830 г.: «здоровье мое обыкновенно крѣпнеть, пора моихъ литературныхъ трудовъ настааетъ... И въ настоящемъ стихотвореніи повторены тѣ же слова: «Теперь моя пора... и съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь». Отъ печальной природы, окружающей поэта и такъ наглядно описанной въ предыдущемъ стихотвореніи, его манитъ вдаль, въ идеальнѣйшій міръ, создаваемый его мечтою. «Все готово къ отплытію, но—куда плыть? Кажется, даны были всѣ условія для обширнаго и могущественнаго творчества, но что-то задерживало развитіе. Настала его мигъ вдохновенія, все живо заговорило въ душѣ поэта; но едва успѣла мысль его двинуться впередъ, какъ мигъ прошелъ, передъ нею безвѣстный путь...» (Катковъ, у Зелинскаго, VII, 158). «Незримый рой гостей», посѣщавшихъ поэта въ его осеннемъ одиночествѣ, у «забытаго камелька», оставилъ яркій слѣдъ въ его творчествѣ той поры, когда одинъ за другимъ, какъ бы тѣсня другъ друга, явились и Скупой Рыдарь, и Донъ-Гуанъ, и Мольеръ и Сальери, Вальсингамъ, Мери, строгій монахъ-проповѣдникъ и Коломенская барышня съ ея переодѣтой кухаркой, герои и героини повѣстей Бѣлкина и «испанцы въ епанчахъ» съ своими серенадами, и многіе другіе... Недаромъ же 1830 годъ былъ самымъ плодотворнымъ въ его дѣятельности.

638. ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(т. III, стр. 92).

Окончено 10 октября, напечатано въ «Новосельѣ» Смирдина 1833 г., безъ строфъ IV—IX и XV—XXII, которыя явились только въ 1855 г., въ приложеніи къ «Матеріаламъ» Анисимова. Подлинникъ — въ рукописи Рум. Муз. № 2376 А. Здѣсь послѣ V-й строфы зачеркнуто:

Октавы трудны. Взявъ уловку лисью,
Сказать я бѣ могъ, что кисельъ виноградъ:
Мнѣ, видно, съ ними надъ парнасской
высью

Вѣкъ не брать! Не лучше ли назадъ
Скорѣй вести свою дружинну рысью?
Ужъ рѣчами кой-какъ онѣ брѣчатъ,
Кой-какъ ужъ до конца октаву эту
Я дотянулъ. Стыдъ русскому поэту!

Слѣдъ строфы VIII-й зачеркнуто:

Какъ рѣзвая покойница Жако,
Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
Ломается проворно и легко,
На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ.
Они ворчатъ: «Уймется ль негодай?
«Какой повѣса! экой разгильдяй!»

Строфа XV-я первоначально была написана такъ:

И тамъ копышутся себѣ въ грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто съ жабой, кто съ лягушкою въ связи,
Кто ракомъ пятится, кто вѣтаетъ змѣйкой...
Но, Муза,—имъ и въ шутку не грози,—
Не то тебя покроемъ тѣлогрѣйкой
Оборванной, и вмѣсто похвалы
Поставимъ въ уголь «Сѣверной Пчелы».

«Тѣлогрѣйка» — намекъ на выраженіе «душегрѣйка новѣйшаго унынія» — въ статьѣ Н. В. Кирѣевскаго о современной литературѣ, въ альманахѣ Максимовича: «Депница». Въ одной изъ своихъ замѣтокъ Пушкинъ говоритъ, что «журналисты наши подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику»...

Въ строфѣ XVIII-й Пушкинъ, предполагавшій напечатать «Домикъ» безъ подписи, намекаетъ на свое авторство, припоминая слова Руслана: «Я вѣду, вѣду—не свищу, а какъ пабѣду—не сплуду».

Въ строфѣ II-й упоминается «Шихматовъ богомольный», — тотъ самый, который, подъ именемъ «Рематова», явился еще въ первомъ напечатанномъ стихотвореніи Пушкина: «Къ другу-стихотворцу». Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1783—1837), воспитанникъ Морского корпуса, до 1827 года служилъ по морскому вѣдомству, затѣмъ вышелъ въ отставку и въ 1830 г. постригся въ монахи подъ именемъ Аникиты. Въ 1832 г. онъ предпринялъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, посѣтилъ Иерусалимъ и на обратномъ пути скончался на Афонѣ. Изъ его литературныхъ произведеній пользовались въ свое время извѣстностью: «Пожарскій, Миининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія», «Пѣснь російскому слову» (1809), «Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе въ 8 пѣсняхъ» (1810), вызвавшее извѣстную эпиграмму Дмитріева: «Какое хочешь имя дай...», «Ночь на гробахъ», подражаніе Юнгу (1812) и «Ночь на размышленія» (1814). Стихотворствомъ Шихматова восхищался А. С. Шинковъ, особенно дѣляя у него отсутствіе рѣмъ на глаголы, вслѣдствіе чего Батюшковъ, въ своей пародіи: «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ словенороссовъ», и назвалъ Шихматова «беззлагольнымъ».

Въ строфѣ IV-й вмѣсто «красавцы молодые» первоначально было: «гвардейцы затяжные». Въ «Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ» Пушкинъ говоритъ о «лейбъ-гвардіи хрипунахъ».

Въ строфѣ XXVII-й упоминается Федоръ Александровичъ Эминъ (1735—1770), плодовитый писатель, издатель «Адской Почты» и авторъ многихъ романовъ, изъ которыхъ въ особенности славился «Похожденіе Мирамопла».

Въ строфѣ XXVIII-й говорится о двухъ очень распространенныхъ пѣсняхъ: «Стоишь сизый голубочекъ» — И. И. Дмитріева и «Выйду-ль я на рѣченьку» — Ю. А. Нелединскаго-Меледцкаго.

Въ статьѣ А. Мартынова: «Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій его» («Маякъ» 1843, т. X, крит., стр. 30—31) находится слѣдующая эпиграмма на повѣсть Пушкина:

Въ Коломнѣ домикъ чей? Заглавный
листъ—отвѣтъ:

Строитель онаго—извѣстный всѣмъ поэтъ.
Возставъ противу всѣхъ архитектуры пра-
вилъ,

Къ лачужкѣ онъ подъѣздъ огромнѣйшій
приставилъ;

Иной зонлъ словомъ вдобавокъ говорить;
Что домикъ чистенькій содомомъ покрытъ,
Не стоило труда и начинать избушки
Для столь незначущей и тѣлбуйшей вер-
хушки.

639. ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРИЯТЕЛЮ.

(т. III, стр. 100).

Напечатано въ изд. Анненкова, VII, 96. Какъ видно изъ переписки Пушкина, именно въ это время карантинныя, установленныя по случаю холеры, причинили ему много неприятностей.

640. ОТРОКЪ.

(т. III, стр. 100).

«Сѣв. Цвѣты» на 1832 годъ, вмѣстѣ съ стихотвореніями: «Царскосельская статуя», «Риема» и «Грудь», подъ общимъ заглавіемъ: «Анеологическія эпиграммы», которое было затѣмъ откинуто въ изд. стихотвореній 1832 г. Автографъ—въ библиотекѣ Академіи Наукъ—помѣченъ: «10 октября». Четверостишіе посвящено Ломоносову.

641. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУССКОЙ МЪЩАНИНЪ.

(т. III, стр. 100).

Съ пропусками напечатана въ изд. Анненкова, VII, 39 и въ Отеч. Зап. 1846, № 4, отд. VI, стр. 118; полный текстъ данъ въ Рус. Стар. 1879, т. 26, стр. 729 и 1880, т. 28, стр. 357, а также въ Киевскихъ Унив. Извѣстіяхъ 1880, гдѣ приложенъ и снимокъ съ автографа, помѣченного: «16 окт. 1830». Другой автографъ, помѣченный «3 декабря» и смягченный противъ первоначальнаго текста, находится въ альбомѣ С. Н. Батюшковой, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ. Здѣсь послѣ заглавія слѣдуетъ эпиграфъ, взятый изъ пѣсни Беранже: «Le Vilain»:

Je suis vilain et très-vilain,
Je suis vilain, vilain, vilain, vilain.

Отрывки записаны въ рукописи Рум. Музея № 2375, В, л. 4, и на двухъ отдѣльныхъ листкахъ, находящихся въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, очень дорожилъ своими семейными преданіями и собиралъ матеріалы для родословной Пушкинскихъ и Ганнибаловъ, изъ которой успѣлъ обработать только небольшой отрывокъ. «Говоря въ пользу аристократіи», замѣчаетъ поэтъ, «я не корчу англійскаго лорда... по я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ... Образованный французъ или англичанинъ дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка... но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи».—«Древнее русское дворянство», читаемъ въ другой замѣткѣ,—«супало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго сословія; дворянская чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; по настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ водитъ до Петра и до Елизаветы. Денщики, пѣвчіе, холды вотъ ихъ родоначальники... Хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности, и имена предковъ моихъ встрѣчаются на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣили бы многихъ... Прошедшее для насъ не существуетъ... Мы гордимся не славою пред-

ковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости или безнравственности». Ср. «Египетскія Ночи» и сходныя по мысли строфы въ «Родословной моего героя».

Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію «Родословной» послужила направленная противъ Пушкина замѣтка Булгарина въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» 1830, № 94 («Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ»), гдѣ было сказано слѣдующее:

«Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ,—и всѣ они заговорили о 600-лѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобы это вперло желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого они есть); однакожъ, это не слѣдуетъ глаже и умѣе ни прозы, ни стиховъ. Рассказываютъ открыто, что какой-то поэтъ въ испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходилъ отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ негрятянской прищѣ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рому! Думали ли тогда, что къ этому негру признается стихотворецъ? Vanitas vanitatum!»

По поводу этой выходки въ черновыхъ бумагахъ Пушкина сохранилась слѣдующая замѣтка:

«Въ одной газетѣ (почти официальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покоровшаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ графу Ѳ. Г. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево; но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій гражданинъ произноситъ съ уваженіемъ и не всуе *). Простительно выходило не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволить всякому выходцу клеветать, но непохвально ему за русскую ласку мартъ грязью священные страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ».

Въ написанной для «Литературной Газеты» статьѣ «О выходкахъ противъ литературной аристократіи» Пушкинъ говоритъ: «Пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевого, Греча и Булгарина—непохвально, и не дорожить своими правами и преимуществами—глупо».

Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ: «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго ар-

*) Другая, сюда относящаяся замѣтка Пушкина: «Голиковъ говоритъ, что [Ганнибалъ] былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся: у Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими—Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій».

хива» (Спб. 1880, стр. 40), рассказываетъ, какъ поэтъ, гостившій зимою 1830—31 г. въ Остафьевѣ, «во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ, и, потирая руки, декламировалъ, сильно папирая на: «Я мѣщанинъ, и мѣщанинъ,—я просто русскій мѣщанинъ». Распространеніе этихъ стиховъ, прибавляетъ князь,—несмотря на увѣщанія моего отца, песомѣнно вооружило противъ Пушкина много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него, при кончинѣ, дѣлюю массу влиятельныхъ семействъ въ Петербургѣ...»

Императоръ Николай на представленномъ ему спискѣ «Родословной» написалъ (по-французски): «Всякая брань безцестить того, кто проносить ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея—презрѣніе. Въ сатирическихъ стихахъ Пушкина можно найти умъ, по еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно—для чести его разсудка, лучше было бы, если бы они остались въ неизвѣстности» (Анненковъ, Мат., 245; Шляпкинъ. Изъ бумагъ А. С. П., 132).

Изъ историческихъ личностей въ «Родословной» упоминаются: «лейбъ-кучеръ» императора Александра I Илья Ив. Байковъ, болѣе 20 лѣтъ возившій государя по Россіи и за границы и получившій дворянское достоинство; «торговавшій блинами» кн. А. Д. Меншиковъ, «прыгнувшій изъ холмовъ» кн. Безбородко, «пѣвшій на крылосѣ» гр. Разумовскій и камердинеръ императора Павла—гр. Кутайсовъ. Въ 4-й строкѣ Пушкинъ говоритъ о своемъ предкѣ Радшѣ или Рачѣ, а далѣе вспоминаетъ позднѣйшихъ своихъ прадедовъ. «Имя предковъ моихъ», говоритъ поэтъ въ «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ»,—«встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, удѣльшихъ отъ кровавыхъ опалъ дая Івана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуется и Пушкиныхъ... Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ во время междоусобицы, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло... Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ... При Петрѣ I стольникъ Федоръ Матвѣевичъ Пушкинъ уличенъ былъ въ заговоръ противъ государя и казненъ вмѣстѣ съ Циклеромъ и Соковнинымъ... Левъ Александровичъ Пушкинъ служилъ въ артиллеріи и въ 1762 г., при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ... Дѣдъ моей матери былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополь какъ-то досталъ его изъ серала, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его къ Петру вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами»...

642. СТАМБУЛЪ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТЪ.

(т. III, стр. 101).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 242, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Начало поэмъ». Рукописи—въ Рум. Муз. № 2376 В, лл. 3 и 20, и

въ библ. Академіи Наукъ (собр. Майкова). Въ изд. посмертномъ и Анненкова послѣдній стихъ 5-й строфы читается: «Евнухи наши въ нихъ не спятъ». Въ рукописи послѣ этого стиха *зачеркнуто*:

Въ насъ умъ владѣеть плотью дикой,
А покорень Корану умъ,
И потому Пророкъ великой
Хранить какъ око свой Арзрумъ.

Въ концѣ стихотворенія 4 стиха (3—6 съ конца) почти дословно взяты изъ стихотворенія 1828 г. «Опричникъ».

Въ рукописи стихотвореніе помѣчено 17 октября. Впослѣдствіи Пушкинъ воспроизвелъ его, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ «Путешествіи въ Арзрумъ», гдѣ его сочиненіе приписано небывалому турецкому поэту Аминь-Оглу. Содержаніемъ стихотворенія служитъ рассказъ объ истребленіи янычаръ султаномъ Махмудомъ II послѣ ихъ возстанія въ Константинополѣ (1826 г.), отличавшемся особенною жестокостью. Первый стихъ намекаетъ на тѣ похвалы и добрыя пожеланія, которыми западные друзья султана встрѣтили задуманныя имъ реформы, надѣясь найти въ немъ союзника противъ Россіи. См. Н. И. Черняева, Критич. ст. и зам. о Пушкинѣ, Харьков, 1900, стр. 1—32.

642. ЗАКЛИНАНИЕ.

(т. III, стр. 101).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 164, по рукописи, находящейся нынѣ въ библотека Академіи Наукъ (недоступное общему пользованію собр. Майкова). Въ посмертномъ изд. 2-й стихъ послѣдней строфы читается, согласно съ подлинникомъ:

Чтобъ укорять людей, чья злоба
у Анненкова же—опечатка: «чтобъ укорять того», повторенная всѣми позднѣйшими изданіями. Вторая строфа въ рукописи *зачеркнута*, почему и напечатана въ настоящемъ изданіи въ скобкахъ. Помѣта рукописи: 17 октября, Болдино.

Это стихотвореніе, по своему содержанію, находится въ тѣсной связи съ элегіей: «Для береговъ отчизны дальней» и стихотвореніемъ: «Разставаніе»; будучи взяты всѣ вмѣстѣ, эти три пьесы составляютъ, по выраженію Анненкова, одну трехчленную лирическую пѣснь.

644. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(т. III, стр. 109).

Напечатано въ «Современникѣ» 1836 г. Рукопись (Рум. Муз. № 2376 В) помѣчена: 23 октября 1830, Болдино. О текстѣ см. замѣтку П. В. Петрова въ Литер. Вѣстн. 1901, I, 432.

По вопросу объ источникѣ драмы комментаторами были высказаны весьма разнообразныя мнѣнія. Анненковъ (Мат., изд. 2-е, 278) объясняетъ ссылку на небывалаго Ченстона боязною «примѣненіи и неосновательныхъ толковъ»; эта мысль была развита А. И. Кирпичниковымъ, который прямо указалъ (Рус. Стар. 1899, № 2, стр. 441, и Очерки нов. рус. лит., II, 44), что Пушкинъ хо

тѣмъ изобразить собственныя отношенія къ отцу, который въ юношескіе годы поэта давалъ ему очень мало денегъ. Н. О. Сумцовъ («Пушкинъ», 255—256), вслѣдъ за Н. А. Кулаковскимъ (Объ иллиризмѣ, 69), указалъ на мопологъ стараго скупца Фабиена въ комедіи стариннаго хорватскаго писателя Яндрича: «Любомировичъ, или истинный другъ» (перевѣка «Il vero amico» Гольдони), изданной Томою Миклоушичемъ въ Загребѣ, 1821 г. Но эта пьеса, конечно, не была известна Пушкину. (См. замѣтку А. Н. Сиротинина въ Рус. Арх. 1909, кн. 11, стр. 222). А. А. Чебышевъ, въ замѣткѣ, напечатанной въ сборникѣ: «Памяти Л. Н. Майкова» (Спб. 1903, стр. 489—501), обратилъ вниманіе на нѣсу Мильмана (1791—1868) «Фаціо», съ которою Пушкинъ могъ познакомиться по бывшему у него въ рукахъ парижскому изданію: «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», P. 1829. Въ этой пьесѣ выведенъ, между прочимъ, старый скряга Бартоло, о которомъ Фаціо рассказываетъ, что «онъ любовался сквозь боязливо приподнятую крышку огромнаго сундука на монеты, драгоценности, слитки золота, на блескъ которыхъ падали тусклые лучи фонаря... Его хорьковые глаза сладострастно наслаждались этими драгоценностями, подобно сатиру, любующемуся спящей нимфой. И когда ему вдругъ послышался шумъ, онъ поспѣшно захлопнулъ крышку и задулъ фонарь». Указанная черта сходства этого разсказа съ монологомъ барона въ подвалѣ представляется, однако, незначительною. Гораздо ближе къ этому монологу стоять: сцена изъ романа Вальтеръ-Скотта «Пертская Красавица», отмѣченная еще А. Д. Галаховымъ (въ статьѣ о заимствованіяхъ рус. поэтовъ, въ Рус. Стар. 1888, № 1), и строфы VIII—X двѣнадцатой пьесы байроновскаго «Донъ-Жуана», конечно, также хорошо известныя Пушкину:

«Скряга—поэтъ въ душѣ. Скупость, эта чистѣйшая изъ страстей, будучи отраженіемъ его золотыхъ слитковъ, для пріобрѣтенія которыхъ народы переплываютъ океанъ, доставляетъ ему блаженство обладанія. Для него слитки изъ темныхъ рудниковъ блещутъ золотыми лучами, брилліанты проливаютъ на него свое сверкающее пламя, а нѣжный блескъ изумрудовъ умѣряетъ цвѣтъ другихъ камней, услаждающихъ его взоры. Ему принадлежатъ земли обоихъ полушарій... а онъ, чуждый всѣхъ норывовъ чувственности, довольствуется тѣмъ, что повелѣваетъ всѣмъ его окружающимъ, какъ нравственный неограниченный монархъ, и проч.

645. МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

(т. III, стр. 127).

Библиографическія и литературныя указанія см. въ т. III, стр. 118—126.

646. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ.

(т. III, стр. 133).

Рукописи—Рус. Муз. № 2372, л. 95 об., и библ. Академіи Наукъ (собр. Майкова, № 49). Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 163, и въ изд.

Анненкова, II, 527. Музейная рукопись представляетъ вариантъ послѣдняго стиха: «Смысла я въ тебѣ ищу». Тамъ же, среди исчерканныхъ строкъ, можно еще прочесть:

(Мнѣ ночь отрада)
(Я проснулся, но лѣживо)

Длятся почи декабря. . .

Стихотвореніе написано, однако, не въ декабрѣ, а въ октябрѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ помета рукописи (ср. Анненкова, Мат., изд. 2-е, 299). По замѣчанію проф. Н. О. Сумцова («Пушкинъ», 80), эти стихи вышли изъ душевнаго настроенія, породившаго ранѣе, въ 1828 году, стихотвореніе «Даръ напрасный». Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ обнаруживается стремленіе проникнуть въ тайны жизни. Стихотвореніе 1828 г. болѣе пессимистично. Здѣсь поэтъ прямо говорить: «стоитъ меня тоскою однозвучной жизни шумъ», а въ стихахъ 1830 г. только чувствуется эта тоска, чувствуется презрительное отношеніе къ жизни, какъ «бабьему лепетанью парки». Любопытная черта—опредѣленіе интенсивности жизни по звукамъ, обнаруживается и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ Пушкина, напр. въ «Пророкѣ».

Ночныя впечатлѣнія, повидимому, имѣли важное значеніе въ творествѣ Пушкина. По собственному его признанію, ночь вдохновляла его, открывала его воображеніе. Это признаніе чаще всего встрѣчается въ стихотвореніяхъ 1830 г. Такъ, въ «Моцартѣ и Сальери» упоминается «творческая ночь», въ «Трудѣ» поэтъ говоритъ, что ему жаль труда «молчаливаго спутника ночи», и т. д. Пушкинъ часто писалъ по ночамъ.

647. ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я.

(т. III, стр. 133).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 172, вмѣстѣ съ другимъ, позднѣйшимъ (1832 г.) стихотвореніемъ: «И далѣ мы пошли...», подъ произвольнымъ заглавіемъ; «Подражаніе Данту». Подлинникъ, бывшій у Анненкова, а теперь находящійся въ библіотекѣ Академіи Наукъ (собр. Майкова), представляетъ варианты (см. Анненкова, Мат., изд. 2-е, стр. 299):

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ маленькихъ дѣтей насъ было много,
Какъ на грядѣ одной цвѣтовъ семья,
Росли первому мы; за нами строго
Смотрѣла нѣкая жена...

Во 2-мъ стихѣ X-й терцины, послѣ словъ: «И свитки въ», знакъ [?] поставленъ на мѣстѣ пропущеннаго посмертнымъ изданіемъ и не восстановленнаго Анненковымъ слова. Можно предположить: «бѣлыхъ».

Все «подражаніе Данту» въ этомъ отрывкѣ ограничивается формой стиха, — терцинами, похожими на тѣ, какими написана «Божественная Комедія». По содержанію же своему отрывокъ не имѣетъ ничего общаго съ Данте и его временемъ, такъ какъ здѣсь рисуется школа эпохи лишь поздняго Возрожденія. Анненковъ (Мат., 300)

подмѣтилъ въ немъ, вмѣстѣ съ глубокими чертами поэзіи, «первый проблескъ того эпическаго настроенія, которое впоследствии развилось у Пушкина и опредѣлило всю поэтическую его дѣятельность... Съ 1830 года мысль автора начинает преимущественно выбирать повѣствованіе для проявленія своего—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчпняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое поработаетъ читателя невольно, неукрѣпно и безпрекословно»...

Стихотвореніе представляется только вступленіемъ къ разсказу, и неизвѣстно, какъ бы развивался этотъ разсказъ далѣе. Судя по началу, можно догадываться, что ближайшее повѣствованіе должно было коснуться борьбы съ тѣми искушеніями, какія являлись юношѣ, «въ началѣ жизни», въ образѣ двухъ прекрасныхъ «идоловъ» таинственнаго сада, увлекая его прочь отъ строгой, величавой «жены», отъ яснаго, свѣтлаго жизненнаго идеала. Однако, видѣвъ въ этихъ «идолахъ», какъ это допускаетъ Д. С. Мережковскій («Вѣчные Спутники», 514—516), олицетвереніе двухъ противоположныхъ началъ—«аполлоновскаго» и «діонисовскаго», значило бы—приписывать Пушкину мысли, которыя болѣе полувѣка спустя были развиты Ницше. Да въ такомъ анахронизмѣ нѣтъ и нужды. Кто не сходилъ въ своей жизни, хотя-бы на мигу, съ прямого пути подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ побужденій? Кому не являлись эти два «демона», оба равно прекрасные и живые? Въ подчиненіи тому или другому изъ нихъ—вѣчная причина человѣческаго паденія, нравственной неустойчивости, затменія духа; въ борьбѣ съ ними—правственное просвѣтленіе и мѣра душевныхъ силъ каждаго; въ рѣдкой побѣдѣ надъ ними—подвигъ возрожденія и ясной покой души, высшая мудрость. По своему символическому характеру настоящій отрывокъ стоитъ одиноко среди произведеній Пушкина, всегда простыхъ и ясныхъ,—и какъ-то особенно завлекаетъ своею незаконченностью и таинственностью...

648. БЫЛЪ НА СВѢТѢ РЫЦАРЬ БѢДНЫЙ.

(т. III, стр. 133).

По рукописи Рум. Муз. № 2574, л. 77 об. впервые напечатано въ изд. Литературнаго Фонда (1887) и затѣмъ—въ изд. «Просвѣщеніе» (V, 640-642). Въ настоящемъ изданіи кое-что прочтано точнѣе (см. въ исторіи текста). По вѣроятному предположенію Н. О. Лернера («Труды и дни», изд. 2-е, 225), написано въ Болдинѣ и послано отсюда 4 ноября бар. Дельвигу съ письмомъ, въ которомъ Пушкинъ доносилъ, какъ вассалъ своему сюзерену, что «нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго надежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми войнами, т.-е. бурлаками, то въ замкѣ твоёмъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнуть круглой годъ». Впоследствии Пушкинъ переписалъ романсъ изъ прежней тетради въ другую (№ 2384, л. 49 об.), съ передѣлками и сокращеніями, и вставилъ его въ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»¹⁾.

¹⁾ Стихъ: «Полонъ (дѣтскою) любовью» можетъ-быть вѣрнѣе читать: Т л ъ л д ѣ в с т в е н н о й любовью.

«Подъ возбуждающимъ вліяніемъ живописи и скульптуры возникло представленіе о Мадоннѣ, какъ о прекрасной женщицѣ, и экзальтированныя, иногда прямо сумасшедшія, рыцари влюблялись въ картины Мадонны, избирали Богоматерь дамою своего сердца и совершали въ честь ея подвиги. Это—крайнее выраженіе извѣстнаго рыцарскаго служенія женщицѣ.. Пушкинскій рыцарь—типичный средневѣковой рыцарь эпохи крестовыхъ походовъ, храбрый, мрачный, суровый, склонный къ мечтательности, съ болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ.. Онъ представляетъ родственныя черты съ Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ и Донъ-Кихотомъ. Въ романсѣ, несмотря на значительный его объемъ (пр. Сумцовъ говоритъ о редакціи «Сценъ изъ рыц. временъ»), мѣтко очерчены главныя черты средневѣковой жизни—поклоненіе Мадоннѣ, уваженіе къ женщицѣ, войны съ мусульманами, рыцарское вооруженіе и рыцарская экзальтированность¹⁾. (Сумцовъ, «Пушк.», 159—160).

649. ГЕРОЙ.

(т. III, стр. 134).

Напечатано, безъ подписи автора, въ «Телескопѣ» 1831, № 1, а съ именемъ Пушкина впервые явилось въ «Современникѣ» 1837, № 5, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Редакція получила это стихотвореніе отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ»: Пошлю вамъ стихотвореніе Пушкина Герой. Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры, въ 1830 году, изъ нижегородской своей деревни, и вотъ что напечаталъ объ немъ: «Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ, но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ его, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанное».—Я напечаталъ стихи тогда въ «Телескопѣ» (1831, № 1, безъ подписи) и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго: у т ѣ ш ѣ с я!—29 сентября 1830,—есть день прибытія Государя Императора въ Москву во время холеры.

Посѣщенія Николаемъ I холерной Москвы вызвало въ Пушкинѣ искренній энтузіазмъ. Въ черновой статьѣ о Радищевѣ (Рум. Муз. № 2385) читаемъ: «Нынѣ дарствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 г., во время заразы, принадлежитъ будущему историку».

Автографъ «Героя» находится въ Имп. Публ. Библиотекѣ и не представляетъ никакихъ отличій отъ напечатаннаго. Ссылка на мемуары Бурьена сбллана самимъ Пушкинымъ, но къ ней редакція «Современника» присоединила свое объясненіе: «Бурень въ запискахъ своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. «J'affirme», говоритъ онъ, «ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré».

Стихи (стр. 134): «Сей ратникъ, Вольностью

¹⁾ Ср. въ VI т. статью «Въ лабораторіи генія» и примѣч. къ «Сценамъ изъ рыцар. временъ». *Ред.*

вѣнчанный, исчезнувшій, какъ тѣнь зари» представляютъ повтореніе стиха изъ отрывка 1823 г. «Недвижный стражъ дремалъ»,—«Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари», и, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, повторены въ удѣлѣвшемъ стрывкѣ изъ X-й главы «Онѣгина» («Пушк. и его совр.», XII, 4), гдѣ сказано: «Сей всадникъ, Папою вѣнчанный, исчезнувшій, какъ тѣнь зари, сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный, предъ кѣмъ унизились (цари)». См. тамъ же замѣтку П. О. Морозова.

650. КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

(т. III, стр. 147).

Пьеса известна въ рукописяхъ Рум. Музея № 2376 Б. (л. 1—9, 54—61), 2377 А (л. 23) и 2387 Б (л. 46 об.), а напечатана впервые только послѣ смерти Пушкина, въ сборникѣ: «Сто Русскихъ Литераторовъ» (Спб. 1839), съ произвольными поправками и пропусками и съ замѣною пушкинскаго правописанія «Донъ-Гуанъ», болѣе близкаго къ испанскому произношенію, общепринятымъ у насъ—«Донъ-Жуанъ».

Какъ уже указано въ статьѣ Н. А. Котляревскаго (III, 139), первая обработка легенды о Донъ-Жуанѣ принадлежитъ Тирсо-де-Молина (Габриэль Теллезъ), автору пьесы «Севильскій распутникъ и Каменный гость» (1634). Эта пьеса сразу приобрѣла широкую популярность не только въ Испаніи, но и за ея предѣлами. Въ 1652 г. она была представлена въ Неаполѣ и вызвала въ итальянской литературѣ XVII вѣка дѣльный рядъ подражаній и передѣлокъ. Странствующія труппы итальянскихъ актеровъ занесли ее, въ видѣ *commedia dell' arte*, во Францію. Въ 1658 г. одинъ изъ парижскихъ актеровъ, Доримонъ, передѣлалъ итальянскую пьесу въ плохіе французскіе стихи, причѣмъ въ самомъ заглавіи допущена была ошибка, происшедшая отъ описки въ итальянскомъ текстѣ: вмѣсто *convitato di pietra* (каменный гость) было прочитано *convito* (пирь), и слово *pietra* (камень) замѣнено собственнымъ именемъ *Pietro* (или Педро); такимъ образомъ, пьеса получила заглавіе: «*Le Festin de Pierre*» («Пирь Петра»); а такъ какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ никакого «Петра» не оказалось, то рѣшено было дать это имя командору (прежде безымянному), котораго убиваетъ Донъ-Жуанъ и оживленная статуя котораго производитъ катастрофу. Любопытно, что эта ошибка Доримона неизмѣнно повторялась всѣми позднѣйшими драматургами, французскими и нѣмецкими,—и только Пушкинъ возвратилъ пьесѣ ея подлинное и правильное заглавіе.

О вариантахъ см. «Исторію текста». Для хронологіи созданія «Каменнаго Гостя» интересно, что Пушкинъ еще 1 марта 1828 г. вписалъ въ альбомъ извѣстной пианистки Шмаповской стихи, включенные потомъ во II сцену драмы (стр. 151):

Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь—мелодія...

(См. замѣтку Н. О. Лернера въ Историч. Вѣстн. 1905, июнь. 318—319).

651. Я ЗДѢСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ.

(т. III, стр. 162).

Впервые напечатано въ 1834 г. съ нотами М. И. Глинки; затѣмъ появилось въ «Отеч. Запискахъ» 1841, № 8; посмертнымъ изданіемъ пропущено, и вновь напечатано только Анненковымъ (Мат., 2-е изд. 302), у котораго былъ и автографъ стихотворенія, подаренный имъ М. П. Боткиной (Шеншиной) и сохранившійся въ ея альбомѣ (см. «Пушк. и совр.», XII, 1—6) При печатаніи стихотворенія Анненковъ допустилъ два отступленія отъ вполне четкой рукописи: 1) во 2-мъ стихѣ 1-го куплета Пушкинымъ напечатано: «Я здѣсь (а не «стою») подъ окномъ» и 2) въ 3-мъ куплетѣ послѣдній стихъ читается въ автографѣ: «Тотъ-чъ съ (а не «мечемъ») уложу». Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ изданіи 1834 (съ музыкой Глинки) напечатано: 1) «Я здѣсь подъ окномъ», но 2) «Мечемъ уложу», Автографъ помѣченъ: «9 окт. 1830 Болд.».

Анненковъ указалъ, что поводомъ къ сочиненію этой пьесы послужило стихотвореніе Ваггу *Corwall* «Серенада», изъ котораго Пушкинъ взялъ только первый стихъ: «*Inesilla, I am here*», да вопросъ: «что медляшь?» Все остальное сочинено нашимъ поэтомъ совершенно самостоятельно. Очень вѣроятно, что этотъ романсъ долженъ былъ войти во II сцену «Каменнаго Гостя», какъ одна изъ пѣсень Лауры.

По замѣчанію Анненкова, Пушкинъ до послѣдняго времени сохранялъ особенное расположеніе къ Барри Корнуоллю,—«вѣроятно, столько же за энергію его произведеній, сколько и за его подражанія стилю и приемамъ старыхъ драматурговъ Англій». За четыре дня до своей смерти поэтъ писалъ А. О. Ишимовой: «Мнѣ хотѣлось бы познакомиться публично съ произведеніями Ваггу *Corwall*. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его драматическихъ очерковъ?» Ишимова дѣйствительно, перевела пять изъ этихъ очерковъ,—вѣроятно, указанныхъ Пушкинымъ; они были напечатаны въ VIII томѣ «Современника» 1837 г. Самъ же Пушкинъ перевелъ изъ Б. Корнуолля «Пирь во время чумы», см. ниже.

652. ПРЕДЪ ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ.

(т. III, стр. 163).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 161, съ произвольнымъ заглавіемъ: «Романсъ». Подлинникъ находится въ бібліотекѣ Академіи Наукъ (собр. А. Л. Майковъ). Можетъ быть также предназначалось для II-й сцены «Каменнаго Гостя».

653. НА ПЕРЕВОДѢ ИЛІАДЫ.

(т. III, стр. 164).

Напечатано въ альманахѣ бар. Розена «Альціона» 1832 г. стр. 79. и повторено въ изд. 1832 г. (III, 27), съ исправленіемъ 1-го стиха, читавшагося въ альманахѣ: «Слѣину бо жественный звукъ воскреспувшей эллинской рѣчи». Черновое двустишіе находится въ записной книжкѣ Пушкина, поступившей въ Имп. Публ. бібліотеку

вмѣствъ съ бумагами А. А. Краевского. Здѣсь вмѣстѣ и помѣта: «8 №» (ноября). Заимѣтка Пушкина «О выходѣ Илиады въ переводѣ Гнѣдича», напеч. въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 2 (6 янв.), вызвала восторженную благодарность Гнѣдича, который тотчасъ же написалъ Пушкину: «Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше царскихъ перстней».

Однако поэтъ, прежде чѣмъ выразить свое одобреніе труду Гнѣдича въ формѣ классическаго двустихія, воспользовался той же формою для выраженія иной мысли—не хвалебной, а сатирической. Въ майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина въ библиотекѣ Академіи Наукъ нашелся листокъ въ восьмушку писчей бумаги, мелко съ обѣихъ сторонъ исписанный. Здѣсь находятся стихотворенія, набросанныя Пушкинымъ въ Болдинѣ, въ первой половинѣ октября 1830 г., а именно: на лицевой сторонѣ «Румяный критикъ мой...», а на оборотѣ—«Къ статуй въ Парскомъ Селѣ» и, нѣсколько ниже,—отрывокъ: «Куда же ты?—въ Москву». Между этими двумя стихотвореніями написано и затѣмъ старательно зачеркнуто двустихіе, которое, однако же, оказалось возможнымъ возстановить:

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, предлагатель
слѣдова Гомера;
Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его
переводъ.

Такимъ образомъ, Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, но чутьемъ догадавшійся о томъ недостаткѣ перевода Илиады, въ которой критика стала впоследствии упрекать Гнѣдича,—объ его напыщенности, выразившейся въ обилии славянизмовъ,—не могъ удержаться, чтобы не козыгнуть переводчика эпиграммой. Но, вѣроятно, опасаясь, что эта вспышка юмора можетъ какъ-нибудь дойти до крайне самолюбиваго Гнѣдича и испортить существовавшія между обоими поэтами добрыя отношенія, поторопился ее зачеркнуть съ особенною тщательностью и замѣнить двустихіе совсемъ иного рода. См. заимѣтку П. О. Морозова, «Пушк. и его совр.», XIII, 13—17.

654. ДЛЯ БЕРЕГОВЪ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ.

(т. III, стр. 164).

Впервые напечатано въ альманахѣ Владислава «Утренняя Заря» 1841 г., подъ заглавіемъ: «Разлука». Въ автографѣ, помѣченномъ 27 ноября и принадлежащемъ нынѣ Е. П. В. Кн. Константину Константиновичу, стихотвореніе первоначально начиналось такъ:

Для береговъ чужбины дальней
Ты покидала край родной.

«Трудно рѣшить», говоритъ Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 189), «которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ». Но, по существу, обѣ редакціи выражаютъ одно и то же: стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ объ отъѣздѣ г-жи Ризничъ изъ Одессы въ Италію,—изъ родного поэту, но чужого для нея русскаго края въ дальнюю для него чужбину, для нея—отчизну.

«Въ чемъ заключается невыразимое очарованіе этого стихотворенія?» спрашиваетъ Катковъ.—«Въ индивидуальности минуты, въ немъ изображенной. Оно дышитъ чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то совершенно особеннымъ. Эта минута есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто безконечно оригинальное. Въ этихъ немногихъ строкахъ—цѣлая повѣсть. Читая ихъ, вы чувствуете, какъ на душѣ вашей слагается это полное мгновеніе, которое вы потомъ отличите отъ тысячи другихъ... Каждое слово въ этомъ стихотвореніи дѣйствуетъ на душу и могущественно вызываетъ изъ сердечной глубины всѣ тѣ тонкія чувствованія, которыя въ своемъ сліяніи изображаютъ идею стихотворенія. Вдали, какъ основа картины, чувствуется благодатный край юга, край жизни и любви. Съ этимъ яркимъ аккордомъ сливается мысль о печальной странѣ изгнанія, и посреди этого общаго настроенія разыгрывается сцена... Поэтъ не ограничился простымъ извѣщеніемъ о своемъ чувствѣ; онъ передалъ всю особенность его проявленія, и передалъ двумя-тремя чертами, которыя представили намъ живой образъ, проникнутый всею силою печальнаго мгновенія. Какъ сильно дѣйствуютъ эти простые слова: «Я долго плакалъ предъ тобой!» Какая истина въ этомъ движеніи холодящихъ рукъ. въ этомъ стоикѣ, умоляющемъ продать томительную минуту разставанія! Какъ слышится въ поэзіи этой сцены присутствіе нѣжнаго, милаго женскаго существа!... Какъ хорошо и какъ кстати, что именно она и прерываетъ это страшное томленіе разлуки! Женскому чувству особенно свойственно хранить мѣру въ самомъ увлеченіи; женскому чувству сроднѣе, чѣмъ мужскому, остановиться въ порывѣ и замкнуться въ самоотреченіи или въ надеждѣ... Надежды не сбылись: она умерла подъ голубымъ небомъ своей родины,—и прощальныя слова поэта запечатлѣны чудною нѣжностью и вмѣствъ важностью. При строгой мысли о смерти, чувство поэта помнитъ еще объ общанномъ поцѣлуѣ свиданія; это нѣжное чувство устояло передъ скорбною торжественностью минуты. Бѣдное сердце человѣческое не потерлось, не отрезлось отъ своихъ правъ и предъ зияющею, бездною смерти»...

«Эта пьеса», продолжаетъ тотъ же критикъ,—«есть выраженіе великой идеи, идеи, для которой много работала исторія. Это—идея человѣческой личности, это—права человѣческаго сердца. Звуками Пушкина предъявлены были эти права въ нашемъ общественномъ сознаниі; его поэзіей, преимущественно, эта идея была усвоена русскою жизнью... Если признаніе правъ человѣческаго сердца было и у насъ давною потребностью, то полное удовлетвореніе себѣ нашла она впервые въ поэзіи Пушкина. Вотъ., существенное значеніе его лирики, и вотъ истина, которая утверждена была имъ въ общественномъ сознаниі». (Зелинский, Рус. крит. лит. о произ. Пушк. VII, 147—152).

655. КАКЪ ВЕСЕННЕЙ ТЕПЛОЙ ПОРОЮ.

(т. III, стр. 165).

Впервые напечатано Анненковымъ (Мат., изд. 2-е, стр. 116), по рукописи Рум. Муз. № 2376 В, л. 5, по которой и исправлено въ изд. Литер. Фонда II, 113.

«Это только эскизъ проба пера», говоритъ

Вс. О. Миллеръ («П-нъ, какъ поэтъ-этнографъ». № 2899, стр. 47—49). «Намъ неизвѣстно, какъ повелъ бы Пушкинъ дальше свою сказку о медвѣдцѣ, почему онъ не возвращался болѣе къ этому виртуозному началу... Но тѣмъ сильнѣе заинте-ресовываетъ насъ облекающая отрывокъ тайна. Передъ нами какъ будто запись подлинной народ-ной пѣсни; но всматриваясь въ нее ближе мы замѣчаемъ, что это—попытка къ художественному воспроизведенію, руководимая замысломъ сохра-нить весь колоритъ народности, незловивый юморъ, мѣткія характеристики, типической стихъ,—по-пытка, дающая, какъ справедливо выразился Ан-ненковъ, «впечатлѣніе деревенской пѣсни, прои-той великимъ мастеромъ». Можно было бы по-святить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдцѣ съ этнографической точки зрѣнія. Въ ней мы находимъ самое высшее у Пушкина про-явленіе его близкаго знакомства съ духомъ русской народной поэзіи и умѣнья художественно воспро-изводить ея мотивы... Мы не можемъ точно ука-зать простонародный матеріалъ, которымъ воспользовался Пушкинъ. По всей вѣроятности, это не была одна опредѣленная пѣсня. Въ сказкѣ о медвѣдцѣ мы видимъ скорѣе такое же художе-ственное собраніе въ одиѣ фокусъ народныхъ кра-сокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ», этомъ дивномъ фокусѣ русскихъ сказочныхъ мотивовъ...» «Въ Пушкинѣ», говоритъ Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи 1880 г., «есть именно что-то сроднившееся съ народомъ въ а правду, доходящее въ немъ почти до ка-кого-то простодушнѣйшаго умиленія. Вспомните сказаніе о медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боярыню-медвѣдицу... и вы поймете, что я хочу сказать».

656. ПИРЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(т. III, стр. 169).

Напечатано въ альманахѣ бар. Розена «Аль-ціона» (Спб. 1832) и въ томъ же году перепеча-тано въ собраніи стихотвореній Пушкина (III, 62—77).

Шотландскій поэтъ John Wilson, болѣе из-вѣстный подъ псевдонимомъ Christopher North (1785—1854), принадлежалъ къ такъ наз. «озерной школѣ» поэтовъ, главными представителями ко-торой были Уордсвортъ, Кольриджъ и Саути. За-нимая въ Эдинбургскомъ университетѣ кафедру нравственной философіи, онъ былъ въ то же время дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Blackwood's Magazine», въ которомъ печатались его научныя и политическія статьи, стихотворенія и рассказы. Его драматическая поэма «Чумный городъ» (1816) изображаетъ эпизоды изъ времени «великой чумы» 1666 г. въ Лондонѣ. Пушкинъ перевелъ только 4-ю сцену I дѣйствія этой пьесы.

657. ПЬЮ ЗА ЗДРАВІЕ МЕРИ.

(т. III, стр. 173).

Напечатано въ альманахѣ «Деница» 1831 г., стр. 90, и въ изд. 1832 г. (III, 60—61), подъ загла-віемъ: «Пѣсня», указаннымъ только въ оглавленіи.

Отдаленное подражаніе пѣснѣ Барри Корнуолла, первый стихъ которой взятъ энграфомъ. Пуш-кинъ сохранилъ только общій тонъ этой пѣсни, но значительно измѣнилъ содержаніе.

658. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

(т. III, стр. 174).

Видѣтъсь съ стихотвореніями: «Отрокъ», «Рифма» и «Трудъ» напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г., подъ общимъ заглавіемъ: «Анеологическія эпи-граммы», и затѣмъ вошло въ изд. 1832 г. (III, 84). Въ стихѣ 2-мъ слѣдуетъ читать: «Дѣва печально сидитъ»: такъ въ рукописи и въ изд. 1832 г.— Помѣта: 1 октября. Въ стихотвореніи изобра-жается одинъ изъ царскосельскихъ фонтановъ («La Cuche cassée»).

659. РИФМА.

(т. III, стр. 174).

Напечатано тамъ же. (Ср. набросокъ 1828 г. о рифмѣ, настоящ. изд. II, 501, № 566).

660. ТРУДЪ.

(т. III, стр. 174).

Напечатано тамъ же.

«Только въ искусствѣ», говоритъ Анненковъ (Мат., изд. 2-е, 171—172), «находитъ Пушкинъ благородное разрѣшеніе противорѣчій собствен-наго своего существованія, только въ немъ при-мирался онъ съ самимъ собою и сознавалъ себя въ высокомъ нравственномъ значеніи. Впослѣд-ствіи холодность публики и невниманіе ея къ лучшимъ, зрѣлымъ его произведеніямъ еще глуб-же погрузили его въ художническое уединеніе, которое онъ воспѣвалъ. Дѣйствительно, Пушкинъ сдѣлался и творцомъ, независимымъ отъ вкуса и расположенія публики, и единственнымъ вѣрнымъ судьей своихъ произведеній... Къ концу своего по-прища онъ пришелъ къ мысли и убѣжденію, что самый трудъ, какъ предметъ, назначенный для общаго достоянія всѣхъ, ничего не значить въ глазахъ поэта, а важны для послѣдняго только высокія наслажденія, доставленные теченіемъ труда. Эта мысль ишла себѣ выраженіе въ настоящемъ стихотвореніи, ближайшимъ поводомъ къ которому послужило, можетъ быть, заверше-ніе многолѣтняго труда надъ «Евгеніемъ Онѣги-нымъ».

661. НОВОСЕЛЬЕ.

(т. III, стр. 174).

Напечатано въ альманахѣ «Сиротка» 1831 г., стр. 39, и въ изд. 1832 (III, 107), подъ заглавіемъ: «Новоселіе» и съ припискою: «Къ **». Написано въ концѣ года и относится къ старинному, еще

отъ временъ царскосельскихъ, другу Пушкина, Павлу Воиновичу Нащокину. «Проигравъ въ карты состояніе, доставшееся ему отъ богатой матери, Нащокинъ, служившій въ царскосельскихъ гусарахъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ дѣлалъ много добра, помогая бѣднымъ, ссужая нуждающихся деньгами, когда онъ у него бывали, и не требуя отдачи. Другьями его были, между прочимъ, кн. Вяземскій, гр. Вѣльгорскій, а въ послѣдствіи — Гоголь. Нащокинъ привлекалъ къ себѣ умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, но врожденной, природной логикой и здравымъ смысломъ; къ нему всегда обращались за совѣтами при какихъ-либо житейскихъ затрудненіяхъ, и совѣты его всегда приносили пользу. Бывая въ Москвѣ, Пушкинъ чаще всего останавливался въ домѣ Нащокина, у Старого Пимена» (Поливановъ, Соч. Пушк., I, 313). См. выше статью М. О. Гершензона и Воспоминанія В. А. Нащокиной въ Пов. Врем. 1898, 30 сент., № 8115.

662. УЖЪ ОСЕНЬ ХОЛОДОМЪ ДОХНУЛА.

См. № 637, т. III, стр. 175.

663. КАКЪ БЫСТРО ВЪ ПОЛѢ, ВКРУГЪ ОТКРЫТОМЪ.

(т. III, стр. 175).

Напечатано въ «Москвитяинѣ» 1841, № 1, подъ заглавіемъ: «Десять неизвѣстныхъ стиховъ Пушкина» и съ выпиской: «Эти стихи удержались въ моей памяти изъ одного стихотворенія, которое Пушкинъ читалъ мнѣ наизусть въ Петербургѣ въ 1828 году и которое онъ хотѣлъ назвать, кажется, Осеннее чувство. М. П[огодина]». Подъ этимъ заглавіемъ отрывокъ и былъ напечатанъ въ посмертномъ изд., IX, 141, и въ изд. Анненкова, II, 516. Безъ всякаго заглавія онъ находится въ рукописи Рум. Муз. № 2387 В, л. 6, среди прозаическихъ черновыхъ набросковъ 1830 г.; по этой рукописи онъ и напечатанъ въ изд. Литер. Фонда. Въ изданіяхъ посм. и Анн. послѣ первыхъ 4-хъ стиховъ слѣдуетъ строка точекъ, а за нею—два стиха, которыхъ нѣтъ въ рукописи:

Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый,
Черезъ потокъ оледенѣлый!

и опять строка точекъ. Послѣднихъ четырехъ стиховъ въ прежнихъ изданіяхъ не было. Изъ нихъ 3-й стихъ съ конца имѣетъ первоначальный вариантъ:

(На небѣ мертво и) темно.

Можетъ быть, этотъ отрывокъ, какъ и № 662, предназначался для «Онѣгина».

664. О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ.

(т. III, стр. 175).

По рукописи, теперь неизвѣстной, напечатано Анненковымъ, VII, 106, причемъ стихъ 14-й, безъ

сомнѣній, прочтѣнъ невѣрно, ибо Пушкинъ не могъ написать безграмотнаго выраженія: «А если же». По своему содержанию и топу это стихотвореніе представляется довольно загадочнымъ: оно не подходитъ къ общему настроенію Пушкина въ 1830 г. и скорѣе могло бы быть отнесено къ болѣе раннему времени,—если вообще допустить его принадлежность нашему поэту.

665. МЕДОКЪ.

(т. III, стр. 175).

Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, XLIII, 320, по рукописи Рум. Муз. № 2373, л. 1; затѣмъ, съ нѣкоторыми исправленіями,—въ изд. Лит. Фонда, II, 125.

Мадос—поэма Саути, воспѣвающая легендарнаго уэльскаго моряка, будто бы открывшаго и завоевавшаго Мексику. Она дѣлится на двѣ части: I. Madoc in Wales; II Madoc in Aztlan. Пушкинъ перевелъ, очень близко къ подлиннику, 26 стиховъ I части, озаглавивъ ее: «Медокъ въ Уаллахъ», но потомъ оставилъ этотъ переводъ неотдѣланнымъ, какъ и всѣ прочія свои попытки въ этомъ родѣ, потому что неспособенъ былъ надолго подчиняться чужой мысли.

666. МЫ РОЖДЕНЫ, МОИ БРАТЪ НАЗВАННЫЙ.

(т. III, стр. 175).

Напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, XLIV, 83, по рукописи Рум. Муз. № 2376 Б, л. 4, и съ поправками—въ изд. Лит. Фонда, II, 126. Очевидно, начало посланія къ Дельвигу.

667. ГРАФИНЯ ОДНА ДЕРЖИТЪ ПИСЬМО.

(т. III, стр. 176).

По черновому автографу напечатано П. А. Шляпкинымъ: «Изъ неизд. бумагъ А. С. П.—па» (Спб. 1903), стр. 44—45. По замѣчанію Шляпкина, начало какъ будто напоминаетъ повѣсть «Арапъ Петра Великаго»: Ибрагима въ Парижѣ представляетъ графиня Л. молодой Мервиль (здѣсь—Дорвиль, имя одной французской актрисы 30-хъ гг.). Когда они сошлись, графиня, увидя себя предметомъ насмѣшекъ, «то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобы напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно... Обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата. Утѣшенія, совѣты, предложенія—все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ея...» Графа, «который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ», нашли способъ удалить, и пр.

668. ЛЮБЕЗНѢЙШІЙ НАШЪ ДРУГЪ, О ТЫ
ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ.

(т. III, стр. 177).

Шляпкинъ, изъ неизд. бум., 12. Стихъ 1-й, написанъ кн. П. А. Вяземскимъ, 2-й, 4-й и 7-й — Жуковскимъ, 3-й — Пушкинымъ; почерки стиховъ 5-го и 6-го опредѣлить не удалось. В. Л. Пушкинъ скончался 30 августа 1830 г., а упомянутая во 2-мъ стихѣ повѣсть его «Капитанъ Храбровъ» написана въ 1828—29 гг. Такимъ образомъ, коллективное посланіе было написано въ 1829—1830 г., — можетъ быть, въ отвѣтъ на посланіе Вас. Льв. «Поэтъ-племянникъ, справедливо»..., напечатанное въ «Моск. Телегр.» 1829, ч. XXVI. Судя по тому, что оно осталось въ бумагахъ Пушкина, надо думать, что оно вовсе не было послано по назначенію. «Плѣнительный толмачъ и Грацій и скотовъ» — намекъ на антологическія стихотворенія и басни В. А. Къ этому стиху въ рукописи сдѣлана была выноска, по потомъ оторвана.

О В. Л. Пушкинѣ см. дальше статью Н. К. Пиксанова.

669. СТОЮ ПЕЧАЛЕНЪ, НА КЛАДБИЩЕ.

(т. III, стр. 177).

Шляпкинъ, Изъ неизд. бум., 13—14. Раѣе было напечатано Анненковымъ (Мат., изд. 2-е, 336) только извлеченіе незачеркнутыхъ строкъ. Шляпкинъ сближаетъ этотъ набросокъ съ описаніемъ кладбища въ повѣсти «Стандіонный Смотритель»: «Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не освѣщенными ни единымъ деревцомъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища».

670. НАДО МНОЙ ВЪ ЛАЗУРН ЯСНОЙ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ же, 15, и Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 335. Первоначально было написано:

Надо мной сводъ неба ясный,
Прямо—звѣздочка одна

«Богатство поэтическихъ средствъ, обиліе творческаго матеріала не мѣшали Пушкину постоянно записывать мотивы, зарождавшіеся сами собой, звуки, мгновенно возставшіе въ душѣ его», говоритъ Анненковъ. «Вѣроятно, онъ считалъ себя не въ правѣ бросать безъ вниманія эти невольныя проявленія зиждущей способности даже въ минуты наружнаго ея покоя. Звуки, по собственному его выраженію, безпрестанно переливались и жили въ немъ... и онъ внимательно прислушивался къ нимъ»...

671. ОПЯТЬ УВѢЧНАНЫ.

(т. III, стр. 178).

Шляпкинъ, Изъ неизд. бум., 16—17. Относится къ окончанію русско-турецкой войны 1829 г. Адрианопольскій миръ заключенъ 2 сентября 1829 г.

672. ЖЕНИСЬ—НА КОМЪ—НА ВЪРЪ ЧАЦКОЙ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ-же, 22.

673. ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМЪ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ-же, 20—21, и Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 338 (только первые 4 стиха). Въ исчерпанной черновой можно прочесть еще:

На нихъ основано семейство
И ты къ Отечеству любовь
.....
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ пустыня
Душа алтарь безъ божества.

См. П. Е. Щеголева. Ненаписанныя стихотворенія П-на «Истор. Вѣсти.» 1904, янв.

П. Морозовъ.

Отъ редакціи. О нашемъ чтеніи спорныхъ мѣстъ, см. въ VI т. «Исторію Пушкинскаго текста.»

С. В.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Имя Василя Львовича Пушкина часто мелькает на страницах русской литературной историографии. Знаток иностранных языков и французской поэзии, собственник замѣчательной библиотеки, автор пресловутаго «Опаснаго Собѣда», горячій участникъ борьбы шишковистовъ съ карамзинистами, дѣятельный членъ «Арзамаса», спой человекъ въ «олигархическомъ» кружкѣ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и Вяземскаго, наконецъ—дядя гениальнаго племянника, относившагося къ нему съ симпатіей,—Василій Львовичъ неизбѣжно упоминается всюду, гдѣ идетъ рѣчь о литературѣ александровскаго времени и легко можетъ производить впечатлѣніе литературной и культурной значительности. Такому впечатлѣнію содѣйствовали и его пріятели—арзамасцы, по правдѣ говоря, не очень-то уважавшіе легкомысленнаго сочлена, но въ официальныхъ случаяхъ неизбѣнно восхвалявшие его въ стихахъ и прозѣ. Нашелся и историкъ, проф. Халанскій, который—въ тонѣ этимъ пріятельскимъ восхваляемъ—высоко оцѣнилъ литературныя заслуги Василя Львовича и его поэтическое—и даже нравственное—вліяніе на племянника. Взгляды проф. Халанскаго были усвоены г. И. Смирновскимъ и пересказаны имъ въ учебномъ пособіи, такъ что грозятъ перейти въ обиходъ учителей словесности и школьничковъ.

Однако, боязе осторожное отношеніе къ литературной традиціи и непосредственное знакомство съ биографіей и сочиненіями Василя Львовича приводятъ къ инымъ оцѣнкамъ и выводамъ.

Василій Львовичъ родился 27-го апрѣля 1770 (по другимъ даннымъ—1767) года, въ Москвѣ, и былъ старшимъ братомъ Сергѣя Львовича, отца поэта. Его дѣтство прошло въ тяжелой семейной обстановкѣ. Отецъ, Левъ Александровичъ, былъ извѣстенъ своимъ тяжелымъ, жестокимъ характеромъ. И первая, и вторая его жена натерѣлись отъ него не мало горя. На характерѣ Василя Львовича это, однако, не отразилось: онъ на всю жизнь сохранилъ безпечность и жизнерадостность. Юность двухъ братьевъ протекала въ роскошной обстановкѣ богатаго баринскаго дома. Левъ Александровичъ жилъ открыто и былъ извѣстенъ въ Москвѣ своимъ гостепріимствомъ. Братья получили домашнее образованіе, по гланимъ взглядамъ—блестящее. Какъ и братъ Сергѣй, Василя Львовичъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, изучая также нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки. Однако, другія науки графическая традиція замалчиваетъ; въ московскій университетъ братья не попали: по видимому, для богатыхъ барчуковъ это сочтено было излишнимъ. Скоро юноша-Пушкинъ сталъ появляться въ московскихъ гостиницахъ. Его пенсчерпаемая веселость, остроуміе, даръ декламации быстро завоевали Василю Львовичу общія симпатіи, и съ тѣхъ поръ и до смерти онъ сохранилъ за собою славу салоннаго остряка (эту славу онъ дѣлилъ со своимъ братомъ, Сергѣемъ Львовичемъ). Какъ это водилось въ старину,

братья съ дѣтства были записаны въ полкъ (Измайловскій). Василя Львовичъ переѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ военную службу; здѣсь, какъ и въ Москвѣ, онъ вращался въ средѣ богатой дворянской молодежи,—жило весело и разгульно. Чины и карьера не прельщали жизнерадостнаго офицера; Пушкинъ дослужился только до поручика, въ 1797 году онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ обратно въ Москву. Здѣсь онъ женился на извѣстной красавицѣ, Капитолиѣ Михайловнѣ Вышеславцевой. Бурно проведенная молодость плохо подготовила Василя Львовича къ семейной жизни, и дѣло кончилось разводомъ. Въ семейныхъ преданіяхъ Пушкиныхъ, перешедшихъ и въ литературную традицію, вина разрыва возлагалась на Капитолину Михайловну. Однако, опубликованные въ послѣднее время документы представляютъ дѣло совершенно иначе. Оказывается, что холатайство о разводѣ возбуждала въ 1802 году сама Капитолина Михайловна, ссылаясь на «прелюбодѣйную связь мужа съ вольно-отпущенною дѣвкой». Связь эту не отрицалъ и Василя Львовичъ и даже письменно заявилъ о томъ церковной власти. Потомъ онъ, однако, спохватился, сталъ отказываться отъ своего показанія, объясняя его «забвѣннѣмъ чувствъ», и старался затушить скандальное дѣло. Но было уже поздно, не помогли ни униженный письма къ кн. А. Н. Голицыну, ни готовность послѣдняго авторитетно вмѣшаться въ процессъ. Синодъ далъ разводъ жепѣ Василя Львовича съ правомъ выхода замужъ, а Пушкина присудилъ «подвергнуть семилѣтней церковной эпитиміи, съ отправленіемъ оной чрезъ (въ теченіе) 6 мѣсяцевъ въ монастырь, а прочее время подъ смотрѣніемъ его духовнаго отца».

Дѣло о разводѣ тянулось до 1806 года, и за это время Василя Львовичъ успѣлъ сѣздить за границу, захвативъ съ собою въ путешествіе вышеупомянутую «вольно-отпущенную дѣвку». Въ теченіе 1803—1804 г.г. онъ объѣхалъ Германію, Францію и Англію. Отзвукомъ этого путешествія остались два письма В. Л. Пушкина къ Карамзину, напечатанныя въ 1803 г. въ «Вѣстникѣ Европы». Они любопытны для характеристики самого путешественника. Онъ пробѣжалъ по Европѣ въ знаменательную историческую эпоху и могъ видѣть и изучать многое; по политическіе вопросы и событія совсѣмъ не интересовали автора. О Наполеонѣ, напр., онъ могъ сообщить своимъ читателямъ всего только слѣдующее: «Мы были въ Сень-Клу представлены первому Консулу. Физиономія его пріятна, глаза полны огня и ума; онъ говоритъ складно и вѣжливо. Аудіенція продолжалась около получаса». Бытовыя наблюденія путешественника тоже не весьма глубоки. «Жители въ Ригѣ богаты, а женщины любезны; говорятъ всѣ по-французски и очень обходительны»; «въ Дандигѣ есть собраніе на подобіе нашего Англійскаго клуба. Банкиръ мой, господинъ Пельтъръ, меня туда пригласилъ съ собою»; о берлинской жизни путешественникъ

сообщаетъ: «Паркъ есть обыкновенное гулянье здѣшнихъ жителей. Въ немъ построено много прекрасныхъ домиковъ, куда собираются пить кофе, пиво, лимонадъ и курить табакъ»; «вловствующая королева въ Фреенвальдѣ: мѣсто пріятное и извѣстное своими банями». А вотъ отбѣтки по части философіи и религіи: въ Парижѣ аббатъ Сикарь бесѣдовалъ о безсмертіи души и утверждалъ, что «атеисты и матеріалисты не чистосердечны: они сами увѣрены, что мы имѣемъ темное чувство, которое управляетъ прочими. Глазъ, напр., видитъ, а душа различаетъ и говоритъ: это дерево, столъ, цвѣтокъ и пр. Думать—есть говорить съ собою внутреннимъ словомъ, parole intérieure, а говорить—есть думать вслухъ. Даръ слова происходитъ непосредственно отъ Бога». При этомъ Пушкину казалось, что онъ «бесѣдовалъ въ Афинахъ съ Платономъ». Или вотъ еще: аббатъ де-Булонъ говорилъ проповѣдь «о пользѣ религіи, о монастырскихъ учрежденіяхъ, о должномъ почтеніи къ пастырямъ церкви и пр.» Къ его разсужденіямъ Пушкинъ добавляетъ: «я самъ думаю, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильонъ достойнѣе любви Вольтера и Лидерота; одни были истинные друзья человечества, другіе желали отнять у насъ единственное утѣшеніе—вѣру». Гораздо болѣе, чѣмъ политика, наука и философія, интересовали новаго русскаго путешественника и были доступнѣе его пониманію искусство, литература и театр. Въ письмахъ къ Карамзину Пушкинъ отмѣчаетъ, что въ Данцигѣ видѣлъ «великолѣпную соборную церковь» и картину Страшнаго Суда кисти Ванъ-Эйка. Въ Берлинѣ онъ бывалъ у извѣстнаго писателя Коцебу, познакомился съ актеромъ Ифландомъ, посѣщая театр. Въ Парижѣ Василій Львовичъ быстро перезнакомился съ многими писателями и писательницами: Дюси, Бернарденъ де Сепъ-Шьеръ, Арно, г-жа Жанякъ, Мерсье и друг. Его привели въ восторгъ собранія Наполеономъ сокровища искусства, Венера Медицейская, Аполлонъ Бельведерскій, группа Лаокоона. Будучи самъ даровитымъ декламаторомъ и постояннымъ участникомъ московскихъ «благородныхъ спектаклей», Василій Львовичъ особое вниманіе удѣлилъ парижскимъ театрамъ. «Вы знаете мою страсть къ спектаклямъ,—писалъ онъ Карамзину,—и можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ бываю въ парижскихъ». Въ салонѣ г-жи Рекамье Пушкинъ познакомился «съ славною актрисою» Дюшеноа. У знаменитаго трагика Тальма онъ бралъ уроки декламации. За свое путешествіе Пушкинъ собралъ цѣлую бібліотеку латинскихъ, французскихъ и англійскихъ писателей; въ послѣдствіи московскіе знатоки завидовали этой коллекціи. Побывавъ еще въ Англии, Василій Львовичъ вернулся въ Москву. Изъ путешествія онъ не вынесъ особенно цѣнныхъ результатовъ; этому помѣшали и поверхностное образованіе, и легкомысленный характеръ. Зато Пушкинъ привезъ съ собою культъ Наполеона (отъ котораго потомъ конфузливо отрекался въ моментъ обостренія въ русскомъ обществѣ галлофобіи въ 1812 г.), кучу восторговъ и разсказовъ и парижскія моды.

Кн. П. А. Вяземскій потомъ вспоминалъ, что по возвращеніи Василія Львовича изъ путешествія «Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ парижской иглочки съ головы до ногъ; прическа à la Titus, углаженная, умасленная древнимъ масломъ, huile antique. Въ простодушномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою».

Въ Москвѣ Василій Львовичъ снова зажилъ беззаботной жизнью барина, хорошо обезпеченаго трудомъ крѣпостныхъ. Опять потянулись непрерывной вереницей всякія увеселенія, балы, собранія, «благородные спектакли». Въ обществѣ Пушкинъ славился какъ мастеръ писать французскіе куплеты, экспромпты, стихи на заданныя рѣзны (объ этомъ мастерствѣ Василія Львовича упоминается даже въ «Войнѣ и Мирѣ»). Событія двѣнадцатаго года на время оборвали эту цѣпь увеселеній. Василій Львовичъ не успѣлъ vybrаться изъ Москвы во-время и поплатился за это. 14-го декабря онъ писалъ Вяземскому про пожаръ Москвы: «Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя бібліотека—все сгорѣло. Я ничего вышестъ не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности». По другимъ свѣдѣніямъ, въ огнѣ едва не погибъ и маленькій сынъ Пушкина, спасенный отъ огня самоотверженнымъ старымъ слугою. Въ послѣдствіи Пушкинъ вновь собралъ себѣ бібліотеку (послѣ смерти его она распродалась въ магазинѣ московскаго книгопродавца А. Семпа). Изъ разоренной Москвы Пушкинъ выѣхалъ съ десятками другихъ дворянскихъ семей перекочевалъ въ Нижній-Новгородъ. Сначала здѣсь онъ чувствовалъ себя плохо. Въ томъ же письмѣ къ Вяземскому онъ говоритъ: «Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ извѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ вѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь». Но скоро настроеніе улучшилось. Московская колонія, осмотрѣвшись и устроившись въ Нижнемъ, зажила тамъ той же правильной барской жизнью, что и въ Москвѣ; историческая борьба за національную независимость ее мало тревожила. Василій Львовичъ тоже остался чуждъ патристическому одушевленію. Среди начавшихся обѣдовъ, ужиновъ и маскарадовъ онъ скоро забылъ о своихъ потеряхъ. Въ разгаръ войны съ Наполеономъ онъ сообщаетъ Вяземскому: «Кокоскинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ «Федру». Читалъ ли ты подражаніе пророку Аваквуму?»

Съ февраля 1813 года Василій Львовичъ снова водворился въ Москвѣ. Изъ событій его позднѣйшей жизни отмѣтимъ побѣдку въ началѣ 1816 г. въ Петербургѣ, выѣздъ съ Карамзинимъ и кн. Вяземскимъ. Въ Петербургѣ онъ былъ избранъ въ члены недавно возникшаго «Арзамаса».

На склонѣ своихъ дней Василій Львовичъ жилъ все такъ же, какъ и въ офицерскіе годы: тѣ же литературные вечера, пріятельскія попойки, казамбуры и bouts-rimés. Однако, прожиганіе жизни десятками лѣтъ не прошло даромъ. Состояніе Пушкина разстроилось, и онъ часто испытывалъ острую нужду въ средствахъ. Разстроилось и здоровье: Василій Львовичъ страдалъ подагрой и нерѣдко принужденъ былъ сидѣть дома, отказываясь отъ званныхъ обѣдовъ и пирушекъ,

Умеръ онъ 20 августа 1830 года. На похоронахъ присутствовала вся литературная Москва; былъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ Василій Львовичъ Пушкинъ былъ замѣтной и популярной фигурой въ широкихъ дворянскихъ кругахъ Москвы и Петербурга. Его веселость, безкорыстіе, простота и умнѣе со всѣми уживаться создавали ему множество пріятелей и друзей. Едва-ли, однако, кто искренне его уважалъ. Всѣмъ, даже юнцамъ,

только-что вступающимъ въ общество, бросалось въ глаза его необыкновенное легковѣріе, легкомысліе и недалекость. Пріятели не стѣснялись открыто подсмѣиваться надъ Василиемъ Львовичемъ и мистифицировать его. Его пріемъ въ «Арзамасъ» обставленъ былъ такими шутовскими подробностями, что остается удивляться, какъ культурные люди могли позволить себѣ такіа издѣвательства—и какъ сорокашестилѣтній Пушкинъ не понималъ униженности своего положенія. О легкомысліи Василя Львовича ходило много анекдотовъ. Всѣмъ была извѣстна, напр., его страсть къ нарядамъ, заставлявшая его скакать изъ Москвы въ Петербургъ лишь за тѣмъ, чтобы посмотреть, какъ одѣвается французъ Дюрокъ, извѣстный франтъ.

На литературное поприще Василии Львовичъ выступилъ еще въ екатеринскій времена. Его первое стихотвореніе «Къ камину» было напечатано въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» Крылова и Клушина, въ 1793 году. Потомъ онъ участвовалъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» Подшивалова и Сохадкаго, «Аонидахъ» Карамзина, «Вѣстникѣ Европы», «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», «Трудахъ Общества любителей россійской словесности», «Дамскомъ Журналѣ», «Полярной Звѣздѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ» и многихъ другихъ изданіяхъ. По своимъ эстетическимъ симпатіямъ Василии Львовичъ былъ классикъ—о чемъ и заявлялъ не разъ печатно—и примыкалъ къ И. И. Дмитріеву. Но онъ мѣнялъ литературныя моды не съ меньшей охотой, чѣмъ покройю костюма. Во времена расцвѣта карамзинскаго сентиментализма и у Василя Львовича въ стихахъ мелкаютъ «скорбящій духъ унылой», «томная лира», «слезою око окроплено», «стонъ унылой», «слеза чувствительна» и прочее. Но долго выдерживать этотъ стиль онъ, конечно, не могъ: бьющая черезъ край жизнерадостность скоро настраивала его враждебно противъ «слезливой лиры нашихъ стиходѣвъ», которые всѣ «хнычутъ и ревуть». Когда въ русской литературѣ обозначились преромантическія вѣянія, Василии Львовичъ отозвался на нихъ переводомъ изъ Оссіана. Позднѣе, въ разгаръ байронизма онъ писалъ «подражаніе Байрону». Но вмѣстѣ съ тѣмъ иронически отиѣчалъ, что

«Романтики такого мнѣнья,
«Что тотъ поэтъ не удалецъ,
«Кому не видится мертвецъ».

Въ одномъ вопросѣ, впрочемъ, Василии Львовичъ проявилъ значительную устойчивость,—быть можетъ потому, что долженъ былъ подчиниться дисциплинѣ сплоченнаго литературнаго круга, въ которомъ постоянно вращался,—въ вопросѣ о карамзинской реформѣ литературнаго языка. Со всею живостью своего темперамента Василии Львовичъ вмѣшался въ распрю шишковистовъ и карамзинистовъ и сумѣлъ занять видное мѣсто среди партизановъ литературной реформы. Въ стихотворныхъ посланіяхъ къ В. А. Жуковскому и Д. В. Дашкову, надѣлавшихъ въ свое время большого шума, Пушкинъ мѣтко обличаетъ своеобразный фетишизмъ слова и славяно-русскую исключительность ревнителей стараго слога:

«Славянскія слова таланта не даютъ,
«И на Парнассѣ они поэта не ведутъ...»

«Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Бос-
сьюэтъ,—
«Въ Синописѣ того, въ Степенной книгѣ
нѣтъ.
«Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
«Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю...
«Творенія безъ идей мою волнуютъ кровь.
«Словъ много затвердить не есть еще
ученье:
«Намъ нужны не слова, намъ нужно про-
свѣщенье».

Отъ автора не укрылись и реакціонныя тенденціи шишковистовъ, ихъ готовность обвинять своихъ противниковъ въ религіозной и политической неблагонадежности, и онъ иронически характеризуетъ ихъ аргументацію:

«Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ
слогомъ,—
«Не любить русскихъ тотъ и виноватъ предъ
Богомъ!»

Пушкинъ не разъ и настойчиво повторяетъ, что для развитія русской литературы нужно просвѣщеніе и знаніе иностранныхъ литературъ, что національное самоиѣніе вредно и есть «варварства начало»:

«Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тѣмъ
ходить.
«Невѣжда можетъ ли отечество любить?
«Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
«Кто хвалить все свое, чужое презираетъ;
«Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бо-
родахъ,
«И, бѣдный мыслями, печется о словахъ!
«Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному вну-
шенью,
«Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣ-
щенью».

Эти взгляды были едва ли не самымъ прочнымъ пріобрѣтеніемъ въ области теоретическихъ размышленій, какое только успѣлъ сдѣлать за всю свою жизнь Василии Львовичъ. Самъ онъ очень дорожилъ ими, и когда однажды арзамасцы грубо высмѣяли его неудачные стихи, оскорбленный авторъ отвѣчалъ имъ:

«Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ
быть,
«Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
«Осмѣлился сказать хорошими стихами,
«Что авторъ безъ идей, трудяся надъ сло-
вами,
«Останется всегда невѣждой и глупцомъ».

Конечно, такіе взгляды не были новы и оригинальны: въ томъ же 1811 году эти взгляды развивалъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ противъ Шишкова съ большимъ блескомъ, освѣдомленностью и глубиною Д. В. Дашковъ.

Василии Львовичъ пробовалъ свои силы въ различныхъ поэтическихъ родахъ. Онъ писалъ басни, сказки, сатиры, антологическія стихотворенія, повѣсть въ стихахъ. Странно, что такой любитель театра не оставилъ намъ опытовъ въ драматическомъ родѣ. Большинство произведеній Пушкина не оригинальны: это—переводы, переделки и подражанія. Василии Львовичъ перевелъ изъ Горация, Тибулла, Катулла, Парни, Лафонтена, Флоріана, Обера, Мильвуа, Томсона и друг. Несомнѣнно, нашъ авторъ обладалъ значитель-

нымъ версификаторскимъ талантомъ; его стихъ гибокъ и звученъ, а нѣкоторыя басни по стилистическимъ достоинствамъ не уступаютъ крыловскимъ. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что дарованіе Пушкина не развивалось постепенно и постоянно; напротивъ, замѣтно, что, удачно выступивъ на литературное поприще, Василий Львовичъ въ позднѣйшее время писалъ все блѣднѣе и блѣднѣе (расцвѣтъ литературной дѣятельности В. А. Пушкина слѣдуетъ отнести ко времени около 1811 года, когда были написаны «Опасный Сосѣдъ» и посланія къ Жуковскому и Дашкову). Что касается художественности образовъ и богатства поэтическихъ настроеній, то они въ произведеніяхъ нашего автора стоятъ несравненно ниже техническихъ достоинствъ стиха.

Художественные приемы Пушкина избиты и не оригинальны, а построенія холодны и разсудочны. Фабула также не блещетъ изобрѣтательностью и порою прямо безсвязна, какъ, напримеръ, въ «Кабудь-путешественникѣ». Мѣткую характеристику Пушкина-автора далъ его же другъ В. А. Жуковский:

- «Послушай, Пушкинъ-другъ, твой слогъ
отмѣнно чистъ;
«Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
«И никогда твой слогъ не ковыляетъ,
«Но кажется, что ты подчасъ многогрѣ-
чистъ,
«Что стихотворный жаръ твой могъ бы
быть живѣе,
«А выраженіе короче и сильнѣе.
«Еще же есть и то, что ты, мой другъ,
подчасъ
«Предметъ свой забываешь».

Батюшковъ называлъ музу Пушкина «влялой». Зная объемъ образованія Василя Львовича, складъ его ума и характера, трудно, разумѣется, ожидать отъ его литературныхъ произведеній большой содержательности. Зато, не будучи глубокимъ и оригинальнымъ, Пушкинъ хорошо отражалъ въ своихъ стихахъ типичныя черты взглядовъ и настроеній своего круга. Нѣкогда Анненковъ удачно охарактеризовалъ братьевъ Сергѣя и Василя Львовичей Пушкиныхъ и весь складъ ихъ быта, какъ «чахлае подобіе эпохи Людовика XV на русской почвѣ». Братья Пушкины, конечно, не были исключеніемъ, они представляли собою цѣлый своеобразный мірокъ, особое общественное наслоеніе, которое, къ сожалѣнію, еще не охарактеризовано въ русской литературной исторіографіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ во второй половинѣ XVIII вѣка прежній служилый человекъ превратился въ благороднаго російскаго дворянина, раскрѣпощеннаго отъ государственной обязательной службы, обезпеченнаго трудомъ крѣпостныхъ, обставленнаго сословными привилегіями и нарождающимися традиціями сословной чести и нечуждаго образованности и искусствамъ,—съ тѣхъ поръ въ культурномъ обликѣ русскаго дворянства, точнѣе говоря—столичныхъ круговъ, стали замѣтны черты, дѣйствительно, напоминающія старую Францію, время регентства и Людовика XV. Со времени «Душеньки» Богдановича и анакреонтическихъ стихотвореній Державина интересы, переживания, вкусы и идеалы барина-эпикурейца начали отражаться и въ изящной литературѣ, и на ряду съ громоздкой ложноклассической рето-

рикой встали произведенія такъ называемой «легкой поэзіи» (poésies légères). Французская эротическая поэзія названной выше эпохи какъ разъ отвѣчала вкусамъ верхнихъ слоевъ русскаго дворянства, распушенности и прожиганію жизни котораго напоминаютъ нравы «старого режима». Переводы изъ французскихъ эротиковъ и самостоятельные опыты въ томъ же родѣ стали все чаще появляться въ русской литературѣ, и Батюшковъ вздѣлся даже теоретически оправдать «такъ называемый эротическій и вообще легкій родъ поэзіи» (см. его «Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ», 1816 г.). Такого пышнаго расцвѣта, какой извѣстенъ во французской литературѣ, русская эротическая поэзія (съ ея отпрыскомъ—«гусарской поэзіей»), впрочемъ, не достигла, какъ и судьба русскаго дворянства александровскаго времени оказалась иная, чѣмъ французскаго эпохи регентства.

Типичный представитель русскаго дворянства начала XIX вѣка, Василий Львовичъ былъ и однимъ изъ видныхъ представителей русской «легкой поэзіи». Книжка его стихотвореній полна мотивами любовной лирики, правда, довольно холодной, зато неизмѣнно въ теченіе тридцати лѣтъ воспѣвавшей «утѣхи любви». Вкусы, взгляды и настроенія барина-эпикурейца живо отражаются въ этой книжкѣ. Вотъ, напр., какъ «мечталъ о счастья въ цвѣтущей молодости» Василий Львовичъ:

- «Я Хлобъ говорилъ: Послушай, для покоя
«Такое же село, какъ Суйда, я куплю,
«И буду жить съ тобой тамъ въ домикъ
прекрасномъ.
«Нашъ милые друзья прійдутъ посѣщать,
«А мы, подъ небомъ яснымъ,
«Съ сердцами чистыми ихъ будемъ угощать.
«Тутъ, въ англійскомъ саду, подъ липою
густою,
«Готовъ намъ будетъ чай — и Хлобъ разли-
вать;
«А тамъ насъ пѣснями и пляскою забавлять
«Крестьянки изъ села всѣ прибѣгутъ тол-
пою...
«Со вкусомъ будетъ все, приятно и не
пышно».
(«Суйда»).

А вотъ почерпнутыя изъ басенъ Василя Львовича правила житейской морали, которыми жилъ авторъ и его окружающіе: «тотъ счастливъ, кто живетъ на свѣтѣ осторожно»; «въ любви разлука намъ опаснѣе всего»; «дисиды хитрыя опаснѣе волковъ»; «злыхъ людей въ томъ состоять умнѣе, чтобъ недостатокъ находить»; «въ несчастьи познаемъ мы истинныхъ друзей»; «всего полезнѣе, чтобъ счастливо прожить,—скрывать свой уголокъ и неизвѣстнымъ быть»; «таланты не всегда намъ счастье доставляютъ» и т. д., и т. д. Порой беззаботный и легкомысленный Пушкинъ пытался стать Ювеноломъ, и тогда его сатира грозно обличаетъ говоруну Стукодѣя, рѣмача Надутова, сплетницу Змѣяду, кокетку Вѣтрану, Скопидомова, Нахалова, Вразева, Плутова...

Въ литературную традицію В. А. Пушкинъ перенесъ какъ авторъ прелюбопытнаго «Опаснаго Сосѣда». Это произведеніе долго шумѣло въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ александровскаго времени. Когда оно стало извѣстно, Батюшковъ писалъ о немъ Н. И. Гибдичу: «стихи истинно прекрасны, много силы, живости, вы-

раженія»; «какая быстрота! какое движеніе! И это написала вялая муза Василия Львовича!»; «въ этой сатирѣ много поэзіи». Имя героя «сатиры» Буянова постоянно мелькало въ тогдашнихъ стихахъ и прозѣ. Самъ Василій Львовичъ передъ смертью говорилъ С. Н. Полторацкому: «потѣшь меня, пожалуйста: напечатанъ моего «Опаснаго Сосѣда», лучшее и удачливѣйшее изъ моихъ стихотвореній». «Опасный Сосѣдъ» ни при жизни, ни долго послѣ смерти автора не былъ напечатанъ въ Россіи; это, однако, не отнимаетъ у стихотворенія своеобразнаго культурнаго и историко-литературнаго значенія: во-первыхъ, оно было широко распространено въ спискахъ, а во-вторыхъ—оно весьма характерно для своего времени. Въ наше время, перечитывая «Опаснаго Сосѣда», трудно понять возбужденные имъ неумѣренные восторги тогдашнихъ литераторовъ и читателей; мы отнесли бы его въ разрядъ «непечатной» казарменнѣйшей или такъ называемой «заборной» литературы. Къ слову сказать, наименование: «Сатира» совершенно не подходитъ къ стихотворенію; сатирическаго въ немъ всего нѣсколько колкихъ замѣчаній по адресу кн. Шаховскаго и шишковистовъ. Весь же дѣликомъ «Опасный Сосѣдъ» посвященъ диническому описанію похощеній пьяной компаніи въ публичномъ домѣ (разсказъ ведется отъ имени автора). Откровенностью «Опасный Сосѣдъ» живо напоминаетъ французскую эротическую литературу XVIII в. и вполне гармонируетъ съ распушенностью дворянскихъ нравовъ той эпохи, когда крѣпостные гаремы были зауряднымъ явленіемъ.

*

Намъ остается разсказать объ отношеніяхъ Василия Львовича къ его знаменитому племяннику и учесть его вліяніе на Александра Сергѣевича.

Искренне любя своего брата, Сергѣя Львовича, Василій Львовичъ часто бывалъ въ его домѣ въ Москвѣ, и Александру Сергѣевичу еще въ дѣтскомъ возрастѣ приходилось постоянно сталкиваться съ дядей. Василій Львовичъ ввелъ въ домъ своего брата многихъ московскихъ литераторовъ, что не осталось безъ вліянія на Александра Сергѣевича. Очень возможно, что жадный до книгъ мальчикъ пользовался и знаменитой бібліотекѣй дяди. Въ 1811 году именно Василій Львовичъ отвезъ племянника въ Царскосельскій лицей. Онъ былъ очень привязанъ къ Александру Сергѣевичу и одинъ изъ первыхъ угадалъ въ немъ поэтическое дарованіе. 17-го апрѣля 1816 года онъ, напр., писалъ племяннику въ лицей: «Мы отъ тебя многого ожидаемъ... Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрить не должно. Ты—сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону». Племянникъ отвѣчалъ дядѣ такую же привязанностью и восхвалялъ его въ стихахъ. Въ 1815 г. Пушкинъ-лицейскій пишетъ въ посланіи «Дельвигу».

«Поэтовъ грѣшнѣйшій ликъ
«Умножилъ я собою;
«И я главой поникъ
«Предъ милой суетою.
«Мой дядюшка поэтъ
«На то мнѣ далъ совѣтъ
«И съ музами сосваталъ».

Въ 1816 г., въ стихотвореніи: «Желаніе», обращенномъ къ Василию Львовичу, поэтъ величаетъ дядю «питомцемъ Феба».

Въ 1817 г., въ письмѣ къ Василию Львовичу, Александръ Сергѣевичъ торжественно призываетъ:

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
«Въ бояхъ испытанный поэтъ,
«Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
«На страшной высотѣ Парнаса,
«Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!» и т. д.

Въ томъ же году онъ пишетъ длинное «Посланіе къ В. Л. Пушкину», гдѣ именуетъ дядю: «парнасскій мой отецъ» и обращается къ нему съ вопросомъ, который тогда сильно его интересовалъ:

«Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
«Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
«И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?»

Эти и подобныя заявленія дали профессору Халанскію поводъ утверждать, что Василій Львовичъ имѣлъ сильное—и благотворное—вліяніе на Александра Сергѣевича. Проф. Халанскій видѣлъ это вліяніе и въ религиозныхъ и нравственныхъ попятіяхъ великаго поэта¹⁾ и въ его симпатіяхъ къ народному языку, и въ содержаніи, и въ стилѣ его произведеній. Это въ сильной степени преувеличено. Во-первыхъ, слѣдовало бы разъ навсегда отказаться отъ маперы опредѣлять взаимоотношенія литераторовъ alexandровскаго времени по ихъ торжественнымъ заявленіямъ въ стихахъ или письмахъ. Живя въ тѣсномъ кругу двухъ городовъ—Петербурга и Москвы, они были связаны отношеніями общественными, личными и часто—родственными; поэтому часто бывали неискренни въ своихъ критическихъ отзывахъ другъ о другѣ. Въ журнальныхъ статьяхъ и письмахъ къ П. А. Катенину А. С. Пушкинъ отзывался о его литературныхъ заслугахъ и дарованіи чрезвычайно лестно; а, напр., въ одномъ письмѣ къ Вяземскому расценивалъ этого писателя зло и пренебрежительно—и болѣе правильно. То же случилось и съ Василіемъ Львовичемъ. Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому отъ 6-го февраля 1823 года, Александръ Сергѣевичъ отзывался о дядѣ весьма откровенно: «Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія—я было хотѣлъ написать о нихъ кое-что, болѣе для того, чтобы удивить Дмитріева, нежели чтобъ порадовать нашего старосту, да невозможно: онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его». И этотъ отзывъ вовсе не былъ результатомъ какого-то «случайнаго раздраженія», какъ предполагаетъ проф. Халанскій. Точно такъ же отзывались одновременно объ умѣ Василия Львовича и Батюшковъ, и Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ (братъ Александра), и другіе. Отзывы были преувеличены и несправедливы; но мы, вѣдь, знаемъ, однако, что Василій Львовичъ былъ, дѣйствительно, недалекъ и пустоватъ и, конечно, не могъ имѣть благотворнаго вліянія на общее духовное развитіе племянника. Въ чемъ могло сказаться это вліяніе? Какъ уже отмѣчено, Василій Львовичъ былъ даровитый версификаторъ. Его племянникъ-лицейскій чутко слѣдилъ за литератур-

¹⁾ Проф. Халанскій доверчиво цитировалъ Льва Павловича, который утверждаетъ, будто Василій Львовичъ имѣлъ на молодого Пушкина «самое благотворное вліяніе своими короткими внушеніями, религиозными убѣжденіями и возвышенной душой». (!)

нымъ движеніемъ, хорошо зналъ поэтическіе опыты дяди и, конечно, могъ кое-чему у него поучиться. Но нельзя преувеличивать такого вліянія. Одновременно съ Василиемъ Львовичемъ писали Жуковскій и Батюшковъ, и ихъ стилистическое вліяніе на Александра Сергѣевича было несравненно сильнѣе, чѣмъ перваго. Въ лидейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, когда ему приходится говорить о шишковистахъ, мелькаютъ мысли и выраженія, напоминающія Василія Львовича; и здѣсь могли быть заимствованія. Но опять-таки ту же аргументацію мы встрѣчаемъ у Жуковского и Д. В. Дашкова. Рѣчь о вліяніи дяди на племянника можетъ идти только относительно лидейскія годовъ. Художественное развитіе Александра Сергѣевича шло такъ быстро и мощно, что онъ скоро оставилъ далеко за собой не только дядю, но и болѣе его талантливыя пороги. И любопытно отмѣтить, что въ двадцатыхъ годахъ Василій Львовичъ самъ покорно подчинился поэтическому вліянію племянника: въ его повѣсти «Капитанъ Храбровъ» (1828) чувствуется сильное воздѣйствіе «Евгенія Онѣгина» и «Графа Нулина».

Итакъ, «благотворное вліяніе» Василія Львовича на поэтическое развитіе племянника было невелико. Если же оцѣнивать взаимоотношенія двухъ Пушкиныхъ въ общемъ и цѣломъ, то придется, пожалуй, признать, что вліяніе Василія Львовича имѣло и дурную сторону. Правда, такое вліяніе на юношу-поэта Василія Львовичъ дѣлалъ со многими другими; вѣрнѣе сказать—это было вліяніе дѣлой среды; но въ немъ нѣчто падаетъ и на личную отвѣтственность автора «Опаснаго Сосѣда». Изучая лидейскія стихотворенія Пушкина, мы наблюдаемъ, какая мутная волна чувственности перекатывается въ нихъ и какъ извращено воображеніе юнаго автора. И характерно, что авторъ не однажды упоминаетъ «Опаснаго Сосѣда» и зачисляетъ себя въ племянники къ Буянову. Очевидно, смѣлые опыты дяди, встрѣченные кстаи всеобщимъ сочувствіемъ, поощряли и племянника къ разработкѣ рискованныхъ эротическихъ сюжетовъ.

Изданія произведеній Василія Пушкина: 1) Стихотворенія Василія Пушкина. Спб., 1822, 195 стр. (съ портретомъ автора). 2) Записки въ стихахъ Василія Львовича Пушкина. М., 1834, II—71 стр. 3) «Опасный Сосѣдъ» В. Л. Пушкина. Лейпцигъ, 1855, у Брокгауза (другое изданіе: Берлинъ, 1859, тит. Шульце, потомъ въ 1871 и 1876 гг.). Въ Россіи перепечатанъ А. Е. Бурцевымъ въ «Обстоятельномъ описаніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ», т. IV, стр. 139—144. 4) Полное собр. сочин. русскихъ авторовъ. Сочиненія В. Л. Пушкина и Д. В. Веневитинова. Спб., 1855, изд. А. Смирдина (стр. 1—157). 5) Сочиненія В. Л. Пушкина, изданныя подъ редакціей В. И. Саитова. Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Спб., 1893, изд. Евг. Евдокимова, XXI+158 стр. Это собраніе—наиболѣе полное, но и въ немъ есть пробѣлы. Напр., стих. «Роза»—Литературный Вѣстникъ 1904, кн. VI, стр. 130; Стихи кн. П. А. Вяземскому—Русск. Архивъ 1907, № 10, стр. 295; статья «Мысли и характеры» (подпись N.)—Россійскій Музеумъ 1815, стр. 300—309 (ср. Рус. Ста-

рина 1904, № 1, стр. 115); некрологъ Н. М. Карамзина—Московскій Телеграфъ 1826, № 17, стр. 84. См. также Современникъ 1843, т. 29, стр. 382; Рус. Филолог. Вѣстникъ 1908, № 3, стр. 171—174 и 180. Ср. 6) Кн. П. А. Вяземскій. Объ изданіи стихотвореній В. Л. Пушкина. Сынъ Отечества 1821, XLVI, 284—286 (перепечатано въ Полномъ собраніи сочиненій В—го, I, 71—72). 7) Московскія Вѣдомости 1822, № 102, декабря 23, стр. 3197—3198 (рецензія кн. Шаликова на изданіе 1822 г.). 8) Современникъ 1835, № 11 (рецензія Н. Г. Чернышевскаго на изданіе 1855 г.; перепечатано въ Полн. собр. сочиненій Ч—го, т. I, 463—467). 9) Библіотека для Чителія 1856, т. 135, январь, Критика, стр. 1—11 (рец. А. В. Дружинина на изд. 1855 г.; перепечат. въ собр. сочиненій Д—на, т. VII, 97—105). 10) Некрологи: Литературная Газета 1830, № 51, стр. 122; Московскія Вѣдомости 1830, № 69, стр. 3075 (кн. Шаликовъ) № 70, стр. 3119—3121 (М. Макаровъ); Галатея 1830, № 35, стр. 198—200; Сѣверный Меркурій 1830, № 110, стр. 127, Сибѣ; Дамскій Журналъ 1830, № 38. 11) М. Макаровъ. А. С. Пушкинъ въ дѣтствѣ. Современникъ 1843, т. XXIX, стр. 380. 12) Библіографическія Записки 1859, № 10 (Записки А. А. Копцова). 13) Мих. Лонгиновъ. Замѣтка объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ дядѣ его В. Л. Пушкину. Русскій Архивъ 1863 года (изд. 2-е, 1866), столбцы 868—871. 14) Письмо Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Сиб., 1866, passim. 15) Свистунова. Грибовдовская Москва. Вѣстникъ Европы 1874, № 10, стр. 558, 561; 1875, № 3, стр. 235, 236, 242. 16) Кн. И. М. Долгорукій. Путешествіе изъ Москвы въ Нижній, 1813. Изд. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, 1879, стр. 44. 17) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 309 (записка трагика Талъмы къ В. Л. Пушкину) и друг. тт., passim. 18) В. Авенаріусъ. Василій Львовичъ Пушкинъ (Биографическій очеркъ). Историческій Вѣстникъ 1882, III, 606—624. 19) Сочиненія К. Н. Батюшкова т. II, стр. 512—525 (біографія В. Л. П—на, написанная В. И. Саитовымъ), и т. I и III passim. 20) Семейныя безобразія болото времени. Сообщ. Н. П. Розаповъ. Русскій Архивъ 1894, XII, 554—555. 21) Къ біографіи В. Л. Пушкина. Русская Старина 1903, III, 515—517. 22) П. Смирновскій. Исторія русской литературы XIX вѣка. Вып. IV (1901), стр. 51—83. 23) М. Н. Лонгиновъ. Заимствованія русскихъ баснописцевъ у французскихъ писателей. Русскій Архивъ 1905, I, 174—176. 24) И. И. Ивановъ. Исторія русской критики, т. I, passim. 25) Записки Ф. Ф. Вигеля, passim. 26) Л. П. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, М., 1890, passim. 27) М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. Изд. 2-е, М., 1869, passim. 28) М. Халанскій. О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество Александра Пушкина. «Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина» 1900 (ср. Рус. Мысль 1900, № 8, стр. 55—56. 29) Московскій Некрополь, т. II, стр. 481. 30) Барсуковъ. Жизнь М. П. Погодина, passim. 31) Замѣтки кн. П. А. Вяземскаго на поляхъ «Опаснаго Сосѣда»—Рус. Архивъ 1902, № 11, стр. 426—428.

Н. Писановъ.

**ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ
ПУШКИНЪ.**

*Гравюра, приложенная къ изданію его стихо-
твореній (Спб. 1822).*

Рисунокъ Вато.

Рисунки пятого тома.

I.

ФОТОТИПИИ, ХРОМОЛИТОГРАФИИ И ЛИТОГРАФИИ.

	СТР.
35. Петръ III. Портретъ Антропова	128
36. Карта, приложенная Пушкинымъ къ изданию «Истори Пугачевского Бушта» (СПб. 1834)	137
37. Подлинное изображеніе бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева. Гравюра 18 вѣка	193
38. Екатерина II. Портретъ Левицкаго	209
39. Уральцы въ походѣ Суворова. По акватинтѣ Гренихера (1800) рис. художникъ Владиміровъ. Картина принадлежит Уральской сотнѣ въ Спб.	225
40. Софья-Правительница. Гравюра 17-го вѣка въ копіи Аванасьева (1777)	272
41. Пушкинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и Жуковский въ срединѣ 1840-хъ гг. Картина Чернедова	304
42. Пушкинъ. Акварель Павла Соколова	369

II.

АВТОТИПИИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

	СТР.
48. Дельвигъ. Портретъ, приложенный къ альманаху «Царское Село» (Спб., 1831)	35
49. Плавучія висѣлицы съ тѣлами казаковъ-бунтовщиковъ. Гравюра 18 вѣка	112
50. Фантастическій портретъ Пугачева. Русская копія съ гравюры, приложенной къ книгѣ «Le faux Pierre III. Londres. 1775». Приложена къ русскому переводу этой книги («Ложный Петръ III». М., 1809)	145
51. Пугачевъ по портрету Мальи. Рисованъ съ натуры въ 1775 г. Одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ	161
52. Пугачевъ въ кѣлткѣ. Современная (1775) нѣмецкая гравюра Hillers'a, по оригиналу Петерсена. Портретъ фантастическій, но кандалы и кѣлтка изображены вѣрно	168
53. Фантастическій портретъ Пугачева. Гравюра Набогльда	177
54. Уральскій Казакъ	216
55. Пушкинъ. Портретъ Мазера	257

	СТР.		СТР.
56. А. Н. Радищевъ. Гравюра Вендрамини	337	891. Подпись Бибикова. (Изъ приложений къ изданію 1834 г.)	70
57. Дѣвица-кавалеристъ Н. А. Дурова.		892. Гарнизонные офицеры 1770-хъ годовъ. (Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»).	71
1. Въ возрастѣ 13—14 лѣтъ.—2. Въ 1810 г.—3. Въ 1839 г.—4. Въ старости	344	893. Печать Пугачева. Большая Государственная Печать Петра Третьяго, Императора і Самодержца Всероссійскаго 1774. (Приложеніе къ изданію 1834 г.)	76
58. Кюхельбекеръ. Съ гравюры Матюшкина	418	894. Державинъ. (Гравюра Гейзера, съ портрета Боровиковскаго; приложена къ книжкѣ: Gedichte des Herin Staatsrats von Derschawin, aus d. russ. übersetzt von A. von Kotzebue (Leipzig., 1793).	77
59. Державинъ. Гравюра Пожалостина (1880) съ портрета Василевскаго (1815). Обѣ атомъ портретѣ говоритъ Пушкинъ въ статьѣ «Державина видѣлъ я только однажды»	433	895. Домъ въ Уральскѣ (прежнемъ Яицкомъ городкѣ), въ которомъ жилъ Пугачевъ. Здѣсь онъ праздновалъ «свадьбу» съ Устиньей Кузнецовой. Недавно домъ сломанъ.	84
60. А. О. Смирнова	449	896. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ	85
61. Пушкинъ. Портретъ Рафта. 1837	465	897. Оренбургскіе и Яицкіе Казаки въ эпоху пугачевщины. (Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»).	87
62. Книжная лавка Смирдина. Виньетка Сапожникова (тушью) ко II тому «Новоселья» (1834). Въ правомъ углу весьма мало похожій Пушкинъ разговариваетъ съ кн. Вяземскимъ. За стойкою—Ножевщиковъ и Смирдинъ; господинъ въ шинели—Сенковскій. Носитъ книги—прикащикъ Цвѣтковъ.	481	898. Казань въ 1767 году. Лѣвая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1785	90
63. Василий Львовичъ Пушкинъ. Гравюра, приложенная къ изданію его стихотвореній (Спб., 1822)	LXXII	899. Казань въ 1767 году. Правая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1795.	91
III.			
РИСУНКИ, АВТОГРАФЫ И ФАКСИМИЛЕ ВЪ ТЕКСТѢ			
876. Павелъ Ивановичъ Свицинъ (маленькій лжецъ)	16	900. Подпись Михельсона. (Изъ прилож. къ изд. 1834 года).	94
877. Николай Полевой (вѣтренный мальчикъ)	17	901. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ	95
878. Павелъ Воиновичъ Нащокинъ	21	902. Каракули безграмотнаго Пугачева	99
879. Нащокинъ въ кругу своей семьи.	25	903. Подписи кн. Щербатова, Боиняка, Бранта, Кара и Рейнсдорпа	99
880. Баратынскій.	33	904. Пугачева приводятъ къ Суворову. (Изъ кн. Anthing'a, Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski	101
881. Александръ Аноимовичъ Орловъ	41	905. По приказанію Суворова Пугачева въ кѣткѣ отвезать въ Москву. Рисунокъ Шевченки (Полевой, «Исторія Суворова»).	104
882. Андрей Николаевичъ Муравьевъ	47	906. Военные досьеи 18 вѣка (Концовка)	131
883. Факсимиле титульнаго листа изд. 1834 г. «Исторія Пугачевского Бунта»	49	907. Исторія Пугачевского Бунта. Часть вторая. С.-Петербургъ (Факсимиле)	134
884. Факсимиле обратной стороны титульнаго листа изд. 1834 г. «Исторія Пугачевского Бунта»	50	908. Цензурное разрѣшеніе (Факсимиле)	134
885. Пугачевъ, гравюра, приложенная Пушкинымъ къ изд. 1834 г.	53	909. Путешествіе Н. Н. въ Парижъ и въ Лондонъ. Съ рѣдчайшаго экземпляра брошюры Дмитріева, принадл. Публ. библиотекъ.	288
886. Калмыкъ, изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc, «Histoire de la Russie moderne» Paris, MDCCLXXV.	56	910. Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ.	367
887. Киргизы время пугачевщины, (изъ Путешествія Палласа «Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reichs», т. I, СПб. 1788)	57	911. Загряжская, Паталя Кирилловна	395
888. Подписи подъ указами Пугачева (изъ приложений къ изданію 1834 г.)	62	912. Фаддѣи Венедиктовичъ Булгаринъ, портретъ, относящійся къ 1828 году.	469
889. Вырываніе ноздрей. Съ акварели XVIII вѣка, принадлежавшей П. Я. Дашкову. (Дмитріевъ-Мамоновъ, «Пугачевскій Бунтъ»)	63	913. Николай Иваовичъ Гречъ. Портретъ, относящійся къ 1815 году	477
890. Александръ Ильичъ Бибиновъ. Портретъ, принадлежащій А. С. Таубеву	66	914. Осипъ Ивановичъ Сенковскій	481

Оглавление V тома.

І. СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

1. Пушкинъ и Нащокинъ. М. О. Гершензона	18
2. О поэтическомъ языкѣ Пушкина. Проф. Евг. Будде	229
3. Взглядъ Пушкина на современную ему французскую литературу. Прив.-доц. П. Н. Сакулина	372
4. Пушкинъ и журнальный тріумвиратъ 30-хъ годовъ. А. Г. Фомина	451
5. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1828 и 1829 гг. Н. О. Лернера	I
6. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1830 года. П. О. Морозова	L
7. Дядя и племянникъ. Н. К. Пиксанова	LXII

II.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТАТЬИ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ.

1830—1836.

	стр.		стр.
906. Новыя выходы противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи	1	935. Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона	10
907. Отдавая полную справедливость	1	936. Буквы, составляющія Славянскую Азбуку. Eno et Kael	10
908. Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе	2	937. Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ	11
909. Будучи русскимъ писателемъ	2	938. Пословицы	11
910. Будемъ справедливы	3	939. О приличіи въ литературѣ	11
911. О китайскихъ анекдотахъ	3	940. О драмѣ	12
912. У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей	3	941. Дѣтскія книжки	16
913. Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ	3	942. Записки П. В. Нащокина, имъ диктованныя въ Москвѣ (1830).	30
914. Перечитывая самыя бранчивыя критики	4	943. Пора Баратынскому занять на Русскомъ Парнассѣ мѣсто	32
915. Къ стати, началъ я писать съ 13-лѣтняго возраста	4	944. О Дельвигѣ	35
916. Возвращаясь изъ путешествія	4	945. Стихотворенія Делорма и Сентъ-Бева	36
917. Самъ съѣвъ	4	946. Торжество Дружбы или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ	40
918. Отчего издателя «Лит. Газ.» и его сотрудниковъ называютъ аристократами	5	947. Нѣсколько словъ о мизиндѣ г. Булгарина и о прочемъ	44
919—20. Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что правдѣ мой	5	948. Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-поэтический	46
921. Возвращаясь изъ подѣ Арзрума	6	949. О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ Св. Мѣстамъ	46
922. Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что я мѣщанинъ въ дворянствѣ	6	950. Москва была освобождена	46
923. Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ	7	951. О приказахъ	48
924. Между прочимъ литературными обвиненіями	8	952. Термины соколиной охоты	48
925. Шутки нашихъ критиковъ	8	953. Исторія Пугачевского Бунта	49
926. Молодой Кирѣевскій	8	954. О сочин. Катенина	228
927. Мелкія замѣтки грамматическаго характера	9	955. Шайлокъ, Анджео и Фальстафъ Шекспира	246
928. Езуитъ Поссевинъ	9	956. Моцартъ и Сальери	246
929. Форма цифръ арабскихъ	10	957. Мысли на дорогѣ	247
930. Отелло отъ природы не ревнивъ	10	958. Кирджали	263
931. Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію	10	959. Матеріалы для Исторіи Петра Великаго	266
932. Divide et impera	10	960. Камчатскія дѣла	280
932-а. Какой-то лордъ	10	961. Путешествіе В. Л. Пушкина	288
933. О дамахъ	10	962. Замѣчанія на Пѣснь о Полку Игоревѣ	289
934. Многіе негодуютъ на журн. критику	10	963. О русской литературѣ, съ очеркомъ французской	292
		964. Лордъ Байронъ	296
		965. Объ исторіи Пугачевского Бунта	298

	стр.		стр.
966. Записки Бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года	306	983. Эракійскія Элегіи. Стихотворенія Виктора Теплякова	365
967. О «Трехъ Повѣстьяхъ» Павлова .	325	984. Объ обязанностяхъ челоѣка. Сочиненія Сильвіо Пеллико	369
968. Объ исторіи поэзіи Шевырева .	325	985. Словарь о Святыхъ	370
969. Выписки изъ Чети-Миней	326	986. Примѣчаніе къ повѣсти Гоголя «Носъ»	389
970. Преподобный Савва Сторожев- скій	326	987. Новый романъ	389
971. Собраніе сочиненій Георгія Ко- нискаго	327	988. Примѣчаніе къ письму А. Б. о статѣ Гоголя	389
972. Вастола или желанія	335	989. Отъ редакціи	389
973. Вечера на хуторѣ близъ Ди- канки	336	990. Объясненіе	390
974. Примѣчанія къ разсказу Султанъ Казы-Гирея «Долина Ажитугай»	336	991. Отъ редакціи	391
975. Александръ Радищевъ	336	992. Кавалеристъ-дѣвица	391
976. Россійская Академія	342	993. Ключъ изъ Ист. Гос. Росс.	391
977. Записки Дуровой	344	994. Анекдоты [Table Talk]	392
978. О хроникѣ Русскаго	345	995. Примѣчаніе къ «Отрывку изъ рукописи Карамзина» о древней и новой Россіи	402
979. О статьяхъ А. Б. и Косичкина .	345	996. О Мильтонѣ и Шатобрианомъ переводѣ Потеряннаго Рая	402
980. Миѣніе М. Е. Лобанова о духѣ Словесности какъ иностранной, такъ и отечественной	345	997. Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ	406
981. Вольтеръ	349	998. Желѣзная-Маска	407
982. Джонъ Теннеръ	352		

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ и НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЯ ПРОГРАММЫ.

999. Отрывки изъ лицейскихъ запи- сокъ	410	1016. О Бахчисарайскомъ фонтанѣ . .	420
1000. Списокъ лицейскихъ стихотво- реній	412	1017. О Братяхъ разбойникахъ	420
1001. Остатки Кишиневскаго дневника	413	1018. О Цыганахъ	420
1002. Изъ записной книжки	413	1019. О графѣ Нулинѣ	421
1003. Остатки программы поэмы изъ исторіи X-XI вѣковъ	413	1020. Объ Евгеніи Онѣгинѣ	423
1004. Программы поэмы изъ разбой- ничей жизни	414	1021. О Полтавѣ	425
1005. Программы «Вадима»	414	1022. Родословная Пушкиныхъ и Ган- вибаловъ	427
1006. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ	415	1022а. Программа записокъ	429
1007. Пушкинъ какъ бы посторонній о своемъ «Демонѣ»	415	1022б. Записки объ изданіи газеты . .	430
1008. Воображаемый разговоръ съ Александромъ I	415	1023. Отклики на событія 1831 года .	431
1009. О Малороссіи	416	1024. О дворянствѣ	433
1010. Остатки Автобіографіи	416	1025. О новѣйшихъ романахъ	433
1011. Программа драмы изъ эпохи Ца- ревны Софіи	417	1026. Замѣтки о холерѣ	434
1012. Встрѣча съ Кюхельбекеромъ . .	418	1027. Программа и замѣтки по изд. газеты	435
1013. О Борисѣ Годуновѣ	418	1028. О Дуровѣ	435
1014. О Русланѣ и Людмилѣ	420	1029. Державина видѣлъ я только однажды	436
1015. О Кавказскомъ Пльнникѣ	420	1030. Программа записокъ о Кишинев- скомъ періодѣ	437
		1031. Программа драмы о Папессѣ Іоанинѣ	437
		1032. Дневникъ Пушкина	438

ПИСЬМА ПУШКИНА.

	СТР.
1815—1819	
1. И. И. Мартынову. 28-го ноября 1815 г.	493
2. Князю П. А. Вяземскому, 27-го марта 1816 г.	493
3. В. Л. Пушкину Первая половина января 1817 г.	494
4. В. А. Жуковскому. Лето 1817 г.	494
5. Князю П. А. Вяземскому. 1-го сентября 1817 г.	494
6. В. А. Жуковскому. Июль 1819 г.	494
7. А. И. Тургеневу. 9-го июля 1819 г.	495
8. Н. П. Крыцкову. Вторая половина июля—начало августа 1819 г.	495
9. П. Б. Мансурову. 27-го октября 1819 г.	495
1820	
10. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина марта 1820 г.	495
11. Н. И. Гибдичу. Конецъ апрѣля—начало мая	496
12. П. Я. Чаадаеву, май	496
13. П. Я. Чаадаеву	496
14. Л. С. Пушкину. 24-го сентября	496
15. Н. И. Гибдичу. 4-го декабря	497
1821	
16. А. Н. Раевскому. Мартъ 1821 г.	498
17. Барону А. А. Дельвигу. 23-го марта	499
18. Н. И. Гибдичу. 24-го марта	499
19. Дегилья. 6-го июня	500
20. Л. С. и О. С. Пушкинымъ. 27-го июня	500
21. А. И. Тургеневу. Вторая половина июля	501
22. С. И. Тургеневу. 21-го августа	501
23. Н. П. Гречу. 21-го сентября	501
24. В. О. Раевскому	502
25. Неизвѣстному	502
1822	
26. В. П. Горчакову. 1821—1822 г.	502
27. Князю П. А. Вяземскому. 2-го января 1822 г.	502
28. Л. С. Пушкину. 24-го января	502
29. А. П. Полторацкому. Январь	503
30—31. Н. И. Гибдичу. 29-го апрѣля	503
32. П. А. Катенину. Конецъ апрѣля—май	504
33. Н. И. Гибдичу. 13-го мая	504
34. А. А. Бестужеву. 21-го июня	505
35. Н. И. Гибдичу. 27-го июня	505
35-bis. П. А. Катенину. 19-го июля	506
36. Л. С. Пушкину. 21-го июля	506
37. Князю П. А. Вяземскому. 1-го сентября	506
38. Л. С. Пушкину. 4-го сентября	507
39. Я. Н. Толстому. 26-го сентября	508
40. Н. И. Гибдичу. 27-го сентября	508
41. Л. С. Пушкину. Сентябрь—октябрь	509
42. Л. С. Пушкину. 18-го октября	509
43. П. А. Плетневу. Октябрь—ноябрь	509
44. Неизвѣстной	510

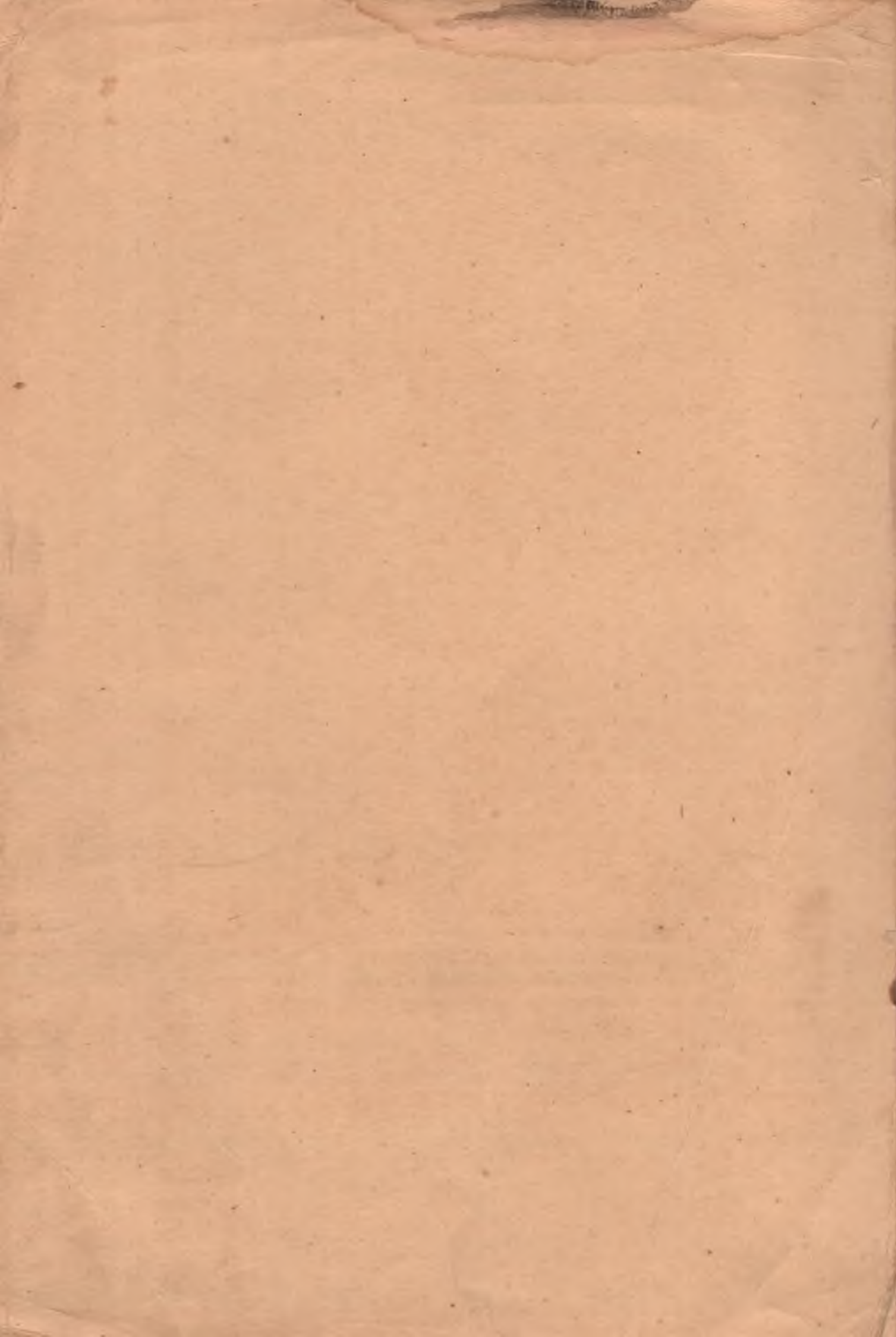
1823

СТР.

45. Князю П. А. Вяземскому. Конедъ декабря 1822 г.—начало января 1823 г.	510
46. Л. С. Пушкину. Начало января 1823 г.	511
47. Графу К. В. Нессельроде. 13-го января	511
48. Л. С. Пушкину. 30-го января	511
49. В. П. Горчакову. Конедъ января	512
50. Князю П. А. Вяземскому. 6-го февраля	512
51. Князю П. А. Вяземскому. 5-го апрѣля	513
52. А. А. Бестужеву. 13-го іюня	513
53. А. А. Шишкову. Іюль-декабрь	514
54. Князю П. А. Вяземскому. 19-го августа	514
55. Л. С. Пушкину. 25-го августа	515
56. Князю П. А. Вяземскому. 14-го октября	515
57. А. Н. Раевскому (?) Вторая половина октября	516
58. Ф. Ф. Вигделю. Ноябрь	516
59. Князю П. А. Вяземскому. 4-го ноября	517
60. Князю П. А. Вяземскому. Между 4-мъ и 11-мъ ноября	518
61. Князю П. А. Вяземскому. 11-го ноября	518
62. Барону А. А. Дельвигу. 16 ноября	518
63. Неизвѣстнымъ дамамъ. Ноябрь-декабрь	519
64. А. И. Тургеневу. 1-го декабря	519
65. П. Н. Инзову. Послѣ 8-го декабря	520
66. Князю П. А. Вяземскому 20-го декабря	520

1824

67. Л. С. Пушкину. Начало января 1824 г.	520
68. А. А. Бестужеву. 12-го января	521
69. О. В. Булгарину. 1-го февраля	522
70. А. А. Бестужеву. 8-го февраля	522
71. Князю П. А. Вяземскому. 8-го марта	523
72. Князю П. А. Вяземскому. (?) Первая половина марта	523
73. Л. С. Пушкину. 1-го апрѣля	523
74. Князю П. А. Вяземскому. Начало апрѣля	524
75. Издателью «Сына Отечества». Начало апрѣля	525
76. А. И. Казначееву. 25-го мая	526
77. А. Н. Раевскому. (?) Іюнь	526
78. А. Н. Раевскому. (?) Іюнь	526
79. А. И. Казначееву. Начало іюня	526
80. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина іюня	526
81. Л. С. Пушкину. 13-го іюня	527
82. Князю П. А. Вяземскому. Середина іюня	527
83. Н. В. Всеволожскому. Вторая половина іюня	528
84—6. А. А. Бестужеву. 29-го іюня	528
85—7. Князю П. А. Вяземскому. (?) 5-го іюля	529
88. А. И. Тургеневу. 14-го іюля	529
89. Князю П. А. Вяземскому. 15-го іюля	529
88-bis. И. С. Зеновичу. 8-го августа	530
89-bis. И. М. Рокотову. Августъ-сентябрь	530
90. А. Н. Вульффу. 20-го сентября	530
91. П. А. Плетневу. Сентябрь-октябрь	530
92. Н. И. Кривцову. Сентябрь-октябрь	530
93. Князю П. А. Вяземскому. 10-го октября	531
94. Княгинѣ В. О. Вяземской. Первая половина октября.	531
95. Л. С. Пушкину. Конедъ октября	531
96. Б. А. Адеркасу. Конедъ октября	532
97. В. А. Жуковскому. 31-го октября	532
98. Л. С. Пушкину. Ноябрь	533
99. Л. С. Пушкину. Начало ноября	533
100. В. А. Жуковскому. Первая половина ноября	533
101. Л. С. Пушкину. Вторая половина ноября	533
102. Князю П. А. Вяземскому. 29-го ноября	534
103. В. А. Жуковскому. 29-го ноября	534
104. Д. М. Княжевичу. (?) Начало декабря	534
105. Л. С. и О. С. Пушкинымъ. 4-го декабря	535
106. А. Г. Родзянкѣ. 8-го декабря	536
107. Л. С. Пушкину. Первая половина декабря	536
108. Барону А. А. Дельвигу. Середина декабря	536
109. Л. С. Пушкину. Вторая половина декабря	538
110. Л. С. Пушкину. Вторая половина декабря	538

1825

СТР.

111. К. О. Рылѣву. 25-го января 1825 г.	538
112. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января	539
113. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января	539
114. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января	540
115. А. А. Бестужеву. Конецъ января	540
116. Л. С. Пушкину. Первая половина февраля.	540
117. Князю П. А. Вяземскому. 19-го февраля.	541
118. Н. И. Гнѣдичу. 23-го февраля.	541
119. Л. С. Пушкину. Конецъ февраля—начало марта.	542
120. А. Н. Вульфъ. Мартъ	542
121. Л. С. Пушкину. 14-го марта	542
122. Л. С. Пушкину. 14-го марта	543
123. Л. С. Пушкину и П. А. Шетневу. 15-го марта	543
124. Л. С. Пушкину. Средина марта.	543
125. Барону А. А. Дельвигу. Средина марта	543
126. А. А. Бестужеву. 24-го марта	543
127. Княгинѣ В. О. Вяземской. 24-го марта.	544
128. Л. С. Пушкину. 27-го марта.	544
129. Л. С. Пушкину. Начало апрѣля	545
130. Князю П. А. Вяземскому. 7-го апрѣля	545
131. Л. С. Пушкину. 17-го апрѣля.	546
132. Князю П. А. Вяземскому. Средина апрѣля	546
133. Л. С. Пушкину. 22-го и 23-го апрѣля	546
134. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ апрѣля	547
135. Л. С. Пушкину. Конецъ апрѣля.	547
136. Князю П. А. Вяземскому. 25-мая	447
137. К. О. Рылѣву. Конецъ мая	548
138. В. А. Жуковскому. Конецъ мая—начало іюня	548
139. Императору Александру I. Конецъ мая—начало іюня.	549
140. А. А. Бестужеву. Конецъ мая—начало іюня	449
141. Барону А. А. Дельвигу. Первая половина іюня	550
142. К. О. Рылѣву. Вторая половина іюня	550
143. В. А. Жуковскому. Іюнь-іюль	551
144. Князю П. А. Вяземскому. Начало іюля	551
145. Князю П. А. Вяземскому. 13-го іюля	552
146. Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ. 21-го іюля.	552

